

ВОСТОЧНАЯ
ПРУССИЯ

ВОСТОЧНАЯ
ПРУССИЯ

Königsberg (Pr)

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ
АДМИНИСТРАЦИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КОНЦА ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КАЛИНИНГРАДСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1996

Редакционная коллегия:

Г. И. Щеглова (руководитель), В. И. Гальцов, В. С. Исупов (главный редактор), В. И. Кулаков, Г. В. Кретинин, В. В. Сергеев, А. Н. Федорова.

Авторский коллектив:

В. И. Гальцов, доцент, кандидат исторических наук (гл. 5, 6); В. С. Исупов, кандидат исторических наук (гл. 2, 3, 4, 6, 10, 13, 14, 15); В. И. Кулаков, профессор, доктор исторических наук (гл. 1); Г. В. Кретинин, доцент, кандидат военных наук (гл. 5, 7, 9, 11); М. А. Клемешева, доцент, кандидат исторических наук (гл. 12, 13, 14, 15); К. К. Лавринович, профессор, доктор физико-математических наук (гл. 3, 8); В. В. Сергеев, профессор, доктор исторических наук (гл. 8, 9).

Рецензенты:

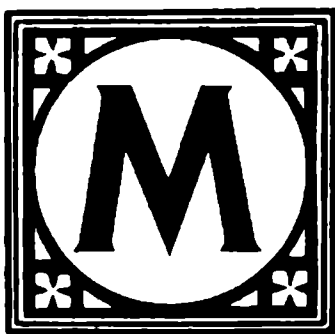
К. Б. Виноградов, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Санкт-Петербургского государственного университета; К. А. Смирнов, доктор исторических наук Института археологии РАН.

В 0503020900—008
М144 (03)—96 без объявл.

ISBN 5—85500—462—7

© Авторский коллектив. Руководители:
В. С. Исупов, Г. В. Кретинин. 1996.

© Е. В. Поляков. Оформление, 1996.

ы назвали эту книгу «Восточная Пруссия», хотя она посвящена событиям, относящимся

к истории всей Пруссии с древнейших времен. Но этому есть объяснение.

Понятие «Восточная Пруссия» появилось официально как административное обозначение территории в 1772 г., после первого раздела Польши. Тогда прусский король Фридрих II в качестве своей доли получил часть старых орденских земель, находившихся с 1466 г. (по 2-му Торнскому миру) во владении польской короны. Поляки именовали эти земли королевской Пруссией. Таким образом, понятие Восточная Пруссия существовало около двухсот лет.

Другая часть орденских земель во главе с Кенигсбергом называлась орденской Пруссией. Эти две части древней Пруссии и легли в основу новых территориальных образований: Западная Пруссия и Восточная Пруссия. Восточная и западная части провинции Пруссии фактически всегда развивались как единое целое, хотя не раз в XIX и первой трети XX вв., в зависимости от политических обстоятельств, они то объединялись, то разъединялись.

И все же при всей расплывчатости этого понятия авторы книги предпочли название — Восточная Пруссия.

В этом решении сыграл свою роль своеобразный образ Восточной Пруссии, сложившийся в сознании наших соотечественников. Этот образ более красочен и эмоционален, чем представление о Пруссии в целом. Он связан с Россией, с нашествием крестоносцев на русские земли и битвой на Чудском озере, с событиями Семилетней войны (1756—1762 гг.), с походом наполеоновских войск на Москву и бегством французов из нее, с по-

ражением русских армий Самсонова и Ренненкампа на восточнопрусских полях, наконец, с нападением фашистов на нашу страну в июне 1941 г. Кроме того, в памяти поколений отложилось множество разного рода политических, юридических, религиозных эпизодов истории, почерпнутых из пропагандистской литературы о Восточной Пруссии и составивших определенную систему догм. К сожалению, и наши историки внесли в это лепту, до недавнего времени рассматривая Пруссию (Восточную Пруссию) явно с идеологически заданных позиций.

Авторы книги ставили себе цель — следовать строгим требованиям исторической достоверности. Там, где сталкивались разноречивые и даже противоположные сведения, за основу бралось то, что казалось наиболее созвучным той или иной эпохе или периоду.

В научный оборот введено значительное количество интересных документов и материалов, хранящихся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда), Калининграда, Германии, Польши, Литвы.

Богатую информацию по древней истории пруссов дали археологи. В 1947—1958 гг. на территории Калининградской области работал (с перерывами) археологический отряд под руководством Ф. Д. Гуревич. Результаты его первых в послевоенный период исследований древностей пруссов были обобщены в 1960 г.¹ В шестидесятые годы объекты эпохи неолита изучали Н. Н. Гурина и В. С. Титов. В 1969—1984 гг. раскопки древних поселений в местечке Цедмар (Нестеровский район) проводил ленинградский археолог В. И. Тимофеев. С 1974 г. исследования памятников археологии в области ведутся Балтийской экспедицией Института археологии Российской Академии наук. Итогом ее работы за двадцать лет стала монография, посвященная раннесредневековой истории пруссов².

Важные сведения почерпнуты из трудов ученых XVII—XVIII вв. К. Гарткноха, К. Гельвиха, Г. К. Пизанского, в которых обобщены и дополнены этнографической информацией данные, основанные на местной устной традиции (письменные источники до нашего времени не дошли), отраженные в текстах Эразма Стеялы, Энея Сильвия, Симона Грунау и Лукаса Давида (XV—XVI вв.). Не обойдены вниманием и статьи Х. Ф. Ройша, вышедшие в Кенигсберге в первой половине XVIII в. и содержащие результаты первых раскопок прусских могильников X—XI вв.

Естественно, что в ходе работы над книгой, предлагаемой читателю, возникла необходимость познакомиться с деятельностью в Кенигсберге Физико-экономического общества (1790 г.) и Общества по изучению древностей «Пруссия» (1844 г.). Оба научных коллектива на профессиональном уровне занимались исследованием протоистории Пруссии, частично на базе местного университета Альбертина. Отделения обществ существовали и в других крупных городах Пруссии. Главная их заслуга в том,

что они воспитали немало видных археологов. Среди них — создатель хронологии памятников железного века Отто Тишлер, его продолжатели Генрих Кемке и Адальберт Бецценбергер, директора музея «Пруссия» Вильгельм Герте и Карл Энгель. Хронология прусских древностей стала в начале XX в. основой для датировок археологических находок всего Балтийского региона.

Богата источниками история Тевтонского орденового государства. В частности, увлекательное повествование о завоевании Пруссии орденом крестоносцев содержит «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга, одного из прозорливых историков своего времени, хотя и не свободного от личных пристрастий и увлечений в описании событий и героев рыцарской корпорации. Яркое представление о роли католической церкви в создании духовно-рыцарских орденов и организации крестовых походов дают буллы римских пап. Полная и детально выписанная картина орденового периода содержится в произведениях Г. Пруца, В. Хубача, Й. Бачко, В. Кюттлера, в фундаментальном труде И. Фойгта «История Пруссии с древнейших времен до падения власти Немецкого ордена», в работах Ф. Гаузе, Б. Йенига, в сочинениях, опубликованных в сборниках «Прусские исследования», выпускавшихся исторической комиссией по краеведению Восточной и Западной Пруссии в 1924—1943 гг. и переизданных в 1989 г.

Из польских историков, внесших значительный вклад в разработку указанной темы, следует отметить М. Бискупа, Г. Лабуду, К. Гурского, Х. Ловиньского, С. Кучиньского и ряд других.

При освещении истории отношений России и Восточной Пруссии в XVI—XVII вв. в книге использованы работы Э. Йоахима (изучал политику Альбрехта Бранденбургского, впервые ввел в научный оборот массу документов из архивов Германии, Прибалтики, Скандинавии), а также Х. Тройчке и Т. Шимана, К. Форстройтера, написавшего лучшее из специальных немецких исследований «Пруссия и Россия от основания Немецкого ордена до Петра Великого». Интересные сведения почерпнуты из отечественной историографии, в частности из работ Г. В. Форстена и В. Н. Балязина.

Следует отметить, что российско-пруссские отношения начала XVIII в. изучались русскими историками (В. С. Бобылевым, В. Е. Возгриным, М. Н. Молчановым, Л. А. Никифоровым и другими) лишь в свете европейской политики Петра I. Комплексных исследований этой темы (с акцентом на Восточную Пруссию) до сих пор нет.

Проштудированы большие коллекции документов и материалов, относящихся к последней трети XVII и началу XVIII вв. и находящихся в центральных российских архивах. Среди них фонд № 25 «Кенигсбергская канцелярия» (Российский архив древних актов). Он сформирован из документов канцелярий русских

губернаторов Пруссии, управлявших в 1758—1762 гг. территорией, занятой русскими войсками в ходе Семилетней войны.

Периоду Семилетней войны посвящена обширная литература. Среди немецких авторов особое место занимает король Фридрих II, оставивший нам свою «Историю Семилетней войны» — источник, дающий событиям субъективное освещение и наложивший яркий отпечаток на большинство последующих описаний и исследований. Дополнением к этой «Истории...» являются работы современников и участников войны и официальные материалы эпохи. Затем появляется длинная серия специальных исследований Х. Газенкампа, Л. Ранке, О. Германа, Х. Г. Дельбрюка, Ф. Меринга и других. Все они интересны тем, что в той или иной мере касаются русско-прусских отношений, но, к сожалению, заключают в себе тенденцию выгодно показать, например, деятельность прусской армии и, наоборот, сгустить отрицательные краски при характеристике российских войск.

Во второй половине XIX в. в России вышли специальная работа Д. Масловского «Русская армия в Семилетнюю войну», ставшая, по сути, историей войны, труды В. Бильбасова, А. Брикнера, Е. Щепкина и другие. Заслуживают отдельного разговора воспоминания А. Болотова, который дал блестящее описание жизни и быта Пруссии и Кенигсберга, отношений русских и немцев.

В советский период этой проблеме уделялось мало внимания. Отметим лишь монографию профессора Н. Коробкова «Семилетняя война. 1756—1762» и сборник документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива 1948 г.

При анализе литературы о наполеоновских войнах следует выделить два периода: война 1806—1807 гг. между Францией, с одной стороны, Россией и Пруссией, с другой; пребывание Пруссии под французским владычеством, поход Наполеона в Россию в 1812 г. и освободительная война в Германии в 1813 г.

Один из наиболее подробных анализов войны 1806—1807 гг. принадлежит немецкой историографии. Речь идет о четырехтомнике О. Леттова-Форбека. С русской стороны эта война описана в работах историка А. Михайловского-Данилевского, в воспоминаниях главнокомандующего русской армией Л. Беннигсена. А ее финал — Тильзитский мир — обстоятельно исследовали французский историк А. Вандаль, а с русской стороны — А. Трачевский, С. Татищев, Ф. Мартенс, Н. Шильдер и многие другие.

Недостаточно исследована тема наполеоновского господства в Пруссии и конкретно — в Восточной Пруссии. Немецкие историки ограничивались публикациями сборников документов, таких, например, как «Освободительная война в Германии», вышедшего в 1964 г.

Периоду 1812—1813 гг. посвящен сборник материалов из различных российских архивов: «Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии...» Отдельные вопросы, затрагивающие участие в наполеоновских войнах Рос-

сии и Пруссии на территории Восточной Пруссии, отражены во многих фундаментальных работах таких крупных ученых, как К. Клаузевиц, Е. Тарле, А. Манфред, и других.

История Восточной Пруссии XIX в., первой трети XX в. имеет значительную зарубежную историографию. Первенство в ней принадлежит немецким ученым, издающим как общие труды очеркового, обзорного характера, так и специальные исследования конкретных проблем. Из общих работ можно отметить сборники «Современная прусская история периода с 1648 по 1947 гг.», «Восточная и Западная Пруссия» под редакцией Э. Файзе, книгу Б. Шумахера «История Восточной и Западной Пруссии». Вопросам социально-экономической, политической и культурной жизни провинции посвящены специальные исследования Х. Белке «Прусское правительство в Кенигсберге в 1808—1850 гг.», К. Грёбена «Общественное управление в поле напряженности на примере Восточной Пруссии», В. Хубача «История евангелической церкви в Восточной Пруссии», ряд работ польских историков, в частности Я. Ясиньского «История Крулевца. Очерки XIII—XX столетий» и других. Польских историков интересует прежде всего роль поляков в составе населения Восточной Пруссии. Под этим углом зрения они изучают и восточнопрусскую историю.

Отечественной историографией история Восточной Пруссии XIX—первой трети XX вв. не изучена как целостный, многофакторный процесс и не представлена широкому кругу читателей. Преобладают общие работы по немецкой тематике, в которых восточнопрусские сюжеты занимают подчиненное и второстепенное место. Краеведческая же литература, изданная в Калининграде в последние годы, отличается избирательным подходом к освещению восточнопрусской истории 1815—1933 гг. и предлагает лишь фрагментарные сведения из жизни восточной провинции. Главная причина такого состояния отечественной историографии Восточной Пруссии видится в отсутствии доступных источников.

Обширная отечественная литература посвящена первому периоду войны 1914—1918 гг. Участию России в этой войне, особенно операции в Восточной Пруссии, уделялось много внимания в СССР еще в 20—30-х гг. Так, в 1920—1923 гг. был издан семитомник «Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.». Непосредственно перед второй мировой войной вышли в свет сборник документов «Восточно-Прусская операция» и оперативно-тактический очерк Ф. Храмова «Восточно-Прусская операция 1914». Наиболее доступной в наше время является монография профессора А. Строкова «Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне».

Однако во многих отечественных трудах некритически использована источниковедческая база, в основе которой лежат воспоминания немецких военачальников — участников описываемых событий П. Гинденбурга, Э. Людендорфа. И в то же

время архив первой мировой войны остается во многом не обработанным.

История Восточной Пруссии, в период от Веймарской республики до ликвидации этой восточной провинции, освещается авторами на основе немецких и российских источников, документов местных архивов, воспоминаний участников Восточно-Прусской операции.

Книга «Восточная Пруссия» создавалась в обстановке новых складывающихся реалий в мире, когда политическое и военное противоборство между государствами постепенно уступает место здравому смыслу, пониманию того, что все мы, в сущности, люди, сотворенные для общежития и взаимного благополучия. Авторы писали эту книгу в надежде на то, что она послужит еще одним фактором в развитии и укреплении конструктивного российско-германского сотрудничества и поможет в какой-то степени окончательному преодолению ряда негативных аспектов прежних отношений между двумя великими народами.

Содержание книги в основном замыкается рамками истории края, но с выходом на Германию и в целом на Балтийский регион. Акцент же сделан на исторические российско-пруссские связи.

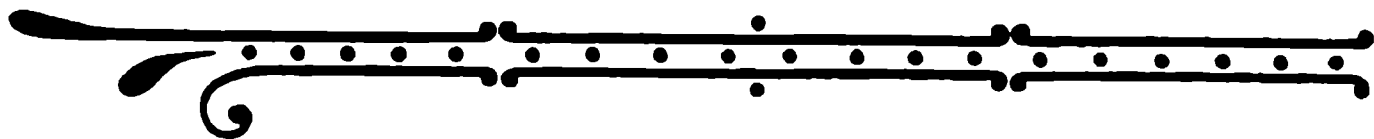
Было бы несправедливо утверждать, что в книге удалось рассказать все о древней земле Пруссии. Многие специальные вопросы в ней опущены. Фрагментарно говорится о развитии культуры, искусства, художественных ремеслах. Однако авторы надеются, что читатель увидит в ней, какой сложной, порой трагической была история края, ставшего ныне Калининградской областью.

В ходе работы над книгой мы пользовались добрыми советами и прямой помощью сотрудников Государственного архива Калининградской области, за что выражаем им свою признательность. Сердечно благодарим доктора Бернхарта Йенига — старшего советника Берлинского тайного государственного архива Прусского культурного наследия — за квалифицированную консультацию по некоторым вопросам прусской истории и предоставление нам ряда необходимых документов и материалов.

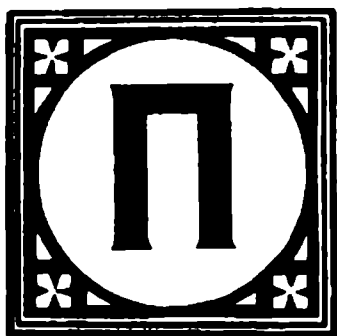
Данная книга вряд ли могла появиться, если бы не поддержка главы администрации Калининградской области Ю. С. Маточкина, чьим постановлением создана научно-творческая лаборатория при комитете по делам архивов, которая и подготовила это издание.

I ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДРЕВНИХ ПРУССАХ

АРХЕОЛОГИ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

ризнанный авторитет в прибалтийской лингвистике К. Буга названия Самбия (Калининградский полуостров) и Натангия (берег Калининградского, или Вислинского, залива) — территорий, где жили пруссы, переводил как «община», «братство», «простой народ»³.

В эпоху каменного века (палеолита), примерно шесть тысячелетий назад, территория нынешней Калининградской области уже была свободна от ледников и покрыта мощным лесным массивом. Остатки его сохранились в юго-восточной части (ныне Краснознаменский район) и были известны в средневековье под названием «Великая пустошь». Низовья и поймы рек Прегеля и Немана представляли заболоченную местность, а юго-западная часть дельты Немана переходила в сплошное болото.

Были и степные участки. В 1982 г. московские ученые взяли пробы грунтов из погребений могильника Ирзекапинис (окрестности г. Зеленоградска), вскрытого Балтийской экспедицией. К их удивлению, в древнем грунте количество пыльцы лиственных и хвойных деревьев оказалось незначительным, преобладала пыльца степных растений — полыни и ковыля. Видимо, в VIII—IX вв. произошло очередное колебание вод Балтийского моря и влажность воздуха в прибрежной зоне резко пошла на убыль. Однако климат Самбии и прилегающих к ней территорий не стал от этого степным. Он был умеренно теплым и влажным.

Ученые утверждают, что уровень моря до V в. н. э. превышал современный на 2,5—4 метра. Контуры береговой линии напоминали нынешние. Лишь Куршская и Балтийская косы под влиянием ветров и морских течений превращались то в целые архипелаги небольших островов, то приобретали формы достаточ-

но крупных площадей суши. Бушующая стихия разрушала и береговую полосу моря, которая каждые сто лет становилась уже на десять метров. Целые деревни поглощались разъяренными водами. Людям приходилось переселяться на новые места. И все-таки, пережив бедствия, они возвращались обратно.

Первых переселенцев, естественно, привлекали сюда не морские просторы и самбийские песчаные пляжи, а благодатная охота на северного оленя. Это экзотическое животное, известное сейчас лишь в приполярной зоне Евразии, вплоть до эпохи раннего голоцена (по геологическим меркам практически до начала современности) своими миграционными тропами в поисках богатых кормом пастбищ пересекало значительную часть территории Восточной Европы. С его перемещениями была тесно связана судьба древнего человека Самбии. Примечательно, что современные саамы Швеции и Финляндии и народы севера России по-прежнему большую часть жизни проводят в пути, двигаясь по маршрутам оленьих стад.

Археологические находки показывают принадлежность первых поселенцев прусской земли к позднепалеолитическим культурам. В эпоху мезолита (среднего каменного века) на востоке области, в бассейне реки Шешупе, возникла группа поселений, имевшая инвентарь, изготавливаемый вручную методом скалывания кусков кремня (в ряде случаев — привозного). Археологи связывают их с неманской мезолитической культурой⁴. Отдельные археологические находки в центре области, напротив, принадлежат к древностям кундской мезолитической культуры. Некоторые исследователи считают ее носителей по языку прямыми предками современных финно-угорских народов Балтии и России.

Неолитическое население Пруссии, жившее здесь в III тысячелетии до н. э., занималось главным образом охотой. Густые, полные непуганого зверя (благородного оленя, кабана, первобытного быка-тура) леса создавали прекрасные условия для промысла. Прекращение на этой территории миграции северного оленя компенсировалось с лихвой.

Лесные охотники жили среди богатых рыбой озер в свайных столбовых постройках. В неолитических слоях Цедмара (торфяник, бывший в древности озером, у нынешнего поселка Серово Нестеровского района) найдены топорики из сланцевых пород камня, явно служившие для работы в лесу. Ими подрубались корни деревьев, образовавшийся сухостой заваливался и использовался для строительства жилья. Дома сооружались на помостах, окруженных водой. Это было безопаснее, охраняло жилище от дикого зверя. Рыбу ловили прямо с порога с помощью костяных гарпунов. Но это считалось попутным занятием. Основное время отводилось охоте. Мясо животных готовилось на очагах в плоскодонных сосудах, слепленных вручную и обожженных на кострах. Посуда нередко украшалась орнаментом. Отдельные находки костей домашних животных позволяют

предполагать, что у цедмарских охотников начинало развиваться и скотоводство.

Как свидетельствуют отрывочные сообщения германских археологов, в 1926 г. в северной части современного Калининграда в ходе строительства была разрушена уникальная древняя стоянка — сезонное поселение охотников. В культурных слоях стоянки найдены обломки сосудов, орнаментированных оттисками ямочно-гребенчатых штампов. Такая керамика, как доказано современными специалистами, характерна для населения северо-запада России и Верхнего Поволжья в III тысячелетии до н. э. и свидетельствует о том, что будущая земля пруссов притягивала к себе многие народы.

НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ

а рубеже эпох камня и бронзы, на исходе III тысячелетия до н. э., на берегах Балтийского

моря появились племена, именуемые в современной археологической науке носителями культуры шнуровой керамики. Они давно исчезли с лица земли. Но до сих пор к ним не ослабевает интерес исследователей — лингвистов, антропологов, историков. Чем он вызван? Дело в том, что эти племена являются важным звеном единой цепи становления и развития народов Европы, язык которых в большинстве своем, как установили лингвисты, восходит к общему «предку», называемому условно индоевропейским праязыком.

Термин «индоевропейцы» (арийцы, индоарийцы) имеет сугубо научное, кабинетное происхождение, и возник он среди лингвистов и историков во второй половине XIX в. Его появление связано прежде всего с изучением событий, происходивших на североиндийских и южноиранских землях в IV—III тысячелетиях до н. э., когда формировалось основанное на племенных перемещениях и этнокультурных заимствованиях объединение народов, говоривших на общем языке, следы которого по сей день сохраняются в Индостане и в Европе. Согласно древнеиндийским и раннеиранским источникам, указанные племена именовали своих членов ариями (благородный воин).

Арии занимались кочевым скотоводством, что вынуждало их

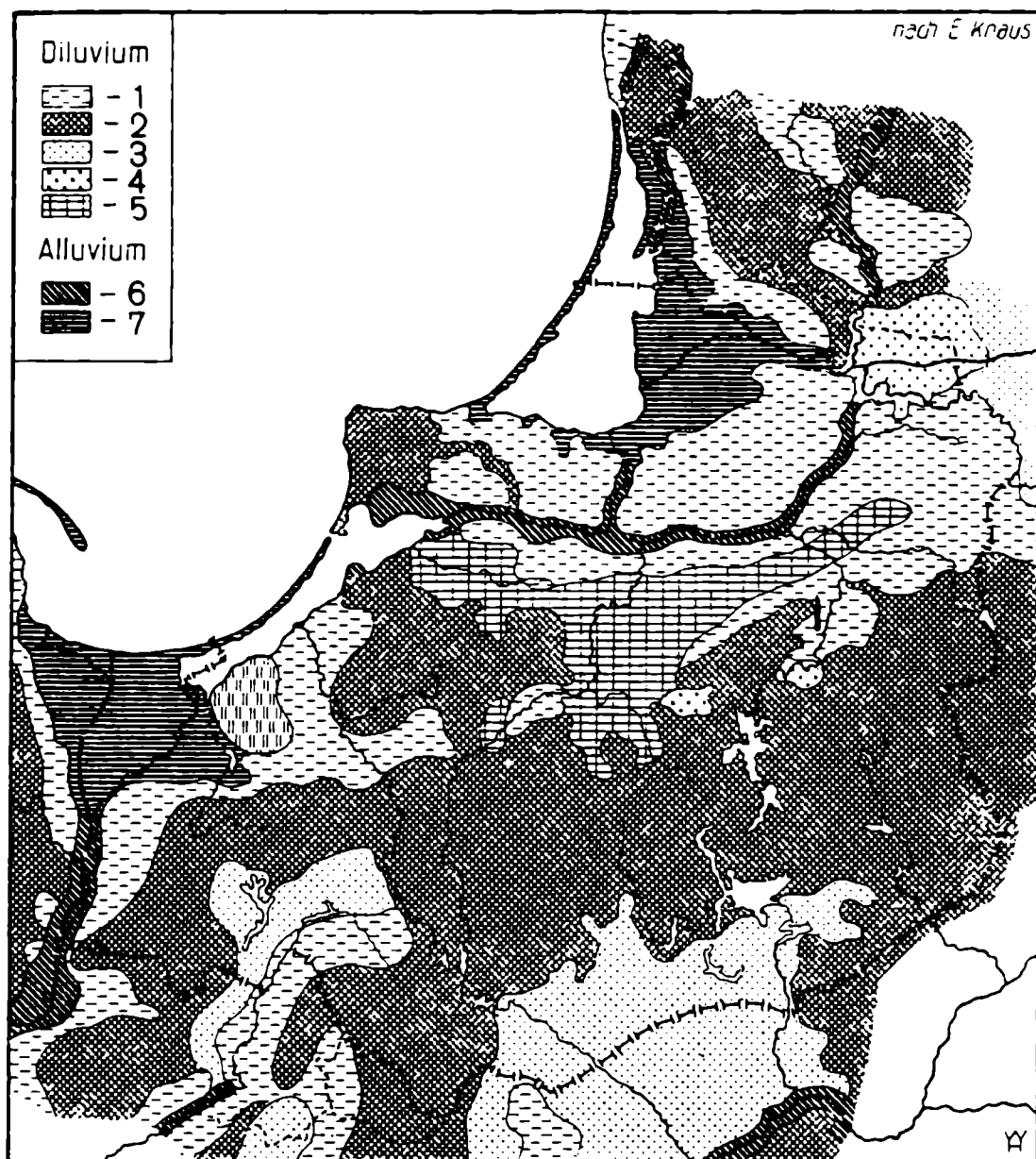
часто покидать освоенные уделы из-за истощения пастбищ и двигаться в поисках богатых разнотравьем новых земель. Сначала их основной путь из районов Северного Кавказа и Закавказья, степей Причерноморья (эти территории многие ученые считают прародиной индоевропейцев) лежал на юго-восток, в сторону Иранского нагорья, затем — в Индию. Познакомившись в глубинах Азии с земледелием, основная масса индоевропейцев, осевшая к югу от реки Инд, через несколько столетий повернула коней снова на запад, в Европу, на этот раз — в поисках благодатной земли под посевы.

Конники-арийцы появились и на будущей прусской земле, принеся с собой так называемую «культуру ладьевидных (боевых) топоров». Это грозное оружие изготовлялось из камня, не уступая по форме изящным бронзовым топорам юга Европы. Арийцы мастерски делали сосуды из глины, украшенные оттисками шнуров и заостренные внизу, что было связано с постоянными перекочевками. Вкапывавшиеся на стоянках острым концом в землю сосуды, перед этим висевшие на веревках по бокам подвижных повозок, были удобны для приготовления и хранения пищи. Редкое местное неолитическое население на этой территории, видимо, переняло обычаи пришельцев.

До сих пор ученые не пришли к единому мнению: являются ли носители культуры шнуровой керамики в Балтии частью выходцев из глубин Азии — «ариев», расселившихся на просторах Европы. Но в пользу этого говорит многое. Керамика, декорированная оттисками витых шнурков, характерная для индоевропейцев, представлена и в древностях нынешней Калининградской области. Она известна на морском побережье, на всем протяжении Куршской косы. Между современными поселками Лесное и Морское некогда существовало более двадцати стоянок со шнуровой керамикой. Последним из археологов их исследовал в 1969 г. московский специалист В. С. Титов. Ныне следы стоянок скрыты постоянно перемещающимися дюнами или полностью уничтожены эрозией почвы.

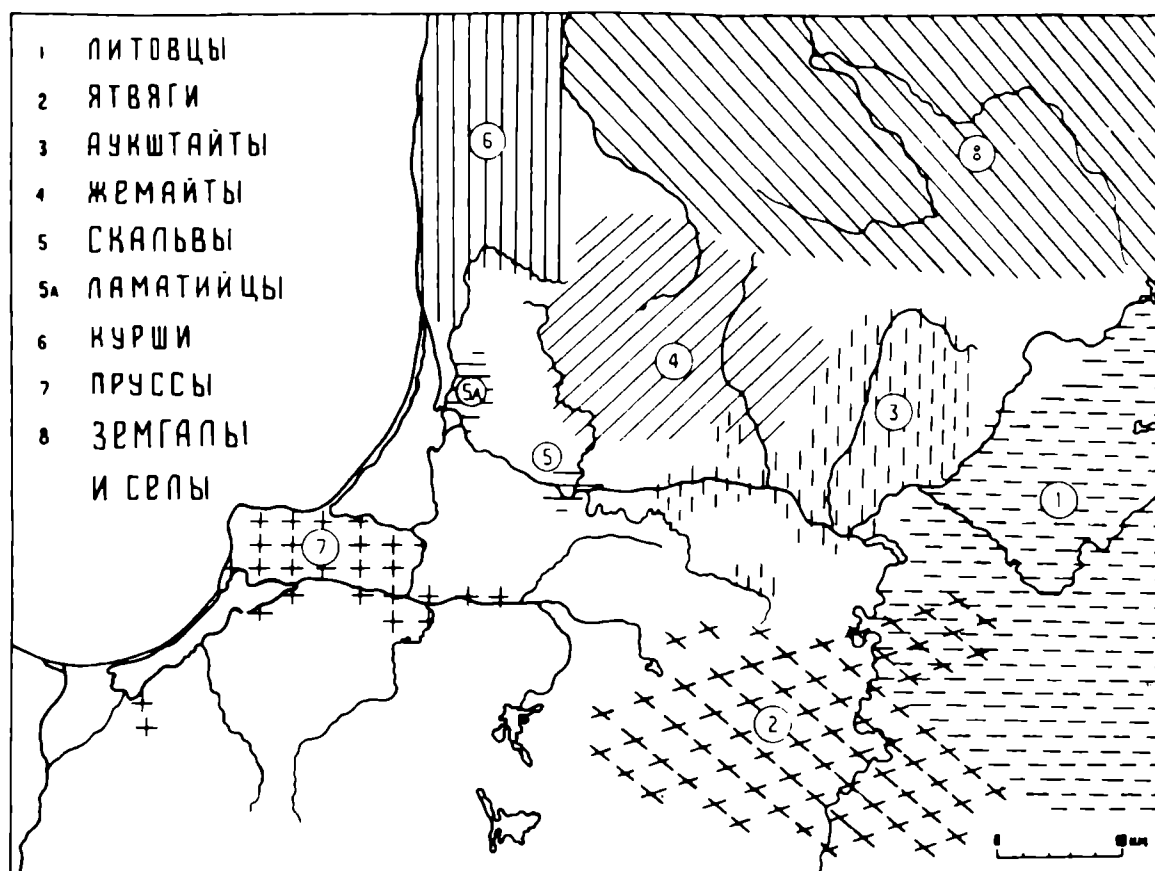
Основной массив находок — фрагменты кубков и крупных по размерам сосудов для хранения съестных припасов. На их поверхности видны, кроме оттисков шнура, насечки, прорезные линии и глиняные налепы. Древние люди наносили этот орнамент, возможно, потому, что их память сохранила образ глиняных емкостей со следами прутьев. Ведь первыми кухонными горшками в Европе служили обмазанные глиной корзины. Со временем и параллельно развитию мировоззрения и культовых идей древних арийцев орнамент стал приобретать смысл оберега, предохранявшего содержимое емкости от действия враждебных неземных сил.

С индоевропейцами связан широко распространившийся на огромных просторах Евразии обычай погребения в кургане, символизировавший в сознании людей вечную жизнь, взаимосвязь земного и потустороннего состояний человеческой души.

КАРТА ПОЧВ ЗЕМЛИ ПРУССОВ:

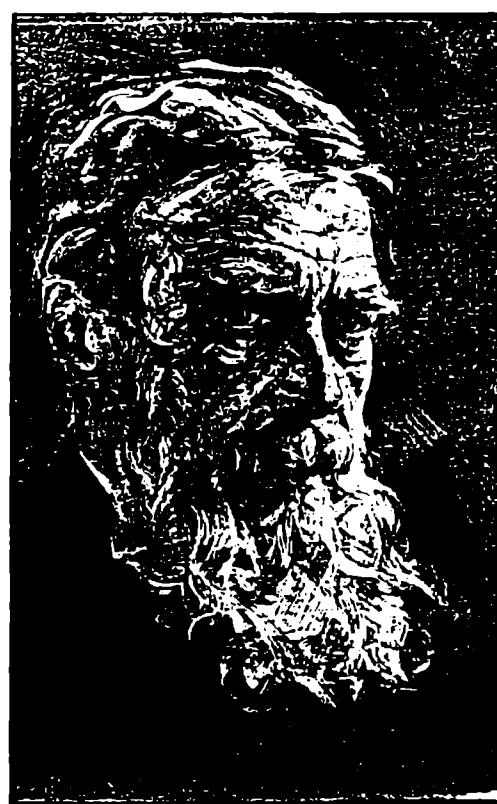
- 1 — коренная морена;
- 2 — территория конечной морены;
- 3 — песчаные плоскости;
- 4 — смешанно-песчаные грунты;
- 5 — долины древних рек;
- 6 — дельты рек и песчаные косы (по Б. Краузу)

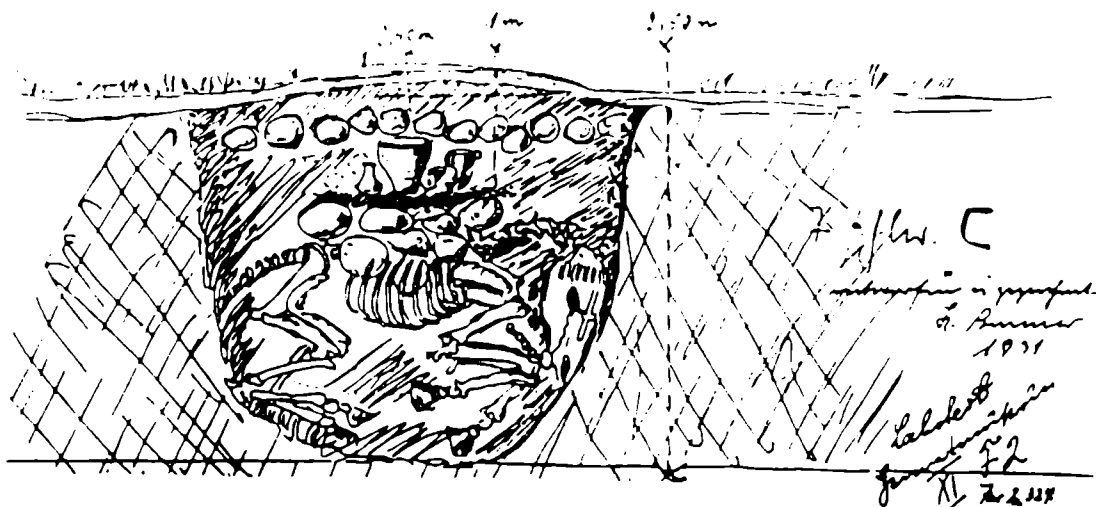
Расселение западнобалтских племен в VI—XIII вв. н. э. (по А. З. Таутавичюсу и В. И. Кулакову)

Основоположник прусской археологии Отто Тишлер (1844—1891 гг.)

Археолог и лингвист Адальберт Беценбергер (1851—1922 гг.)

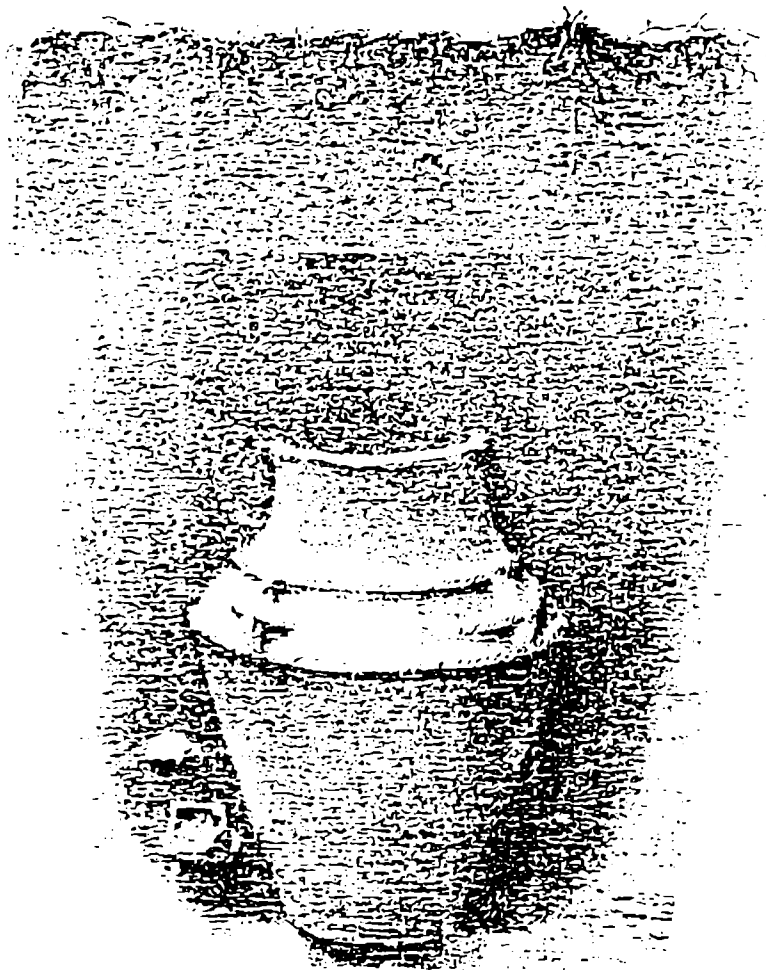

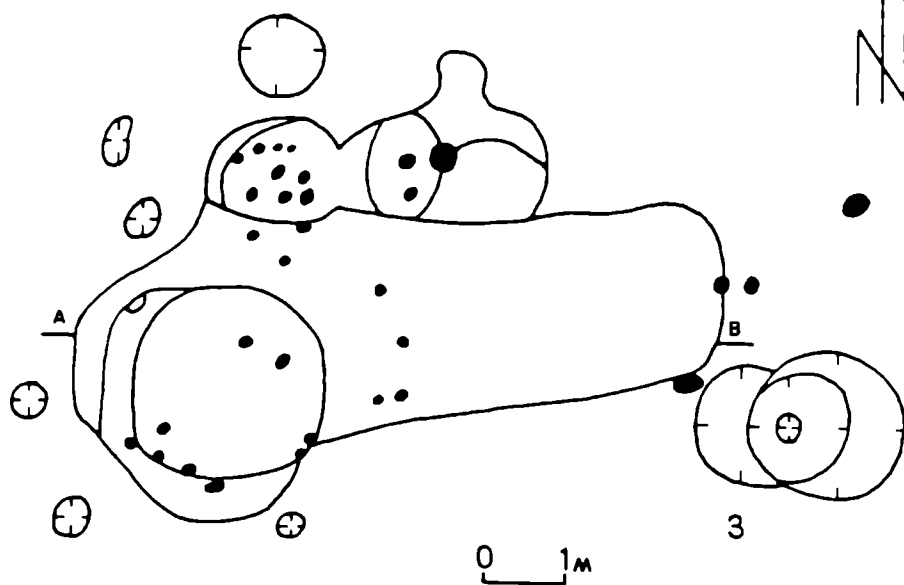
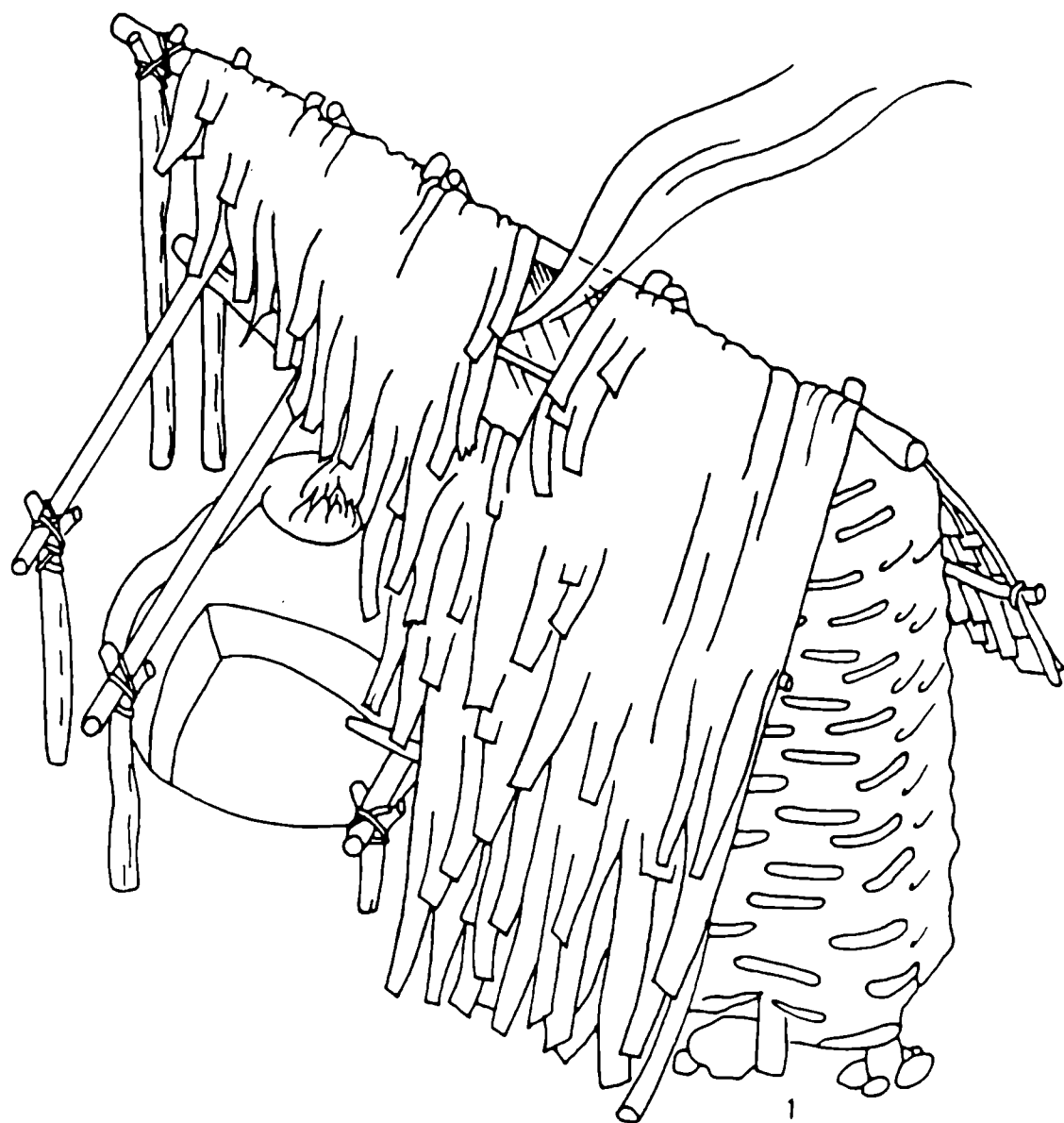
Результаты археологических работ 1920-1928 гг.

Разрез погребения II—III вв. н. э. могильника Изобильное (восточная Самбия). Копия полевого чертежа Йозефа Хейдекка, сделанная в 1931 г. Г. Зоммером

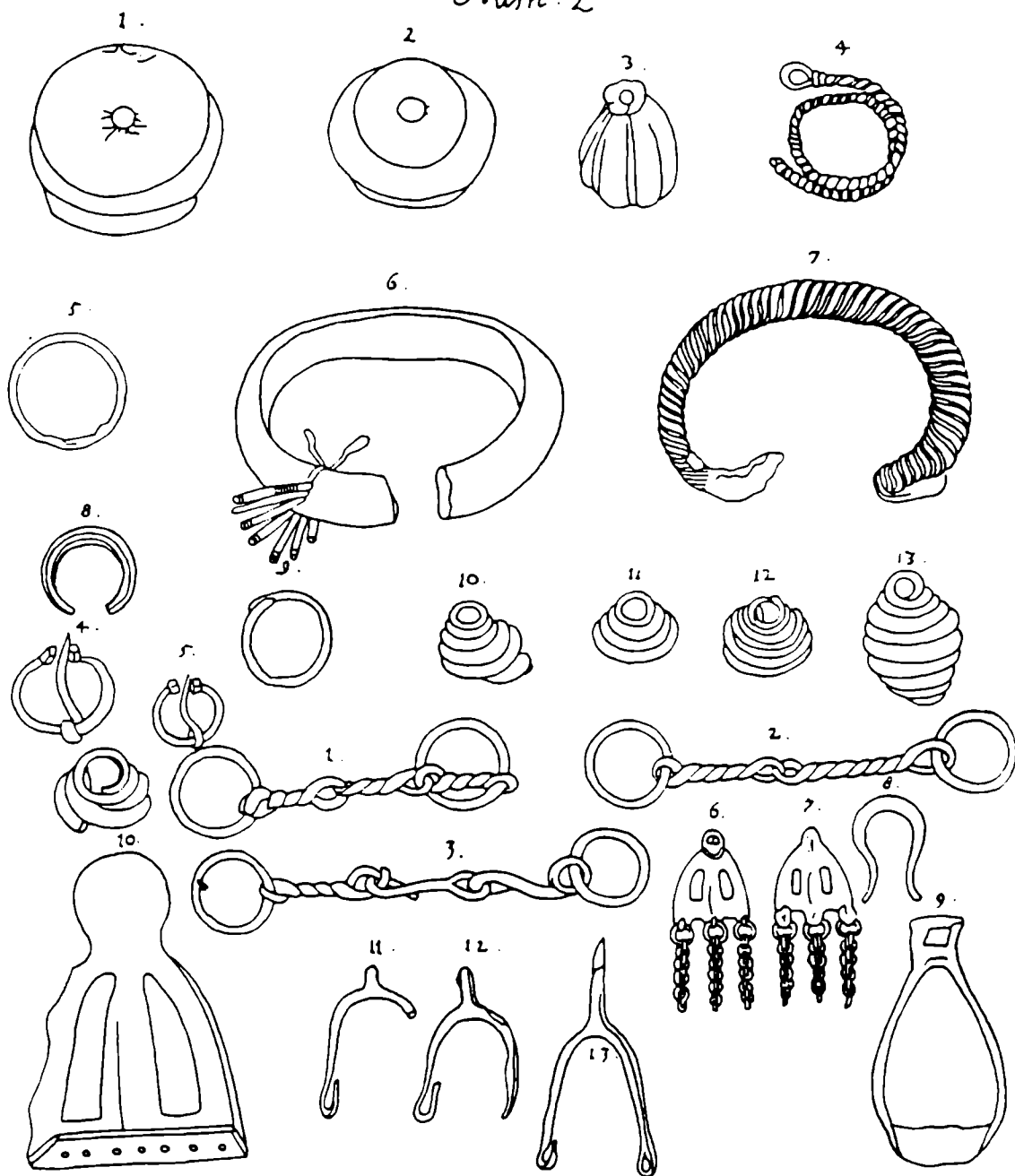
Разрез погребения 93 могильника Гребитен (западная Самбия) III—IV вв. н. э. Чертеж Йозефа Хейдекка

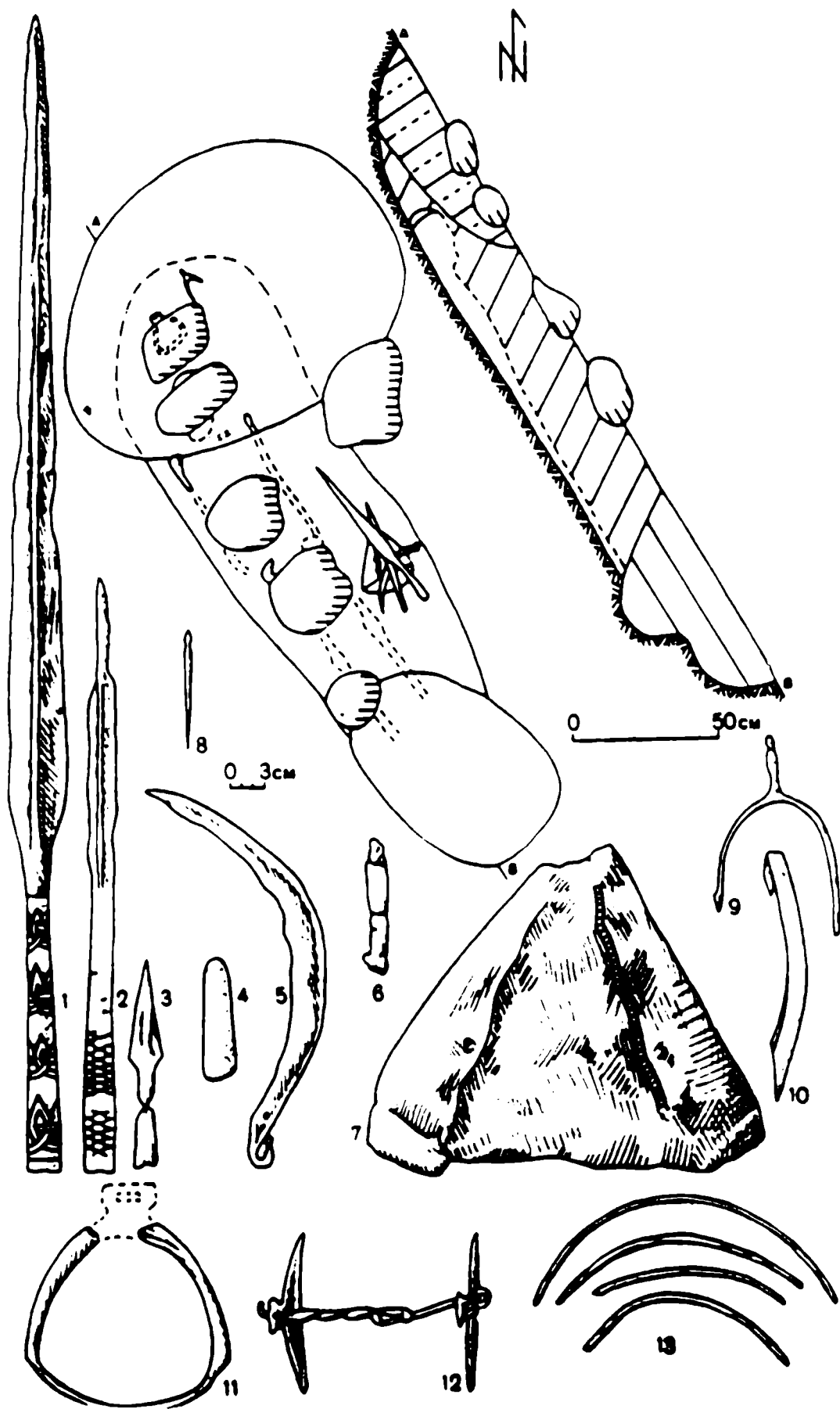

Реконструкция (1) и план (2) столбового жилища V—VI вв. н. э.

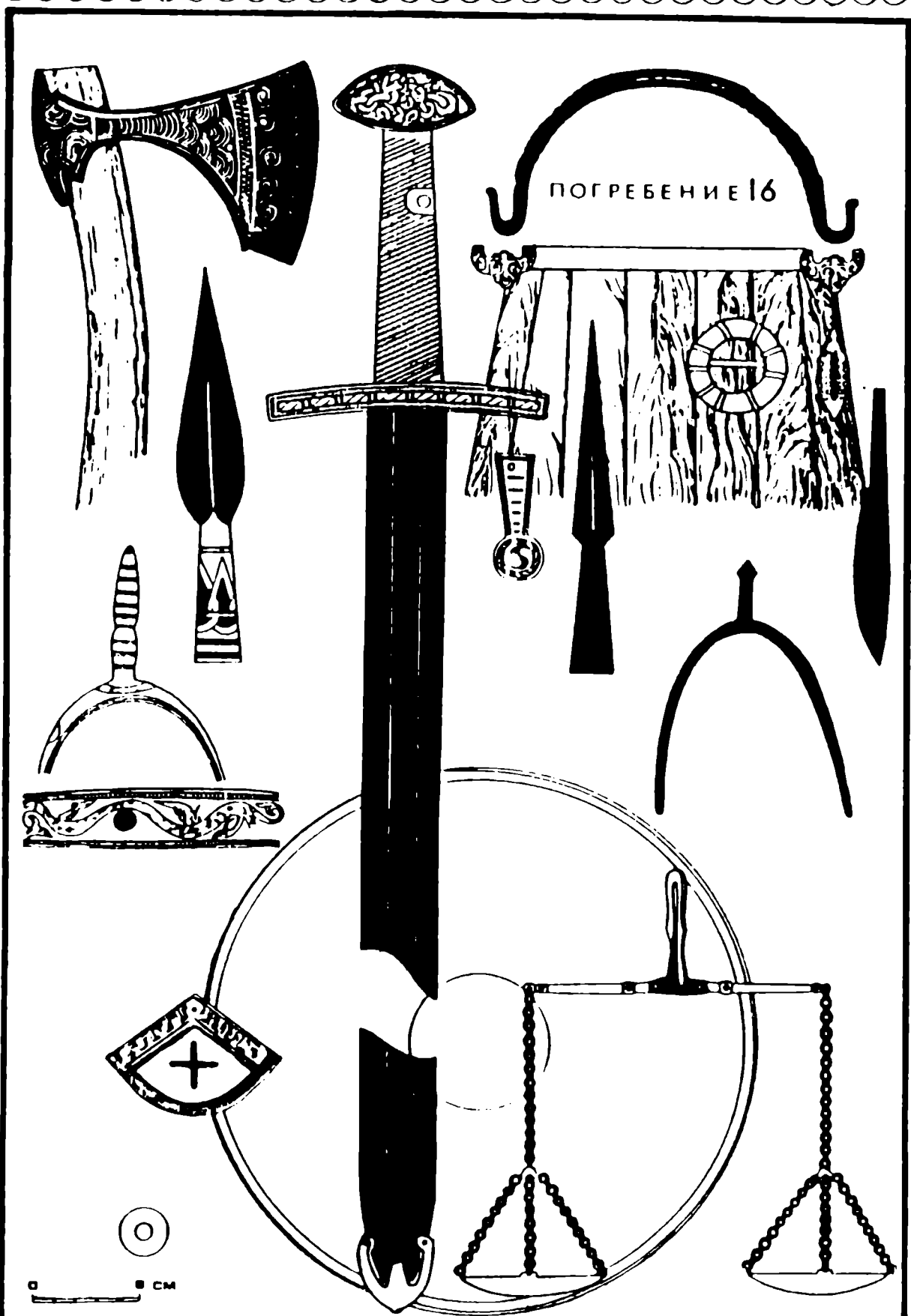
Мон. 2

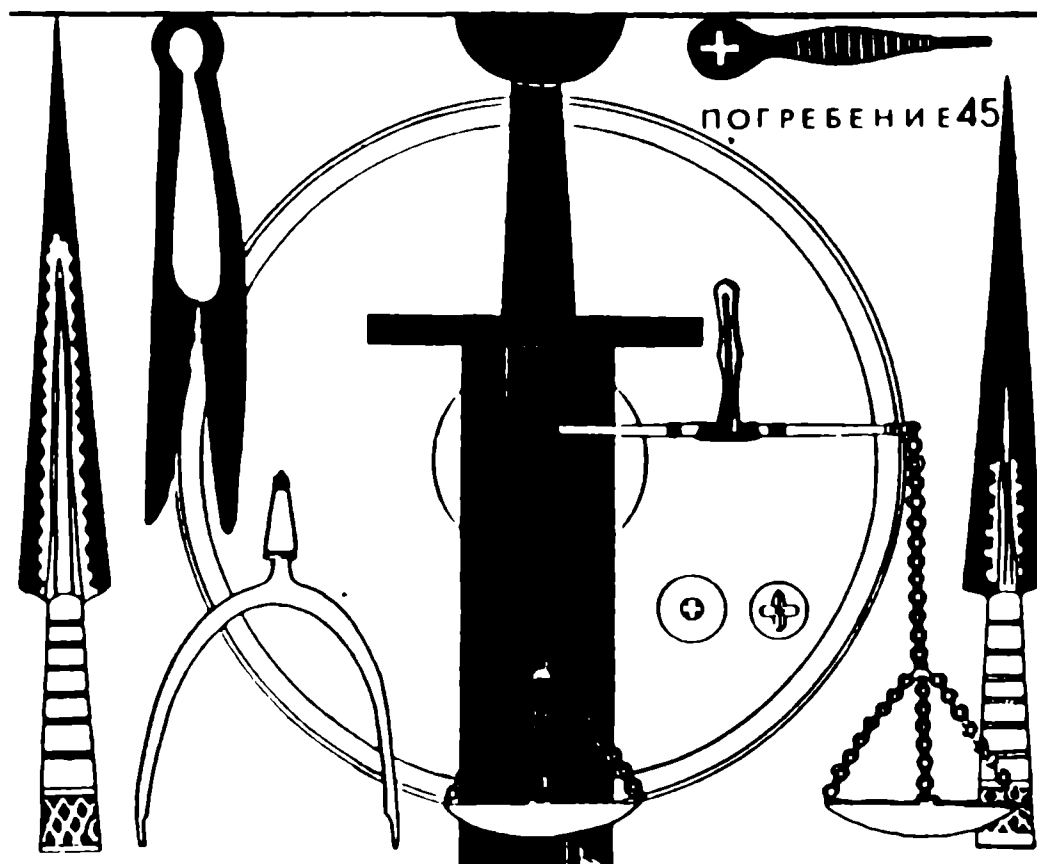
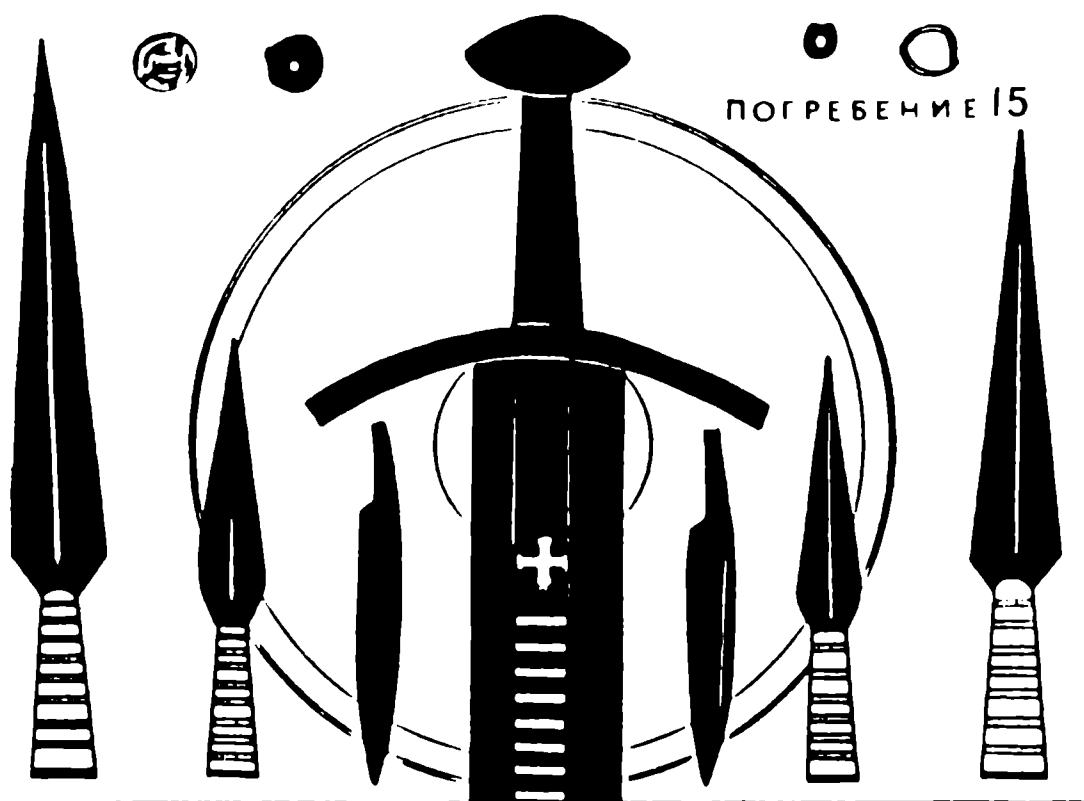
Находки, относящиеся к концу X в. из кургана у поселка Ульяновка (пограничье Надравии и Скаловии). Рисунок И. Я. Роде

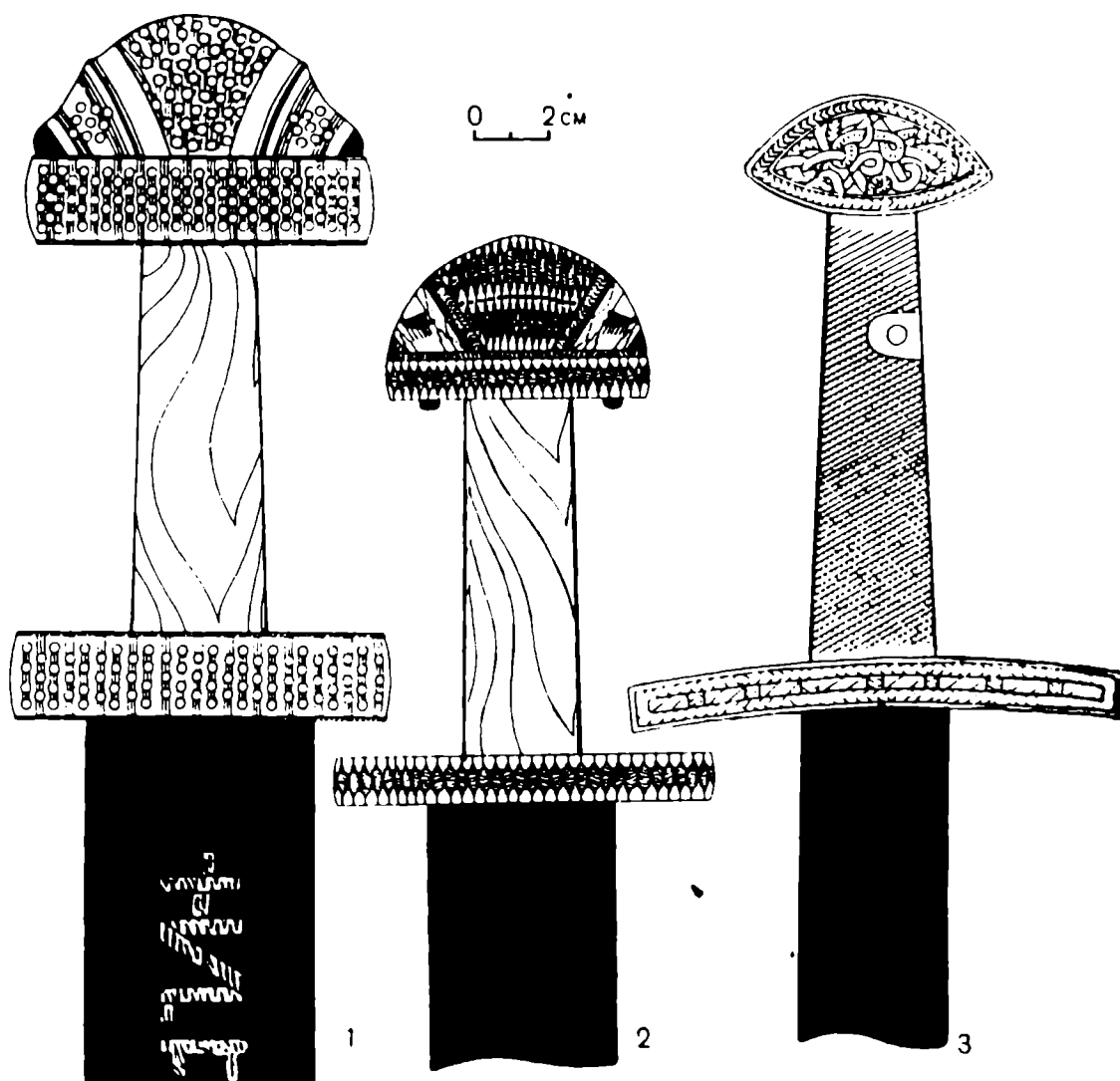
План погребения 12 могильника Ветрово (северная Самбия) с инвентарем захороненного там древнепрусского дружинника рубежа X—XI вв. Рисунки В. Ла Бома и В. И. Кулакова .

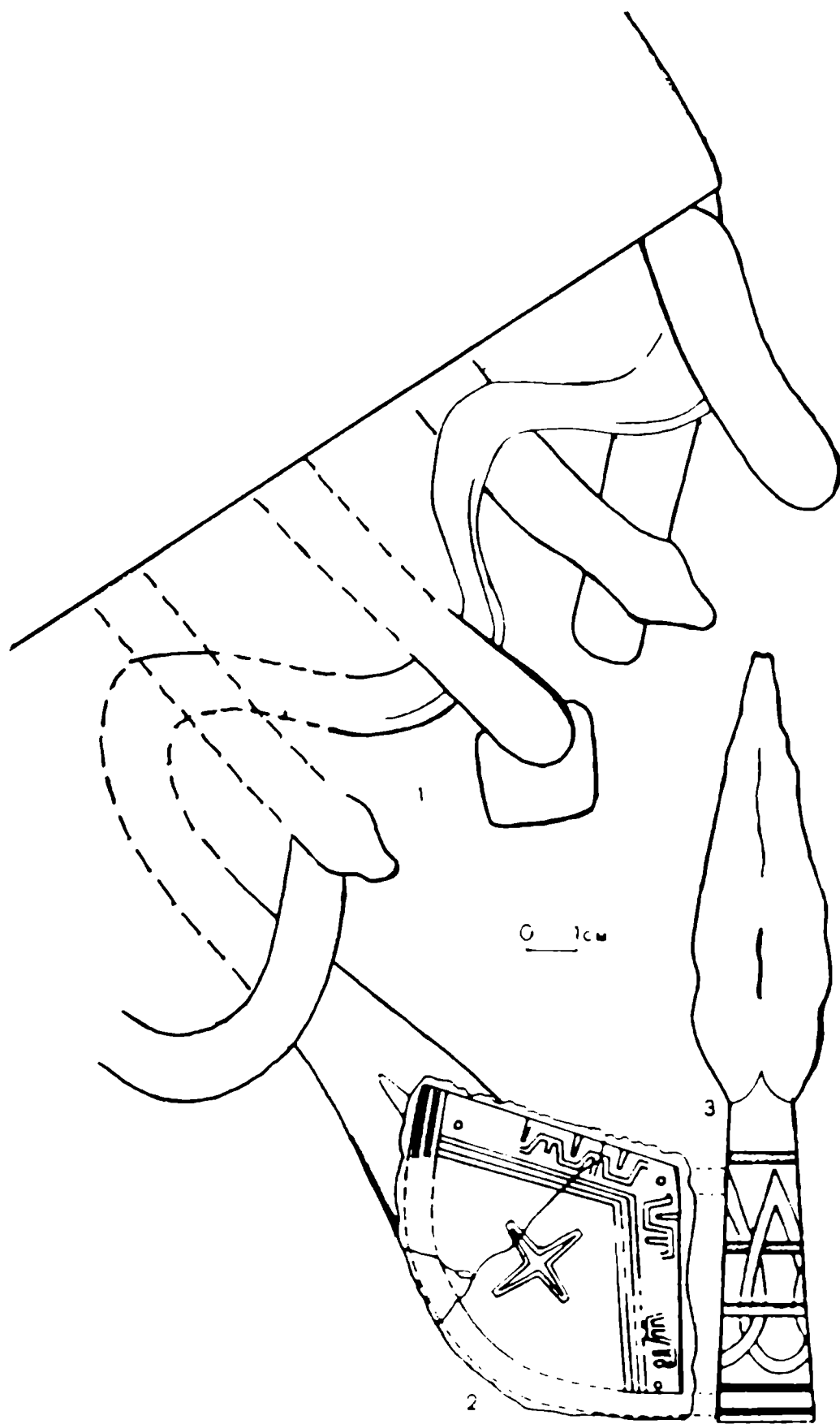
Реконструкция вооружения и снаряжения одного из последних языческих скандинавских викингов, служившего в составе дружины северной Самбии в середине XI в. по материалам погребения 16 могильника Ирзекапинис (окрестности современного г. Зеленоградска). Черным цветом обозначено железо, белым — цветные металлы

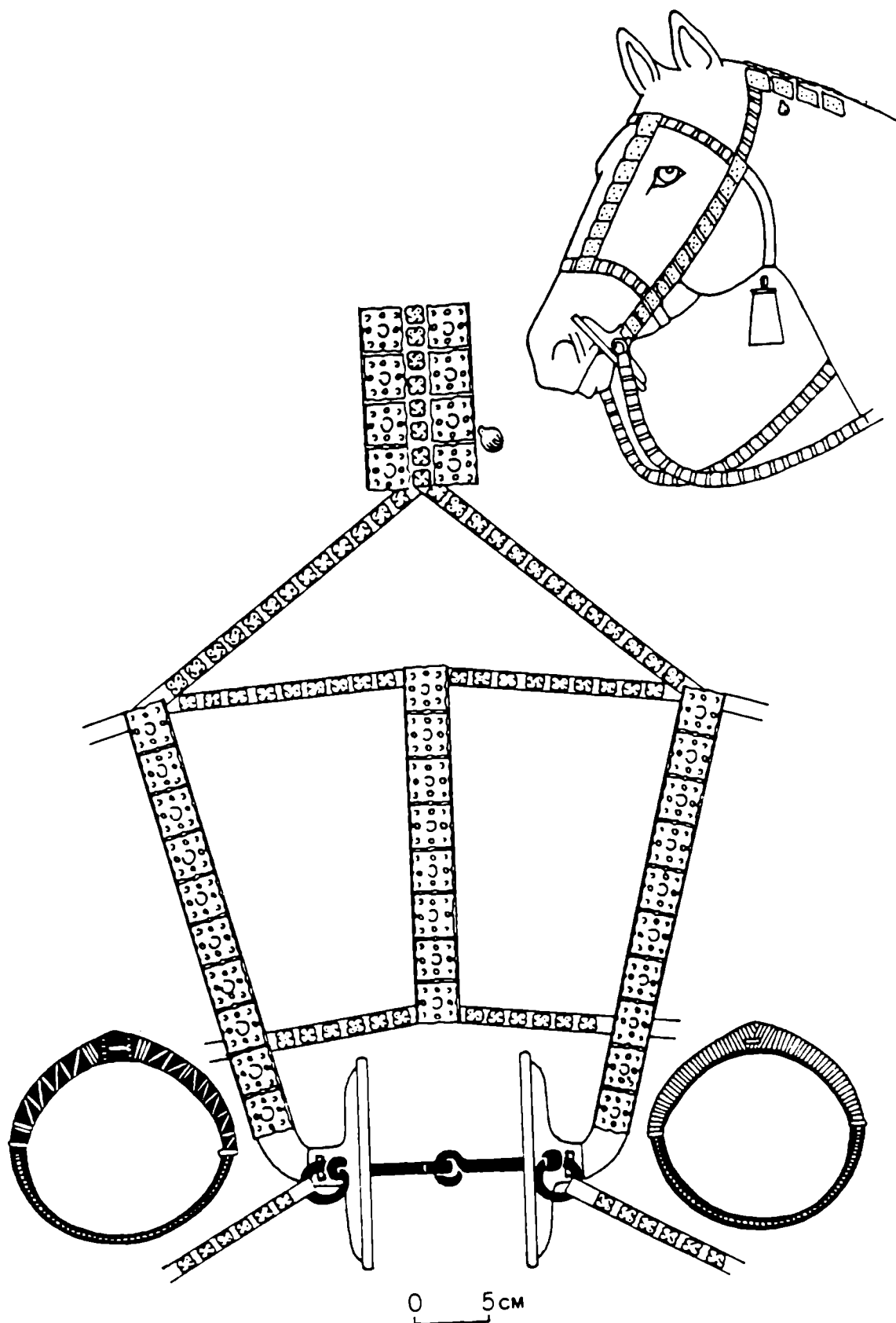
Реконструкция вооружения и снаряжения прусских дружинников
середины XI в. по материалам погребения 15 и 45 могильников
Ирзекапинис

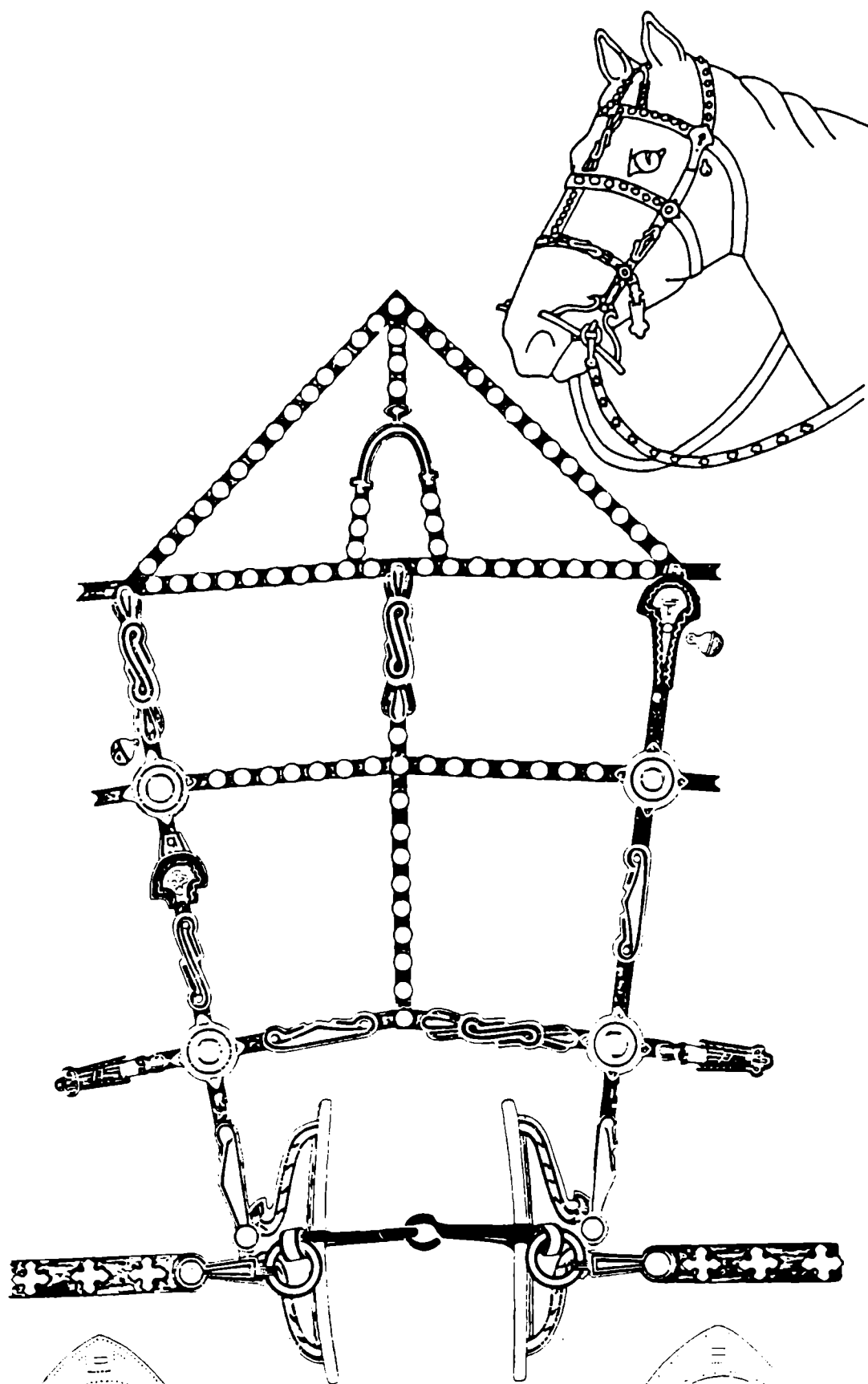
Реконструкция рукоятей мечей X — середины XI вв. из могильников северной Самбии (1 — Кауп, курган 1 из раскопок Ф. Д. Гуревич; 2 — Кауп, курган 11; 3 — Ирзекапинис, погребение 16)

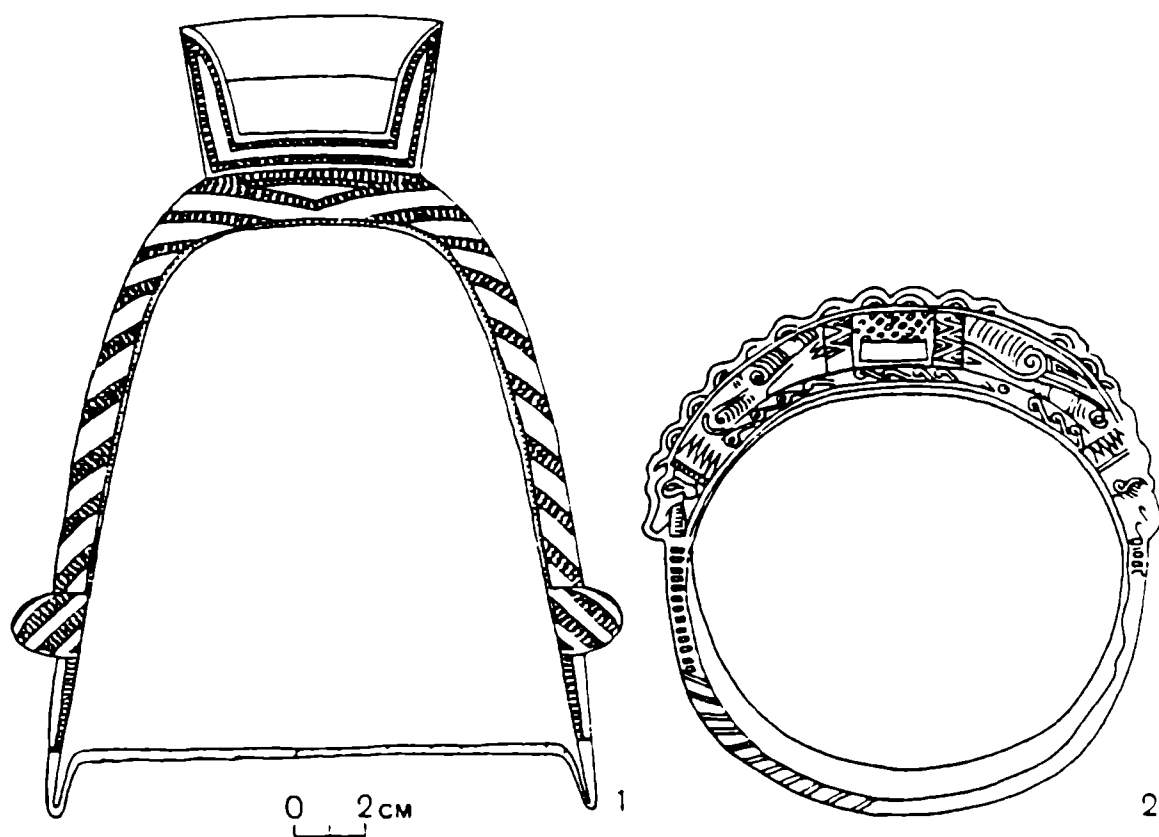
Знамена прусских военачальников середины XI в. Из могильника Ирзекапинис (1 — часть знаменного полотнища из черной кожи с серебряными деталями из погребения 64 в момент обнаружения на дне могилы; 2—3 — реконструкция крепления знаменного значка — инкрустированное серебром и бронзой железо на коже — к копьё из погребения 16)

Реконструкция снаряжения коня знатного прусского дружинника
начала XI в. из погребения 10 могильника Ирзекапинис

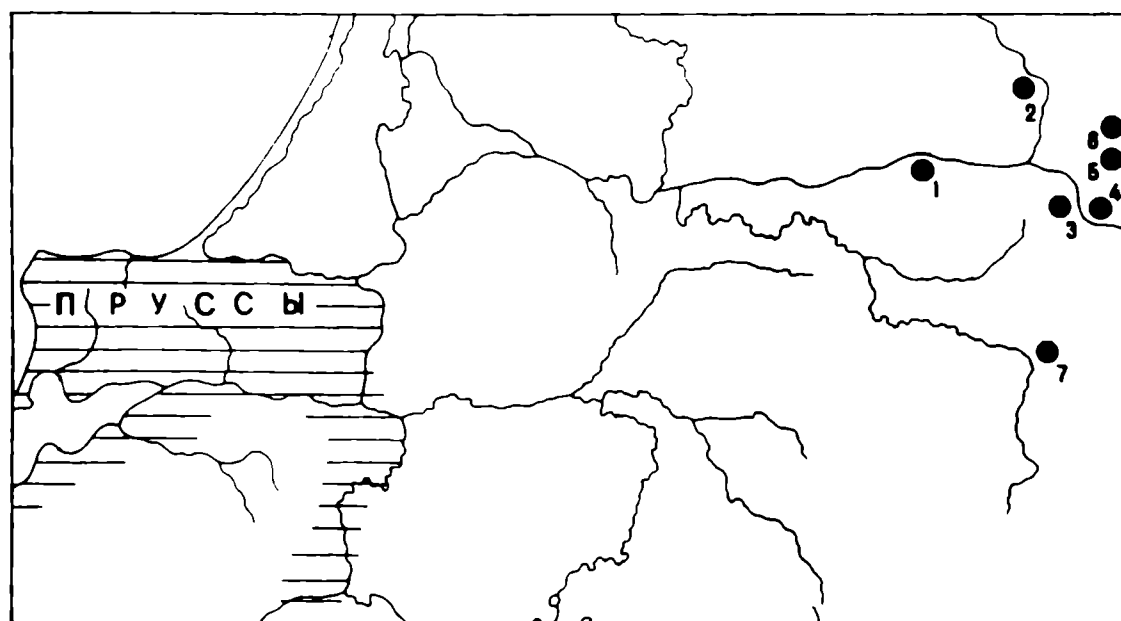

Реконструкция снаряжения коня знатного прусского дружинника
середины XI в. из погребения 45 могильника Ирзекапинис

Серебряная чеканка на прусских стременах XI в. Рисунок
В. Ла Бома и В. И. Кулакова

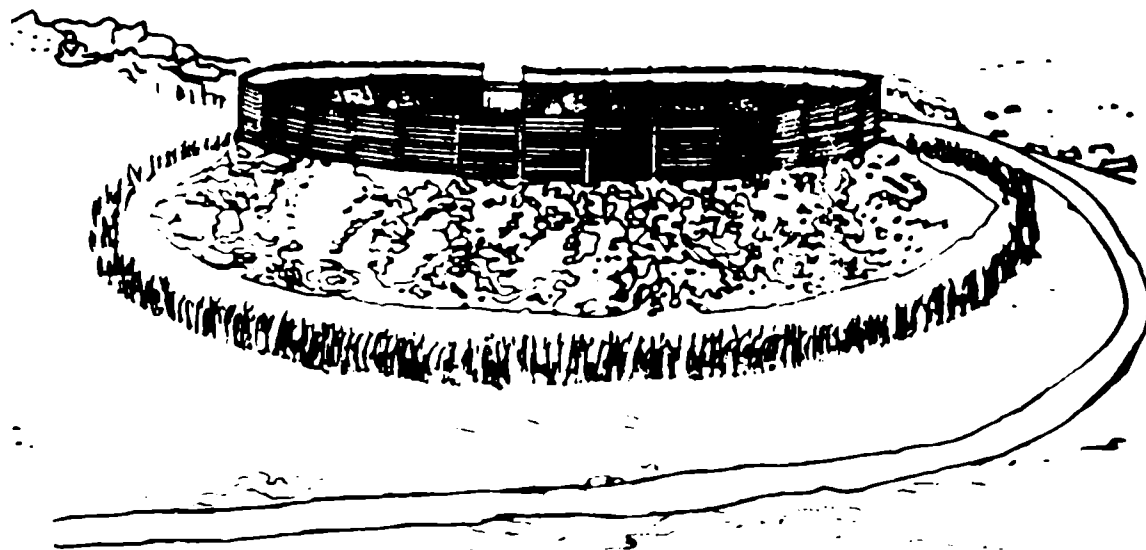
Расселение прусских дружинников на правобережье Немана
в XI—XIII вв. Могильники с прусскими чертами в обряде
и инвентаре: 1 — Пакальнишкяй; 2 — Кяйеняй; 3 — Микитай;
4 — Кремада; 5 — Грайжяй; 6 — Русейняй; 7 — Няндриняй

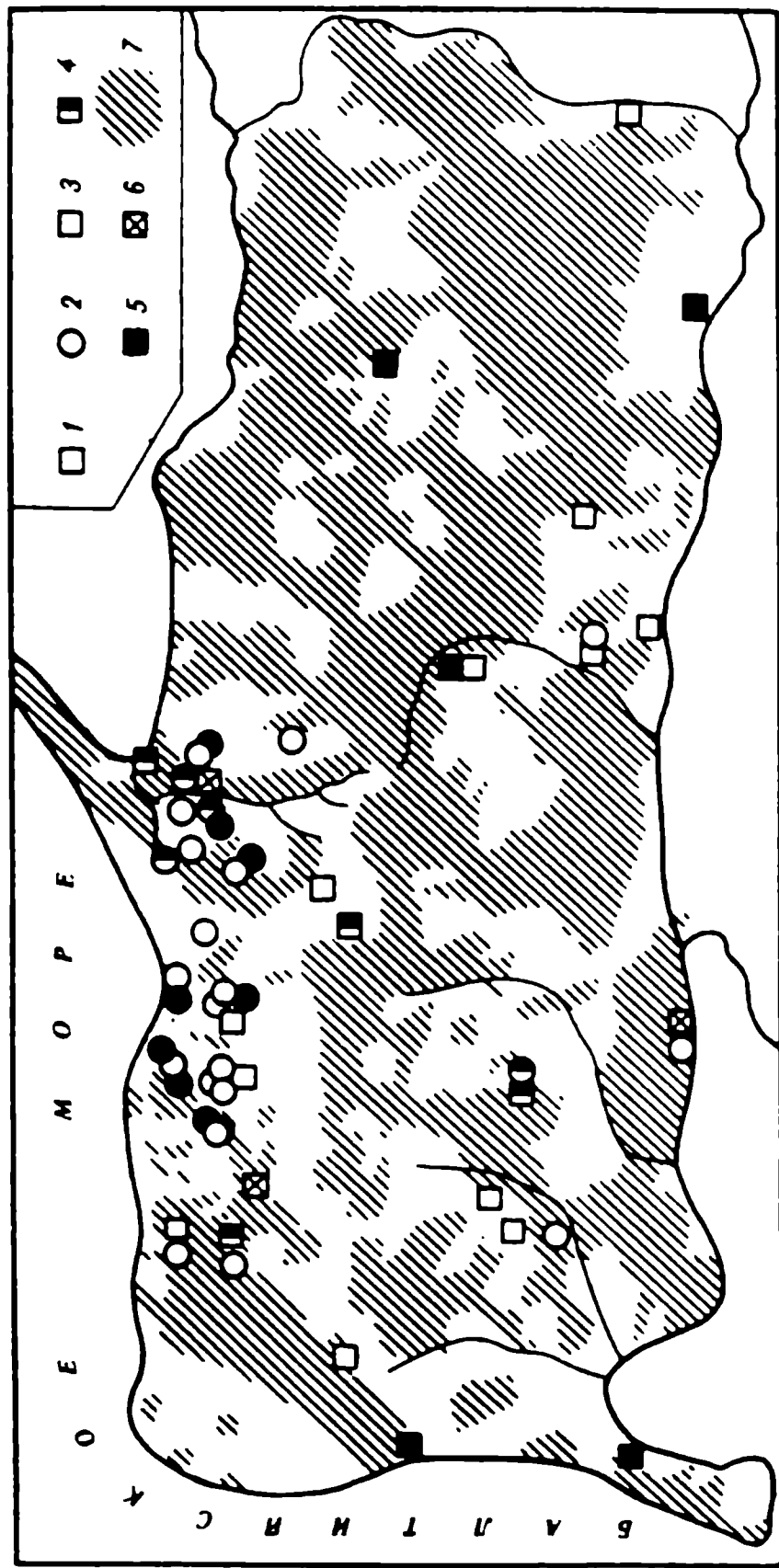
Белый ворон — эмблема прусской дружины и воины Самбии VIII в. (слева) и XI в. (справа) на современном личном гербе

Реконструкция внешнего вида западнобалтского городища XI—XIII вв. Езёпко (Галиндия). По К. Энгелю

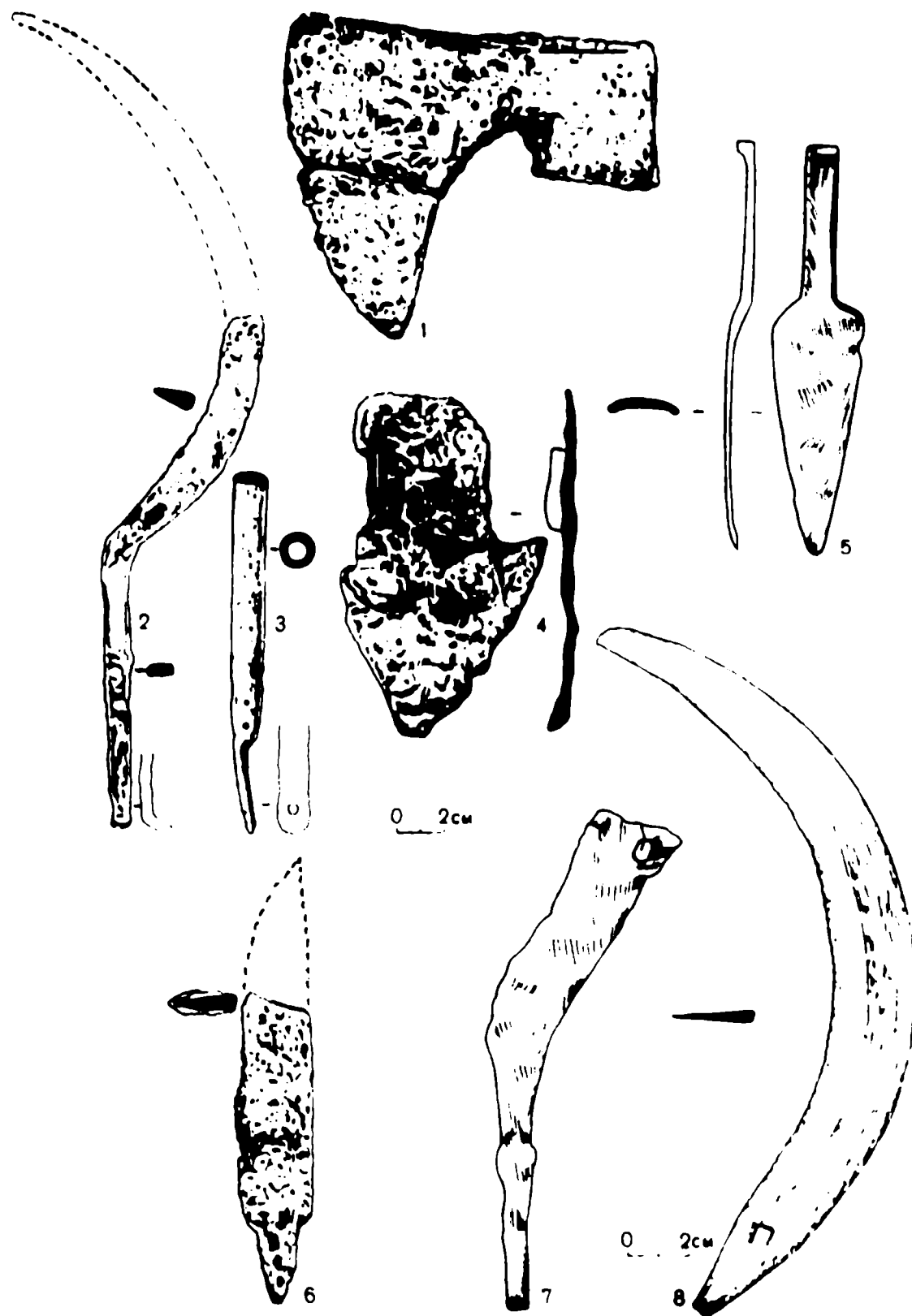

Реконструкция (1) и план (2) дома XI—XII вв
Из поселения Малиновка (бывшая Варгенава, прусск.
«поселок варягов» (?), северная Самбия)

Карта Самбии в X—XI вв.

Земледельческие орудия пруссов XII—XIII вв.: 1 — топор; 2 — фрагменты серпа; 3 — футляр для тута и 4 — сошник из городища Логвиново (центр Самбии); 5 — плужный нож из городища Пасымь (Погезания); 6 — нож и 7—8 — серпы из городища Грачевка (северная Самбия). Рисунок Ф. Д. Гуревич и М. Хафтки

ᚱᚢᚾᚰ ᚷᚢᚰᚰᚰᚰᚰᚰ ᚱ.ᚱᚰᚰᚰᚰᚰᚰ ᚷᚰᚰᚰ ᚰᚰᚰ.

«Знамя Видевута» с основными богами пруссов. Рисунок К. Гарткноха по описанию Симона Грунау 1526 г.

Прусский жрец осуществляет жертвоприношение по случаю свадьбы. Рисунок из книги Олафа Магнуса, конец XVI в.

Anno Incarnatio-

nis Christi. 1548.

Wapen der

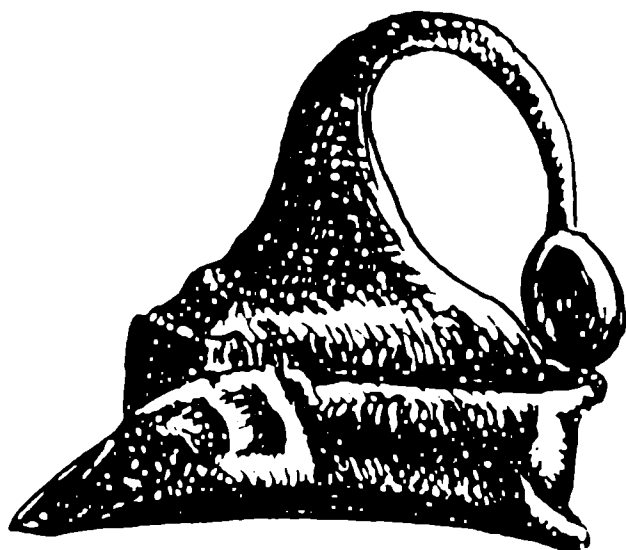
Preußen.

Widewuto.

Brudeno.

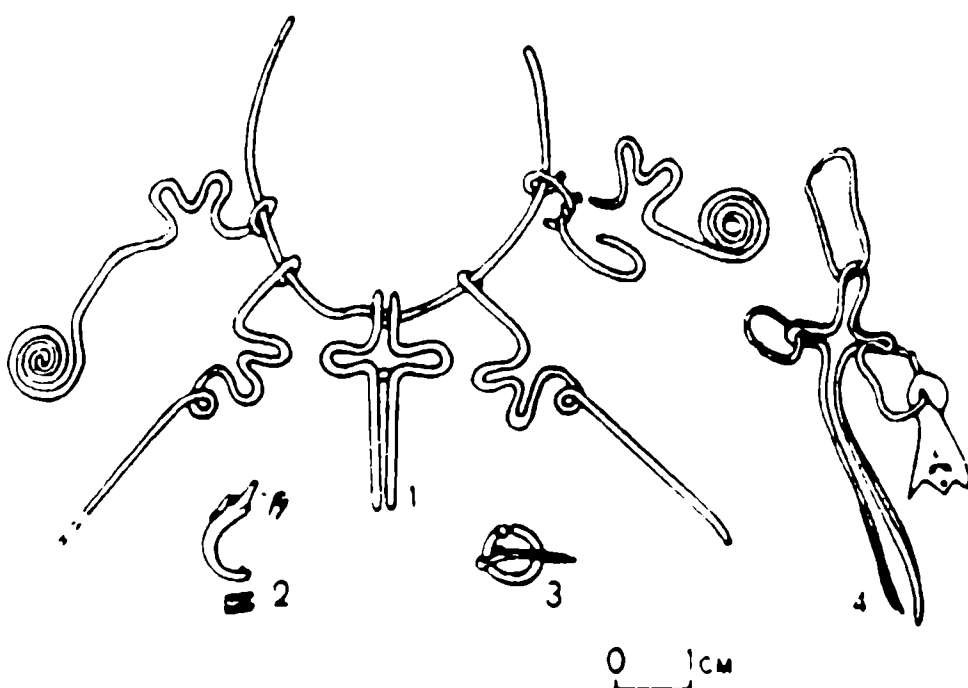

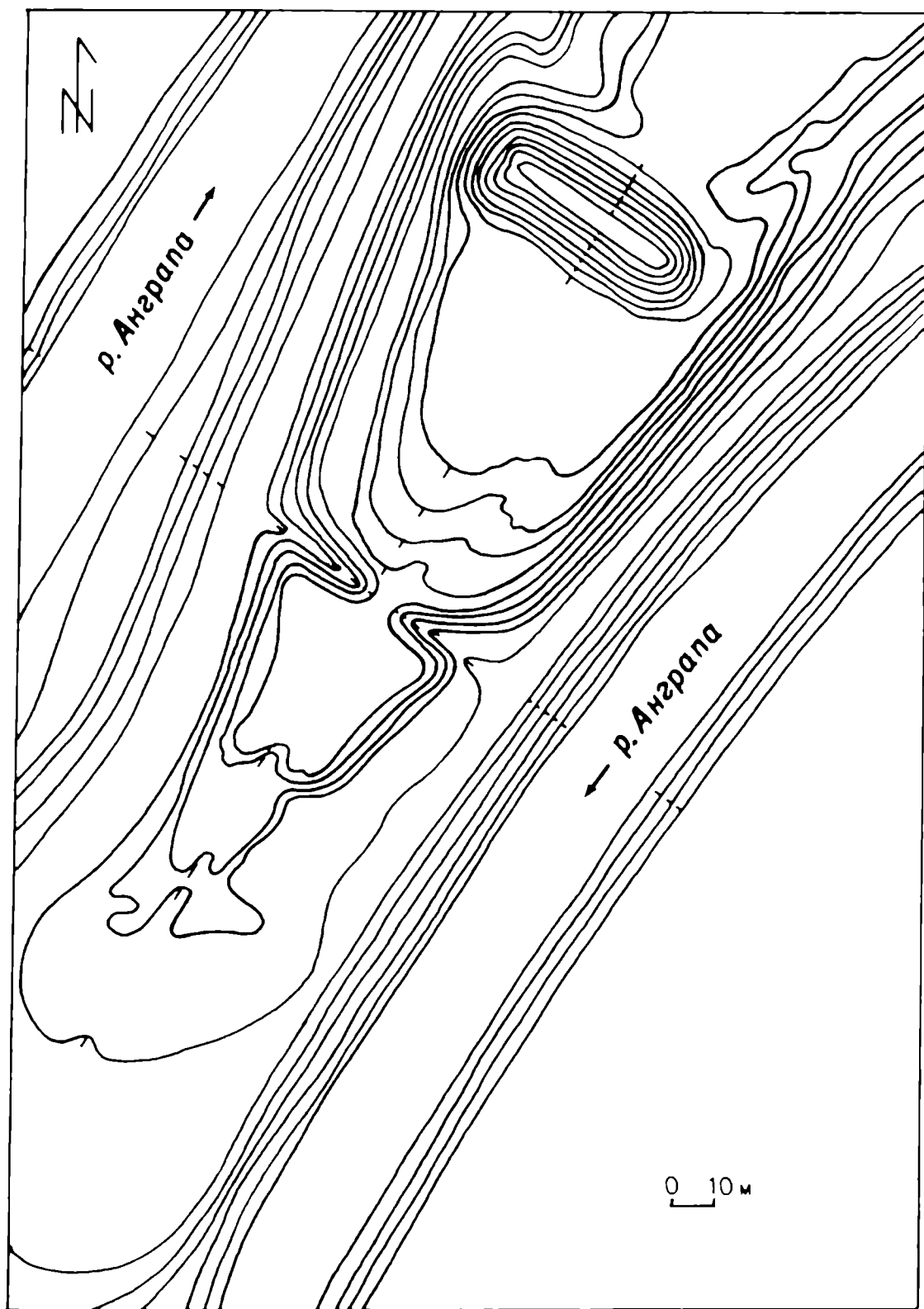
Легендарный «герб пруссов» со стоящими по бокам князем Ви-
деутом и верховным жрецом Криве-Кривайто Брутенем. Из
хроники И. Мельмана 1548 г.

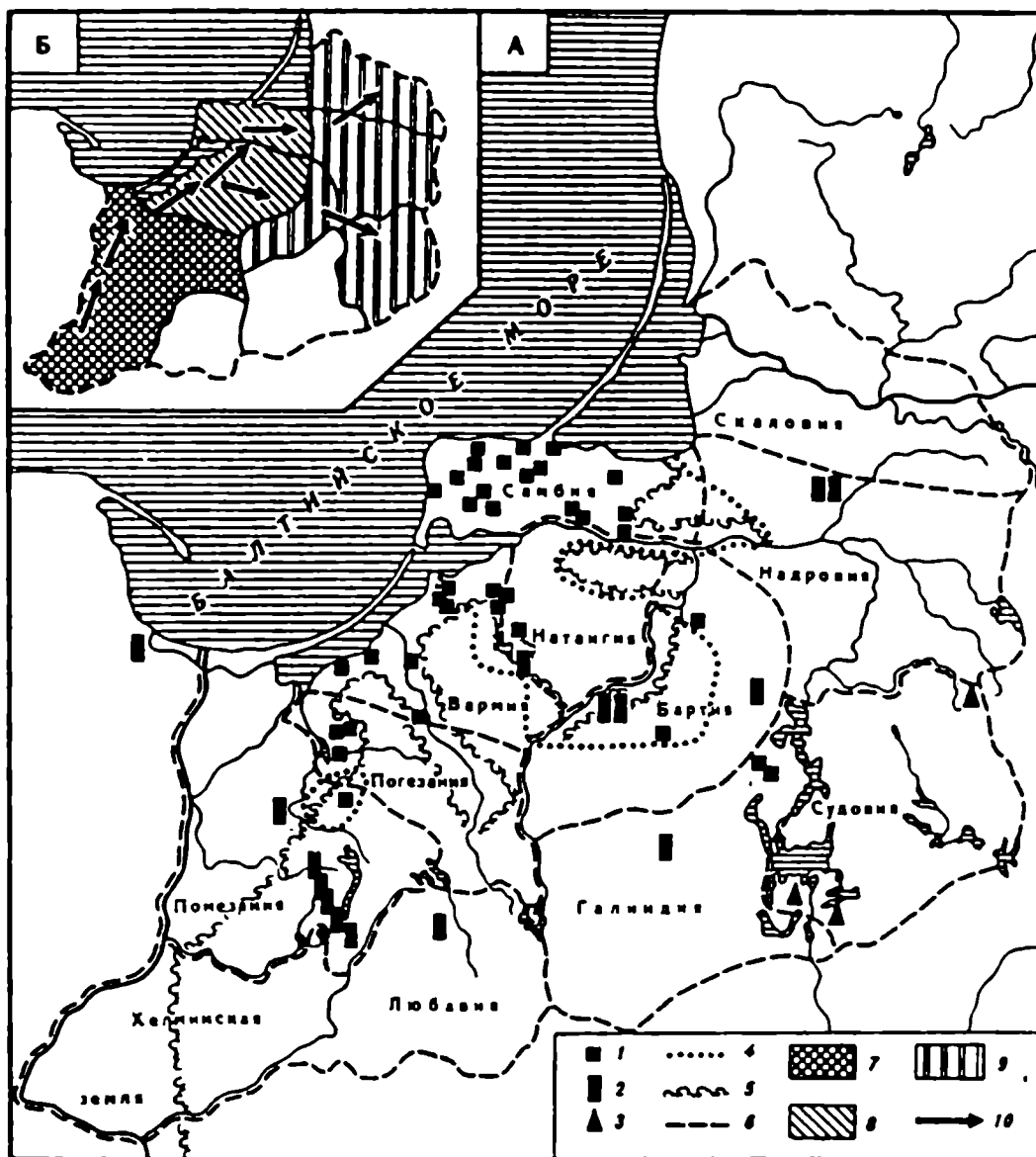
Шапка верховного жреца пруссов
Криве-Кривайто. Реконструкция
Г. Поделя по печати правителя
Самбии 1327 г.

Культовые атрибуты XVIII—XIX вв. из р. Прегель
(1—3) и языческая подвеска X в. (3) из Хэдебю (про-
тогород эпохи викингов на юге полуострова Ютланд)

План последнего городища свободных пруссов Таммовишкен
в западной Надравии (ныне поселок Тимофеевка)

Земля пруссов и "прусские земли" в 13 веке:

А - Структура западнобалтской территории:

1-городища пруссов 10-13 вв.; 2, 3- каменные изваяния пруссов (2) и ятвягов (3); 4-граница распространения прусских названий поселений (по Г. Вернеру); 5-западная граница лесного массива "Великая пустошь" (по Ф. Магеру); 6-границы известных по хроникам "прусских земель" (по В.Т. Пашуто).

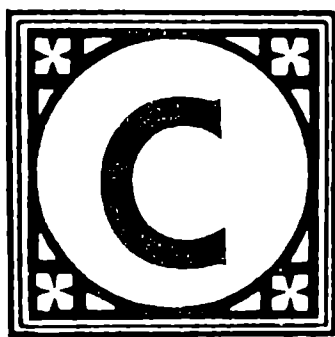
Б - "Прусские земли", захваченные Тевтонским орденом к концу 13 в. (по В.Т. Пашуто): 7- к 1237 г.; 8- к 1265 г.; 9- к 1283 г.; 10 - направления основных походов Ордена в землях западных балтов.

КАРТА ЗЕМЛИ ПРУССОВ. XIII ВЕК

В окрестностях г. Зеленоградска в конце XIX в. были обнаружены самые древние в Балтии погребения пришельцев с востока. Под мощной курганной насыпью открылись нарочито скорченные костяки, уподобленные позе ребенка в утробе матери, в окружении костяных и каменных предметов, покрытых слоем оранжево-красной природной охры. Поза покойных означала, что древние воспринимали землю как великую мать человечества, а земная смерть являлась для них истинным рождением души.

Из индийских источников известно, что арии, как и пруссы, поклонялись богу молний, вошедшему в индуистский пантеон под именем Индры. Его символом являлся росший на вершине горы огромный дуб. Интересно, что при раскопках могильника на южной окраине г. Пионерского в 1989 г. были обнаружены остатки святилища жуцевской культуры, оставленные древними индоевропейцами. Археологи расчистили от грунта крупное по параметрам углубление, образованное корнями огромного дуба, диаметром не менее полутора метров. У его подножия были найдены следы помоста для жертвоприношений, зеленоватого цвета каменный топорик и фрагмент шнуровой керамики. Объект, расположенный на высоком холме, является древнейшим культовым памятником земли пруссов и, по-видимому, всей Балтии вообще.

КУЛЬТУРА САМБИЙСКИХ И ЗАПАДНОБАЛТИЙСКИХ КУРГАНОВ

появлением в юго-восточной Балтии индоевропейского населения и развитием здесь жуцевских древностей связано становление в конце II тысячелетия до н. э. культуры самбийских курганов. Ее центр — Самбийский полуостров — был, в сущности, прародиной не только пруссов, но и остальных западнобалтских племен. Могильники (два—четыре холмика уплощенной формы) располагались в основном на моренном плато северного побережья полуострова. И сейчас их можно увидеть в урочище Хюненгрэбер («могилы великанов»), в окрестностях поселка Заостровье, носивших в древности название Алькниккен, что в переводе с прусского означало «чистое, святое». Видимо, уже тогда эта земля считалась

священной. Из ее берегового обрыва било множество ключей с чистейшей холодной водой, поступавшей, как думали пруссы, из подземного мира. Примечательно, что одна из впадающих здесь в море рек носила в раннем средневековье древнегерманское название Хёлле (Хелль), то есть «иной мир, ад». Курганы того времени содержали трупоположения с северной ориентировкой. Они были перекрыты каменными кладками и окружены кольцами из валунов. Характерный для курганов инвентарь — каменные секиры со змеевидными головами.

В 1520 г. в Пруссии в районе «могил великанов» было совершено последнее исторически зафиксированное жертвоприношение. Об этом событии местный историк Лукас Давид писал: «Поляки угрожали Кенигсбергу с юга, через Прегель. К берегам Самбии приближался флот Гданьска. Представители народа решили возобновить обет святому Адальберту (католическому покровителю Пруссии). При этом смятении является из Самбии вольный человек Вальтин Суплитт и обещает отвратить неприятеля. Послы принесли решение правителя. Суплитт потребовал от крестьян черного быка и две бочки пива. Все доставили к Рантау (Заостровье). Там, на морском берегу, в присутствии только мужчин Суплитт сжег кости и внутренности быка на специально разожженном костре при сопровождении молитв и жестикующий ногами и руками. Через несколько дней корабли, появившиеся у берегов, отплыли, ибо морякам побережье Самбии представилось в ужасном виде. Народ поверил в помощь богов...»⁵. Таким был последний триумф прусского язычества.

...Во второй половине I тысячелетия до н. э. курганные древности, центром которых по-прежнему была Самбия, охватывали значительное пространство от устья реки Вислы на юго-западе до границ современной Латвии на северо-востоке. Исследователи справедливо связывают народ, их соорудивший, с западными балтами. Насыпи делались из камня. Для погребения предназначался сложенный из плит ящик (в сущности — гробница), куда помещались урны с прахом покойных. Ящик покрывался валунами, но с таким расчетом, чтобы не закрыть полностью подход к нему. В течение жизни двух-трех поколений в гробницу устанавливалось до пятидесяти урн. После наполнения ящика насыпь окончательно закладывалась валунами.

Сооружение курганов и расположение на них отдельных валунов было связано с ритуалом. Установлено, что положение тех или иных камней служило своеобразным визиром для древних жрецов, наблюдавших за движением небесных светил. Погребальные церемонии приурочивались сугубо к определенным дням и часам. Поражает то, что предки пруссов умели производить календарные и хронологические исчисления с достаточной точностью.

Таким образом, погребальные сооружения раннего железного века в земле пруссов можно считать не только культовыми объектами, но и календарными системами.

...К концу I тысячелетия до н. э. на границах будущей земли пруссов появились племена — носители лужицких и подклошовых древностей. Они занимали Мазурское Поозерье. Отдельные следы их пребывания до сих пор встречаются на территории современного Багратионовского района в виде крупных сосудов, внешняя поверхность которых имеет дополнительный слой глины, заровненный горизонтально и предохранявший продукты от порчи. Занимались эти племена в основном охотой и рыболовством. Пришельцы с юго-запада были впоследствии ассимилированы местным балтским населением. Ряд исследователей считает носителей подклошовых древностей праславянами.

КУЛЬТУРА ЭСТИЕВ

а фазе раннеримского времени, II в. до н. э.— I в. н. э., возникла культура эстиев, называемая также западнобалтийской культурой, как результат

сильного кельтского влияния на местные племена Самбии. Эстии (жившие на востоке) применительно к населению Янтарного берега впервые упоминаются несколько позднее, на рубеже I—II вв. н. э.

Кельтские племена, еще в эпоху раннего железа создавшие мощные воинские объединения на территории современных Австрии, Германии и Франции, были чрезвычайно мобильны. Опытные мореходы и торговцы на заре античной эпохи на Балтике, они выполняли роль позднейших викингов.

Кельтское влияние начинает затрагивать землю эстиев на исходе I тысячелетия до н. э. В материальной культуре прусских племен появляются гривны — шейные украшения, известные у кельтов под названием «торквес». Римляне считали гривны обязательной принадлежностью каждого кельтского, а позднее и германского воина. Возникают городища, укрепленные валами и рвами, известные у кельтов под названием «оппидумы». Исследователи считают, что распространение оппидумов связано с консолидацией населения в рамках отдельных племен и появлением имущественного неравенства, вызванного гигантским всплеском янтарной торговли племен Самбии с населением Средиземноморья. Римский историк Плиний Старший (23/24—79 гг. н. э.) уже обладал достаточно исчерпывающей информа-

цией о Янтарном берегу. В своем капитальном труде «Естественная история» он писал: «Установлено, что янтарь происходит с островов Северного моря и у германцев носит название «глэзум», ввиду этого и наши соотечественники, участвовавшие в военных операциях флота цезаря Германика, называли один из этих островов «Глэзария» (у варваров он именовался раньше «Аустеравия»)»⁶. Римский историк имел в виду землю эстиев — Самбию.

О размахе торговли янтарем Плиний Старший повествовал так: «И поныне жив еще римский всадник, посланный туда для приобретения янтаря Юлианом, ведавшим устройством гладиаторских игр при принцепсе Нероне. Он обошел местные торговые пункты и берега и привез такое количество янтаря, что сетки, защищающие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр»⁷.

Поздняя фаза раннеримского времени (II в. н. э.) традиционно считается началом «золотого века» балтов. Возводятся последние курганы на могильниках Изобильное и Хрустальное. Насыпи еще содержат каменные конструкции. Но погребения уже совершаются без кремации. Наличие в них копий, остатков щитов показывает высокое социальное положение умерших. Отмечены захоронения коней, призванных сопровождать своих хозяев в последнем походе.

Члены родовой верхушки хоронились и в грунтовых могильниках, располагавшихся у подножия моренных гряд. При раскопках в них обычно находят урны сфероидной формы с узкой ножкой, фибулы (застежки проволоочной конструкции), пряжки с неподвижным язычком — характерные признаки данной фазы культуры эстиев, имевшей аналогии в древностях кельтского круга.

Даже сам облик эстиев, их обычаи и нравы были близки обитателям Центральной Европы. По этому поводу Публий Корнелий Тацит (55—117 гг. н. э.) писал: «Итак, правым берегом Свевского моря омывается земля племен эстиев, у которых обычаи и внешний вид как у свевов, а язык похож на британский. Они поклоняются матери богов и носят как символ своих верований изображения кабана. Это у них — заменяющая оружие защита от всего (враждебного), гарантирующая почитателю богини безопасность даже среди врагов. Они редко пользуются железным оружием, часто же — дубинками. Над хлебом и другими плодами земли они трудятся с большим терпением, чем это соответствует обычной лености германцев. Они также обыскивают и море и одни из всех на его отмелях и даже на самом берегу собирают янтарь, который сами называют глэзум. Но какова его природа и откуда он берется, они, будучи варварами, не доискиваются и не имеют об этом точных сведе-

ний. Он даже долго валялся у них (без употребления) среди других отбросов моря, пока наша страсть к роскоши не создала ему славы. Сами же они его совсем не употребляют. Собирается он в грубом виде, приносится (на рынок) без всякой отделки, и они получают за него плату с удивлением»⁸.

Складывается впечатление, что информаторы Тацита встречали на Янтарном берегу не просто общинников или воинов, а представителей жречества, весьма близкого кельтским друидам. Им действительно не требовалось оружие, ибо они считали, что боги охраняют их лучше, чем дубинка и копье. Бронзовые амулеты в виде кабанов широко известны в археологическом материале Британии, Франции и Австрии. Не исключено, что ладьи кельтских торговцев, прибывавшие на Самбию за янтарем для дальнейшей его перепродажи Риму, сопровождались друидами.

Эстии были знакомы с железным оружием, прекрасно владели мечами, дротиками, кинжалами. Обязательной принадлежностью воина был щит. Ко II в. н. э. земли вокруг устья реки Вислы захватили готы и гепиды. Они постоянно угрожали Самбии, однако утверждение некоторых археологов и историков об установлении власти готов над населением Самбии не подкрепляется серьезными доказательствами. Известные на прусской земле конские захоронения к западу от могил под каменными кладками не характерны для германцев. Некоторое количество украшений готогепидского происхождения на Янтарном берегу в III в. является результатом торговли, в которой участвовали германцы, осуществлявшие транзитные операции по р. Висла. Их отдельные группы селились на Самбии, связываясь брачными узами с эстиями.

В 260—450 гг. н. э. раздираемая внутренними распрями и поражаемая ударами «варваров» Римская империя потеряла интерес к Янтарному торговому пути. Его важный отрезок, проходивший по провинции Паннония (нынешняя Венгрия и Австрия), постоянно подвергался набегам готов и гепидов, маркоманов и сармат. В материальной культуре эстиев резко снижается число предметов римского происхождения: монет, керамики, оружия. Появляются предметы гуннского характера. Это объясняется опять же привходящими причинами. Часть воинов-эстиев вместе с германцами, покинув родину, участвовала в гуннских походах на Римскую империю. В частности, известно, что после поражения в битве с римскими войсками на Каталунских полях и смерти предводителя гуннов Аттилы в 453 г. н. э. произошло сражение в Паннонии, у реки Недао. В нем эстии выступали против своих прежних союзников. После поражения воины эстиев вернулись на родную землю.

Многочисленные перемены в материальной культуре в этот период под влиянием последствий гуннских походов происходят и у народов соседних западнобалтийских территорий, на правом берегу р. Неман.

В середине V в. на Самбии исчезает традиция погребения в могилу урн. Дальнейшее распространение получают конские захоронения. Зачастую над могильными ямами сооружаются традиционные для гуннов шатры из кольев. Популярными становятся бронзовые пряжки на поясах мужчин и в конском снаряжении. Появляется характерный ранее лишь для германцев звериный стиль украшений: переплетенные в схватке фантастические животные, символизирующие мощь и ярость богов, что связано с участием в трансформации культуры эстиев их западных соседей — видивариев.

Готский историк VI в. Иордан, используя сведения его предшественника Кассиодора, так описывал видивариев: «На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды Вистулы, живут видиварии, собиравшиеся от различных племен, за ними берег океана держат эстии, вполне мирный народ»⁹. Видиварии (их имя с древнегерманского переводится как «вещные воины») представляли собой остатки различных племен, поселившихся в районе современного г. Эльблонга на берегах Вислинского залива. Они пытались участвовать в добыче янтаря на Самбии, но были подхвачены потоком воинских формирований (эстиев), возвращавшихся с юга, из Паннонии, и влились в их среду. Вероятно, это проникновение чужеродных для западнобалтийских племен элементов на землю эстиев послужило основой для позднейшей легенды о приходе на Самбию и в Натангию вождей Брутена и Видевута с дружиной. Скорее всего это предание отразило многократные переселения отдельных представителей германских племен на Янтарный берег с середины III по начало VIII вв.

Именно эти события послужили причиной прекращения культуры эстиев и заложили основу культуры пруссов. Приход видивариев был позитивен для местного общества. Они помогли воссоздать прерванный гуннскими походами Янтарный путь. Эстии и видиварии послали королю готов Теодориху Великому (умер в 526 г.) янтарный подарок. Сохранился текст благодарственного письма владыки Северной Италии далеким жителям Балтии: «Эстиам — король Теодорих. В благодарность за прибытие вашего посланника ощутили мы ваше большое желание познакомиться с нами. То, что вам, живущим на берегу океана, желательно в мыслях с нами объединиться, является для нас приятной и ценной просьбой, нас радует то, что у вас укрепится наше имя, на что мы хотим пойти без промедления... Итак, передавая вам в ответ свои благожелательные приветствия, сообщаем, что мы янтарный дар, который доставлен от вас подателем сего послания, приняли с благодарными мыслями...»¹⁰.

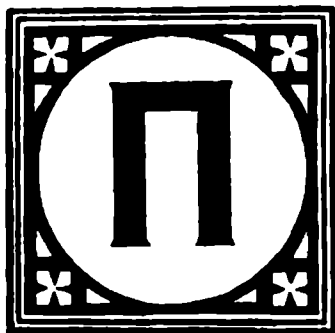
Результатом новых контактов с богатым югом Европы стало оживление жизни в земле пруссов. Сам факт составления в традициях тогдашней дипломатии письма крупнейшего монарха «варварской» Европы удаленному от пределов цивилизации пле-

мени предполагает не только большую заинтересованность Теодориха в янтаре. Готы справедливо считали пруссов способными для завязывания дипломатических отношений и достаточно высоко оценивали уровень общественного сознания у аристократии Янтарного берега, знание ею латинского или готского письма и методов ведения дипломатической переписки. Даже если принять во внимание недавно высказанное польским археологом Войцехом Новаковским предположение о том, что приведенный выше текст письма составлен секретарем Теодориха Кассиодором лишь как образец государственного письмоводительства, все равно это не преуменьшает значения пруссов для народов древней Европы.

На пороге средневековья пруссы активно осваивали территории, на которых жили ранее видиварии, фактически повторяя их путь, но уже в обратном направлении. Поселения пруссов возникли на побережье нынешнего Калининградского залива — в зоне будущих земель Натангии и Вармии, в устьях рек Фришинг, Пассарге и Ногата. В центре каждой группы поселений возвышалось городище, окруженное валом. Поблизости располагались селища (неукрепленные поселения) и грунтовые могильники. Судя по находкам археологов, основная часть пруссов занималась рыболовством, охотой, в значительной степени — коневодством. Начиная с середины V в. н. э. в могильниках постоянно встречаются лошадиные кости, как правило, под останками хозяина, что предусматривалось обрядом, согласно которому умерший садился на коня для быстрого переселения в иной мир. Письменный документ — Киршпорский договор 1249 г. — свидетельствовал: «...родовые жрецы (пруссов, называемые тулиссонами или лигашонами) считают себя вправе присутствовать на похоронах умерших... восхваляют мертвых... поднимая к небу глаза, они восклицают... что они видят предлежащего мертвеца, летящего среди неба на коне, украшенного блестящим оружием, несущего в руке сокола, с большой свитой направлявшегося в другой мир...»¹¹.

Двухъярусные захоронения пруссов, появившиеся в середине V в., конкретно указывали их путь в заоблачные высоты. Интересно, что в IV — начале V вв. эстии погребались слева (к востоку) от коня, направленного головой на юг. Таким образом, тогдашний ритуал предполагал, что в последний путь воин должен отправляться лишь готовым для посадки на коня. То, что лишь с середины V в. умершие пруссы «начинают садиться на коней», показывает серьезные изменения в местных культовых воззрениях.

Это еще раз подтверждает рождение новой культуры — культуры пруссов.

родвигаясь в юго-западном направлении по берегу нынешнего Калининградского за-

лива, к началу VI в. пруссы параллельно освоили западную часть Мазурского Поозерья, поглотив или вытеснив остатки поселившихся здесь в III—IV вв. н. э. германцев. Однако дальнейшая судьба пруссов все чаще приобретает трагический характер.

В первой четверти VI в. ситуация для них кардинально изменилась. Бывшая имперская провинция Паннония, занимавшая земли по Среднему Дунаю, подвергалась новому после гуннов нашествию кочевников с востока. На этот раз тюрков — аваров. Споры об их прародине не утихают в науке по сей день. Считается, что, передвигаясь с большой скоростью из глубин Азии (из района Алтая), авары облюбовали для своих последних кочевий земли нынешней Венгрии и Австрии, к тому времени занятые победившими в битве при Недао лангобардами и гепидами. После прихода авар последние вынуждены были уйти на запад, образовав в северной Италии королевство лангобардов. Часть из них осталась под властью пришельцев.

Возникало новое государство авар — Каганат. Основой его хозяйства стало использование подневольного труда местного оседлого населения и транзитная торговля. Послав в Пруссию небольшие вооруженные группы подвластных им гепидов и лангобардов, авары захватили мазурские янтарные прииски, пытаясь замкнуть выгоды Янтарного пути на себя. Контрагентом в торговле Каганата стала Византия. С юга пруссов постоянно беспокоил грозный сосед — германцы Мазурского Поозерья (по легендам — мазоны). Молодая культура пруссов, потеряв мазурские янтарные прииски и теснимая мазонами, пыталась восстановить свое положение. Именно в это время возникают легенды о появлении вождей пруссов — Брутена и Видевута.

Симон Грунау в «Прусской хронике», изданной в 1526 г., опираясь на недошедшие до нас рукописи первого епископа Пруссии Христиана, излагает события так:

«Брутен и его брат Видевут... — говорит преподобный Христиан, — собрали всех своих умнейших мужей... которые не хотели платить дань и зависеть от мазонов, ибо кимбры (так хронист называет вернувшихся после гуннских походов на родину эстиев и сопровождавших их видивариев) не желали знать иных господ, кроме своих князей. Так они собрались воедино и, захотев иметь одного короля, обратились к Брутену. Он ска-

зал: «Любимый народ! Я не хочу быть королем, так как я, служа вам, исполняю волю наших всемогущих богов. Однако есть мой брат Видевут, могущественный муж, он станет королем и будет вами справедливо управлять...» С этими и другими словами короновал он своего брата Видевута. Король же со всем народом единодушно называли Брутена повелителем, именуя его отныне Криве. «Это — наш господин, следующий после богов, без его повеления вы не захотите и не сможете ничего сделать и будете его слушать, как самих богов» (сказал Видевут). И так называли их страну Брутенией и решили никому не служить и не приносить жертвы, кроме их богов. Прежде всего Видевут построил им для их богов особое жилище...»¹².

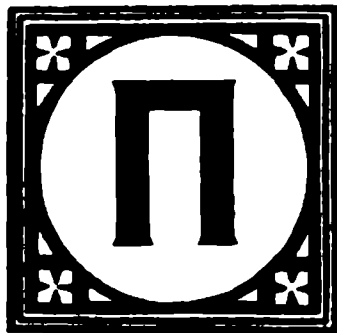
Достаточно длительные временные периоды истории пруссов в легендах, записанных Христианом в начале XIII в. и воспроизведенных по его рукописи Симоном Грунау в 1526 г., были уплотнены. События середины VI — конца VII вв. в преданиях уместились в период правления Видевута (мирского владыки пруссов, их военачальника) и Брутена (верховного жреца с ритуальным именем Криве-Кривайто). Роль последнего очень важна в прусской истории. Консолидация местного населения военачальников — воинов-профессионалов, пришедших с западных рубежей балтского мира, была возможна прежде всего на религиозной почве. Как бы то ни было, но такая консолидация укрепляла силы прусского населения, которое, будучи малочисленным, терпело постоянные неудачи в военных столкновениях с пришельцами из Западных Мазур. Воинственные соседи принуждали их делиться своим достатком, платить дань. Финал этого противостояния хронист описывает следующим образом:

«О войне с мазонами за дань. Выше я уже говорил по записям Христиана, почерпнутым из книжек Дивониса (пруссский жрец XIII в.), о том, что князь Мазо (повелитель мазурских воинов) приходил ежегодно в Ульмиганию, также называемую Пруссией, и брал дань детьми, уподобаясь глупцам, не знающим других занятий, нежели как воровать детей. Однако когда скандиане (легендарные пришельцы в землю эстиев, воины Брутена и Видевута) пришли из Кимбрии и создали в Ульмигании королевство и, владея этой страной, по имени вождя своего называли ее Брутенией, они отказали наследнику Мазо в выплате дани, убеждая другие народы считать это справедливым. Мазоны их (прусов) ежегодно обирали, по их словам, ибо брутены, имея вместо денег рыбу, не могли ею выплачивать дань. Вождь, звавшийся Антонес, послал сказать Видевуту, королю Брутеции, и его Криве-Кривайто: они много раз не уплачивали дань и более не желают (этого делать), поэтому они должны знать: он их покарает, как ранее предупреждал, и подобных слов (было сказано) много. И Видевут — король, и его брутены это приняли и стали на границе (на левобережье р. Лава), которая была у них обозначена священным столбом, ожидать, думается, когда владыка их богов будет помогать своим слугам.

Антонес был неустрашим, располагал мощной поддержкой из Роксолании (книжное название Подунавья), именуемой иначе Ройсландтом, и сошлись (воины), и бились, и Антонес одержал верх и ушел с богатой добычей. Однако множество плененных (ранее прусских) юношей, обучавшихся военному искусству, бежало (на родину). Они научили своих братьев сражаться. Будучи упрощен этими воинами, Видевут-король остановился со своими воинами и стал держать совет: тогда приказал Брутен собрать всех благородных на празднике их богов в Рикойто (центральное святилище пруссов VI—VIII вв. поблизости от современного г. Мамоново, называлось также и Ромове), и они пришли все. Тут случилось так, что свершилась могучая буря с громами и молниями, в которой они увидели мощь Перкуна с небес. Брутен посчитал это знамением для них и сказал, что воля богов такова: все они, снарядившись, должны выступить против Антонеса и его народа, и нарек священной кровью служителей их богов, которые будут их сопровождать. И закончились возлияния (жертвенного) меда, и выступил (вождь), и взял своих, и разбит был Антонес, и низвергнут с Чинбеком, королем из Роксолании, и с людьми своими убиты».

Произошло сражение, судя по некоторым данным, где-то на границе мазонов и пруссов, в районе современного г. Багратионовска. «После сожжения и разграбления (страны врагов) пруссы вернулись домой. Сын Антонеса Чанвиг спасся и прибыл к Брутену и Видевуту и поклонился их богам и просил мира, и после своей просьбы пожелал принести богам жертвы, и они ему вняли. Тогда загнал он в чистом поле белую лошадь до смерти и сжег ее. Отсюда пошел (обычай): никто в стране (пруссов) не мог ездить на белой лошади, но держали ее только для богов. И настал мир между брутенами и мазонами»¹³.

В 1798 г. в окрестностях поселка Куликово (Зеленоградский район) при пахоте было найдено культовое кольцо. Надетое на шею изваянного из дерева бога (героя), оно являлось, видимо, даром местным богам и находилось на местном святилище. На кольце — рельеф: пара сражавшихся всадников. За одним из них — грозного вида старик верхом на волке. Вера в то, что жрецы могли превращаться в волков, жила у балтов до позднейшего времени. Позади другого всадника — аварский лучник с двумя косицами. Последнее являло собой яркую этнографическую черту авар. Судя по иконографии, кольцо было изготовлено пленным аварским мастером в начале VIII в., сразу после победной для пруссов битвы. Памятники археологии Западных Мазур после этого перестают существовать. Значительное количество мазурских вещей появляется на дружинных памятниках пруссов в устье р. Ногата, знаменуя богатую добычу местных воителей. Победа над могущественным врагом укрепила авторитет вождей, главенствующее место среди которых на долгое время у пруссов перешло к верховному жрецу Криве.

обеда над пришельцами из Мазурского Поозерья в начале VIII в. далась пруссам с боль-

шим трудом. Только переход на сторону пруссов значительной части вражеской конницы после ряда военных неудач позволил воинам Янтарного берега одержать победу. Однако и эта победа была приписана воле богов. Пруссы знали о великом жертвоприношении в Ромове. Разразившаяся гроза с молниями и громом была тогда в тысячу раз сильнее, чем звуки самого кровопролитного сражения. Жрецы и присутствующая при этом прусская знать не только объявили разбушевавшуюся стихию проявлением милости небесного владыки Перкуно, но и вновь напомнили прусским воинам о том, что наместником богов на земле является Криве-Кривайто. Разумеется, это означало, что жрецы во главе с Криве-Кривайто призваны всегда стоять во главе прусского общества и что пруссам надлежит проявлять покорность и следовать воле жрецов. Но история дала шанс пруссам освободиться от этой идеологической мистификации. Имя этому шансу — викинги.

Современные историки называют движением викингов отрезок европейского средневековья с конца VIII до середины XI вв. Слово викинг относится к древнеисландской лексике.

На основной части континента в то время бурно проходил процесс феодализации. На обломках Римской империи вставали и рушились варварские королевства. Папский престол спешил укрепить свои позиции и расширить власть церкви до самых отдаленных уголков Европы. Походы Карла Великого в конечном итоге стабилизировали идею государственности. Шло культурно-административное объединение Европы под флагом общего религиозного мировоззрения — католицизма.

Кроме Балтии, сень креста еще не коснулась Скандинавии. Эти два региона объединяли и общие языческие традиции, и общие процессы в социальном развитии, ведущие к отмиранию родового строя. Археологическими обоснованиями дружинных отношений в Скандинавии являются распространенные с конца VIII в. погребения в ладье, а в Пруссии с конца V в. — захоронения воинов с конями. Эти черты обряда, бывшие ранее привилегией родовой аристократии, переносятся на разноплеменных воинов — дружинников. В обоих регионах возникали свободные от патриархальных традиций дружины — воинские союзы, членами которых мог стать не только представитель любого родового коллектива, но и чужеземец. Дружинники объединялись по

профессиональному признаку. Сначала они призваны были оберегать родовой коллектив от внешних посягательств, но затем главным занятием дружины стали сбор дани и походы за добычей в другие страны, в том числе заморские. Дружинники были в равных отношениях с князем, вождем своим. Он ничего не тайл от них, ничего не копил для себя: ни еды, ни золота, — все раздавалось дружине, военному братству.

Формирование прусской дружины произошло на два столетия ранее скандинавской, что подтверждается комплексом археологических признаков. Однако ввиду демографических причин количественный состав воинов Самбии даже в эпоху могущества дружины (в X—XI вв.) вряд ли превышал тысячу всадников одновременно. Поэтому эпоха противоборства языческого севера и христианского юга в Европе названа по имени скандинавских дружинников эпохой викингов.

В погоне за данью войны Скандинавии быстро перенесли свои операции за пределы родины. 8 июня 793 г. они напали на монастырь св. Кутберта на о. Линдисфан в Ирландии. Затем на протяжении полутора веков викинги, называвшиеся на континенте норманнами, терзали набегами самые разные страны Европы. Их мечи и секиры сверкали на Сене и Рейне, в Испании и Сицилии. Воины Севера приняли участие в создании древнерусского государства¹⁴. В «Аустверг» (так называли скандинавы восточные трассы своих набегов) ходили и пруссы.

Сходство культурных и социальных тенденций в развитии Балтии и Скандинавии позволило выдвинуть гипотезу о существовании в VIII—XI вв. Балтийского субрегиона¹⁵. Летописец Нестор указывал: «...Ляхове же, и Пруси, Чюдь присьдять къ морю Варяжскому: по сему же морю съдять Варязи съмо к востoku до предела Симова»¹⁶. Европейские хронисты считали Пруссию ближайшим пограничем Руси. Безымянный автор текста «Дагоме Юдекс» писал около 991 г.: «Область пруссов, как говорят, простирается вплоть до места, которое называется Руссией, а область Русов простирается вплоть до Кракова». В середине XIII в. некий ирландский миссионер в своем сочинении «Начало описания мира» сообщает: «Пруссия начинается за Венгрией и тянется далее на север, граница с Польшей, Ятвягией, Литуанием (Литва) в конце концов загибается на север и северо-запад, огибаемая Лецием (Латвия), Ливонией и Эстонией. Так они достигают на западе язычников-карел, которые живут по соседству с норманнами».

Ранее, в 965 г., путешественник Ибрагим ибн Якуб так описывал суровые нравы пруссов и беспокойное их житье: «Жилища пруссов — у окружающего моря. И они имеют особый язык, не знают языков соседних им народов; и славятся они храбростью: когда приходит (неприятельское) войско, то никто из них не ждет, чтобы к нему присоединился его товарищ, а выступает, не заботясь ни о ком, и рубит своим мечом, пока не умрет. И производят на них Русы набеги на кораблях с запада»¹⁷.

Итак, средневековые хронисты четко осознавали близость к своим странам как скандинавов, так и пруссов, не забывая упомянуть воинственный нрав последних. Непосредственный контакт викингов с жителями Янтарного края приходится, судя по записанному Саксоном Грамматиком в XII в. скандинавским преданием, на рубеж VIII—IX вв.: «Видит Рагнар (по прозвищу Лодброк, то есть — «Кожаные штаны», легендарный предводитель датских викингов), что сверхъестественные, основанные только на волшебстве обстоятельства мешали ему, ибо несмотря на то, что он отправился в тяжелое путешествие, в страну Куршей и Сембов, все в итоге удачно закончилось. Эти (сембы) приняли его господство с большим почтением, словно прибыл он со славнейшей победой»¹⁸. Прочитав эти строки, не следует делать вывод о действительном установлении на Самбии иноземного владычества. Датский конунг Лотекнут в середине IX в., как повествует Петр Олаус, вновь испытывал крепость скандинавских мечей в битвах с сембами.

Сообщение о приходе к сембам Рагнара Лодброка привлекает внимание четко выраженным в его тексте акцентом на то, что пруссы его дружелюбно приняли. Местные дружинники отнеслись к Рагнару не как к пришлому захватчику, а как к собрату по оружию. С другой стороны, пруссы уже минимум столетие общались со скандинавами непосредственно.

На рубеже VII—VIII вв. в восточной части вислинской дельты (конкретно — в устье р. Ногата) возник торговый пункт со смешанным населением из пруссов и выходцев с острова Готланд. Прусы составляли большинство. Здесь обнаружено скопление памятников археологии, оставленных прусскими дружинниками, охранявшими Трусо (так назывался торговый пункт).

С 1982 г. польский археолог Марек Ягодиньский проводит раскопки в окрестностях г. Эльблонга, у поселка Янув Поморский, где когда-то располагался торговый центр Трусо. Археологические материалы Трусо свидетельствуют о широких коммерческих связях его населения. Показательно, что вещи готландского происхождения здесь встречаются лишь в женских могилах. Мужские погребения содержат прусский инвентарь. Погребения совершались по прусскому обряду. Из этого можно сделать вывод о далеко зашедшем к началу VIII в. процессе распада родовых отношений. Прусы-воины предпочитали брать в жены женщин с Готланда. Включение скандинавов в состав прусского общества оставило следы, возможно, даже в местном языке и не могло не сказаться на исторических судьбах пруссов. По сути дела, была заложена основа грядущего процветания прусской дружины, ее борьбы со «священным царством» жрецов. Члены дружинных формирований все больше приходили к выводу, что военная добыча, дань, прибыль от участия в торговых операциях на Балтии — все должно принадлежать только им. Первая независимая от жрецов дружинная группи-

Своими небольшими, длиной около семи метров, ладьями дружинники перегораживали пролив в Куршской косе и вносили дань с купеческих кораблей. Добытое таким образом серебро взвешивалось на складных портативных весах и оставалось в дружинной среде. Оно использовалось в качестве платежей, широко применялось для украшения конской сбруи и оружия. Серебром покрывалась налобная конская подвеска с взлетающим вороном — символом прусской дружины. Изображение этой птицы, считавшейся пруссами вестником богов и спутником войска, стало первым в средневековой Европе геральдическим и воинским знаком²³. Много серебра уходило на черные кожаные знамена. Во время схваток с врагом прусские военачальники поднимали их над головой, блеском серебра указывая свое место в схватке. Богато украшалось и оружие. Прусские ремесленники достигали подлинного мастерства в технике его изготовления, особенно мечей, копейных лезвий, легких метательных топоров. Вплоть до XII в. у пруссов отсутствовали лук и стрелы. Во всяком случае, в погребениях IX—XI вв. они не обнаружены.

Прусские дружинники, утвердившиеся к началу XI в. у пролива Брокст, собирали дань не только с заморских купцов, но и со своих соплеменников, среди прусских общин, остававшихся под властью жрецов. Следы пребывания воинов Каупа появляются к югу от него, у нынешних поселков Муромское, Ветрово и у г. Калининграда. Началом XI в. следует датировать и появление городища Твангсте, фиксировавшего торговую трассу по р. Прегель, у ее устья. Вверх по течению реки возникают своеобразные воинские заставы (поселок Суворово Гвардейского района и Междуречье Черняховского района). Обнаруживается явная тенденция прусской дружины, базировавшейся на севере Самбии, к закреплению ведущей роли в местном обществе. Дружинники взимают дань, контролируют транзитные торговые операции, сами участвуют в них. Видимо, к этому времени следует отнести и появление самбийских торговых судов в тогдашнем центре скандинавской торговли — в шведском порту Бирке.

Усиление прусской дружины стимулировалось ее интенсивными связями с Киевской Русью. Возможно, здесь имела значение сохранившаяся в Восточной Европе память об активной роли пруссов в местной истории середины IX в. Эта память на Руси еще жила в письменных свидетельствах Степенной книги (XVI—XVII вв.) об основателе русской государственности: «Рюрик, иже прииде из Варяг... бе от племени Пруссова, по его же имени Прусская земля именуется, и егда живяху за морем, Варяги именовашася»²⁴.

На контакты пруссов с Русью в эпоху князя Владимира Святославича археологические источники указывают однозначно. Некоторые служившие в княжьем войске пруссы оставались жить в Поднепровье, другие возвращались на родину, унося с собой знаки княжеского внимания — изделия киевских масте-

ров. Среди них следует отметить шлемы, принадлежавшие прусским военачальникам, поражавшие красотой исполнения.

Были проложены довольно прочные торговые пути на Русь, откуда в обмен на янтарь поступали товары, например, ткацкие пряслица из знаменитого овручского шифера. Вообще, прусская торговля янтарем достигала такого размаха, что сведения о ее центре — Каупе — попали в сочинения знаменитого арабского географа XII в. Идриси. Автор именует Кауп как «Гинтийар» (от прусского «гинтарс» — янтарь) и обозначает как «большой, цветущий город, находящийся на вершине неприступной горы, где жители укрепились от нападений Руссов (в данном случае имеются в виду скандинавские викинги). Город стоит вне королевской власти»²⁵.

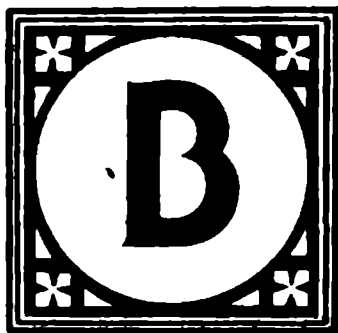
Легенды пруссов сохранили сведения о том, что в 1010 г., желая отомстить пруссам за гибель св. Адальберта, король Польши Болеслав I, прозванный Храбрым, уничтожил в ходе военного похода в Пруссию ее древнейшее святилище Ромове. При этом погиб жрец Ливойлес, занимавший высокий пост Криве-Кривайто.

Бедой обрушилась и на дружину сембов. По сообщению Саксона Грамматика, «...едва после смерти Харальда III Канут Великий в 1016 г. занял трон Дании, он решил... вернуть отпавшие части своего наследства... тотчас вооружил сильный флот и с крепким войском вновь покорил не одних только славян или датские колонии и другие области в Поморье, но и поработил он также впервые Самланд и другие малые владения. Над Поморьем и, вероятно, тотчас же над Самландом посадил он правителем своего сына Свена... Своему новому приобретению — Самланду Канут придавал такое значение, что часто назывался в своем титуле королем Самланда»²⁶.

Датское владычество долго не продержалось в Пруссии. Видимо, действия датчан реально были направлены не на захват всей Самбии, а на уничтожение торгового центра Кауп — конкурента молодого датского королевства на Балтике.

Сходную судьбу имели и другие торговые протогородские формирования на севере Европы. Часть из них (Новгород, Сигтуна, Гданьск) была включена в княжеские или королевские владения, остальные погибли в огне пожаров. Великие торговые пути Балтики приходили в упадок. Нарождающиеся феодальные государства Скандинавии и Восточной Европы были заинтересованы прежде всего в развитии собственных внутренних рынков.

Таким образом, прусской дружине не удалось завоевать прочных позиций в Самбии, и она вынуждена была уйти за ее пределы, что отразилось на дальнейшей судьбе пруссов.

начале XII в. над Пруссией появились предвестники бури, которая через столетие обру-

шится на западные рубежи балтов. Началась восточная экспансия феодальных государств Центральной Европы: завершилось покорение соседей пруссов — славян Поморья немецкими князьями. Прусское ополчение кружило по землям к западу от р. Висла в поисках дани. Пользуясь его отсутствием, польский король Болеслав III зимой 1110—1111 гг. совершил молниеносный набег в Пруссию, о котором писал Галл Аноним: «...страна эта, расположенная по островам, укреплена от природы озерами и болотами и разделена на наследственные участки (по жребию) между землевладельцами и городскими жителями. Воинственный Болеслав, проходя... по этой варварской стране, взял огромную добычу, поработил бесчисленное количество мужчин и женщин, юношей и девушек, рабов и служанок, сжег много домов и селений, после чего он без сражения вернулся в Польшу, хотя сражения он жаждал больше, чем чего-либо другого»²⁷.

Из текста польского хрониста следует, что войскам Болеслава III пруссы, лишённые дружины, практически не оказали сопротивления.

Между тем прусские дружинники все больше превращались в наемников. В XI в. по призыву отдельных польских феодалов они участвовали в междоусобных войнах. На территории Польши появились их специальные поселения и кладбища (например, в окрестностях поселка Лютомерж, вблизи г. Лодзь).

Значительная часть прусской дружины переместилась в ареал близкого по языку племени аукшайтов, в район г. Каунаса. Народные предания и данные археологии указывают места ее обитания в междуречье Дубиссы, Невежиса и Немана. Прусские князья впоследствии принимали активное участие в создании Литовского государства. Это подтверждается и данными геральдики. Знаменитый по сей день в Литве герб князя Гедиминаса, имеющий вид трезубца («столбы Гедиминаса»), непосредственно восходит к священной прусской эмблеме X—XI вв. и принесен на территорию Литвы западными соседями.

Исследования по раннесредневековой геральдике и ономастике показывают, что пути прусских дружинников пролегали и в Новгород Великий. Около 1165 г. в крупнейшем городе Северо-Западной Руси появилась «Прусская улица», на которой жили выходцы из земли сембов. Она входила в Людин конец,

владевший и Новгородским детинцем²⁸. Это подчеркивает высокое социальное положение, занятое пруссами на новой родине. Согласно генеологической легенде, из их среды вышли родоначальники многих русских дворянских фамилий, вписавших славные страницы в историю Российского государства: Романовы, Шереметевы, Яковлевы, Колычевы и другие.

Покинув под давлением жрецов родину, воины-пруссы приняли непосредственное участие в формировании феодальных государств Центральной и Восточной Европы. Они пополнили ряды местной аристократии, получив на чужбине то общественно-социальное признание, которого были лишены на земле своих предков.

Оставленная без защиты, Пруссия находилась под постоянной угрозой. В середине XII в. поляки силой обратили в католичество небольшое число пруссов из приграничных земель. Но последствия этого были для поляков неожиданными. Безвестный автор «Великой хроники» свидетельствует: «Но принятая ими (пруссами) (католическая) религия тем менее сохранялась, чем более их принуждали... Тогда Болеслав IV Кудрявый (король Польши), собрав огромное множество опытейших поляков, сурово нападает на (пруссов), стремясь не только обратить их в бегство, но совершенно уничтожить. Области их не были укреплены, но они были неприступны по своему природному местоположению. У самого входа (в их земли) есть лесные дебри, отовсюду окруженные болотами... Презренные предатели, соблазненные дарами, пруссы утверждают, что они могут провести отряды благородных ляхитов (поляков) этой дорогой, якобы безопасной и спокойной, но тут же, ступив на узкую тропу, первые ряды войска падают. Ведь из засады внезапно появляются враги, мечут копья, и поляков, стиснутых как бы в давяльне, без сражения топчут, поскольку ляхиты словно вепри (сами) нарываються на острие копий, а некоторых, обремененных оружием, поглощают глубины бездны»²⁹.

Этот разгром польского войска, произошедший на южных рубежах Пруссии, в бассейне р. Лава, не является только результатом искусства воинов-профессионалов. Пруссам помогли природные факторы, не раз выручавшие их и позднее, в битвах с крестоносцами.

Социальное устройство прусского общества в XII — начале XIII вв. достаточно точно можно восстановить, опираясь на данные археологических и исторических источников. В это время продолжался начатый в XI в. процесс освоения пруссами земель вне их племенного ареала. Под прусское влияние переходят земли Бартия и Надравия в верхнем течении р. Прегель, Скаловия и Галиндия — территории соседних западнобалтских племен. Каждая из новых земель, имея собственное управление, все важнейшие жизненные вопросы решала теперь под контролем главного прусского жреца Криве-Кривайто. Находясь в новом Ромове на территории Надравии (ныне — городище Шлосс-

берг у поселка Бочаги Черняховского района), перенесенном сюда после разгрома первого Ромове-Рикойто в Натангии (1010 г.), Криве-Кривайто имел обширный «штат» подчиненных ему жрецов. Что же это была за могущественная и таинственная фигура?

В «Хронике земли Прусской» (1326 г.) Петр из Дусбурга писал: «Было же... в Надравии одно место, называемое Ромов..., в котором жил некто, по имени Криве, которого они (прусы) почитали, как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литовины и прочие народы земли Ливонской»³⁰.

Верховный жрец Криве-Кривайто носил жезл (под названием «герб Видевута» он описан в «Прусской хронике» Симона Грунау) с тремя загнутыми концами — символ его безграничной власти над душами пруссов. Центральная часть жезла имела вид верхней части мужской фигуры (бога солнца и огня Перкуно), по сторонам его изгибались две белые лошади. Поясом Криве-Кривайто служила обернутая вокруг тела 49 раз белая полотняная лента. Голову жреца украшала шапка с загнутым острым концом, которую венчал золотой, усыпанный янтарем шар. Через правое плечо Криве спускалась перевязь с изображением владыки богов — Перкуно.

В прусской истории было пятьдесят избравшихся пожизненно Криве. Наиболее знаменитыми среди них прослыли Брутен, Буден, Марко, Телейно, Яйгелло, Монгайло, Ливойлес, погибший в 1010 г. во время польского набега на Ромове, Бейтонор, бежавший к крестоносцам в 1265 г., Аллепс. Последний Криве по имени Гинтовт умер в Литве при великом князе Витовте в 1413 г.

Ближайшим помощником верховного жреца считался Эварт-Криве, имевший двухконечный посох и пояс, обертывавшийся вокруг тела семь раз. Затем следовал разряд жрецов — кривуле, выполнявших судебские функции. Посылаемый ими по деревням жезл с одним загнутым концом считался сигналом к сбору народных собраний. Поразителен факт обнаружения при раскопках в Новгороде Великом аналогичных по виду жезлов XII—XIII вв., имевших у горожан также сакральное значение.

Основную массу жрецов, осуществлявших как ритуальные, так и, по-видимому, административные обязанности, составляли вайделоты (пруское — «знающие»). Их длиннополые кафтаны с белой тесьмой по низу оторачивались шкурами жертвенных животных (козлов, коней). Грудь жреца украшалась двумя белыми шнурами с тремя пуговицами. Пояс вайделота также был белого цвета с бронзовой пряжкой. Во время жертвоприношений на голову вайделота водружался венок из дубовых ветвей. Низшим жреческим саном был вурсхайто — выборный деревенский староста, осуществлявший жертвоприношения низшего ранга, имевшие календарно-хозяйственное значение. Особ-

няком держались жрецы, ведавшие похоронными церемониями — тулиссоны и лигашоны. Их роль — выяснение загробных судеб умерших пруссов и соблюдение заупокойных ритуалов — была настолько специфична, что вряд ли оставляла им возможность участия в повседневной административной деятельности.

Важную роль в жизни пруссов играл деревенский староста. Он избирался из членов сельской общины, связанных не родовыми, а соседскими отношениями. Поселки, насчитывавшие до десяти дворов, группировались в волости (пóлки). В состав волости входило место народных собраний и волостных жертвоприношений — городище округлой формы, окруженное невысоким валом. К волости относилось обычно и крупных размеров городище с посадом, где жил волостной старшина. Эту должность могли занимать прусские нобили — новая аристократия, выросшая из среды землевладельцев.

Основу хозяйства волости к XIII в. составляло подсечное земледелие. Несколько волостей составляли более крупную территориально-административную единицу — «землю». Самбия, например, в конце XII — начале XIII вв. состояла из восьми волостей, разделенных лесными массивами. В состав земли, кроме многочисленных открытых сельских поселений, входили городища со спирально расположенными валами. Здесь в моменты военной угрозы собирались народные ополченцы. Ряд городищ был местопребыванием «госпóды» — органа, руководящего жизнью земли и избиравшегося на земельном народном собрании. В «госпóдах» превалировали служители культа. Из их числа избирался (назначался) предводитель (камерер) земли.

Традиционная для пруссов подать — треть добычи (доход, прибыль) в пользу Криве неукоснительно взималась «госпóдой» с жителей земли через волостные структуры. Прибыль от торговых и хозяйственных операций шла не на развитие земледелия, а в жертвенный костер и на содержание громоздкого института жречества. Это свидетельствовало о регрессивном характере прусского общества. Военные вожди (конгос, зупаны, рикис), наследники былой славы родовой и дружинной аристократии, были подчинены «господе». Достаточную свободу действий военачальники получали лишь на время ведения боевых операций. Они велись силами слабо подготовленных в военном отношении ополченцев, вооруженных метательными булавами (деревянными палками), луками, камнями. С таким воинством трудно было рассчитывать на победу в схватке даже с небольшими дружинами польских феодалов.

По сравнению с князьями феодальной Европы, безраздельно распоряжавшимися в своих владениях, участь прусских военачальников (в латиноязычных письменных источниках: «нобилес») была незавидной. Неудивительно, что немецкие рыцари в период покорения западных славян уже пользовались услугами местной прусской знати, именовавшейся «ветеницы» (советники). Перспектива реального обретения почетного места в фео-

дальной структуре толкала значительную часть прусского нобилитета на сотрудничество с крестоносцами, которые называли этих перебежчиков «витинги». Из их среды к концу XII в. стал формироваться класс земледельцев — феодалов. Земельные наделы отчуждались нобилям (за долги, в виде административных и культовых штрафов), составляя основу их крупных хозяйств. Однако основная часть земельных угодий, куда входили и объявленные святыми леса и поля, по-прежнему принадлежала жрецам.

Уход профессиональных воинов-дружинников в Литву и другие страны открыл неограниченные возможности для укрепления власти жрецов. В ведении родовых общин оставался лишь небольшой процент пахотной земли, и она распределялась между земледельцами по наследственным жребиям, что ограничивало хозяйственную самостоятельность рядовых общинников. В целом роль пахотного земледелия в прусском хозяйстве XII — начале XIII вв. была недостаточной для окончательного утверждения феодальных порядков.

К началу XIII в. граница земли пруссов раздвинулась до левобережья р. Неман на востоке и до среднего течения р. Лава на юге. В поисках новых данников прусские общинники, побуждаемые жрецами, проникали в соседствующие с Самбией и Натангией земли — Вармию и Погезанию. Освоение этих территорий шло медленно. Традиционные для пруссов-сембов городища встречаются здесь крайне редко, а открытые сельские поселения почти отсутствуют.

Пруссы, занимая межплеменные лесные пространства, до XIII в. считавшиеся неприкосновенными, входили в прямой контакт с соседними западнобалтскими племенами — со скальвами и ятвягами. Эти племена, попадая под прусское влияние, частично перенимали самбийские традиции и подчинялись прусскому владычеству. Прусские вожди не координировали свои политические и военные действия и даже враждовали между собой, что привело в конечном счете к пагубным последствиям.

С незапамятных времен, с эпохи камня, определился пограничный, контактный характер пруссов. Эта особенность в значительной степени повлияла на формирование места и роли древней Пруссии в исторической судьбе Балтии. Здесь проходила зона между кундской (затем нарвской) и неманской культурами, оставленными предками современных финно-угров и балтов. Пруссия стала важным звеном складывавшегося западнобалтского этноязычного единства. Перед нею открывалась перспектива образования первого в Балтии единого государства. Однако жреческо-административная структура прусского общества, впитавшая в себя видоизмененные родовые традиции, не позволила этого сделать. Попытки жречества в XII в. консолидировать на этой основе всех западных балтов также не увенчались успехом.

Прусское общество сделало свой исторический выбор, пойдя, по существу, по тупиковому пути развития, игнорируя отработанную веками социальную схему, когда один, два вождя, часто — братья (у римлян — Ромул и Рэм, у саков — Хэнгест и Хорса), нередко пришедшие «из-за моря», завоевывают некую территорию и, одержав победу в битве, получают бразды административного правления. Показательно, что ни одно нынешнее европейское государство не придерживается идеи своего основания автохтонами, то есть исконными жителями соответствующей части материка. Государственно-административные основы образования Франции и Англии, Италии и Испании закладывались пришельцами. Скандинавию этот процесс затронул в меньшей степени, но и там уже с X в. ощущалось влияние королей Дании³¹.

В раннесредневековой истории пруссов происходило иначе. С общей европейской канвой здесь совпадает лишь легендарное известие о прибытии в Пруссию иноземных князей-скандинавов. Все остальное — свое, особенное. Малочисленная прусская дружина не нашла в себе силы взять власть, преодолеть жреческое сопротивление и осуществить идею государственности.

Пруссы не были в этом отношении одиночками. Существовали другие народы, жившие примерно на том же уровне развития, у которых власть жрецов оказалась настолько сильной, что на долгое время затормозила их прогресс. Арабские письменные источники VIII—IX вв. сообщают о мадьярах и славянах, живших в то время в Восточной Европе в условиях полного засилья жрецов.

Жреческая идеология «священного царства» на рубеже XII—XIII вв. несла в себе изначально заряд саморазрушения для пруссов. Христианская цивилизация надвигалась на пруссов неумолимо, а они (кроме жрецов) между тем не имели даже письменности, не могли считать, делали зарубки на деревьях или завязывали узелки на поясах. Развалу прусского общества способствовала местная знать — нобили, стремившиеся к стабильному владению землей, однако развитие феодальных отношений под властью жрецов было невозможным.

...В XII в. начались частые польско-пруссские столкновения. Польская экспансия в соседние земли, на север от княжества Мазовии, мотивировалась необходимостью христианизации язычников. Тем же обосновывалась булла папы римского Иннокентия III от 26 октября 1206 г., фактически предоставившая широкие права на завоевание земель западных балтов европейским феодалам. Воспользоваться ими в 1210 г. пытался датский конунг Вальдемар II. Однако его набег на Самбию окончился полной неудачей.

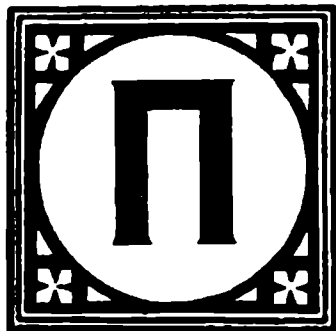
Около 1212 г. польские монахи во главе с пресвитером Христианом построили на западной окраине прусской земли Помезании в местечке Зантир первый католический монастырь, опять же под предлогом мирной христианизации пруссов. Папа в

1216 г. назначил священника Христиана первым епископом Пруссии. Но число обращенных в новую веру пруссов почти не росло. Они твердо продолжали обожествлять таинственную силу природы, землю, солнце, гром, вековой дуб, считавшийся бессмертным. Тогда польские феодалы пытаются в 1222—1223 гг. при помощи небольших по объему крестовых походов стимулировать процесс обращения. Но это только усиливало сопротивление язычников-пруссов. В 1224 г. прусские воины переходят р. Висла в ее нижнем течении, захватывают и сжигают монастыри в Оливе и Древенице. К западу от Гданьска, далеко за пределами своей земли, они сооружают каменное изваяние, изображавшее, видимо, одного из легендарных прусских вождей, что должно было зафиксировать конечный пункт победоносного похода.

Последние и самые трагические страницы в истории прусского народа связаны с нашествием на их землю Тевтонского (Немецкого) рыцарского ордена, созданного в конце XII в., в эпоху так называемых крестовых походов на Ближний Восток под названием «Ордена дома святой девы Марии Тевтонской» и утвержденного папой Иннокентием III. Замышляемый сначала как братство по уходу за больными и ранеными крестоносцами, он вскоре был преобразован в военно-духовную организацию, в которую вступили многочисленные средние и мелкие феодалы, надеявшиеся в борьбе с язычниками не только очистить свои души, но и разбогатеть.

К началу 1200 г. провалились завоевательские планы ордена дома святой Марии в Палестине, и тевтонские рыцари перебазировались в Среднее Подунавье. Там, в Венгерском королевстве, под видом борьбы с язычниками-половцами, орден немедля принялся обзаводиться недвижимым имуществом и связями среди местных магнатов. Это вызвало возмущение венгерского короля Андрея, почувствовавшего в действиях пришельцев опасность для единства и стабильности королевства. Орден был удален из венгерских пределов. Однако судьба покровительствовала ордену. Поощряемый и подталкиваемый римским святым престолом и немецкими феодалами, он устремил свои завоевательские планы на Восток, в сторону Пруссии, прибалтийских народов.

Более пятидесяти лет пруссы вели героическую борьбу против захватчиков. Но силы были неравными. Прусское общество пожинало плоды своей искусственно поддерживавшейся с XI в. обособленности и консервативности. Единственными преимуществами пруссов были их многочисленность и горячая любовь к родине предков. Однако в борьбе за свободу этого было недостаточно.

русские жрецы оставили в назидание потомкам свой вариант истории пруссов. Многие

реальные события в ней смещены хронологически. Однако, к чести жрецов, сказочного в их фольклорной версии немного, что подтверждается современными исследованиями. Они стремились доказать в первую очередь правомерность и незыблемость власти прусских богов и их наместников — жрецов.

Жреческие предания утверждают, что в незапамятные времена Пруссия называлась иначе — Ульмигания или Ульмигерия. Плиний Старший (23/24—79 гг. н. э.) именовал ее Аустеравия. Оба названия (одно — древнегерманское, другое — кельтское) переводятся на русский язык однозначно — «Восточная страна». Трудно сказать, откуда термин «Ульмигания» попал в прусские легенды: память ли народная сохранила его, а может быть, книжник Эней Сильвий внес это название в свои записи, прочитав труды Плиния Старшего.

Согласно жреческой истории, Ульмиганию населяли племена: саргациане, гиллане, аланы, ваккинеи и карионы, покоренные впоследствии ситонами (гитонами) и амаксобиями. Некоторые из них упоминаются античными источниками (например, географом Страбоном). Большинство же из указанных названий племен до последнего времени не было знакомо ученым.

Жреческая версия истории пруссов стала известной епископу Христиану во время его пребывания в плену у сембов в 1233—1238 гг. и впоследствии им была записана. Иной вариант сохранения жреческих сказаний маловероятен. Рукопись епископа через три столетия досталась монаху Симону Грунау и легла в основу его «Прусской хроники». Первый русский перевод древнейшей части предлагается ниже. Сюда же включены и данные некоторых прусских легенд, изданных Энеем Сильвием в 1490 г.

О народе готов (и о том), как он был вынужден оставить Ломбардию. События Господни 500 г.

В году мучений Иисуса Христа, говорит владыка Христиан, 500, когда императором был Юстиниан, а папой римским Вигилий I, народ готов со своим королем Виттиги пришел в Ломбардию, и одолели они сильные города и умертвили многие тысячи людей. Они пришли из Испании и были языческого вероисповедания. Когда они заняли всю Ломбардию, город Равенну сильно укрепили и сел там король со своим двором. Папа в Риме и вся Этрурия и Тусера с такими городами Ломбардии, как Венедия, Ла-

удум и Кремона, обратились с письмом в Константинополь к императору Юстиниану и милости божьей ради просили о помощи, дабы спас он от жестоких мужей готов. И послал (император) в Ломбардию князя Нарзетен с 15 тысячами человек и пришел он к Риму и присоединил там 60 тысяч человек, с которыми пошел через Романдиолу и пришел к Равенне. Тем временем собрал король готов Виттиги около 100 тысяч человек и вступил с Нарзетеном в бой. Так решил бог, и готы проиграли (битву), а король Виттиги с женой и детьми попал в плен и был послан в Константинополь к императору. Покинувшие поле боя готы в (количестве) 15 тысяч просили милости дать возможность оставить Ломбардию со своими женами и детьми. Они хотели добровольно отправиться в чужую землю, где они не будут вредить империи. Нарзетен был хорошим человеком и, кроме того, видел, что большая часть из них были пострадавшие (имели ранения), он дал им 4 недели, и они должны были покинуть страну Вельш (Ломбардию) без сожаления. Это они и сделали, и Нарзетен дал им в сопровождение графа Агилульфа и проводил он их через Баварию до Вестфалии и прибыло их туда 36 тысяч старых и малых и увидели они, что Вестфалия велика и не заселена. Они построили там один город, и он по сей день называется Готтинген, и думали здесь остаться, но выгнали их отсюда в Данию, где было много пустой земли и островов. В это время в Дании правил король Теудот, который боялся готов, и когда последние направили к нему посланцев с просьбой о приобретении земли, на которой они могли бы жить, он им ответил, что в его стране находится остров Кимбрия, из которого их (датчан) выгнал народ из Скандии, оставшийся там им назло, не признавая его правителем; если бы они (готы) вручили бы ему выкуп (за землю), тогда согласно их пожеланиям могли бы напасть на кимбров. И готы с этим были согласны, но они желали жить самостоятельно, и князь их Висбоо договорился с Теудотом по этому делу о выкупе и проживании (в Кимбрии).

События Господни 514 г. Как готы пришли в Кимбрию и как народ был вынужден бежать от них в Ульмиганию.

Готский князь Висбоо отправил к народу скандиан в Кимбрию послов и велел, дабы они сказали, что по выкупу у князя Теудота земля будет ими заселена и если они подчиняются его власти и готовы платить готам дань, то Висбоо и старейшие готы их и послали к ним, дабы узнать их мнение: оставят ли они Кимбрию добровольно, или же они пожелают жить с ними в мире, или же они готовы воевать. Народ в Кимбрии имел двух властителей, которых считал королями, звавшихся Брутен и Видевут. Они собрались со своей знатью на совет (решать) что делать: быть ли слугами родившимся господами — это было большим оскорблением, сражаться с ними (с готами) (посчитали) они для себя гибелью и решили они единодушно, и Брутен возгласил от имени своих всемогущих богов: должны они покинуть Кимбрию и должны они где-то стать сильнее, нежели (чем) здесь. Ввиду этого договорились они с готами, что покинут Кимбрию и что готы их и их потомков, в каких бы странах они ни были, оставят в покое, и готы дали в том клятву и сдержали ее.

Брутен и его брат Видевут с их родней сели на плоты и поплыли по

Хроне (по Страбону — р. Неман), воде Хайлибо (Калининградский залив) в количестве 46 тысяч мужчин и женщин и нашли в Ульмигании неведомый народ. У него сделали они остановку и строили там на свой лад замки и деревни, используя иногда силу, иногда — хитрость, а иногда — дружелюбие, с ними спознались, и прибывшие из Кимбрии скандиане стали править в Ульмигании и пользоваться их (местных жителей) услугами. Готы прибыли в Кимбрию и заселили ее, и свою столицу по (имени) своего князя называли Висбуа, а Кимбрию называли Готирландт.

Брутен и его брат Видевут построили (замки) Хонеду, Пайлпайлло, Нангаст, Вустоппос и Галлонс и нашли они мед и делали из него напиток, ибо ранее они пили лишь молоко, и те, кто ранее находились в Ульмигании, стали вести жизнь по образу кимбров и стали они с обеих сторон пьющими и безумными мужами и со временем (превратились в) жестоких воинов ³².

Дальнейшие события в Ульмигании, излагаемые жрецами

В 521 г. Брутен и Видевут созвали мудрых и спросили их, кому быть властителем. Все указали на старшего из братьев — на Брутена. Последний отказался от власти в пользу брата, желая служить богам. После коронации Видевут объявил Брутена высшим владыкой («второй после богов повелитель») — верховным жрецом с культовым именем Криве-Кривайто, которого все должны были слушаться как бога. В честь него страна была названа Брутенией и богам принесены благодарственные жертвоприношения. Брутен соорудил богам Патолло, Патримпо и Перкуно особое строение. Их изваяния привезены были сюда из Скандии. Видевут между Хайлибо и Хроно, на Неринге, ставит город Нойтто, затем у него появляются 12 детей.

По поводу событий 523 г. вновь обратимся к тексту «Прусской хроники»: «В этом году, говорит господин Христиан, брутены со своим королем Видевутом и Брутеном, своим Криве-Кривайто, пришли в Хонедо (некоторые исследователи считают Хонеду древним наименованием замка Бальга), и там огласил Брутен волю своих богов, призывая жить (пруссков) единым образом, первое: никто, кроме Криве-Кривайто, не может обращаться к богам или приносить с чужбины на родину (иного) бога. Верховными богами являются Патолло, Патримпо, Перкуно, давшие нам землю и людей и дарующие еще (иное достояние). Второе: по их воле наш Криве-Кривайто назван перед нами верховным повелителем, и его последователи, когда они появляться, будут нашими любимыми богами и их вайделоты (младшие жрецы) в Рикойто (центральном святилище будут находиться). Третье: многократно и прилежно просим мы наших святых богов и нашего Криве-Кривайто, чтобы дали они нам еще в этой жизни красивых женщин, многих детей, сладкого питья, хорошей еды, летом — белой одежды, зимой — теплого плаща, дабы спали мы на больших кроватях и, будучи здоровыми, много смеялись и бегали... Четвертое: все страны и люди, которые нашим богам принесут жертвы, должны быть нами любимы и почитаемы. Противящиеся этому должны быть убиты нами огнем и дубиной и мы обретем друзей. Пятое: мужчины могут иметь трех жен, знатные и верховные владыки передают (свои звания) по наследству, придя с нами в (эту) страну, остальные должны находиться при них...» ³³.

Таким образом, от имени богов Брутен дал своим подданным законы,

вернее — культовую регламентацию их жизни. Среди законов следует упомянуть восьмой — о чести для мужа и жены, если их сын стал у огня богов вайделотом (знающим); девятый — о наказании жены за неповиновение богам и мужу; двенадцатый — о возрождении к новой жизни верного слугителя богов; тринадцатый — о возможности бога переродить прусса в случае его неповиновения жрецу в собаку.

Верша судьбы пруссов, жрецы внушали им, что жесткий порядок их жизни изначален и установлен богами. Таким он оставался и в XIII в.: «Одни из них (пруссов) в знак почитания своих богов каждый день ходят в бани, другие бань совсем не признают. Мужчины и женщины должны прясть, одни — лен, другие — шерсть, чем, как полагают, они угождают своим богам. Одни не смеют ездить верхом на вороных конях, другие же — на белых или иного цвета из-за богов своих»³⁴.

Большое количество жрецов позволяло контролировать языческому «синклиту» жизнь каждого прусса.

Дав пруссам законы, Брутен и Видевут устраивали для них общие пиры. Конунги объезжали свои владения и под видом угощения забирали дань. Жителям Ульмигании это пришлось не по нраву. Они не захотели строить дома для воинов Брутена и Видевута и начали возводить дворы для знати своих мелких родов. Тогда с войском прибыли кимбры, сожгли вновь построенные дворы с женами и детьми числом около сотни.

Был выработан принцип формирования аристократии. По решению Брутена знатым становился имеющий быструю лошадь, которая отличалась на скачках. Интересно, что сходный обычай скачек за приз, составлявший долю наследства знатного прусса, незадолго перед этим умершего, был зафиксирован на правом берегу р. Ногата в конце IX в. англо-саксонским купцом Вульфстаном³⁵.

После победы пруссов над мазурами (в жреческой истории указан 550 г.) Видевуту в 573 г. исполнилось 116 лет, а Брутену — 132 года. Они разделили между 12 королевскими сыновьями 12 «земель» пруссов. Собравшись в центре княжеской власти — Рикойто (недалеко от г. Мамоново), Видевут вручил старшему сыну Литтфо занеманские земли, следующему — Замо — нынешний Калининградский полуостров. Остальные сыновья — Судо, Склаве, Надро, Наттанго, Брато, Галиндо, Вармо, Хогго, Помезо — также получили свои уделы*.

Далее история повествует следующее: «...чувствуя приближение смерти, царственные братья созвали знать и обратились к ней с предложением выбрать нового короля. Благородные брутены не знали, на ком остановить свой выбор. Тогда из рядов брутенов вайделоты (!) вывели некоего мужа, поставив его перед Криве-Кривайто для благословения».

Легендарная часть «Прусской хроники» Симона Грунау заканчивается описанием акта самосожжения мирского и священного князей пруссов Видевута и Брутена.

«Царственные братья, облаченные в белые одежды, лишенные каких-либо украшений, добровольно вступили на погребальный костер. Отовсюду стекались люди. Все ожидали нечто необыкновенное. Видевут молвил: «О бо-

* По всей вероятности это типичный этимологический миф, который можно назвать поздней вставкой, объясняющей происхождение названий прусских земель.

ги земли и моря! Мы оба в этом святом месте хотим принести себя в жертву в огне, умереть ради свободы народа. Бессмертные боги! Даруйте нашему народу победу над врагом, дабы он испытал бессилие и страх и чтобы в битве обратился он в бегство». В руке Видевута колебался меч, голову Брутена украшал венок из дубовых листьев. Повелители шагнули в огонь. Вдруг раздвинулось огромное красное пламя. Наверху стояли вплотную два белых как снег старика и пели божествам славу. Недолго эта удивительная картина чаровала всех: внезапно воспламенились белые одежды и в поднимавшемся черном дыму братья скрылись навечно. Толпа застыла. Сразу потемнело небо, молнии неистового Перкуно потрясли землю. Народ понял, что боги выразили свою волю. Власть Криве стала наследственной».

Забегаая вперед, скажем, что очередной Криве-Кривайто, скрываясь от крестоносцев, в середине XIII в. ушел в Литву. Основанный там до 1232 г. город Вильнюс по местной легенде также связан с Криве-Кривайто³⁶.

В Западной Европе сакрализация монарха развивалась из магических представлений о вожде, от которого мистически зависело благосостояние племени. Мирской правитель Пруссии был лишен этих качеств, усиленных у Криве-Кривайто его ролью в обществе как представителя богов на земле. «Священное царство» на века сковало землю пруссов своими нерушимыми законами.

БОГИ И КУЛЬТОВЫЕ ОБРЯДЫ

а основе средневековых прусских легенд известным российским языковедам В. Н. То-

порову и Вяч. Вс. Иванову удалось восстановить иерархию прусских богов³⁷.

Царем богов считался Окопирмс (самый первый), повелевающий всем. Был у него сын или младший брат Перкуно — бог грома и молнии, посылающий на землю огненные стрелы.

Высший слой богов составляли Потримпо (бог молодости, цветения, источников и рек), Аутримпо (бог моря, вместе с Потримпо восходящий к более древнему Тримпо, повелевавшему водами) и длиннобородый бог Патолло (властитель смерти, старости, подземного царства, державший связь с более древним Бардойтом (бородатым) — богом кораблей). Среди подчиненных верхней триаде божеств, опекавших благополучие человека, были Пергрубиус (воплощение весны), Пушкайто (владыка земли), символом которого являлись бузина и рябина; врачующий бог Аушаутс, бог богатства Пильвисто.

Три главных бога прусского пантеона — Перкуно, Потримпо и Патолло — были изображены на знамени Видевута, описанном в «Прусской хронике» (1526 г.) Симоном Грунау. На самом деле параметры полотнища (длина 5 локтей и ширина 3 локтя) указывают скорее на его применение в качестве ритуальной завесы части святилища. Сходные традиции оформления святынь известны и у поморских славян X—XI вв.

В ходе прусской истории верхний ярус языческого пантеона претерпел изменения. Наиболее действенными принципами упорядочения пантеона оказались космологический: Окопирмс, солнце — Звайтикс, гром и молния — Перкуно, море — Аутримпо и т. п. или смешанный, при котором космологические элементы сочетались с социально-хозяйственными³⁸.

Структура прусского пантеона отражает двоичность местного мировоззрения. Наиболее ярко это реализуется при оппозиции Потримпо — Патолло: жизнь и смерть, молодой и старый, зеленый и белый. Эта идея пронизывает всю иерархию богов Пруссии.

Боги прусского мифотворчества были живыми и полнокровными существами, непосредственно общавшимися с простыми смертными. Посредниками между ними и человеческим обществом считались, по-видимому, легендарные вожди пруссов Брутен и Видевут, основатели сакрализованной власти в междуречье Ногаты и Деймы, чьи парные каменные скульптуры устанавливались в XI—XII вв., выполняя охранительные функции, на границах земли пруссов. Они же оберегали полевые злаки земледельцев от злого духа Курхе.

Очень почитали пруссы огонь. Еще в XIX в. на некоторых городищах Пруссии в праздник летнего солнцестояния зажигались огни. Средневековые хронисты обращали внимание на обряды, связывавшие пруссов с окружающим их миром. «Они (пруссы) запрещают нам (христианам) приближаться к их священным рощам и источникам, ибо считают, что те становятся нечистыми от приближения христиан»³⁹. «...Они (пруссы) всю природу почитали вместо Бога (Христа), а именно — солнце, луну и звезды, гром, птиц, также четвероногих, вплоть до жабы. Были у них также священные леса, поля и реки, так что они не осмеливались в них рубить деревья или пахать или ловить рыбу»⁴⁰.

Последним промежуточным звеном между миром ирреального и человеком служили гномы, выступавшие в легендах Пруссии под именами барздуков и маркополей.

Прусские предания гласили, что перед орденским временем близ того места, где позже появилось здание замка Растенбург, стояла огромная святая липа. Здесь люди собирались и прославляли бога. Под этой липой в земле жили барздуки. Это были маленькие мужчины. В лунную ночь они посещали больных. Они несли своим почитателям хлеб в закрома и в сарай. В домах расторопные духи выполняли для своих друзей всякую

работу. Вечером люди ложились спать, покрывая стол чистой скатертью, на которую выставляли хлеб, сыр, масло, пиво, и приглашали барздуков поесть. На следующее утро на столах ничего не находили. Это было хорошим признаком. Однако ежели в течение ночи пища оставалась нетронутой, это означало, что боги удалились из твоего дома и тебя они не любят.

Когда мечи крестоносцев покорили этот край и старая вера была запрещена, на липе объявилась чудотворная икона Божьей Матери. Рассказывают, что люди, ожидая для себя много добра от этой иконы, старались непременно вынести ее из святилища, но она по-прежнему возвращалась на эту липу. Тогда здесь возвели часовню, которая широко прославилась по всей округе.

Земля пруссов была полна жизни и духов, которые могли быть милостивыми или злыми, если нарушить их покой или волю. Солнце, месяц, леса, животные могли разговаривать, наполнять пруссов отвагой и силой, предсказывать судьбу. Было немало священных деревьев. Особенно почитался мощный и крепкий дуб в районе Хайлигенбайля (г. Мамоново). Он имел широкую вершину и такую густую крону, что ни дождь ее не пронизывал, ни снег сквозь нее не проникал. Более того, как сказывали, это дерево и зимой и летом было зеленым. Дуб считался святым. Люди срывали его листья и прикладывали себе или своим домашним животным у шеи, сберегаясь от всякой болезни. Он долго еще стоял и в орденскую эпоху. Люди тайком почитали его, это делали даже и крестоносцы. Позже этот прославленный дуб срубили во времена магистра ордена Книпроде.

Человек входил в комплекс сакрализованных понятий прежде всего как участник культовых действий. Первое место здесь принадлежало жрецам во главе с Криве-Кривайто. Для отправления культа и для административных нужд ему служили жрецы-вайделоты. Особый разряд священников (тулиссонов и лигашонов) занимался погребальными обрядами.

Вызывает интерес факт распространения прусских культовых традиций в раннесредневековой Литве, где в XIV в. зафиксированы почитание жрецами огня, явление души умершего человека, принесение в жертву богам третьей части добытого в боях достояния. Существовала на правом берегу Немана и традиция власти верховного жреца Криве-Кривайто (Кривайтиса) ⁴¹. Эти аспекты связаны, вероятно, с возникавшей у пруссов в XII в. тенденцией к распространению своего влияния (во всяком случае, в области культа) на восток.

Три разряда жрецов, названных выше, включали в свой состав постоянных служителей культа. Проводившиеся по деревням моления еще в XVI в., как сообщает Марцин Муруниус, совершались членами земледельческой общины.

Обычно культовая церемония проходила так. «Жители нескольких деревень собирались в каком-либо сарае. Жрецом (ча-

ровником) выбирали старшего (селянина). Мужчины приводили козла, а женщины приносили специально приготовленное тесто. Жрец занимал возвышенное место и повествовал собравшимся о древних народах, их героических делах и добродетели, о богах и об их благодати. После этого на середину сарая выводили козла. Жрец возлагал на него руку и обращался к богам, поименно перечисляя их, дабы (все) они милостиво снизошли (к жертвователям). Собравшиеся падали подле жреца на колени и громко каялись в грехах, которыми они за истекший год прогневали богов. После исповеди все вместе пели богам славословия, высоко поднимали (на руках) козла и несли его по кругу. (Затем) песнь смолкала, козла опускали на земляной пол. Жрец призывал людей искренне смириться и так осуществить жертвоприношение, как исполняли этот ритуал предки и заповедали (это) детям (своих) детей. Вслед за этим козла закалывали, кровь (его) собирали в углубление (в полу?), окропляли (кровью сарай), давали каждому (из присутствующих) малую толику той крови и посудину, чтобы дома дать (ее) животным, ибо (как люди верили) это (средство) предохраняло от всех болезней. (Затем) рубили козла на части, клали (их) на доску и женщины (это мясо) жаривали. Когда козла запекали, все падали (на земляной пол), а жрец ударял их. И люди краснели до корней волос (своих) за грехи, в которых они покаялись. Наконец после этого (все) набрасывались на самого жреца, все (присутствующие) дергали и колотили его за совершенные им грехи. Заканчивалось покаяние приготовлением пирога, но не в печи, а иным образом, женщины подавали мужчинам затвердевшее тесто, которое (те) кидали через огонь (до тех пор), пока оно не запекалось. Позже (собравшиеся) ели и пили весь день и всю ночь. То, что оставалось от жертвенной трапезы, тщательно собиралось и зарывалось в заветном месте, дабы птицы и звери не осквернили священную пищу. Люди верили, что посвященная богам еда — мясо жертвенного животного — приносит богам силу. За это люди получают милость богов. И хлеб, освященный огнем, имел священную силу против всего вредного (людям). В старину таким образом жертвовали и свинью, особенно (в том случае), если скотоводство (в какой-либо местности) было достаточно развитым.

Этот обряд являлся тайным. Когда некий чужак узнавал о таком жертвоприношении, он оставался в живых лишь благодаря своей бедности и немощи».

Жизнь богов в представлении пруссов была насыщена подвигами, победами и страданиями. Они могли быть добрыми и благородными, но и жестокими, особенно к врагам и злым людям.

Когда Тевтонский орден завоевал землю пруссов, крестоносцы заметили, какую большую выгоду можно извлечь, если присвоить себе право на сбор и торговлю янтарем. Поэтому фогт Самбии Ансельм фон Лозенберг издал приказ о том, чтобы каж-

дый собирающий янтарь на берегу моря без разрешения властей подвергался повешению. Но многие сембы (так называли европейцы с IX века жителей Самбии) ничего не хотели слушать о таком запрете и продолжали свой промысел. Их участь была жестокой: каждого без разбора хватали и без суда приказывали вешать на ближних деревьях. Согласно прусской легенде, за это душа Ансельма после смерти не имела покоя. Многие годы люди видели его призрак, скитавшийся вдоль побережья и возглашавший: «О Боже! Янтарь свободен».

В 1523 г. путешествовавший по побережью повелитель земли Пруссии магистр Альбрехт запретил выдавать сембам соль, требуемую для обработки рыбы. Тогда они стали собирать янтарь и торговать им. Изловленных с янтарем сембов выводили на площади и жестоко наказывали, как преступников. Это страшно прогневало морского бога Аутримпо. После этого море стало так мало выбрасывать янтаря, что вряд ли он составлял тысячную долю того, что ловили некогда. Правда, люди видели, как много янтаря уносили от берега морские волны. Но когда сембы выходили на берег с сетями или с другими приспособлениями для ловли, янтаря не было. Он как бы проваливался сквозь землю. Бог не хотел дарить им этот ценнейший дар. Так гласит легенда.

Боги наказывают, боги дарят любовь и милосердие. Это главная тема легенд. «Некогда гремющий бог Перкуно отправился путешествовать по земле с подземным владыкой Пикунло (Патолло). Они хотели убедиться, хорошо ли берегут (люди) вечный огонь. Путники пришли к богине Земли. Она с любовью приняла обоих и прекрасно угостила. В благодарность за это Перкуно подарил ей вечную молодость, а Пикунло преподнес (хозяйке) праздничную свиту из девушек. Ночами они работали, делая то, что необходимо богине Земли, за что получали в благодарность отпущение грехов.

Богиня Земли покровительствовала плодородию и заботилась о том, чтобы все цвело и процветало. Раз явилась к ней страждущая девушка из (селения) Пакальнис. Некому было о ней заботиться. Отец (ее) и матушка умерли и находились высоко в поднебесье. Богиня Земли велела несчастной бедняжке посадить на высоком холме розу. Из нее принялось расти высокое дерево — ветками до облаков. Сирота добралась по веткам розы до облаков и пожаловалась родителям на свою тяжелую долю. Ей стало легче». Так рассказывается в другой легенде.

Культовые действия пруссов совершались обычно в пределах священных мест. Все святилища различались по назначению и располагались по восходящей линии. Значимые лишь для определенной общины религиозные акции производились в помещениях крупных размеров, предназначенных для народных сходов. Подобные постройки существовали у пруссов еще в конце X в. Были святилища, которые оборудовались «на слу-

чай». Например, заклятие черного быка, сжигание его костей и внутренностей (дабы отпугнуть врага), о чем говорилось выше. В 1980 г. в ходе своих работ Балтийская экспедиция обнаружила жертвенный камень размером $1,1 \times 0,65$ м трапецевидной формы. Направленный на северо-запад (в сторону, с которой на пруссов надвигались вражеские корабли Гданьска), угол камня был ограничен канавкой. Моления, видимо, адресовались богу моря Аутримпо.

13 апреля 997 г. пересекший территорию заповедного леса Кунтер и могильник Ирзекапинис («могилы гребцов») первый миссионер Пруссии св. Адалберт (Войцех) был убит пруссами. В 1981 г. вблизи леса Кунтер, в урочище Охсендреш, Балтийская экспедиция исследовала открытое святилище поперечником 16 м. В его пределах обнаружены каменные вымостки, жертвенник и две ямы. Этот комплекс сооружали «на случай» одноразового жертвоприношения, и он однозначно связывается с последними часами жизни Адалберта. Миссионера, видимо, принесли в жертву духам, обитавшим в священном лесу Кунтер, причем ритуальный костер здесь не применялся. В связи с осквернением, причиненным ногами христианина Адалберта, была приостановлена деятельность святилища, расположенного рядом с Кунтером, у могильника Ирзекапинис, который был перепланирован и просуществовал до XI—XII вв.

Культовые площадки в различных вариантах существовали при могильниках пруссов с первых веков нашей эры до развитого средневековья. Симон Грунау, описывая прусские обряды захоронения умерших, указывает, что пруссы и при проводах соплеменников в загробный мир не забывали об их социальной принадлежности. «...Тройная градация, какая была у них (прусов) при жизни, существовала и в погребениях. Первое сословие — простой народ. Их сваливали в любую яму и засыпали. Другое — зупаны, которые были менее (королей) благородные. Для них вырывалась яма рядом с их двором. (Покойника) одевали в то платье, в котором он имел обыкновение молиться богам, и давали ему денег как средство к пропитанию (в ином мире), подводили к нему лошадь, клали ее и его лучших охотничьих собак в ошейниках (в могилу) с тем, чтобы он и там имел то, на чем скакать и с чем охотиться. Однако был и король, то есть князь. Собирались благородные вайделоты и сжигали его, а пепел клали в новый ковер, а ковер погребали под их дворами, то есть укреплениями на горе, которые иные находят. И там в этих горах делают нечто, а потом четыре недели подряд собираются у могилы люди и там скорбят, и дарят каждому то, что он пожелает (в память) души усопшего»⁴².

Указанные действия проводились на специально устроенных при могильниках площадках для поминовения или конских жертвоприношений. Моления на них предназначались духам умерших и владыке иного мира Патолло. Ему же были адресованы молитвы, сопровождавшие проводимые тулиссонами и ли-

гашонами акции трупосожжения, ритуальные скачки всадников.

С культовыми объектами, располагавшимися у могильников (порядок расположения на них столбов, идолов, жертвенников, ритуальных костров имел тенденцию к стандартизации), были связаны действия, осуществлявшиеся жрецами для определения ориентировки совершаемых погребений. Можно предполагать по аналогии с литовскими погребальными древностями порога средневековья, что существовала связь между ориентировкой погребений, полом погребенных и временем устройства могилы.

Аналогичные задачи и сходную с площадками при могильниках конструкцию имели открытые святилища пруссов. Данные объекты имели в плане округлые очертания. Одно из них обнаружено в лесу у поселка Длуги Конт (пограничье воеводств Сувалки и Ломжа в Польше). Судя по сохранности остатков центрального на святилище дуба оно датировалось XV—XVI вв. Календарные обряды, исполнявшиеся вайделотами, имели целью не только служение богам земледельческих культов (Патримпо, Курхо и др.), но и определение сроков проведения полевых работ.

Следующим разрядом прусских святилищ являлись расположенные на возвышенностях и окруженные нередко кольцевым валом городища. Они служили местом периодического проведения культовых церемоний или народных собраний. На их валах, в специальных ямах, совершались жертвоприношения, в том числе людей. Юные прусские пастухи пели на холмах песню: «Утренняя звезда, утренняя звезда, освети мою раннюю смерть. Скоро зазвучат трубы, должен я оставить свою жизнь, я и другой парень»⁴³. Захваченные в плен враги под звуки труб типа трембит сжигались на жертвенном костре верхом на конях, в полном боевом снаряжении.

Пока остается не ясным, производились ли такие жертвоприношения в культовых центрах каждой прусской земли или только на центральном святилище Ромове — Рикойто. Этот единый для всех пруссов культовый центр по своей конструкции близок обычным городищам и представлен в Пруссии дважды. Один из них, условно датируемый V—X вв. н. э. и сопоставимый с центром культовой и административной власти Брутена и Видевута — Рикойто (местопребывание господы), располагался в пределах древнейшего в земле пруссов дружинного региона на побережье Натангии (у поселка Липовка Багратионовского района). Грандиозные размеры площадки городища (205×182 м) и его вала, отсутствие на городище культовых напластований (лишь предматериковый слой грунта сохранил следы довольно мощного прокала) выделяют его из ряда остальных прусских городищ.

Еще более внушительные размеры имело второе святилище в урочище Шлоссберг (поселок Бочаги Черняховского района). Оба объекта располагались в излучинах рек.

Перенесение Ромове с запада от беспокойной польской границы на восток, в Надравию, было связано с походами в начале XI в. Болеслава Храброго, предпринятыми в отмщение за гибель св. Адалберта и направленными против прусского язычества. Правда, местные легенды объясняют уничтожение Ромове польским набегом времен Лешека Старого (IX в.)⁴⁴.

В центре святилища Ромове, как свидетельствует Симон Грунау, рос вечнозеленый дуб. Среди его ветвей находились изображения богов: Перкуно с пламеневидными волосами, Потримпо с венком из злаков на голове и Патолло. Дерево охранялось жившими поблизости вайделотами. На расстоянии шага дуб был окружен шестью с растянутыми между ними полотнищами, одно из которых, возможно, являлось «знаменем Видевута». За священную занавесь могли заходить лишь сам Криве и особо приближенные жрецы для проведения важных обрядов. Здесь горел вечный священный огонь, поддерживаемый вайделотами, жила змея, пьющая молоко из большого сосуда, рядом находились черепа человека, коня и быка. Все эти атрибуты использовались в рамках отправления культовых церемоний в честь бога Перкуно и других местных богов.

При массовых молениях пруссы пили священные напитки — молоко и мед. В орденское время их заменило пиво. Моления проходили в дни народных праздников или в экстраординарных случаях (угроза войн, стихийные бедствия).

Перенесение Ромове в Надравию не отменило поклонение пруссов священному дубу и близ старого древнейшего Ромове, где впоследствии вырос город Хайлигенбайль.

Поклонение дубам осуществлялось и в других уголках Пруссии. И по сей день в г. Ладушкин растет дуб диаметром около двух метров. Говорят, что ему около 900 лет. Сохранение многих дубовых рощ от вырубок в христианское время можно связать с их сакральным значением для прусских аборигенов. Боггромовержец поражал молнией дубы, растущие на холмах, в горах, просто на возвышенностях и приводил пруссов в священный трепет. Отсюда стремление задобрить бога жертвой, замолить свои грехи⁴⁵.

Культовую традицию поклонения богу грома и молний принесли в Балтию прямые предки пруссов — племена шнуровой керамики. Окончательное сложение системы прусских верований как в идеологическом (строгое ранжирование богов), так и в общественно-административном отношении можно (учитывая момент возникновения различных разрядов святилищ) отнести к XI—XIII вв. По степени жесткой культовой регламентации жизни и значительной роли жречества в общественной деятельности эта система наиболее близка традициям кельтских друидов конца I тысячелетия до н. э.

Объединенное с верованиями других балтских народов культом Перкуно, огня и змей, прусское язычество представляется среди религиозных традиций балтов наиболее усложненным и

самодовлеющим. Вера в загробную жизнь, соответствующую уровню социального положения на земле, близкая индуистской системе веры «варн», распределявшей людей по социальным категориям — «жрец», «воин», «земледелец», «раб», усложнялась идеей метемпсихоза, согласно которой человеческий дух возрождался в новом теле в соответствии с исполнением культовых аспектов. Среди соседних народов эта идея стремительно распространялась в XIII—XIV вв. Погребальные же обряды пруссов в это время приобретают уравнительный характер, уже не придается особого значения месту, занимаемому индивидуумом в бренной жизни, а отдается предпочтение его благочестию. В связи с этим практически все члены прусского общества погребались по единому обряду (безынвентарное трупосожжение или трупоположение с сосудом и ножом).

Духовной власти Криве, обладавшим возможностью проследить каждый шаг умершего, подчинялись «... литвины и прочие народы земли Ливонской». Прусское язычество, сохранившее глубинные корни индоевропейских верований, по уровню своей структуры было наиболее законченным в Балтии. Это, несомненно, не могло не повлиять на создание в соседней Литве в 1251—1253 гг. основ единственного в раннесредневековой Европе языческого государства. Правда, в отличие от прусской не сложившейся до конца конфедерации, управлявшейся Криве и жрецами, Литва с самого начала имела мирского правителя. Пруссы, создав иерархическую систему богов, отражавшую во многом ситуацию в обществе, сковали повседневную жизнь народа религиозными правилами, зашли в тупик в своем социальном развитии, что стало поучительным уроком для соседних балтийских племен.

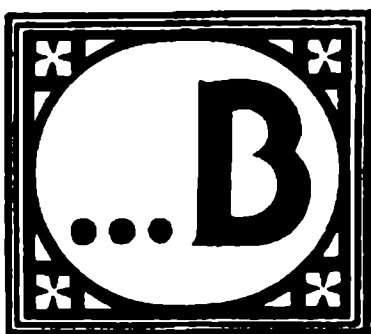
Языческие мотивы народной культуры в Пруссии жили до начала XX в. в местных легендах и песнях.

II

ОБРАЗОВАНИЕ ОРДЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА. ЕГО ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

КРЕСТ И МЕЧ

ремя, в которое раз-
вертывалась прусская
трагедия, поражало
контрастами. С одной

стороны, под благотворным влиянием христианских идей над Западной Европой уже брезжил рассвет эпохи Возрождения. В Италии наступил невиданный расцвет искусства. Во Франции и Германии возникла новая современная литература. Испания создавала свою классическую литературу. Извлеченные из развалин Рима античные статуи, спасенные рукописи Византии во всем блеске греческой древности предстали перед изумленным Западом. С другой стороны, XII—XIII вв. были еще полны средневекового мракобесия, схоластической рутин, религиозного фанатизма. Католическая церковь фактически безраздельно господствовала над умами и чувствами миллионов людей Европы. Под флагом защиты христианства в XIII в. родилась инквизиция — изощренный и страшный террор, спаливший в кострах и сгноивший в темницах сотни тысяч мучеников. Под тем же предлогом насаждалась беспощадная вражда между верующими: католиками и язычниками, между так называемыми еретиками и правоверными. Пруссy, как и другие народы — иноверцы, по существу, лишались естественного права на добровольный выбор религии, а их драматические судьбы были как бы predetermined.

Х. Бокманн в работе «Важные моменты в истории Восточной Пруссии», опубликованной в Люнебурге в 1991 г., утверждает, что «нужно различать заселение восточных земель, миссионерство и крестовые походы. Задача созданного в Палестине Немецкого ордена (третьего немецкого рыцарского ордена) состояла не в обращении язычников, не в завоевании земель, а в борьбе против язычников, в защите христиан. Но тем не ме-

нее борьба с язычниками в северо-восточной Европе соединилась с миссионерством и завоеванием новых территорий»⁴⁶. При этом Х. Бокманн не отвечает по существу на главный вопрос, почему миссионерство соединилось с завоеванием новых территорий. А его ссылки на «политические интересы и императора, и папы, и польского короля» делают еще более зримой, по выражению самого Х. Бокманна, «непроясненность ситуации относительно образования Орденского государства»⁴⁷. Это еще раз подтверждает суровую земную истину, что всякая теоретическая версия имеет меньшее значение, чем то, что люди делают в действительности.

Религиозные и политические мотивы играли огромную роль в организации крестовых походов. Но только ими нельзя объяснить почти двухсотлетнюю эпопею завоевательских нашествий крестоносцев. Корни крестовых походов в конечном счете лежали в социально-экономических условиях жизни общества той поры, когда нищета и безысходность громадного большинства одних тесно переплетались с богатством, жадностью и политическим властолюбием ничтожного меньшинства других.

Конечно, осознание связи политической борьбы и военной экспансии с экономической основой не всегда отчетливо просматривается в истории, а иногда и вовсе затушевывается политиками и теоретиками.

В средние века все мотивы: юридические, политические, философские, экономические и т. п. — принимали теологическую форму, поэтому стремление господствующих классов к экономическому обогащению подавалось как угодное богу. При этом отцы церкви, как правило, не делили пути увеличения материального достатка на законные и незаконные. В результате жажда обогащения под видом религиозного долга принимала уродливые формы, нередко проявлялась в виде алчных устремлений, жестокого насилия над слабыми, грубого обмана ближних. Отбрасывались и все моральные и правовые преграды, оглядки на порядочность и честь. По странам Европы бродили монахи, продавая индульгенции. Они готовы были за звонкую монету отпустить какие угодно тяжкие грехи. Долгое время объектами купли и продажи становились должности дьяконов, священников, епископов. За возведение в ту или иную должность официально, с выдачей расписки или квитанции, взималась определенная сумма в золоте⁴⁸. Высокая нравственность раннего христианства усилиями идеологов средневековой церкви была заменена торгашеством и беззаконием. Неудивительно, что все крестовые походы, особенно первые, сопровождались не только кровавыми оргиями, но и невиданными грабежами. Каждый захватывал и присваивал себе все, что мог захватить.

Чтобы лучше понять конкретные обстоятельства и причины тевтонского «натиска на Восток» и трагедию языческих народов, в том числе пруссов, необходимо четко представлять себе подлинную картину расстановки и действий политических и об-

щественных сил, сложившихся к XIII в. в Западной Европе.

Главным вдохновителем восточного похода был папский престол. В начале средних веков в христианском мире определились два церковных центра: Рим и Византия. В 1054 г. между ними произошел раскол. Причиной его послужили не столько разногласия по догматическим и культовым вопросам, сколько чисто земные интересы.

Порвав с Константинополем и восточной православной церковью, папская курия сосредоточила внимание на укреплении своих позиций в Западной Европе. Это было необходимо сделать, так как все более распространявшийся торгашеский дух римской церкви сильно подрывал ее позиции, ослаблял влияние среди паствы, вызывал недовольство. Громко раздавались призывы так называемых клунийцев (клунийский монастырь во Франции) возвратиться к аскетическим идеалам христианства и соответствующему образу жизни. Игнорировать указанное было опасно. Но не моральные соображения заставили папу встать в позу идейного защитника чистоты вероучения и его непогрешимого судьи, а интересы большой политики. Представилась возможность под знаменем богоизбранничества освободиться от подчинения императору и, используя все методы и средства от необузданного коварства и обмана до организации кровавых крестовых походов, значительно укрепить и расширить свою власть.

«Римский первосвященник,— заявлял папа Иннокентий III,— поистине называется наместником не простого человека, а истинного бога. Ибо хотя мы и преемники главы апостолов, однако мы не его и не какого-либо апостола или человека, мы самого Иисуса Христа наместники»⁴⁹. В переводе на государственно-политический язык это означало, что папа считал себя посланцем творца Вселенной, которому должны подчиняться все светские власти и все земляне. Чтобы обосновать указанные претензии, в ход шли не только подложные документы, но и специальные подсчеты относительно размеров Солнца и Луны, чтобы точно установить, во сколько раз папское достоинство превышает императорское. Один из идеологов католицизма находил, что папа «больше» императора в 47 раз, другой — в 1744 раза⁵⁰. Это была теория «двух светил», означавшая стремление церкви к превращению всего мира в ее фонд.

В отличие от Византии, где в ходе иконоборческой борьбы взаимоотношения патриарха и императора были решены в пользу последнего и установлен режим так называемого «цезарепапизма», святой римский престол имел перед собой более слабого соперника в лице не централизованной монолитной светской власти, а раздробленной империи германской нации. К тому же большинство местных князей поддерживало папскую курию. Будучи в большинстве своем родственниками, вечно грызущимися между собой из-за первенства, они не были заинтересо-

ны в укреплении императорского трона и если терпели подобие центральной власти над собой, то лишь из ревности одного к другому. Папство непосредственно опиралось на широко разветвленную церковную иерархию, придавая особое значение монашеским, а также — духовно-рыцарским орденам, которые объявлялись полностью независимыми от светской власти и автономными в системе католической церкви. Имея в своем распоряжении столь мощные силы и поддержку, римская курия сначала в споре за инвеституру сломила сопротивление императорской власти и получила право назначать в империи епископов и аббатов. В конце XII — начале XIII вв. папа Иннокентий III нанес власти кайзера очередной жестокий удар: добился гарантированной неприкосновенности церковных владений в Германии и закрепления за папским престолом всей юрисдикции в европейских городах.

Политику укрепления своего политического и экономического могущества продолжал преемник Иннокентия III Гонорий III (1212—1227 гг.). При нем римская курия продолжала курс вмешательства в дела различных государств, усилилось преследование так называемых еретиков. Гонорий III лично санкционировал деятельность ордена кармелитов и всячески покровительствовал тевтонским рыцарям, поощряя их агрессивные устремления. Орден получил от Гонория III 124 послания, в том числе 37 булл. Одна из них, датированная 1220 г., за лицемерными утверждениями «о ростках добродетели» и «славе божьей» почти не скрывала откровенного призыва, обращенного к ордену, к приобретению «обильных плодов» в Центральной и Восточной Европе. «Вы можете беспрепятственно обратиться для своих потребностей то из награбленного язычниками, что вы захватите у них, и мы запрещаем принуждать вас против вашей воли выделять кому-нибудь из этого долю»⁵¹, — наставлял Гонорий III.

Показательно, что в борьбе за власть между римской курией и имперской властью наступало затишье, как только дело касалось захвата чужих земель. Здесь противоборствующие стороны достигли мира и согласия, ибо были крупными территориальными синьорами и в одинаковой степени жаждали расширения своих имений и получения доходов с новых покоренных народов. Не следует забывать, что в средние века реальное политическое и экономическое могущество определялось прежде всего размерами землевладения. Вот почему даже император Фридрих II Штауфен (правил 1212—1250), широко образованный человек, знавший несколько иностранных языков, наиболее рьяно отстаивавший свою независимость от папы, полностью солидаризировался с ним, когда встал вопрос об организации крестового похода в Пруссию, где жили язычники и земли которых церковь считала ничейными.

Католическая церковь достигла своего наивысшего могущества в первой половине XIII в. Она располагала огромной эко-

номической мощью, имела обширные земельные владения и, по существу, стала интернациональным центром феодальной системы в Европе, самым крупным территориальным синьором. По всему Апеннинскому полуострову, на Сицилии были раскинуты папские вотчины. Византийские императоры передали святому Риму для непосредственных государственных полномочий на полуострове взимание с населения податей, наем солдат для помощи имперским властям в отражении нападений на Италию. Для управления хозяйством римский папа имел мощный административный аппарат. Ленную зависимость от римского престола признали Англия, короли Пиринейского полуострова — Леонский Альфонс IX, Португальский Санчо I, Арагонский Педро II, Болгарский царь Калоймен. Это означало не только согласие с верховенством первосвященника, но и регулярные вассальные платежи⁵².

Пытаясь осуществить идею теократии и даже добиться мирового господства, папство организовало грабительские крестовые походы в Восточное Средиземноморье, благословило крестоносное завоевание Византии. Наступила очередь Прибалтики. Тевтонский орден оказался наиболее подходящей силой для христианизации прибалтийских язычников, не желавших отказываться от своей веры и своих земель. К началу походов в Пруссию орден превратился в мощную военно-политическую силу. До этого, находясь на территории Трансильвании, куда рыцари были приглашены венгерским королем Андреем для борьбы против половцев, они приобрели опыт ведения военных действий с кочевниками и даже пытались основать свое независимое государство, но были вовремя выдворены с чужой территории как ненадежные союзники.

Папскому престолу и императору импонировало и то, что во главе ордена стоял в 1209—1239 гг. один из хитрейших дипломатов своего времени, крупный организатор и воин Герман фон Зальца. Происходил он из тюрингских министриалов. Был близок к императору Фридриху II и выполнял некоторые его дипломатические поручения, но всегда и везде старался извлечь выгоды для своего ордена. В орденской летописной традиции об этом магистре обычно сообщается в крайне апологетических тонах. В высшей степени лестную характеристику дал ему Петр из Дусбурга: «Брат Герман фон Зальца, четвертый магистр, руководил орденом очень много лет: он умер 24 июля (в действительности магистр скончался 19 или 20 марта) 1239 г. Он был красноречив, доброжелателен, мудр, осторожен и предусмотрителен. И славен всеми своими делами... Орден за время его правления окреп настолько, что после его смерти в нем насчитывалось 2000 братьев благородного происхождения из германской империи. Никогда еще духовная община или орден не продвигались так в своем развитии усилиями одного человека. Но это неудивительно. Такую милость даровал ему Господь, чтобы он всеми был любим и чтобы о нем по праву мож-

но было сказать: он есть бог и людям мил. Он держал в руках папу и кайзера, равно как и других правителей, и так воздействовал на их разум, что всегда добивался от них того, чего требовали честь и польза ордена...»⁵³.

Благодаря Герману фон Зальца орден получил за всю свою историю самые большие привилегии и крупные владения в Польше, Романии, Германии, Венгрии, Ливонии и Пруссии.

В 1226 г. император Фридрих II Штауфен направил Германа фон Зальца «Золотую буллу» (названа так в связи с тем, что документ был скреплен золотой печатью) о закреплении за орденом навечно Хельминской земли, которую польский герцог Конрад Мазовецкий только обещал передать рыцарям и сделал это лишь в 1230 г. Не дожидаясь официального акта передачи Хельминской земли, в 1228 г. Герман фон Зальца послал на помощь Конраду отряд рыцарей в сопровождении значительных сил крестоносцев во главе с Германом Бальком, бывшим до этого ландмейстером (верховным управляющим орденских владений) в Германии. Он положил начало кровавым походам против язычников и стал первым ландмейстером на захваченных прусских территориях (после объединения Тевтонского ордена с Орденом меченосцев в 1237 г. Герман Бальк занял должность ландмейстера в Лифляндии).

Булла ориентировала великого магистра на создание собственного государства на прусской земле, чего он и добивался. Если вдуматься в смысл этого документа, то нетрудно понять, что с позиций юридических «Золотая булла» опиралась, попросту говоря, на право сильного диктовать свою волю слабому. Поэтому можно полностью согласиться с выводом Эриха Каспара: «Кайзеровскую привилегию 1226 г. нельзя считать документом об основании орденского государства...»⁵⁴

Новый папа Григорий IX (1227—1241 гг.) по примеру своего предшественника подтвердил все привилегии ордену и ввел его под особое покровительство. С его благословения тевтонские рыцари начали покорение Пруссии, на которую, как он считал, «никто до сих пор не имел права, кроме Бога».

Согласно статутам Немецкого ордена перед ним стояло три задачи: защита христианских земель с оружием в руках, распространение святого учения и госпитальная служба как христианская социальная обязанность в широком смысле. «Эффективная деятельность в этих направлениях была возможна только в стабильной организационной форме государства...»⁵⁵.

Такой вывод делает Вальтер Хубач, тем самым признавая, что миссионерство, вооруженное покорение прусского народа и захват его земель заранее мыслились как одновременный акт.

Но даже дикие жмудины быстро разгадали истинные цели тевтонского нашествия. Когда пруссы уже были покорены и объектом экспансии явилась Литва, в первую очередь Жемайтия (Жмудь), мешавшая тевтонам территориально соединиться

с Ливонским орденом, жмудины всюду разослали грамоты, в которых звучал голос отчаяния: «Выслушайте нас, угнетенных, измученных, выслушайте нас, князья духовные и светские! Орден не ищет душ наших для бога, он ищет земель наших для себя; он нас довел до того, что мы должны или ходить по миру, или разбойничать, чтобы было чем жить. Как они после того смеют называть себя братьями, как смеют крестить? Кто хочет других умыть, должен сам быть чист... Все плоды земли нашей и ульи пчелиные у нас забрали; не дают нам ни зверя бить, ни рыбы ловить, ни торговать с соседями; что год, увозили детей наших к себе в заложники; старшин наших завезли в Пруссию, других со всем родом огнем сожгли; сестер и дочерей наших силой увлекли — а еще крест святой на платье носят! Сжальтесь над нами! Мы просим крещения, но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобию божью, а не звери какие. От всей души хотим быть христианами, но хотим креститься водою, а не кровью»⁵⁶.

Обратите внимание: «хотим быть христианами». Это доказывает, что к тому времени, когда тевтонские завоеватели терзали прусскую землю, нужда в применении силы с целью «защиты христианства» практически отпала. Языческие обычаи, предания, поверья были еще сильны между пруссами, и увещевания проповедников-миссионеров часто не доходили до них. Но это скорее являлось выражением традиции, силой привычки, наконец, трудно преодолимого страха перед неведомыми силами природы. Язычество не давало ответа на главный вопрос: о начале мира и будущей жизни человека, и вера пруссов постепенно подтачивалась, поэтому защищали они от тевтонов не столько богов своих, сколько землю, на которой жили и умирали.

...Путь в Пруссию Тевтонского ордена обернулся для пруссов величайшей трагедией. Антон Ульбрих, немецкий историк, утверждал, что «на завоеванных землях в Восточной Пруссии рыцари довольно жестко обходились с местным населением. Многие мужчины были убиты, другие были угнаны или бежали. И все же человеческих жизней было уничтожено не так много, как полагают, ибо в 1400 году согласно источникам не менее половины населения было чисто прусского происхождения...»⁵⁷.

Но если принять во внимание, что число пруссов до орденских завоеваний составляло не менее двухсот тысяч, как полагает большинство исследователей, то даже половина уничтоженных и замученных не может не вызывать содрогания. К тому же некоторые источники указывают, что пруссов осталось в живых не более 40 тысяч.

Если задать вопрос, кто больше был заинтересован в христианизации пруссов и мирном соседстве с ними, то ответ напрашивается только один — Польша. Первые миссионеры направлялись в Пруссию с благословения польских правителей и уже имели обнадеживающие результаты. Но Конрад, владев-

ший Мазовией, непосредственно примыкавшей к Пруссии, действовал слишком поспешно и неосмотрительно. Пригласив Немецкий орден на помощь в борьбе с язычниками, он не осознал серьезной угрозы для самой Польши. По поводу его так называемого Крушвицкого дара до сих пор историки высказывают неоднозначные суждения: от полного отрицания подлинности документа до возможного его появления под влиянием других лиц, например, русской княжны Агафьи Святославны, супруги Конрада.

Немецкие хроники сообщают, что, поддерживая мужа в борьбе за княжеский престол, Агафья сама якобы обратилась за помощью к крестоносцам, тем самым заслужила похвалу в указанных хрониках, в частности Петра из Дусбурга. С польской же стороны к Агафье отношение осуждающее, что как бы косвенно подтверждает факт влияния Агафьи на поступок мужа.

Мысль сама по себе заманчивая, но маловероятная с точки зрения общественных отношений. Истинные причины, побудившие Конрада Мазовецкого обратиться к Тевтонскому ордену, видимо, надо искать в общей идеологической и политической ситуации, сложившейся к тому времени в Польше. Эта страна могла стать во главе западных славянских государств для отпора немецкому натиску. Неумение строить отношения с единоплеменниками лишило ее этой возможности.

В начале средних веков Польша практически подпала под сильное германское влияние, особенно церкви. Под этим влиянием формировались идеологические и политические взгляды польской общественности. Русские князья (галицкий — Даниил, волынский — Василько) не раз приходили на выручку Конраду Мазовецкому, когда ему становилось туго в борьбе с внутренними соперниками. Но когда встал вопрос о решении долгосрочных внешних проблем, связанных с будущей судьбой Польши, Конрад в качестве опоры выбрал Запад, а не Восток.

Завоевательская миссия ордена, осуществляемая якобы в интересах всего западного христианства, пользовалась полной поддержкой не только папы и императора, но и австрийских Габсбургов, Чехии и Венгрии (Вацлава и Сигизмунда Люксембургских).

Успехам ордена способствовало экономическое и военное превосходство христианских стран западной Европы над язычниками. В начале XIV в. западноевропейскими народами был заимствован у арабов порох, что сделало полный переворот в ратном деле. Этот процесс не миновал и орден. Накопив громадный боевой опыт, «орден тщательно следил за всякими изобретениями в области вооружения и тотчас же применял их у себя. Лук, заимствованный рыцарями в Святой Земле у сарацинов, также помог их первым победам над пруссами, как мушкет победам Кортесы над мексиканцами... У ордена была походная артиллерия, морская артиллерия, осадная артиллерия. Особым предметом его гордости было литье пушек чудовищных разме-

ров: в 1408 г. в Мариенбурге было отлито оружие в 200 центнеров весом, обошедшееся в 135 тысяч франков»⁵⁸. Нигде в Европе не было ничего похожего, хотя меч долго еще господствовал в вооружении ордена, а рыцарские панцири и каменные стены замков казались надежной защитой от ударов врага.

Достижениям целей крестоносцев помогли раздробленность и раздоры государств — соседей Пруссии. Польша с начала XI в. распалась на независимые друг от друга уделы — княжества. Сильная экономически Силезия, где господствовали местные Пясты, попала в ленную зависимость от Чехии. Лишь Владиславу I Локотку (Локетку), князю Ленчицкому и Куявскому, коронованному в 1330 г. на польский престол, удалось после длительной борьбы объединить Великопольшу (с Гнездо, Познанью, Калишем) и Малопольшу (с Краковым). Однако объединение польских земель на исходе XIV в. завершено не было. Более того, Польшу и позднее периодически сотрясали смуты и междоусобицы.

Не было единства и среди правителей Литовского княжества, нередко заигрывавших с крестоносцами и пытавшихся решать свои территориальные проблемы за счет Руси. Все это, естественно, играло на руку ордену, создавшему государство, которое вторглось в отношения старых прибалтийских держав — Польши, Швеции, а также Руси.

Конечно, культивировавшееся долгое время в советской историографии (и не только в советской) понятие о средневековой немецкой экспансии в земли Прибалтии как о появлении постоянного угрожающего элемента внешней политики германской империи, выражаемого термином «*Drang nach Osten*» («натиск на Восток»), в настоящее время следует признать в известной мере анахронизмом. Польский историк Генрик Ольшевский усмотрел в указанном толковании не только политическую, но даже националистическую окраску, придававшую экспансии Тевтонского ордена характер некоего тысячелетнего феномена, «который возник из агрессивных биологических антипольских и антиславянских качеств «германской расы» или немецкого народа»⁵⁹. Однако и замену рокового «*Drang nach Osten*» понятием о «территориально-политической и демографической экспансии», ограниченной относительно небольшим историческим временем, тем более крен в оценке этой экспансии в сторону ее «цивилизаторских и созидательных» моментов тоже едва ли можно считать полностью состоятельным. Во всяком случае, с позиций морали трудно признать благом для народа цивилизацию, законы которой навязаны ему извне и писаны мечом победителя.

До наших дней дошла легенда, в которой рассказывается о трагической судьбе прусской культуры. Пруссy имели свой фольклор, свое племенное единство, свой язык, своих богов, свою землю — все у них было. Но они не сумели противостоять натиску колонизаторов, владевших письменностью и более вы-

соким уровнем культуры, и пруссы ассимилировались. Они начали говорить по-немецки, стали забывать свои песни и стали исчезать. И пришел такой час, когда однажды откуда-то из глубин, из леса, пришел последний прусский поэт (сказитель) на рынок в город и пел прусские народные песни на прусском языке. Но его уже никто здесь не понимал. Естественно, никто и не слушал. Остановились только два подгулявших немецких рыцаря. Им казалось потешным, что так грустно поет прусский поэт. Они его послушали, а он пел про свой народ, реки, леса, птиц, женщин, богов — пел о любви к родной земле... И когда он окончил пение, немцы громко загоготали ему в лицо. А как вознаграждение сыпанули горсть пустых орехов — шелуху.

Более высокая культура — это, несомненно, благо для народа, стоящего ниже на ступенях развития, но когда ее внедрение сопровождается превращением его собственной культуры в шелуху, тем более уничтожением самого народа — это зло, с которым трудно примириться, а тем более оправдать его.

Говоря о крестовых походах, в том числе в Пруссию, надо признать, что они поддерживались широкими массами бедного населения Европы. Вскормленные религией, христиане были готовы к войне. Особенно это касалось крестьян. Многие из них, разоренные и ограбленные, уступив право собственности на свой земельный участок местному феодалу, попадали в то же положение, что и их предшественники — римские колонны. Опутанные барщинными и оброчными повинностями, они искали покровительства сильного, обращая взоры в первую очередь в сторону церкви. «Европейская земля не в состоянии прокормить всех ее обитателей», — наставлял паству еще папа Урбан II после Клермонского собора⁶⁰, фактически освещая идею грабительских войн.

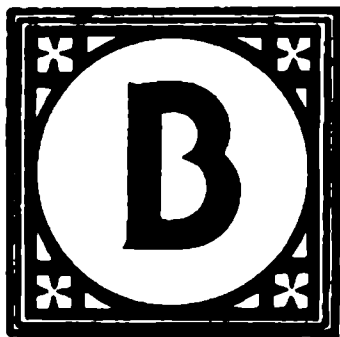
Крестовые походы под лозунгом борьбы с язычниками и другими неверными утверждались в качестве важной функции христианской жизни. Поэтому было бы ошибочным полагать, что крестовые походы, в том числе и в Пруссию, отражали только цели и интересы религиозных и светских верхов. Церковь и князья сумели придать своим агрессивным идеям форму всеобщности и общезначимости. Под их руководством «Христово воинство» свирепо расправлялось с «нечестивцами».

Но как бы то ни было, крестовые походы, являясь грандиозными колониально-религиозными экспедициями, составили эпоху в общечеловеческой истории. Они оказали большое влияние на ход исторического прогресса, и прежде всего хозяйственного развития, проложили новые связи международного общения. А образование орденового государства с его уникальной системой управления, быстрым его заселением и прогрессом экономики свидетельствовало о высоком жизненном потенциале немецкой нации, оживившей Европу.

Пруссия стала важной частью общегерманской судьбы, пер-

воосновой в формировании всего будущего облика немецкой государственности. Благодаря ей Германия (в первую очередь Бранденбург) была втянута не только в польские и российские дела, но и в международные политические отношения, в свою очередь способствуя возвышению Австрийского дома. Но все это через кровь и человеческие страдания. Что перевешивает — размеры зла или добра? Мы не вправе судить историю.

БОРЬБА ПРУССОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

торжению крестоносцев в Пруссию предшествовало их проникновение в Ливонию. Обра-

щение язычников здесь началось с появления миссионера Мейнгарда, монаха Августинского ордена, и основания бременскими купцами в устье Двины торгового дома и острожка «Уксуль», а закончилось фактически завоеванием и разграблением чужих земель в больших масштабах.

Сначала крестоносцы наведывались сюда из Германии периодически на кораблях, чтобы побудить ливов и эстов принять крещение. Папа каждый раз благословлял такие акции, отпуская участникам их грехи. Но как только чужаки отплывали, новоявленные христиане окунались в Двину, чтобы смыть крещение.

Так продолжалось до появления на ливонской земле епископа Альберта (Альбрехта) Буксгевдена, основавшего в низовьях р. Даугавы Ригу, построившего ряд замков и создавшего с горячего одобрения Иннокентия III в 1202 г. Орден рыцарей меча во главе с первым магистром Винно фон Рорбахом. Где лестью, где коварством, но чаще всего мечом орден расширял свои владения и влияние, создал значительное государственное образование на побережье Балтики, от Литвы до западных границ Чудского озера. И только потерпев от полоцкого князя, а затем от новгородских и псковских князей ряд чувствительных поражений, орден меченосцев умерил свои аппетиты. Объединившись в 1237 г. с орденом святой Девы Марии, он стал играть роль восточной руки тевтонов, постоянно занесенной над русскими землями.

Колонизация Пруссии осуществлялась практически по тому же сценарию. Сначала были миссионеры, потом появился рыцарь с мечом.

Первые столкновения пруссов с орденом (битва при Сиргу-не в 1233 г.) завершились победой крестоносцев. Вскоре (в 1235 г.) к победителям присоединились польские рыцари из Добжина. К 1239 г. пруссы были вытеснены с правобережья р. Ногата, занимаемого ими с V в. н. э. В стратегически важных пунктах на побережье Помезании и Натангии крестоносцы заложили замки Эльбинг (1237 г.) и Бальгу (1239 г.). Прусские воины организовали осаду и блокаду Бальги. До сих пор в Багратионовском районе сохранились остатки прусских укреплений у поселков Московское (городище Партегаль), Тимирязево и Сосновка. Несмотря на применение пруссами осадных сооружений, победа осталась за орденом.

В 1242 г. сопротивление пруссов, известное в историографии как «первое восстание», вспыхнуло с новой силой. Этому способствовали успех литовцев в битве под Шяуляем в 1236 г. (поражение Ливонского ордена, несомненно, вдохновило пруссов) и союзнические действия поморского князя Святополка. Пруссы проявляли подлинный героизм, переносили тяжелые лишения, бились за каждую пядь родной земли. Практически вся Пруссия к 1243 г., за исключением пяти замков, была очищена от крестоносцев. Предпринимались шаги и к мирному окончанию войны. Пруссы-христиане на Ливонском соборе в 1245 г. обратились к папской курии с просьбой усмирить неоправданную ярость воинов Девы Марии. Слово мира не услышали. Новые рыцари вливались в орденские войска. Пруссы вынуждены были пойти в 1249 г. на заключение мирного договора в Кристбурге (Помезания), который закрепил власть ордена над западными землями Пруссии.

Однако побежденные не признали себя покорившимися. Вспыхнуло новое восстание, длившееся до 1260 г. В южной части Натангии, при местечке Крюкен, 29 сентября 1249 г. пруссы разгромили крупный отряд крестоносцев. В ответ на это орден обрушил удары на Самбию — центр прусского ареала. Зимой 1254 г. из Эльбинга и Бальги тевтонские войска под началом чешского короля Оттокара II Пшемисла, вступившего по обету в ряды крестоносцев, переправились по льду Вислинского залива на юго-западную оконечность Самбии в район современных городов Балтийска и Приморска. Устроенные пруссами в северной части Балтийской косы оборонительные валы (у поселка Мечниково и г. Приморска) не остановили продвижения неприятеля. Начался разгром прусской твердыни. Крестоносцы, подобно чудовищному поршню, выталкивали прусское ополчение с запада на восток, от Гермау (поселок Русское) до Каймена (поселок Заречье) и Тапиау (г. Гвардейск). Промежуточным пунктом на этом кровавом пути рыцарей стал замок Варген (поселок Котельниково к северу от Калининграда), где они провели зиму 1254/1255 гг. Это — единственное сохранившееся до сего времени тевтонское укрепление, на котором не были возведены впоследствии каменные стены. Судя по внушительным раз-

мерам замка, окруженного грандиозными по тем масштабам рвами и валами, по гребню которых проходили деревянные стены, число «воинов христовых» в этот страшный для Самбии год было немалым. Из замка Варген Оттокар II отправился на юг, к устью р. Прегель.

Как пишет Петр из Дусбурга, король «...прошел до горы, на которой ныне стоит замок Кунигсберг, задумав там с братьями (рыцарями ордена) воздвигнуть замок для защиты веры...» Так на месте прусского городища Твангсте по велению Оттокара II, оставившего для этого немалые материальные средства, в 1255 г. был заложен замок Кенигсберг. Поляки и чехи называли его Крулевец, литовцы — Каралевичус. Сам король во время закладки замка был уже в пути на родину.

1260 г. знаменовал собой начало последней, решающей фазы борьбы пруссов за независимость. Победа куршей и литовцев над войсками Тевтонского и Ливонского орденов у озера Дурбе 13 июля 1260 г. всколыхнула Пруссию. Вождем третьего прусского восстания стал представитель знати (нобилитета) Геркус Манто. Талантливый военачальник свое детство, будучи заложником (такая практика широко применялась «христолюбивым» воинством), провел в Магдебурге и получил европейское образование. 22 января 1261 г. войско Натангии под его началом окружило крестоносцев с рыцарем де Рейдером во главе в укреплении Покарбен. Из замка Бранденбург, расположенного поблизости, к рыцарям поспешила подмога. Однако пруссы не дали возможности крестоносцам соединиться. Оставшиеся в Покарбене рыцари, отступая из лагеря на восток, были загнаны пруссами в болото и там перебиты. Видимо, и по сей день под шелестящей осокой ржавеют тевтонские доспехи. После завершения битвы пруссы по своему обычаю брали по жребью трех пленных рыцарей и принесли их в жертву богам. Они были сожжены на ритуальном костре вместе со своими конями. Тогда же пруссы начали двухлетнюю осаду замка Кенигсберг, но в 1262 г. подоспевшие орденские подкрепления сорвали ее.

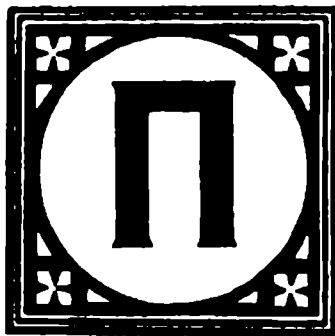
Третье восстание пруссов от предыдущих военных кампаний отличалось тем, что борьба велась не только против крестоносцев, но и против переметнувшихся на их сторону представителей местной знати — нобилей. Заинтересованные в перспективе упрочения прав на свои владения под орденской властью, они не только переходили на сторону крестоносцев, но и готовили базы для их войск, тем самым внося раскол в ряды пруссов.

Чувствуя крушение своей власти, Криве Аллепс, по некоторым данным, в 1265 г. покинул Ромове в Надравии и бежал к крестоносцам. К этому времени земли пруссов были уже разделены многочисленными орденскими замками, брать которые пруссы так и не научились. Отдельные победы они еще одерживали в кратковременных стычках и при внезапных набегах. Но в регулярных военных действиях не могли устоять перед четко

организованной боевой машиной ордена. В 1273 г. после разгрома своего войска Геркус Манто был настигнут крестоносцами и казнен. Уже повешенного, его пронзили мечом. Как считает авторитетный литовский исследователь Ромас Батура, прусский герой погиб на берегу р. Ауксине (р. Голубая), у центрального святилища пруссов в Надравии — у Ромове. Поразителен тот факт, что сам способ казни Геркуса соответствует одному из древнейших ритуалов прусского жертвоприношения, восходящего к эпохе викингов. Быть может, Геркус Манто сам предложил крестоносцам такой вариант своей казни, в тайне надеясь по обычаю древнейших прусских князей принести таким образом угодную богам жертву во имя жизни своего народа. Гибелью Геркуса Манто, глубоко символически происшедшей у центрального прусского святилища, знаменуется завершающий этап борьбы пруссов за свободу.

В 1275 г. пало одно из последних крупных укреплений пруссов — городище Камменсвике. Его мощные руины сохранились у поселка Тимофеевка Черняховского района. Пруссы, не желавшие носить ярмо чужеземного рабства, массами уходили за пределы родины, повторяя тернистый путь прусских дружинников XI в., и оседали в Литве, вливаясь в войска литовских князей. В это время пруссы появляются и на Руси. Лаврентьевская летопись 1276 г. упоминает о прусских воинах, встречавшихся в гарнизонах городов Гродно и Слоним. По словам летописца, пруссы прославились в боях в составе русских дружин стойкостью и воинским умением. Еще раньше те же качества проявили попавшие в Новгород Великий пруссы, принимавшие участие в походах под водительством Александра Невского. 1283 г. традиционно считается последним годом прусской независимости. Тогда ушел в Литву последний вольный ятвяжский вождь Скудо из Красимы.

ОСВОЕНИЕ КОЛОНИЗАТОРАМИ ПРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Перед Тевтонским орденом открылась наконец возможность создания на завоеванной земле собственного государства. Предпосылки к этому уже были. По мере продвижения крестоносцев на Восток они немедленно закрепляли свой успех строительством крепости или замка. Что ни шаг вперед, то новая твердыня, вокруг которой быстро воз-

никало поселение из покинувших свою родину и двигавшихся за орденом в поисках призрачного счастья колонистов, привлеченных льготами и свободой.

Тевтонские завоеватели построили первые крепости Торн, Кульм, Грауденц, Мариенвердер, Реден и другие на р. Висле, получив доступ к морю и возможность лучшего сообщения с Германией. Большинство орденских городов возникало путем так называемых локаций: крепость становилась центром определенной территории, которая обживалась пришельцами. Для освоения участка и расселения на нем колонистов орден выделял предприимчивого распорядителя (локатора). Зодчими были сначала духовные лица и монахи. Позднее эти услуги предлагали строительные артели, которые странствовали от одного места к другому и за плату нанимались к застройщикам, строго храня секреты своего ремесла. Сооружалось много каркасных домов, потому что Пруссия была бедна запасами стройматериалов. Для возведения замков и крепостных стен завозились неотесанные камни, гранитные и известняковые глыбы. На местах изготавливали кирпич ручной формовки, значительно крупнее современного, очень увесистый и крепкий. Строители умели делать глазурованный и фасонный кирпич, который шел на сооружение карнизов, окон, дверей. Резчики по камню трудились над архитектурными украшениями.

Главными подрядчиками строительства выступали непосредственно орден, а также епископы и соборные капитулы. Все сооружения вписывались в планы орденских крепостей вместе с охранными зонами, стенами, оборонительными ходами, валами и рвами, подвесными мостами и спускающимися решетчатыми воротами.

Замки и крепости имели не только оборонительное значение. Значительная их часть закладывалась у рек, озер, у заливов, что позволяло играть важную хозяйственную роль. Один из наиболее сохранившихся замков в Тапиау (Гвардейск) буквально вписан в угол при слиянии двух рек — Прегеля и Деймы. Это обеспечивало безопасность, организацию торговли, взимание пошлин. Всего было построено около 150 замков, на территории Восточной Пруссии их насчитывалось 110.

Крепость Кенигсберг стала важнейшим исходным пунктом онемечивания Замланда. Крепость сооружалась сначала из земли и дерева на южной стороне возвышенности. Позднее был возведен каменный замок. В 1270 г. около р. Прегель началось строительство города Альтштадта, первого из трех городов, которые, позднее объединившись, образовали город Кенигсберг. К этому времени возле замка уже возникло довольно крупное поселение. В 1261 г. во время восстания пруссов оно было разрушено, но замок, хотя и недостроенный, осаду выдержал. Возведение города между крепостью и Прегелем, у границы речного и морского судоходства, создавало благоприятные условия для его развития. Город покрылся сетью улиц, пересекавшихся

под прямым углом, имел свою торговую площадь, на которой были сооружены ратуша и церковь. За городскими крепостными стенами, где Прегель делает крутой изгиб, жители города построили порт со складами (ластади) и иные сооружения. Сейчас на этом месте белеет бетонный парус и стоит Дворец спорта «Юность». 28 февраля 1286 г. Альтштадт получил от ландмейстера Конрада фон Тирберга грамоту, удостоверяющую его права в качестве города.

Новые колонисты, прибывавшие в Альтштадт, не могли поселиться в нем, так как земельные участки уже были поделены. Колонисты устраивались восточнее города, создавая свое поселение. 20 мая 1300 г. кенигсбергский комтур дал этому поселению статус города, который стал называться Лёбенихтом (от древнепрусского Липник). Новый город не имел выхода к реке, своего порта, складов, а потому формировался как земледельческий.

Создание третьего города было непосредственно связано с деятельностью замландского епископа. Ему принадлежала вся земля к северу от Прегеля. Сам же епископ, его резиденция и соборный капитул находились в Альтштадте, где церкви принадлежала треть возвышенности, на которой находился замок Кенигсберг. Здесь же в 1300 г. на окраине города был построен и временный деревянный собор.

Ордену удалось склонить замландского епископа отказаться от своей части земли в обмен на участок за Прегелем, на острове Кнайпхоф (от прусского названия острова Книпав). Против такого предложения не возражал и соборный капитул, которому были тесны рамки Альтштадта. Епископ перенес свою резиденцию в Фишхаузен (Приморск), а на острове стал строиться новый каменный кафедральный собор, вокруг которого спешили обосноваться каноники, епископский двор, отдельные мастерские ремесленников, соборная школа. Так в округе Кенигсберга возникло островное поселение главным образом духовных лиц, рядом с которым на западной части острова 5 апреля 1327 г. гроссмейстер Вернер фон Орзельн учредил город Кнайпхоф.

Новый город поспешил, как и его собратья Альтштадт и Лёбенихт, отгородиться от врагов каменными стенами толщиной в 2,5 метра и башнями, построить свою ратушу, открыть рынок. Кнайпхофцы получили место для складских помещений, построили портовые сооружения и стали торговать.

От епископской части острова город не стал отделяться сплошной стеной, так как не имел своей церкви и ее функции исполнял кафедральный собор. Ремесленники города принимали участие в его сооружении. Собор предполагалось сначала сделать церковью-крепостью, подобно соборам в Мариенвердере и Фрауенбурге. Но там не было орденских крепостей, как в Кенигсберге, а допустить существование рядом с собой епископской крепости орден не хотел. Поэтому магистр Лютер фон

Брауншвейг издал специальное предписание, строго определяющее, какими должны быть максимальная высота собора, толщина его стен, размеры других деталей.

Собор строился около пятидесяти лет. В его основание забивали сотни дубовых свай, и, когда в 1380 г. строительство было закончено, взору предстало гигантское сооружение. Поражали монументальность кирпичной готики храма, красота главного зала со сводчатым потолком, боковые нефы, которые соединялись с вершиной центрального.

До 1410 г. в Пруссии было основано девятью три города, из них шестьдесят в XIV в. В отличие от старых германских (Вормса, Кельна, Страсбурга, Аугсбурга и других) орденские города с самого основания обрели довольно широкую свободу. В качестве примера особых привилегий горожан историки обычно ссылаются на Кульмскую грамоту 1233 г. (оригинал ее хранится в Торуньском архиве, Польша). Она была выдана в Торне от имени Германа фон Зальца ландмейстером Германом Бальком. Первый ее текст сгорел в 1244 г. в Кульме. Восстановленная грамота, та, что ныне хранится в архиве, за исключением незначительных изменений, полностью повторяет первоначальное содержание.

Грамота гарантировала городам Кульм и Торн самоуправление и независимый суд, признавала за горожанами право самим избирать своих правителей, приобретать земельные участки, строить мельницы, использовать полезные ископаемые, определять границы городской территории. На этой территории орден не имел права покупать дома (а если получал их по завещанию, то обязан был, как всякий другой владелец, платить городские налоги и подчиняться порядкам города), владеть своим имуществом на правах полной собственности и передавать его потомкам в вечное пользование или передавать при одном условии, чтобы покупатель был способен отбывать воинскую повинность и платить небольшую поземельную подать в знак верности ордену; горожане не были обязаны принимать к себе гарнизон и даже могли не пропускать через территорию города войска; воинская повинность для кульмских горожан была обязательной только на время похода, а остальное время они обязывались защищать только свою область; рынки Кульма освобождались от дорожных и таможенных пошлин, для всей Кульмской земли вводилась единая монета.

Постепенно льготы, предоставленные Кульмской грамотой для одной области, были распространены на большинство городов и деревень. Последние города по «кульмскому праву» были основаны в XVIII в.

Звездное время ордена приходится на XIV в., на период с 1300 до 1382 г. Территории, завоеванные крестоносцами, надо было обжить, обустроить. Именно в это время шло усиленное заселение прусской земли. Сюда ехали и шли переселенцы со всех уголков Священной Римской империи германской нации —

мужчины и женщины, старые и малые, горожане и крестьяне, обстоятельные хозяева, жаждущие обзаведения богатством, и просто любители перемены мест и искатели приключений.

Исследуя генеалогические корни прусских городских поселенцев времен ордена, немецкие историки (Цизмер Вальтер и ряд других) объединяют их в четыре группы по географическому признаку: поселенцы из Майсена, Силезии, Нижней Саксонии, Любека (в качестве центра северозельбской колониальной области). Основными районами Майсенско-Магдебургской колонизации были Кульмерланд, Богемия, Моравия, Помезания; Силезской — Кульмерланд, Эрмланд.

Из Помезании колонисты двинулись на восток в районы Засена, Кристбурга, Остероде. Выходцы из Нижней Саксонии расселялись и в Натангии. Любекские купцы основали город Эльбинг (1237 г.). Население городов по своему составу не было единым, но в городах, возникавших на морском побережье и близ него, большинство принадлежало выходцам из нижненемецких государств. Города, расположенные во внутренних районах Пруссии, наоборот, населяли бывшие жители средней части Священной Римской империи. Среди горожан были выходцы и из Голландии, Дании, Польши и других стран. Большинство же составляли немцы. По своему общественному положению они состояли из дворян, ремесленников, купцов и прочего городского люда.

Крестьяне стали прибывать позднее, в основном после 1280 г., по мере упрочения завоеваний ордена и очищения земель от их исконных хозяев. В южной половине прусской земли — Натангии — крестьяне появились в конце XIV — начале XV вв. Здесь сохранились поселения пруссов, принявших христианство и поэтому не тронутых орденом. Они были разбросаны от рек Вальш (приток Пассарге) и Эльм (приток Алле) к северу до долины р. Фришинг и разделены лесами и болотами. Выселить новоявленных христиан немцы не всегда решались, боясь спровоцировать новое восстание. Ввиду этого колонисты нередко занимали земли, заросшие лесами, вырубая их и окультуривая почву. Самыми древними из немецких поселений считаются Кройцбург (1315 г.), Цинтен (1317 г.), Бартенштайн (1332 г.), Ландсберг (1335 г.), Прейсиш-Эйлау (1336 г.). Самая старая немецкая деревня Айзенберг появилась в районе Хайлигенбайля в 1308 г.

В первые десятилетия XIV в. определились в основном административные районы орденского государства. Они начинались от крепостей на берегу залива Фришес-Хафф в направлении приеманской пустоши в виде длинных узких полос — комтурств Бальга и Бранденбург. К Бальге относились каммерамты: Натанген, Айзенберг-Пеллен, Цинтен, Фиау, Ворса, Бартенштайн, Ляйненбург, Растенбург. Комтурство Бранденбург включало в себя каммерамты: Хунтенау, Кройцбург, Кнаутен, Домнау, Бартен и лесное ведомство Бранденбург. С севера к

ним примыкало комтурство верховного маршала, которое тянулось от Кенигсберга до Инстербурга.

В 1410 г. районы заселения Пруссии немцами, согласно исследованиям Клауса Рилля⁶¹, начинались от Куршского залива, шли на юг, проходили западнее Лабиау (Полесска) и приблизительно в пятнадцати километрах севернее Велау (Знаменска). Затем своеобразная демаркационная линия поворачивала на юго-восток и у деревни Норкиттен (Междуречье Черняховского района) достигала долины р. Прегель. Южнее Прегеля граница шла в западном направлении до Гердауэнской возвышенности (поселок Железнодорожный). Там она поворачивала снова на юго-восток и через Норденбург (поселок Крылово Гурьевского района) шла к северной оконечности озера Мауэрзе. От южной оконечности озера онемеченные районы располагались в юго-западном направлении к Зенсбургу и Ортельсбургу (Польша). В XIV в. возникли в долине р. Прегель поселения, расположенные в восточном направлении. Самыми значительными из них были Инстербург, Георгенбург (Маевка Черняховского района), Заалау (Каменское Черняховского района). Заселение долины р. Алле (Лава) к началу XV в. считалось законченным. Появились в этот период лишь единичные поселения: Каутерн (Майское Правдинского района), Рокельхайм (Ульяновка Гвардейского района) и ряд других. В XV в. возникло несколько новых податных деревень в ведомстве Гердауэн (Железнодорожный Правдинского района). Среди них Арнсдорф (Смелое Правдинского района), Розенберг (Веселово Славского района) и другие. Однако пустовавших земель здесь было еще достаточно. В 1442 г. в Шёнефельде (Праслово Озерского района) орден раздал новым поселенцам 105 хуфов земли (около 1800 гектаров). Интенсивно шло заселение территорий ведомств Бартен и Растенбург.

Что касается ведомств Лабиау (Полесск), Лаукишен (Саранское Полесского района), то они входили в комтурство Рагнит, имевшее долгое время скорее военное, чем хозяйственное, значение в качестве форпоста против Литвы.

В конце XIV в. приток колонистов в Пруссию снизился, а разгром ордена под Грюнвальдом, неудачные последующие войны резко замедлили колонизационные процессы. Однако полностью они не прекратились. Согласно 2-му Торнскому миру (1466 г.) после поражения в Тринадцатилетней войне с Польшей орден обязан был принять значительное число поляков, открыть границы государства для свободного передвижения по территории страны, возвращения изгнанных и бежавших граждан с восстановлением их в правах. Особенно интенсивно начался приток поляков из Мазовии и литовцев. В Кульмерланде, перешедшем после войны в польское владение, наметилось вытеснение немецкого населения, двинувшегося на восток, где оно смешалось с поляками, образовав племя мазуров.

Таким образом, перед секуляризацией население Пруссии

состояло из остатков коренного населения, славян-мазуров, литовцев и немцев. Но основным населением стали немцы.

Сколько было всего населения в орденском государстве? Бернхарт Йениг пишет: «Численность населения орденской страны и отдельных национальных групп можно назвать только приблизительно, так как источники не дают никаких точных цифр. Польские историки полагают, что к началу XV в. население страны составляло 480 тысяч человек, из них 200 тысяч немцев, пруссов и поляков по 140 тысяч. (Данные из работы М. Бискупа). Под поляками подразумевались и жители Поморья...»

Б. Йениг считает, что надравы, шалавы и судавы со своими землями никогда не относились к Литве, но всегда принадлежали пруссам. Литовское заселение приграничного пространства в восточной части страны началось в поздний орденский период. В XV в. здесь стали обустраиваться мелкие литовские дворяне (бояре) со своими крестьянами, покидая родину из-за натянутых отношений с властями. Их поселению на окраине орденского государства никто не мешал, более того орден поощрял этот процесс ввиду крайне малочисленного населения «пустоши» (так эта часть тогда называлась). Название «пруссак» в отношении лиц, не являвшихся пруссами, появилось за пределами орденской страны уже в XIII в. Так называли орденских братьев в Пруссии, прусских купцов, студентов и т. д. Название «пруссаки» стало использоваться внутри страны, очевидно, в XV в. и служило для обозначения всего населения Пруссии, включая аборигенов.

БАСТИОНЫ ВЛАСТИ

то из себя представляло орденское государство? До недавнего времени деятельность его в нашей стране рисовалась сплошь черными красками, в виде обобщенного образа «псов-рыцарей». Действительно, крестоносцы в период своих походов устилали дороги горами трупов, увозили пленников, их жен, детей, продавали в рабство. Некоторые орденские чиновники жили этой торговлей.

Вместе с тем историки не оспаривают определенные цивилизаторские достижения ордена: создание в северо-восточной Европе одного из необычных государств с динамичной экономи-

ческой и общественной системой власти, с политическими и духовно-культурными новаторскими элементами, неизвестными языческим народам Прибалтики.

В период своего подъема (XIV—XV вв.) орден был не только крупным потребителем, но и крупным производителем. Его казна считалась самой богатой в мире. Он имел единую и надежную монету, имевшую хождение и в ряде северных стран. Его подданные были довольно свободными людьми. Позднее, превратившись в герцогство, а затем в королевскую провинцию, Пруссия дала Германской империи не только свое имя, но и ведущие позиции в Европе.

...Столица ордена Мариенбург (польское Мальборк) на р. Ногата, правом рукаве Вислы, представляла собой образец крепостного строительства. Это была твердыня, окруженная стенами с грозными башнями, предзамковыми укреплениями, с огромным двором, многочисленными складами, пекарней, амбарами, цейхгаузами, мастерскими, арсеналом, пушкарней, казармами, конюшнями. Были здесь свои тюрьмы, кладбище. Черные кресты осеняли замковые ворота. От всего этого веяло мощью и устрашением.

В годы могущества ордена Мариенбург кишел солдатами и рабочим людом. Рыцари всех стран считали себя обязанными помогать ордену в укрощении язычников. Ехали сюда не только служить, но и учиться военному искусству, умению управлять. В дни праздников гости веселились, пили вино, без меры ублажая чрево. Вакхическая церемония сопровождалась выступлениями мимов, шутов, вожаков ученых медведей. Среди гостей были монархи, князья. Богатства ордена, награбленные войнами, позволяли держать на жаловании многочисленных наемников, составлявших его вооруженные силы. Их посылали в походы и в распоряжение комтуров. Из канцелярии столицы почтовые гонцы развозили приказы магистра и других правителей, размноженные писцами, городским советам, бургомистрам, капитанам наемных войск. Здесь вызревали планы военных походов, покорения соседних народов, укрощения строптивых.

Отмечая восьмисотлетие ордена, коллектив немецких авторов в 1990 г. выпустил в Мюнхене каталог выставки в Национальном музее. В его обзорной статье отмечается, что о системе управления внутри ордена мало что известно. Орденские правила не всегда давали по этому вопросу ясные и точные ответы. Это действительно так. Но если сопоставлять и анализировать сведения на данную тему из разных источников (даже противоречивых), то можно с уверенностью говорить о том, что в ордене существовала подвижная система управления, максимально отвечавшая в разные периоды нуждам военно-клерикальной корпорации. Этой же цели служило и административное устройство страны, в которое вносились изменения, соответствующие обстановке, политическим и хозяйственным интересам ордена.

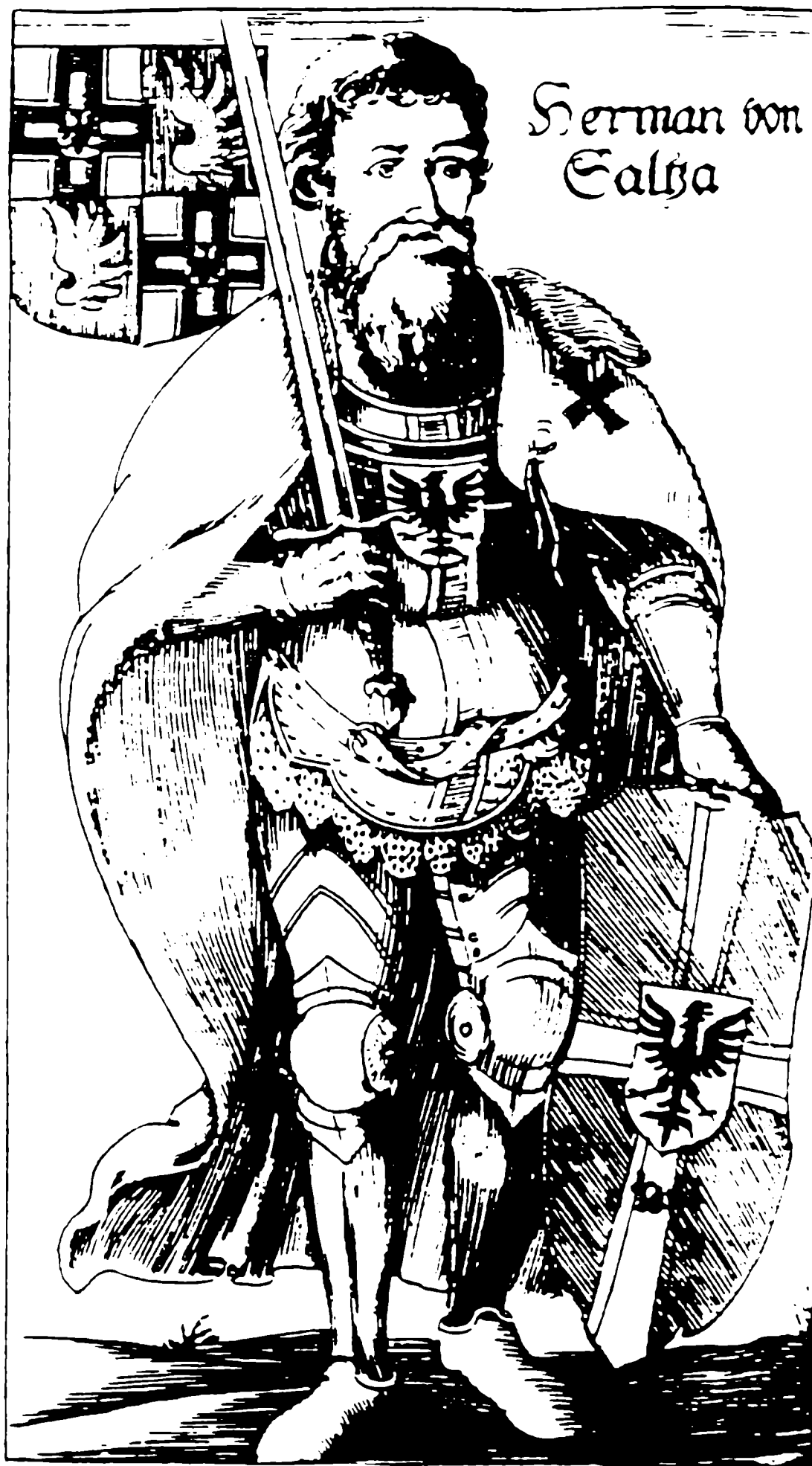
Исследуя историю орденского государства, надо исходить из

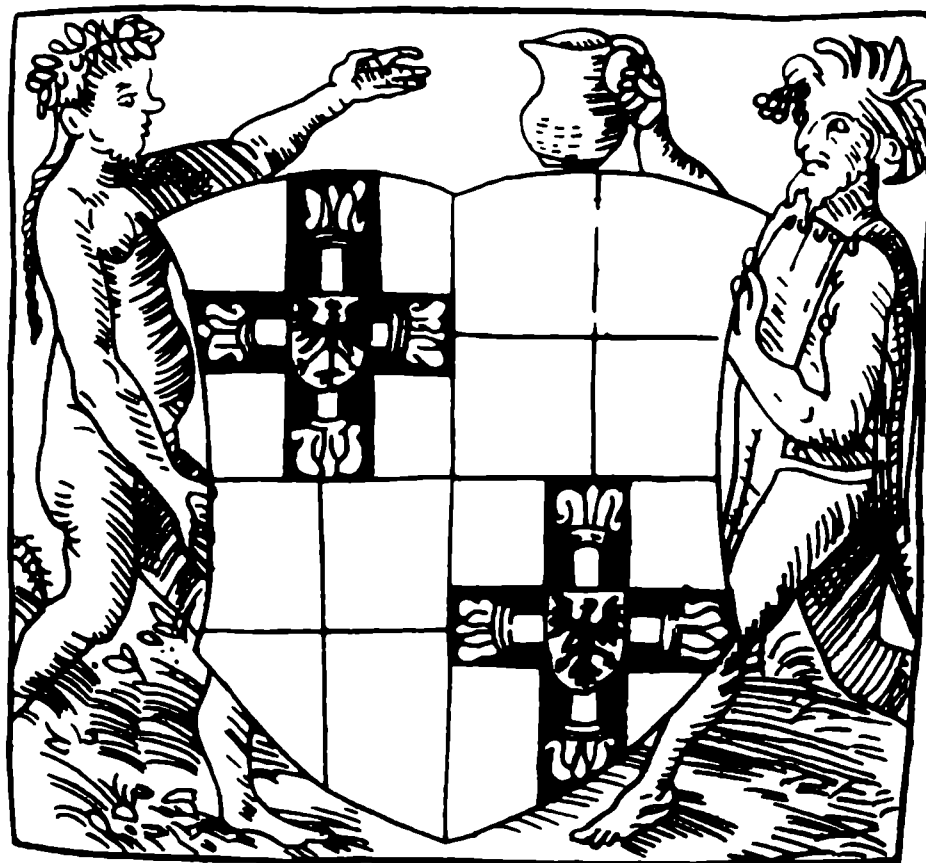
Тевтонский рыцарь середины XIII в.
С печати г. Хелмно

Знамя великого магистра Тевтонского
ордена. Современная реконструкция

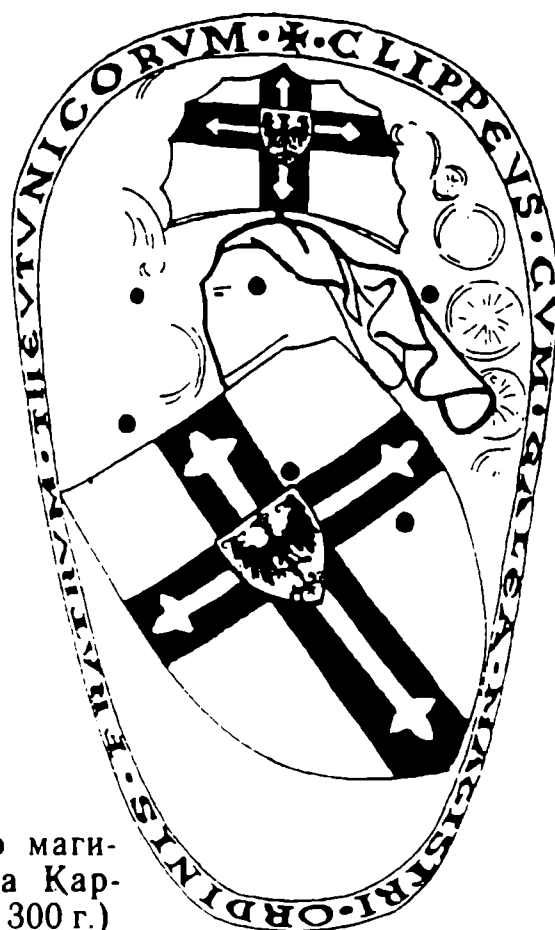

Великий магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца.
Из книги К. Гарткноха конца XVII в.

Герб великого магистра Тевтонского ордена Ульриха фон Юнгингена. Из книги М. Муриниуса, конец XVI в.

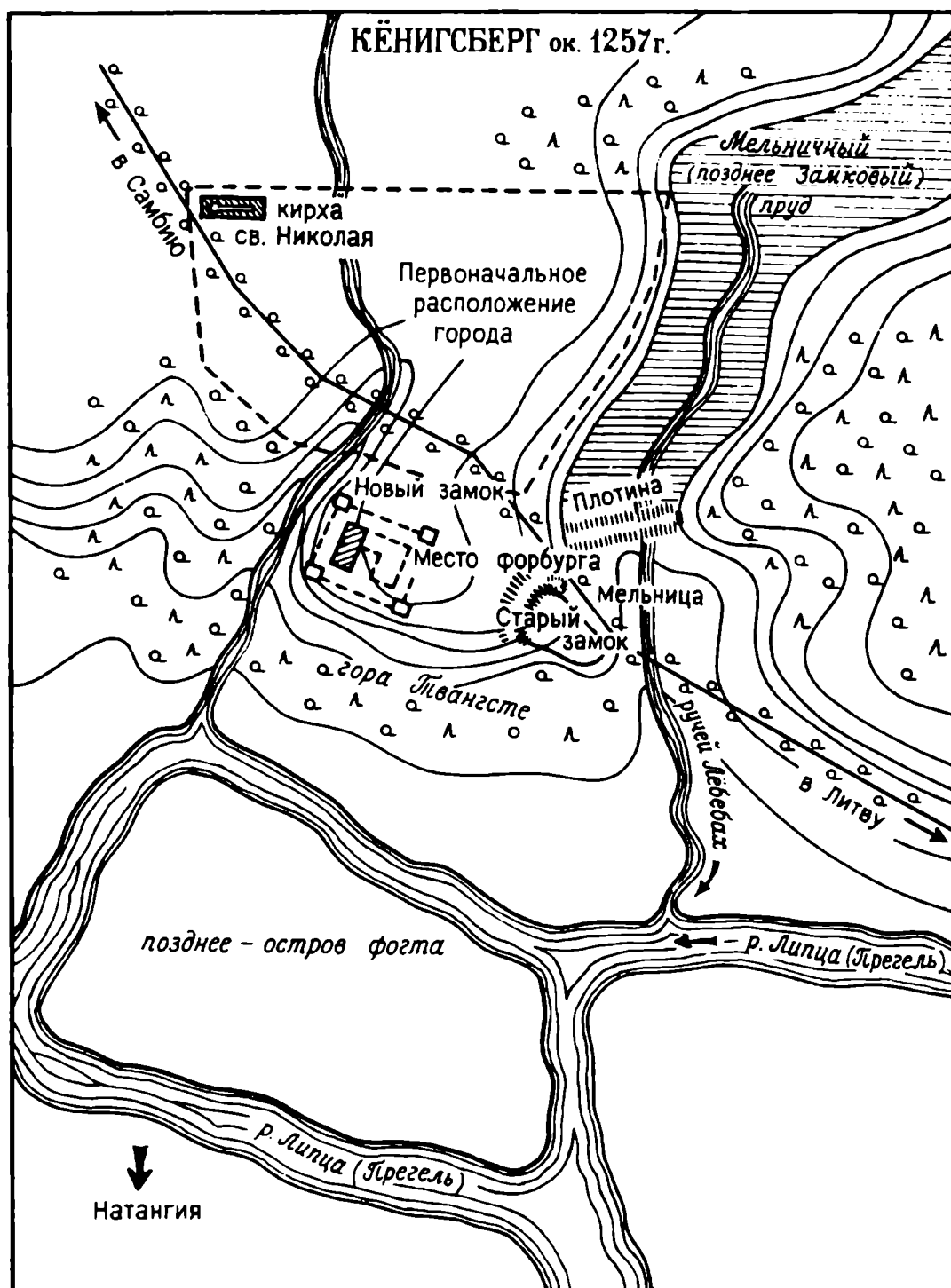

Парадный щит великого магистра Тевтонского ордена Карла фон Тревира (Около 1300 г.)

Хронист Петр Дусбург (Правая фигура на титульном листе «Прусской хроники», изданной К. Гарткнохом в 1679 г.)

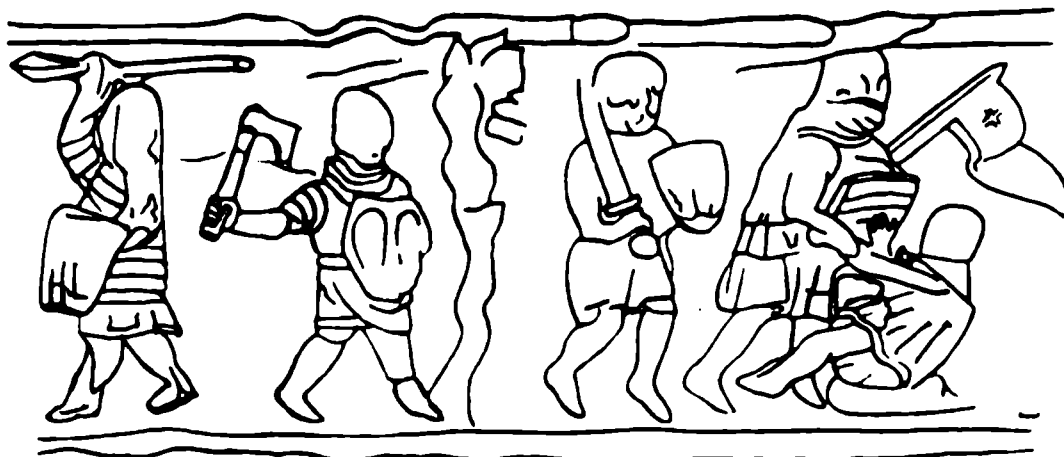

Кенигсберг около 1257 г. План Ф. Ларса

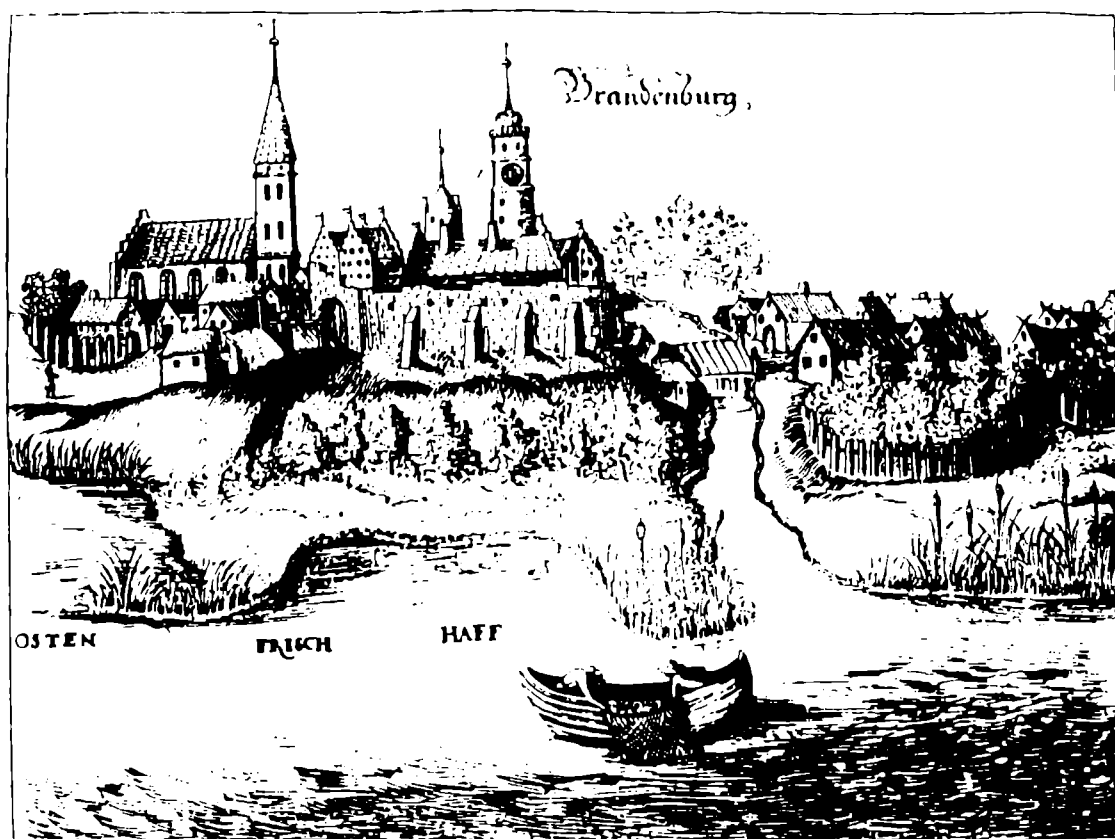
Схватка пруссов и крестоносцев (изображения на капители колонны из замка Мариенбург-Мальборк, начало XIV в.)

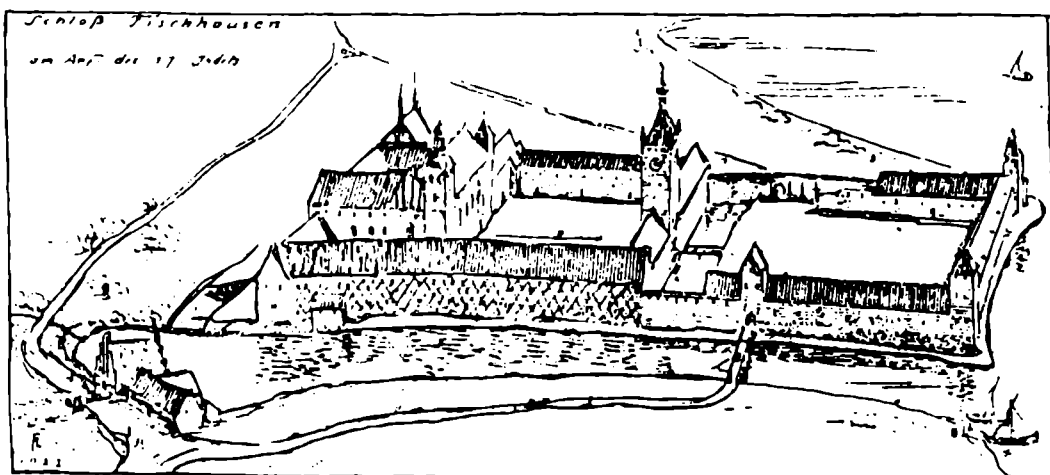
Воспроизведение полотна Я. Матейки «Битва при Грюнвальде» на польской почтовой марке. 1960 г.

Замок Бранденбург (ныне поселок Ушаково) в XVII в.
Гравюра К. Гарткноха

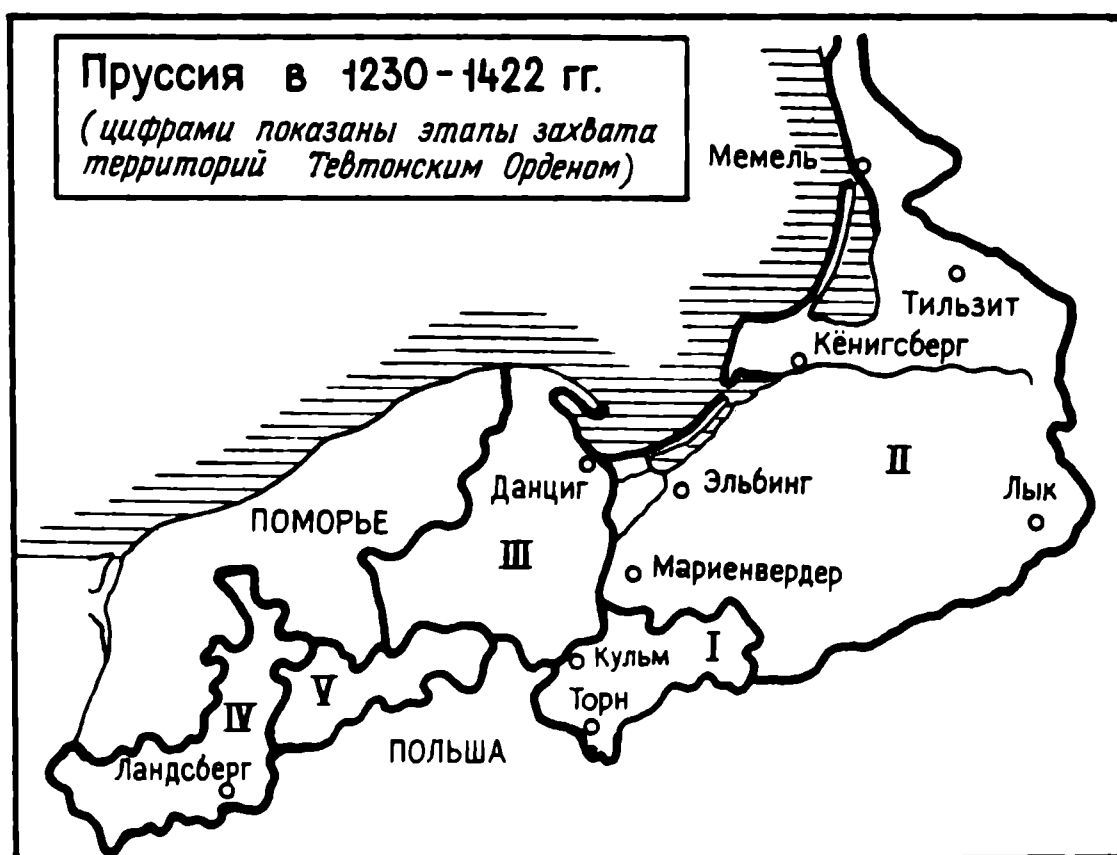

Старейшая на Самбии кирха Юдиттен, построенная в 1288—
1298 гг. Фото 30-х гг. XX в.

Вид замка Фишхаузен (ныне г. Пионерский) в XIV—
XVII вв. Реконструкция Ф. Ларса

того, что оно возникло как результат завоевания чужой территории и покорения другого народа. Поэтому победители меньше всего думали о копировании каких-либо форм государственного устройства, хотя многое делали по примеру рыцарей-иоаннитов, образовавших островные государства на Кипре, Родосе, Мальте. Победителям важнее было создать систему управления, которая бы в первую очередь помогала им закрепить свое господство, неразделимость власти. Утверждать, что орденское государство было страной «свободы и права», как это делают некоторые немецкие историки, вряд ли стоит.

Безусловно, орден заботился о внедрении и совершенствовании законности в стране, население которой формировалось из разноплеменных колонистов и аборигенов, настроенных чаще всего враждебно к пришлым хозяевам. Уже в Кульмской грамоте орден предоставил горожанам право самим выбирать судей. В сельской местности он нередко передавал свое право судопроизводства депутированным земельным судьям, дворянским судам, землевладельцам и деревенским старостам. При решении судебных вопросов учитывались древнегерманские правовые принципы, предусматривавшие суд равных над равными, в первую очередь это касалось дворянства.

В 1506 г. магистр Фридрих фон Заксен основал верховный суд страны под своей протекцией, служивший главным образом верховной кассационной инстанцией для всех судов. Однако постановления верховного суда по ходатайству любой из сторон могли быть переданы на ревизию магистру, и тот принимал окончательное решение. Орден являлся хозяином. Он придавал значение порядку в своем государстве, в том числе демократии и праву, лишь постольку, поскольку необходимо было подчеркнуть свое превосходство и власть, показать, что он пришел на эту землю «милость покорным являть и смирать войною надменных».

Правда, Фридрих II Штауфен, передавая ордену Кульмскую землю и завоевания в Пруссии, считал эти территории составной частью империи. Так как орден не мог быть ленником, император вручил магистру регалии и уравнивал его с другими имперскими князьями, что нашло свое отражение в рыцарской правовой символике: золотом щите с черным имперским орлом. Однако на практике вне корпорации орден ни с кем не делил власть: ни с императором, ни с папой, полагая, что свою самостоятельность он завоевал мечом и создал государство Пруссия для самой Пруссии.

Папский престол, уверовав в то, что он обладает полной властью над крестоносцами, запрещал рыцарским орденам принимать лены от светских или низестоящих духовных властей. Тем не менее, когда император Людвиг дер Байерн вручил в 1337 г. магистру Немецкого ордена Дитриху фон Альтенбургу грамоту на правление и полную юрисдикцию в литовских землях, тот без тени сомнения принял ее. В 1447 г. магистр ордена

получил исключительную привилегию, которая еще в XII в. была отобрана у императора (право самостоятельно назначать епископов на вакантные места и регулировать другие церковные дела), тем самым достигнув вершины своих церковно-правовых полномочий.

Правила, законы и обычаи ордена, объединенные в статуты, во многом заимствованы у ордена Тамплиеров. Правила содержали предписания для совместной жизни монахов — братьев. Законы комментировали правила, закрепляя их в форме обязательных уложений, а обычаи регулировали структуру ордена, его конституцию, иерархию, полномочия отдельных чиновников в военное время. Необходимость борьбы с язычниками как одна из целей ордена обосновывалась в своеобразном введении к статутам.

Братьям предписывался суровый образ жизни. Насаждалась кастовость, железная дисциплина. Братья должны были уметь владеть оружием. Воспитывалось беспрекословное послушание, замешанное на презрении и ненависти ко всем, кто не разделял их веру. Дисциплина строилась на правилах и обычаях, предусмотренных орденскими статутами. Братья давали не только обет целомудрия, но и обет послушания, говорили между собой вполголоса, не могли иметь тайн от своих начальников, жили вместе, спали на твердых ложах, ели скудную пищу за общей трапезой, находились в постоянной готовности к военному походу: ложились в постель полуодетые, кладя шпагу под руку.

Каждый вступивший в орден брат выслушивал такие слова: «Жестоко ошибаешься, ежели думаешь жить у нас спокойно и весело. Наш устав: когда хочешь есть, то должен поститься; когда хочешь поститься, тогда должен есть; когда хочешь идти спать, должен бодрствовать; когда хочешь бодрствовать, должен идти спать. Для ордена ты должен отречься от отца, от матери, от брата и сестры, и в награду за это орден даст тебе хлеб, воду да рубище»⁶².

В орденском братстве строго соблюдалась и национальная градация. Как правило, только немец и член дворянского рода имел право вступить в него. Исключение из этого правила делалось в редких случаях, исходя из целесообразности. О количестве орденских братьев можно судить приблизительно. Оно колебалось по годам и периодам в зависимости от обстановки, изменений в условиях приема орденских братьев и целей, решаемых орденом.

Йениг Бернхарт на основании данных анализа 1437—1438 гг. называет цифру 550 вместе с сотней братьев-проповедников⁶³. Циммерлинг Бернхард считает, что до 1400 г. число орденских братьев могло быть до двух тысяч⁶⁴. Это соответствует утверждению и Петра из Дусбурга в его «Хронике земли Прусской»⁶⁵. К 1525 г. в Пруссии едва ли оставалось около 60 братьев.

Ядро ордена составляли рыцари в белых и серых плащах. Черная туника и белый плащ с черным крестом на левом плече

свидетельствовали о знатности происхождения и заслугах. Рыцари-дворяне являлись основой тяжелой конницы — главной силы крестоносцев.

«Серые братья» (вероятно, из мелких дворян или вовсе не дворянского происхождения) должны были оказывать своим благородным братьям различные услуги. Их число тоже колебалось, но было значительно меньше, чем число рыцарей в белых плащах (Йениг называет цифру — 15 процентов). Рыцари, прославившиеся храбростью, имели право на золотые шпоры и высшие должности в ордене.

В исследованиях по истории ордена упоминаются еще «полубратья» — местные горожане и крестьяне, поступившие на службу ордена. Из них набирались кнехты — пехота, хозяйственная обслуга. Наемники из империи назывались тоже братьями, хотя не являлись членами организации, не облачались в рыцарские доспехи и имели легкое вооружение.

Совместить суровые религиозные требования к образу жизни братьев ордена с его реальными прозаическими делами было практически невозможно, как невозможно слить воедино «бездны тела и духа», обет бедности со стремлением к приобретению материальных благ, заботу «о сирых и больных» с жестокостью и насилием военных походов. Все это неизбежно превращалось в своеобразную измену себе, нарушало обет, а задачи, практически решавшиеся орденом, оказывались далекими от благотворительности и божественности.

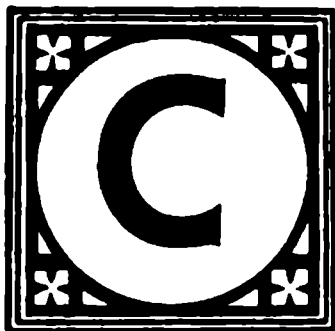
Человек оставался со своими слабостями, даже если он называл себя рыцарем и монахом. У него сохранялись желания к наслаждению, которые он прятал от внешнего мира, но они то и дело прорывались наружу. «Несмотря на все запреты, в орденских замках и кутили, и играли в азартные игры. В 1519 г. в инвентарной книге замка Ортельсбург перечислялись имевшиеся в подвалах комтура напитки: медовуха и вино, вермут, ежевичная и вишневая медовуха, данцигское вино, а также ежевичное, вишневое, терновое, лавандовое, полынное и шалфейное пиво — и напитки из подвалов конвента: айвовое, бузиновое, лавровое и рутное пиво... Мы вполне можем предположить, что напиток, обозначавшийся словом «пиво», был неким напитком с высоким содержанием алкоголя... Монотонность жизни в конvente толкала молодежь, жизненные силы которой били ключом, к нарушению орденских правил. То один, то другой покидали на ночь замок, чтобы провести ее в ближайшем трактире или на нежном свидании. Никто не пытался скрывать, если приходилось содержать детей... Проступки эти по-человечески были понятны, им не придавали особого значения, людей не подвергали наказаниям...»⁶⁶.

Орден позаботился о создании надежных вооруженных сил, призванных защищать страну от внешних и внутренних врагов и служить более веским аргументом в христианизации язычников, чем проповеди и наставления миссионеров.

Поэтому в стране была введена, по существу, обязательная воинская повинность, в соответствии с которой каждый землевладелец должен был являться на военную службу вооруженным и с соответствующей экипировкой. Крупные землевладельцы выставляли нескольких воинов. Пехота (кнехты) набиралась, как правило, из прусских крестьян, работавших или в орденских поместьях, или у прусских землевладельцев — ленников. Жители деревень немецких колонистов обычно освобождались от военной службы (лишь их староста нес военные обязанности), но в случае возникновения военной угрозы и немецкие крестьяне становились под знамена ордена.

Существовали два вида военной службы для немецких ленников: «мереная» (то есть ограниченная ландвером, обороной страны, в определенное время и в определенных границах) и «немереная» (участие в наступательных военных походах за пределами орденского государства). Хотя «немереная» служба для немецких ленников считалась делом добровольным, фактически они обязаны были откликаться как на призыв к обороне, так и на призыв к походу в чужие земли ⁶⁷.

УПРАВЛЕНИЕ ОРДЕНОМ

система управления государством также была подчинена укреплению власти ордена.

Когда орден вел политику изоляции и захвата прусских земель по частям, начиная с нижнего Привислинья, развивалась система управления через ландмейстеров (земельных управителей) во главе с главным ландмейстером, находившимся в Мариенбурге. После покорения прусских земель и переноса резиденции гроссмейстера из Венеции в Мариенбург в 1309 г. должность ландмейстера в Пруссии была упразднена. Магистр стал светским правителем и земельным князем. Но, как и прежде, две другие ландмейстерские должности — немецкого магистра и магистра в Лифляндии — оставались.

Магистр (гроссмейстер) Немецкого ордена находился на вершине иерархической лестницы. Будучи главой государства, он в определенной степени зависел от генерального капитула, которому принадлежала законодательная власть. Без поддержки и одобрения капитула магистр не мог начинать войну, за-

ключать мир или перемирие, вступать в переговоры, издавать законы, вносить изменения в систему управления, передавать орденские земли в ленное владение, отдавать распоряжения, касающиеся каких-либо коренных вопросов светской и церковной жизни страны, проблем городов и сел... В случае нарушения этих требований магистр мог быть даже смещен со своего поста.

Однако пределы полномочий правителя страны при внимательном рассмотрении оказывались куда более широкими. Должность гроссмейстера (магистра), хотя и являлась выборной, но была пожизненной, а его власть монаршей и чаще оказывалась единоличной, чем коллективной. Когда были попытки со стороны ограничить полномочия ордена, генеральный капитул, как правило, становился на его сторону.

Гроссмейстеру после избрания сразу приносилась клятва верности и послушания. Он обладал правом высшей юрисдикции, которую мог передавать в иные руки исключительно по своему желанию. Ни одна ветвь власти: ни исполнительная, ни судебная — не обладали полной самостоятельностью и послушно выполняли верховную волю капитула и магистра. Принятое магистром решение кассации не подлежало. Титул магистра часто не совпадал с выдающимися способностями, но среди тех, кто принимал на себя это звание, безусловно, были яркие личности.

Кроме Германа фон Зальца, заметный след в истории ордена оставил происходивший из древнего княжеского рода Лютер фон Брауншвейг (1331—1335 гг.), избранный магистром в двадцатипятилетнем возрасте. При нем активно продолжалось заселение Пруссии немецкими колонистами. Количество новых деревень, основанных при нем, велико.

В малообжитой области Зассен он передал целые районы товариществам предпринимателей для их освоения, строительства сел и хуторов. При Лютере фон Брауншвейге оживилась духовная деятельность ордена. Это нашло свое отражение прежде всего в архитектуре. Возникло много деревянных оригинальных зданий. В Мариенбурге по его приказанию была заложена часовня для магистров, расширена замковая капелла святой Марии. По поручению магистра орденский проповедник Николаус фон Ерошин начал в 1333 г. работу над переводом с латинского на немецкий язык «Прусской хроники» Петра из Дусбурга. Хроника явилась значительным произведением орденского времени.

Похоронен Брауншвейг в кафедральном соборе Кенигсберга.

Немало сделал для ордена Дитрих фон Альтенбург (1335—1341 гг.), проявивший незаурядные дипломатические способности в длительных переговорах о мире с Польшей, активно занимавшийся упрочением государства, строительством замков, хозяйственным устройством колонистов. Он построил первый мост через р. Ногата.

Но самым выдающимся создателем и героем колонисты и их потомки считали Винриха фон Книпрوده (1351—1382 гг.). За

время его тридцатилетнего правления орден превратился в решающую политическую и хозяйственную силу всей Прибалтии.

Новый магистр отличался осмотрительностью и здравым рассудком, не применял жестких мер из желания показать свою власть. Он сделал все, чтобы укрепить внутреннюю организацию ордена, расширить его внешние связи. Одним из первых актов его государственной деятельности было восстановление покровительства со стороны основателей ордена: папы и императора. В результате первосвященник Иннокентий IV вручил Книпроде заверенную копию документа, подтверждавшую законность покупки орденом Эстляндии, а император Карл IV подтвердил привилегии, данные ему в 1226 г. императором Фридрихом II. Это документально удостоверяло преемственность связи ордена с империей.

Важными актами государственной деятельности Винриха фон Книпроде было активное заселение орденских земель, значительное оживление торговли и вступление Кенигсберга в Ганзейский союз, укрепление военного могущества ордена. Магистр обновил грамоту об основании Мемеля (1365 г.), который первоначально принадлежал Лифляндской ветви, и фактически полностью привязал его к Пруссии, обеспечив себе более выгодные позиции в отношениях с Литвой. Ему лично принадлежит заслуга в укреплении внешнеполитических связей и авторитета государства путем тонкой дипломатии в конфликте ганзейских городов с Данией и заключения Штральзундского мира.

Не все правители орденского государства обладали необходимыми волевыми и организаторскими качествами. Например, в 1317 г. среди братьев, недовольных действиями Карла фон Трира, произошел раскол и по требованию одной из группировок магистр был вынужден отказаться от гроссмейстерского кресла и уехать в Германию. Но, прихватив с собой печать и кольцо магистра, он тем самым сделал невозможными выборы нового правителя Пруссии и считался гроссмейстером до самой своей смерти в 1324 г.

Был освобожден от должности магистра в 1345 г. Лудольф Кёниг в связи с психическим заболеванием. В 1414 г. соборный капитул ордена низложил гроссмейстера Генриха фон Плауэна, а затем заточил его в тюрьму, где тот провел шестнадцать лет якобы за измену и связь с польским королем. Потерял доверие ордена откровенно слабый магистр Михаэль Кюхмайстер (1414—1422 гг.), политика которого привела к резкому ослаблению Пруссии перед лицом внешних противников и внутреннему развалу орденского государства. Четверо магистров из тридцати семи, в разные периоды возглавлявшие орден, отказались по разным причинам от должности сами. И все-таки в большинстве случаев магистры крепко держались за власть до самой смерти.

Кристиан Крольманн, описывая доблести и добродетели магистров ордена, явно старался абстрагироваться от их дур-

ных деяний, чтобы сделать более привлекательными для истории образы тевтонских завоевателей⁶⁸. Однако среди магистров встречались и люди корыстолюбивые, жесткие, вроде Конрада фон Валленродта. Об их действиях следует судить в той степени, в какой они того заслуживают.

...Помимо магистра в состав высших правителей входили великий комтур (обычно заменявший магистра в его отсутствие), маршал, треслер (казначей), главный трапиер (ризничий) и главный шпитлер (госпитальер), избравшиеся генеральным капитулом с согласия гроссмейстера. Они составляли правительственный Совет (министериум). Главный трапиер был одновременно комтуром в Кристбурге. В его обязанности входило обеспечение ордена одеждой, а также постельными и столовыми принадлежностями. Поскольку относительно их распределения и использования существовали строгие и подробные предписания, он осуществлял контроль за выполнением этих предписаний. В каждом орденском замке был свой трапиер, подотчетный главному трапиеру... В дипломатических переговорах главный трапиер практически не участвовал, но на важных орденских документах ставил свою печать.

Фойгт указывает место нахождения резиденции главного шпитлера — Эльбинг. В большинстве орденских замков, где располагались рыцарские конвенты, существовали и госпитали. За больными и престарелыми осуществлял надзор один из рыцарей ордена, именовавшийся шпитлером. Во многих городах тоже организовывались госпитали. Главный шпитлер контролировал их деятельность, совмещая эти обязанности с комтурством в Эльбинге. Как один из правителей он имел значительный вес при решении орденских вопросов. Договоры и решения, затрагивавшие интересы всего ордена, должны были скрепляться и его личной печатью.

Основной хозяйственной, административной и военной фигурой в иерархической системе орденского государства являлся, несомненно, комтур. Он был ближайшим к магистру чиновником, распоряжавшимся делами определенной территории (комтурства-округа). Комтуры и рыцари, жившие в одном замке, составляли рыцарский конвент из двенадцати человек. В крупных замках в конвент входили до пятидесяти — семидесяти рыцарей. Размеры комтурств зависели от того, где находились орденские земли, от характера местности, от природных границ, условий хозяйствования и обороны. Сколько было комтурств? Если считать по количеству замков, то, возможно, от 100 до 150. Среди крупных выделялись Мариенбург, Эльбинг, Кристбург, Бальга, Кенигсберг, Данциг. Средними считались Бранденбург, Остероде, Страсбург, Торн, Грауденц и ряд других.

Комтур имел следующие права и обязанности:

1) предоставление земельных владений жителям комтурства (Продажа орденской земли без ведома магистра была запрещена.);

2) забота о своевременном и правильном сборе причитающихся замку налогов с мельниц и рыбной ловли, о поставках зерна и других сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий, о выполнении всех повинностей, связанных с землевладением. Непосредственно сбором занимались главы каммерамтов и сельские старосты;

3) забота о благосостоянии населения комтурства (например, в неурожайные годы помощь в снабжении посевным материалом, выделение средств погорельцам на новое строительство и т. д.);

4) надзор за лесным, охотничьим и рыбным хозяйством своего комтурства;

5) отправление правосудия; суду комтура подлежали все правовые отношения, по которым принятие судебных решений полностью сохранялось за орденом: например, суд над всеми проживающими в подчиненном ему районе немцами и пруссами, приезжими, наказание за разбой и другие преступления;

6) надзор над городами;

7) ознакомление населения с новыми законами и надзор за их исполнением;

8) представительство комтурства на орденском и земельном капитуле;

9) надзор за состоянием военных сил комтурства, которые включали в себя не только рыцарство, но и городское и сельское ополчение. Поэтому комтур должен был периодически проводить смотры войск и контроль их готовности⁶⁹.

Существовали мелкие комтурства (например, Гердауэн, Таппау, Лохштедт и т. д.), возглавляемые чиновниками более низкого ранга: наместниками — фогтами или заботниками — пфлегерами.

От подчиненных комтурам наместников (фогтов) следует отличать наместников магистра, управлявших, независимо от комтуров, целыми ландшафтными районами, на которые делилась Пруссия. Например, наместники Замланда, Натангии, Бартии и т. д. Из среды этих наместников, а также крупных комтуров вышли многие магистры, великие комтуры и другие верховные правители. Среди них — Винрих фон Книпроде, Генрих Дуземер, Ульрих фон Юнгинген, Михаэль Кюхмайстер и т. д. В комтурствах существовали также каммерамты (сельские управления и ведомства) и вальдамты (лесные хозяйственные органы).

Как уже было отмечено, владения ордена не ограничивались прусской территорией. «В империи было еще три... провинции, которые в то время (первая половина XIV в.) подчинялись непосредственно магистру, а именно: Австрия (Штайермарк-Кертен), Базен, Кобленц. Прочие провинции находились в ведении немецкого магистра (дойчмейстера). Орденские владения в Германии традиционно имели своей задачей поддерживать активность ордена, борьбу с язычниками... Поддержка эта носила

прежде всего материальный (денежный) характер. Рост размеров финансовой помощи послужил в XIII в. и еще какое-то время в XIV в. успешной завоевательской и обустроительной политике ордена. Кроме того, провинции представляли собой рекрутские области. Здесь, особенно среди мелкого дворянства, набирались орденские братья, которых затем посылали в Пруссию или Лифляндию...»⁷⁰.

Папа и кайзер гарантировали ордену неограниченный суверенитет на завоеванных землях, то есть «полную юрисдикцию, право чеканить монеты, право создавать рынки, взимать пошлины, налоги и т. п., контроль за передвижениями по воде и суше, монополию на добычу соли и металлов»⁷¹.

Такие же права получили епископы и соборные капитулы, за исключением права проводить самостоятельную внешнюю политику. На практике же орден главенствовал во всем.

В организации управления своими владениями епископы и соборные капитулы следовали примеру ордена. Вся территория епископств делилась на каммерамты, главным административным лицом в них был каммерер (камергер). Замландские епископы и соборный капитул основали немало своих замков. Например: Бурхштадель, Фишхаузен, Меденау, Ринау, Тиренберг, Цигенберг, Повунден, Георгенберг и другие. По согласованию между орденом и папой римским две трети завоеванных крестоносцами территорий получил орден и одну треть католическая церковь. Было создано четыре епископства: Кульмское, Помезанское, Эрмландское и Замландское. Со временем в Замланде, как и в других епископствах, был осуществлен более детальный раздел земель.

В 1257 г. первый замландский епископ Генрих фон Штриттенберг получил от ордена одну треть горы Кенигсберг и ее ближайших окрестностей. Через год был разделен весь Замланд и коса Фрише-Нерунг (Калининградская). И в дальнейшем по мере разрастания орденского государства и приобретения им новых территорий епископ получал свою треть. В частности, католическая церковь в Замланде имела верховную власть над частью территорий таких районов, как Фишхаузен (г. Приморск), Кенигсберг (сельский), в том числе Кведнау (Северная Гора), Инстербург (сельский) и т. д.

Между орденом и епископом на основании особых договоров происходил постоянный обмен территориями, но, как правило, всегда в пользу ордена, хотя внешне соблюдалась видимость равноправия. При магистре Винрихе фон Книпроде с целью упорядочения внутреннего территориального деления орденского государства и устранения пограничных споров были уточнены границы с Польшей, Мазовией, Померанией, епископствами Кульм, Помезания, Эрмланд, Замланд и епархией Рига в Лифляндских владениях ордена.

Между округами, комтурствами и крепостями орденского государства существовала превосходная курьерская, преимуще-

ственно служебная связь. Центром ее был Мариенбург, а после 1457 г. — Кенигсберг, куда в замок была переведена гросс-мейстерская резиденция. Руководил связью начальник конюшни магистра, имевший в своем распоряжении лошадей и курьеров. Почта обрабатывалась в специальных служебных помещениях (почтовых сараях). Курьеры находились под особой защитой государства. Существовал и другой вид связи — между земельными владениями. Имели свою курьерскую связь и купеческие гильдии.

Примечательно, что орден создал систему управления, которая буквально пережила века — настолько она оказалась продуманной. Даже после превращения духовного государства в светское и образования герцогства эта система, по существу, сохранилась. Герцог Альбрехт Бранденбургский не внес в нее коренных изменений. Орденские наместники превратились в герцогских верховных советников (оберрат), комтуры — в глав центрального и местного управлений, орденские замки — в резиденции управляющих ⁷².

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ПРУССКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

орден положил начало формированию прусского землевладения, основанного на власти

крупных помещиков (юнкеров), появлению знатных дворянских родов (Дона, Ойленбург, Каниц, Крайцен, Лёбен, Кверфурт, Шлибен, Теттау, Валленродт). Видимо, их имел в виду Фридрих Вильгельм I, когда обратил внимание преемника на то, что в Восточной Пруссии в отношении графского сословия ухо надо держать востро, так как оно стремится править вместе с королем ⁷³.

Усиление политической и экономической власти дворян произошло не сразу. В начале освоения прусских земель орден сам занимался сельским хозяйством в крупных размерах, но для обработки земли в поместьях требовался крестьянский труд. Исходя из этого, орден разумно распространил систему немецкого землевладения, существовавшую на Западе, применительно к завоеванным территориям, связывая воедино право владения землей с обязанностями помещиков и бауэров (крестьян) по отношению к ордену.

Документом о передаче земли служила орденская грамота, которая считалась временной основой управления аграрным сектором. В грамоте фиксировались границы земельного участка, правовая форма владения. Земельный участок мог быть выделен в виде поместья немецкому дворянину как приложение к его должности в награду за усердную службу. Для скорейшего освоения земель орден нередко отдавал их большими кусками, потому что колонистов не хватало, тем не менее крупных дворянских поместий в то время было мало.

Большая часть земли распределялась между податными деревнями. В первом случае грамота ордена вручалась непосредственно владельцу поместья. Крестьяне же податных деревень получали грамоту через локатора, который назначался обычно из числа немецких колонистов. Ему выделялся земельный участок определенной площади для раздела среди других колонистов, объединявшихся в деревню и общину. За эту работу локатор сам получал землю (от 6 до 10 хуфов), которая освобождалась от налогов, и объявлялся наследственным старостой, то есть его должность становилась собственностью семьи. Более того, он мог продать ее (должность). Староста следил за порядком в деревне, своевременной сдачей податей и десятины, налагал штрафы на должников, разрешал конфликты между крестьянами.

Земли в орденском государстве раздавались с Кульмским и Магдебургским правом. Кульмское право это фактически городское право, источниками которого явились Силезское золотое право, Фрайбергское серебряное право, Магдебургское право, Фламандское право... Его, как уже было сказано выше, получили первые орденские города Кульм и Торн. В целом перенести право какого-либо одного старого города на новые орденские города было невозможно, ибо население новых городов состояло из выходцев из разных районов Германии. Кульмское право вобрало в себя только те правовые установления, которые больше всего отвечали формированию новой общности горожан. В отношении орденских поместий и деревень Кульмское право использовалось также лишь в той части, которая регулировала отношения между деревнями и внутри них, между орденом и земле-владельцами.

Кульмское право распространялось сначала только на немцев, возможно, поэтому и называлось иногда немецким. В период, когда орден очень нуждался в поддержке своих немецких колонистов, он, как правило, раздавал им землю с Кульмским правом, создававшим подданным максимально выгодные условия. Хозяин участка мог передать его по наследству детям или иным родственникам без различия пола. Первые восемь — десять лет он даже не платил положенную десятину с урожая (1 шеффель ржи с хуфа, то есть 55 литров, или 1 шеффель пшеницы с хакена — с 3-х хуфов), чтобы хорошо освоить свой надел и сделать его максимально плодородным.

...После битвы под Грюнвальдом, когда цвет ордена погиб и были сильно подорваны его экономические позиции, стало чаще применяться Магдебургское право, как более выгодное для ордена. Особенно популярным оно было при магистре Кюхмайстере. Его основное отличие от Кульмского права заключалось прежде всего в ином порядке наследования земли, по которому наследником мог стать лишь сын хозяина. Если мужская линия вымирала, то поместье с Магдебургским правом вновь становилось собственностью ордена. Правда, со временем в это право стали вноситься уточнения и изменения, главное его отличие от Кульмского права постепенно стиралось, допускалось наследование уже не только по мужской, но и по женской линии. Выравнивались и другие положения обоих сводов законов, в том числе касающихся военных и экономических обязанностей ленников перед орденом. Тем не менее сохранялись и различия.

Возникшее в XIII в. Магдебургское право в Пруссии включало в себя элементы Саксонского ленного права и Магдебургского дружинного (военного) права. Оно распространялось не только на другие немецкие земли, но и действовало до XVII—XIX вв. в Польше, Литве, Чехии, Силезии. Магдебургское право охватывало более широкий круг гражданско-правовых отношений, судопроизводства и судоустройства, устанавливало меры уголовного наказания, часть норм внутренней уставной деятельности купеческих корпораций. Если Кульмское право в Пруссии давалось немецким городам и деревням, мелким поместьям, то Магдебургское право сопутствовало крупным землевладельцам. Владельцы крупных поместий на основе Магдебургского права получали полную юрисдикцию над своими подчиненными, могли чинить над ними без каких-либо ограничений суд и расправу. Кульмские дворяне, как и старосты кульмских деревень, имели большей частью право лишь на «малый суд» за незначительные провинности.

Поместья, передававшиеся во владение с Магдебургским правом, не были в прямом смысле ленами, тем не менее их владельцы должны были служить ордену⁷⁴. Немецкие деревни с Магдебургским правом никогда не создавались. Колонисты предпочитали получать земли с Кульмским правом, так как оно давало лучшие перспективы для потомков, чем Магдебургское...

Вот одна из земельных грамот, выданных магистром ордена Михаэлем Кюхмайстером.

«1418, июль 8, Кенигсберг.

Магистр Михаэль Кюхмайстер по совету и с одобрения своих сопроводителей наделяет «Мартина фон Штейейнен» и его потомков за его усердную службу шестью хуфами земли в деревне Лайейнен, каммерамт Каймен с Магдебургским правом, большим и малым судом над его людьми, за исключением дорожного суда (возможно, за преступления, совершенные на дорогах), право на который автор сей грамоты оставляет за собой. За это они должны участвовать в военных походах и стро-

ительстве крепостей, как это принято в стране, вносить с каждой хуфы один шеффель пшеницы и один шеффель ржи и с каждого хакена шеффель пшеницы, фунт воска и один кульмский или пять прусских пфеннигов каждый год со дня св. Мартина (10 ноября). Противоречащие этой грамоте документы объявляются недействительными. «Мартину» разрешается в течение его жизни пользоваться тремя хуфами, купленными им в каммерамте Каймен у «Клауса Лайейнена», но после его смерти эти хуфы возвращаются к прежней должности.

Выдано в нашем замке Кёнигсберг в пятницу накануне дня св. Маргариты 1418 года.

Свидетели: Пауль Русдорф, Великий комтур; Мартен Кемпнатор, Верховный маршал; Генрих Хольт, Верховный шпитлер и комтур Эльбинга; Иоганн фон Зельбах, Верховный трапиер и комтур Меве; Генрих фон Никериэ, треслер; Грегориус, капеллан магистра; Генрих фон Роде, Конрад фон Эрлихсхаузен»⁷⁵.

В период усиленного привлечения колонистов на завоеванные орденом земли немецкие крестьяне находились даже в более привилегированном положении, чем дворяне. Они были освобождены от участия в военных походах ордена, не привлекались к обременительной службе на строительстве или сносе крепостей, в значительной степени пользовались плодами своего труда на земле. Только во второй половине XV в. на крестьян немецких земель была возложена обязанность с каждых 10 хуфов земли (170 га) выставить одного воина.

Льготные условия ведения немецких крестьянских хозяйств объясняются тем, что они были выгодны ордену, так как их совокупный землевладельческий продукт на первых порах был основным капиталом, дающим средства, сырье, материалы и т. д. для поддержания жизни не только всех занятых в земледелии лиц, но и населения страны в целом. Значительная часть этого продукта путем разного рода платежей, покупок и продаж вступала в общее обращение и возмещала расходы ордена на войну, управление и другие нужды. Кроме того, надо иметь в виду, что большинство крестьянских семей в условиях простого товарного производства развивало так называемую домашнюю промышленность, которая давала им необходимые продукты, не принадлежащие к разряду предметов питания, и способствовала росту ремесленничества в государстве. За содержание трактира, пекарни, мельницы налог взимался дополнительно.

Свои правила землевладения устанавливали епископы вместе с соборными капитулами. Большая часть их земель передавалась поселенцам на условиях лена, то есть под определенные военные и административные обязательства, хотя, как правило, ленники получали землю в абсолютную собственность, облагающуюся налогами. Получая землю, ленники обязывались защищать резиденцию епископа от врагов. «Каждый, кто получал во владение 40 хуфов и более, обязан был в случае необходимости

явиться на службу в полном вооружении, на боевом коне и в сопровождении по меньшей мере двух всадников. Владельцы меньших поместий должны были являться на военную службу в легком вооружении, т. е. кольчуге, шлеме, с щитом и копьем и на соответствующем вооружении коне»⁷⁶.

Однако от этого закона допускались отступления. Службу можно было заменить деньгами. Епископские ленники, в отличие от большинства орденских, не получали судебной власти над своими подданными. Судопроизводство осуществлял фогт (наместник епископа), который третью часть доходов суда отчислял епископу.

Орден понимал необходимость создания прочного помещичьего и крестьянского сословия и повышения статута новых деревень для упрочения социальной базы своего господства и хозяйственного расцвета разоренной войнами земли. Поэтому периодически вносил в привязанные к земельным владениям обязанности и платежи изменения, определявшиеся сословными различиями и заслугами. Но всегда он строил свои отношения с сельским населением, руководствуясь своими интересами и силой.

Заселяя страну, орден не мог игнорировать существование оставшихся на территории Пруссии аборигенов. Часть из числа знати (нобилей) пользовалась льготами, могла иметь поместья с полунемецким правом (их земли измерялись в хуфах). Поместья нобилей состояли из двух частей: из владений языческой поры и надела, полученного от ордена. За первую часть они обязаны были платить десятину (но орден мог и не требовать ее).

За свои заслуги перед орденом прусская знать, или витинги, как их называли немцы, получала земельные наделы с проживавшими на них прусскими семьями. Эти семьи становились подданными новоявленных помещиков, а по существу крепостными, которых можно было судить по усмотрению хозяина, продать другому землевладельцу вместе с обрабатываемыми ими участками. Подданные витинга (барона) отрабатывали барщину и выполняли другие работы. Орден высоко ценил витингов, помогавших ему в укреплении власти на местах. На случай ранения, увечья или смерти каждому из них назначалась страховая сумма.

Незавидным было положение прусских деревень. Они находились в полной экономической зависимости от ордена и обязаны были отрабатывать барщину и платить оброк. Специальный чиновник (каммерер) следил за тем, чтобы пруссы исправно несли свои повинности на дворах и в полях орденских поместий, строго выполняли задания, которые становились все тяжелее и тяжелее.

Клаус Риль, анализируя деятельность Немецкого ордена по заселению Пруссии, утверждает, что «...орден поначалу делал резкое различие между немецкими и прусскими деревнями. Но некоторые моменты позволяют сделать вывод о том, что уже в

XIV в. началось сглаживание различий между ними. Процесс этот усилился, когда в XV в. вследствие неблагоприятной политической ситуации орден при заселении пустоши (т. е. незаселенных или слабо заселенных земель) начал испытывать недостаток немецких поселенцев. Конечно, еще предпринимались усилия для создания в пустоши селений с однородным населением. Так, известно распоряжение, вероятно, Конрада фон Юнгингена, в котором говорилось, что ни один прусс не может занять немецкую хуфу (т. е. участок, предназначенный немецкому колонисту, или участок в немецкой деревне) и что ни один прусс не смеет батрачить в немецких деревнях, а также работать в городах и идти в услужение в трактиры... Прусские крестьяне не имели права свободного передвижения, они были «привязаны» к своему клочку земли...»⁷⁷. Возможно, это положение нарушалось. Некоторые историки указывают, что в немецких деревнях было много прусской дворни и что церковь (особенно епископ Эрмланда) проявляла недовольство различиями между немцами и пруссами, ибо это, дескать, могло отвратить пруссов от веры. Как бы то ни было, но указанные моменты не являлись определяющими в положении прусских крестьян. Их крепостная зависимость не только не ослабевала, а, наоборот, становилась все тяжелее. Если различия и стирались, то главным образом между беднейшими немецкими и прусскими землевладельцами, для которых национальная принадлежность по сравнению с жизненными тяготами отступала на задний план.

Это стало заметным особенно во второй половине XV в., когда произошло резкое усиление власти дворян. После тяжелой Тринадцатилетней войны с Польшей орден оказался не в состоянии рассчитаться с наемниками деньгами и, дабы вознаградить их за службу, предложил им своеобразную натуральную оплату. Руководители наемных отрядов, имевшие дворянские звания, получили во владения большие массивы земель и множество деревень. Фактически было положено начало радикальному изменению аграрных отношений. Именно тогда в Пруссии, как и во всей Германии, под мощным воздействием растущего спроса на хлеб и захвата зернового рынка дворянством возникало крепостничество. В неволе оказались не только прусские аборигены, но и немецкие малоземельные колонисты (бауэры, кассаты).

Еще в 1412 г. магистр удовлетворил требование дворян о запрещении крестьянам селиться в городах без разрешения помещика-землевладельца. Запрет был подтвержден в земельном порядке ордена 1445 г. В случае самовольного ухода в город крестьянин силой высылался назад к своему господину, который имел право даже повесить его. В 1503 г. магистр издал указ, согласно которому батраки и батрачки, не работавшие более тринадцати дней, подвергались аресту и перепоручались своему господину, а тот мог на какое-то время заковать их в цепи или заставить год работать без оплаты.

Немецкие исследователи, рассматривая вопрос о крепостничестве в Пруссии, не отвечают на него однозначно, хотя такой авторитет как И. Фойгт в своей работе по истории Пруссии прямо указывает, что в орденском государстве «сельское население, за исключением землевладельцев, то есть витингов, свободных ленников, кёльмеров, делилось на крестьян (деревенских жителей) и крепостных крестьян»⁷⁸. Крестьяне были членами деревенской общины, имевшей определенные права подданных орденского фогта. Крепостные крестьяне являлись подданными землевладельцев и находились в их полной власти. Другое дело, были ли они в личной зависимости от помещика или нет, мог ли он купить или продать своего подданного крестьянина. Факты говорят о том, что мог, причем без земли.

Курт Форстройтер ссылается на исследователя Прохаску, который в «Сборнике писем Витольда» (Краков, 1882) приводит письмо от 1427 г. великого князя литовского, выражающего свои сожаления по поводу того, что он «не смог прислать комтуру Рагнита просимую последним русскую дворню», а также «шесть своих татар»⁷⁹. А это уже проявление чистого крепостничества.

Известен более поздний случай. В 1710 г. восточнопрусское богатое семейство фон Трухзес продало другой дворянской фамилии крестьянскую семью. Когда глава семьи пытался противиться этому, его отдали в солдаты⁸⁰.

В 1525 г. после падения орденского государства герцог Альбрехт Бранденбургский завершил дело магистров по закреплению крестьян. Он подписал свод земельных законов, открывших широкий простор произволу помещиков в отношении крестьян. С того времени зависимый крестьянин не мог перейти к другому хозяину без письменного разрешения предыдущего. Вводилась повинность (отработки) для крестьянских детей, которые также не имели права искать места на стороне без согласия своего господина, которому обязаны были служить верой и правдой. Если крестьянин недостаточно тщательно обрабатывал свой участок земли, помещик мог отдать его другому. Крестьяне протестовали против бесправного положения, даже восставали и разрушали дворянские поместья, но герцог жестоко расправлялся с недовольными.

Таким образом, уже в последние десятилетия правления ордена крупные землевладельцы стали оказывать решающее влияние на выработку и принятие земельных законов и оформились, по существу, в правящее сословие. Его представители назначались советниками магистров, заседателями и советниками Верховного суда, главами ведомств (амтов). Лишь Кёнигсберг протестовал против растущей власти дворянства, но без особого успеха. И хотя процесс был противоречив, рассчитывать за долги приходилось опять за счет крестьян.

о 1410 г. в Пруссии было основано около 1400 деревень, не считая польских и некоторых сохранившихся поселений прусских аборигенов. Помещики и крестьяне сеяли пшеницу, рожь, ячмень, овес, бобы, горох, морковь, перец, шафран. Зерна сначала не хватало. Часто губили посевы обильные дожди и наводнения, а посему зерно стоило чрезвычайно дорого. Но в конце XIV — начале XV вв. производство его в Пруссии уже превышало внутреннее потребление и хлеб стал продуктом экспорта. Растущие цены на рожь, пшеницу, ячмень побуждали дворян не только экспортировать зерно, выращенное на своих землях, но и скупать его у подданных и продавать как собственное. На территории орденского государства действовало около четырехсот мельниц, принадлежавших рыцарям. Они способны были выработать столько муки, что ее могло хватить на пятисоттысячное население.

Орден всячески поощрял развитие животноводства. Гроссмейстер Конрад фон Юнгинген (1393—1410 гг.) для улучшения молочного стада и овцеводства выписывал племенной скот из других земель, в частности из Голландии. Разводились свиньи, козы, огромное количество кур. У крестьян было свыше 60 тысяч овец. Шерсть их вывозить запрещалось, так как Пруссия сама изготавливала сукно и торговала им.

В южных районах орденского государства выращивались виноградники и тутовые деревья (между Кульмом и Торном), повсеместно разводились плодовые сады. Успешно развивалось пчеловодство, особенно в районе крепости Бальга.

Занимались сельским хозяйством и горожане. Почти каждый из них имел перед воротами города земельный участок (огород), выращивал овощи, фрукты, хмель, держал скот, пользуясь общим пастбищем. Сено горожане также косили сообща, за услуги в содержании коров, лошадей, свиней они платили городу налог, часть которого шла на оплату труда пастухов.

Важную роль в пополнении продовольствия имело внутреннее рыболовство. Ему благоприятствовало обилие рек, крупных и малых озер. Орден быстро установил над территорией пруссов свою юрисдикцию, полностью перечеркнул прежние отношения собственности, поделил завоеванные земли между рыцарями, горожанами и крестьянами. В грамоте о правах землевладельцев, составленной на немецком языке, значилось, что земли даются «... со всеми привилегиями и правами пользования, со всем, что на них находится и к ним относится, не исклю-

чая ничего из пашни, лугов, лесов, полей, кустарников, рек...»⁸¹.

Грамоты определяли и границы рыболовства в реках. Они проходили главным образом по середине потока. Маленькие озера отдавались в собственное владение целиком, более крупные равномерно делились между деревнями с указанием типа орудий лова, которыми можно было пользоваться.

По мере укрепления власти ордена сокращались и льготы на рыболовство, в частности в крупных озерах. Регулировалась рыбная ловля также в заливах, в Прегеле. Большое внимание орден уделял рыбоводству. Поощрялось выращивание богемского зеркального карпа, раков. Последние в большом количестве когда-то водились в Нижнем и Верхнем прудах в центре Кёнигсберга.

Прусские леса, особенно на границе с Литвой, были богаты дичью, зверьем. Водились зубры, медведи, кабаны, бобры, белки, куница. В лесах собирали дикий мед. Орденские правители имели фискальные права на рудники, воды и леса, на охоту и рыбную ловлю, что давало им огромные доходы. Кроме того, его чиновники регулярно собирали поземельные подати в своих округах, определенные городскими и деревенскими грамотами, получали десятину с урожая, которая должна была идти церкви, но, по договоренности с епископом, принадлежала ордену.

При Конраде фон Юнгингене впервые в Восточной Пруссии стали разрабатываться способы борьбы со стихийными бедствиями, наносящими ущерб сельскому хозяйству. Для предотвращения последствий обильных дождей, когда реки выходили из берегов и затопляли поля, орден сооружал дамбы. Гроссмейстер выделил значительные средства на строительство шлюзов на реках Прегель, Дейма, так как эти водные пути имели важное значение для связи с крепостями Мемель, Рагнит, Тильзит, для торговли с Литвой. В 1395 г. Конрад фон Юнгинген приказал выпрямить русло р. Дейма. Для этого был прорыт канал в 3,8 мили южнее Лабиау (Полесска) до Тапиау (Гвардейска), по которому хлынули в Прегель воды Деймы. Часть старого русла осталась и была засыпана. Сейчас здесь пойменные луга (у Гвардейска и выше по реке).

На территории орденского государства были созданы особые управления для осушительных и оросительных работ. Село и город обязывались строго следить за чистотой рек, озер, колодцев. Надзор за этим осуществлял специальный надсмотрщик. Орден стремился создать замкнутую речную сеть для сокращения времени перевозки грузов по территории Восточной Пруссии. Эта цель была достигнута позднее, в конце XVII — начале XVIII вв., и осуществлена главным архитектором, а затем квартирмейстером при дворе курфюрста бранденбургского Фридриха III Филиппом фон Кице и его супругой графиней Луизой Катариной Трухзес, которым было поручено организовать мелио-

рирование земель в районе г. Тильзит. В 1673 г. фон Кице умер, и главная забота о продолжении его дела пала на вдову. В первую очередь она решила осуществить идеи фон Кице о строительстве каналов между реками Гильге и Дейма. Недалеко от Куршского залива р. Неман делится на два рукава — Русс (Руссна) и Гильге (Матросовка). Русс всегда была полноводной и не представляла опасности для судоходства. Плавание же по Гильге от Немана к Прегелю через Дейму и Куршский залив затруднялось большим количеством речных изгибов и мелей. Сооружение каналов во многом устраняло эту проблему.

Работы начались в 1689 г. и были полностью завершены в 1697 г. Первый канал протяженностью в одну милю связал р. Гильге с р. Немонин. Начинался он у деревни Крисцанен и заканчивался у деревни Петрикен (Фонтанка Славского района) и назывался сначала Крисцанским. Второй канал был в три раза больше (три мили). Он соединил р. Немонин и Дейму от деревни Немонин (Головкино) до г. Лабиау и получил наименование в честь графини — Трухзесский. Но это название просуществовало недолго. День окончания строительства каналов, 11 июля, совпал с днем рождения курфюрста Фридриха III. По инициативе Луизы Катарины Трухзес каналы переименовали в Большой и Малый Фридрих-грабен (каналы Фридриха).

Пуск их в эксплуатацию имел большое значение для экономики Пруссии. Интенсивнее пошел сплав леса. Ускорились продвижение русских и польских товаров в Кенигсберг, оживилась внутренняя торговля. Прилегающие к каналам земли перестали пустовать. Началось их быстрое заселение и освоение. Бесчисленные деревушки появились на осушенных землях. Кроме того, что население этих деревень следило за чистотой рек, каналов, прудов, они же, местные жители, сеяли пшеницу, рожь, ячмень, овес, бобы, горох и морковь. Эти сельскохозяйственные культуры играли важную роль в обеспечении населения продовольствием. Здесь же следует упомянуть, что еще в рыцарский период в Пруссии начали выращивать и редкие, часто экзотические растения. К ним можно отнести перец и шафран, разводившиеся на наиболее плодородных участках вместе с хмелем. С того же времени в провинции стал известен виноград. Естественно, что население стало производить вина: торнское, кульмское. Менее известно пилькалленское вино с экзотическим названием «Кавалерийский шнапс».

Но возвращаясь к роду графов Трухзес, будет справедливым отметить, что эта фамилия прославилась в Пруссии не только фактом продажи своих крестьян, но и самым деятельным участием в прогрессивных преобразованиях этого края. Было завершено дело, начало которому положил орден. Дальнейшие поколения колонистов развивали мелиоративные и воднотранспортные системы, опираясь на опыт своих предков, строили ветряные и водяные мельницы.

азнообразными видами производства и услуг было представлено в орденском государ-

стве ремесленничество. Оно сосредоточивалось главным образом в городах, окруженных каменными стенами, башнями и зубцами, и носило цеховой характер. Во всех трех городах Кенигсберга (Альтштадте, Кнайпхофе, Лёбенихте) было 30—40 ремесленных цехов.

Основу городской экономики составляло простое товарное производство. Мастера имели небольшие предприятия, держали учеников (подмастерьев). Во многих случаях дело вели или отдельные семьи, или группы родственников. Ремесленное производство быстро росло, поэтому начало развиваться общественное разделение труда. Возникали цеха, в которых больше всего нуждалась экономика ордена: цеха каменщиков, плотников, деревообработчиков. Каменщики, как правило, являлись и архитекторами и простыми кладчиками стен замков, крепостей, должны были уметь приготовить раствор, знать свойства песка и извести. Каменных дел мастера достигали подлинного искусства, особенно при строительстве замков, монастырей. Прекрасные произведения архитектуры представляли собой залы с ребристыми сводами. Великолепное соотношение пространства, ширины, длины и высоты создавало впечатление гармонического единства и совершенной художественной формы.

Легендой является бытовавшее долгое время в немецкой исторической литературе утверждение, будто бы немецкие каменотесы входили в некий могущественный союз строителей, разъезжавших по Европе со специальными полномочиями от папы и на основе тайной архитектурной науки создававших готический стиль. История немецких каменщиков тесно связана с общей историей ремесленных цехов и братств. Что касается готического стиля, развивавшегося во второй половине средних веков в связи с ростом городов и торговли, то его распространение было обусловлено единством культурных влияний — римской церкви и византийско-арабского востока.

Несомненно, каменщики считались наиболее привилегированным слоем ремесленников. Они получали от города поденную плату, а если у заказчика кончались деньги, то могли перейти на другую стройку, но при условии возвращения на незавершенный объект, как только у заказчика снова появятся средства. Это правило относилось и к каменщикам, работавшим на церковных стройках.

Со второй половины XVI в. цеховому братству каменщиков в Пруссии, как во всей Европе, был нанесен сильный удар. Новый архитектурный стиль (ренессанс), пришедший на смену готике, потребовал новых знаний и приемов. У заказчиков появилась нужда в иностранных мастерах каменных дел — французах, голландцах, итальянцах и т. д. Но все-таки цехи местных каменщиков еще долгое время не сдавали своих позиций. Их ремесло подпитывалось последствиями частых войн, разрушавших замки и соборы, построенные в готическом стиле и подлежавшие восстановлению.

Ценились в орденском государстве профессии плотника и резчика по дереву. Плотники и резчики сооружали красивые здания. Их руками делалось и внутреннее устройство в виде встроенной мебели. В XIII—XV вв. получила признание узкая специальность столяров, изготавливавших сундуки, шкафы, столы, ящики и т. п.

Особого внимания со стороны ордена требовал ремесленный цех золотых (и серебряных) дел мастеров. Примечательно, что в то время стоимость изделий из драгоценных металлов определялась их весом, а не художественной ценностью. Поэтому мастера не особенно старались демонстрировать свое подлинное искусство: покрывали сусальным золотом разного рода кубки, медные пояса, изготавливали серебряные чаши, ложки, миски, солонки и т. п. Правда, в уставе цеха (1544 г.) указывалось, что «никто не смеет золотить медные (латунные) цепочки или кольца. Преступивший запрет... будет наказан»⁸². Были, конечно, и мастера высокого класса, но их произведения не сохранились. Экономические трудности, испытываемые орденом, особенно после поражения под Танненбергом (Грюнвальдом), вынуждали магистров пускать в переплавку на деньги не только малоценные изделия из серебра, но и высокохудожественные произведения.

Орден выступал монополистом в деле добычи, обработки и сбыта «солнечного камня». Долгое время орденом не разрешалось создавать в стране цеха по его обработке. Всякие попытки местного населения самостоятельно использовать уникальный дар моря беспощадно пресекались. Это считалось подрывом финансового положения государства.

Первая янтарная мастерская (цех) была создана в Кенигсберге лишь в 1641 г. Но тогда курфюрст Фридрих Вильгельм, первый правитель, не допускал какого-либо послабления в правах на янтарь. Каждый цеховой мастер или подмастерье давал клятву, которая гласила: «Я клянусь перед Господом всемогущим, что, принятый в янтарный цех, я буду жить, послушно и неуклонно соблюдая все статьи его светлости курфюрста Бранденбургского герцога в Пруссии распоряжений и предписаний, и не буду покупать янтарь кроме как у его светлости курфюрста или его арендаторов, и не буду обрабатывать иного янтара, кроме как купленного законопослушным образом. Равно как не

буду я и продавать необработанный янтарь, независимо от того, нужен он мне или нет, но буду поступать с ним в соответствии с предписаниями его светлости курфюрста, также и моих подмастерьев и учеников буду я приучать следовать оным, и буду сообщать, соблюдая необходимую осторожность, обо всех мошенниках, ворах, укрывателях краденого янтаря и его торговцах курфюрстским чиновникам или арендаторам, и ни на кого не закрою я глаз, никого не прощу. И коль замечу я угрозу нанесения ущерба его светлости курфюрсту или арендаторам, то постараюсь о том вовремя предупредить и от него уберечь. И жену мою, и детей, и челядь, равно как и подмастерьев и учеников, буду я удерживать от недостойных поступков и всего того, что противоречит предписаниям его светлости курфюрста в уставе янтарного цеха, и не позволять им ничего сомнительного. Но клянусь придерживаться всего, к чему побуждают предписания его светлости курфюрста в уставе цеха, и поможет мне в том Господь...»⁸³.

Расхожей в ордене считалась профессия стекольщика. У стекольщиков был свой цех. Они стремились овладеть специальностями живописца, резчика, так как такое совмещение профессий давало им возможность иметь постоянные заказы. Существовали цехи врачей и аптекарей, музыкантов. Причем последний объединял не только оседлых (городских) музыкантов, но и странствующих, хотя требования к ним были разные.

Возникали крупные цеха, принадлежавшие городу (например, сукновальни) или богатым купцам. Они требовали специализации производства. В изготовлении сукна участвовали чесальщики, прядильщики, мотальщики, валяльщики, ворсовщики, красильщики, складывальщики и т. д.

По всей Пруссии встречались предприятия булочников, мясников, сапожников, цирюльников, жестянщиков. В прибрежных городах процветали морские и речные лодочники. В огромном количестве изготавливалось пиво. В одном только Данциге насчитывалось 476 пивоваров. Много их было и в Кенигсберге, особенно в Лёбенихте. Пивоварение становилось национальным элементом жизни подданных. Им по закону оплачивались услуги, с них взимались штрафы. В августе 1457 г. в разгар Тринадцатилетней войны ордена с Польшей наемные войска ордена предали его и разгромили резиденцию гроссмейстера в Мариенбурге. Гроссмейстер Людвиг фон Эрлихсхаузен бежал в Кенигсберг, где основал свою новую резиденцию. Горожане за оказанное им доверие прислали в подарок гроссмейстеру бочку пива, что могло считаться проявлением высшей благодарности.

Ремесленные цеха разрабатывали свои профессиональные уставы, которые регламентировали их внутреннюю жизнь, обязанности и ответственность работника, контроль за качеством продукции. Уставы должны были отвечать не только личным интересам членов цеха, но и учитывать государственные потребности, служить общему делу.

За несоблюдение уставных правил применялись самые решительные меры наказаний и штрафы. Довольно ясное представление об этом дает текст устава цеха мясников г. Шиппенбайля, утвержденный курфюрстом в августе 1666 г. Хотя документ этот более поздний, не орденский, но порядки к тому времени в цеховой организации ремесленников почти не изменились. Документ фактически раскрывает образ жизни и труда ремесленников Пруссии.

«1. Если член цеха мясников, сын мастера, хочет завести свое дело и получить необходимый инструмент, он обязан передать в кассу цеха пять имперских талеров и отвезти в церковь бочку пива и на два стола еды, и он будет младшим цеха до тех пор, пока его не сменит другой. Если же не мясник сватается к вдове или дочери мастера, должен он прежде год отработать, чтобы получить права мастера.

2. Если мастер оставляет дело и уезжает из города и отсутствует больше года, а затем возвращается, то прав своих на дело не сохраняет и получить его вновь может только как новичок.

3. Если умрет младший цеха, его место займет тот, кто был до него.

4. Если младший в цеху не выполняет приказаний старшего, то должен он уплатить штраф в кассу цеха — 20 грошей.

5. Если член цеха на словах или в деле показал себя невежливым, то платит он штраф — 40 грошей.

6. Если член цеха намеренно отсутствует какое-то время, то взнос он платит в том же размере, что и остальные члены цеха, и еще платит штраф — 40 грошей.

7. Кто из владельцев боен не в должном состоянии содержит свой выпас, платит цеху 4 польских гульдена штрафа. Так как на бойнях может возникнуть недостаток мяса, магистрат располагает правом на наложение штрафа.

8. Кто не вносит арендную плату за свои бойни в размерах, предписанных главным в цехе, платит в кассу цеха штраф в 60 грошей.

9. Никто не должен нескромно и невежливо вести себя на бойнях и на цеховых собраниях, а также носить с собой нож, топор, меч или иное оружие, каждый, нарушивший это правило, платит штраф в 60 грошей.

10. Если младший в цеху забудет кого-либо пригласить, платит он 6 грошей штрафа.

11. Если мастер покупает скот и не платит как обещал, должно закрыть ему доступ к кассе, пока он не заплатит.

12. Если берет мастер ученика со стороны, то должен тот ученик уплатить цеху 40 грошей и поставить бочку пива.

13. Если мясник некачественно режет скот, должно мясо у него забрать и отправить в лазарет для бедных.

14. Если мастер должен заплатить цеху штраф или что иное, то должен он внести деньги в течение 8 дней после того, как

младший цеха сообщит ему об этом. Не сделает он этого, должен он дополнительно заплатить 20 грошей штрафа.

15. Никто из мастеров-владельцев боен не должен пропускать утранный совет, штраф 6 грошей.

16. Кто пропустит похороны, должен заплатить 20 грошей штрафа.

17. Никто из членов цеха не должен проявлять непослушания по отношению к главе цеха, штраф 20 грошей.

18. Никто не должен играть на деньги, а также покупать или просить в долг на цеховых собраниях, штраф 60 грошей.

19. Никто не должен пить за здоровье грудных детей, штраф за это 6 грошей.

20. Никто не должен появляться в цеховых собраниях и на бойнях с оголенными ногами (речь идет, видимо, о традициях в одеяниях того времени), штраф за это 15 грошей.

21. Никто в радиусе одной мили не должен продавать мясо цеху в убыток, а также привозить на рынок несоленое мясо, чтобы не ослаблять бойни, штраф 10 польских гульденов.

22. Ни горожане, ни крестьяне не должны скупать скот, крупный или мелкий, для перепродажи с целью получения прибыли, а лишь только для удовлетворения потребностей своего домашнего хозяйства. За нарушение данного правила штраф 10 польских гульденов.

23. Кто разглашает секрет братьев по цеху (речь здесь не идет о вопросах, интересующих высокие власти, последним каждый обязан предоставлять информацию), и это подтверждают два свидетеля, тот недостойн своего дела.

24. Кто приводит гостя в цеховое общество, может налить ему один раз или три; если гость выпьет больше, то платит за него тот, кто его привел.

25. Каждая бойня должна находиться во владении лишь одного человека. И каждый владелец бойни должен иметь на выгоне четыре головы рогатого скота для использования на бойне.

26. Кто будет уличен в нарушении этих пунктов и подвергнут штрафу, платит его старшему цеха, отказывается он платить штраф, его приглашают в магистрат, и если будет он признан обязанным платить штраф, платит он его в двойном размере в пользу магистрата и в пользу цеха. Занимаются его вопросом правительственные чиновники и, если признают его заслуживающим наказания, то штраф он платит по их усмотрению.

27. Вся сумма денежных штрафов, выплаченных за нарушение выше изложенных пунктов устава, делится на три части: одна часть — правительству, другая — магистрату Шиппенбайля, третья — цеху. (Документ заверен печатью, предоставленной правительству Пруссии. Кенигсберг, 10 августа 1666 г. Р. Радзивилл, И. Э. фон Валленродт, И. Д. фон Тетта, Альбрехт фон Кальнайн, Ф. фон Крайцен)»⁸⁴.

Вообще же список ремесел, нашедших свое развитие в Прус-

сии, обширен, хотя и мало чем отличается от других стран. Мы можем назвать булочников, мясников, сапожников, пивоваров в огромном числе и в каждом городе. Имелся спрос на услуги цирюльников, хирургов, других медиков, визиты которых оплачивались дорого, особенно специалистов по почечным и глазным болезням. Аптекари-кондитеры приготавливали сладости, которые рыцари забирали с собой в походы, судостроители спускали на воду суда, привлекавшие внимание взыскательных англичан и голландцев. Наравне с морским было развито и речное судостроение — этого требовала развитая сеть каналов. Для управления орденом, а впоследствии герцогством, требовались писцы, землемеры, для существовавших и вновь строившихся церквей и замков, городских зданий и сооружений — строители органов, скульпторы, живописцы, архитекторы, как правило, получавшие за свой труд очень щедрые вознаграждения.

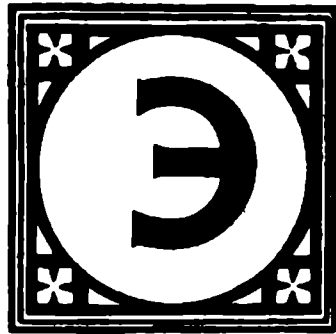
Частые праздники и связанные с ними придворные заботы предъявляли спрос на певцов, шутов, вожakov медведей.

Весь режим средневековой регламентации в орденском государстве способствовал выработке таких отличительных черт в образе жизни немецкой нации (пруссакaв), как консерватизм и стабильность. В отличие от Англии, где уже в XVII в. разразилась промышленная революция, разрушившая не только старые экономические формы производства, но и политический строй, в Пруссии цеховая система и преобладание ручного труда с применением простейших орудий труда сохранялись до начала XIX в. и практически исчезли только в период наполеоновских войн.

Лишь в XVIII в. стали развиваться восточнопрусская мануфактура и фабричная промышленность, в первую очередь суконная. Внедрять в производство машины Бранденбургско-Прусское королевство заставила настоятельная нужда: сильнейшая конкуренция Англии, Голландии и других стран на мировом рынке и недостаток рабочих рук. Единоличные и коллективные товаропроизводители стремились воспрепятствовать наступлению машин. Развитие мануфактуры тормозилось цеховыми привилегиями, многочисленными местными и провинциальными таможенными рычагами.

Консервативные устои настолько были популярны в прусской чиновничьей среде, что защитников цеховой системы можно было обнаружить даже в середине XIX в.

Так, король Фридрих Вильгельм IV выступал сторонником цехового устройства в развитии железных дорог, машиностроении и т. п. Историки считают, что королю были знакомы работы швейцарского экономиста и историка Сисмонди, считавшего цеховую организацию панацеей от противоречий, охвативших в этот период экономику Европы.

кономические интересы подталкивали к сепаратизму и немецкие города, интенсивный

рост которых начался в конце XI в., особенно на Рейне и Дунае. Возникли Кёльн, Майнц, Вормс, Страсбург и другие. Некоторые из них создавались на месте бывших римских поселений, но большинство выросло на новых местах. Сначала города зависели от своих главных покровителей-сеньоров: епископов, светских князей, королей. Однако в ходе социальной борьбы и укрепления экономического положения города добивались различных форм самоуправления. Они объединялись в союзы, чему способствовали потребности внешней торговли. Так возникла Ганза, в которую вошли северогерманские города, сосредоточившие в своих руках всю посредническую торговлю между германским побережьем, Англией, Нидерландами, Скандинавией, Русью.

Ганзу, образно говоря, произвела на свет рыба — самый распространенный товар на побережье Балтийского и Северного морей в период раннего средневековья. Балтийское море было очень богато рыбой. В соответствии с преданиями, стоило опустить корзину в море, и она наполнялась сельдью. Устья рек вспучивались от скопления семги и угря. У Пиллау, по всему заливу, плескался осетр. В XIII в. семги было так много, что на данцигском рынке ее разрешалось продавать для еды не более двух раз в неделю, чтобы не сбить цену. Рыбаки, ведя промысел вблизи берегов, строили для себя в наиболее удобных местах временные жилища, сооружали засолочные пункты, копильни, бочарни, мастерские по ремонту судового оборудования, гнали смолу, заводили свирепых собак для охраны своих факторий. Проворные ловцы денег рядом с рыбацкими хижинами сооружали кабаки, открывали лавки, хлебопекарни. За ними тянулись купцы, ремесленники, ищущие применения своему делу и образующие товарищества. Так из временных поселений возникали прибрежные города.

Ганза явилась преемницей немецких купеческих товариществ и объединений, одним из главных центров деятельности которых стал г. Висбю (на о. Готланд). Взлет Ганзы начался в сороковых годах XIV в., когда ганзейские города (в первую очередь вендские) помогли Вальдемару IV получить датский трон и вернуть свои некогда утраченные права, привилегии и свободы в торговых районах. Города заключали выгодные договоры с Вальдемаром IV и шведским королем Магнусом, его сыном

герцогом Хаконом Норвежским о совместных военных действиях против появившихся в Балтийском море пиратов. И хотя коммерческие интересы сторон не совпадали, договоры в определенной степени укрепили единение городов и их совместную политику. «Военные цели Ганзы состояли в том, чтобы сохранить датскую империю как противовес Мекленбургским амбициям, целью которых было завоевание шведского и датского престолов»⁸⁵.

Монопольная экономическая роль Ганзы как посредника приобретала постепенно все больший размах с разделением труда между производящими районами Северной, Западной, Восточной и отчасти Центральной Европы и даже Средиземноморья. Ассортимент товаров, вовлекавшийся в оборот, становился все разнообразней. Англия и Северная Германия поставляли сукна, Центральная Европа, Англия и Скандинавия — металлы, Северная Германия и Западная Франция — соль, Италия — шелк, Восточная Европа — главным образом пушнину и воск, а с XVI в. — хлеб, Швеция — медь, Норвегия — рыбу и т. д.

Немецкие купцы, захватив посредничество, опирались на успехи немецкой колонизации, в том числе в Прибалтике, и на военные силы немецко-рыцарских орденов, прежде всего Тевтонского. Ганза имела свои конторы в основных производящих районах Европы (Брюгге, Лондоне, Новгороде и т. д.). Центром торговли с внутренними районами Европы и основным перевалочным пунктом на сухопутном и речном путях между Балтийским морем был Любек — политический глава союза, где собирались общие ганзейские съезды.

Орден всячески поощрял развитие торговли. Расцвет ее пришелся на период правления фон Книпрوده, когда магистр разрешил трем городам Кенигсберга войти в ганзейский торговый союз, что сразу же оживило всю экономическую жизнь ордена. Получив право складирования товаров, Кенигсберг постепенно превратился в торгового посредника между европейским Востоком и Польшей, Россией и Литвой.

Анализируя состояние торговли в орденском государстве, мы невольно вновь наталкиваемся на мысль о несоответствии духовного назначения монашеско-рыцарского товарищества и размаха его коммерческой деятельности в целях извлечения максимальной прибыли и накопления богатств. Некоторые историки даже обвиняли орден в том, что он якобы изготовил фальшивую буллу папы Александра IV от 6 августа 1257 г. о торговой привилегии для тевтонов. Собственно говоря, сомнению подвергалось не само существование буллы, а ее текст, дословно повторенный грамотой папы Урбана IV в 1263 г. с некоторыми уточнениями и фактически не содержащий существенных ограничений ордена на широкую торговлю.

В настоящее время исследователи доказали, что обе грамоты являются подлинными. Но если допустить, что папа Урбан IV сделал уточнение к булле 1257 г. в пользу расширения тор-

говых привилегий ордену, то можно считать его дальновидным и прагматичным политиком. Видимо, он понимал, что утвердиться в Пруссии в качестве сильного христианского государства на основе равного права с другими странами орден мог лишь при условии вхождения его в международную торговлю в качестве нестесненного ограничениями товаропроизводителя и покупателя. А если бы орден пытался продавать только изготовленные им самим товары, то он стеснил бы и торговлю чужестранцам, и способствовал бы обнищанию своих подданных.

...Среди прусских городов (членов Ганзы) Кенигсберг занимал скромное место. Это объяснялось не только тем, что Прегель был не так полноводен, как Висла, но и тем, что воля гроссмейстера значила для города больше, чем решения собраний Ганзы. Когда возник спор, какое место в торговом союзе должен занимать Кенигсберг, до или после Данцига, разгневанный гроссмейстер запретил городу участвовать в собраниях Ганзы. Правда, позднее он отменил свое решение, но предупредил, чтобы помимо его воли город ничего не предпринимал. Спор между Данцигом и Кенигсбергом за приоритет в союзе продолжался почти 100 лет. Наконец в 1540 г. города приняли поистине соломонино решение, осознав, что они просто периодически могут меняться местами в ряду участников торгового содружества. В последний раз Кенигсберг посылал делегатов на собрание Ганзы в 1579 г. И хотя формально город никогда не выходил из Ганзейского союза, членство его в нем постепенно прекратилось.

Крупнейшей кенигсбергской фирмой ордена был торговый дом, который вел широкую торговлю при посредничестве кенигсбергского и марьенбургского «гроссшеферов» (орденская должность для руководства всеми торговыми операциями). Его оборот превосходил оборот всех вместе взятых отдельных торговцев. В Кенигсберге начинался известный еще пруссам так называемый Янтарный путь. Он пересекал Прегель, где проходила граница морского и речного судоходства. И хотя крупные суда обычно разгружались в Пиллау, ганзейские купцы с помощью лоцманов входили и в кенигсбергский порт, имевший средства для погрузки и выгрузки товаров. На ночь проход из порта в Прегель перекрывался заграждением из двух стволов деревьев. Здесь же, по уполномочию таможенных властей, сторожа проверяли грузы на судах.

Торговый дом заключал сделки на поставку разнообразной сельхозпродукции, копченой, вяленой и соленой рыбы от Нидерландов до Новгорода, Бреслау и Лемберга. Самым выгодным был сбыт янтаря. Торговый дом покупал сырье и поделки из янтаря у маршала ордена и перепродавал их значительно дороже в другие страны. Маршал, в свою очередь, имел дело с подчиненным ему правителем крепости Лохштедт. Янтарный наместник, как его называли, периодически доставлял «солнечный камень» в замок.

Кенигсбергские купцы не были единственными посредниками в торговле янтарем. По мере продвижения на рынок цена его сильно росла. Часть янтаря по суше поступала во Львов, где его брали немецкие и армянские купцы и доставляли для продажи на Ближний и Средний Восток.

Наибольшую прибыль торговый дом получал от перепродажи великолепных розовых венков из янтаря, изготовленных их уполномоченными производителями — ремесленными цехами. Магистры ордена для собственных нужд и дипломатических подарков заказывали изделия из янтаря поштучно известным мастерам-художникам, шлифовальщикам, которые нередко создавали для них подлинные произведения искусства. Но и природный необработанный камень находил сбыт. Большая часть его в бочонках вывозилась в Любек и Брюгге и продавалась ремесленным цехам, делавшим чётки. В среднем за год кенигсбергские агенты торгового дома доставляли сюда по тридцать бочек янтаря. Получали они за него в 2,5 раза больше, чем дом платил маршалу.

Выручив деньги за янтарь и другие товары, торговые агенты покупали за границей холст, сукно, вина, рис, южные плоды, пряности, бумагу, железо и везли все это в Пруссию. Часть выручки шла на поддержание крепостей в боеспособном состоянии и содержание их гарнизонов.

Интересы отдельных групп ганзейских городов часто не совпадали, между ними возникали споры и конфликты. Магистр Винрих фон Книпрوده умело маневрировал, когда вспыхнула так называемая скандинавская война. Датский король Вальдемар в 1360 г. отобрал у Швеции Шонен (важный пункт ганзейской торговли), захватил о. Готланд и разрушил старый ганзейский город Висбю, закрыл проход ганзейских судов через датские воды в Северное море.

Вендские города начали войну против Вальдемара. Орден сначала воздержался от вмешательства в нее. Но когда проход по Северному морю стал совершенно невозможен из-за пиратства датчан, магистр занял сторону вендских городов, заключив союз с Голландией и городами, расположенными к югу от Северного и Балтийского морей, против Дании и Норвегии, поддерживавшей датчан. К союзу в конечном счете присоединились и вендские города, и в ноябре 1367 г. был заключен военный союз всех ганзейских городов (Кельнская конвенция). Дания оказалась побежденной. В Штральзунде в 1370 г. участники войны заключили мир, особенно выгодный тем, «кто живет в стране под властью ордена магистра». Орден значительно усилил влияние на немецкие конторы в Бергене, а его купцы стали совладельцами заложенных датчанами в Шонене замков. Товарооборот орденского государства резко увеличился, экономика его и денежное обращение окрепли.

«За два года до окончания войны, в год 1368-й после рожества Христова, в день апостола святого Якова, шесть прус-

ских городов, членов ганзейского сообщества (Кульм, Торн, Эльбинг, Кенигсберг, Данциг и Браунсберг), получили от короля шведского Альбрехта (Альберта) щедрый подарок: грамоту о передаче им прибрежного участка земли в окрестностях замка Фальстербо на крайнем юге Швеции «на вечные времена в свободное и совершенное владение, с юрисдикцией, со всеми правами и свободами»⁸⁶. Каждый из городов получал возможность организации здесь торговли, ловли и извоза рыбы, право иметь своего фогта (наместника), вершить суд по законам своего города. Это свидетельствовало о том, что Швеция была довольна тем, что орден помог ей возвратить Шонен. Но, видимо, дело не только в этом. Швеция надеялась и на то, что Пруссия может потенциально стать ее союзником в столкновениях с Польшей, Данией и другими странами Европы, что и подтвердилось в Тридцатилетней войне.

С 1392 г. оживились торговые отношения Пруссии и Фландрии. В Пруссию пошли корабли с грузами голландского сукна, масла, риса, миндаля, соли, тмина и других товаров. В Северном море обнаружилось засилие пиратов. «Джентльмены удачи» буквально потрошили каждое судно. В конечном счете в Любеке плавание ганзейских кораблей во Фландрию, особенно в порт Свен, было запрещено. Гроссмейстер распорядился, чтобы все купеческие суда отправлялись с товарами в сопровождении вооруженных «кораблей мира».

Трудно складывалась торговля с Англией, где ганзейские города постоянно сталкивались с ущемлением своих свобод и высокими пошлинами. В 1398 г. торговые отношения между ними вообще прекратились. Ганза ввела запрет на ввоз английского сукна. Только в 1403 г. был дан толчок восстановлению прерванных торговых связей. После переговоров между посланниками прусского магистра и представителями английского двора решено было возобновить взаимовыгодные морские перевозки товаров. 8 октября 1405 г. появился договор между орденом и Англией. На взаимной основе купцам гарантировалась свобода захода судов в порты обеих стран и продажа товаров в любом месте.

Напряженные политические отношения долгое время препятствовали развитию торговли с Польшей даже янтарем. Лишь в 1398 г., когда королева Ядвига начала примиренческие переговоры с орденом, торговля между двумя соседними странами оживилась. Купцы Пруссии быстро проложили путь в Краков.

Трудно что-либо говорить о торговле ордена с Россией. Отдельные сведения, которые дошли до нас, свидетельствуют, что попытки наладить торговые связи предпринимались той и другой стороной. Князь Андрей Галицкий в 1320 г. дал торнским купцам привилегию на свободную торговлю тканями и другими товарами на своей территории. Орденские негоданты вопреки воле Польши, охранявшей монополию на транзитном пути в Россию, проложили дороги в Новгород и Псков через Литву и Лиф-

ляндию, которые имели выгоду от посредничества. В Новгороде была открыта ганзейская контора, больше известная в дошедших до нас источниках как «двор святого Петра», так как на территории немецкого двора находилась церковь под таким названием.

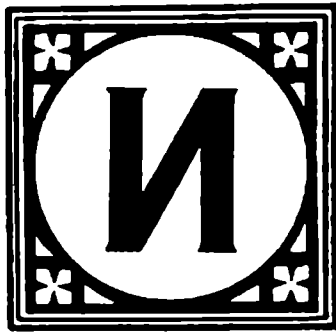
После начала войны Новгорода с орденом (ливонской ветвью) в 1368 г. отношения между новгородскими и немецкими купцами стали напряженными. Аресты купцов и конфискация товаров с обеих сторон считались обычным явлением. Торговля хирела. Наконец в 1494 г. по велению Ивана III ганзейская контора в Новгороде была закрыта. Е. А. Рыбина в своем исследовании «Иноземные дворы в Новгороде в XII—XVII вв.» указывает, что «при закрытии конторы находившиеся там 49 купцов из 18 городов были арестованы, а их товары (общей стоимостью 96000 марок) и ценности конторы конфискованы. После ареста купцов началась деятельная переписка об их освобождении, в которой наряду с ганзейскими городами принимали активное участие орденский магистр (ливонский) и даже император Максимилиан»⁸⁷.

Несмотря на препятствия и трудности, то и дело возникавшие в торговле с орденским государством, русские купцы пробивались, на свой страх и риск, в ганзейские города. Литовские речные суда по Мемелю (Неману) через Куршский залив и Дейму заходили в Прегель до каркасных складов и амбаров Альтштадта и Кнайпхофа и доставляли российские товары: меха, зерно, бобовые, пеньку, лен, сало, воск, деготь и другие.

В торговлю с орденом все активнее втягивалась Москва. Она использовала два пути продвижения товаров: 1) Кенигсберг—Вильдминнен—Лик—Аугустово—Гродно—Смоленск—Москва; 2) Кенигсберг—Шакен—залив—Мемель (река)—Рига—Псков—Москва. При неблагоприятных погодных условиях, чтобы добраться до Пруссии, требовалось около 60 суток (1-й путь) или 45 суток (2-й путь). Лучше всего дороги были зимой. Прусские посланники в Москву отправлялись в путь обычно в это время года и тратили на дорогу около месяца...⁸⁸

Значительную часть среди экспортируемых в Россию товаров из Пруссии составляла соль. Территория Пруссии имела залежи поваренной соли, которой сначала не хватало и она покупалась в других странах. Гроссмейстер К. фон Юнгинген пригласил в 1399 г. из Галле специалиста по добыче и переработке соли. Тот в 1401 г. нашел ее месторождение при Бонау, между Велау и Инстербургом.

Маленькие города орденского государства (Фишхаузен, Таппиау, Велау, Нойхаузен, Фридланд, Хайлигенбайль и т. д.) располагались, как правило, у водных артерий и дорог, во многих случаях на месте старых прусских поселений. Благодаря им регулировалась внутренняя торговля ремесленной и сельскохозяйственной продукцией.

нформация, содержащаяся в орденских архивах, доносит до нас больше всего сведений

об искусных архитекторах и каменщиках, возводивших крепости и церкви, о художниках-иконописцах, расписывавших алтари. Это естественно, так как строительство замков и культовых сооружений долгое время было основной заботой ордена. Вокруг них группировались и представители свободных творческих профессий, хотя определить с точностью, сколько их было и каким видом творчества они занимались, не всегда возможно. Немецкий историк Бернارد Шмидт извлек из архивов сообщения о двадцати одном художнике из Данцига, Мариенбурга, Эльбинга, Браунсберга и Кенигсберга. Среди мастеров изобразительного искусства из Кенигсберга он называет Гизебрехта и Томаса, занимавшихся по заказам знатных особ созданием картин, росписью кубков, оружия, щитов, а также резчика по янтарию Иоганна⁸⁹. Шмидт указывает, что «...некоторые художники имели звание «мастера», но поскольку в Пруссии в то время еще не было цехов художников, то можно предположить, что художники получали этот титул в немногих уже существовавших тогда цехах художников, например, в Праге, или в цехах, принимавших также и художников, и с ним уже приезжали в Пруссию»⁹⁰.

Это предположение автора не лишено основания: орденское государство длительное время черпало культурные силы из других стран, не создавая собственной базы для их становления, потому что не было заинтересовано в духовном развитии своих подданных. Объяснение возможно простое: суровый устав орденских братьев заставлял их ограничивать свои человеческие потребности, распространяя ограничения и на культуру.

Эрих Йоахим дает другое объяснение. По его мнению, рыцари, составлявшие высший слой духовного общества, были «не местного происхождения и уже поэтому не были способны развивать тесные отношения с коренными жителями, а тем более становиться их вождями в духовной области. К тому же этого они и не хотели»⁹¹. Такое объяснение убедительно, так как культура Средневековья в целом и рыцарская этика как ее порождение были уделом общественных верхов, аристократии или, как сейчас говорят, тонкого слоя интеллигенции, интересы которой носили личный или узко сословный характер и никак не распространялись на широкие слои населения, тем более на изгоев — коренных прусских жителей.

Ведь не секрет, что среди рыцарей встречались люди образованные, получившие вполне светское воспитание, окончившие немецкие и итальянские университеты. В каждой орденской крепости в обязательном порядке должны были жить не менее двух ученых членов ордена: богослов и юрист. Но все это имело значение лишь для ордена и для частной жизни образованных и светски воспитанных рыцарей, которые при случае могли блеснуть своими манерами, знанием языков, умением владеть шпагой, мечом и т. п. То же самое можно сказать об орденской библиотеке, которая имела не только книги богословского содержания, хроники и легенды, но и научные труды. Серьезные книги не предназначались для общественного пользования и хранились в замке Тапиау (г. Гвардейск). Это были рукописи, исполненные на пергаменте и бумаге. Часть из них, состоявшая из 63 рукописей и двух печатных изданий, содержала сведения по медицине, правоведению, лифляндскую хронику. Другая, бо́льшая часть, представляла 260 рукописных и 7 типографских изданий. В основном это были книги богословского содержания, а также по математике, философии, истории ⁹².

Среди рукописей выделялись три тома художественно оформленных комментариев к «Евангелию» Томаса фон Аквино (Фомы Аквинского), переложение книг пророков, а также некоторые фрагменты «Ветхого завета» и истории апостолов ⁹³.

Для простого населения, особенно ремесленников и крестьян, долгое время единственным публичным развлечением и возможностью уйти от скучной и однообразной жизни было посещение балаганных зрелищ, знакомство с искусством странствующих комедиантов, фокусников, музыкантов, поводырей «ученых» медведей и т. п. Они приносили некоторый праздник душе, мимолетный отдых от ежедневного тяжелого труда, пьянства и азартных игр. Школ на селе почти не было. Обучением детей бессистемно занимались нижние церковные чины. В результате неграмотность стала поголовной, а среди пруссов наблюдалось тайное идолопоклонство. Нравы отличались крайней жестокостью. Например, воров топили, отрезали им уши, пальцы, клеймили. Неверным женам, уличенным повторно в прелюбодеянии, отрубали голову.

В заученном суровом ритме протекала жизнь и при дворе магистра. Битвы, успехи и поражения ордена целиком поглощали его время. Только в 1413 г. появился цех музыкантов, получивший первую охранную грамоту магистра. Однако музыкальная культура и ее развитие долгое время концентрировались в основном вокруг церкви. Здесь утверждалось немецкое церковное пение, одноголосые хоралы. В период правления магистра Лютера фон Брауншвейга новому собору Кенигсберга был дан статус пасторской церкви Кнайпхофа (сентябрь 1333 г.). При этом магистр распорядился, чтобы «в праздники и когда еще в том будет нужда 26 учеников приходили в пасторскую церковь... чтобы там исполнять «Св. Оффициум» ⁹⁴. Церковь способство-

вала введению музыки в соборных и других школах. Нередко ученики развлекали пением магистра и его гостей во время трапез. Среди канторов были люди, писавшие музыку. Изменения произошли при магистре Фридрихе фон Заксене, выходеце из великокняжеского рода, который привез с собой в Пруссию не только светских советников, но и привычку к пышности и блеску. При дворе стала звучать музыка, устраиваться танцы. Постепенно музицирование приобрело характер постоянной службы у магистра. Инструментами музыкантов были труба, дудка, литавры, скрипка, тромбон, даже лира. Упоминается орган.

Строгость нравов и орденских обычаев постепенно исчезала. Пример двора оказывался заразительным и для верхних слоев городского общества и для дворян, которые не хотели отставать от моды.

Но обратить народ в целом к культуре и знанию — такой задачи рыцари не ставили. Достаточно яркий луч света пробился в «темное царство» ордена лишь в правление Альбрехта Бранденбургского. При нем помимо торговых связей с другими странами более активно стали развиваться культурные контакты. В Кенигсберге все чаще можно было встретить гостей разных званий с различными намерениями: кто по делу, а кто из желания ухватить свою птицу счастья. Чтобы не ударить лицом в грязь перед гостями, магистр устраивал при дворе празднества, турнирные бои, стрельбы из лука, скачки на лошадях на приз и т. п. Появились клубы состоятельных людей, где богатые горожане и помещики могли выпить, потанцевать, показать себя в обществе.

Прусское дворянство воспитывало в своих сыновьях все рыцарские добродетели, умение обращаться с оружием, охотиться, ездить верхом. Для этого юноши посылались ко двору магистра, других князей, где они должны были обучаться придворному этикету, реже — в немецкие или другие высшие учебные заведения.

С 1480 г. до секуляризации ордена (1525 г.) за границей побывало 470 детей дворян и богатых горожан (без уроженцев Замланда). Выходцы из Пруссии учились в Лейпциге, Виттенберге, Франкфурте, где изучали в основном богословие. Потом они становились пастырями церкви. Надо сказать, что среди прусского духовенства было немало образованных людей, занимавшихся литературным трудом, оказывавших большое влияние на формирование культуры и нравов своих прихожан.

При Альбрехте появился при дворе первый лейб-врач, получивший частную практику. Но еще долгое-долгое время медицинская помощь находилась целиком в руках разного рода знахарей и шарлатанов, а посему любая вспышка серьезной болезни быстро распространялась и уносила десятки тысяч человеческих жизней.

С именем Альбрехта связано развитие библиотечного дела, изобразительного искусства, скульптуры, печатного производ-

ства. Но все это относится уже к периоду после Реформации и рождения герцогского государства.

Следует также отметить своеобразие архитектурного облика городов и сел, сформировавшееся в Пруссии во времена орденского государства.

Когда крестоносцы овладевали землями пруссов, они строили в большинстве случаев временные деревянные крепостные сооружения, предназначенные не для мирного гостеприимства, а для войны. Потом, когда пруссы были покорены, началось каменное строительство замков, отличавшихся своим великолепием и блеском. С течением времени, когда страх перед возмездием со стороны пруссов прошел, колонисты стали селиться не обязательно возле рыцарских крепостей. Они строили деревни и хутора там, где было удобно и выгодно. Поскольку население Пруссии формировалось из представителей разных народов, то в сельской местности постепенно закрепились четыре основных типа построек: немецкая усадьба, литовский дом на северо-востоке и в Мемельском округе, мазурский дом на юго-востоке и эрмландский дом в районах Эльбинга и Мариенбурга.

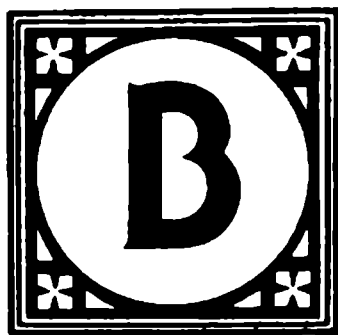
Характерной особенностью немецкой усадьбы были фахверковые постройки. Жилой дом не красили, первый этаж делали срубом, второй — представлял собой высокую фахверковую мансарду. Литовский хутор состоял из ряда небольших строений: летнего домика, зимнего дома с холодными сенями и общей комнатой и хозяйственных построек. Дом делали в виде сруба с дощатым фронтоном и соломенной крышей.

Мазурская усадьба представляла собой дом, вокруг которого плотно громоздились хозяйственные сооружения. Получался как бы единый замкнутый двор. Дома имели дощатые фронтоны, а на верхнем ярусе — террасы. Почти в каждом доме отводилась каморка для ковроткачества, в прошлом специфического мазурского ремесла, заимствованного, возможно, у татар.

План эрмландской усадьбы выглядел примерно так же, как и у мазур, но дом был другой: первый этаж — сруб, внизу — выступающая веранда, наверху — мансарда и фахверковый фронтон, украшенный андреевским крестом и орнаментом. Эрмландский дом во многом напоминал западнопрусский дом с верандой.

Прусские города были небольшими, а расстояние между ними невеликим (от 10 км до 50 км). Какого-либо особого местного архитектурного стиля орденское государство не выработало. Преобладали готика, а затем барокко при строительстве ценных зданий.

Во времена ордена в Пруссии было основано 55 городов. Они примечательны своими прямыми улицами и прямоугольными рыночными площадями, где обычно сооружали ратушу. Ближе к городской стене возводили церковь. Города располагались на возвышенностях, некоторые из них — на берегах рек.

XIV в. орден продолжил свои завоевательские походы. В 1309 г. он подчинил себе По-

морье, расширил владения вплоть до Померании, лишив Польшу устья Вислы и выхода в море, и окончательно поссорился с ней. Вражда между ними с тех пор практически не прекращалась, войны прерывались короткими перемириями.

В 1331 г. под деревней Пловце в Куявии польскому королю Владиславу I (Локотку) удалось разбить часть войск ордена, но это был местный успех. В 1332 г. орден захватил всю Куявию (рядом с Хельминской землей). Большую поддержку ордену оказывал король Богемии Иоганн. В результате их совместных действий против Польши пали герцогства Добрин и Мазовия. Иоганн подарил ордену половину добринских земель, а впоследствии продал ему и вторую половину, заверив магистра Вернера фон Орзельна, что не заключит сепаратного мира с Владиславом до тех пор, пока тот не откажется от этих земель.

Непрекращающиеся смуты и столкновения между различными династиями, претендующими на польский престол, резко ослабляли Польшу перед лицом сильного орденского государства. Учитывая это, сын Локотка Казимир III решил на какое-то время не ссориться с орденом, сосредоточив свое внимание на укреплении военного и политического потенциала страны. Он начал захват русской Галицко-Волынской земли, а с орденом заключил в 1343 г. в Калише так называемый «вечный мир». И. Фойгт по этому поводу писал так:

«Переговоры в Калише в июле 1343 г. не заняли много времени, так как в течение многих лет спорные вопросы обсуждались неоднократно, взаимные претензии и требования ставились столь определенно, что каждый знал, чего хочет другой. Когда магистр передал королю разработанные условия мирного договора, тот выразил согласие принять их и исполнять.

Казимир отказался не только от всех притязаний на Кульмскую землю, замок Нессау и поместья Орлов и Морин в Куявии, но и от Померании и Михелау (Михайловская земля), отказался от своего имени и имени своих преемников, заявив, что отныне он не намерен использовать титул герцога Померании в печати и документах. При этом он обещал ордену свою поддержку и защиту на случай притязаний венгерского короля на отдаваемые ордену земли. Он поклялся никогда более не оказывать помощи язычникам в их конфликтах с орденом, отпустить всех орденских подданных, находящихся в его стране (в

плону) или посодействовать их освобождению, а также заставить все сословия, духовные и светские, отказаться от любых требований к ордену, связанных с возмещением ущерба, и представлять орден в каждом случае выставления имущественных претензий. Герцог Богуслав фон Катеттин, герцоги Мазовии, Куявии, Добрина и все светские сословия взяли на себя обязательства по контролю за соблюдением условий мира: если король каким-либо образом нарушит их, они ни в коем случае не будут оказывать ему помощь и приложат все усилия к тому, чтобы мир никогда не был нарушен и орден сохранил указанные земли в своем владении. Магистр со своей стороны отказался от завоеванных орденом земель Куявии и Добрина и тотчас освободил их от своих войск»⁹⁵.

Теперь орден мог надеяться на более благосклонное отношение к себе папской курии, которая в споре за Поморье заняла сторону Польши.

Покуда крестоносцы оправдывали свои завоевательские действия необходимостью борьбы с язычниками, у них было хотя и слабое, но все же правовое прикрытие захватническими притязаниям. Применение военной силы против христиан, захват Поморья, других земель окончательно разрушили это прикрытие и означали своеобразный зигзаг во внешней политике ордена. Пытаясь маневрировать и как-то снять с себя обвинение в превышении прав, предоставленных ему папой и императором Священной Римской империи германской нации, орден направил все свои силы на покорение и христианизацию языческой Литвы.

Набеги на Литву не прекращались до Калишского мира с Польшей. Они совершались почти ежегодно. Петр из Дусбурга писал в своей хронике: «В 1283 г., то есть в то время, когда с начала войны против пруссов прошло уже 53 года и все племена в этой драке были покорены, а непокорные изгнаны или уничтожены и не осталось ни одного человека, который не склонил бы свою голову перед святой римской церковью, братья из немецкого дома начали борьбу против того сильного, опытного в делах военных народа, что населял Литву, непосредственно граничащие с землями пруссов территории по ту сторону реки Мемель»⁹⁶.

В 1298 г. комтур Бертольд Брюхафен с помощью лифляндского войска разбил в Ноймюлене литовского князя Витенаса. В течение 15 лет XIII в. крестоносцы 20 раз вторгались в Литву, доходили до Гродно. Каждый раз литовцы давали завоевателям отпор. В 1311 г. они дотла разорили Вармию. Их войско гнало крестоносцев до хельминских земель, но ни разу литовцы не приближались к Кенигсбергу.

Особую агрессивность против Литвы проявлял магистр Винрих фон Книпроде (1352—1382 гг.), который практически ежегодно совершал походы на восток. Однако к этому времени политическая обстановка в Литве изменилась, и крестоносцам становилось все труднее разговаривать с нею на языке оружия.

Изменения начались в 1316 г., когда князю Гедимину (родом из Жемайтии) удалось объединить все литовские племена в единое государство. Гедимин нанес немецким рыцарям ряд поражений. Круто трансформировалась его политика в отношении Польши: традиционно враждебные отношения между двумя соседними государствами сменились сближением. В 1325 г. Польша и Литва заключили союз. Основой его стала общая неприязнь к ордену. В результате немецким захватчикам так и не удалось стать твердой ногой на весь литовский берег Немана. Не помогли им и попытки действовать по широкому фронту с помощью речных судов и барж. Одна из таких самых крупных рыцарских барж, сооруженная в виде плавучего острова, несшего на себе хорошо вооруженных воинов и осадные орудия, села на мель и была сожжена литовцами, перебившими рыцарей и кнехтов.

Чаще всего объектом нападения тевтонов была Жемайтия (Жмудь). Овладение ею означало соединение прусских и литовских владений ордена. Жемайты, в свою очередь, не только оборонялись, но и предпринимали ответные удары. Примечательно, что хронист, рассказывая о борьбе жемайтов, в дальнейшем именует их литовцами.

Конец XIII в. и почти весь XIV в., особенно после Калиша, прошли в ожесточенных схватках и сражениях между тевтонцами и литвинами. Защищая свою землю, последние нередко показывали чудеса самоотверженности и храбрости. В 1336 г. рыцари осадили острожек Пунэ, в котором кроме воинов укрылись четыре тысячи жителей окрестных сел с женами и детьми. Нападавшие разбили и развалили стены крепости осадными машинами и подкопами. Когда отчаянно оборонявшиеся увидели, что успешно сражаться у них уже нет возможности, решили погибнуть, но не сдаваться. Умертвив всех своих жен и детей и устроив из трупов огромный костер, они стали убивать друг друга, а кто не успел умереть — бросался на мечи врагов. Последним с группой храбрецов погиб начальник литовской крепости Маргер.

В 1341 г. при осаде Баербурга погиб Гедимин. Дело его продолжали сыновья: великий князь Ольгерд (Альгердис, 1345—1377 гг.) и Кейстут (Кейстутас), князь тракайский и жемайтский. Но борьба с рыцарями складывалась для них неудачно.

Русский историк С. Соловьев красочно нарисовал картину одной из битв между тевтонами и литовцами, которая печально окончилась для Кейстута. «В 1360 г. Ольгерд, Кейстут и сын последнего Патрикий сошлись с великим магистром на границах литовских: битва продолжалась целый день, и рыцари одержали победу. Напрасно Кейстут старался остановить бегущих и возобновить битву: его свалили с коня. Патрикий ринулся в середину неприятелей для спасения отца, но также был сброшен с лошади, поднялся и отбивался до тех пор, пока подоспел отряд литовцев и выручил его из беды, но отца он не мог спа-

сти. Кейстута отвезли в Мариенбург, столицу ордена, и засадили в тесную тюрьму; день и ночь стояла у дверей стража и не пускала к пленнику никого, кроме слуги, приносившего пищу, но этот слуга, приближенный к магистру (речь идет о Винрихе фон Книпроде), отличавшийся своей верностью, был литвин, в молодости захваченный в плен и окрещенный. Ежедневный разговор с Кейстутом на родном языке, злая судьба и знаменитые подвиги литовского богатыря разбудили в нем давно уснувшую любовь к старому отечеству; он дал средство Кейстуту уйти из заточения и достичь двора зятя своего, князя Мазовецкого. Кейстут не хотел возвращаться на родину, не отомстивши рыцарям; он взял у них два замка и с добычей возвращался домой, как на дороге был захвачен орденом отрядом, вторично попался в неволю, вторично ушел из нее и опять начал готовиться к вторжению в Пруссию»⁹⁷.

Последнее крупное сражение ордена с языческой Литвой произошло 17 февраля 1370 г. под Рудау (поселок Мельниково Зеленоградского района). В начале февраля литовские князья Кейстут и Ольгерд совершили набег на Замланд по льду Куршского залива. Узнав об этом, маршал ордена Иоганнес Шиндекопф, резиденция которого находилась в Кенигсбергском замке, немедленно выступил с двумя тысячами конных и пеших воинов навстречу противнику. Битва была неравной. Воины ордена владели более высокой техникой боя и начали брать верх. Отход литовцев и попытка их удержаться в многочисленных лесных массивах успеха не имела. Началось бегство.

Про ту рыцарскую и кровавую битву знаменитый польский поэт Адам Мицкевич писал:

Долго литовцы по замкам, горам и лесам бродили,
Нападали на немцев, либо сами подвергались нападению,
Пока не сразились в страшной битве на лугах Рудавы,
Где десятки тысяч молодежи литовской полегло
Обок столько ж тысяч вождей и братьев крестовых *.

Поэт допустил поэтическое преувеличение количества жертв. Всего орден потерял четырех наместников, 22 рыцаря и около 100 воинов (кнехтов). В одной из стычек погиб маршал Шиндекопф. Литовские потери оказались вдвое большими. В честь убиенных на месте сражения были поставлены три памятника и три часовни, в которых служили обедни за упокой. Гроссмейстер ордена Конрад фон Валленродт установил на месте гибели маршала каменную колонну. Она дожила до наших дней, но постепенно время и люди разрушили ее.

Даже беглый взгляд на историю средневековых отношений между Польшей, Литвой и орденом государством свидетельствует о том, что они складывались во многом под влиянием личных честолюбий и соперничества властителей, их стремления

* Польский перевод из книги Януша Ясиньского. История Крулевца. Очерки XIII—XX столетия. Ольштын, 1994. С. 20.

к господству, составлявших запутанную картину политической борьбы, полную кровавых столкновений и актов насилия на фоне неразвитого общественного сознания. В те времена понятия справедливости и права в политике, как, впрочем, и в наше время, не господствовали в мире. Истина утверждалась чаще всего силою и принуждением. Люди сознательно или бессознательно черпали свои нравственные воззрения из практически складывавшихся отношений: государства с государством, князя с князем, соседки с соседом. Выгодно или не выгодно мне? — вот главный вопрос, который руководил их действиями.

И Ольгерд и брат его Кейстут нередко выступали против ордена совместно с русскими соседями. Но когда это было невыгодно им, сознательно шли на обман и предательство союзников. В 1341 г. ливонские рыцари возобновили свои нападения на псковские земли, без объявления войны убили псковских послов. Псковские ратники отомстили рыцарям опустошением ливонских территорий. Но, увидев, что надо ожидать новой сильной напасти ливонцев, они стали кланяться новгородцам, прося помощи. Те замедлили с нею. Тогда псковичи направили послов к князю Ольгерду. Тот приехал в Псков с братом Кейстутом, полками литовскими и русскими. «Помоги нам, господин», — просили Ольгерда. Особенно тяжело было городу Изборску, который осадили немцы. Но князь Ольгерд и Кейстут отреклись от помощи, дав совет: «Сидите в городе, не сдавайтесь, бейтесь с немцами, и если только не будет у вас крамолы, то ничего вам не сделают. А если мне пойти со свою силою на великую их силу, то сколько там падет мертвых, и кто знает, чей будет верх?»⁹⁸.

Пять дней простояли немцы под Изборском, а потом вдруг отошли, пожегши все вокруг, не ведая, что у оборонявшихся не было воды и они уже не могли держаться. А что Ольгерд и Кейстут? Уезжая из Пскова, они истребили в Псковской области хлеб и травы, так что зимою у жителей пало много скота и люди мерли.

А разве справедливо поступал Ягайло — сын Ольгерда, когда утвердился на великом княжестве в Литве? В борьбе за власть он быстро расправился со своим соперником дядей — Кейстутом, заточив его в подземелье Кревского замка (Гродненская область), где тот и погиб (1382 г.).

В канун Куликовской битвы 1380 г. Ягайло заключил союз с Мамаем против Москвы, а в обмен на помощь Тевтонского ордена обещал ему отдать Жмудь. В то же время серьезная и непрерывная угроза, которую представлял собой орден по отношению к самим литовским землям, заставляла Ягайло искать себе прочную и постоянную опору. 14 августа 1385 г. в том же замке Крево, после сложных закулисных политических маневров с обеих сторон, был заключен династический союз между Литвой и Польшей. А 18 февраля 1386 г. Ягайло обвенчался с наследницей польской короны Ядвигой и под именем Владисла-

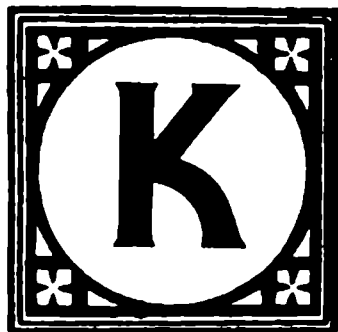
ва II Ягелло был провозглашен королем Польши. Через год Литва приняла католичество. Епископом в Вильно стал поляк Анджей Ястшембец.

Смена религии была выгодна литовским князьям. Она давала им возможность приписаться к польским гербам. Боярам импонировали права, имевшиеся у польских феодалов. В конечном счете литовские дворяне получили их (за исключением православных). Но захват Польшей галицко-волынских и подольских земель, стремление некоторых политиков истолковать унию как подчинение Литвы польской администрации вызвали недовольство среди сторонников литовской независимости. Возглавил их сын Кейстута Витовт (Витаутас, Витольд, в крещении Александр). Были у него и личные обиды на Ягайло, который погубил отца, поставил наместником в Литве своего брата Скургайло (1354—1397 гг.) и отдал ему Тракай (Витовт считал замок своим отцовским наследством). Борясь с Ягайло, Витовт призывает на помощь крестоносцев и даже ведет их в Литву, осаждает Вильно.

Польский король, будучи дальновидным политиком, идет с сыном Кейстута на примирение, заключает с ним в 1392 г. в Острове договор, делает его королевским наместником в Литве. Дело окончилось тем, что в 1401 г., согласно виленско-радомскому договору, Витовт пожизненно избирается великим литовским князем. Произошло это не без помощи ордена, которому Витовт в 1398 г. фактически отдал Жемайтию, упорно державшуюся язычества. Однако через год жмудины восстали, сожгли орденские замки, перебили их гарнизоны и отправили послов к Витовту с просьбой снова взять их под свою власть. Витовт согласился. Началась новая война. Дважды сильное орденское войско опустошало Литву. Наконец в 1404 г. был заключен так называемый «вечный мир» между орденом и Литвой, который постоянно нарушался. Жемайтия осталась за орденом.

Витовт понимал, что, если ордену не нанести сокрушительное поражение, Литве в конечном счете будет уготована участь пруссов. Обстановка в целом благоприятствовала Литве. Более сдержанными стали отношения Витовта с Москвою, Новгородом и Псковом. Принятие Литвой христианства выбило окончательно из рук ордена знамя борьбы с язычниками, под которым крестоносцы осуществляли свои походы в Литву. Орден пытался оспорить факт обращения литовцев к христианству и продолжал военные акции против соседнего народа. Но когда его главные покровители — император и папа — признали Литву как христианское государство, орден почувствовал, что почва уходит из-под ног.

Опасными и разрушительными для ордена становились внутренние распри. Между его властителями и населением ширилась трещина, в которую все сильнее и сильнее прорывалось недовольство подданных.

концу XIV в. в орденском государстве назревал сословный бунт. Представители городов

и верхних слоев сельского населения — дворянство — то и дело отказывались повиноваться ордену, требуя себе дополнительных свобод и привилегий. Это происходило в условиях общего ослабления страны: почти ежегодные оснащения армии, неурожай, налеты чумы, оскудение богатой военной добычи подтачивали ее силы, истощали казну.

Пытаясь сбить недовольство, магистры все регулярнее созывали собрания представителей городов, набравших политический вес, но занимавших подчиненное социальное положение по сравнению с дворянством и обязанных платить ордену разного рода налоги и отбывать повинности. Городские сословия открыто требовали активного участия в политической жизни государства. Ордену уже не удавалось содержать одно сословие за счет другого. Более того, городские и сельские сословия стали объединяться в оппозиции к ордену, согласовывая свои действия. Проявились признаки недовольства и среди рыцарства. Первым его проявлением, возможно, стало создание в Кульме в 1397 г. четырьмя рыцарями так называемого «Союза ящериц». Однако окончательный конфликт между орденом и сословиями разразился после «Великой войны» (1409—1411 гг.) между польско-литовским союзом и Тевтонским орденом и сокрушительного поражения последнего под Танненбергом (Грюнвальдом). Единого мнения о битве под Танненбергом у историков, в том числе немецких, нет. В Берлине в 1982 г. вышла книга Свена Экдала «Битва под Танненбергом в 1410 году», в которой он пытается отразить весь спектр мнений по этому поводу⁹⁹. Нам показалась интересной позиция польской стороны. Проблемы вооруженной борьбы Польши и Литвы с Тевтонским орденом занимают значительное место в польской историографии. С 1979 г. здесь ведутся интенсивные исследования и раскопки на поле Грюнвальда. Вопросы о количестве войск и вооружений с обеих сторон в последние годы освещены в трудах лодзинских археологов и специалистов по оружию, работающих под руководством А. Надольского. Создано периодическое издание «Грюнвальдские исследования». Мариан Бискуп — профессор истории университета в Торунь, автор «Истории ордена крестоносцев в Пруссии» и других книг, сделал интересный анализ новейших причин и характера войн Польши и Литвы с Тевтонским орденом (1409—1411 гг.)¹⁰⁰.

Был ли польско-литовский союз 1386 г. с самого начала направлен против ордена, находящегося к этому времени в расцвете политической, военной и экономической силы? Польские историки оспаривают такое мнение. Ведь королева Польши Ядвига (Хедвиг) действительно до самой своей смерти в 1399 г. сделала все, чтобы в отношении ордена проводилась мирная политика. Даже если это так, то все-таки поводов для неуклонного движения к войне было достаточно.

После овладения Жемайтней орден в том же году захватил шведский остров Готланд, вступил в управление Добжинской землей, активно укреплял свои позиции в территориально раздробленной Ливонии. Объективно эти действия таили опасность как для Литвы, так и для Польши. Но не меньшую опасность в развязывании войны с набиравшими силу объединенными польско-литовскими армиями, которые готовы были поддержать и русские, и украинцы, и белорусы, и татары, римские и греческие христиане, ощущал и орден. Его покровители — папа и император — не в состоянии были ему помочь. Власть курии ослабил раскол. Прежние союзники ордена Бранденбург и Богемия находились в состоянии разрухи. Рассчитывать приходилось лишь на собственные силы. Но это означало — новые повышенные налоги, дорогостоящую вербовку наемников, дополнительные материальные тяготы населения, а следовательно, усиление недовольства сословий, которое тлело в недрах государства и формировало силы, стремившиеся к сопротивлению и захвату власти.

В этой обстановке ордену было опасно начинать большую войну. И все-таки, обладая солидной по тем временам военной мощью, превосходившей военный потенциал своих противников, большим опытом ведения сражений, орден во главе с пылким магистром Ульрихом фон Юнгингеном решил опередить события, выступить против Польши, надеясь отсечь и даже привлечь на свою сторону силы Витовта.

Польское ополчение осенью 1409 г. не смогло противостоять ордену, поэтому король охотно согласился на девятимесячное перемирие (до 24 июля 1410 г.), тем более что Витовт с войском оказался не готовым прибыть своевременно в район боевых действий.

Горечь накопившихся обид и военных неудач в столкновениях с орденом сплотила польское общество. Дворянство и рыцарство, горожане (особенно Кракова), негодуя, подталкивали короля на решительные действия. В королевстве подогревалась обстановка патриотического подъема и националистической эйфории.

Зимой и весной 1410 г. Польша и Литва начали активную подготовку к совместной кампании против ордена. Перед решительным сражением, согласно польским исследованиям, военный потенциал воевавших сторон выглядел так ¹⁰¹:

По размерам территории

Польское королевство	Великое литовское княжество	Тевтонский орден
240 000 кв. км	1 100 000 кв. км	58 000 кв. км
По числу населения		
1 800 000 человек	300 000 человек (этническая Литва)	500 000 человек

По составу вооруженных сил (условно)

Около 18 000 конницы (гл. образом шляхет- ской), 12 000 обозных, мастеровых и вспомо- гательных служб	11 000 конницы в 40 хоругвях из литовских, жемайтских и русских бояр (Смоленский, По- лоцкий, Витебский, Пин- ские и другие полки)	16 000 конницы, 5 000 пехоты, несколько тысяч обозной челяди — всего около 25 000 человек, из них 500 рыцарей.
---	---	--

Подавляющее территориально-демографическое превосходство польско-литовской стороны уравнивалось более четкой организацией и высоким уровнем урбанизованности орденской Пруссии.

В польской армии преобладали поляки, было немного русских, чехов и немцев (среди рыцарей и пеших горожан). В литовской армии, как считают некоторые исследователи, около 1/3 составляли литвины и жмудины, около 2/3 русины, около одной тысячи — татары.

Обращает на себя внимание признание польскими историками значительного участия русских воинов в Грюнвальдской битве. Даже по грубым подсчетам их было не менее семи с половиной — восьми тысяч в армии Витовта и немного (М. Бискуп не указывает цифру) в войске Ягайло. До сих пор польские исследователи не соглашались с этим фактом. Так, работу русского историка А. Барбышева (1887 г.) по данному вопросу К. Гурский называл библиографическим курьезом, а Стефан Кучинский даже подчеркивал, что Барбышев преувеличил значение русских в Грюнвальдской битве в степени, переходящей границы приличного¹⁰². Что же, будем надеяться, что историзм побеждает.

Вооружение польской армии отвечало западноевропейским нормам: доспехи, копья, мечи, арбалеты. Литовско-русские отряды были вооружены более легким оружием (пики, луки), имели легких и быстрых коней, что давало им возможность широкой тактической мобильности.

Армия ордена состояла главным образом из немцев, но были в ней поляки, пруссы. Она имела мощное вооружение, располагала большим количеством арбалетов, артиллерией, помимо щитов, мечей, пик. Рыцарская тяжелая конница составляла грозный кулак армии. Крестоносцы были спаяны крепкой дисциплиной и боевым опытом.

В нашу задачу не входит анализ хода сражения. Результат его известен. Битва продолжалась 6—7 часов и закончилась полным триумфом польской и литовской армий. В ней погибло 203 орденских брата вместе с командным составом и магистром Ульрихом фон Юнгингеном. Более 10 тысяч воинов ордена попали в плен.

Польские исследователи внесли важные уточнения относительно количества и состава армий и вооружений противников, столкнувшихся на грюновальдском поле, числа погибших и плененных. Долгое время с легкой руки краковского каноника Длугоша, одного из историков знаменательного сражения, в исторической литературе приводились невероятные цифры потерь ордена — 50 тысяч убитых и 40 тысяч взятых в плен. Даже русский историк С. Соловьев стал жертвой этого заблуждения. По его данным, «рыцари потерпели страшное поражение, потеряли великого магистра Ульриха фон Юнгингена, более 40000 убитыми и 15000 взятыми в плен вместе со всем обозом»¹⁰³. Отныне можно считать, что историки получили возможность в своих оценках Грюновальда исходить из реальных цифр.

Причины крупной победы Польши и Литвы сложны. Польские исследователи считают, что главную роль в победе союзников сыграли не только численный перевес их войск, но и превосходство боевого духа, мужество и стойкость воинов, полководческий талант Ягелло, который искусно воспользовался всеми тактическими промахами орденских военачальников.

Немецкие историки полагают, что основной причиной поражения ордена стало в решающей фазе битвы предательство знаменосца отряда кульмских дворян Никеля фон Ренге, опустившего знамя и давшего сигнал к отступлению. Признается, что были допущены промахи и в управлении войсками, когда поспешное преследование группировки литовских и русских войск (по утверждению Свена Экдаля, это был татарский отряд) отвлекло значительные силы крестоносцев от главных сил Ягелло, расположенных на левом фланге, которые, воспользовавшись благоприятной ситуацией, стали упорно теснить тевтонскую армию, внося смятение в ее ряды. Впоследствии польские историки оценили сложившееся к этому времени положение на Грюновальдском поле как проявление военного искусства Ягелло, применившего тактику видимого отступления с целью ввести в заблуждение противника и нанести ему неожиданный и мощный удар.

Как бы то ни было, поражение Тевтонского ордена оказалось сокрушительным. Западная Европа и святой престол сделали вид, что ничего страшного не произошло. Орден сам позаботился о том, чтобы сия конфузия не была очень замеченной. В собственных хрониках, в семейных архивах знатных рыцарей сохранились лишь скудные сведения о проигранной битве. Пожалуй, только некролог францисканского монастыря Кобург в честь павшего в сражении Конрада фон Лихтенштайна несколь-

ко приоткрывает завесу над картиной беды, постигшей орден. В книге-некрологе монастыря появилась запись: «Поминование у алтаря святой Екатерины души Конрада Лихтенштайна, великого комтура в Пруссии, погибшего в битве в 1410 году»¹⁰⁴.

Монастырь оплакивал эту смерть, потому что род Лихтенштайнов из кантона Баунах во франкской земле субсидировал создание алтаря еще в XIV в., а великий комтур до своей гибели оплачивал три раза в неделю поминовение душ умерших из своего рода.

Но гибель столь знатного рыцаря была большой потерей не только для монастыря, но и для Священной Римской империи германской нации, папского престола, самого ордена. Конрад фон Лихтенштайн с 1387 г. возглавлял комтурство Эльбинг. С 1404 г. занимал должность великого комтура, пользовался репутацией влиятельного лица — представителя папы в ордене, выступал доверенным человеком магистра, выполнявшим многие весьма сложные и щекотливые дипломатические поручения, особенно в отношениях с Польшей и Литвой. Можно предполагать, что гибель Лихтенштайна и более двухсот других рыцарей ордена во главе с магистром в пору, когда тевтонское господство в Пруссии представлялось еще незыблемым, было тяжелым потрясением для Европы и римской курии.

Тем не менее и по прошествии веков немецкие историки продолжают весьма сдержанно оценивать трагедию Тевтонского ордена под Танненбергом (Грюнвальдом), рассматривая ее не как крушение его завоевательских планов, а как печальный эпизод. Фриц Гаузе в «Истории Пруссии» пишет: «Эта битва не была... битвой между народами или расами, эта битва была между двумя государствами, которые оказались политическими противниками, но принадлежали к одному вероисповеданию, к одному культурному кругу»¹⁰⁵.

На самом деле силы ордена поникли перед объединенными силами трех христианских народов. С. Соловьев по поводу этой победы выразился так: «Покорители разъединенных пруссов встретили громадное ополчение из трех соединенных народов Восточной Европы».

Грюнвальдская победа была выдающимся историческим событием, началом конца агрессивных устремлений ордена против славян. Особенно ликовал народ Польши, славя короля. Грюнвальд укрепил польскую политику и идеологию в отношении ордена, ядром которых было отрицание борьбы с язычниками насильственным путем, защита идеи миссионерства, стал источником национальной надежды и веры в будущее.

Война еще продолжалась. Светскому командору Генриху фон Плауэну (вскоре ставшему гроссмейстером) удалось отстоять столицу ордена Мариенбург (Мальборк). Семинедельная осада крепости главными силами армий Польши и Литвы, начавшаяся 22 июля 1410 г., оказалась безрезультатной. Польская историография связывает это с отсутствием у нападавших

достаточного количества артиллерии и осадных машин, а также с изменением политической обстановки. Святой престол и Западная Европа не хотели гибели ордена. Реальную помощь ему оказала тевтонская Ливония, угрожая Литве.

К Поморью также подтянулись вспомогательные отряды из Германии. Южные территории Польши оказались под угрозой нападения со стороны войск Сигизмунда Люксембургского. Гарнизон Мариенбурга пополнили 4000 наемников и рыцари других крепостей. Все это надо было учитывать Ягелло и Витовту, как и то, что с каждым днем продолжения войны и усиления сопротивления ордена Генрих фон Плауэн становился неуступчивее: он уже не принимал общих требований Польши и Литвы вернуть Жемайтию и Добжинскую землю, Данцигское (Гданьское) Поморье, Хельминскую землю и Повислье.

Литва, рассчитывающая получить от ордена северо-восточные территории Пруссии, а Мазовия — ее южные районы (Мазуры), также теряли на это надежду. Первоначальный расчет победителей — оставить орденскому государству лишь центр Пруссии во главе с Кенигсбергом — становился призрачным. Прусские сословия, которые после Грюнвальдской битвы потянулись под власть польского короля, вновь решили встать под знамена ордена.

В этих условиях в январе 1411 г. начались мирные переговоры, окончившиеся подписанием 1 февраля в Торне (Торуни) мирного договора между Польшей, герцогством Мазовия, Литвой и герцогством Штолл и Немецким орденом. Участники договора в территориальном отношении решили вернуться к довоенной ситуации. Польша снова получила Добжинскую землю, — но была вынуждена отказаться от своих намерений вернуть Поморье, Кульмскую и Михайловскую земли — и захваченные орденом земли в Куявии, Жемайтия же по договору должна пожизненно находиться в руках Ягелло и Витовта. Договорившиеся стороны проявили заботу о христианизации язычников каждая в своей стране. К тому же орден не должен был иметь притязания на особую роль в этом деле.

В литературе Торнский мир 1411 г. однозначно оценивается как упущенная победа Польши и Литвы и благоприятный исход для ордена. Это так, если рассматривать только внешнюю сторону вопроса. Важнее видеть процессы глубже. Упадок, усилившийся во внутренней жизни орденского государства после поражения под Танненбергом, привел его к резкому политическому, экономическому, военному и моральному ослаблению. С учетом этого Торнский договор и почти полное сохранение орденом завоеванных территорий не имели основополагающего значения. Договор не подводил историческую базу под захваченные орденом земли и являлся лишь положительным моментом в текущей политике конфликтующих сторон.

Условия 1-го Торнского мира в перспективе могли лишь замедлить банкротство ордена, так как в стране сформировались

силы, устремившиеся к власти, для которых орден становился инородной надстройкой. То, что орден сохранил свои владения, уже не имело большого значения. Гораздо важнее была проблема уплаты огромной по тем временам суммы (шесть миллионов грошей) за военнопленных, которая осложнялась тем, что финансовые ресурсы ордена и источники поступления доходов практически иссякли.

Дворянство и города, до «Великой войны» не облагаемые всерьез налогами, почувствовали на себе все бремя военных расходов. В качестве компенсации за ущерб они еще настойчивее стали требовать неурезанных прав на участие в управлении государством и судопроизводстве. Антагонизм между сословиями и орденом поддерживался Польшей, для которой раздираемый непрекращающейся внутренней борьбой противник был менее опасен, чем сплоченное государство с абсолютистским правлением.

Орден понимал обстановку и делал отчаянные попытки примирить интересы сословий со своими. В 1412 г. магистр Генрих фон Плауэн решил создать ландесрат (земельный совет) путем назначения в него представителей больших и малых городов, а также сельских районов. Эта попытка видимости демократических преобразований вызвала возмущение и сопротивление представителей сословий и не привела в восторг консервативные элементы ордена, не желавшие ни с кем делить власть. Совет быстро прекратил свое существование.

Внутреннее положение государства к этому времени еще более обострилось расколом в орденской верхушке. Магистр ордена в Германии вступил в открытую конфронтацию с гроссмейстером, предпринимая попытки занять его место. Ливонский магистр также отказывался ему повиноваться. Повсюду росло непослушание, начались распри между рыцарями. Кроме того, существовала постоянная военная угроза со стороны Польши.

Пытаясь переломить события и изменить ситуацию в свою пользу, Генрих фон Плауэн осенью 1413 г. направил войска под руководством маршала Михаэля Кюхмайстера в пределы Польши. Но тот, дойдя до границы, повернул войска назад, а затем, заручившись поддержкой своих сподвижников, явился в Мариенбург и арестовал больного Плауэна. 7 января 1414 г. был созван генеральный капитул, который подтвердил низложение магистра и избрал вместо него Михаэля Кюхмайстера. Дальнейшая судьба Плауэна оказалась трагической. Он был обвинен в предательстве, в сделках с Польшей и заточен в крепость Бранденбург (поселок Ушаково).

Приход к власти миролюбиво настроенного магистра не улучшил ни внешнее, ни внутреннее положение страны. Наоборот, обострил его. Военное давление со стороны Польши становилось все тяжелее, перемирия чередовались с изнурительными противостояниями. В 1422 г. Польша вновь начала войну

против ордена. Михаэль Кюхмайстер сложил с себя полномочия великого магистра. Новый гроссмейстер Пауль фон Русдорф поспешил заключить мир с поляками в Мельдензе. Здесь впервые проявилось влияние сословий на внешнюю политику ордена. По их настоянию в мирный договор была внесена оговорка: если орден без уважительных причин нарушит договор о мире, его подданные не должны принуждаться к послушанию. Фактически это означало признание за сословиями права надзора за действиями ордена. Указанная оговорка была повторена в 1435 г. в документах Брестского мира, при заключении которого представители сословий принимали уже непосредственное участие в переговорах.

Пауль фон Русдорф по примеру Плауэна в своей политике пытался опереться на дворянство и города, которые заявили о своей готовности поддержать гроссмейстера при условии, если он обеспечит их права и оградит от притеснений орденских чиновников. Снова возникла идея создания ландесрата, на этот раз исходившая от самих сословий. Епископы, прелаты, рыцари, жители городов и батраки на совместном съезде в Эльбинге (Эльблонг) в 1430 г. выступили с предложением создать большой ландесрат из магистра, шести правителей (гебитигер), шести прелатов, шести представителей сельского и шести представителей городского населения, которые должны были выбираться магистром и землями. Ландесрат мыслился органом с широкими правами в сфере внутренней государственной политики с ежегодным «судебным днем», когда в роли верховного органа он мог бы принимать решения в спорных случаях. Это было откровенным покушением на неограниченное верховенство ордена, его духовную юрисдикцию, что вызвало острую борьбу между духовными властями и сословиями и затянуло решение вопросов. Несмотря на это, в 1432 г. Пауль фон Русдорф попытался реализовать идею ландесрата. Но на этот раз города отказались от участия в таком органе. В результате созданный тайный совет из четырех членов все важные вопросы (об объявлении войны и заключении мира, утверждение налогов) должен был решать с учетом позиции всеобщего сословного представительства.

Между тем от ордена отворачивались не только сословия, но и монархическая Европа, римский папа. Одряхлевшего льва пинали со всех сторон. По территории ордена бродили гуситы, в открытую били рыцарей. Они разграбили и разрушили монастырь Олива, откуда в свое время вышел монах Кристиан, будущий епископ. Польша громко, с привлечением философских и филологических источников, доказывала, что прусская территория кровно связана с польской и должна быть ее частью. Тевтонский орден находился в полном разложении. В условиях правовой неопределенности в стране прусские сословия решили взять судьбу немецкой колонии в свои руки и объединиться в союз. Действия оппозиции не очень беспокоили Пауля фон

Русдорфа. Тот даже поблагодарил представителей сословий, обещавших ему поддержку в случае опасности вторжения Польши в Пруссию.

28 февраля 1440 г. в Эльбинге состоялся съезд сословий, на котором присутствовали посланцы семи крупных прусских городов и двенадцати малых, а также 53 представителя рыцарства. Съезд постановил создать Прусский союз. Вслед за этим 14 марта 1440 г. в Мариенвердере был подписан союзный договор (уния), откровенно направленный против власти ордена, хотя это и прикрывалось фразами «об общей пользе, блага ради, господу во славу, к чести нашего милостивого господина магистра, его ордена и его земель...» Предусмотрительно смягчающий тон и примирительная фразеология договора не могли скрыть в конечном счете угрозы сословий ордену (надо полагать, и магистру), что если случится несправедливость в отношении членов союза, если кто-либо из «нижеподписавшихся земель и городов, поместных дворян, горожан и прочих жителей подвергнется насилию, безвинно пострадает, будет ранен или убит, то... со всей серьезностью и достоверностью мы сумеем доказать, что это ущерб, нанесенный нам всем, и приложим все возможные усилия, чтобы не оставить его неотмщенным»¹⁰⁶. От Кенигсберга договор подписали и скрепили печатью бургомистры Альтштадта Андреас Брунау и Кнайпхофа — Георг Лангербайн.

Папа и император объявили унию противной законам божеским и человеческим. Прелаты также не присоединились к ней, так как сами относились к правителям страны. Епископы, чья юрисдикция вызывала не меньшую ненависть сословий, чем орденская, особенно в Замланде, стали злейшими врагами союза.

Были у ордена и другие защитники. Это цеховые ремесленники и крестьяне, то есть низшие трудовые слои населения, которым орден создал определенные благоприятные условия для занятий ремеслом и ведения крестьянского хозяйства. Их рупор Альбрехт Гортеллер из старого города настойчиво доказывал, что орден — опора бедняков и надо блюсти ему верность.

Магистр ордена Конрад Эрлихсхаузен, пришедший в 1441 г. на смену Паулю фон Русдорфу, сознавая опасность «государства в государстве», каковым практически становился Прусский союз, действовал путем тонкой дипломатии. Не пытаясь силой распустить нежелательную для себя организацию, он стремился убедить непокорных в том, что у ордена с ними общие цели и нужды в специальном союзе сословий как инструменте борьбы с верховной властью нет. При этом магистр акцентировал внимание оппозиции на вопросах, которые считал жизненно важными для государства и общества. Среди них был вопрос о необходимости достаточно регулярных и высоких доходов в пользу ордена, без чего дальнейшее существование страны ставилось под сомнение, так как объем торговли сократился, сбо-

ры с населения уменьшились. Магистр настаивал на увеличении торговой пошлины (пфундцолль), пригрозив возражавшим обратиться по этому поводу к императору. На сословном собрании в Эльбинге 5 апреля 1446 г. с резкой критикой Прусского союза выступили прелаты. От их имени епископ Хайльсбергский заявил, что союз существует вопреки всем общественным и естественным правам, всем папским и кайзеровским предписаниям. Однако эта акция церкви провалилась, хотя магистр предложил сословиям добровольно распустить союз как не соответствующий внутренней обстановке.

Деятельность сословного союза имела непосредственное отношение к дальнейшим событиям в орденском государстве и прямую связь с его последующей судьбой. Дворяне и города держались крепко. После выборов нового магистра Людвига фон Эрлихсхаузена в 1452 г. союз направил к императору Фридриху III делегацию с очередной жалобой на притеснения ордена. Участвовавший во встрече с кайзером Андреас Брунау, возвратившись в Кенигсберг, оповестил горожан, что император признал союз. Это очень обеспокоило орденские власти, но события развивались не по их воле. В Торне в 1453 г. собрался тайный совет Прусского союза. После нескольких заседаний он принял решение подготовить открытую войну дворян и городов против верховной власти ордена и перейти под власть польской короны. И хотя тайный совет, по мнению многих горожан Кенигсберга, превысил свои полномочия, это не помешало сословиям фактически поддержать концепцию тайного совета об открытом восстании против ордена.

Так появился акт от 4 февраля 1454 г. об освобождении дворян и городов от власти рыцарей. Вслед за этим началась вооруженная борьба против ордена. Оппозиция берет приступом и сжигает десятки крепостей, начиная с Торнской. 54 замка попадают в руки мятежников. Но орден не сдается. Тогда сословия обращаются к польскому королю. В марте 1454 г. они направляют в Краков представительство Прусского союза во главе с Гансом фон Байзеном, членом союза и советником магистра.

От Кенигсберга в состав представительства входили Андреас Брунау и Грегор Швах, а также Николас Родемани (из Кнайпхофа). Вместе с другими представителями они сделали Казимиру IV Ягеллончику устное предложение (сформулированное в речи Ганса фон Байзена) о переходе прусских сословий под власть короля. Указывались причины — притеснения сословий со стороны ордена и возможность усиления их в будущем, очень большие налоги, злоупотребления чиновников, попытки ордена распустить Прусский союз и т. д. Выдвигались и условия перехода под верховенство польской короны: сохранение всех старых привилегий прусских сословий и введение новых, признание Прусского союза, обещание польской стороны не восстанавливать разрушенные орденские замки, участие сословий в

выборах короля, покровительство и защита от всех врагов, привлечение королем земельного совета (ландесрата) к решению важнейших вопросов, гарантированность границ, назначение наместников лишь по согласованию с городами и ряд других. Полномочные представители Прусского союза заявили, что в случае принятия этих условий, сформулированных в проекте договора, они под присягой обязуются передать королю скрепленную печатями грамоту дворянства и городов о переходе под власть польской короны.

Казимир IV, который в это время пышно праздновал свою свадьбу, поручил возглавить переговоры с представителями Прусского союза канцлеру королевства Иоганну фон Конекполю и епископу Позена Андреасу фон Гославитцу. Переговоры шли трудно. Главным пунктом преткновения был вопрос о государственно-правовой зависимости Пруссии от польской короны.

В ходе переговоров польская сторона 6 марта 1454 г. представила «Грамоту об инкорпорации» (присоединении), которая в ряде пунктов грешила несовпадениями с заявлением сословий. Король брал на себя больше, чем ему предлагалось. Сословия, входившие в союз, рассчитывали, судя по всему, на подчинение королю в форме протектората при сохранении независимости прусских земель, в то время как королевская сторона вела речь о включении их в состав «польской империи».

В ответ на королевскую «Грамоту об инкорпорации» была выработана грамота представителей Прусского союза (прелатов, баронов, военных, дворян, горожан, сельских жителей Пруссии, лиц духовных и светских), явившаяся по сути дела ратификацией королевской грамоты от 6 марта. И хотя в грамоте употреблялись такие выражения как «корона» вместо «польской империи», а в ряде формулировок речь шла о простом персональном союзе вместо государственного, в целом это не меняло принципиального характера документа о добровольном переподчинении прусских сословий польскому королю. Поэтому Казимир IV принял их грамоту без каких-либо поправок и изменений.

К договоренностям, достигнутым в Кракове, присоединились после некоторых колебаний представители Данцигского магистрата, семь епископов и капитулов (за исключением Франца Эрмландского, который уехал в Бреслау и умер там 10 июня 1457 г.), аббаты Олива и Пельтина, полномочные представители малых городов Пруссии, в том числе Лёбенихта, Гердауэна, Фридланда. В течение апреля — июня 1454 г. в Торне города земли Прусского союза принесли королю Казимиру клятву, принятую Иоганном фон Конекполем и Андреасом фон Гославитцем.

Клятва кенигсбергской земли была зафиксирована в Кенигсберге 19 июня 1454 г. Ее подписали воевода Штибор фон Байзен (к этому времени король учредил воеводства), кенигсбергский предводитель дворянства Каспер фон Кремиттен, Георг Лангербайн из Кнайпхофа, Германн Штульмехер из Лёбенихта,

Генрих Лудек из Хайлигенбайля, бургомистр Альтштадта Андреас Брунау, Иоганн Вальтенер из Велау, Николаус Тиффенсте из Кройцбурга, Николаус Деринг из Домнау и другие. Так польский король дополнил семейное торжество (свадьбу) государственной победой, не потребовавшей ни одного выстрела.

Что это было — акт предательства своего государства? Наверное, нет. При анализе событий тех далеких лет мы видим, как разные народы нередко при определенных обстоятельствах соединялись под властью соседнего короля или князя, оставаясь верными каждый своей стране, образу жизни. И на Руси, например, дружинники могли переходить от одного князя к другому, не изменяя ни русской земле, ни роду княжескому. Выгодно было служить у сильного князя («оседлать князя»), ибо это вело к увеличению благополучия и власти его бояр, а значит, сословия в целом.

Согласно утверждению Фрица Гаузе, прусские сословия, обратившись за покровительством к польскому королю, отнюдь не заявляли тем самым о своей принадлежности Польше. «Так как сословная республика была в то время немыслима, сословия, не признававшие более власть ордена, должны были искать другого господина, и они нашли его, после того как иные запросы оказались безуспешными, в лице польского короля. Они не собирались превращать Пруссию в польскую провинцию и не допустили этого. Она стала автономной территорией, связанной с польским государством персональной унией...»¹⁰⁷. Доводы эти не очень убедительны применительно к конкретному событию. Надеясь иметь лучшего господина в лице польского короля, добиться нужных спасительных перемен и сословных преимуществ, прусские города и дворяне получили длительную и разорительную войну и потерю почти половины территории своего государства.

После принятия присяги от прусских сословий, епископов и соборных капитулов Казимир, освободив города и дворян от всяких повинностей, запретил восстанавливать разрушенные замки. Орден не мог смириться с посягательством на свою власть и ответил Польше войной.

Единственным союзником ордена в то время стал бранденбургский курфюрст, который имел большой интерес к земле Ноймарк, находившейся во владении ордена. Безвыходное финансовое положение заставило орден через своего наместника предложить курфюрсту взять Ноймарк в закладное владение за сорок тысяч гульденов с обязательством защитить эту землю своими войсками.

Сделка состоялась 5 апреля 1454 г.: сословия Ноймарка присягнули курфюрсту. Связь с Бранденбургом и полученные деньги помогли ордену собрать немалые боевые силы и 18 сентября 1454 г. одержать под Коницем важную победу над поляками, вернуть под свою власть ряд замков и районов. Еписко-

пы Помезании и Замланда вновь стали поддерживать орден. Но финансовый дефицит сковывал действия ордена. В войне он опирался в основном на наемников, переменчивых в своих настроениях. Это были воины не с патриотическими идеями. Их поступками двигала корысть. Поэтому в трудную минуту, когда у ордена не стало денег на расплату, он был вынужден отдать в залог Мариенбург. Наемники разграбили столицу, разорили кельи старых рыцарей, надругались над ними: обрезали их длинные бороды и погнали кнутами на кладбище. Гроссмейстер, как уже было сказано, сбежал и укрылся в Кенигсбергском замке.

Дальнейшие события стали трагическими для ордена. Наемники, не дождавшись денег за свои услуги от ордена, обратились к польскому королю и предложили, если он им хорошо заплатит, сдать все крепости, которые они занимают. Казимиру показалось выгоднее купить победу, чем проливать за нее кровь. Он заключил с наемниками договор 15 августа 1456 г. и выплатил им огромную по тем временам сумму — 450 тысяч гульденов. После этого король победителем въехал в столицу ордена, чтобы отпраздновать Троицын день.

Тринадцатилетняя война безжалостно разорила орденское государство. В этой изнурительной и продолжительной военной акции Польша участвовала мало. По существу, сражались партии сторонников и противников ордена с привлечением наемников. По меткому выражению Фрица Гаузе, Польша «была третьим лицом, что смеялось», когда всеобщее изнеможение привело к заключению 2-го Торнского мира в 1466 г.¹⁰⁸

Правовая сторона этого документа, фактически ставившего орден в ленную зависимость от польской короны, не бесспорна, хотя слова «ленная грамота», «ленная такса» и т. п. в нем тщательно маскировались. По условиям мира под непосредственную власть Польши перешли Поморье с Данцигом, Кульмская земля с Торном, Привислинье с Эльбингом и Мариенбургом. Они составили королевскую Пруссию. Ордену удалось отстоять лишь восточную часть Пруссии с Кенигсбергом. Магистр оставался главой усеченного государства, но клятва в верности, которую он лично дал польскому королю, противоречила положениям, согласно которым магистр духовного рыцарского ордена подлежал юрисдикции лишь папы, а земля Пруссия с 1234 г. была отдана в собственность «наместника св. Петра, даже если она и передавалась ордену в свободное и вечное владение». Именно поэтому римская курия отказалась признать Торнский договор 1466 г. Да и польская сторона понимала абсурдность ряда положений договора и своих претензий на покровительство ордену, который принадлежал не только римской церкви, но и был частью Священной Римской империи германской нации. Любая другая верховная власть над орденом — польского ли короля или другого — полностью исключалась.

После Торнского договора орден напоминал смертельно

больного человека, который еще надеялся на выздоровление, пытался переломить ход болезни, доказать, что еще «есть порох в пороховницах», но это уже никого не могло обмануть: больной умирал. Немецкий орден потерял свое значение авторитетной силы в Балтийском регионе. Он стремился вырваться из пут Торнского мира, используя новые дозволенные средства, которые хотя и противоречили духу ордена, тем не менее согласовывались с его уставом. В частности, орден стал предлагать должности магистров сыновьям фюрстов (князей) германской империи, рассчитывая таким образом связать свою судьбу с влиятельными германскими династиями. Но это давало обратный результат.

Юные магистры привозили из Германии своих чиновников, светские порядки, ничего общего не имевшие с суровыми требованиями монашеско-рыцарского ордена. Попытки ордена добиться отмены условий 2-го Торнского договора ни к чему не привели. Последние магистры Фридрих фон Заксен и Альбрехт фон Бранденбург при вступлении в гроссмейстерскую должность договора не подтверждали и практически не исполняли его.

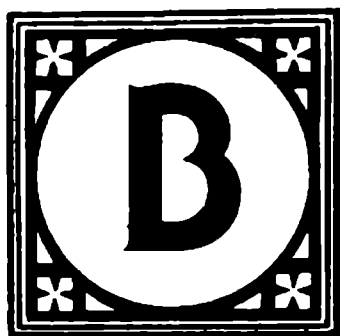
Снискать любовь народа орден уже не мог. Сам измениться тоже был не в состоянии, так как это не согласовывалось с основными идеями рыцарско-монашеской корпорации. Перспектива полного краха ордена и полная зависимость бывшего сильного и уникального государства от верховной власти королевской Польши стала неизбежной.

III

ПРУССКОЕ ГЕРЦОГСТВО И РЕФОРМЫ АЛЬБРЕХТА БРАНДЕНБУРГСКОГО

АЛЬБРЕХТ БРАНДЕНБУРГСКИЙ КАК ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

современной исторической и краеведческой литературе, посвященной прошлому Восточ-

ной Пруссии, о герцогe Альбрехте Бранденбургском иногда говорится с присовокуплением «великий», чтобы подчеркнуть его выдающуюся роль в развитии ее общественной и культурной жизни, и в первую очередь как основателя Кенигсбергского университета. Несомненно, его деяния как государственного мужа являются впечатляющими. Немецкие историки единодушно подчеркивают, что «благодаря маркграфу Альбрехту в Пруссии взошел свет чистой веры, для культуры, науки и искусства началось новое время». Но при этом вроде бы забывается, как несущественное, его социальная политика. Герцог в 1526 г. утвердил свод земельных законов, которые ухудшили и без того бедственное положение крестьян. Он подтвердил земельный порядок 1455 г., согласно которому крестьянин не мог перейти от одного помещика к другому без разрешения (грамоты) старого хозяина, ввел новые повинности, а когда крестьяне взбунтовались, потопил их бунт в крови. Тем не менее нельзя не признать, что годы правления герцога относятся к благоприятному и значительному времени, не отмеченному какими-либо серьезными военными потрясениями и наполненному динамичным внутренним развитием. В этом была, несомненно, его личная заслуга

...Третий сын маркграфа бранденбургского Фридриха Гогенцоллерна, внук курфюрста Альбрехта Ахиллеса, будущий герцог воспитывался в традициях рыцарства, светских понятий чести и славы. Все мужчины многочисленного семейства маркграфа (8 сыновей и 5 дочерей) ставили перед собой цель процветания своего рода любыми средствами. В 1506 г. шестнадцатилетний Альбрехт в качестве каноника был взят ко двору Кельнско-

го курфюрста, архиепископа Германа IV, который укрепил в нем его религиозные убеждения. Молодому канонику открывалась перспектива карьеры духовного наставника. Но жизнь уготовила ему другое поприще. Он стал магистром Тевтонского ордена.

Случилось это, можно сказать, неожиданно для него. Видимо, сыграли свою роль протекции родственников Альбрехта, в частности короля Венгрии и герцога Саксонского, брата умершего магистра Фридриха фон Заксена, а также благосклонное отношение к семейству Бранденбург-Ансбах императорского дома. Участие юного каноника в походе кайзера Максимилиана в Италию в 1509 г. показало, что он не лишен мужества и воинского честолюбия, светских манер, что считалось важным при выборе претендента на высокий пост. То, что Альбрехт не был тогда еще рыцарем ордена (он стал им после выборов), не имело значения, так как избрание в качестве главы духовного ордена светского фюрста диктовалось в первую очередь соображениями большой политики. Нужна была фигура правителя достаточно крепкого и просвещенного, чтобы преодолеть тяжелый кризис, обрушившийся на орден, противостоять дальнейшим территориальным и политическим притязаниям польской короны, находившейся с орденским рыцарским крестом в состоянии постоянных приграничных конфликтов. Такой фигурой представлялся Альбрехт.

Говорят, о человеке многое могут рассказать его лицо, глаза. Сохранился один из первых портретов Альбрехта, написанный художником Кранахом в год избрания молодого фюрста магистром ордена. «Лицо Альбрехта на портрете выразительно, пожалуй, это лучший, в наибольшей степени его характеризующий портрет. Молодой человек с вопрошающими глазами, длинными, немного спутанными волосами. Кажется, он предчувствует груз, который возложит на него орденский плащ. Множество колец, которые, возможно, были дополнением художника, тем не менее характерны для Альбрехта, который со своей франкской родины вынес склонность к красивым вещицам, что тоже свидетельствовало о понимании искусства и художников. То, что один из самых известных и уважаемых художников его времени нарисовал его портрет еще в его юности, имело для него свое значение...»¹⁰⁹.

Альбрехт чувствовал себя призванным к великим делам. Уже в первые годы правления молодой магистр проявил твердый характер. Как и его предшественник, он отказался признать Торнский мир 1466 г. и верховную власть Польши в Пруссии. Возможно, он не предполагал, что в 1515 г. обстановка может потребовать от него практических действий. В том году император Максимилиан, всегда поддерживавший Пруссию, установил отношения согласия с Польшей, считая, что это отвечает интересам империи.

Для Альбрехта наступил трудный момент выбора: или следовать в кильватере политики кайзера и присягнуть Польше,

или перейти к самостоятельной политике. Он избрал второй путь. В результате отношения с Польшей обострились до предела и в конечном счете вылились в так называемую войну всадников (1519—1521 гг.). Несмотря на отдельные успехи, она была неудачной для ордена, но и польский король не блистал громкими победами. Поэтому в 1521 г. в Торне к обоюдному удовлетворению стороны заключили четырехлетнее перемирие.

С этого времени начался новый важный период в деятельности магистра, приведший к коренным переменам в судьбе Пруссии. Альбрехт отправился в Германию, чтобы заручиться там помощью и союзниками в борьбе с Польшей. Важное значение он придавал сближению с Данией, игравшей вместе с Норвегией и Швецией большую роль в Прибалтийском регионе с момента заключения Кальмарской унии (1397 г.).

Ранее его попытки установления союза с этой страной успеха не имели. На этот раз Дания оказалась сговорчивей, позиции ее в Кальмарской унии ослабли, и она уже нуждалась в расширении своих политических связей. В 1524 г. Альбрехт встретился в Нюрнберге с канцлером датского короля Вольфом фон Утенгофеном. Собеседники быстро нашли общий политический язык. В результате Пруссия получила важную поддержку Дании в противоборстве с Польшей и закрепила ее согласием короля на брак Альбрехта с принцессой Доротеей. Это привело к развитию политических, экономических и культурных связей между двумя государствами и к заключению в 1532 г. прусско-датского двенадцатилетнего договора о взаимопомощи. И брак с Доротеей оказался счастливым для герцога. У них родилось шестеро детей, хотя в живых осталась только дочь Анна София. Супруга энергично занималась благотворительностью.

...Но вернемся к пребыванию магистра Альбрехта в Германии. В целом его радужные надежды на получение немедленной и реальной помощи от Европы не оправдались, а срок перемирия с Польшей истекал, и необходимо было принимать срочные меры, чтобы выйти из трудного положения. И здесь, как говорится, представился счастливый случай. К Альбрехту, находившемуся в Нюрнберге, неожиданно явился польский посланник Ахатиус Цемен. Его визит оказался настолько важным для Альбрехта, что мы сочли необходимым привести текст собственноручно написанных им воспоминаний.

«Что сказал мне в 1524 г. в Нюрнберге тайно ночью в доме Михаэля Родена Ахатиус Цемен, глава Штаргарда, доверенное лицо господина Домецки, епископа Польши, вице-канцлера Польши, и господина Кристофа фон Шидловитца, воеводы Кракова, Верховного канцлера Польской империи, передавший мне их послание с их собственноручными подписями.

Для начала он убедил меня дать ему клятву, что я ни одному человеку в мире не скажу ни слова о том, что ему приказано было мне передать. После некоторого обсуждения этого вопроса я пообещал ему это, так как он мне сказал, что он

дал обоим господам клятву, что он никому об этом не скажет, только мне одному. Посланник короля Франции в Кракове сообщил этим господам, что я намереваюсь перейти под власть короля Франции, и даже самолично отправиться к нему, и передать свою страну и свой народ герцогу Эриху фон Брауншвейгу (герцог Эрих, из среднего дома Брауншвейгов, комтур в Мемеле). Как только они узнали об этом, они отправили его ко мне, чтобы отговорить меня от этих шагов, так как они, как советники польской короны, большое значение придают кровной дружбе и тому, что я племянник польского короля. Так как они поняли, что я хочу передать должность магистра, они посоветовали мне передать ее никому иному как только их господину и моему дяде, который обеспечит меня и землей, и людьми, и даже деньгами. Приняв все во внимание, я дал господину Цемену следующий ответ.

Он должен мне поклясться, что не скажет ничего никому, кроме тех двух господ, что прислали его сюда, и с них возьмет клятву никому, кроме его королевского величества, ничего не говорить. Он принес клятву, и ответ мой звучал так: «Господин Цемен! Я слышал слова божественной правды, и в моем нынешнем положении я обращаюсь к святым словам как более приятным. Вы знаете очень хорошо, что делал я, пока не настало время познания бога. И вы знаете, что был оговорен короткий мирный перерыв, в течение которого я должен был найти пути к тому, чтобы усилить орден, получить от империи и дворянства необходимую помощь, чтобы я мог защищаться от польской короны. И сейчас для этого было бы самое подходящее время, так как Данциг и Эльбинг охвачены волнениями и демонстрируют непослушание. И надо было бы использовать момент, так как от городов очень много зависит.

Но, дорогой господин Цемен, вы знаете, что я прилежно читал и слушал слова божественной правды, и что я (и это правда) просил о службе королю Франции, и что я почти согласился передать орден упомянутому Брауншвейгу, так как орден и магистр не едины с польской короной, что постоянно ведет к кровопролитию.

Перемирие подходит к концу, и я призывал все сословия Римской империи найти компромисс, но понял, что властители не могут прийти к единому решению и не хотят ничего сделать для ордена. Поэтому маркграф Георг фон Ансбах и Фридрих, герцог Лигница, связались с королем Польши и начали переговоры. О том же самом просят господина Кристоф Шидловитц и епископ Польши. Я должен теперь осуществить на деле договоренность, а король Польши должен давать мне деньги и проявлять по отношению ко мне больше милости и благосклонности, чтобы я на деле ощущал его покровительство»¹¹⁰.

Как видно, Альбрехт Бранденбургский в данной ситуации проявил недюжинные дипломатические способности и извлек максимально возможную для себя пользу из опасений Польши:

Прусское орденское государство может попасть в орбиту влияния Франции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он получил вполне устраивающие его предложения польской стороны о заключении мира.

Пребывание Альбрехта в Германии ознаменовалось не только неожиданно представившейся для него возможностью мирным путем решить прусско-польский конфликт. Здесь с ним произошла в полном смысле духовная метаморфоза. Он вдруг ясно осознал, что мир рыцарского Средневековья уходит в прошлое, что существование орденского монашеского государства как орудия церкви становится анахронизмом. Толчком к этому осмыслению послужило знакомство магистра с идеями Реформации, первый акт которой развернулся в Германии и был связан с именем священника и профессора богословия Мартина Лютера, изложившего свои взгляды в знаменитых 95 тезисах. Лютер смело опровергал теорию исключительных заслуг церкви и остро критиковал ее практику отпущения грехов при помощи продажи индульгенций. Церковь немедленно обвинила автора в ереси и даже предприняла попытку расправиться с ним, вызвав в Рим для ответа. Но это только подхлестнуло действия непокорного священника. Его голос креп, идеи принимали более ясную форму, а его призывы к реформам религиозных догматов, к секуляризации огромной массы церковных и монастырских земель и замков, к нападению «на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского содома» поднимали против старой церкви огромные массы немецкого населения.

10 декабря 1520 г. Лютер демонстративно сжег буллу папы, призывавшего его к покаянию, чем еще больше возбудил к себе доверие и любовь паствы. И хотя после того как вспыхнула великая крестьянская война за установление «царства божьего», Лютер изменил свою позицию относительно насильственных мер против правителей церкви, но это уже не могло повлиять на главный смысл реформаторского движения.

Будучи в Нюрнберге, Альбрехт познакомился с пастором Андреасом Осиандером, сторонником Лютера, проповедником церкви святого Лоренца. Проповеди Осиандера запали в душу магистра. По признанию самого Альбрехта, тот стал для него «духовным отцом», хотя являлся младшим по возрасту. О настроениях и сомнениях магистра Лютер узнал от его советника М. Иоганна Эдена, которого Альбрехт направил в Виттенберг с целью получить от реформатора совет относительно судьбы ордена. Просьбу свою Альбрехт повторил в письме к Лютеру.

Было ли ответное письмо, мы не знаем, но можно предполагать, что оно однозначно содержало рекомендацию о секуляризации ордена. Это подтвердилось при личной встрече магистра с профессором богословия в Виттенберге, которая состоялась в ноябре 1523 г., где Лютер, по существу, повторил свой совет.

После отъезда Альбрехта он написал листовку: «К рыцарям Немецкого ордена, дабы они отказались от мнимого целомудрия и обратились к истинному супружескому целомудрию»¹¹¹.

Дальнейшие события показали, что Альбрехт Бранденбургский окончательно решил сбросить с себя рыцарское платье, провозгласить светскую власть и принять ее в качестве евангелистского фюрста. Он объявил об упразднении ордена и о рождении герцогства, о секуляризации церковных земель. В этой обстановке в апреле 1525 г. произошло заключение с Польшей Краковского мира.

Что означал этот мир для немецкой империи, римского папы и лично для Альбрехта? Здесь следует отметить три важных обстоятельства, сыгравших основную роль в дальнейшей судьбе Пруссии как государства.

Во-первых, Прусское герцогство становилось ленником польской короны. Статья девятая гласила: «Маркграф Альбрехт должен польской короне и его величеству королю Польши как своему естественному господину принести клятву на верность и в дальнейшем проявлять послушание по отношению к его королевскому величеству, как и подобает пожалованному леном князю по отношению к своему сюзерену»¹¹². То же самое обязаны были сделать братья Альбрехта (маркграф Георг фон Бранденбург-Ансбах, маркграф Казимир фон Бранденбург-Кульбах и маркграф Иоганнес (Ганс) фон Бранденбург-Ансбах) и в первую очередь маркграф Георг фон Бранденбург, как ближайший наследник прусского герцога, ибо в Пруссии устанавливалась верховная наследная власть (по мужской линии) с сохранением ленной зависимости от Польши. Требование Альбрехта о пожаловании леном всего дома Ансбахов король отклонил.

Во-вторых, договором предусматривалось, что в случае смерти Альбрехта и его братьев, а также их прямых наследников земли Пруссии полностью перейдут в наследное владение его королевского величества и польской короны. Незамужние дочери вышеназванных князей в этом случае имели право получить содержание и приданое от польского короля.

В-третьих, упразднение ордена и превращение Пруссии в светское герцогство влекло за собой потерю связи с империей.

...При подписании Краковского договора побежденному Альбрехту удалось добиться признания Польшей двух важных для него положений: статуса Пруссии как светского герцогства, хотя и зависимого от польской короны; неизменности границ своего государства и возврата Польшей захваченных городов, замков и другого имущества, находившегося на ее территории. Королевское величество передало в наследный лен Альбрехту «ниженазванные земли, города, замки, селения, а именно: три города вокруг замка Кенигсберга и сам замок, Лохштеттен, Варген, Гирмав, Пубетен, Рудав, Шакен, Каймен, Кремитен, Вальдав, Тапиав, Таплаукен, Нарбетен, Инстербургк, Алленбургк, Вонстраф, Гирдавен, Ангербургк, Норденбургк, Лабиав,

Лавкишкен, Тильзет, Рагнет, Розиттен, Виндбергк, Мимель, Бранденбургк, Кройцбургк, Фридланд, Доменав, Бартен, Лётцен, Бальге, Хайлигенбайхель, Цинтен, Ландсбергк, Прейшеилав, Бартенштайн, Зегестен, Зайнсбургк, Райн, Растенбургк, Лик, Йохансбургк, Холланд, Либештатт, Мюльхавзен, Морунген, Пассенхаим, Ортельсбургк, Остерроде, Хоенштайн, Найденбургк, Золдав, Гильгенбургк, Шиппенпайхель, Дойчеилав, Пройшемаркт, Либемёель, Зальфельдт, Ризенбургк, Мариенвердер, Тиренбергк, Лабтав, Шонбергк, Повунд, Горгенбургк, Розенбургк, Гардензее, Невхаус, Фрайенштатт, Залав, Фишхаузен, Бишофвердер, Меденав...»¹¹³.

Больше всего неприятностей причинил герцогу разрыв связей с империей, которыми он пренебрегать не мог. Внешние обстоятельства не служили для него основанием для отказа от вхождения в империю.

Герцог всегда считал себя германским фюрстом и хотел остаться им. Он пытался объяснить императору Карлу V из дома Габсбургов и его брату эрцгерцогу Фердинанду причины своих действий, но был заклеен ими как еретик и изменник. Альбрехт получил приказ Карла предстать перед имперским судом (рейхскаммергерихтом). По указанию своего сюзерена, короля Польши, герцог на суд не явился и был объявлен вне закона.

Последующие события развивались лавинообразно. Император всячески пытался сломить волю послушника, даже грозил войной. Он назначил магистра Немецкого ордена в Германии (дойчмейстера) Вальтера фон Кронберга полномочным администратором в Пруссии, предоставил ему свободу действий, обещая военную поддержку¹¹⁴. Юридически это была попытка создать видимость двоевластия в Пруссии.

Понимая опасность развития ситуации, Альбрехт обратился за поддержкой к дружественным имперским князьям, которые не желали усиления власти Габсбургов и торжества приверженцев старой веры. Однако Габсбурги сами не захотели обострять отношения с Альбрехтом, и в первую очередь с его сюзереном, польским королем, с которым приходилось считаться из-за постоянной угрозы императорским владениям со стороны турок.

Это не означало снятия опалы с герцога. Она продолжалась еще долго, то обостряясь, то затухая и даже приобретая характер военного противостояния, как это было, например, в период попыток Карла V протолкнуть на датский престол своего родственника Кристиана II (чему Альбрехт яростно противился, поддерживая противную сторону — брата своей супруги Доротеи — Кристиана III). В конечном счете политика Альбрехта в этом вопросе восторжествовала. В 1537 г. Кристиан III был коронован в Копенгагенском соборе к неудовольствию императора, раздражение которого против Альбрехта достигало апогея.

Переломный момент для герцога в его отношениях с императором наступил в 1549 г., когда Габсбурги заключили с поль-

ским королем Сигизмундом II Августом наступательно-оборонительный союз и сюзерен Альбрехта заслонил собой своего ленника. Через два года на Аугсбургском рейхстаге 1551 г. было принято решение об оправдании герцога. В то же время Немецкий орден так и не простил Альбрехту его отступничества. Не признал превращение орденского государства в герцогство и папа римский. Даже когда герцогство стало королевством в объединенном Бранденбургско-Прусском государстве, папа упрямо продолжал называть Фридриха I курфюрстом.

Вот в таких условиях, между молотом и наковальней, развертывалась деятельность герцога Альбрехта, который чувствовал на себе давление не только со стороны императора и папы, но и своего дяди, короля Польши Сигизмунда, и его жены Боны, которым не могло нравиться независимое поведение «кенигсбергского еретика».

Краковский договор содержал многие статьи, подчеркивающие подчиненное положение герцога. И все-таки герцог получил достаточно самостоятельности для решительных преобразований в государстве, где быстро укоренялось евангелистское богослужение.

Реформация стала главной опорой Альбрехта. Оба прусских епископа добровольно сложили с себя светские властные полномочия в пользу герцога и остались при должностях. Что касается церковного имущества, то, согласно Краковскому договору, герцог Пруссии каждому духовному лицу по его просьбе в порядке компенсации за ущерб оказал помощь в предоставлении поместий на герцогской территории и в епископстве Эрмланд с правом взимания ренты и налогов. Капитул епископства Замланд отказался от своего лучшего собора в Кнайпхофе, большинство каноников переехало в замок Залау, являвшийся владением соборного капитула в Надравии, и Альбрехт 10 мая 1528 г. издал грамоту, согласно которой «вышеназванный собор со всеми его зданиями, помещениями, застроенными и незастроенными площадями и садами...» был передан «городу Кнайпхофу во владение и пользование, ему на благо, насколько возможно (но и нам, нашим наследникам и двум другим городам Кенигсберга не в ущерб), с кульмским правом и теми правами, что они сейчас в городе имеют»¹¹⁵.

Епископы оставили для себя духовную деятельность: проведение синодов, инспектирование церквей, вопросы заключения и расторжения брачных уз и т. д. Герцог считал возможным при необходимости лично вмешиваться в дела церкви, занимая при этом собственную позицию. На этой почве у него возникли теологические расхождения с Лютером, который посоветовал ему изгнать из страны спиритуалистов, возглавляемых Каспаром фон Швенкфельдом. Альбрехт заявил, что он оставляет каждому в герцогстве свободу вероисповедания.

Герцог упразднил орденские службы. Вместо них создал четыре совета: гофмейстера, бургграфа, канцлера, гофмаршала,

которые позднее, с образованием прусского королевства (с 1707 по 1804 гг.), именовались министерствами. Страну разделили на три района: Замландский, Натангенский и Оберландский. В 1560 г. к ним присоединились Курляндский район, Гробин и Пильтен в качестве залога. Оберланд был самым заселенным районом, но и больше всего он пострадал от войн. Центрами районов являлись Кенигсберг, Бартенштайн или Растенбург, Зальфельд или Остероде. Существовало центральное правительство (в Кенигсберге) и местные органы управления (амты).

Герцог не внес коренных изменений в систему управления, созданную при ордене. Соблюдая преемственность, он превратил орденских наместников в верховных советников (оберраты), комтуров — в глав управлений. Бывшие комтурства стали центральными управлениями (хауптамтами) и сохранились почти в прежних размерах. Герцогская власть осуществлялась через центральное правительство.

После секуляризации орденского государства Альбрехт вынужден был под давлением дворянства, которое еще при ордене претендовало на право решающего голоса при управлении, сделать ему дальнейшую важную уступку. В 1542 г. он утвердил закон, согласно которому высшие должностные лица в стране — оберраты (за исключением канцлера) — выбирались из среды дворянства. «Они должны были надзирать за управлением государственными поместьями и финансами герцогства, а при отсутствии герцога или в случае его смерти править страной до тех пор, пока его преемник не сможет возглавить правительство. Наряду с оберратами в управлении страной участвовали от шести до восьми советников Верховного Суда и главы четырех ведомств (амтов)»¹¹⁶. Амты еще более укрепили положение поместного дворянства, но постепенно герцогу удалось поставить под свой контроль государственную земельную собственность.

Территория герцогства, доставшаяся ему в наследство от орденского государства, имела лишь один значительный город и бедные земли. После разорительных войн с Польшей экономика его пришла в упадок, ресурсы были исчерпаны, продукты питания резко вздорожали. Альбрехт понимал, что в сложившейся ситуации очень важно привлечь в страну иноземных купцов, принять меры к дальнейшему заселению прусской земли. Его политика в этом направлении, конечно, не носила такого размаха и целеустремленности, какими впоследствии отличалась колонизаторская деятельность курфюрста Фридриха Вильгельма I. Тем не менее она приносила плоды. Альбрехт привлекал в Пруссию шотландцев, силезцев, богемцев. Он умело вел агитацию через агентов в северных Нидерландах (графство Голландия) и ряде других стран, где продолжалась борьба со сторонниками Реформации и учения Лютера. Преследования за религиозные убеждения вынуждали не только крестьян, бюргеров, но и дворянство покидать обжитые места и бе-

жать в безопасные районы Европы. Их главный поток устремился в восточные и северные районы Германии, и в частности в Пруссию.

Голландские переселенцы были богаче других, потому предпочтительнее для герцогства. Купцы, ремесленники из их среды оседали преимущественно в Кенигсберге, крестьяне селились в сельской местности, проблемы которой занимали Альбрехта больше, чем городские. Начиная с 1527 г. он многое сделал для предоставления голландцам земель, чтобы расширить посевы зерна и других сельскохозяйственных культур.

Два довольно крупных массива предоставлялись голландским колонистам в Оберланде. Эта территория особенно сильно пострадала во время войны всадников. 3400 гектаров переселенцы получили вокруг деревни Шмаух (в десяти километрах к востоку от Прейсиш-Голланд), 1700 гектаров вблизи Мюльхаузена (в десяти километрах к северу от Прейсиш-Голланд), несколько анклавов в западной и юго-западной части Оберланда...

Общая площадь предоставленных им земель насчитывала приблизительно 7100 гектаров. Эти земли относились к ведомству Прейсиш-Голланд, и новые землевладельцы (примерно 600 человек) попадали под власть тамошнего головы... Однако вопрос об их поселении, равно как и о выезде, лежал в исключительной компетенции герцога...¹¹⁷

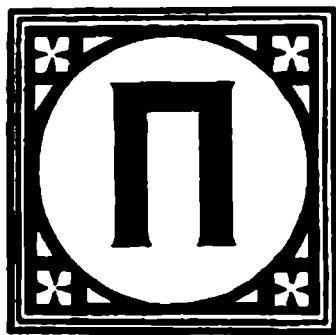
Альбрехту удалось в определенной степени преодолеть тяжелое положение в экономике. Оживилась торговля, хотя рынок по-прежнему служил главным образом для внутреннего товарообмена. Структура внешней торговли мало чем отличалась от орденской, но увеличился ввоз древесины из Литвы, расширились масштабы транзитной торговли корабельным лесом из Мазовии. Торговый дом, служивший центром купли-продажи при ордене, прекратил свое существование, зато набирали силу купцы, среди которых преобладали англичане, голландцы, французы. В середине XVI в. голландцы владели одной четвертью прибывавших в Кенигсберг судов.

Присутствие иноземцев вызвало ропот, возмущение и даже открытые протесты местных торговцев и ремесленников на почве конкуренции. Но герцог брал под защиту «чужаков», потому что во многих случаях они оказывались искуснее и развратливее собственных коммерсантов и производителей. Голландцы, например, занимавшиеся в Кенигсберге поделкой колес, изготовлением и крашением тканей, владели некоторыми технологиями, не известными здешним ремесленникам. Кожевники привезли с собой технологию тонкой выделки шкур, также неведомой пруссакам.

Особенно смущали герцога трения, возникавшие между местными жителями и иностранцами на религиозной почве. Приезжие купцы и ремесленники не были лютеранами, поэтому их нередко обвиняли в ереси и требовали высылки за пре-

дела герцогства. Альбрехт искусно маневрировал в таких случаях, под разными предлогами искал примирения без применения кардинальных средств. Но в конечном счете под влиянием общественного мнения вынужден был потребовать, чтобы все иноземцы, желавшие остаться в Пруссии, прибыли в Кенигсберг и публично поклялись в верности и послушании и отказе от своих религиозных заблуждений. Больше всего коснулось это голландцев. Приказу герцога последовали немногие. Оставшиеся (прежде всего купечество) жили в основном в Кнайпхофе, немногие — в Альтштадте, в районах Россгартен, Трагхайм, Закхайм. В Кенигсберге была даже создана «голландская партия при дворе», влияние которой на Альбрехта было довольно значительным благодаря прибытию в город доктора Иоганна Презиуса, лейб-медика герцогской семьи и советника герцога. Он сразу примкнул к голландской партии и брал бывших соотечественников под защиту от произвола городов. Но давление на них было велико.

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

ри Альбрехте мощный толчок получило развитие науки и культуры, находившихся до

того периода в зачаточном состоянии.

Конечно, наивно было бы думать, что один из династии Гогенцоллернов вдруг бескорыстно загорелся пламенной любовью к просвещению и воспитанию. Практичный и умный Альбрехт понимал, что укрепить верховную власть и умножить личную славу можно не одним только мечом, борясь за земли, но и с помощью идей, овладевших человеческими душами. Нельзя сбрасывать со счетов и нравственного, религиозного воспитания, которое он получил в родном Франкенланде: любовь к книге, музыке, изобразительному искусству, серьезное отношение к познанию божественных и человеческих ценностей. За свой счет герцог посылал способных молодых людей учиться в университеты Германии, Франции, Италии, оказывал материальную поддержку ученым не только в своем государстве, но и в других странах, давая им деньги на то, чтобы их произведения увидели свет.

Герцог знал толк в книгах и собирал их до конца жизни, вел в связи с этим обширную переписку. В одном из писем к

художнику Лукасу Кранаху 29 сентября 1526 г. он с любезной простотой излагал свои книжные нужды: «Дорогой друг! Обращаюсь к тебе с просьбой купить и переслать мне все достойные внимания книги, вышедшие в последнее время, по возможности, переведенные с латинского на немецкий язык... Книги мы оплатим и будем тебе очень благодарны»¹¹⁸.

Среди книг, приобретенных Альбрехтом, особо выделялась библиотека по богословию, состоявшая из 20 томов различного формата. Альбрехт высоко ценил эти книги. Он приказал переплести их в обложки, отделанные серебряными пластинами, за что библиотека стала называться «Серебряной».

Имел герцог и так называемую «Камерную библиотеку», — собрание немецких книг богословского и исторического содержания, — предназначенную исключительно для личного пользования.

Большая часть коллекции герцога стала основой первой публичной библиотеки в Кенигсберге, торжественно открытой в 1540 г. в одном из залов орденового замка и названной замковой. Первым ее библиотекарем и хранителем был Феликс Кёниг, прозванный Полифемусом. Он относился к штату придворных, получал в месяц 40 марок и жил в комнате рядом с библиотекой.

Спустя год герцог приказал Полифемусу доставить из Таппау орденовую библиотеку. Она пополнила древний раздел замковой коллекции. В 1583 г. наследники Альбрехта передали в замок последнее книжное собрание герцога — «Камерную библиотеку».

Собрание книг, пользоваться которыми без каких-либо ограничений разрешалось княжеским советникам, профессорами и другим образованным людям, включая старших учащихся, постоянно росло. Библиотека пополнялась за счет покупок, подарков. Книготорговцам было предписано безвозмездно передавать в ее фонды по одному экземпляру каждого продаваемого издания.

Герцог Альбрехт оплачивал услуги специально назначенных в Кенигсберге и в других крупных городах лиц, которые передавали ему важнейшие новости. Если они являлись интересными для широкой публики, то печатались в Кенигсберге на специальных листах и распространялись не только в Пруссии, но и среди жителей Литвы, польско-язычного населения. Часть из них украшалась ксилографическим клише. Создателем крупной типографии в Кенигсберге стал Ганс Луфт, живший в Виттенберге и получивший от герцога разрешение на ее открытие и соответствующую концессию от 29 мая 1549 г.

Таким образом, маркграф положил начало профессиональному типографскому делу и развитию журналистики в Пруссии, хотя первая сохранившаяся газета, обнаруженная исследователем Паулем Жиганом в старом сборнике Кенигсбергской городской и университетской библиотеки, датируется 1618 г.

Кенигсбергские книгопечатники (кроме Ганса Луфта, Вайнрайха, Даубманна, Ганса) снабжали необходимой литературой не только Пруссию, но и жителей пограничных с ней государств. Издавались катехизисы на прусском языке.

Альбрехт переписывался со многими художниками и музыкантами, приглашал их ко двору, окружал вниманием и заботой. В 1529 г. он изъявил желание видеть во дворце художника Криспина Герранта, ученика знаменитого Альбрехта Дюрера, оплатил ему дорогу, обеспечил заказами, красками. С этого же времени герцог начал собирать коллекцию картин для дворца. Сказать, что он питал пристрастие к шедеврам живописи, наверное, нельзя. Скорее всего это занятие было для него элементом политики, связанным с желанием расположить к себе высшие круги Германии. Поэтому его интересовали прежде всего портреты князей, их родственников, знатных людей Европы. В одном из писем Лукасу Кранаху (21 января 1546 г.) он признавался: «...Наше страстное желание состоит в том, чтобы получить портреты саксонского курфюрста, его жены и трех его сыновей, а также герцога Эрнстена Бранденбургского»¹¹⁹.

Знакомому Георгу Шульцу (гражданину Нюрнберга) он писал: «Милостиво сообщаем тебе, что мы хотим собрать как можно больше картин с изображением вельмож и лиц княжеского звания, а также их жен и членов их семей. Но здесь мы не имеем возможности приобрести портреты Пфальских и Баварских, а также всех других князей тех земель, и обращаемся к тебе с просьбой приобрести и прислать их нам»¹²⁰.

С аналогичной просьбой он обращался к франкскому канцлеру Кристофу Штрацу. Во всех случаях Альбрехт не ставит никаких условий относительно качества полотен, их авторов, подчеркивая лишь, что художники получают хорошее вознаграждение. Многие примеры показывают, что герцог был не особенно аккуратен в выплате долгов.

В том же примерно практическом русле развивалось скульптурное искусство и архитектура, представители которых выполняли заказы герцога. Например, скульптор Корнелиус Флорис из Антверпена изготовил эпитафию для умершей в 1547 г. первой супруги Альбрехта Доротен, а впоследствии создал великолепный надгробный памятник самому герцогу, установленный на хорах Кенигсбергского собора. Архитектор из Нюрнберга Фридрих Нусдёрфер внес ряд важных изменений в облик Кенигсбергского замка, придав ему дополнительные строгость и величественность.

По примеру европейских дворов магистр завел свой хор и инструментальную капеллу, во главе которых стояли приглашенные музыканты, принимал личное участие в составлении сборников песен Пруссии и был даже автором хорала «Все будет так, как хочет Господь».

При оценке вклада герцога Альбрехта Бранденбургского в развитие культуры в Пруссии следует иметь в виду,

что после 2-го Торнского мира (1466 г.) старому культурному наследию Пруссии, сосредоточенному в основном в западной ее части (в районах Данцига и Мариенбурга) и отошедшему к Польше, был нанесен значительный ущерб. Петер Г. Тиклен справедливо подчеркивает, что «... окраинность страны, малая территория, финансовые сложности — эти обстоятельства, не способствовавшие развитию страны, не могли быть полностью устранены секуляризацией ордена в 1525 г. Достижения Альбрехта в области культуры следует рассматривать именно на этом фоне...»¹²¹

По утверждению Фрица Гаузе, «...Альбрехт не был ученым человеком, но он был другом просвещения и образования. Он имел доверительные отношения со многими реформаторами церкви, со своими духовными и светскими советниками, профессорами и придворными врачами.

В 1541 г. по просьбе Альбрехта в Кенигсберге провел несколько недель Николай Коперник, занимаясь лечением герцогского советника Георга фон Кунхайма. В то время Коперник как врач был не менее известен, чем как астроном...»¹²²

Герцог, невзирая на расходы, приглашал в страну образованных мужей: профессоров, учителей. По его указанию три старые церковно-приходские школы были преобразованы в латинские школы. Формально они не теряли связи с церквями, но назначение в них учителей и контроль за их деятельностью перешел к городским магистратам. Наряду с чисто немецкими школами они составили систему образования в герцогстве. Но в отличие от старых школ в них особое внимание уделялось изучению латинского языка. На нем велись уроки, ставились пьесы при дворе силами учеников.

Вершиной плодотворной деятельности маркграфа и герцога в области развития образования и просвещения в Пруссии явилось создание им Кенигсбергского университета, ставшего духовным оплотом государства.

ОСНОВАНИЕ КЕНИГСБЕРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

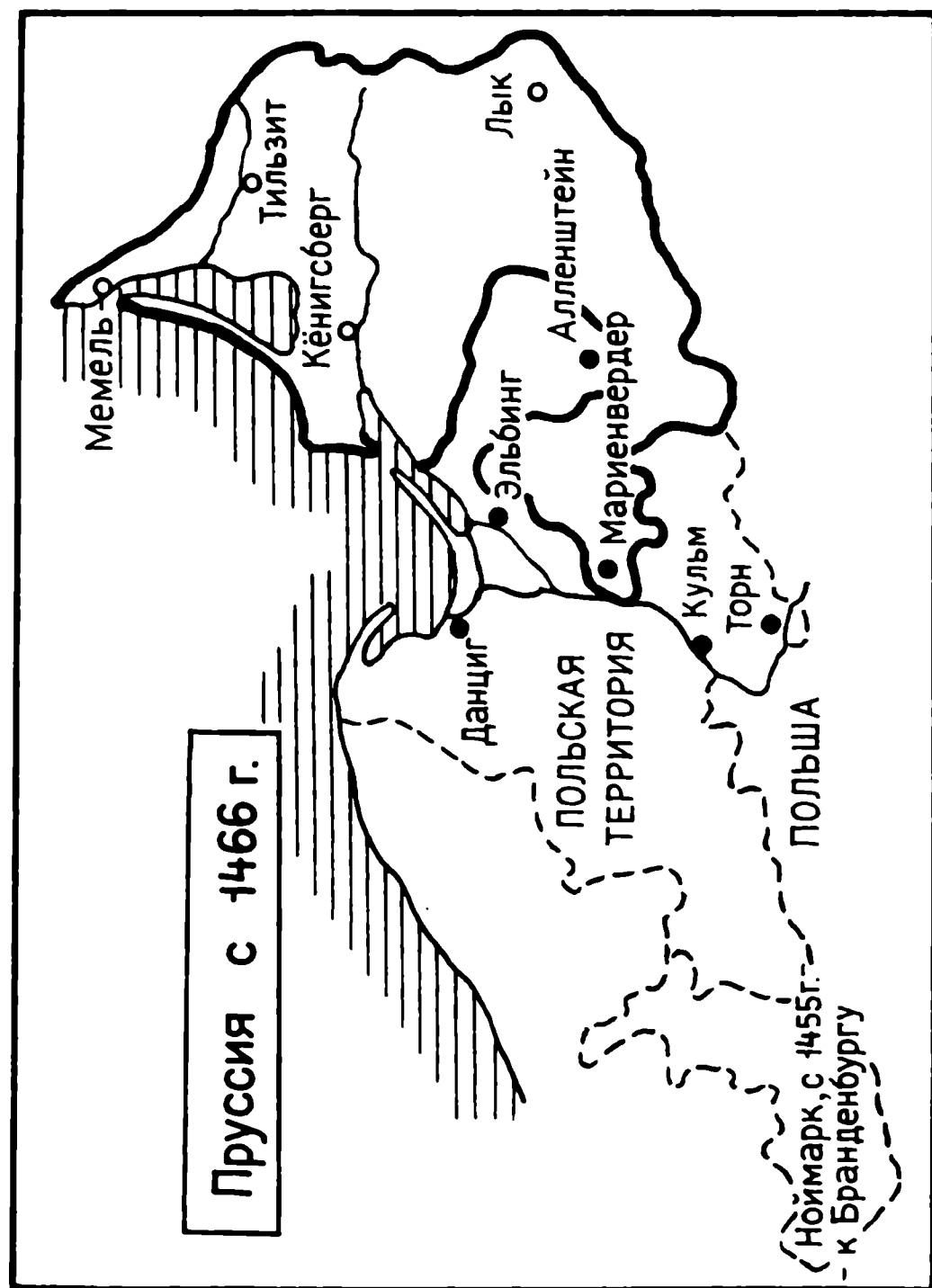
июля 1544 г. Альбрехт издал специальную грамоту, в которой объявил о целях задуманной им академии: «...Без наук не могут издаваться законы, не могут существовать суды и другие общественные учреждения. Поэтому мы, с божьей помощью, позаботились основать всюду

в городах, где мы живем, детские школы, чтобы там преподавались начала латинского языка и христианского вероучения. И, наконец, в нашем городе Кенигсберге мы открываем университет, чтобы в нем последовательно и в полном объеме преподавались все благородные искусства и изучались языки, в знании которых нуждается церковь. И хотя многие, кто легкомысленно относится к религиозному учению или считает, что государством должно управлять силой или оружием, а не с помощью религии, законов и дисциплины, будут порицать наше решение, тем не менее смысл нашего постановления совершенно ясен... Мы надеемся, что этот наш университет принесет пользу многим народам, которые граничат с Пруссией как на Востоке, так и на Западе. Науки, если они будут в этой стране развиваться, смогут взрастить многих хорошо образованных пастырей церкви... И пусть впредь в наши города приглашают священников, ораторов, школьных учителей и писцов не из других мест, но только из Кенигсбергского университета...»¹²³

Воскресным днем 17 августа 1544 г. под звон соборных колоколов состоялось торжественное открытие «Кенигсбергской академии» и герцог Альбрехт ввел в аудиторию первого университетского ректора Георга Сабинуса (1508—1560 гг.), зятя Ф. Меланхтона. Известие об открытии нового академического заведения было разослано в Польшу, Лифляндию, Данию, Швецию и в другие земли. В честь этого события герцог повелел отчеканить монету с надписью: «Воистину спокоен может быть тот, кто уважает твои законы».

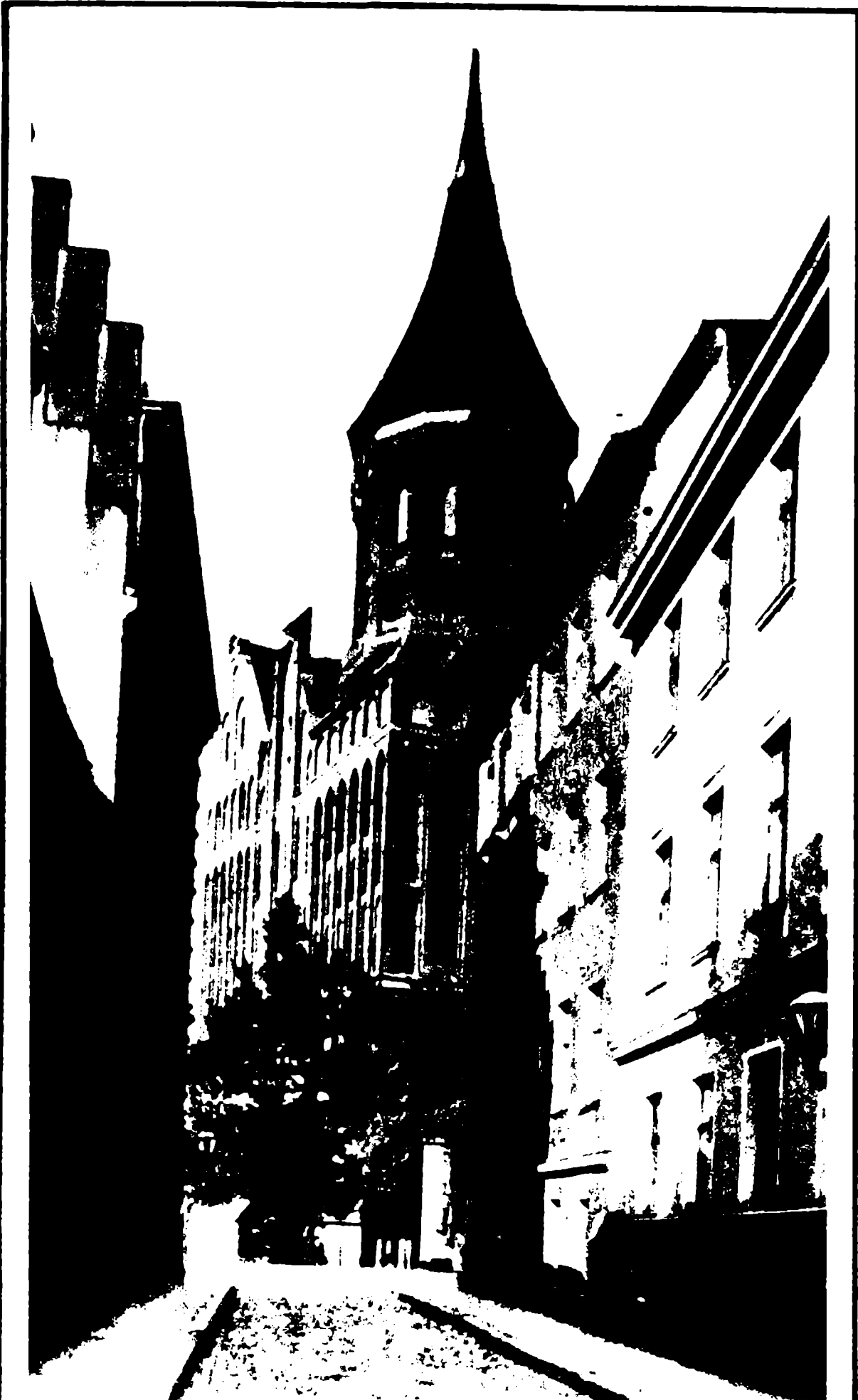
Самое деятельное участие в подготовке к открытию университета принимали «отцы Реформации» М. Лютер и Ф. Меланхтон. По их рекомендациям направлялись в Кенигсберг первые профессора, их советы учитывались при разработке структуры университета, при составлении его учебных программ. Университет замышлялся как оплот лютеранства на востоке немецких владений. Кенигсбергская академия была устроена по образцу других немецких университетов и состояла из четырех факультетов: трех «высших» — теологического (богословского), юридического и медицинского, и одного «низшего» — философского. Естественно-научные дисциплины и математика преподавались на философском факультете.

Теологический факультет возглавил выходец из Литвы, хорошо знавший польский язык, Станислав Рафайлович (по-латыни Рапагелянус; 1485?—1545 гг.). Докторский диплом Рафайлович получил в Виттенберге из рук вдохновителя Реформации — Мартина Лютера. Родом из Литвы был также профессор древних языков Абрахам Кульвец (1510—1545 гг.), ученик Эразма Роттердамского и Филиппа Меланхтона. Во главе медицинского факультета стал рекомендованный лично М. Лютером доктор медицины Иоганн Бретшнейдер (1514—1577 гг.), известный лекарь и ученый, выходец из Гданьска. Помимо ректора в университет получили приглашение десять профессоров.

Портрет Осандера. 1544 г.

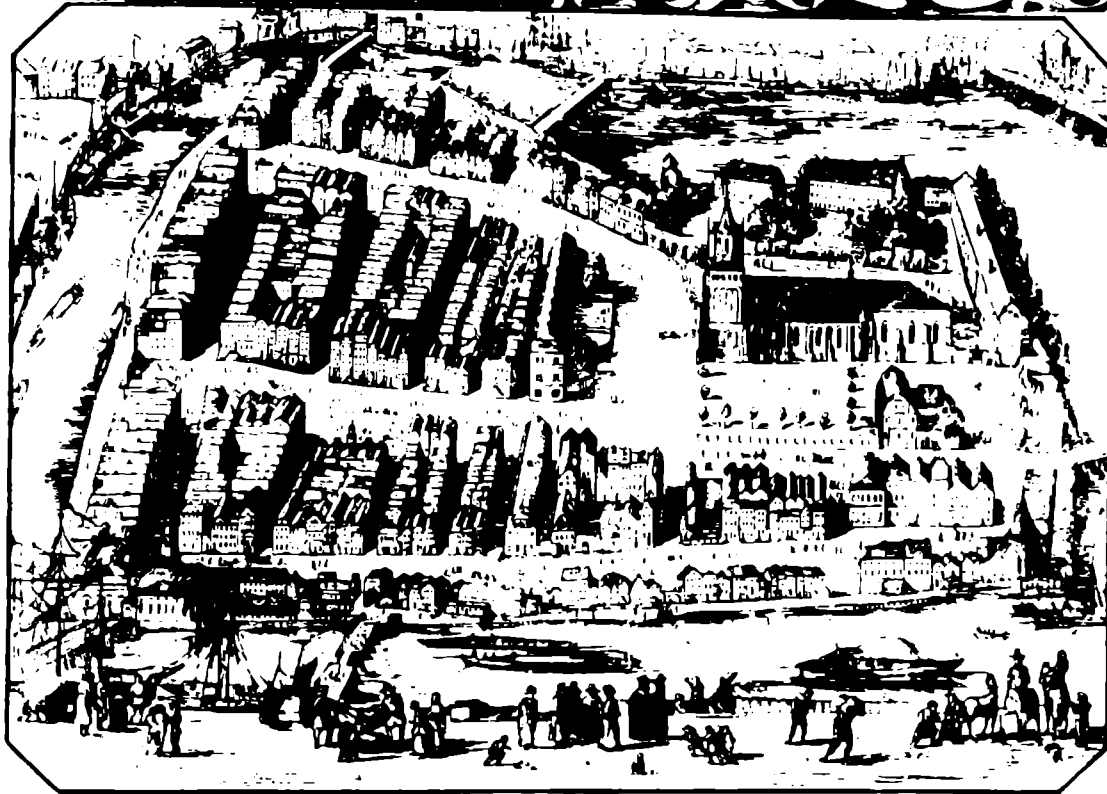

Кафедральный собор в Кенигсберге (о. Кнайпхоф). Вид с юго-запада. Предвоенное фото

Интерьер Кафедрального собора. На заднем плане — герцогская гробница. Литография Билса по картине И. К. Шульца, 1833 г.

Königsberg
seine Universität
und deren
Jubeltage.

Вид о. Кнайпхоф с собором и университе-
том. Гравюра К. Р., 1844 г.

Памятная медаль
к 450-летию Ке-
нигсбергского уни-
верситета с изо-
бражением его ос-
нователя герцога
Альбрехта. 1994 г.

Ein alter herdenischer Preuß.

Прусский общинник XVI в. Из хроники Вайсселя, 1599 г.

Изначально ориентированный его основателями на распространение немецкой культуры и лютеранства на колонизованных прибалтийских землях, университет охотно принимал в состав профессоров — уроженцев Польши и Литвы. Эта политика не противоречила немецким стратегическим целям: через польских и литовских преподавателей, а затем и выпускников университета — учителей, пасторов, чиновников, знавших польский, литовский и прусский языки, Альбрехт намеревался внедрять новую идеологию в среде коренного ненемецкого населения герцогства и пропагандировать ее на землях соседей.

Герцог Альбрехт пожертвовал университету собственное книжное собрание, а также передал книги из бывших орденских и монастырских библиотек, закрытых после роспуска ордена.

Итак, Кенигсбергский университет, имевший в год своего открытия свыше трехсот студентов, начал свою деятельность. Трудности, возникшие поначалу с получением официальных университетских прав, отпали в 1560 г., когда польский король Сигизмунд II Август выдал этому заведению привилегии, уравнявшие его в правах с Краковским университетом. Профессора получили определенные материальные льготы, за университетом утверждались право на самоуправление и собственная юрисдикция. Студенты, не имевшие достаточных средств к существованию, но выказавшие талант, усердие и добропорядочность, обеспечивались бесплатным питанием.

Университет получил собственную печать с изображением его основателя и право пользования ею в официальных документах. В распоряжении, изданном в 1557 г., герцог строго наставлял своих подданных:

«Повелеваю всем и каждому из наших благородных прелатов и господ, представляющих рыцарство, дворянство, общины, города, сельское население и бюргерство и всех остальных наших подданных, какого бы сословия они ни были, чтобы они все вместе и каждый в отдельности настоятельно и непреклонно оказывали содействие нашему университету и его профессорам, студентам и сотрудникам во всех вопросах и делах...»¹²⁴

Герцог грозил крупным штрафом тем, кто совершит деяние, причиняющее вред университету.

Нелегкими были первые десятилетия деятельности университета. Страшное моровое повострие 1549 г. погубило или вынудило уехать из Кенигсберга многих преподавателей и студентов. Но еще пагубнее для университета оказались ожесточенные религиозно-догматические распри, длившиеся порой годами.

Молодое лютеранское учение должно было выстоять в борьбе с католицизмом, укрепить свои внутренние устои, определить отношения с другими протестантскими течениями. Эти процессы неизменно сопровождались острыми теологическими спорами, которые в Кенигсберге не раз переходили в личные конфликты между учеными богословами. Атмосфера идейной непримиримо-

сти ослабляла интеллектуальный потенциал Кенигсбергской академии, подрывала ее престиж, отталкивала преподавателей и студентов. Уже в первые годы после открытия университета его покинули одиннадцать профессоров; на вакантные места приглашались новые преподаватели.

Самой первой и одной из громких стала печально известная в истории университета так называемая «Осиандеровская» распря.

Центральной фигурой этого затяжного теологического конфликта стал приглашенный в Кенигсберг Альбрехтом нюрнбергский проповедник Андреас Осиандер (1498—1552). Взгляды Осиандера на некоторые вопросы лютеранской догматики вызвали резкую критику местных богословов. Спор выплеснулся за стены академии, расколол духовенство и горожан на две непримиримые партии. Часть профессоров и студентов вынуждены были покинуть университет. При этом герцог поддержал осиандеровскую партию, и конфликт приобрел политический характер.

Осиандер умер в 1552 г., но начатая им ожесточенная дискуссия продолжалась еще полтора десятилетия. Конец ей положила специальная комиссия польского короля, по приговору которой были казнены в 1566 г. трое советников Альбрехта, возглавлявших осиандеровскую партию: И. Функ, М. Хорст, И. Шнелль.

Последние годы жизни Альбрехта омрачило появление при его дворе человека темного происхождения, теолога по образованию и отъявленного авантюриста по призванию, Пауля Скалиха. 26-летний проходимец сумел быстро обворожить старого герцога изысканными манерами, подвижным умом и еще более — спиритическими сеансами. Скалих стал могущественным фаворитом, назначал и смещал герцогских советников, фактически вершил суд над неугодными. Кроме того, он получил в дар от герцога земельные наделы и другую недвижимость. Во время осиандеровской распри Скалих принял сторону герцога, а следовательно — осиандеристов. Его самоуправство, дерзость вызвали роптание аристократии и бюргерства. Местный ландтаг не раз требовал от герцога удалить Скалиха от двора, но тщетно. Лишь почуяв опасность перед приездом польской комиссии 1566 г., Скалих исчез из Кенигсберга так же неожиданно, как и появился. Все недовольство заезжим авантюристом, естественно, оборачивалось против герцога.

Совершенно надломленный казнью своих союзников, отягощенный бременем прожитых лет, старый Альбрехт фактически после 1566 г. отошел от дел, и его последние месяцы стали временем томительного ожидания смерти. Герцог Альбрехт умер 20 марта 1568 г. на 78-м году жизни в замке Тапиау (ныне г. Гвардейск) и был погребен в Кенигсбергском кафедральном соборе, у восточной стены почетной усыпальницы. В тот же день в Нойхаузене (ныне г. Гурьевск) умерла вторая супруга герцога, 36-летняя Анна Мария.

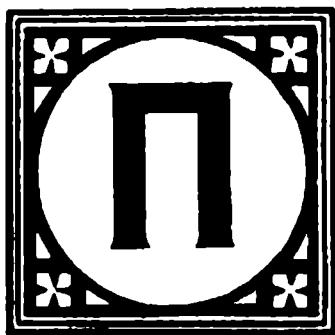
Так завершился долгий и беспокойный жизненный путь последнего великого магистра Тевтонского ордена, первого герцога Пруссии, основателя Кенигсбергского университета Альбрехта Бранденбургского — одного из самых выдающихся немецких деятелей эпохи Возрождения.

IV

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ ПОСЛЕ АЛЬБРЕХТА

ПОД ВЛАСТЬЮ БРАНДЕНБУРГСКИХ КУРФЮРСТОВ

осле смерти Альбрех-
та Бранденбургского
герцогом Пруссии стал
его сын Альбрехт

Фридрих. Его правление не было ознаменовано яркими событиями политической жизни, если не считать косвенного участия Пруссии в борьбе вокруг польской короны после смерти последнего Ягеллона из королевской династии в 1572 г. Оно заключалось в том, что герцог согласился поддержать претензии на польский престол ставленника Габсбургов в обмен на обещание императора Максимилиана II помочь ему получить наследство во Франции, на которое одновременно претендовал его кузен Георг Фридрих, маркграф фон Бранденбург-Ансбах и Кульмбах. Кроме того, в случае реализации указанной политической сделки Пруссия могла бы играть более самостоятельную роль в отношениях с Польшей. Однако Габсбурги просчитались, и в 1575 г. королем Польши по настоянию среднепоместной шляхты был избран трансильванский князь Стефан Баторий. Через год умер кайзер Максимилиан II. Пруссия вновь оказалась в тесной зависимости от Польши.

Альбрехт Фридрих был человеком больным, с психическими отклонениями, поэтому в 1578 г. с согласия польского короля регентство над ним и звание герцога получил Георг Фридрих. Он сыграл положительную роль в истории Пруссии. Поддержав Польшу в войне с Москвой и даже выставив в помощь ей пятьдесят пеших воинов, он в то же время всячески содействовал установлению мира. Ему принадлежала немалая заслуга в достижении взаимопонимания между Польшей и Данией, а также между Польшей и Швецией.

Георг Фридрих был в самых тесных и доверительных отношениях со Стефаном Баторием, что позволяло ему смело решать

многие внутренние проблемы жизни Пруссии. При нем значительный подъем получило ремесленное производство. Меньше стало конфликтов между цехами из-за несправедливого распределения доходов, чему способствовали выработка и утверждение Георгом Фридрихом многочисленных цеховых уставов. Свободная конкуренция между ремесленными объединениями не поощрялась и даже запрещалась.

Относительное экономическое благополучие, наблюдавшееся в это время в Пруссии, способствовало освоению и обустройству новых территорий вокруг городов. Быстро разрастались пригороды Кенигсберга. Они получали от герцога свои гербы и печати и городу не принадлежали, образуя так называемые общинные земли (общины). Широкий размах получила индустрия разного рода зрелищ и развлечений, организуемых с большой роскошью. Популярностью пользовались праздники Длинной колбасы и Большого батона. Самая длинная колбаса была изготовлена цехом мясников в 1601 г. Она имела 26,3 метра в длину и весила 442,5 килограмма. При многочисленном скоплении горожан с музыкой и знаменами ее несли на плечах 103 человека в Кенигсбергский замок, где значительная часть колбасы была отдана властям в качестве новогоднего подарка. Затем процессия посетила бургомистров трех городов. Праздник окончился массовым колбасным угощением.

Отмечались также праздники дегустации пива (в замке), масленицы, ярмарочного вола. Существовал весенний праздник — Первое мая, когда горожане уходили в лес и веселились ночь напролет, возвращаясь домой в первой половине следующего дня. Были просто праздничные дни, когда члены различных цехов исполняли созданные ими самими танцы на площадках и улицах: например, кожевники плясали с мечами, столяры с топорами и т. п. Организация массовых развлечений имела социальный смысл, отвлекала людей от тягот жизни, создавала видимость единения и отсутствия классовой вражды.

После смерти Георга Фридриха в 1603 г. правление Пруссией перешло в руки бранденбургских курфюрстов. В 1605 г. администратором герцогства и регентом в Пруссии становится Йоахим Фридрих. Через год его сменил сын Иоганн Сигизмунд, женатый на дочери недееспособного Альбрехта II. В 1609 г. он получил опеку над тестем, а в 1611 г. был официально пожалован властью над Пруссией. Это означало закат правления в Пруссии ансбах-байройтской линии Гогенцоллернов и замену ее бранденбургской линией. После смерти Альбрехта Фридриха в 1618 г. два территориально разъединенных государства объединились. Положение Пруссии в европейских межгосударственных отношениях резко изменилось. Внешняя политика Пруссии оказалась подчиненной интересам Бранденбурга. «Теперь не прусское правительство в Кенигсберге, а тайный советник курфюрста был для Пруссии решающей внешнеполитической инстанцией»¹²⁵. С присоединением Пруссии расширились вла-

дения Бранденбурга. К тому же курфюрсты получили великолепный центр торговли в Кенигсберге.

Нельзя сказать, что прусские сословия, особенно дворянство, благосклонно взирали на укрепление территориального и политического союза с Бранденбургом. В борьбе за самостоятельность они использовали свое право на утверждение налогов. Их оппозиционная деятельность была столь успешной, что к концу правления курфюрста Георга Вильгельма (1618—1640 гг.) союз двух немецких государств грозил распасться.

В этой обстановке бранденбургские правители все больше укреплялись в мысли, что для упрочения Бранденбургско-Прусского государства и подавления оппозиции необходимо использовать старые, унаследованные от тевтонских рыцарей методы насилия и пренебрежения к историческим правам прусских сословий. Главной и надежной опорой власти курфюрстов могла быть военная сила.

Георг Вильгельм не успел создать сильную армию. К концу его жизни она насчитывала всего 4650 человек, используемых в основном для охраны разбросанных земель государства. Между тем в 1618 г. вспыхнула первая общеевропейская война между протестантами и католиками. Она началась с восстания в Чехии против ставленников Габсбургов. Чешские протестанты, собравшись с духом, выкинули из окна пражского Града двух высокопоставленных чиновников императора. Как от искры вспыхнул пожар, перекинувшийся на другие страны и бушевавший над Европой 30 лет. Под знаменем католицизма выступали папа, испанские и австрийские Габсбурги. Союз протестантских государств (Швеция, Дания, Чехия, Голландия, ряд немецких государств, принявших Реформацию) возглавила Швеция во главе с королем Густавом II Адольфом. Война велась главным образом на территории германской империи и принесла неисчислимые беды народам, населявшим ее, смела с лица земли целые города и поселки, разорила дотла земледельцев, превратила в зону пустыни огромные пространства. Население Чехии, поднявшее знамя борьбы против засилия Габсбургов, было почти уничтожено.

Неизвестно как бы закончилась эта неимоверно долгая война, если бы на стороне противников папы и императора не выступила Франция, которая у себя предавала протестантов огню, но страстно ненавидела Габсбургов. В этом факте вероотступничества не было ничего удивительного. И немецкие князья тоже нередко поступались своей верой и сговаривались с врагом, если им казалось это выгодным. Также действовал и курфюрст Георг Вильгельм. В 1631 г. он вступил в военный союз со Швецией. А в 1632 г. порвал его и заключил мир с германским императором, не без основания опасаясь, что король Густав II Адольф (зять курфюрста) может захватить Померанию, если Пруссия будет постоянным проходным двором для шведских войск.

В боевых действиях прусские солдаты участвовали мало и неохотно, что в значительной степени объясняет, почему герцогство пострадало меньше других.

Наибольшее искусство дипломатии и закулисных сделок с целью укрепления власти Бранденбурга в Пруссии проявил курфюрст Фридрих Вильгельм (1640—1688 гг.), которого современники по справедливости называли Великим. Его внешняя политика маятника в конечном счете помогла Пруссии ликвидировать ленную зависимость от Польши.

Курфюрст создал армию, насчитывавшую уже 22 тысячи воинов. Чувствуя себя достаточно сильным, он решил обуздать непокорные прусские сословия. Это было необходимо сделать, чтобы пополнить оскудевший во время войны государственный бюджет за счет введения комбинированного налога на потребление, ремесло и подушный, против чего прусское дворянство категорически возражало. Семь раз пришлось Фридриху Вильгельму переносить созыв всеобщего ландтага, пока наконец 26 июля 1653 г. он не получил от прусских сословий 530 тысяч талеров, выколоченных главным образом из крестьян. Деньги ему были даны на шесть лет, но курфюрст, имея боеспособную армию, сделал налоги постоянными, назвав их контрибуцией. В городах он ввел акцизный налог, то есть косвенный налог на продажу, ремесло, проезд через городские ворота и т. д.

В 1655 г. Фридрих Вильгельм образовал Генеральный военный комиссариат, ответственный за сбор налогов, а также выполнявший функции чисто военного ведомства по снабжению армии и ее финансированию. Постепенно комиссариат превратился в центральную власть по управлению не только сбором налогов и армейскими делами, но и хозяйственной жизнью Бранденбургско-Прусского государства. Комиссариат создал свои структуры в провинциях, включавшие в себя военных и налоговых комиссаров и советников. В 1701 г. они стали называться ландратами. С годами их деятельность расширялась, и ландраты превратились в полицейскую власть и представительства королевской власти в своих округах.

Когда Фридрих Вильгельм умер, его преемник курфюрст Фридрих III в ходе причудливых политических комбинаций получил от императора, нуждавшегося в его помощи в предстоящей войне за испанское наследство, разрешение на объявление прусского герцогства королевством, а себя — королем в Пруссии — Фридрихом I. Папа не пожелал признать королем преемника того герцога, который в свое время был предан анафеме, и еще долго, вплоть до середины XIX в., в Риме его именовали курфюрстом бранденбургским, хотя к этому времени титул «король в Пруссии» был заменен титулом «король Пруссии».

Произошло это путем нехитрой операции: присвоения названия Пруссия всему Бранденбургско-Прусскому государству. Прусское герцогство стало провинцией, отделенной от основной

государственной территории польскими землями. Таким образом, как указывает Фриц Гаузе, «...была Пруссия, в которую входили Берлин, Магдебург, Минден и Клеве, а позднее Рейнланд и Вестфалия, и была провинция с тем же названием»¹²⁶.

Когда последовали разделы Польши (между Россией, Австрией и Пруссией) в 1772, 1793 гг., провинцию разбили на две территории — Восточную Пруссию и Западную Пруссию, представлявших область бывшего орденового государства. Впоследствии территория провинции то сливалась в единое целое, то вновь разъединялась в зависимости от политических ситуаций.

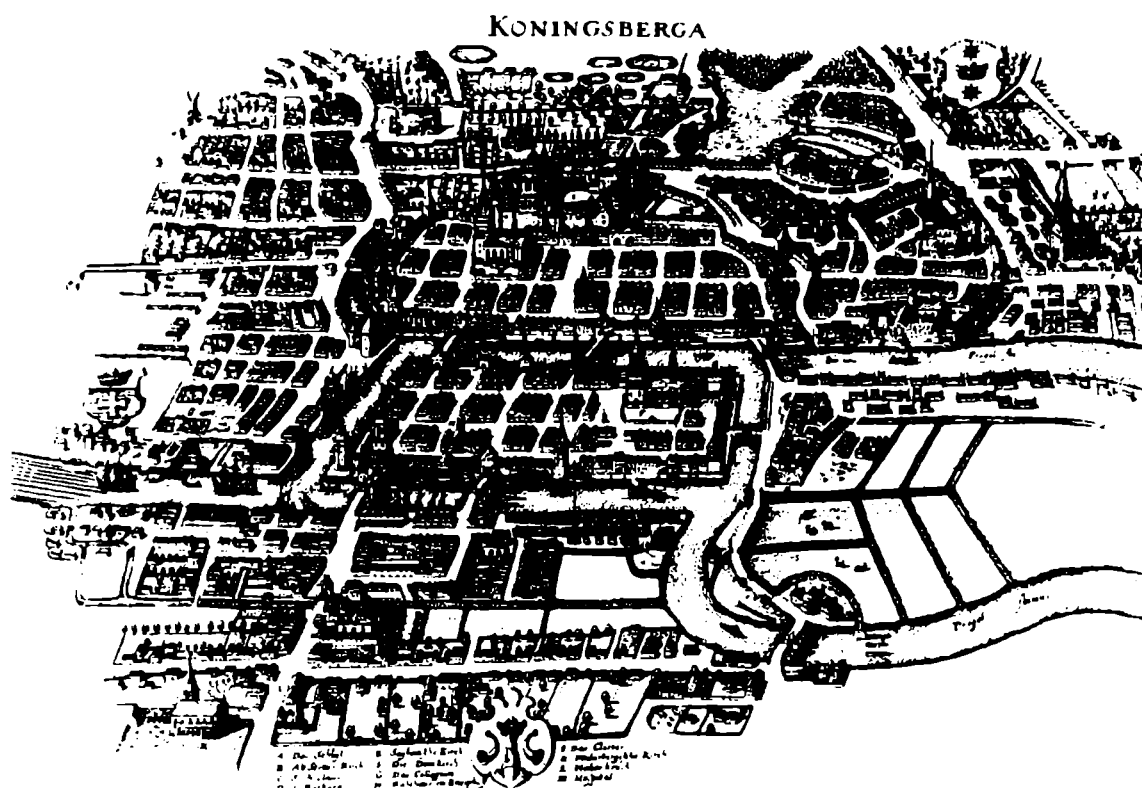
ФОРМИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОЙ ОБЩНОСТИ

дея полного завоевания прусской территории орденом была исчерпана в XVI в. Однако колонизация и освоение ее заняли практически еще триста лет, почти до конца XVIII в. Это была эпоха формирования немецкой нации за пределами Германии из немцев, поляков, литовцев, французов, голландцев и представителей других народов, образовавших единую общность — пруссаков. Смешение народов привело к тому, что на юге говорили по-мазурски, на северо-востоке по-литовски. А территория с литовскоговорящим населением стала называться Прусской или Малой Литвой. Однако с течением времени общим для всех пруссаков стал немецкий язык.

При орденовой колонизации осуществлялась во многом стихийно. Завоеванная земля предоставлялась в первую очередь участникам походов, западноевропейским дворянам и крестьянам. После падения ордена, начиная с герцога Альбрехта Бранденбургского, колонизация проводилась как акция правительственная, государственная. Колонистов «заманивали» посулами, льготами и всевозможными поощрениями, давали им дом, землю, инвентарь, оказывали финансовую поддержку, чтобы заложить «яйкос» (корень), без которого невозможно ни развитие экономики, ни самой жизни.

Проблема заселения восточнопрусских земель была одной из главных стратегических задач Гогенцоллернов, проблемой власти, ибо как гласит старая немецкая пословица: «Где ничего нет, там и император теряет свое право». Когда 8 ноября 1686 г.

План Кенигсберга. Маттеус Мариан, 1641 г.

Руины замка Бальга. Вид с севера на форбург.
С гравюры XIX в.

Замковая кирха в Королевском замке Кенигсберга. Вид с северо-востока, из замкового двора. Фото 30-х гг. XX в.

Печати факультетов университета Кенигсберга. Справа — юридического, слева — факультета теологии. Оттиски XVI в.

Печати факультетов университета Кенигсберга. Справа — факультета искусств, слева — медицинского. Оттиски XVI в.

Набережная Лаштади в Кенигсберге. С открытки начала XX в.

Старые склады с их торговыми марками. Набережная Хундегатт в Кенигсберге. Рисунок 1938 г.

D A S K Ö N I G S B E R G

курфюрст Фридрих Вильгельм поставил свою подпись под Потсдамским эдиктом, составленным на немецком, французском и голландском языках, и переправил несколько сот его экземпляров во Францию с целью пригласить преследуемых за веру гугенотов в Бранденбургско-Прусское государство, он понимал, что это может вызвать дипломатические трения с Людовиком XIV. Он смело шел на это, сознавая, что привлечение дополнительных людских резервов в страну укрепит ее экономическое состояние, а следовательно, и его положение как правителя. Соблазняя гугенотов большими привилегиями и льготами, созданием для них «всех условий для трудовой деятельности, в которой они обучены», курфюрст особо обращал внимание переселенцев на то, что если «кто захочет соорудить суконные, ткацкие, шляпные или другого профиля мануфактуры»... тот получит «все необходимые для этого свободы и привилегии», помощь «деньгами или иным способом» ¹²⁷.

Согласно положениям Потсдамского эдикта, французским гугенотам предлагались на выбор места поселения, безвозмездное предоставление строительных материалов для сооружения или ремонта дома, получение земельного участка или надела, налоговые льготы от шести до десяти лет, создание условий для проведения богослужений на их языке в соответствии с традициями. Курфюрст был очень заинтересован в том, чтобы привлечь в свое государство специалистов, деловых людей, «не лентяев», желательно имеющих побольше имущества, денег и товаров для продажи. Это не означало, что беднякам отказывалось в переселении. Бедняк бедняку рознь. Среди них насчитывалось много искусных ремесленников, толковых земледельцев. Общее число французских эмигрантов, нашедших приют в Бранденбургско-Прусском курфюршестве, по официальным документам при Фридрихе Вильгельме составило до двадцати тысяч, более десятой части всего населения провинции. Половина из них представляла квалифицированных ремесленников, искусных рабочих.

Руками французских гугенотов были построены в городах Бранденбургско-Прусского государства — Магдебурге, Франкфурте-на-Одере, Бранденбурге, Кенигсберге — шерстяные фабрики. Переселенцы возвели во владениях курфюрста первые чулочные и бумажные предприятия, наладили производство восковых свечей, зеркал, изготовление модных платьев, туалетных принадлежностей, принесли с собой искусство красить и тиснить материи. Они оживили или развили металлургию, железные и литейные заводы и т. д. Французские садоводы добились неслыханных ранее среди немцев урожаев плодов и овощей, украсив предместья городов обширными массивами фруктовых деревьев, заложили первые тутовые плантации.

«...Есть все основания говорить о том, что переселившиеся в Германию гугеноты были «импортированной элитой», которая своими передовыми способами производства и организационны-

ми знаниями дала важные импульсы к модернизации относительно отсталым немецким территориям, принимавшим их...» Трудно не согласиться с этим утверждением Томаса Клингебиля¹²⁸.

Так как французам не были указаны конкретные места для их поселения, то поначалу они оседали в небольших городах, надеясь проявить здесь лучше свою инициативу и предприимчивость. В Кенигсберге поселилось около 500 гугенотов (по переписи 1703 г.). К их общине принадлежали семнадцать зажиточных купцов, тринадцать парикмахеров, несколько врачей, учителей танцев, фехтования, преподавателей иностранных языков, позументщиков, бондарей, красильщиков. Начиная с 1686 г. гугенотские семьи селились в основном на улице Бурггассе, впоследствии названной Французской.

Во многих мелких городках не было достаточной базы для постоянной оседлой жизни, поэтому вскоре гугеноты стали искать более подходящие пристанища. Дворяне и чиновники, офицеры, представители интеллектуального труда, богатые ремесленники предпочитали селиться в Берлине и его окрестностях. После Тридцатилетней войны курфюрст перенес сюда свою резиденцию. В то время это был грязный деревянный город, насчитывавший около шести тысяч жителей. За счет переселенцев он быстро вырос, облагородился. Число его жителей увеличилось втрое.

Сначала все французские колонии рассматривались как составные части единого целого. Они имели своих судей, являвшихся главными управляющими в отдельных колониях, «французскую комиссию» в Берлине, которая контролировала их деятельность, свой французский верховный и апелляционный суд и другие управленческие структуры. Однако ассимиляционные процессы давали о себе знать под влиянием немецкого окружения. Постепенно отменялись привилегии и особое правовое положение французских поселенцев. В конечном счете часть из них возвратилась на родину, а другие пустили прочные корни на новой земле.

Великий курфюрст приглашал в страну, естественно, не только французов, но практически всех преследуемых. В связи с этим Реформация принесла Бранденбургу, пожалуй, больше всех пользы по сравнению с другими княжествами. Немало прибыло сюда голландцев. Большую помощь они оказали в разведении породистого скота, в осушении болот.

Король Фридрих I, хотя и непоследовательно, но продолжал политику колонизации. Самым значительным шагом его в этом направлении стало приглашение семи тысяч эмигрантов из Пфальца в Магдебург и его окрестности, а также примерно такого же количества переселенцев из Швейцарии, осевших в основном в Бранденбурге. Ужасная эпидемия чумы в Пруссии в 1709—1710 гг. потребовала от Фридриха I более широкого размаха действий, чтобы заполнить опустевшие зем-

ли, но у него не хватило для этого энергии и целеустремленности. Да и здоровье его шло на убыль. Меннониты, которых Фридрих взял под свою защиту, прибывшие в Пруссию из Швейцарии, были слишком малочисленной группой, чтобы говорить о ее способности возродить жизнь там, где прошлась чума. Ликвидация последствий эпидемии стала уделом нового короля Фридриха Вильгельма I.

Некоторые немецкие историки, характеризуя переселенческую политику Гогенцоллернов, считают, что она определялась не соображениями выгоды, а глубоко воспринятым ими долгом помощи терпящим нужду протестантским религиозным братьям. Конечно, кальвинистское вероисповедание династии Гогенцоллернов, в том числе Великого курфюрста, короля Фридриха Вильгельма I и Фридриха II, существенно влияли на их колонизаторскую деятельность. Например, патент короля Фридриха Вильгельма I, с которым он обратился к зальцбургцам 2 февраля 1732 г. с призывом переселяться в Пруссию, начинается именно с упора на религиозные мотивы приглашения:

«Мы, Фридрих Вильгельм... (следует перечисление всех его титулов), настоящим сообщаем, что мы из королевской и христианской жалости и сердечного сострадания к нашим религиозным братьям в архиепископстве Зальцбург, которые подвергаются жесточайшим притеснениям и преследованиям и принуждаются к выезду из страны за то, что не могут и не хотят отказаться от своей веры, решили протянуть им руку помощи, исполненную милосердия, и пригласить их в наши земли, и разместить их в отдельных ведомствах нашего королевства Пруссия, и обеспечить их всем необходимым...»¹²⁹

Однако, обещая всеми способами и средствами помогать евангелистам, защищая и утешая их, король был все-таки себе на уме. Рационализм преобладал в его действиях. Он наверняка помнил о подсчетах, изложенных Фридрихом I в своеобразном трактате о выгодах колонизации. Трактат носил форму вопросов и ответов.

«...Приносит ли это барыш?» — вопрошал король, имея в виду приглашение колонистов в страну на постоянное место жительства. И как дотошный бухгалтер на счетах доказывал, что сомнений на этот счет быть не может. «Со времени своего прибытия в Магдебург до 1708 г. включительно пришедшие из Пфальца колонисты стоили в общем 114 462 талера. Между тем на покупку и постройку домов они израсходовали, за вычетом пожалованных им ссуд и сделанных в их пользу ставок в ценах, 102 846 талеров из денег, привезенных ими из Пфальца или заработанных трудом. Их табачные и шерстяные фабрики, даже если принять во внимание только самые важные из них, именно те, которые работают для вывоза за границу, привлекли в страну 667 395 талеров. Наконец, иностранцы на одно только свое иждивение истратили около одного миллиона талеров... А посему те, кто дурно относился до сих пор к бедным

иностранцам, хорошо сделают, если прекратят свою вражду...»¹³⁰

Религиозные мотивы в действиях Фридриха Вильгельма I не мешали ему думать о практических выгодах колонизации. Он не хотел пускать к себе кого попало. Когда меннониты, уже поселившиеся в стране, стали протестовать против попыток короля призвать некоторых из них (в первую очередь имевших высокий рост) на военную службу, то он велел им убраться из королевства. Отступился король от своего решения только тогда, когда из Кенигсберга ему сообщили, что от выселения меннонитов пострадает сбор податей.

«Король-сержант» — называли Фридриха Вильгельма I за его приверженность к солдатам-великанам. Его вербовщики рыскали по всей Европе, отлавливая на службу королю «длинноногих молодцев», совершенно не принимая во внимание их принадлежность к той или иной религии. Но это, как говорится, индивидуальная особенность милостию божью Королевского Величества. В целом он многое сделал для устранения последствий чумы в Пруссии, унесшей 240 тысяч жизней, или половину ее населения. Впервые здесь была проведена внутренняя миграция населения, его перераспределение по округам и землям. Уже к концу 1711 г. половина из 10 800 опустевших крестьянских дворов в ведомствах Инстербурга, Тильзита, Рагнита, Гумбиннена была занята местными жителями. Кроме того, по данным Эрнста Фердинанда Мюллера, сюда переехали 12 тысяч изгнанных с родины зальцбуржцев (по другим источникам более 15 тысяч) и 248 швейцарцев, а также беженцы из Нассау и Пфальца¹³¹. Иммиграция выходцев из Нассау пришлось на два периода: 1712—1715 гг. и 1721—1725 гг. Об их количестве точных данных нет, но можно предположить, что число было невелико, возможно, несколько сот. Селились они большей частью в окрестностях Гумбиннена вместе с франкоязычными швейцарцами, связанные общностью религии. В 1713 г. специально для кальвинистов была построена здесь церковь. В районах Гумбиннена, Инстербурга, Рагнита, Пилькалена, Шталлупенена и Даркемена к 1734 г. поселилось 11 155 зальцбуржцев, из них немногим больше тысячи в городах¹³².

Религиозные беглецы из Зальцбурга претерпели все невзгоды своего небезопасного путешествия по морю и по суше до нового местожительства. Около тысячи из них умерло в пути от разных болезней и голода. К тому же появление зальцбуржцев на прусской земле также не было беспроблемным. Местное население смотрело на них как на оккупантов, хотя, по выражению Теодора фон Шёна, «они показали местным жителям, что дало им провидение и как они это достойно разумного существа сумели употребить. Они являются основателями нынешней духовной и производственной культуры»¹³³.

Непривычный климат, питание, невзгоды в пути, ностальгия по родине — все это привело к тому, что «в первые два года

умерло 23 процента прибывших»¹³⁴. Однако постепенно жизнь поселенцев налаживалась.

Центром зальцбургских эмигрантов стал Гумбиннен. Король сделал его городом, даровал ему большие привилегии. В 1736 г. здесь расположилась палата государственных имуществ, из которой в 1818 г. вышло королевское восточнопрусское правительство. Экономика города ориентировалась на переработку сельскохозяйственного сырья. В Гумбиннене были построены самые крупные мельницы немецкого Востока, большие складские помещения, рассчитанные на 300 тысяч центнеров зерна. Зальцбуржцы усердно работали на земле, занимались скотоводством, изготавливали масло, сыры, разводили коней. С их помощью позднее возникли конезаводы в Тракенене, Гудваллене, Георгенбурге. Зальцбуржцы стали в Пруссии первыми сажать картофель, табак, которые ранее здесь не выращивались, применять некоторые виды новых сельскохозяйственных орудий (косы, сенные волокуши и т. д.). Они были хорошими виноделами, пивоварами, легко получали концессии на все виды деятельности.

Подавляющее большинство зальцбургских крестьян получили землю. Некоторые из них сумели купить себе участки и стали кёльмерами (т. е. крестьянами с кульмским правом), освобожденными от отработок в пользу государства. Остальные осели на королевских землях и должны были по определенным дням исполнять барщину¹³⁵. Чтобы облегчить материальное положение колонистов из Зальцбурга, прусское правительство продало их имущество, оставшееся на старой родине, и выплатило им вырученные деньги (к 1740 г. в общей сложности 355 903 талера).

Долгое время поселенцы из Австрии хранили традиции своих предков, носили национальную одежду, поддерживали земляческие отношения, имели свой союз, женились и выходили замуж только за своих. Однако постепенно процесс ассимиляции захватывал и их. И все же, став в конце концов прусскими немцами, зальцбуржцы до конца помнили о своей истории, поддерживали связи со старой родиной.

Следует обратить внимание и на такой аспект переселенческой политики в Пруссии. С 1719 по 1736 гг. сюда было переселено около 30 тысяч человек. Размещались они главным образом в восточной части королевства среди литовско-прусско-немецкого населения, которое проживало на этих землях и составляло большинство (почти 60 процентов) всех жителей.

После чумы половина опустевших крестьянских дворов оказалась заселенной родственниками погибших от эпидемии, в том числе жившими по соседству в Литве. Король при планировании расселения эмигрантов из Зальцбурга, Швейцарии и немецких княжеств дал указание о переселении части литовцев из одного поселка в другой, чтобы высвободить место для новых хозяев. Чем это было вызвано? Видимо, король исполь-

зовал одно из положений Потсдамского эдикта, составленного курфюрстом Фридрихом Вильгельмом, согласно которому «обветшалые дома, которые местными жителями не приводятся в должное состояние, должны перейти в собственность изгнанников, если последние проведут в них необходимые ремонтные работы. Для этого получают они безвозмездно строительные материалы и налоговые льготы на 6 лет»¹³⁶.

В Калининградском областном государственном архиве сохранились 64 грамоты на поселение зальцбуржцев и переселение литовцев. В девяти из них указана причина переселения: «недобросовестность», «небрежное отношение», «безалаберность»¹³⁷.

Перед нами две грамоты на поселение. Одна выдана 14 июля 1733 г. в Гросс-Нассавене переселенцу из Зальцбурга Хансу Дайбелю ведомством лесосплава на поселение в Будвечене. Другая адресована литовцу Томасу Бонатису, составленная тем же ведомством лесосплава, на поселение в Аукскаллене. В первой грамоте говорится: «Ханс Дайбель вступает во владение земельным участком, который ранее занимал Томас Бонатис, и получает все находящиеся на ней постройки. 1. Постройки должны быть отремонтированы весной 1734 г. 2. Он получает во владение следующий скот: две лошади, два быка, две коровы. Этот скот приобретается для него за счет королевской казны. Предыдущий хозяин забирает свой скот в Аукскаллен. 3. Из хозяйственного инвентаря он получает повозку (шесть талеров), плуг (стоимостью четыре талера), железную борону (один талер) и один талер на посуду...»

Далее следует перечисление выдаваемых Дайбелю посевного материала (тридцать шеффелей ржи, девять шеффелей ячменя, двадцать шеффелей овса, один шеффель гороха), продуктов питания на семерых взрослых и одного ребенка, указывается, что он освобождается от арендной платы на два года с Троицы 1734 г. до Троицы 1736 г. Грамота напоминает, что новый хозяин «должен не только содержать постройки и приусадебный участок в хорошем состоянии, но и приложить усилия для лучшего возделывания поля и увеличения количества скота, а также вести себя в соответствии с милостивыми предписаниями его королевского величества, которые приличествуют доброму и дельному хозяину...»¹³⁸. Грамота утверждена в Гумбиннене 25 февраля 1734 г. королевской прусской литовской депутацией из четырех человек.

Вторая грамота, выданная Томасу Бонатису, гласит: «Томас Бонатис, занимавший участок в Будвечене, переселяется в Аукскаллен, на участок, принадлежавший прежде Кобайрису (наверное, умершему) и получает вместе с тем постройки: жилой дом, амбар, два сарая (новостройки), хозяйственный инвентарь (повозку, плуг, борону)...»¹³⁹.

Бонатису так же, как и зальцбуржцу Хансу Дайбелю, выдавался посевной материал, но он обязывался в первый год за-

сеять оба участка: и в Будвечене и в Аукскаллене. Скот и продукты ему не полагались, так как он их имел, но от арендной платы освобождался также на два года.

Части зальцбуржцев передавалась половина владений ранее переселившихся сюда крестьян из Нассау.

Переселенческая деятельность Фридриха Вильгельма I была успешной. Население Пруссии при нем выросло вдвое, приблизительно до 600 тысяч человек ¹⁴⁰.

Особый период в истории колонизации Пруссии связан с правлением короля Фридриха II. Он придал этому процессу плановый характер. При нем переселенческая политика приобрела чисто экономический и военный характер. «Фридрих решил сделать колонизацию такой же отдельной отраслью прусской администрации, как сбор податей или набор ополчения. Палаты отдельных провинций, представлявшие собой административные учреждения на коллегиальном начале, должны были собрать точные сведения о нуждах своих областей, составить списки пустых домов и покинутых участков земли, определить число колонистов, которые могли бы найти себе место в их округах и методически занести все эти сведения на столбцы особых подробных таблиц: образец этих таблиц был выработан самим королем, и он тщательно их изучал...» ¹⁴¹. При этом расходы на колонизацию в основном ложились на провинции. Король выделял ссуды, но не был щедр, заявляя, что «он беден» и «у него нет ни гроша».

Фридрих II для облегчения вербовки колонистов провинциальным палатам учредил во Франкфурте-на-Майне и в Гамбурге специальные агентства, которые печатали объявления в газетах о льготах переселенцам, направляли особых служащих в различные уголки Европы для ведения нужной пропаганды. Вербовщиков привлекали места, где случались большие пожары, возникали голод, эпидемии, «где государи с ничтожным бюджетом разорялись, тщась сравняться в роскоши с двором Людовика XIV». По совету Фридриха вербовщики вели себя в странах пребывания исходя из обстановки: осторожничали там, где королю не хотелось портить отношения с иностранными правителями, и не церемонились, если опасаться было нечего, пренебрегая обвинениями «в преступной деятельности эмиграционных агентов и эмиссаров». Особенно беззастенчиво они вели себя в Польше. Когда несколько познанских магнатов (дело было в 1769 г.) пытались помешать отъезду в Пруссию самых квалифицированных и добросовестных работников, Фридрих II со свойственной ему импульсивностью и решительностью направил для наведения порядка три полка, которые перебили кучку поляков и увели с собой переселенцев.

Правдами и неправдами королю удалось заманить в страну около 130 тысяч новых переселенцев. Больше других их получил Бранденбург. Восточная Пруссия пополнилась, по крайней мере, пятнадцатью тысячами колонистов.

Большой ущерб Пруссии нанесла Семилетняя война, уменьшив ее народонаселение почти на 70 тысяч душ. Однако энергия Фридриха II быстро восполнила потери. «Люди против него вопили до самого светопреставления», но, не слушая ничьих советов, отдавая строгие приказания, король делал свое дело.

История колонизации Пруссии при Фридрихе II тесно связана с его военной политикой. Расширяя границы своего государства силой оружия, он понимал, что удержать в составе королевства захваченные территории невозможно без их быстрого освоения и онемечивания.

Примером может служить Силезия. Заселенная в средние века славянами, расположенная на северном склоне Карпат, гранича с Чехией и Польшей, частью территории она вклинилась между Берлином и Познанью. В 1526 г., когда Габсбурги стали чешскими королями, Силезия вошла в состав владений Австрийского дома. Стратегически для Австрии это был великолепный плацдарм для распространения своего влияния и власти в сторону юго-восточной Германии, верхнего течения Эльбы и Одера, захвата Баварии и т. д.

Однако Габсбурги оказались с позиций того времени недалекими политиками. Вместо того чтобы упрочить свое владычество над Чехией и Силезией, они истощали силы в Италии и Испании, пытаясь приобрести здесь новые территории.

Фридрих II внимательно следил за поведением Габсбургов. И как только представилась возможность (умер король Карл VI) и встал вопрос об австрийском наследстве, он немедленно, без объявления войны Австрии, напал на Силезию и в несколько месяцев завоевал ее, увеличив на треть территорию Пруссии. Не будем говорить о нравственной стороне действий прусского короля, историки все равно не перестанут его именовать Великим за его полководческий и организаторский талант и философский склад ума. Быстрый захват Силезии повлек за собой столь же быстрые административные и экономические меры по закреплению ее за Пруссией. Провинция находилась в запущенном состоянии, города и села опустели. Семилетняя война добавила разрушений. Но как только представилась возможность, Фридрих принялся за дело. Специальными указами он открыл двери для переселенцев, заставил губернатора провинции заняться осушением болот, в результате здесь были введены в строй огромные массивы плодородных земель, на которых возникли новые деревни.

Наиболее известен указ короля под названием «Высочайшая декларация», в силу которой «должны быть построены новые деревни в удобных местах, при широкой помощи наличными деньгами, которую Его Величество всемилоостивейше соизволил оказать землевладельцам»¹⁴². Кроме льгот и финансовой поддержки указ сулил колонистам личную свободу, заботу о школьном обучении, обязывал верных вассалов построить для переселенцев одну или несколько деревень, выделить наделы и

т. д. В результате Силезия значительно уплотнилась, приобрела десятки тысяч новых обитателей, в том числе немцев, французов, итальянцев, немного греков. В провинции Пруссия главными поселенцами продолжали оставаться, кроме немцев, поляки и литовцы. Фридрих пытался даже поселить на прусскую землю цыган, но не преуспел в этом.

В итоге за свое сорокашестилетнее царствование Фридрих II приобрел за счет эмигрантов из других стран триста тысяч новых подданных. Население восточной провинции к 1805 г. выросло до 988 тысяч человек. Дальнейший его рост или уменьшение, пропорции в структуре определялись главным образом естественными причинами.

Военные потрясения, территориальные потери в отдельные периоды последующей истории провинции еще серьезно влияли на численность ее жителей. Но в мирное время количество их в пределах постоянного обитания быстро восстанавливалось и даже существенно увеличивалось. Например, в период военной катастрофы 1806 г. и оккупации Восточной Пруссии наполеоновскими войсками население ее уменьшилось на сто тысяч человек, однако к 1816 г. на столько же увеличилось. К 1867 г. число жителей Восточной Пруссии составляло 1,8 миллиона человек ¹⁴³.

Все это не означало прекращения миграционных процессов. Но они в основном приобрели характер сообщающихся сосудов: выезд из Восточной Пруссии компенсировался въездом в нее. Стабильной оставалась внутренняя миграция, хотя постепенно, особенно в XX в., наметился отток сельского населения в города из районов крупного землевладения (Бартенштайна, Фишхаузена, Растенбурга, Велау и т. д.). Причинами являлись бурное развитие промышленного производства и рост городов.

Такова фрагментарная история формирования немецкой общности на территории Пруссии.

СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

отношения между Тевтонским орденом и Русью были долгое время враждебными, что

объяснялось непримиримостью вероисповеданий и стремлением крестоносцев распространить свое влияние на православных схизматиков (раскольников), считавшихся хуже еретиков и язычников. Вместе с тем существовали партнерские торговые связи Великого Новгорода, Пскова с городами ордена, входившими в Ганзейский торговый союз в XIV—XV вв. (в основном с Ригой и Кенигсбергом). Эти связи были ограничены и зависели во многом от политических взаимоотношений Польши, Литвы и ордена. Их интересы часто не совпадали, в том числе и в сфере торговли. Каждая из сторон претендовала на контроль за продвижением товаров в русские земли и их встречным поступлением на свои рынки. Явная дискриминация российских интересов в значительной степени объяснялась междоусобицами и разобщенностью русских княжеств, отсутствием у них постоянных внешнеполитических связей и контактов с Пруссией, которая уже тогда оспаривала с Польшей монополию на транзитные пути в Россию.

Во второй половине XV в. и в начале XVI в. наметились перемены. Начался активный процесс формирования Российского централизованного государства, во главе которого стоял великий московский князь Иван III Васильевич (годы правления, 1462—1505). В этот период Тевтонский орден находился в состоянии тяжелого упадка. Торнский мирный договор 1466 г. нанес ему сокрушительный удар, превратив в вассала польского короля. С тех пор Тевтонский орден в Пруссии и его отделение в Ливонии (с центром в Риге) оказались втянутыми во внешнюю политику Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Эти страны, объединенные династической унией,

были главными внешнеполитическими соперниками молодого Московского государства на западе. К ним следует отнести и Ливонию, граничившую с псковско-новгородской территорией.

В течение многих лет Иван III боролся с Польшей и Литвой за возвращение западных русских земель, оказавшихся в XIV в. под властью литовского князя. В 1492—1493 гг. это вылилось в пограничную войну. С целью потушить конфликт в Вильно возникла идея женитьбы литовского великого князя Александра Казимировича на дочери Ивана III Елене. Во время русско-литовских переговоров о мире и браке 3 мая 1493 г. в Москву неожиданно приехал посол Конрада Мазовецкого Ян Подося с предложением выдать Елену за литовского князя. Посол сообщил, что его государь — «один человек» с гроссмейстером ордена в Пруссии и что они вместе хотят «стать соодиного» на «Казимировых детей» и предлагают Ивану III присоединиться¹⁴⁴.

Предложение заинтересовало Ивана. Для детального обсуждения условий соглашения он отправил в Мазовию В. Г. Асанчука-Заболоцкого и своего любимого дьяка Василия Третьяка Долматова. По пути к мазовецкому князю послы должны были посетить в Кенигсберге гроссмейстера ордена и выяснить, не намерен ли он обратиться за помощью к Ивану III, чтобы добиться возвращения Данцига, Торна (Торуня) и других городов в низовьях Вислы и освобождения от вассальной зависимости. Миссия Заболоцкого и Долматова 1493 г. могла бы привести к установлению дипломатических связей между Кенигсбергом и Москвой, но она оказалась неудачной: вероятнее всего московских послов не пропустили через Ливонию, и поэтому им пришлось вернуться¹⁴⁵. Тем не менее в начале 1490-х гг. наметилась основная точка сближения внешнеполитических интересов России и ордена в Пруссии — обоюдное стремление одолеть польско-литовского противника, чтобы добиться своих государственных целей.

Удачной в связи с этим для Московской Руси стала война с Литвой и Ливонией в 1500—1503 гг. В результате к России отошла территория бассейна р. Десны, верховье Днепра и нижнего течения р. Сожь с 70 волостями и 25 городами, в том числе — с Брянском, Рыльском, Путивлем, Черниговом. Сложился удобный плацдарм для дальнейшего наступления на Смоленск. Условия русско-литовского и русско-ливонского перемирия, заключенного сроком на шесть лет в 1503 г., не удовлетворяли Литву. Александр Казимирович добивался их пересмотра. Смерть Ивана III 27 октября 1505 г. оживила надежды литовского князя. В письме к магистру Тевтонского ордена в Ливонии Вальтеру фон Плеттенбергу Александр убеждал его в том, что «наступило удобное время соединенными силами ударить на неприятеля веры христианской, который причинил одинаково большой вред и Литве и Ливонии»¹⁴⁶. Но магистр, хорошо помня недавние неудачи, не поддержал князя.

На московский престол вступил сын Ивана III и византийской царевны Софьи Палеолог Василий III Иванович. Он был сильным монархом, последовательно и успешно продолжавшим до самой смерти в 1533 г. политику, завещанную его великим предшественником. Положение изменилось и в Литве: 20 августа 1506 г. умер великий князь Александр (после смерти в 1501 г. его брата, польского короля Яна I Ольбрахта, он был также и королем польским, восстановив тем самым унию обоих государств). Престол некоторое время оказался свободным. На него претендовал Василий III как брат жены покойного монарха, но безнадежно. Не оправдались расчеты на корону и самого влиятельного среди литовско-русских магнатов князя Михаила Львовича Глинского. Литовская знать, опасаясь возможного обрусения Литвы, поддержала кандидатуру Сигизмунда I — младшего брата покойного. Он и стал королем польским и великим князем литовским до 1548 г.

Почти сразу же после коронации литовский сейм в феврале 1507 г. принял решение начать войну с Россией. С предложением о совместных действиях Сигизмунд обратился к Плеттенбергу. Тот, хотя и был человеком воинственным, воздержался от активной помощи. К тому же гроссмейстер ордена в Пруссии Фридрих Саксонский, враждебно настроенный к Польше, советовал магистру в письме от 7 декабря 1507 г. не вступать в союз с Польшей против Москвы¹⁴⁷. Тем не менее Ливония оказалась втянутой в войну, которая никому не принесла успеха. Потому уже в октябре 1508 г. Россия согласилась подписать с Сигизмундом «вечный мир», подтвердивший русские приобретения в Литве в предыдущей войне. За «вечным миром» в марте 1509 г. последовало перемирие между Василием III и Ливонским магистром Плеттенбергом сроком на четырнадцать лет.

На ход военных действий мог повлиять мятеж князя М. Л. Глинского, поднятый им силами русского населения Литвы против Сигизмунда летом 1507 г. Василий III надеялся, что бунт Глинского подорвет власть короля и его военную силу, но мятежник проиграл и вынужден был в мае 1508 г. вместе со своим кланом перейти на службу к московскому князю.

Михаил Глинский известен в истории как человек незаурядный. Очень скоро он стал играть видную роль при московском дворе. В 1526 г. Василий III породнился с Глинским, взяв в жены во втором браке племянницу князя Михаила — Елену Васильевну. От этого брака родился будущий первый русский царь Иван Грозный. Важно отметить, что именно М. Л. Глинский стал инициатором установления постоянных дипломатических отношений между орденским государством и Россией при Василии III. И это не случайно. Московские придворные звали Глинского «немцем», видимо, за европейскую образованность, образ жизни и знание иностранных языков. В молодости в течение двенадцати лет он жил в Италии, Франции, Испании, одно время служил императору Максимилиану I, прославился как

полководец в армии саксонского курфюрста Альбрехта Мужественного, позже, в 1506 г., в армии литовского князя Александра одержал крупную победу над крымскими татарами. Глинский был другом сына Альбрехта Мужественного — Фридриха Саксонского, магистра Тевтонского ордена в Пруссии (1498—1510 гг.), поэтому хорошо знал основные политические проблемы и интересы ордена, старавшегося освободиться от унижительных пут 2-го Торнского договора. В 1510 г. орденские власти вели переговоры с королем Сигизмундом, чтобы урегулировать спорные вопросы с польской короной, но безуспешно. Тогда они решили обратиться за поддержкой к Москве, зная о напряженных русско-польских отношениях. Действительно, в это время Василий III уже готовился к войне за Смоленск. С целью политического зондажа из Кенигсберга в Москву осенью 1510 г. отправился доверенный человек М. Глинского, саксонский дворянин Кристофор Шляйниц.

Шляйниц был первым прусским дипломатом, посетившим Россию с официальной миссией в XVI в. Его поездка оказалась удачной: Василий III согласился принять орденских послов для переговоров. Однако на обратной дороге посланника ограбили, переписка Василия III и Глинского с орденом попала к Сигизмунду, и ему стало известно о планах противников. Что было в грамоте — трудно сказать, но, по-видимому, Глинский договорился с Шляйницем о его посылке в Силезию для набора наемников (рейтаров), которых Шляйниц и «привел через Лифляндию в Москву»¹⁴⁵.

Узнав о пропаже документов, в Москве 21 сентября 1511 г. составили новую «опасную грамоту» и переправили ее в Пруссию. Это самый ранний из русских документов по истории русско-прусских дипломатических отношений. Подлинная грамота хранится ныне в Берлине, в госархиве, а ее копия — в Москве. Задержка с отправкой грамоты связана, можно полагать, с тем, что в начале 1511 г. менялось руководство Тевтонского ордена — 13 февраля последним его магистром стал знаменитый реформатор, курфюрст бранденбургский Альбрехт Гогенцоллерн. «Опасная грамота» была адресована уже ему, хотя в Кенигсберг он приехал лишь в ноябре 1512 г.

Русско-польско-литовская война за Смоленск началась осенью 1512 г., как только Василий III узнал, что польский король уморил в темнице великую княгиню Елену Ивановну. Сразу же активизировалась европейская дипломатия. Император Максимилиан, давно боровшийся за венгерскую корону, принадлежавшую тогда брату польского короля Владиславу II Ягеллону, решил создать широкую антипольскую коалицию из империи, Тевтонского ордена, России, Дании (она с XV в. была в дружественных отношениях с Россией), Бранденбурга, Саксонии и Валахии.

Однако Сигизмунд принудил своего племянника гроссмейстера Альбрехта подписать соглашение о совместных действиях

против врагов Польши. Узнав об этом, в январе 1513 г. император потребовал от гроссмейстера не помогать королю. Альбрехт был в нерешительности. Новый поход Василия III на Смоленск летом 1513 г. подтолкнул его начать подготовку к войне и пойти на сближение с Максимилианом. Тот, в свою очередь, направил военную помощь Москве — из Любека отплыл «отряд пехоты, орудия и несколько итальянцев, опытных в осаде крепостей»¹⁴⁹, — и посольство во главе с Георгом фон Шнитценпаумером, которое в начале 1514 г. побывало в Кенигсберге, а 2 февраля прибыло в Москву. Здесь был подписан русско-имперский союзный договор, направленный против Сигизмунда и предусматривавший возвращение ордену земель, потерянных им в 1466 г., а России — Киева и других древних русских городов. Независимо от того, как впоследствии выполнялись условия договора, сам факт его заключения стал крупным событием в русской истории, так как выводил молодое Российское государство на уровень партнерских отношений со Священной Римской империей*.

29 июля 1514 г. русские приступом взяли Смоленск. Это побудило Альбрехта окончательно занять твердую антипольскую позицию. Его не смутило даже последовавшее вскоре довольно крупное поражение русских войск под Оршей и запугивания в связи с этим со стороны Сигизмунда. Между Альбрехтом и Василием III завязалась переписка через ливонского магистра. 22 мая 1515 г. в одном из ответных писем Василий дал принципиальное согласие на заключение военного союза с орденом против польского короля. Одновременно московский государь продолжал обмениваться дипломатами со своими союзниками. Он отправил русских послов к датскому королю, а также имперских послов, а с ними А. Г. Заболоцкого и дьяка А. Шекина — к Максимилиану. На обратном пути из Вены, летом 1515 г., Заболоцкий и Шекин побывали в Кенигсберге у Альбрехта. Тот просил передать Василию III его просьбу: принять своего доверенного человека Дитриха Шонберга. К сожалению, подробных сведений о визите русских послов в Кенигсберг в 1515 г. отечественные архивы не сохранили.

В русско-прусском сближении существовали, конечно, свои проблемы, особенно для ордена. Россия была вынужденным союзником, в некотором роде необычным, даже неудобным, и в

* Ратификационная грамота о союзном договоре была составлена за подписью Максимилиана 14 августа 1514 г. В ней впервые император назвал великого князя Василия III цезарем (т. е. императором). Впоследствии этот документ несколько раз использовался в политических целях Иваном Грозным для доказательства законности принятия титула царя; Петром I (когда по его распоряжению в 1718 г. грамота впервые была опубликована на русском, французском, немецком и голландском языках и разослана многим иностранным дворам) — в целях подготовки общественного мнения к принятию титула императора. В настоящее время эта грамота вместе с великолепной золотой печатью с изображением императора на троне хранится в Москве, в Государственном архиве древних актов, среди имперских дел.

то же время в сложившейся ситуации крайне необходимым. Альбрехт старался не предавать огласке намечавшееся сближение, был озабочен тем, что о нем узнает Ватикан, и поэтому еще в апреле 1515 г. просил прокуратора ордена при папе Иоганна Бланкефельда убедить курию в том, что слухи о наметившемся союзе с православным московским князем не верны¹⁵⁰. Неожиданным фактом закулисной дипломатии для ордена стала беспринципная позиция императора Максимилиана.

Летом того же года на конгрессе в Вене, где присутствовал Сигизмунд и его брат, венгерский король Владислав, было решено, что после смерти Владислава (а он умер в следующем году) права на Чехию и Моравию перейдут к наследникам Максимилиана. Его внук Фердинанд женится на дочери Владислава Анне, а король Сигизмунд возьмет в жены внучку императора итальянскую принцессу Бону. Фактически помирившись с Сигизмундом, Максимилиан обещал ему выступить посредником в установлении мира с Россией и заставить Альбрехта принести присягу польской короне¹⁵¹. Имперская политика по отношению к ордену и Польше изменилась на диаметрально противоположную.

Решения Венского конгресса побудили власти ордена ускорить переговоры с Россией, которая теперь оставалась самым важным союзником. Ближайший советник и друг Альбрехта Дитрих Шонберг писал по этому поводу: «Если Польша помирится с Москвой, то орден не может ждать ничего другого, кроме как поклясться жить в мире или уйти прочь»¹⁵². В январе 1516 г. в Кенигсберг приехал русский посланник дьяк В. Б. Тертин и сообщил о согласии Василия III принять официальных лиц магистра для решения вопроса о военно-политическом союзе и совместных действиях. Стало ясно, что Москва намерена продолжать войну.

24 февраля 1517 г. в Москву прибыло первое орденское посольство с самыми широкими полномочиями. Его возглавлял все тот же Дитрих фон Шонберг*. Материалы об этом событии, так же как и о других дипломатических контактах между Россией и Пруссией в 1517—1520 гг., сохранились в наиболее полном объеме в виде посольской книги, составленной в то время в Посольском приказе и хранящейся теперь в архиве древних актов¹⁵³. Поэтому мы имеем возможность проследить во всех подробностях, как происходили переговоры.

Они велись с 26 февраля по 10 марта: С русской стороны в них участвовала «ответная комиссия», состоявшая из ближайших советников великого князя — казначея и печатника Юрия

* Этот человек оказывал очень большое влияние на политические взгляды Альбрехта, особенно на его внешнюю политику. Во время подготовки войны с Польшей он побывал во многих странах: кроме России — в Дании, Швеции, Франции, Англии, Италии, пытался расширить союз. Шонберг много сделал для выработки основных принципов независимой (прежде всего от империи) внешней политики ордена, а затем Прусского герцогства.

Дмитриевича Траханиота (Юрий Малый), думного дворянина Ивана Юрьевича Поджогина, дьяка Григория Меньшого Путятина. Основным предметом обсуждения были условия военного союза. Стороны довольно быстро выработали взаимоприемлемый вариант. Лишь однажды Шонберг был не согласен, когда ему предложили придать договору долговременный политический характер: быть «заодин» против всех последующих королей польских и великих князей литовских. Он ответил, что это в принципе невозможно, т. к. «государь мой римские церкви», как и польские короли¹⁵⁴. 10 марта была подписана в двух экземплярах договорная грамота, «и Шимборка (Шонберг) на грамотах... крест целовал», который он привез специально для этой цели; с русской стороны крест целовали боярин князь Дмитрий Владимирович Ростовский и боярин Григорий Федорович Давыдов. К договору была привешена золотая печать. Условия договора гласили: Василий III дает ордену деньги для найма и содержания 10 тысяч пехотинцев и 2 тысяч кавалеристов, причем деньги будут выделены только тогда, когда Альбрехт начнет военные действия, освободит свои города и «потщитца на Польскую землю ити, и наипаче к сердцу Польские земли, еже есть Кракову»¹⁵⁵.

Такие жесткие, с русской стороны, условия договора орден согласился принять, находясь в трудном положении. Но и Василия III тоже можно было понять — он реально оценивал обстановку и знал правила дипломатической игры. Во время прощальной аудиенции Шонберг хлопотал об освобождении «немчина Фефила» и некоего немца из Любека, попавшего в русский плен. Выяснилось, что Фефил — это придворный лекарь великого князя и отпустить его нынче «непригож» (впрочем, и позже его не отпустили, а в 1533 г. он находился рядом с умирающим Василием III), пленного же немца, было сказано, в порядке исключения князь отпустит, хотя в принципе это проблема русско-ганзейских отношений. На прощанье Шонберг получил богатые подарки: «платье», горностаевую шубу с бархатом, сорок соболей и две тысячи белок. 11 марта посольство выехало в Псков¹⁵⁶.

Для ратификации договора, вслед за Шонбергом, 26 марта 1517 г. отправилось посольство во главе с Дмитрием Давыдовичем Загряжским. Его помощники — подьячий Григорий Шемет Воробьев (для письма) и «толмач Митя» — переводчик Дмитрий Герасимов (один из самых просвещенных людей Василия III, прекрасный знаток латинского и немецкого языков, которым обучался в Ливонии, перевел много книг, в том числе латинскую грамматику и сочинение о кругосветном путешествии Магеллана; в 1525 г. он был с миссией в Риме, где его рассказ о России произвел большое впечатление и был записан Павлом Иовием)¹⁵⁷.

Путь посольства лежал по сложившемуся традиционному маршруту: Псков (здесь послов ждала 21 подвода), Ри-

га (для безопасного переезда через Ливонию послы имели проезжую грамоту Василия III на имя магистра Вальтера фон Плеттенберга о сопровождении посольства), Гребин (ныне — Гробиня близ Лиепай). В Гребин Загряжский приехал 30 апреля и ждал, как условились, больше трех недель Шонберга, который прибыл «в кораблике невеликом» за посольством. 24 мая, в воскресенье, все вместе выехали «на усть Ливы реки» в десяти верстах от Гребина, там сели на корабль, вышли в море, четыре дня ждали ветра и наконец причалили в Мемеле (Клайпеде). Здесь их уже ждал Альбрехт, приехавший накануне из Королевца (только так называли тогда русские Кенигсберг). После ратификации договора он сразу же вернулся в столицу. В разговоре с Загряжским Шонберг пытался убедить его в необходимости присылки денег ранее условленного срока, так как на перечеку русских серебряных монет на немецкие («кование денег») потребуется время. Загряжский, в соответствии с инструкцией, был непреклонен. Послы возвратились в Москву 12 июля.

Важнейшей задачей дипломатии Альбрехта теперь стало изменение условий получения денег от московского князя. С этой целью в Москве побывало несколько орденских посланников. С 25 августа по 20 сентября 1517 г. переговоры с русскими дипломатами вел Мельхиор Рабенштайн («честный мой дворный моршало, советник и любимый верный» — так перевели его чин и титул подьячие). В привезенной в Москву грамоте от 2 июля Альбрехт сообщал о намеченном на октябрь съезде гроссмейстера и польского короля при посредничестве императора, поэтому, как он пояснил, «нам безумно будет медлiti» и надо ускорить присылку денег: «Прошу убо смиреннейше, чтоб величество ваше... к начатию кования, или приготовления денег пятьдесят тысяч гривенок серебра чистого во Псков послал..., чтоб двадесят их достойны были золотово ренского»¹⁵⁸. Ответ магистру был дан ясный, но неутешительный: деньги не высылаются, но казна для него всегда готова, в том числе и во Пскове. С тем Рабенштайн и уехал.

С 21 марта по 17 апреля 1518 г. Москву вновь посетил Д. Шонберг. Ему удалось договориться с боярами о посылке денег для найма тысячи пехотинцев до начала орденско-польской войны. Кроме того, по просьбе гроссмейстера Шонберг получил грамоту для передачи французскому («голлийскому») королю Франциску I с сообщением о русско-прусском союзе. Это был первый русский официальный документ в истории русско-французских отношений. Шонберг договорился также о доставке Альбрехту русских кречетов (самых лучших соколов), сам же получил грамоту о свободной торговле в России*.

* Видимо, из разговоров с казначеем Ю. Траханиотом Шонберг вынес неверное впечатление о склонности Василия III к унии с католической церковью. Это побудило его написать дома специальную записку — сочинение о соединении церквей.

По обоюдному согласию вслед за Шонбергом 22 апреля 1518 г. в Пруссию выехал посланник дьяк Елизар (Елка) Сергеев. Затем во Псков с деньгами двинулся дьяк Иван Некрас Харламов. Условились так: Сергеев выяснит ситуацию на месте, и если Альбрехт действительно готов воевать с поляками, то немедленно сообщит об этом во Псков, и оттуда сразу будут высланы деньги для найма тысячи пехотинцев. Сергеев повез с собой две гривенки серебра (409 г) для пробы — сделать в Кенигсберге из одной гривенки чистые немецкие «пенязи», а из другой «смесные», а образцы привезти Харламову. В начале июня в Лабиау Сергеев встретился с Альбрехтом и узнал, что грессмейстер планирует начать войну лишь следующей весной. Посланник вернулся домой 1 августа. В результате даже просьба «господина магистра не главою только, но и всем телом смириться и преклониться и простретьсь»¹⁵⁹ перед великим князем не помогла — Василий III приказал Харламову вернуться из Пскова, а казну оставить дьяку Мисюрю Мунехину.

Чуть раньше в Москву прибыли имперский посол Франческо да Колло и папский легат Антоний де Конти. Они долго уговаривали Василия III помириться с Сигизмундом и присоединиться к борьбе с турецким султаном Селимом I, который в это время активно расширял свою империю. (В связи с этим 13 марта 1518 г. папа Лев X объявил пятилетнее перемирие между всеми христианскими монархами.) Кроме того, римский папа надеялся уговорить Василия III вступить в унию с католической церковью. В самый последний день 1518 г. Василий наконец согласился на перемирие сроком на год при условии сохранения за Россией Смоленска, но 12 января 1519 г. Максимилиан умер, и договоренность потеряла силу, да и ее условия были бы наверняка отвергнуты литовскими послами¹⁶⁰.

С другой стороны, летом того же года о примирении между Альбрехтом и Сигизмундом хлопотал в Кенигсберге папский легат Николай Шонберг (брат Дитриха), но тоже безрезультатно: Альбрехт был непреклонен¹⁶¹.

Между тем в Литве активно готовились к летней военной кампании 1519 г., собрали специальный военный налог с населения. Тогда Москву в третий раз посетил Д. Шонберг (9—27 марта). Он сообщил боярам о намерении римского папы принять русскую церковь под свое покровительство, возвести русского митрополита в сан патриарха, а великого князя короновать «как христианского государя». На эти предложения Василий III дал однозначно отрицательный ответ. Шонберг также хотел определенно знать, будет ли великий князь продолжать войну с королем или пойдет на перемирие. Бояре успокоили посла: Россия не намерена менять свою политику. Был решен и один частный, но примечательный вопрос об обучении русскому языку в Новгороде или Пскове одного немца по имени Вулкан Пога. (Еще раньше русским послам в Пруссии говорили, что у грессмейстера нет переводчиков с русского языка.)

Василий удовлетворил просьбу Альбрехта о пропуске, по возможности, папских послов через Россию в Персию, а также дал согласие продлить перемирие с союзником Пруссии Ливонией. На самую главную просьбу Альбрехта о деньгах («просит магистр ста тысяч гривен серебра чистого, или толко пенязей тое ж цены», как договорились с Е. Сергеевым в Лабиау) ¹⁶². Василий ответил традиционно и обещал прислать по этому вопросу послов Константина Тимофеевича Замыцкого и дьяка, переводчика Истому Малого.

Послы выехали 3 апреля 1519 г., 9 мая они были в Лабиау, где с 12 по 15 мая вели переговоры с Альбрехтом в орденском замке. Посольству было оказано наибольшее внимание, вплоть до того что, в нарушение русского посольского обычая, с умалением своего достоинства, гротсмейстер сам дважды являлся к послам для переговоров. Альбрехт объявил послам, что готов выступить против польского короля под Данциг не позднее 6 августа, сообщил о возможности помощи со стороны родственников, датского короля, ливонского магистра (проезжая через Ливонию, Замыцкий заметил, что магистр действительно «наряжается» на Литву). Альбрехт вновь попросил сто тысяч гривен серебра, общий вес которого был 18 тысяч 720 килограммов.

Русские послы надолго задержались в Пруссии, ожидая, по просьбе Альбрехта, приезда папского легата Н. Шонберга для того, чтобы вернуться домой со свежими новостями. Лишь 23 августа Замыцкий и Малый возвратились в Москву с настоятельной просьбой гротсмейстера прислать все обещанные деньги сразу.

Летом 1519 г. военные действия русской армии напоминали скорее демонстрацию силы, нежели серьезные акции, хотя отдельные отряды совершали глубокие рейды вплоть до Вильно. Свою главную задачу (Смоленск) Василий III, очевидно, считал выполненной.

2 августа пришло письмо от Альбрехта (от 17 июля) с сообщением о готовности начать войну и с прежней просьбой о деньгах. В ответ 16 августа в Пруссию выехал посланник царя дьяк Василий Александрович Белый. Он должен был убедиться, что война начата, и дать знать во Псков, когда высылать деньги. (Там, как и в первый раз, ждал с деньгами И. Харламов.) В сентябре В. Белый встречался в Фишхаузене с Альбрехтом.

Наконец в начале октября 1519 г. И. Харламов из Пскова выехал к ливонской границе большим обозом с деньгами и с конвоем. По Ливонии до Риги его сопровождали четверо местных князей, триста кавалеристов с пушками и пищальями, а также около двухсот человек «латыгалы на конях». В Ригу приехали 22 октября. Состоялась встреча русского посланника с магистром Плеттенбергом. Во время встречи магистру стало известно об отправке денег. Магистр вначале не поверил: «Яз дее живу у великого государя всеа Руси поближ магистра прус-

ского, а русской обычай знаю: словом сулят, а делом тому немочно сстатись». Но когда он убедился в правдивости сообщения, то «встал, да подняв руки к святым, молвил: слава тебе, Господи, что великий государь царь всеа Руси такое жалованье к высокому магистру учинил, достоин... нам всем за его жалованье ему головами своими служить»¹⁶⁴. По «Курской земле и по Жомотцкой земле и по Прусской земле» груз был доставлен в Мемель 30 октября. Это были деньги на сумму четырнадцать тысяч золотых вместо пятидесяти пяти тысяч, обещанных для уплаты за год тысяче ратным людям. В Кенигсберге были явно разочарованы, тем более что в ноябре 1519 г. Альбрехт наконец-то объявил войну Сигизмунду.

Русские посланники Харламов и Белый стали свидетелями первого периода орденско-польской войны и сообщили о ней в своих письмах. В письме от 2 января 1520 г. они рассказали о самой большой удаче гроссмейстера — взятии 1 января замка Браунсберг: в пятницу вечером после Рождества поляки «в бризборского бискупа места, село Бишевперт, пожгли и людей побили; и магистр ночи той да в субботу днем нарядясь, а с ним человек триста на конях да человек с двести пеших, ехав, городок Браунспорок взял, а тот городок от его городка от Палги (Бальги) пятнадцать верст, да и людьми своими тот городок осадил; и говорил нам магистр: «Ныне король меня задрал, и яз хочу за Пречистые земли стояти, сколько мне Бог поможет. А ныне, сказывают, король польской пришел под мой городок под Зулд, от Королевца полсемдесят верст, а с ним людей с восемь сот человек, и староста жомотцкой, сказывают, при нем. И магистр... пошел против его, а нас взял с собой, а говорил нам: вы поидите со мною да то увидите, как яз государю царю всеа Руси учну служить». 15 марта королевский городок Мелзак магистр «своими пушками так утеснили, что силою после его взяли» и около четырехсот человек убили, а перед тем «Фравенберх, в коем церковные люди многие жили... выжгли»¹⁶⁵.

Потом начались сплошные неудачи: 9 июня из Мемеля Харламов сообщает о действиях датских рыцарей и кораблей; об осаде поляками орденских городов; поляки «приходили на посад» (Понарт) Королевца (триста конников), «а хотели за реку перелезти», Альбрехт отбил, но его «мещане... не хотят против короля стояти» (во время этих событий Альбрехт отсылает из Кенигсберга в Мемель Харламова, — «тебя... взял у государя на свои руки, и яз хочу тебя у государя здорова поставить» — и брауншвейгского герцога), мещане «хотели мириться», но магистр был против (король знает, что «ему моей земли своим войском на копыте не снести») ¹⁶⁶. Посланник И. Харламов вернулся в Москву 24 августа (В. Белый раньше — 13 мая).

За это время в Москве побывал посланник гроссмейстера Мельхиор Рабенштайн (с 31 декабря 1519 г. — по 8 мая 1520 г.)

Пытался «выбить» все деньги, но смог добиться лишь обещания послать «пенязи» для найма еще одной тысячи пехотинцев, да и то без точно установленного срока доставки. Для поддержки ордена Василий организовал рейд небольшого войска 28 февраля под Витебск и Полоцк. Василий III явно медлил с действительной помощью, ожидая вестей из Пруссии, а там польский король к середине 1520 г. повсеместно стал наступать.

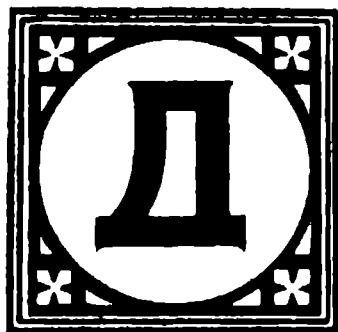
Об этом сообщил великому князю и прибывший 14 июня 1520 г в Москву орденский посланник Юрий Клингенбек. Назад он возвращался (12 июля) уже с Афанасием Моклоковым, который повез дополнительные «пенязи», да и то лишь до Пскова, где Моклоков должен был дожидаться возвращения русских посланников. Деньги к гроссмейстеру не попали. Его уже ничто не могло спасти. 5 апреля 1521 г. Альбрехт подписал четырехлетнее перемирие с польским королем. К этому времени начались и русско-литовские переговоры.

Поражение в войне 1519—1521 гг. заставило гроссмейстера Альбрехта пересмотреть всю политику своего государства и в конце концов пойти на секуляризацию ордена и превращение его в 1525 г. в светское герцогство.

В истории последних лет ордена немаловажную роль сыграла Россия. Вряд ли Альбрехт решился бы выступить против Польши, против вассальной зависимости от польского короля без русско-прусского военного союза. Благодаря поддержке Московского государства (прежде всего военной силой в Литве, а не деньгами) орден решился на независимую политику, имевшую далеко идущие последствия.

Что касается России, то для нее русско-прусские отношения первой четверти XVI в. стали ценным опытом для будущей балтийской политики, которую начал осуществлять сын Василия III царь Иван Грозный во время Ливонской войны.

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И БРАНДЕНБУРГ-ПРУССИИ В XVII В.

Двадцатипятилетняя Ливонская война (1558—1583 гг.) была первой серьезной попыткой России завоевать Прибалтику. Закончилась она, как известно, крупным поражением России, которая лишилась даже того не-многого, что имела на Балтике: Нарвы, Яма, Копорья, сохранив лишь узкий выход к морю в устье Невы, не приспособленный

ни для обороны, ни для торговли. Потеря балтийского торгового пути заставила царя построить в 1585 г. Архангельск на Белом море. Одновременно война привела к ликвидации враждебного России Ливонского ордена и усилила ее потенциальные политические и военные возможности. В конце XVI в. после непродолжительной схватки со Швецией Россия возвратила новгородские земли на Балтийском море, но во время польско-шведской интервенции и смуты начала XVII в. вновь их утратила. К тому же был потерян и Смоленск.

Таким образом, балтийский вопрос по-прежнему оставался одной из нерешенных крупных проблем русской внешней политики. Однако к середине XVII в. эта проблема на многие десятилетия отошла на второй план. Россия начала активную борьбу с Речью Посполитой за украинские и белорусские земли.

Весной 1648 г., когда шел третий год правления царя Алексея Михайловича, на Украине запорожские казаки под предводительством Богдана Хмельницкого подняли народ на освободительную войну против польского засилья. Первые крупные успехи повстанцев активизировали действия внешнеполитических противников польской короны. В 1649 г. русское правительство организовало подвоз продовольствия на Украину, а в начале следующего года русские послы в Речи Посполитой в небывало резкой форме потребовали от короля прекратить распространение книг с утверждениями о принадлежности многих русских земель Польше, возвратить Московскому государству Смоленск и другие русские города и уплатить пятьсот тысяч золотых, пригрозив реальной возможностью объединить силы Украины и России против Польши. В ответ на это была объявлена мобилизация шляхты («посполитое рушение»), а римский папа провозгласил польского короля защитником христианства. Война между Россией и Польшей становилась неизбежной.

К этому времени на берегах Балтийского моря в результате Тридцатилетней войны и Вестфальского мира 1648 г. утвердилось господство Швеции, которая стала одним из сильнейших государств Европы. Ей принадлежала вся Западная Померания, а в Восточной Померании — Штеттин (Щецин). Из германских княжеств более всего увеличил свои владения бранденбургский курфюрст и прусский герцог Фридрих Вильгельм, «Великий курфюрст» (1640—1688 гг.). Но он не чувствовал полного удовлетворения, так как Пруссия продолжала быть вассалом Польши. Секуляризация ордена, затем брачные сделки (бранденбургский курфюрст Иоахим Фридрих женился на дочери прусского герцога Альбрехта Фридриха — внучке знаменитого Альбрехта Бранденбургского, а сын Иоахима Фридриха, Иоганн Сигизмунд, стал мужем старшей дочери Альбрехта Фридриха) притягивали Пруссию к курфюршеству. А укрепление наследственного права верховной власти в герцогстве за потомками Альбрехта Бранденбургского (хотя и оспариваемое условиями Пруссии), политические и религиозные уступки Польше,

денежные субсидии сейму и придворным короля (некоторые историки называют это прямо взятками) позволили Иоганну Сигизмунду в 1618 г., после смерти Альбрехта Фридриха, даже объединить Пруссию с Бранденбургом в единое государство. При этом ленная зависимость герцогства от польской короны сохранялась, что тяготило позже Фридриха Вильгельма, и борьба за суверенитет герцогства была для него главной политической целью. Вот почему он, пытаясь окончательно освободить герцогство от ленных обязательств, стремится расширить круг потенциальных союзников, привлечь на свою сторону традиционных противников Речи Посполитой. Так вновь сложились условия, при которых у Пруссии (Бранденбург-Прусского герцогства) появилась необходимость в возобновлении партнерских отношений с Россией.

27 марта 1650 г. в Москву приехал первый в XVII в. посланник бранденбургского курфюрста Генрих Райфф. Судя по сохранившимся источникам, миссия Райффа была неожиданной для царя Алексея Михайловича. Для руководителей Посольского приказа, думных дьяков М. Ю. Волошенинова и А. И. Иванова, срочно подготовили справку о том, какое положение среди германских курфюрстов занимает Фридрих Вильгельм и в каких он отношениях с польским королем. В ней содержалась специальная оговорка: «а наперед сего ко государю от бранденбургского курфюрста посланцов не было». Любопытно, что Райфф приехал не один, а с женой. И это не случайно, так как для него поездка в Россию являлась возвращением на вторую родину: голландец Райфф около тридцати лет служил при царе Михаиле Федоровиче мастером золотых дел, в 1641 г. был отпущен в Голландию, но почти сразу же поступил на службу к курфюрсту Фридриху Вильгельму, около восьми лет служил ему судьей и комиссаром в Кроненберге (близ Кельна). В ноябре 1649 г. курфюрст отправил Райффа к русскому царю, учитывая прошлую жизнь этого человека.

Поводом для миссии Райффа послужило поздравление курфюрстом (несколько запоздалое, правда) царя Алексея Михайловича с вступлением на российский престол. Возможно, поэтому государь во время аудиенции 7 апреля встречал посланника в золотой палате на троне в полном царском наряде, что бывало далеко не всегда даже при приеме послов. По такому случаю царю привезли и богатые подарки: три немецких жеребца, янтарную шкатулку и шесть «росольников ентарных, оправлены золотом» («росольник» — глубокое блюдо с крышкой). Объясняя боярам причину запоздалого поздравления, посланник сказал, что еще раньше курфюрст собирался это сделать, но «добрая ево мысль... для войны не свершилась». Другая задача посольства: предложить «сосецкую дружбу», о чем сообщалось в грамоте Фридриха Вильгельма от 8 октября 1649 г. Преследовалась и еще одна цель миссии Райффа — договориться о покупке русской ржи в течение четырех или шести лет по две ты-

сячи ластов ежегодно (русский ласт XVII в. равен 72 пудам). В своем послании к царю курфюрст объяснил необходимость закупки ржи «хлебным оскудением» герцогства в результате «долгопротяжливой» (1618—1648 гг.) войны.

По всем вопросам стороны договорились. Одновременно посланнику пояснили, что с просьбой к царю о закупке хлеба обратились также Дания, Швеция и Нидерланды. И хотя в самой России на севере в Подвинье недород, а на юге страны «во многих местах хлеб саранча поела», царь в знак особого расположения к курфюрсту согласен продать ему рожь в Архангельске из царских хлебных запасов (посланник просил царя о более выгодной покупке хлеба у помещиков). Соглашение о хлебе предусматривало закупку ржи лишь через год: оказалось, что у курфюрста не были готовы корабли для перевозки зерна. Состоялась ли такая сделка? Документы Посольского приказа об этом молчат.

22 мая, прощаясь с первым посланником Фридриха Вильгельма, царь передал для курфюрста подарок — партию соболей на 700 рублей (кстати, подарки курфюрста были оценены в Москве в 480 рублей). Посланнику подарили сорок соболей стоимостью в 70 рублей. Так в 1650 г. возобновились дипломатические отношения между Россией и Бранденбург-Прусским герцогством ¹⁶⁷.

Россия готовилась к войне, которая в полную силу полыхала на Украине. В начале 1653 г. польские войска под командованием С. Чернецкого подвергли украинские земли опустошительному разорению. В этих условиях гетман Богдан Хмельницкий направил в Москву посланников с очередным предложением о воссоединении Украины с Россией. 14 марта Боярская дума вместе с царем приняли решение о принятии Украины под власть русского государя. Царская воля была закреплена приговором земского собора 1 октября. 8 января 1654 г. на большой Раде в городе Переяславле под Киевом национальное правительство совместно с представителями казачества и населения Украины в обстановке единодушия приняли исторический акт о воссоединении с Россией на правах автономии.

Тем временем русское правительство развернуло активную дипломатическую работу по созданию антипольского союза. Русские послы побывали во Франции, Швеции и Англии. В Голландии было закуплено оружие и боеприпасы, наняты офицеры. В 1654 году состоялись переговоры в Австрии с императором Фердинандом III. Им придавалось особое значение, так как в Москве надеялись, что император может повлиять и на курфюрстов, чтобы они польскому королю «ратных людей и никакой помощи не давали» ¹⁶⁸. Однако Фердинанд отказался от такого содействия и предложил царю помирить его с королем Яном Казимиром. Примерно такие же ответы привезли русские послы из других стран: католический мир склонялся к тому, чтобы скорее поддержать Польшу, чем Москву, а протестантские пра-

вительства не были заинтересованы в укреплении могущества огромной православной державы.

В 1654 г. с целью дипломатического зондажа в Берлин выехал русский посланник, подьячий Федор Порошин. Одновременно в Митаве вел переговоры с курляндским герцогом подьячий Иван Старого. 6 июля Порошин сообщил курфюрсту о начале русско-польской войны (официально она была объявлена Россией в октябре 1653 г.). Для доказательства справедливости решения России он привез с собой польские печатные книги, в которых «написано про великих государей и про все Московское государство многое бесчестье и укоризны»¹⁶⁹. Курфюрст, однако, не мог пойти на прямую поддержку царя в условиях вассальной зависимости от польского короля и предложил свое посредничество в урегулировании русско-польского конфликта*.

Военные действия на русско-польском фронте развернулись весной 1654 г. В течение года русские войска заняли большую территорию западно-русских, белорусских и литовских земель с городами Смоленск, Полоцк, Орша, Могилев, Гомель, Минск, Вильно, Ковно (Каунас), Гродно и другими. С 1655 г. царь Алексей Михайлович стал официально титуловать себя и великим князем литовским.

Резким ослаблением Польши решил воспользоваться давний ее противник шведский король Карл X, начавший летом 1655 г. войну против Яна Казимира (так называемая Северная война 1655—1660 гг.). Шведские войска овладели почти всей польской территорией, взяв Варшаву и даже Краков.

В этой обстановке курфюрст Фридрих Вильгельм понял, что настал его час, когда он может вырваться из-под опеки польской короны. Обманывая Яна Казимира, бежавшего из Варшавы в Верхнюю Силезию, обещаниями помощи, он в то же время стал налаживать связи с Карлом X¹⁷⁰. Одновременно курфюрст отправил в Вильно, где был тогда лагерь царя, посланника Лазаря Киттельмана (сентябрь 1655 г.) с предложением посредничества в русско-польских переговорах¹⁷¹. Фридрих Вильгельм серьезно опасался русского вторжения в Пруссию. Царь обещал не делать этого и, кроме того, запретить подобные действия Хмельницкому.

К этому времени наступление шведских войск приобрело опасный характер для России. Шведы откровенно замахнулись на русские интересы, стали занимать города, которые до этого взяли царские войска — Друю, Дриссу, попытались захватить Ковно. Шведский король предпринимал попытки склонить на свою сторону Б. Хмельницкого. Наконец, после того как литовский гетман Я. Радзивилл перешел в подданство шведского короля, оставаясь в то же время виленским воеводой, конфликт между Карлом X и русским царем достиг такой степени накала, что в неизбежности войны уже никто не сомневался.

* В Берлине был сделан портрет Порошина, хранившийся впоследствии в музее Гогенцоллернов.

Под влиянием главы Посольского приказа, крупного государственного деятеля XVII в. Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, царь решил сосредоточить свои силы для борьбы за Балтийское побережье. Русское правительство согласилось на временное перемирие с Польшей. В Данию был отправлен князь Д. Е. Мышецкий для того, чтобы склонить ее против Швеции. На обратном пути, в мае 1656 г., Мышецкий остановился в Пруссии для переговоров с курфюрстом Фридрихом Вильгельмом. Мышецкий предлагал курфюрсту совместно с Россией и Польшей выступить против Швеции. Но курфюрст уклонился от определенного ответа, так как еще 17 января в Кенигсберге подписал с Карлом X соглашение о союзе против Польши.

В мае 1656 г. после безрезультатных переговоров со шведскими послами в Москве Россия объявила войну Швеции и двинула свои войска из Полоцка в Прибалтику. В конце июля был взят Динабург (Даугавпилс), переименованный в Борисоглебов, затем Кокнес, ставший Царевичевым Дмитриевым городом, а 23 августа началась осада Риги. Незадолго перед этим, в начале августа 1656 г., в русском военном лагере побывал бранденбургский гонец Адам Шуберт. Он сообщил о том, что Фридрих Вильгельм направил к царю большое посольство и просил принять его.

С 24 августа по 24 сентября в русском лагере под Ригой проходили переговоры с бранденбургским послом бароном И. К. Эйленбургом. Это посольство было самым представительным по составу (около 70 человек), а переговоры, пожалуй, наиболее важными по содержанию принятых на них документов в истории русско-бранденбургских отношений середины XVII в. «...Они... открыли традиции прусско-русской дружбы и восстановили нити, протянутые между Пруссией и Россией в 1517 г. Дитрихом фон Шонбергом...»¹⁷²

На переговорах шла речь в основном о русско-шведских отношениях в свете подписанного 26 июня в Мальборке военного союза между Фридрихом Вильгельмом и Карлом X, за которым последовало еще одно соглашение в Лабиау (20 ноября 1656 г.), согласно которому Швеция признавала абсолютный суверенитет прусского герцогства и принадлежность ему Эрмланда. Однако этого курфюрсту было недостаточно. Он серьезно рассчитывал на содействие шведского короля в освобождении герцогства от ленной зависимости от польской короны. Он даже отважился на открытое выступление против Польши, возглавив свое войско в составе шведской армии в битве под Варшавой в июле 1656 г.¹⁷³ В этой битве поляки потерпели поражение, хотя вскоре Пруссия тоже испытала все ужасы войны.

Лавируя между двух огней, Фридрих Вильгельм через Эйленбурга предложил царю свое посредничество в урегулировании русско-шведского конфликта, дабы усилить военные позиции своего шведского союзника. К концу переговоров, когда стало ясно, что русские войска не смогут взять Ригу, а Карл

собирается с основными силами двинуться против русских в Ливонию, правящие круги России стали осознавать всю сложность положения и неподготовленность страны к решению балтийской проблемы, особенно в условиях незавершенной войны с Польшей. Правда, в Москве активные сторонники борьбы за Прибалтику продолжали еще верить в успех. Патриарх Никон даже благословил донских казаков идти морем прямо на Стокгольм.

Но большинство российских политиков реально оценивало обстановку. С учетом ее в лагере под Ригой посол Эйленбург и русские бояре подписали договор о взаимопомощи и свободной торговле. Он предусматривал одно взаимное обязательство — не помогать противникам во время войны. Предлагая «о вечном подтверждение договор учинить», Эйленбург сослался на давнюю пору дружественных отношений между двумя государствами и в качестве доказательств показал список договора 1517 г. гроссмейстера Альбрехта и великого князя Василия III. На вопрос, сохранилась ли подлинная грамота на русском языке, посол отвечал, что курфюрст «блюдет ее в своем княжеском сокровище дражае всех сокровищ» и это может подтвердить видевший ее князь Д. Е. Мышецкий. И, наконец, по традиции стороны обменялись богатыми подарками: царь получил большую золотую запонку с драгоценными камнями (жемчуг, алмазы, изумруды, яхонт), трех лошадей, пару пистолей искусной работы и часы с боем; курфюрста, посла и его большую свиту одарили соболями. Вместе с Эйленбургом царь отправил в Пруссию посланника И. А. Францбекова, подьячего М. Ф. Львова и переводчика А. Выберха¹⁷⁴.

Пока велись переговоры под Ригой, в Пруссии находился довольно длительное время русский посланник Григорий Карпович Богданов, участник многих дипломатических миссий в империю, в Швецию, Польшу, а позже входивший в состав делегации при подписании Андрусовского перемирия 1667 г. с Польшей. Его поездка связывалась с идеей возведения на польский престол царя Алексея Михайловича. Эта проблема обсуждалась на переговорах под Вильно между русской и польской посольскими комиссиями. Русские послы обосновали свое предложение тем, что польский король Ян Казимир в летах и не имеет наследников, кроме того, царь и так уже владеет Великим княжеством Литовским, то есть частью Речи Посполитой.

Перед Г. К. Богдановым стояла почти невыполнимая задача склонить бранденбургского курфюрста перейти под патронат Алексея Михайловича, так как он, дескать, вскоре станет польским королем, а курфюрст — вассал польской короны. Переговоры умышленно затягивались курфюрстом в ожидании событий на фронтах и решений Виленского съезда¹⁷⁵. Кроме того, российский посланник опрометчиво затеял длительную тяжбу в связи с нарушением курфюрстом русского посольского обычая, согласно которому тот при передаче ему царской грамоты и приветствия от царского имени должен был встать и снять

шляпу. Курфюрст не сделал этого, сославшись на свои традиции. Поэтому Богданов возвратился к царю «в обоз» только 29 сентября 1656 г., как раз тогда, когда к курфюрсту выехали барон Эйленбург и русский посланник И. Францбеков.

Главной целью нового русского посольства была ратификация договора о взаимопомощи и торговле. Кроме того, следовало проверить подлинность русского экземпляра договора 1517 г. и для верности снять с него копию. Посланник должен был также разобраться со случаем «порушки» царской чести во время посольства Богданова.

Переговоры Францбекова с курфюрстом проходили в октябре—ноябре 1656 г. в Лабиау. Туда Францбеков добирался через Курляндию (Митаву), Литву и далее от прусского Мемеля не совсем обычным путем — не на корабле по Куршскому заливу, как это сделал Эйленбург, а «берегом подля моря», с остановками в корчмах, так как «подле моря жилых деревень нет».

Курфюрст со своим двором не случайно находился в это время в замке Лабиау. Францбеков узнал, что в «Королевце, в меньшем городке, нынешней осенью объявился мор, на одной неделе померло 40 человек; и тот городок курфюрст велел ворота завалять и поставить у них сторожу, а после того в том меньшем городке моровое поветрие учало быть тише. А в большем городе в Королевце и в Лабви, и в Мемле... морового поветрия нет и люди здоровы. А Королевец от Лабви день езды»¹⁷⁶.

По строгости принимавшихся мер можно предположить, что это была эпидемия чумы. Она свирепствовала тогда и в других местах. Когда посланник после успешного завершения переговоров возвращался со своими людьми, а также с прусским гонцом И. Гуслевым в Москву через Мемель, Вильно, Минск, Борисов, Шклов, Смоленск, Можайск, то встречал карантинные заставы (в Борисове, например, офицер говорил с русскими через «огонь», в Смоленске их продержали месяц, выясняя состояние здоровья).

Миссия Францбекова в Лабиау совпала по времени с приходом сюда шведских послов для подготовки нового соглашения между Карлом и Фридрихом Вильгельмом. Естественно, курфюрст вновь поднял вопрос о его возможном посредничестве в организации русско-шведских переговоров. Ответ Францбекова был определенным: русская сторона согласна с предложением Фридриха Вильгельма, но на переговоры может пойти только в том случае, если шведский король уступит России те города в Ливонии, которые принадлежали предкам царя, и возместит ущерб от войны. Это означало, что царь пока не решился на перемирие со Швецией, хотя к ноябрю 1656 г. его войска уже сняли осаду Риги и отошли в Полоцк, а после взятия русскими Дерпта (Тарту) военные действия в Ливонии практически прекратились.

К концу 1656 г. изменилась ситуация в Польше. Народ, по-

трясенный и униженный шведским нашествием, сумел сплотиться на патриотической и религиозной основе и перейти в наступление. Армия польского короля нанесла несколько крупных поражений шведско-прусским войскам. Под Данцигом были разгромлены и подкрепления, подоспевшие из Швеции (поляки взяли 24 шведских корабля, а шведов, «перевязав, вметали в море»). Опустошительный налет на Пруссию совершили польские союзники — крымские татары.

Чтобы избежать катастрофы, Фридрих Вильгельм как ловкий политик в очередной раз изменил свою позицию и перешел на сторону Польши, рассчитывая при этом покончить с ленной зависимостью от польского короля в обмен на оказанную ему помощь.

В октябре 1656 г. наконец завершились русско-польские переговоры на Виленском посольском съезде. Стороны договорились о временном перемирии и совместных действиях против шведского короля: польские послы в принципе согласились на избрание царя Алексея Михайловича или его сына на польско-литовский престол после смерти Яна Казимира при условии, что царь возвратит Речи Посполитой занятые во время войны польские земли, за исключением тех, которые раньше принадлежали русским монархам.

С сообщением о результатах Виленского съезда в Пруссию был направлен посланник Федор Обернибесов. На этот раз переговоры велись в Кенигсберге (февраль—апрель 1657 г.). Обсуждался в основном вопрос о прекращении прусской помощи шведскому королю и о поддержке русско-польского соглашения против Швеции. Курфюрст заявил, что на основе существующего договора он не помогал и не будет помогать Швеции в войне с Россией. Относительно прекращения военных действий против Польши Фридрих Вильгельм посетовал, что сделать это сложнее, так как поляки «курфистрову Прусскую землю разоряют и жгут и рубят». В то же время курфюрст поддержал русско-польскую договоренность о перемирии¹⁷⁷.

В Кенигсберге Обернибесов был задержан надолго, ему предложили дожидаться возвращения прусских послов из Швеции и России (И. Гуслева). Но, вероятнее всего, Фридрих Вильгельм хотел выиграть время для окончательного ответа царю, ожидая известий с русско-шведского и польского фронтов, где в тот момент обстановка быстро менялась*. Пока русский посланник в Кенигсберге пытался согласовать антишведскую политику, в Москве в конце февраля 1657 г. царь и Боярская дума приняли решение прекратить бесперспективную войну со Швецией и добиваться мира. Дипломатические шаги в этом на-

* 7 апреля в Кенигсберге стало известно о сражении в конце марта под Торном, в котором был трижды ранен шведский король и убиты два лучших генерала: один шведский, другой прусский. Стало известно также о прибытии голландских солдат в Данциг для помощи польскому королю, о том, что Дания собирается воевать со Швецией.

правления царь поручил сделать боярину А. Л. Ордину-Нащокину.

1657 год оказался тяжелым для России. Усилившаяся Польша стала оказывать сильное давление на украинское руководство, распространяя слухи о том, что царь в Вильно предал Украину. В июле умер национальный украинский лидер Богдан Хмельницкий. Власть фактически оказалась в руках главы пропольской группировки казачества писаря Войска Запорожского Ивана Выговского. Он стал настойчиво добиваться ликвидации решений Переяславской Рады. В этих условиях польская сторона всячески затягивала начало переговоров с Россией о мире.

Изменилась политическая позиция и Фридриха Вильгельма. В Северной польско-шведской войне он окончательно перешел в лагерь Речи Посполитой, благодаря чему наконец добился ликвидации вассальной зависимости от польского короля. Договоренность по этому вопросу была достигнута 19 сентября 1657 г. в Велау и подтверждена и уточнена при личной встрече Фридриха Вильгельма с Яном Казимиром 6 ноября 1657 г.¹⁷⁸

С этого времени курфюрст стал суверенным правителем в герцогстве Пруссия. Все ленные обязанности, связывавшие его прежде с королями и короной польской, были полностью отменены. Сословия Пруссии, которые также раньше присягали польскому королю, «...тоже признали на открытых ландтагах его светлость курфюрста отныне своим единственным настоящим непосредственным правителем и заявили всему миру о своей покорности, верности и готовности служить курфюрсту»¹⁷⁹.

С сообщением о поворотном событии в жизни герцогства в Москву был отправлен прусский посланник камер-юнкер Иоахим фон Боррентин. В январе—феврале 1658 г. он вел переговоры с боярами, не без иронии благодарил царя за то, что тот так настойчиво советовал курфюрсту помириться с польским королем («что нам никогда из памяти не выхаживало»), подсластив дипломатическую пилюлю «службодружным прошением» поддерживать всегда добрые отношения между курфюрстом и царем. Посланник обещал беспрепятственный проезд через Пруссию русских людей, а главное, как бы выдал тайное желание курфюрста видеть польским королем Алексея Михайловича. Деловая часть переговоров содержала предложение курфюрста выступить посредником в урегулировании обострившихся русско-польских отношений и просьбу к царю вернуть земли князя Б. Радзивилла, захваченные русскими войсками в Литве и Белоруссии. На последнюю просьбу бояре обещали дать ответ позже письмом¹⁸⁰.

Одновременно Боррентин имел поручение курфюрста попытаться склонить царя соединиться с коалицией, составленной из Польши, Бранденбурга, Австрии и Дании против Швеции, или, по крайней мере, не заключать мира со шведами. Настоящим шедевром дипломатической лести является письмо курфюр-

ста к царю от 2 января 1659 г. Царь не должен верить шведам; последние ищут мира с ним единственно для того, чтобы разъединить своих врагов, всему миру известен высокий разум царя. «И мы живо сохраняем в памяти мудрый совет, данный нам его послами, прибывшими в Кенигсберг. Они открыли нам глаза на лживость и злобу всех действий шведского правительства и побуждали начать с ним войну. И теперь без сомнения царь прекрасно сознает, сколько веры можно полагать из мирных заявлений шведов»¹⁸¹.

Царь, естественно, разгадал дипломатическую игру курфюрста, который, зажатый с двух сторон шведами и поляками, стремился в первую очередь обезопасить себя с помощью России, возбуждая в ней тревогу то против одной, то против другой страны. Направленный в Бранденбург посланник царя стольник Афанасий Нестеров, чтобы поздравить Фридриха Вильгельма с достижением суверенитета Пруссии, на все попытки курфюрста поднять шведскую тему от разговора уклонился.

После этого курфюрст еще раз пытался в письме к царю отговорить его от примирения со шведами, но цели своей не достиг. В ноябре 1658 г. в деревне Валиесаре близ Нарвы начались русско-шведские переговоры. Используя трудное положение Швеции, русские послы сумели добиться в целом выгодного для России заключения перемирия на три года с сохранением за ней всех приобретений в Ливонии. После этого перед русской дипломатией встал вопрос о скорейшем заключении мирного договора. Но, как часто бывает в истории межгосударственных отношений, возникла полярная ситуация: выгодно одним — невыгодно другим. Укрепление России в Прибалтике сильно беспокоило не только Швецию, но и Польшу. Вот почему Швеция постаралась ускорить заключение мира со своими противниками: Польшей, Австрией и Бранденбург-Пруссией. Это был Оливский мир 1660 г., значительно укрепивший позиции Швеции на Балтийском море и создавший условия, при которых мог сложиться шведско-польский союз против России. С учетом этого в 1661 г. Россия оказалась вынужденной подписать Кардисский мирный договор уже на условиях, продиктованных Швецией, то есть с потерей всех ливонских приобретений.

Так безрезультатно окончилась очередная попытка России пробиться к Балтийскому морю. И опять, как свыше ста лет назад, в орбиту русской внешней политики попала Восточная Пруссия. Как и прежде, для России она была второстепенным фактором в политической игре и в войне крупных государств. Но для Пруссии возобновление партнерских отношений с Россией вновь, как в начале XVI в., предшествовало судьбоносным переменам в ее истории. Наверное, можно полагать, что вряд ли получила бы независимость Пруссия в середине XVII в., не начни Россия войну с Польшей за Украину и со Швецией за Прибалтику.

Русско-польская война продолжалась еще несколько лет с переменным успехом и превратилась в тяжелую обузу для обоих государств. Несколько раз стороны пытались начать мирные переговоры. Наконец в апреле 1666 г. они возобновились и закончились подписанием 30 января 1667 г. Андрусовского перемирия сроком на тринадцать с половиной лет. За Россией осталась вся Левобережная Украина и Киев (на два года), Запорожская Сечь попала под совместное русско-польское управление. Главная внешнеполитическая задача многих десятилетий была в основном решена.

После Оливского и Кардисского договоров отношения между Россией и Бранденбургом продолжали развиваться на основе договора 1656 г., однако очень вяло, так как на некоторое время перестали быть актуальными для обоих государств.

Во второй половине века эти отношения вновь оживились. В конце 1672 г. с Фридрихом Вильгельмом встретился московский посол майор Пауль Менезиус (шотландец на русской службе) и предложил ему от имени царя Алексея Михайловича вступить в антитурецкий союз, задуманный в Москве. Великий курфюрст идею поддержал, но от союза отказался. Как раз в это время он вступил в европейскую войну, развязанную французским королем Людовиком XIV против Голландии. Причем сначала как союзник Франции, а вскоре как ее противник.

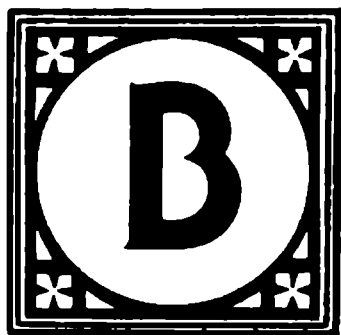
В условиях лавирования между европейскими державами в Берлине вновь вспомнили о русско-прусском договоре 1656 г. и решили возобновить постоянный дипломатический диалог с Россией с целью привлечения ее на свою сторону. В 1673—1675 гг. в Москву неоднократно ездил бранденбургский посол Иоахим Скультетус. В 1675 г. в войну на стороне Франции вступила Швеция. Возникла угроза вторжения шведских войск в Пруссию. Нужда в России почувствовалась особенно остро. В Москву был снова направлен для встречи с царем Скультетус, который предложил Алексею Михайловичу от имени курфюрста присоединиться к антишведской лиге. Наконец в декабре 1675 г. в Москве был оставлен первый постоянный представитель Бранденбурга, кенигсбергский юрист Герман Дитрих Гессе, с поручением довести до конца дело заключения союза с Москвой против Швеции. О ходе переговоров Гессе регулярно сообщал в Берлин.

Для России сложилась благоприятная возможность решения своей балтийской проблемы: Фридрих Вильгельм одержал несколько побед в Померании, а в Ливонии у шведов почти не было войск. Однако Россия не смогла реализовать эту возможность. Царь Алексей в последние годы жизни был увлечен антитурецкой идеей, а сменивший после его смерти в 1676 г. безвольный и больной царь Федор и думать не хотел о разрыве мирных отношений со Швецией. При Федоре в Москве в придворных кругах усилились антинемецкие настроения, и Гессе вынужден был покинуть Россию весной 1678 г., так и не до-

бившись своей цели. Единственное, что обещала Москва курфюрсту, — нейтралитет в шведско-прусской войне. Берлин узнал об этом летом 1679 г., когда в прусской столице побывали С. Е. Алмазов и дьяк С. Румянцев во главе большого посольства.

Через несколько лет, уже после смерти царя Федора, Москва еще раз попыталась привлечь Пруссию к войне против Турции и вновь безрезультатно (посольство В. Т. Посникова в Берлин в феврале—июле 1687 г.)¹⁸². Нового курфюрста Фридриха III Россия интересовала лишь как торговый партнер. В конце 1688 г. его посланник, придворный советник Иоганн Райгер, смог добиться привилегий для прусской торговли через Смоленск и Архангельск. В Москве он был дружески принят молодыми царями Иваном и Петром. Личность последнего произвела на посланника большое впечатление: «Этот царь Петр, — писал Райгер, — обладает необычной силой и умом»¹⁸³. С именем Петра связан новый период в истории русско-прусских отношений.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I И ПРУССКОЕ КОРОЛЕВСТВО

начале XVIII в. Прусское королевство стало участником международных событий, связанных с Се-

верной войной 1700—1721 гг. Основными соперниками в ней, как известно, были Швеция, господствовавшая тогда на Балтике, и Россия, стремившаяся прорваться к морю.

Свою внешнюю политику Петр I начинал с традиционного для русских царей южного, крымско-турецкого, направления. В июле 1696 г. ему удалось взять мощную турецкую крепость в устье Дона — Азов. Эта первая большая победа двадцатичетырехлетнего монарха произвела впечатление на Европу. Ее результатом стало заключение в конце января 1697 г. договора об оборонительном и наступательном союзе России, Австрии (Священной Римской империи) и Венеции против Турции сроком на три года. Дальнейшую борьбу с Турцией Петр связывал со строительством военного флота на Азовском море и расширением антитурецкого союза за счет европейских держав. Так определилась официальная цель Великого посольства Петра I в Европу, сыгравшего выдающуюся роль в дальнейшей российской истории.

Первая заграничная поездка Петра в 1697—1698 гг., особен-

но его пребывание в Голландии, Англии и Австрии под вымышленным именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова, подробно описана всеми биографами императора и историками. Хорошо известно и о посещении царем Пруссии. Большинство исследователей сходится в том, что главным делом царя было непосредственное знакомство с европейской цивилизацией, обучение (особенно морскому делу и кораблестроению) своих подданных и наем иностранных специалистов. Отсюда и значительное число участников миссии (около 250 человек) и ее пестрый состав: помимо трех великих и полномочных послов (генерала и адмирала Ф. Я. Лефорта, генерала и комиссара Ф. А. Головина и думного дьяка П. Б. Возницына) — большая свита из самых разных специалистов (врачей, охраны, священников, переводчиков и т. п.), а также около тридцати волонтеров — молодых дворян, ехавших для учебы морскому делу.

Из Москвы посольство выехало 9—10 марта 1697 г. Путь его лежал сначала в Прибалтику по обычному посольскому маршруту через Псков. Первым зарубежным городом, который посетил Петр, стала Рига, принадлежавшая тогда Швеции. Здесь пришлось задержаться почти на две недели из-за ледохода на Двине. Для нетерпеливого Петра ожидание было мучительным испытанием. К тому же подозрительные шведы не пустили его ни в рижскую крепость, ни в порт, где стояли интересовавшие Петра голландские корабли. Свою обиду царь напомним позже шведскому королю, когда начнет против него войну.

Почти весь апрель и начало мая русское посольство провело в Курляндии, которая была тогда вассалом Польши. Петра и его спутников радушно развлекали в Митаве (Елгаве), благо никаких серьезных переговоров с герцогом Фридрихом Казимиром не было.

2 мая Петр вместе с волонтерами отплыл на корабле «Святой Георгий» в Кенигсберг, куда прибыл 7 мая. Послы со свитой добрались в город сухим путем через 10 дней. Пруссия оказалась ближайшим суверенным государством, в котором впервые в русской истории побывал московский государь. Своим пребыванием царь как бы подтвердил то, что было предназначено историей и судьбой для этого края, — стать мостом между Европой и Россией.

В Кенигсберге инкогнито царя было секретом полишинеля, но тем не менее оно соблюдалось: под присмотром камер-юнкера фон Принца Петра поселили не в замке, а в одном из частных домов, в Кнайпхофе. В ожидании послов Петр совершенствовал в Пиллау свои навыки в артиллерийской стрельбе под руководством главного инженера прусских крепостей полковника Штейтнера фон Штернфельда. Свидетельством этого стал аттестат. В нем говорилось, что «московский кавалер, именем Петр Михайлов», обучаясь огнестрельному искусству, «в особенности метанию бомб, каркасов и гранат» «в Кенигсберге... и в приморской крепости Пиллау», «в непродолжительное вре-

мя, к общему изумлению, такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде из исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может»¹⁸⁴.

Первое свидание с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III носило тайный характер и состоялось в замке 9 мая. Затем было еще несколько встреч с курфюрстом, а также с маркграфом Альбрехтом, обер-президентом фон Данкельманном и другими высокопоставленными лицами. При этом серьезных разговоров о политике не велось.

Когда дело дошло до официального приема, курфюрст устроил Великому посольству грандиозный по пышности и богатству прием, невзирая на расходы. Фридрих III (сын Великого курфюрста Фридриха Вильгельма) был самым расточительным из всех бранденбургско-пруссских правителей. Преклоняясь перед французским королем Людовиком XIV, он старался сделать свой двор подобным двору «короля-солнца». Впрочем, это не мешало ему уделять внимание распространению в своих владениях науки и искусства (при нем был основан университет в Галле, а в Берлине — Академия наук и Академия искусств).

Будучи крайне честолюбивым, Фридрих III вел длительные переговоры с императором Леопольдом о получении королевского титула. Он мог рассчитывать только на титул короля Пруссии, которая не была имперским владением, тогда как курфюршество Бранденбург входило в состав империи. Лишь в самом начале XVIII в. Фридриху предоставилась редкая возможность достичь своей заветной цели: накануне европейской войны за испанское наследство (1701—1714 гг.) он подкупил иезуита Вольфа — духовника императора Леопольда I и оказал самому кайзеру крупную денежную и военную помощь (30 тысяч солдат), за что получил его согласие на превращение Бранденбургско-Прусского герцогства в королевство Прусское.

Прусский орел и черно-белые цвета стали символом нового государства. 18 января 1701 г. курфюрст Фридрих III провозгласил себя прусским королем Фридрихом I. Коронация состоялась в древнем орденом замке Кенигсберг. По роскоши она превзошла все, что до того устраивал Фридрих. На коронационную церемонию было истрачено 7 миллионов талеров, почти двухгодичный доход небогатого прусского государства. Свидетелем этого исторического события стал и русский резидент в Кенигсберге князь Ю. Ю. Трубецкой. Как и все присутствующие, он обратил внимание на то, что курфюрст и его жена Софья Шарлотта «приняли помазание от епискупа своего закона» (протестантского), в отсутствии представителя папы, и что «пришли оне в церковь оба в коронах и, сказывают, что короны наложили в своих покаях сами на себя»¹⁸⁵.

К приезду Великого московского посольства в 1697 г. Фридрих еще оставался курфюрстом. Однако уже держался монар-

хом. На первой аудиенции русских послов принимал их, сидя на троне, и требовал, чтобы они целовали ему руку. Послы усмотрели в этом нарушение протокольных норм и отказались. Подумав, тот решил отступить.

Послы поблагодарили курфюрста за бранденбургских инженеров, оказавших помощь при взятии Азова, сообщили о цели своего визита: подтверждение древней дружбы и использование ее против общехристианского врага — Турции. Антитурецкий союз курфюрста не воодушевлял. Свои интересы к России он сформулировал в проекте союзного договора, который послы получили 24 мая. Из семи статей проекта послы сразу согласились с четырьмя: о подтверждении вечной дружбы, о взаимной выдаче бунтовщиков и «возмутителей», о свободном проезде прусских купцов через Россию в Китай и Персию для торговли янтарем и другим товаром, о приезде русских людей в герцогство для обучения. Три другие статьи были отвергнуты. Речь шла о заключении оборонительного союза и взаимной помощи в случае нападения врагов на одну из сторон. Для герцогства врагами могли быть Польша и Швеция. Понимая это, Петр не сразу решился принять предложенную статью союза, опасаясь осложнений в отношениях с сильной Швецией, а царю следовало еще закончить войну с Турцией. К указанной статье примыкала и статья о том, что Россия будет выступать гарантом власти курфюрста над Пруссией. Наконец, еще одна статья, отвергнутая послами, предлагала согласие русского царя принимать в Москве бранденбургских послов на уровне королевских, что могло осложнить отношения России с императором Леопольдом, в зависимости от которого находился Бранденбург.

Прусский вариант оборонительного договора стал первым важным импульсом, повлиявшим на последовавшую переориентацию внешней политики России с черноморского на балтийское направление. Во всяком случае, Петр не стал полностью отказываться от предложения о союзе. И для того чтобы его сохранить и в то же время не вызвать подозрений со стороны Швеции, он предложил закрепить в договоре статью об оборонительном союзе не в письменной, а в устной форме, остроумно заметив, что в любом виде гарантией соблюдения договора может быть лишь совесть государей. Фридрих согласился, устная договоренность была скреплена поцелуями и клятвами.

Таким образом, официальный текст договора предполагал лишь традиционный дружественный союз, в то время как секретная, устная часть договора могла привести к совместным действиям против общих врагов. Пребывание посольства в Кенигсберге затянулось, и это отразилось на дальнейшем маршруте. Первоначально Петр предполагал поехать сразу в Вену для подтверждения союзного договора против Турции, но в Кенигсберге изменил свои планы и решил побывать сначала в Голландии и Англии, а в Вену заехать на обратном пути.

22 июня царь покинул Кенигсберг и отправился в Пиллау,

где для него стояли наготове два судна — голландский галиот и прусский купеческий корабль. Для изучения артиллерийского дела в Кенигсберге были оставлены бомбардиры С. Буженинов, Д. Новицкий, В. Корчмин и И. Овцын и четверо дворян из польской свиты (Ф. Балк, Р. Брюс, Е. Франк и А. Грот). Одновременно на русскую службу был нанят и направлен в Москву прусский бомбардир Иоганн Брусс.

В Пиллау Петру пришлось задержаться из-за важных для России событий, связанных с избранием нового польского короля. Как раз в это время политический кризис в Польше достиг апогея. Среди вероятных претендентов на корону был французский принц де Конти. Франция поддерживала тогда Турцию, поэтому француз на польском престоле был крайне нежелателен для России: мог распасться антитурецкий союз. Ситуация в Польше беспокоила также Австрию. С ее согласия Петр настойчиво проталкивал на польский трон другого претендента — саксонского курфюрста Фридриха Августа II. В конце концов удалось обеспечить перевес сил сторонников Фридриха Августа, который заявил о своей приверженности всем прежним обязательствам Польши на международной арене.

Путь Петра в Голландию морем оказался небезопасным из-за пиратов, пришлось добираться до нее сушей через Германию. В Ганновере у царя произошла встреча с супругой бранденбургского курфюрста Фридриха III Софьей Шарлоттой (которая специально для этого приехала из Берлина) и ее матерью, ганноверской курфюрстиной. Именно эти просвещенные аристократки (дочь была ученицей знаменитого философа Лейбница) распространили по многим европейским монаршим дворам подробную живописную информацию об экзотическом поведении молодого русского государя.

Поездка Великого посольства по странам Европы в дипломатическом отношении была безрезультатной. Не удалось не только укрепить или расширить антитурецкий союз «Священную лигу», но даже сохранить тот, который сложился ранее. Австрия, основной русский союзник, потеряла всяческий интерес к дальнейшему продолжению войны с Турцией и полностью переключилась на решение проблемы испанского наследства. Император Леопольд I серьезно рассчитывал закрепить его за своими потомками, так как был женат на сестре бездетного испанского короля Карла II. Получить самое крупное в истории Европы наследство надеялся и французский король Людовик XIV, женатый на другой сестре последнего испанского Габсбурга. Династический спор между Австрией и Францией в конечном счете вылился в длительную войну (1701—1714 гг.) за раздел испанских владений, в которую оказались втянутыми, с одной стороны, Франция и Испания, с другой — Англия, Австрия, Голландия, Пруссия и другие немецкие государства.

Об изменившейся международной обстановке русские послы во всех подробностях узнали во время своего пребывания в Гол-

ландии. Именно тогда Петр начинает серьезно задумываться о переориентации русской внешней политики, о возможной войне со шведами за возвращение древних новгородских земель на Балтийском море. Он понял бесперспективность дальнейшей борьбы с Турцией в условиях развала «Священной лиги» и занятости ведущих европейских держав своими собственными проблемами. В такой ситуации Петр начал дипломатический зондаж относительно возможностей организации антишведской коалиции. Возвращаясь из Вены в Москву, он встретился 31 июля 1698 г. в городке Раве-Русской с новым польским королем Августом II. В беседе с глазу на глаз они обсудили по предложению Петра идею совместного выступления против Швеции. Так наметились контуры будущего антишведского союза. Осенью 1698 г. участники «Священной лиги» начали мирные переговоры с Турцией.

Союзников против Швеции царь искал прежде всего среди прибалтийских стран, которые не раз в XVII в. становились жертвами шведской экспансии. Выбор был небольшой и незавидный: Дания, Польша, Пруссия. Каждая из них не имела ни сильной армии, ни сильной экономики. Однако все вместе они могли серьезно помочь России, оттянув на себя часть военных сил мощной Швеции.

В январе 1699 г. в Москву приехал прусский посланник фон Принц (в Кенигсберге он был приставлен к Петру) с просьбой о поддержке интересов Пруссии по вопросу о г. Эльбинге и с предложением об изменениях в посольском церемониале с учетом предполагавшегося королевского титула бранденбургского курфюрста. Эту просьбу Петр отклонил, а вот сам приезд посланника попытался использовать для привлечения курфюрста к антишведскому союзу. При этом он вспомнил о дружественном договоре и об устном соглашении с курфюрстом относительно Швеции, ставшем вдруг таким актуальным для России. Петр хорошо помнил и грандиозный прием в Кенигсберге, поэтому и для фон Принца была устроена помпезная встреча, даже вопреки устанавливавшимся в России новым, европейским посольским обычаям. Однако прусский посланник не имел полномочий для решения каких-либо незапланированных вопросов. Серьезный разговор на шведскую тему не состоялся¹⁸⁶.

Тем не менее к концу 1699 г. Петр сумел как будто создать антишведскую коалицию — Северный союз, в который вошли Россия, Дания и Саксония (договор с Россией подписал польский король, он же саксонский курфюрст Август II). Россия должна была начать военные действия против Швеции сразу после подписания мирного договора с Турцией. Но когда 8 августа 1700 г. из Константинополя пришло сообщение о русско-турецком перемирии сроком на тридцать лет, Северный союз оказался на грани полного распада. Началось с того, что в конце 1699 г. саксонские войска во главе с Августом II направились к Риге и летом следующего года пытались ее взять, но

очень неумело и малыми силами. В конце концов Август соблазнился на 1,5 миллиона талеров, предложенных рижанами в обмен на снятие осады города, и отвел свои войска. Таков был союзник Петра — легкомысленный молодой повеса, известный более своими любовными похождениями, чем военными победами и государственными делами (легенда приписывает Августу II 365 внебрачных детей).

Другой союзник Петра — датский король Фредерик IV — рассчитывал в войне со Швецией овладеть Голштинией, находившейся в дружеских отношениях со шведским королем. Датчане провели несколько успешных боевых операций в Голштинии, но шведский король Карл XII в ответ высадил пятнадцатитысячный корпус в Дании и осадил Копенгаген. Фредерик IV капитулировал, а в августе 1700 г. подписал мирный договор со Швецией и вышел из антишведской коалиции.

Петр пытался спасти развалившийся Северный союз путем вовлечения в него бранденбургского курфюрста Фридриха, имея в виду все ту же устную договоренность в Кенигсберге и учитывая, что в письмах к царю курфюрст неизменно напоминал о своих дружеских чувствах. В июне 1700 г. с текстом союзного договора в Берлин поехал князь Ю. Ю. Трубецкой. Ему был оказан великолепный прием, снова последовали заверения в дружбе, но на предложение союза — отказ. Фридрих был напуган стремительными военными успехами Карла XII¹⁸⁷.

В сложной дипломатической обстановке, практически без союзников, Петр I начал Северную войну со Швецией, продолжавшуюся до 1721 г. Она сыграла заметную роль в европейской истории и сильно повлияла на судьбу России, выведя ее в число мировых держав. Переломным событием Северной войны стала Полтавская битва 27 июня 1709 г. и разгром сухопутной шведской армии. После Полтавы сразу был восстановлен Северный союз с участием Дании и Саксонии, и вновь русские дипломаты попытались привлечь к нему Пруссию, ставшую к тому времени королевством.

Бранденбургский курфюрст, превратившись в прусского короля Фридриха I, в начале Северной войны вел двойную дипломатическую игру по отношению к России и Швеции, в большей степени склоняясь на сторону последней. Весть о разгроме Карла XII вызвала в Берлине — столице нового королевства — сильное беспокойство. Фридрих был уверен в победе шведов и вместе с тем опасался роста могущества России. Полтава заставила прусского короля изменить отношение к России. В октябре 1709 г. в г. Мариенвердере (Квидзын) он встретился с царем, который находился в Польше вместе с армией. Начиная переговоры с Петром о союзе, Фридрих в то же время пропустил через Пруссию в Померанию шведскую армию генерала Крассау. Петр не принял предложение Фридриха о разделе Польши, но обещал поддержать короля в вопросе о вечном владении Эльбингом (Эльблонгом). Фридрих же отказался примкнуть к

Северному союзу, но согласился не пропускать через свое государство шведские войска. В результате был заключен не наступательный, а оборонительный союз против Швеции.

После Полтавы одним из основных театров военных действий стала шведская Померания. Отсюда Петр несколько раз неофициально наезжал в соседнюю Пруссию, в том числе и в Кенигсберг, в связи с нуждами армии. Важный визит Петра с женой Екатериной в Кенигсберг состоялся в ноябре 1711 г. Перед этим царская чета была занята устройством брака царевича Алексея и немецкой принцессы Шарлотты Вольфенбюттельской в г. Торгау. Там, кстати, состоялась встреча Петра со знаменитым философом и математиком Готфридом Лейбницем.

Возвращаясь в Петербург, по пути Петр с женой на два дня остановился в Кенигсберге, куда прибыл на корабле через Пиллау. На этот раз была официальная встреча и прием в Королевском замке, в котором Петр отказался ночевать и устроился в доме бургомистра Кнайпхофа Негеляйна. Там он помылся в бане, а на следующий день, 21 ноября (по новому стилю), в субботу, на лодке плавал по Прегелю, осматривал оборонительные сооружения на реке, побывал в сиротском приюте, на голландском корабле, где выпил водки и поговорил по-голландски с моряками. После обеда, перед балом во дворце герцога фон Хольштайна, Петр посетил Московский зал в замке, затем канцелярию, архив и библиотеку, в которой ему показали знаменитую древнерусскую летопись, известную под названием Кенигсбергская или Радзивилловская. С этой древнейшей иллюстрированной летописи Петр заказал сделать копию. В 1713 г. копия была готова, но сделана грубо: миниатюры копировались путем сколков, контуры рисунка прокалывались на лист копии иглами. В результате один из рисунков Кенигсбергской летописи был сильно поврежден, часть его вывалилась и потерялась. Именно по этой копии, которая стоила немалых денег, знакомилась в XVIII в. с русским летописанием историк В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов. Свое название летопись получила по имени ее владельца литовского магната Януша Радзивилла. В XVII в. другой Радзивилл — Богуслав, живший в Кенигсберге, подарил ее королевской библиотеке¹⁸⁸.

Из всех великих русских людей именно с Петром I более всего связана столица Восточной Пруссии. В ней он был не менее шести раз. Третье посещение Петром Кенигсберга произошло в июне 1712 г. В это время союзники в соответствии с планом Петра должны были начать штурм сильной шведской крепости Штральзунд. Русские войска под командованием А. Д. Меншикова пытались взять Штеттин. Пассивность союзников убедила Петра в необходимости действовать в Померании собственными силами. В связи с этим он сам направляется под Штеттин и по пути останавливается в Кенигсберге.

В сентябре 1713 г. русские войска взяли Штеттин. Возник

вопрос о его дальнейшей судьбе. Решать его пришлось Меншикову. Учитывая то, что союзники — Август II и датский король Фредерик IV не оказали обещанной помощи при взятии Штеттина, Меншиков решился на передачу этого города Пруссии. Так сложились благоприятные условия для установления с ней союзнических отношений.

В том же году умер прусский король Фридрих I. На престол вступил его сын Фридрих Вильгельм I (1713—1740 гг.). Во многих отношениях он был полной противоположностью отцу: терпеть не мог все иностранное, в том числе культуру и науку, ввел в стране военно-полицейские порядки, всюду применял телесные наказания как лучший способ воспитания начиная со своей семьи, обожал свою армию, сделав ее к концу правления четвертой в Европе по численности. Критически настроенные историки называли этого короля «фельдфебелем на троне», любимым выражением которого было: «Не рассуждать!».

В начале 1713 г. царь побывал в Берлине у нового прусского короля. Началось обсуждение вопроса о союзном договоре. Затем переговоры продолжил русский посол в Берлине Л. Г. Головкин (сын канцлера Г. И. Головкина). После взятия Штеттина Фридрих Вильгельм стал сговорчивее. Дальнейшие события ускорили выработку союзного договора. В начале 1714 г. шведы напали на прусские войска в Померании, датский король проявил заинтересованность в привлечении Пруссии к Северному союзу. Щедрый подарок Петра окончательно склонил Фридриха Вильгельма к союзу. Петр прислал ему 80 солдат огромного роста, которые вошли в состав двух батальонов, собранных по прихоти короля из солдат-великанов.

В июне 1714 г. между Россией и Пруссией был заключен союзный договор против Швеции. Этому русские дипломаты добивались с начала войны. Договор предусматривал и взаимные гарантии: Россия гарантировала сохранение Штеттина за Пруссией, а Пруссия обязалась поддерживать на международной арене все балтийские завоевания русского царя. Позже к Северному союзу присоединилось еще одно германское государство — Ганновер¹⁸⁹.

В 1716 г. Петр дважды побывал в Кенигсберге: в феврале он вместе с женой проезжал через Кенигсберг в Данциг (Гданьск), где в апреле состоялась церемония бракосочетания племянницы царя Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбургским Карлом-Леопольдом (их внук, Иван VI Антонович, в 1740 г. станет наследником русского престола). На обратном пути, в апреле, Петр вновь был в Кенигсберге. Он встретился с итальянским скульптором Барталомео Растрелли, которого нанял на службу¹⁹⁰. В России Растрелли создал замечательный скульптурный портрет Петра I, скульптуру императрицы Анны Ивановны и другие известные произведения. Его сын — знаменитый архитектор Варфоломей Растрелли построил в Петербурге и Москве великолепные здания в стиле барокко, среди кото-

рых такие шедевры, как Зимний дворец, Смольный монастырь, Большой дворец в Петергофе и другие.

В результате династического брака Россия неожиданно быстро укрепила свои позиции в герцогстве Мекленбург, вплоть до ввода туда своих войск. Это сильно обеспокоило многих европейских монархов, особенно английского короля Георга I, который был одновременно и курфюрстом Ганновера, т. е. участником Северного союза. Георг предлагал королям Дании и Пруссии изгнать Петра из Мекленбурга, но Фридрих Вильгельм категорически отказался от этого и даже попросил Петра увеличить свое войско в Мекленбурге. Пруссия оказалась единственным участником Северного союза, сохранившим верность России. Это подтвердилось и во время второго большого заграничного путешествия Петра I в 1716—1717 гг.

В г. Гевельсберге, в западногерманских владениях Пруссии, состоялись две встречи Петра с прусским королем. В результате были приняты две декларации: первая подтверждала прежний союз, по второй король обещал возобновить дружественный договор с герцогом Мекленбургским. Именно тогда Фридрих Вильгельм подарил царю прогулочную яхту и знаменитый янтарный кабинет, украшавший позже Петергофский дворец. Упакованный в ящики, янтарный подарок отправили в Петербург через Кенигсберг. Такое особое внимание к русскому царю объясняется тем, что Фридрих Вильгельм рассчитывал с помощью России сохранить все приобретения в шведской Померании, использовать Россию против императора, с которым прусский король начинал соперничать, и, наконец, старой враждой к Ганноверу, которым владел тесть Фридриха Вильгельма, английский король Георг I.

Возвращаясь из длительной заграничной поездки, Петр вновь проездом был в Кенигсберге 4 октября 1717 г. Пообедав в доме бургомистра Негеляйна, он отправился обычным путем через Шаакен в Мемель, а оттуда на поджидавшем корабле — в Петербург¹⁹¹.

Между Россией и Пруссией во время Северной войны сложились постоянные дипломатические связи. Русскими представителями в Пруссии были: князь Ю. Ю. Трубецкой (1700—1701 гг.), А. П. Измайлов (1701—1702 гг.), фон дер Литт (1705—1714 гг., с перерывами), граф А. Г. Головкин (1711—1720 гг.). Со специальными поручениями в Берлине и Кенигсберге в разное время побывали фон Паткуль (известный авантюрист, служивший нескольким дворам), И. П. Измайлов, А. И. Остерман (будущий канцлер), П. И. Ягужинский (будущий генерал-прокурор Сената), известный дипломат П. А. Толстой, петровский фаворит А. Д. Меншиков и другие.

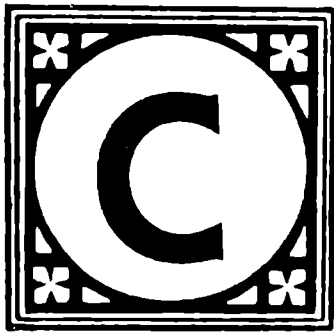
В то же время постоянными представителями прусского короля в России были фон Кейзерлинг (женившийся на бывшей фаворитке Петра I Анне Монс), Т. З. Цедельский, фон Шлиппенбах¹⁹².

Первые прусские короли Фридрих I и Фридрих Вильгельм I старались при всех политических ситуациях поддерживать дружественные отношения с Петром I, который после Полтавы стал активным и весьма влиятельным участником европейской международной политики. Конечно, нельзя идеализировать эти отношения. Со стороны Пруссии они строились отнюдь не на абстрактных чувствах любви к «варварской» России, а на холодном политическом расчете, в интересах исключительно собственных. Поэтому когда в 1719 г. предоставилась возможность поменять страну-гаранта Россию на Англию, Фридрих Вильгельм пошел на это. Правда, не без колебаний и в результате сильного нажима со стороны английской дипломатии.

Для предотвращения полного распада Северного союза в Берлин был отправлен опытный дипломат П. А. Толстой. Но его усилия оказались напрасными: в январе 1720 г. между Пруссией и Швецией был подписан договор, по которому прусский король обещал не оказывать помощь России и даже заплатить Швеции за Штеттин. При этом Фридриху Вильгельму было неловко от того, что он предал прежнего союзника. Сохранилась запись, сделанная королем сразу после подписания договора: «Мой мир с Швецией заключен, но я не смею говорить об этом, потому что мне стыдно». Чуть позже в декларации Фридрих Вильгельм специально оговорил, что не будет действовать во вред интересам России. И действительно, когда в том же году в Швеции был разработан план комбинированного нападения на Россию и шведские дипломаты стали убеждать своих сторонников принять в нем участие, Фридрих Вильгельм прусский наотрез отказался участвовать в походе на Россию¹⁹³.

30 августа 1721 г. между Россией и Швецией был подписан Ништадтский мирный договор. Северная война закончилась полной победой России. Швеция уступила ей в вечное владение Ингерманландию (устье Невы), часть Карелии, Эстляндию и Лифляндию с городами Рига, Ревель (Таллин), Дерпт (Тарту), Нарва, Выборг, Кексгольм, острова Эзель и Даго. Отныне на Балтийском море самым сильным государством стала Россия, превратившаяся в империю. 22 октября 1721 г. в ознаменование мира Сенат провозгласил Петра Великого императором Всероссийским. Об этом было сообщено всем русским послам. И первым, кто заявил о признании Петра императором, стал прусский король Фридрих Вильгельм, тогда как большинство европейских государств сделали это только в середине XVIII в.

Значительно возросший международный авторитет России, ее сближение с австрийским императором в последние годы жизни Петра подтолкнули прусского короля на заключение нового союзного договора с Россией. Он был подписан уже после смерти первого российского императора, в 1726 г., и как бы подвел черту под периодом партнерских отношений двух стран во время Северной войны.

петровских реформ определяющим в русской культуре становится светское начало,

формировавшееся под большим влиянием Запада, особенно Германии. Петр I повернул Россию лицом к Европе. Хорошо это было или плохо? Во всяком случае через 200 лет Николай II в беседе со своим адъютантом высказался так: «Я не могу не признать больших достижений моего предка, но... именно он привлекает меня меньше всех... он слишком сильно восхищался европейской культурой... Он уничтожил русские привычки, добрые обычаи, взаимоотношения, завещанные предками»¹⁹⁴. В нашу задачу не входит втягиваться в дискуссию по поводу преобразований Петра в области культуры и давать им оценку. В данном вопросе нас интересует прежде всего историческая реальность.

Царь постоянно учился сам и заставлял учиться других. Европа открывала для этого широкие возможности. В 1697 г. Петр отправил пятьдесят молодых стольников из знатных фамилий в Англию, Голландию и Италию для изучения мореходного дела. С 1705 г. в Амстердаме по велению царя находился постоянный русский эmissар, князь Львов, наблюдавший за обучением российских учеников — навигаторов. В 1707 г. здесь проживало 70 «недорослей и школьников», изучавших механику и судовое дело. 30 гардемарин овладевали мореходным делом в Венеции.

Постепенно учеба русских в европейских странах стала разносторонней. Они познавали иностранные языки, юриспруденцию, медицину, искусство, живопись, архитектуру. Кроме дворян за границу посылались дети купцов для обучения торговому делу и языкам, но число их было ничтожно. Современники писали, что после 1711 г. Петр всерьез обдумывал проекты посылки знатных отроковиц на жительство в Кенигсберг, Берлин, Дрезден и другие немецкие города для изучения иностранных языков и светских манер, однако был вынужден отказаться от этой идеи из-за сильного сопротивления их родственников. Тогда осенью 1713 г. Петр распорядился: «Ко обретающимся за морем в ученье послать жен». Перечисляя важнейшие события своего царствования, Петр I не без гордости записал: «Дал позволение всем своим подданным ездить во иностранные европейские государства для обучения, которое прежде было запрещено под казнью, и не точию позволил на сие, но еще к тому их принуждал»¹⁹⁵.

Группы дворянской молодежи оседали во многих городах

Курфюрст Фридрих Вильгельм.
С портрета XVII в.

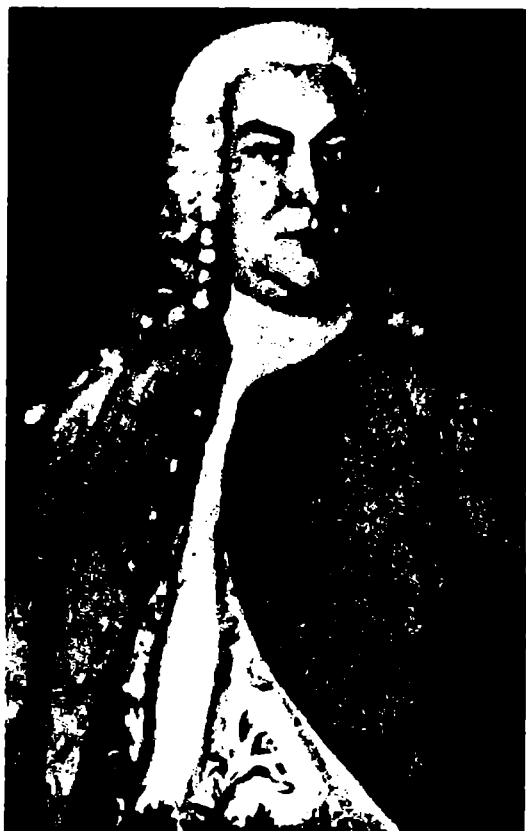
Симон Дах. Гравюра XVII в.

Король Фридрих I. С портрета
XVIII в.

Король Фридрих Вильгельм I.
С портрета XVIII в.

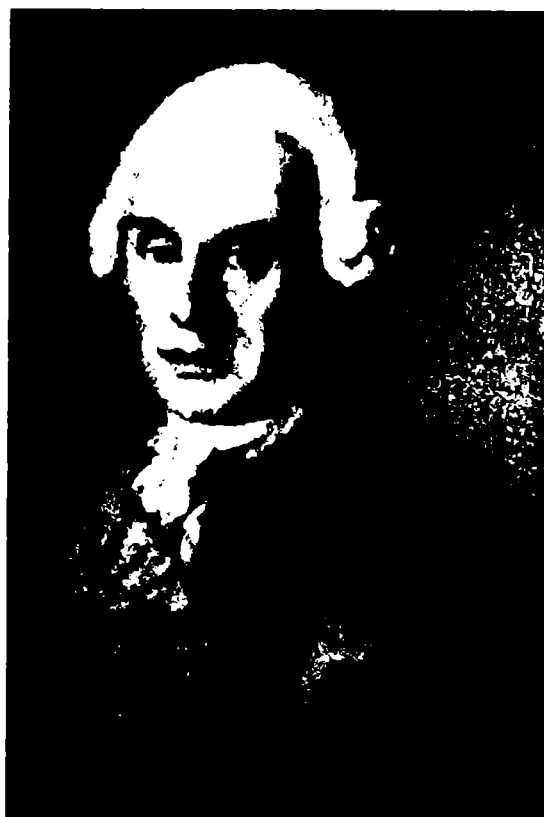

Иоганн Кристоф Готшед.
С портрета XVIII в.

Зал «московитов» в музее «Пруссия». Королевский замок
в Кенигсберге. Фото начала XX в.

Российский генерал-губернатор Пруссии Виллим Виллимович Фермор

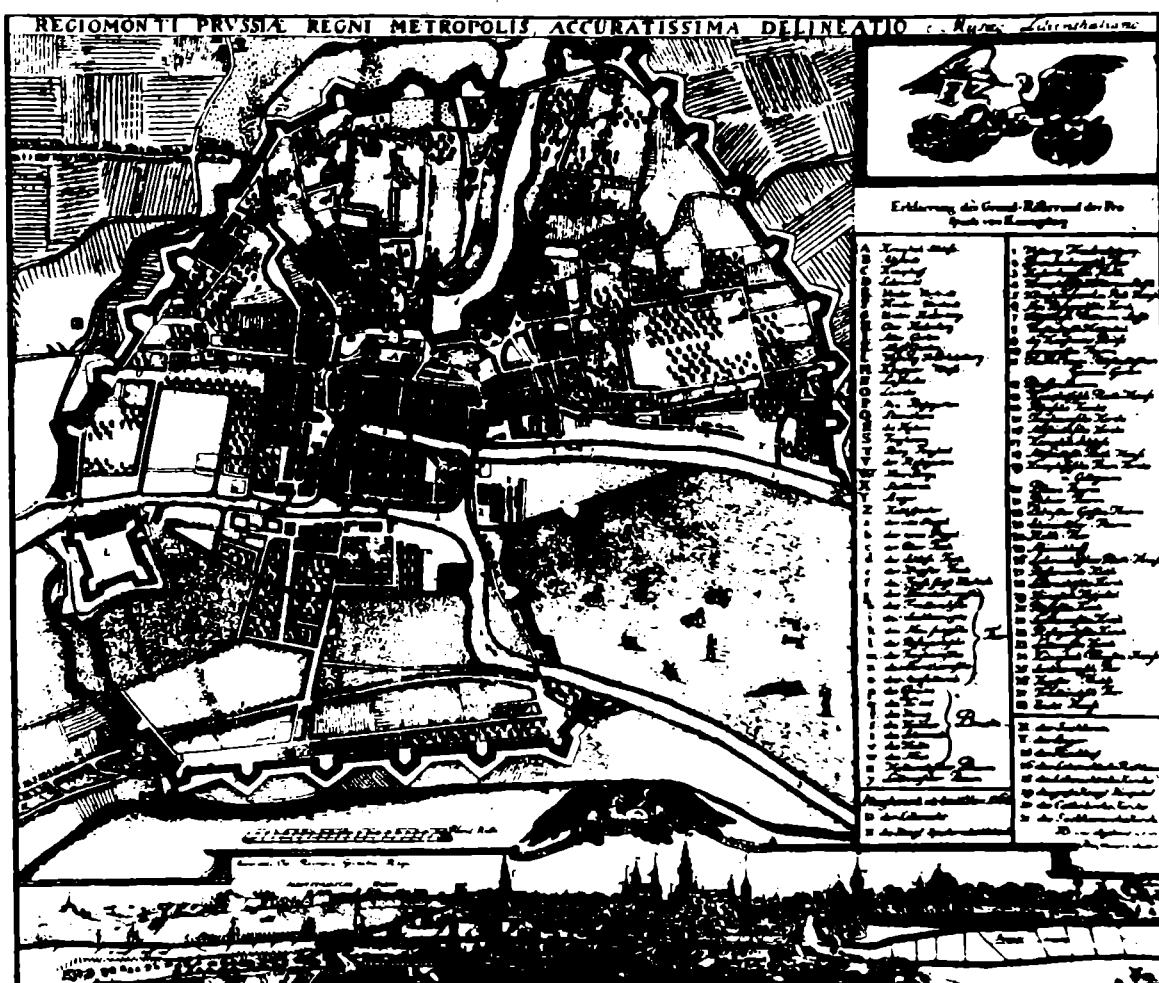

Российский губернатор Пруссии Николай Андреевич Корф

Российский губернатор Пруссии Василий Иванович Суворов

Российский губернатор Пруссии Петр Иванович Панин

План Кенигсберга В. Ф. Килиана. Гравюра Х. Раймера, октябрь 1725 г.

Король Фридрих II. Гравюра XIX в.

Европы: в Париже, Лондоне, Амстердаме, Венеции, Флоренции, Марселе, Кадиксе и других. Осваивали они различные ремесла и науки. Первая такая группа была направлена на учебу в восточнопрусскую столицу в связи с подготовкой реформы государственного управления в России. Петр жадно собирал всякую полезную информацию о государственном устройстве и аппарате управления различных стран. Во время своего первого посещения Кенигсберга в 1697 г. царь, например, обратил внимание на работу учреждений коллегиального типа. Это послужило поводом для того, чтобы изучить более глубоко работу не только коллегий Пруссии, но и Франции, Дании, Швеции. Понадобилось для этого два года — 1715—1716. В результате было признано целесообразным сделать коллегии основным звеном центральной администрации в России. Для службы в них требовались кадры. Поначалу набирали иностранцев, их использовали в основном для обучения русских служащих. Такой путь комплектования новых учреждений оказался малоэффективным. Поэтому в январе 1716 г. Петр отправил в Кенигсберг на обучение около 40 молодых подьячих. Они должны были изучать немецкий язык и другие науки, а также практическую организацию работы местных коллегий. Не все складывалось у них гладко. Подьячие жаловались на то, что немецкие учителя, к которым они были приставлены, их учебой почти не занимались. Те же, в свою очередь, упрекали учеников в нерадивости.

Наверное, трудно было из Санкт-Петербурга разобраться, кто прав, а кто виноват, но до нас дошел документ, в котором сказано, что по решению правительствующего Сената «студентов подьячих детей Матвея Макова, Федора Копылова, которые посланы были с прочими их братьев в город Кенигсберг для обучения чужестранных языков и других наук, и тамо непотребно житие свое препровождали и ничему не научились и государево жалованье получали и для того оттуда присланы в Санкт-Петербург и наказанию приговорили написать в матрозы...»¹⁹⁶. Большинство «баче в науках имели одержание». Когда в 1718 г. в Петербурге открылись первые коллегии (главным образом, по шведскому образцу), то они были укомплектованы в значительной степени своим чиновным людом, многие из коего прошли обучение в Кенигсберге.

Крупная группа дворянских и купеческих сыновей была послана в Кенигсберг в годы Семилетней войны, когда Восточная Пруссия вошла в состав Российской империи. Тогда в университете уже блистал в качестве доцента И. Кант. В декабре 1762 г. после завершения учебы в Кенигсберге часть выпускников прибыла в Петербург и была зачислена переводчиками на академическую службу. Интересно отметить, что в соответствии с рекомендацией Сената М. В. Ломоносов поощрял их к «дальнейшему учению», предложив ходить на университетские лекции, «какие изберет из имеющих паки начаться с наступающего 1763 года». Речь шла об университете при Петербургской

Академии наук, который был организован в 1726 г. и с тех пор испытывал постоянную нехватку студентов¹⁹⁷. Конечно, в XVIII в. русских людей, которые освоили бы программу нескольких университетов (чаще всего Московского, Кенигсбергского и Петербургского академического), было немного, но сама практика повышения квалификации выпускников российских вузов за границей в то время считалась естественной прежде всего потому, что отечественная высшая школа только складывалась.

Перемены в России начала XVIII в. открыли русскую границу для иностранцев. Это были люди разных национальностей, социального положения и профессий. Они преследовали разные цели, в том числе и авантюристические. Особенно много было немцев. Во времена так называемой «бироновщины» (1730—1740 гг.) императрица Анна Ивановна, как писал историк В. О. Ключевский, «не доверяя русским... поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении»¹⁹⁸. Впрочем, даже в эти мрачные времена немало было выходцев из Германии, которые честно служили России, становясь ее подданными. Показательно, что, как утверждает немецкий историк Э. Амбургер, «ни один русский даже мысли не допускал о выезде и поселении за границей, так как отрыв от родины и своих единоверных сограждан представлялся ему просто невероятным»¹⁹⁹.

Почему же так легко немцы поступали на службу к чужим монархам (в том числе и российским)? На этот вопрос отечественные и немецкие исследователи дают обычно однотипный ответ. Главная причина им видится в политической раздробленности Германии. В XVIII в. в ней было свыше 300 суверенных государств, в конце века — более 1800 таможенных границ. Многочисленные правители карликовых государственных образований постоянно враждовали между собой, восстанавливая таким образом немцев против немцев. От произвола мелких правителей, доходившего порою до тирании, страдала прежде всего немецкая интеллигенция — писатели, просветители, ученые, музыканты, художники. Вынужденные поступать на службу к маленьким деспотам, они находились в полной от них зависимости. Известно, например, как страдал от произвола и капризов брауншвейгского герцога великий немецкий просветитель Г. Э. Лессинг, когда служил его библиотекарем. Ф. Шиллер в юные годы испытал горечь унижения на службе у герцога Вюртембергского. Композитор И. Гайдн должен был подстраиваться под вкус своего покровителя князя Эстергази. Вспомним, наконец, известный отзыв прусского короля Фридриха Вильгельма I о великом философе Г. В. Лейбнице: «Никуда не годный человек, так как не способен даже стоять на часах». Не удивительно, что король нередко изгонял из Пруссии просвещенных людей.

В связи с этим Петр I после встречи с Фридрихом Вильгельмом писал Меншикову о том, что здесь «многим людям нынешний король от двора своего отказал и впредь чаем больше в отставке будет, между которыми есть много из мастеровых людей... которые сами службы ищут, также и картины, как слышим, продавать будут», и поэтому, приказывал Петр, необходимо отправить в Берлин генерала Я. В. Брюса «для найму мастеровых людей знатных художеств, которые у нас потребны, а именно: архитекты, столяры, медники и прочие». (Еще в 1702 г. в Германии был распространен манифест Петра I, приглашавший в Россию на выгодных условиях иностранных мастеров и предпринимателей.) Многие видные деятели немецкого Просвещения вынуждены были уехать из Германии: Клопшток в молодости оказался в Дании, Винкельманн — в Италии, и даже Гете, любимцу веймарского двора, пришлось однажды бежать в Италию.

Была еще одна причина, влиявшая на перемещения немецких интеллектуалов, — это избыток культурных сил в Германии XVIII в. Университеты выпускали так много ученых и культурных деятелей, что им было нелегко найти работу на родине. Немецкие писатели и художники селились часто в Италии, для многих ученых притягательным центром со второй четверти XVIII в. сделалась Россия. Здесь развернулась деятельность Петербургской Академии наук. Российская империя, единая громадная страна с ее разнообразной природой, вызывала острый интерес немецких естествоиспытателей, экономистов, историков, этнографов, рассчитывавших воплотить свои идеи, неосуществимые в условиях раздробленной Германии.

Немецкие ученые составляли большинство первых действительных членов Российской Академии наук, учрежденной по указу Петра I в 1725 г. Видную роль в ее организации сыграл великий немецкий философ Г. В. Лейбниц. После знакомства с Петром и его идеями Лейбниц направил царю свои предложения по организации и принципам деятельности Академии. Последователь Лейбница немецкий философ Х. Вольф взял на себя труд подобрать для Петербургской Академии ученых. Так в России оказался великий математик Л. Эйлер. В 1749 г. в разговоре с Фридрихом II на вопрос, «где я изучал все то, что я знаю, — писал ученый, — я в соответствии с истиной ответил, что всем, что я знал и изучил, я обязан пребыванию в Петербургской Академии»²⁰⁰. Правда, были и другие суждения. Например, Лейбниц незадолго перед своей смертью писал Петру I: «В Вашем государстве все, что касается до науки, еще ново и подобно листу белой бумаги»²⁰¹.

Среди первых российских академиков были ученые, прибывшие из Кенигсберга. Выделялся из них талантливый лингвист, историк и востоковед Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер (1694—1738 гг.).

Родом из Кенигсберга, из семьи бедного живописца, пере-

селившегося из Венгрии в Восточную Пруссию из-за религиозных преследований, Байер с детства пристрастился к чтению древнеримских писателей, еще в школе блестяще освоил латинский язык. В Кенигсбергском университете увлекся историей литературы и церкви, семитскими языками, потом жизнью народов Китая. В течение двух лет после окончания университета путешествовал по Германии, в Галле изучал арабский язык, в Лейпциге составил каталог восточных рукописей городской библиотеки и получил степень магистра. По возвращении в родной город читал в университете лекции по древнегреческой литературе, работал в Альтштадтской публичной библиотеке, занимал пост проректора кафедральной школы. Но тут случай круто изменил его судьбу.

Придворный медик Петра I Лаврентий Блюментрост (будущий первый президент Петербургской Академии наук) по просьбе царя попросил Вольфа подыскать ему хорошего историка для работы в Петербургской Академии наук. В Кенигсберге об этом стало известно математику Гольдбаху, который и посоветовал Байеру поехать в Россию.

В Академии Байеру предоставили на выбор кафедры древностей, восточных языков и истории или должность официального историографа императрицы Екатерины I. Ученый выбрал древности и восточные языки и 3 декабря 1725 г. подписал контракт.

В российской столице талантливому кенигсбержцу покровительствовали знаменитый сподвижник Петра I Феофан Прокопович и влиятельный при дворе императрицы граф Остерман. Хорошие отношения сложились у него и с историографом Г. Ф. Миллером. Остерман помог Байеру получить доступ к китайским и монгольским рукописям, кроме того, историк стал изучать санскрит. Надежда ученого найти в России богатое собрание восточных рукописей оправдалась лишь частично, а мечте попасть из России в Китай не суждено было осуществиться. Внимание Байера привлекла история Древней Руси. В издававшихся при Академии ученых записках под названием «Комментарии» исторический отдел был заполнен статьями Байера. В них он впервые дал критический анализ источников по истории образования Киевской Руси — античных, византийских, немецких и скандинавских. Фонд сохранившихся русских источников был невелик. Начальную русскую летопись по Радзивилловскому списку (ее копию по указанию Петра привезли из Кенигсберга) историк использовал в переводе, сделанном поэтом В. К. Тредиаковским²⁰².

Выводы Байера легли в основу знаменитой «норманской теории» образования государства восточных славян. Эта теория, отводящая определяющую роль в истории древнерусской государственности скандинавским варягам, остается до сих пор рабочей гипотезой многих, в основном зарубежных, историков. Вскоре после своего появления она стала использоваться не

только в научных целях (вызвав в ответ «антинорманскую теорию»), но и в политических.

21 февраля 1738 г. Байер умер в Петербурге от горячки. Около трех лет после этого Академия вела переговоры с вдовой ученого о продаже оставшихся после него уникальных рукописей, которые затем поступили на хранение в академическую библиотеку.

Упомянутое рукописное наследие Байера дает повод, чтобы отметить еще одно книжное собрание человека, имеющего непосредственное отношение к теме нашего повествования. Речь идет о Готфриде Пашке, который в 1726 г. студентом приехал в Петербург вместе с академиком Байером. Здесь он продолжал учиться в академическом университете и одновременно работал у И. Д. Шумахера в библиотеке, затем некоторое время изучал право в Галле, вновь вернулся в Россию и до самой кончины в 1740 г. работал юрисконсультom в Юстиц-коллегии. Ничем особенным себя не проявил, но собрал собственную «отборную», по свидетельству Миллера, библиотеку, которую после его смерти купила Академия. В этой библиотеке было сравнительно немного книг (чуть более пятисот), но зато каких! Книги XVII, XVI и даже XV вв., вплоть до первопечатных, так называемых «инкунабул», которые даже в XVIII в. считались большой редкостью²⁰³.

В рассказе о Байере промелькнуло имя Христиана Гольдбаха, его коллеги по университету, который посоветовал ему поехать в Россию. Сам Гольдбах тоже был в числе первых российских академиков по кафедре высшей математики. Уроженец Кенигсберга, в молодости он много путешествовал по Германии, Франции, Италии, Голландии, Англии, познакомился со многими учеными Европы, а в 1711 г. с Лейбницем, после чего долго переписывался с ним. В 1725 г. оказался в Риге, где узнал об организации Петербургской Академии, связался с Блюментростом и заключил с ним контракт с условием заниматься математикой и писать историю Академии. Как ученый Гольдбах был известен трудами по теории чисел и математическому анализу, сформулировал (1742 г.) так называемую «проблему Гольдбаха». А вообще он был человеком универсальных знаний: еще в Кенигсбергском университете кроме математики занимался на юридическом факультете, увлекался медициной. В Петербургской Академии произвел впечатление знанием латыни и был назначен конференц-секретарем для ведения протоколов на латинском языке. Ему поручалось сочинение стихов и надписей по-латыни в дни придворных праздников. Наконец, Гольдбах был автором целой серии медалей, выпускавшихся по случаю различных событий времен царствования Анны Ивановны.

Жизнь в России сложилась для Гольдбаха в целом благополучно, он сделал здесь хорошую служебную карьеру. Попав под покровительство влиятельных особ, был приставлен настав-

ником к наследнику престола Петру II. Не поладив с Шумахером, просил об увольнении из Академии и был определен в 1742 г. в Коллегию иностранных дел в чине статского советника с сохранением звания почетного академика (здесь его высоко ценил канцлер А. П. Бестужев-Рюмин), позже пожалован имением в Дерптском уезде, а в 1760 г., после представления программы воспитания великого князя Павла Петровича (будущего императора), получил чин тайного советника (III класс Табели о рангах, соответствовавший генеральскому званию), в котором и оставался до конца жизни (1764 г.). Судьба Гольдбаха — во многом типичный для XVIII в. пример служения немца России.

В одно время с Байером и Гольдбахом в Кенигсбергском университете преподавал доктор права («разных прав дохтур», по русским документам), уроженец Данцига Иоганн Симон Бекенштейн. Под влиянием Байера в конце 1725 г. он заключил контракт на пять лет с Петербургской Академией наук по кафедре правоведения. По прибытии в Россию Бекенштейн понял, что ему не удастся здесь применить свои профессиональные знания в полном объеме. Европейское право имело мало общего с правом феодальной России, незнание русской правовой специфики — все это сильно сужало круг учеников Бекенштейна в Академии. В основном это были иностранцы или «некоторые дети от иноземцев, в России рожденные», а из «российской нации, — писал Бекенштейн, — у меня в обучении никого не бывало, и для того учения никто ко мне не явился ж».

С 1727 г. Бекенштейн редактировал газету «Санктпетербургские ведомости», которая тогда издавалась Академией. До появления своей издательской базы Академия пользовалась различными зарубежными типографиями, в том числе и в Кенигсберге. Именно здесь были напечатаны публичные речи академиков Г. Бюльфингера и Я. Германа, произнесенные на торжественном собрании открытия Академии 27 декабря 1725 г.²⁰⁴

Неожиданно для Бекенштейна ему было поручено написание труда по геральдике. В 1731 г. Бекенштейн опубликовал (на немецком языке) первое в России руководство по геральдике на основе немецких геральдических правил. После этого по поручению Военной коллегии он составил несколько вариантов гербов для знамен полков, квартированных в слободских городах. Бекенштейна привлекали также к составлению знамен морских полков, к подготовке проектов торжественных иллюминаций. Он был автором печати Академии, а также давал рекомендации по поводу изображения символических фигур, украшающих здание Академии наук²⁰⁵. В 1735 г. Бекенштейн в звании почетного академика уволился из Академии и уехал в Кенигсберг.

Оставил свое имя в летописи Российской Академии наук курляндец граф Карл Кейзерлинг, также выпускник Кенигсбергского университета. Именно он помог знаменитому Бирону устроиться на службу ко двору вдовствующей курляндской гер-

цогини Анны Ивановны (будущей императрицы), и это стало судьбоносным событием в жизни захудалого курляндца. При императрице Анне Кейзерлинг стал вице-президентом Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел и привлек к ее работе в качестве эксперта-правоведа своего кенигсбергского учителя Бекенштейна. В июле 1733 г. Кейзерлинг стал вторым после ухода Блюментроста президентом Академии наук, а через несколько месяцев перешел на дипломатическую службу. Перед отъездом за границу он поручил управление Академией кенигсбергским профессорам Гольдбаху, Байеру, Бекенштейну, а также Шумахеру. Вскоре был назначен новый президент, курляндский барон Иоганн Альбрехт Корф, который также учился в Кенигсберге у Бекенштейна и Байера.

Не трудно заметить, что «кенигсбергское землячество» играло далеко не последнюю роль в Академии благодаря своим прежним связям с влиятельными курляндскими баронами. Механизм дружественных связей был тогда наиболее действенным при комплектовании Академии. Пример тому — трагикомическая история жизни в России академика по кафедре химии и практической медицины Михаила Бюргера.

Он был родом из Курляндии, учился в Галльском университете вместе с Л. Блюментростом, затем занимался медицинской практикой в Либаве. В 1716 г. в Кенигсбергском университете защитил диссертацию и получил степень доктора. И хотя научных трудов не создал, его однокашник и приятель президент Академии Блюментрост пригласил друга в Петербург, заключив с ним контракт, предусматривающий годовой оклад в 800 рублей (обычный академический оклад того времени — 600 руб.). В марте 1726 г. новоиспеченный академик приехал в Россию. Проявить себя в науке ничем не успел, так как 22 июля того же года, возвращаясь домой из гостей от Блюментроста, он выпал из коляски и разбился насмерть.

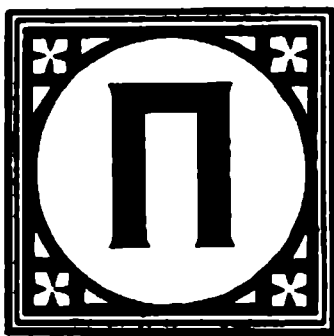
Далеко не все иностранные ученые соответствовали званию академиков. Но самые талантливые из них, такие как Эйлер, братья Бернулли, Делиль, Рихман, Миллер и другие, стали создателями научных школ, в которых формировались национальные научные кадры: В. Е. Адодуров, С. К. Котельников, С. Я. Румовский, С. П. Крашенинников, великий М. В. Ломоносов.

Немецкое влияние на Россию в XVIII в., несомненно, сказывалось, но восточнопрусские научные и культурные элементы в нем не были определяющими. Ближе были немцы российской Прибалтики, подданные России и вместе с тем носители германских культурных традиций. Пока не открылся университет в Дерпте (Тарту), прибалтийские немцы ездили учиться в Кенигсберг, Берлин, Геттинген, Лейпциг и другие города Германии. Многие из них потом служили при царском дворе в Петербурге, в государственных учреждениях, в армии, в научных и культурных центрах России.

Но и сами русские люди из привилегированных сословий

все чаще в XVIII в. появлялись в университетах Германии или путешествовали по Европе. Из Петербурга путь лежал через Кенигсберг. Екатерина II в качестве невесты наследника русского престола вместе с матерью проезжала через город на Прегеле в январе 1744 г. В 1776 г. ее сын цесаревич Павел Петрович, будущий император, вместе с женой, отправляясь в заграничное путешествие, посетил Кенигсберг; в декабре 1769 г. здесь окажется сподвижница Екатерина II, в будущем президент Российской Академии и директор Петербургской Академии наук княгиня Екатерина Романовна Дашкова; через 20 лет, в июне 1789 г., город посетит и встретится с Кантом русский писатель и историк Николай Михайлович Карамзин, чуть позже в Веймаре произойдет его встреча с философом Гердером и писателем К. М. Виландом. Просвещенные люди двух стран очень хорошо понимали друг друга.

ПРОВИНЦИЯ РОССИИ (1757—1762 гг.)

период 1756—1763 гг. был особым в истории отношений России и Пруссии. Государства,

не имеющие общих границ, становятся участниками длительной и жестокой войны, известной в истории как Семилетняя, хотя боевые действия непосредственно между Пруссией и Россией длились четыре с половиной года.

Поводом для войны послужило вооруженное столкновение между Австрией и Пруссией за обладание Силезией. Фридрих II, вступив на королевский престол, сразу же устремил вождеденный взор на эту благодатную австрийскую провинцию. На противоборство двух стран наложился колониальный конфликт Англии и Франции. Локальные противоречия переросли в войну общеевропейских масштабов за территориальный передел, в орбиту которой оказалась втянутой и Россия. Прямых интересов на Западе в тот период у России не было, они лежали на юге, на пути к Черному морю. Но именно это обстоятельство послужило причиной союза России с Австрией, которая обещала ей помощь в борьбе с Турцией в обмен на совместные действия против Пруссии. Венская дипломатия оказалась сильнее прусской и английской, старавшихся перетянуть восточного колосса на свою сторону. В результате тайных переговоров и хитроумных сделок крупнейшие государства Европы к 1756 г.

окончательно объединились в две противоборствующие группировки: Пруссия и Англия — на одной стороне, Австрия, Франция и Россия — на другой.

Семилетняя война началась в 1756 г. несколькими сражениями армий Австрии и Франции против прусских войск. Российские полки выступили в поход весной 1757 г. из Риги. По двум направлениям — через Мемель (Клайпеду) и Ковно (Каунас) — русская армия вышла на территорию Восточной Пруссии, продвинулась за Инстербург (Черняховск). У деревни Гросс-Егерсдорф (недалеко от нынешнего поселка Междуречье) 19 августа (по старому стилю) произошло ожесточенное сражение, в котором прусские войска под командованием фельдмаршала Левальдта были разбиты. Путь на Кенигсберг как будто оказался открытым. Однако победители неожиданно повернули назад и через Тильзит (Советск) покинули пределы Пруссии, оставив в своих руках только город Мемель. Таково краткое изложение событий 1757 г.

Фельдмаршала Апраксина, командовавшего русской армией, обвинят в трусости, предательском поведении и даже в прямой измене. Некоторые историки свяжут его отступление с болезнью императрицы Елизаветы Петровны. Действительную причину отказа русского командования от наступления на Кенигсберг после победы в Гросс-Егерсдорфской битве и отвода армии в Литву и дальше в Курляндию высказал на допросах сам Апраксин — это крайний недостаток продовольствия и убыль солдат.

Лето того года в Пруссии было чрезвычайно жарким. В походном журнале армии значилось: «несносные жары, кои собою чинят поход трудным, лишили еще нас способа получать провиант и фураж водою, ибо от того реки так обмелели, что суда проходить не могли». Основной артерией снабжения была река Неман. Но суда, дойдя до Юрбурга (Юрбаркас, Литва), там застревали. Куршский залив тоже обмелел. «Необходимость была свозить к армии провиант на обывательских подводах, что сколько труда, столько и времени требовало»²⁰⁶. На местные ресурсы рассчитывать не приходилось — это подтверждала разведка. Кроме того, армия, совершив большой переход в пешем порядке, в жару, выдержав крупное сражение, принимая участие в непрерывных стычках, имела большие потери: больных и раненых до 20 тысяч человек²⁰⁷.

Нельзя было также не учитывать, что Левальдт, проиграв сражение, сумел сохранить армию и даже пополнить ее за счет ландмилиции до 25 тысяч человек. Он отошел к Тапиау (Гвардейск), где имел значительные оборонительные укрепления и естественную водную преграду: р. Прегель и впадающую в него р. Дейму. Левальдт чувствовал себя уверенно, так как по всей Пруссии в помощь ему создавались подразделения резервистов. Разведчики доносили Апраксину: «Ландмилиция в маленькие корпуса собрана и всю амуницию имеет; в роты, в батальоны и полки учреждена и беспрестанно обучается».

И далее: «Из всякого крестьянского двора, где токмо два человека, один в ту ландмилицию взят»²⁰⁸.

С учетом всех неблагоприятных обстоятельств, Военный совет армии (не лично Апраксин) принял решение: «От здешнего места поворотить в сторону и пробираться лучшими местами до Тильзита, а, прибыв туда, еще нынешним осенним временем место Лабио (Полесск) и р. Дейма завладеть и таким образом к доставлению себе довольствия провиантом путь очистить»²⁰⁹.

Расчеты Апраксина на Тильзит не оправдались. Продовольствия и там оказалось очень мало, и он, совершив ряд ошибок тактического и стратегического характера (в частности, не стал удерживать Тильзит), переправился на правую сторону Немана и увел армию на зимние квартиры.

Правительство не приняло в расчет оправдательных объяснений фельдмаршала, освободило его от командования армией и назначило на его место генерал-аншефа В. Фермора, поставив перед ним задачу в ноябре 1757 г. начать наступление и занять «оставленные напрасно хорошие города и амты в Пруссии... овладеть Лабио и Тапио»²¹⁰ и дальше действовать на Кенигсберг, Пиллау и Бранденбург (Ушаково). Новый главнокомандующий рассчитывал выйти в поход только весной, однако в середине декабря получил категорическое указание занять Кенигсберг²¹¹.

Наступление началось двумя колоннами. Одна — по льду Куршского залива к амту Русса (Русне, Литва). Вторая тоже к Руссе, только через Тильзит. После соединения колонн армия должна была следовать на Лабиау, Кенигсберг. Провианта брали с собой на месяц, запасы на последующее время планировалось доставлять из Риги по сухопутью.

Сопrotивления пруссаки почти не оказывали, так как Левальдта Фридрих II еще в октябре отозвал для борьбы со шведами. Небольшие подразделения, предназначенные для охраны границы, ничего сделать не могли, ополчение разошлось по домам. 3 января 1758 г. Кенигсберг покинул его гарнизон. Через два дня комендант Пиллау фон Вутенов бросил на произвол судьбы достаточно хорошо вооруженную крепость, захватив с собой денежную казну²¹². В день занятия русскими войсками Лабиау большинство чинов высшей правительственной инстанции, включая министров, эвакуировались в Данциг. В условиях общей растерянности властные функции управления в провинции взяли на себя руководители округов (камор). 7 января амтрат Лабиау Рахов при встрече русского авангарда сообщил: «...из Кенигсберга от тамошняго главного комериального правления во все здешние амты указы разосланы войска Вашего Императорского Величества везде без сопротивления встречать и принимать»²¹³.

Еще ранее, 1 января, Фермор сообщал Румянцеву, что «... вчерашнего числа получил из амта Русса от амтрата Куверта приятное известие, что в оном амте войска никакого нет и

почти вся Пруссия подвергается Ее Императорскому Величеству в подданство...»²¹⁴ Гумбинненский камер-президент Домхард направил письмо Фермору, прося принять «в протекцию Гумбинненский округ», ходатайствуя при этом, чтобы «за столь добровольную покорность не толь много постоем (жители) отягощаемы были»²¹⁵.

Предвидя неминуемый захват провинции русскими войсками, представители здешней власти решили, что лучше не подвергать опасности жизни населения, а города и деревни разрушениям, а отдаться «под другую корону».

10 января прусская делегация в составе вице-президента трибунала Грабовского, советника Ауэра и кенигсбергского бургомистра Гиндерниса прибыла в Каймен (Заречье, Гурьевский район), куда уже собрались все «окружных амтов советники». Делегация имела на руках письмо, подписанное семью высокопоставленными чинами: действительным тайным, статским и военным советником и обер-маршалом Валленродтом, действительным, тайным, статским и военным советником Лесвингом, камер-директором Река и другими²¹⁶. В российских источниках, как правило, публиковалось только письмо, но прошение (как тогда говорили — пункты), приложенное к нему, опускалось²¹⁷. А именно в нем содержались «чрезвычайно смелые условия капитуляции», как выразился их первый публикагор генерал Д. Масловский. Настолько смелые, что они фактически предоставляли населению возможность жить даже лучше, чем при прежнем королевском правлении.

Всего «испрашивалось» 17 пунктов²¹⁸. Особого внимания заслуживал первый. Он гласил: «Город Кенигсберг при его привилегиях, вольностях, правах и преимуществах, как оныя им от каждого природного государя от времени до времени получаемы были, защищать следовательно ж». То есть практически в жизни Кенигсберга, столицы королевства Пруссии, ничего не должно было меняться. А вот дальше шли дополнительно требуемые выгоды:

ограничивать число войск, расквартированных в Кенигсберге; оставить на своих местах гражданских чиновников и священнослужителей, с их прежними окладами и другими доходами; предоставить городу право распоряжаться казной; не ограничивать торговлю, не нарушать ни водных, ни сухопутных связей как внутри провинции, так и с границей; обеспечить права местного дворянства, получение им доходов с имений; сохранить также права и привилегии купцов, пивоваров и еще ряд других льгот.

Выслушав делегацию, Фермор хотя и сослался на отсутствие соответствующих полномочий при решении подобных важных вопросов, но «обнадежил (депутатов) генеральною монаршею милостью», обещал «их прошения предоставить на всевысочайшее благоизобретение»²¹⁹.

Неожиданное появление в Каймене парламентаров несколь-

ко расстроило планы Фермора. Еще накануне он рассчитывал дать войскам отдых после чрезвычайно трудного марша, а затем войти в Кенигсберг. Пришлось отказаться от этого намерения. В три часа ночи русская пехота выступила из Каймена и к 11 часам заняла форштадты (пригородные части) Кенигсберга. «Мещанский караул» прусской милиции уступил свои посты гренадерам полковника Яковлева. Кенигсберг фактически оказался в руках русских. Началась подготовка к встрече русского главнокомандующего Фермора, красочно описанная в «Записках» Болотова: «Въезд его в сей город был пышный и великолепный. Все улицы, окна и кровли домов усеяны были бесчисленным множеством народа. Стечение оно было превеликое, ибо все жадничали видеть наши войска и самого командира, а как присовокуплялся к тому и звон колоколов во всем городе, и играние на всех башнях и колокольнях в трубы и литавры, продолжавшиеся во все время шествия, то все сие придавало оному еще более пышности и великолепия» ²²⁰.

Фермор со свитою, проследовав сквозь толпу любопытных зрителей, въехал в замок. Там его встретили оставшиеся члены местного правления во главе с Лесвингом и преподнесли «ключи от города». О каких ключах идет речь, ведь в крепостной ограде Кенигсберга было несколько ворот? Вопрос снимает сам Фермор, который в своей реляции о январских событиях сообщал: «В то же самое время принесены ко мне от здешняго правительства ключи здешней цитадели Фридрихсбурга и Пилавской крепости» ²²¹.

Войска продолжали входить в Кенигсберг. Уже в сумерках в город прибыла артиллерийская бригада, чуть позже остальные полки бригады Резанова. Орудия разместили на площади замка, часть войск в самом городе, но большинство полков и эскадронов, с утра окружавших Кенигсберг, долго оставались без крова. Жители приглашали к себе на постой только офицеров ²²². Умиротворенный великолепным приемом главнокомандующий, похоже, при всем этом забыл о главном действующем лице, солдате, который, пройдя с трех часов ночи более двадцати верст, остался ночевать в поле. Несмотря на это, обошлось без происшествий: дисциплина была достаточно строгой, и случаев самозахвата домов, притеснения местных жителей не было.

Первое, к чему приступил Фермор, — 13 января отдал распоряжение о приведении к присяге жителей и чиновников ²²³. При этом он руководствовался манифестом Елизаветы Петровны от 31 декабря 1757 г., в котором указывалось, что «жители сами добровольно предались в нашу протекцию» ²²⁴. Церемония присяги началась 14 января. Это был день рождения Фридриха II, и можно только предполагать, какие чувства испытывали жители, преданные в душе королю. Наиболее торжественно проходила присяга в Кенигсберге. Вначале зачитывался манифест императрицы. Затем пастор оглашал текст присяги. Присутствовавшие в церкви громко повторяли его, клялись «быть

верными и покорными русскому правительству»²²⁵. Вначале присягали высшие чины, потом шли профессора и преподаватели университета, чиновники различных учреждений. Был здесь и приват-доцент Иммануил Кант, хотя подписи философа под текстом присяги современные кантоведы пока не обнаружили. Но это не означает, что Кант уклонился от выражения верности русской императрице. Сохранилось его письмо к Елизавете по поводу соискания должности ординарного (штатного) профессора логики и метафизики, в котором он объявляет о своем желании верой и правдой служить новой власти.

В городах и селах процедура приведения к присяге растянулась на два месяца²²⁶.

Когда схлынула эйфория первых дней пребывания новой администрации в провинции, Фермор исподволь начал принимать меры по «видоизменению Кайменского договора». Прежде всего следовало уточнить пункт относительно местной собственности, сформулированный прусской делегацией, надеявшейся, что «персоны останутся в спокойном владении всего их селения, где бы оное ни находилось». В принципе, сохранение собственности было обещано манифестом Елизаветы, правда, только для лиц, не сбежавших из провинции. Не выходя за пределы прав, данных манифестом императрицы, Фермор приказал «отписать (описать) имущество у тех... кои перед вступлением в город (русских) ретировались... объявить, что их деревни и дома в городе взяты быть имеют в секвестр (владение до конца войны), за что они... дерзнули... из города удалиться, и ежели они не возвратятся, то все их движимое и недвижимое имущество конфисковано будет»²²⁷.

Надо сказать, что это объявление, сделанное в замковой кирхе сразу же после присяги, во многом осталось невыполненным. Создается впечатление, что Фермор не полностью оправдал надежды прусского руководства провинции в отношении льгот жителям, хотя в нашей литературе говорится обратное.

Несомненно, правление Фермора было либеральным, но ряд ограничений для побежденных он все же сделал. Например, объявил, что все доходы земли Пруссии поступают в русскую казну, «а в расход без позволения никуда употребляемы не были». «Для собрания доходов и налагаемой на здешний и прочие в Пруссии города денежной контрибуции», а также «для собрания по военному обыкновению на довольствие армии фуражной и провиантской контрибуции» назначались специальные должностные лица. Распоряжения были оформлены соответствующими указами «в канцелярию Кенигсбергского правления, також к президентам Кенигсбергской и Гумбинненской камор в магистрат и в консисторию... которой тогда же предписано каким образом за высочайшее здоровье Ея императорского величества и всей императорской фамилии в кирхах при отправлении службы молиться»²²⁸. Как видно, не забытой осталась и духовная сфера деятельности. К этому можно отнести

и подчинение генерал-губернатору местного органа печати, выходявшего с изображением российского двуглавого орла (прусские гербы во всех официальных местах были заменены к концу января).

Русские власти назначались только в самые крупные города, занятые русскими войсками. Обязанности комендантов, а также старших воинских чинов ограничивались наблюдением за внутренним порядком. Во всех остальных случаях местные власти оставались самостоятельными, разве что могли получить указание «ведомость подать, сколько всякого звания хлеба и фуража у всех обывателей находится»²²⁹. За обеспечение русской армии продовольствием поставщикам платились деньги.

В начале февраля 1758 г. в Кенигсберг прибывает указ Елизаветы, содержащий по сути все ответы на указанные выше «пункты» кайменского прошения и который стал практически конституцией новой российской провинции. Пруссия, несмотря на то, что не все «пункты» были удовлетворены, получила такие права, свободы, льготы, каковых не имела ни одна внутренняя губерния России.

Прежде всего указом подтверждались все льготы, которые имели ранее различные общества и отдельные лица. Гарантировались свобода религии, свобода внутренней и внешней торговли. Мало того, последняя попадала под покровительство русского флота, а он доминировал на Балтийском море.

Все государственные доходы провинции Пруссия поступали в казну. Собственно, этим только подтверждалось прежнее распоряжение Фермора, но указом от казны освобождались общественные деньги: церковные расходы, доходы благотворительных обществ... Владельцам имений было разрешено вернуться в свои поместья, причем обеспечивался свободный проезд по территории, занятой русскими войсками. Имена всех тех, кто находился на службе у Фридриха II, подлежали секвестру.

Любопытным является еще одно положение указа. Речь идет о службе — как военной, так и гражданской. Подтверждалось, что насильно никто из жителей провинции не будет взят в русскую службу, но для желающих доступ свободен. И это при жестких требованиях комплектования прусской армии, например, в Саксонии. Тот же либерализм допускался и в отношении прусских чиновников, которые могли или служить в российской администрации, или не служить.

В указе императрицы целый раздел отводился Кенигсбергскому университету, которому гарантировались все расходы и объявлялась полная свобода обучения.

По поручению Фермора полковник Яковлев составил военно-статистическое описание провинции. В его записке отмечалось, что Пруссия выращивает все сорта хлеба, изобилует сеном и овощами. Русские солдаты познакомились здесь с картофелем. По свидетельству Болотова, пытались есть его

сырым. В свою очередь, русские познакомили пруссаков с чаем, кофе, привели их в восторг пуншем²³⁰. Недостаток провинция испытывала в лесе. Но главное — край был здорово истощен налогами. С начала Семилетней войны кроме обычных податей Фридрих II собрал в Пруссии 600 000 талеров²³¹ в виде займа. Для сравнения сообщим, что сумма расходов Пруссии на содержание русской армии с января 1758 г. по сентябрь 1759 г. (то есть за сопоставимый период) не превышала 94 509 талеров²³².

Благодаря полковнику Яковлеву мы имеем наиболее достоверные сведения о населении провинции. Общая его численность составляла 521 232 человека²³³. Городское население достигало 20 процентов, причем в Кенигсберге проживало 40 тысяч, а остальные города имели в среднем по одной тысяче. Надо учесть, что общее количество населения за годы войны сократилось, ибо в 1756 г. и 1757 г. были произведены рекрутские наборы в прусскую армию, часть населения, особенно приграничных районов, ушла в Польшу. Кроме того, полвека назад здесь прошла опустошительная чума. Если прибавить к этому, что территория провинции включала в себя земли, ныне принадлежащие Польше и Литве, то общая плотность населения выглядела очень небольшой. Для Пруссии война в подобных условиях была особо тяжелой.

Переход под юрисдикцию России не освобождал провинцию от военных тягот, однако новый режим власти не был оккупационным в прямом значении этого слова, ибо не носил той военной жестокости, что обычно свойственна для территорий, захваченных насильно. Для России никогда не существовало навязчивой идеи овладеть Пруссией, и она заняла ее в силу своих союзнических обязательств и сложившихся обстоятельств в Европе, требовавших ограничить растущую агрессивную мощь прусского короля Фридриха II.

За последнее время появляется все больше переводной литературы об ужасах русской оккупации Пруссии во времена Семилетней войны. Это обычные пропагандистские стереотипы. В них мало добросовестного и тщательного исследования исторических фактов и событий. Конечно, императрица Елизавета получала отдельные жалобы на поведение русских войск. Одну из них она поручила разобрать губернатору Пруссии генералу Корфу. Речь идет о случае разорения имения графа Шлибена под Гердауэном (поселок Железнодорожный). В то время гердауэнские местности Шлибенов принадлежали двум братьям. В письме, направленном императрице, сообщалось, что у старшего из них казаки и калмыки сожгли пять деревень²³⁴. Однако проверяющие уточнили, что сожжена только одна деревня. В другой — один двор, причем скорее по неосторожности: жители покинули деревню, а казаки принялись выкуривать пчел из улья...²³⁵

Отношения между новыми властями и населением, особенно в период правления губернаторов Фермора и Корфа, были бес-

конфликтными. Конечно, очень много зависело от позиции губернаторов.

Говоря о русской администрации в Пруссии, следует обратить внимание на то, что во всех современных изданиях авторы не делают различий между генерал-губернатором и просто губернатором, хотя эти две должности существовали здесь параллельно²³⁵.

Первым генерал-губернатором новой российской провинции был назначен Виллим Фермор. Оставалась за ним и должность главнокомандующего русской армией. Но в марте он выехал на Вислу, где сосредоточивалась армия для новых походов. Управление провинцией стало затруднительным. В связи с этим административные функции было решено передать особому губернатору, подчинив его главнокомандующему (генерал-губернатору). В начале мая Фермор объявил всем воинским начальникам, «что в облегчение моих трудов по генерал-губернаторству королевства Прусского определен генерал-поручик Корф с жалованием по 500 рублей на месяц с доходов Пруссии»²³⁷.

После Корфа руководство провинцией осуществляли еще три губернатора: В. И. Суворов, П. И. Панин и Ф. М. Воейков. В то же время сохранялась и должность генерал-губернатора.

Фермор и Корф были немцами, хотя вся их служба прошла в русской армии. Видимо, этим объясняется их отношение к местному населению как к соотечественникам. Ими допускались и послабления, часто неоправданные. Официально же они руководствовались манифестом Елизаветы Петровны от 6 марта 1758 г., в котором указывалось: «...соизволяем мы и среди самой войны пещись сколько можно о благосостоянии невинных худому своему жребию земель, потому торговлю их и коммерцию не пресекать, но защищать и вспомоществовать»²³⁸.

Торговля была тем инструментом, с помощью которого российское правительство и высшие представители Пруссии рассчитывали завоевать расположение местного населения, понимая, что Кенигсберг — в первую очередь торговый город. Всячески поощрялась инициатива русских купцов в завязывании торговых связей с прусскими негодциантами. Документы сохранили для нас имена осташковца Спиридона Фалина, великолужца Алексея Збоилова, Акинфа Антонова из Торопца и других, приезжавших со своим товаром на здешний рынок или поставлявших продукцию для русской армии. (В отличие от других армий-победительниц, снабжавшихся за счет побежденных, русские войска получали часть продовольствия и других необходимых товаров из империи.)

В то же время, несмотря на призывы правительства развивать торговлю, объемы ее были невелики, поэтому императрица вынуждена была издать еще один указ 23 мая 1758 г.: «Многие однако ж сомневаются отпускать свои товары и корабли в земли короля Прусского. И для того сим вторично объявляем, что понеже непременно усердствуем мы о распространении и сво-

бодной общей на Балтийском море коммерции, то соизволяем, что она не токмо с землями короля Прусского отсюда и из прочих мест без препятственно производима была, но что б и прочие королевства Прусского области... оною пользовались, и в том от нашего флота никакого помешательства не имели»²³⁹.

А что же местные купцы? Дискриминации их не было. Накладывались иногда ограничения на вывоз зерна, на торговлю с Гамбургом, Любеком. Но то диктовалось военными обстоятельствами.

Один из наиболее сложных вопросов, которые пришлось решать российской администрации, был связан с отправлением религиозных обрядов. В самом Кенигсберге оказалось большое количество русского населения: немало военнослужащих (с марта 1758 г. Азовский и Архангелогородский пехотные полки²⁴⁰, госпиталь, комендатура), купцы. Между тем в городе было 18 церквей²⁴¹, из которых четырнадцать лютеранских, три кальвинистских и одна римско-католическая. Православных не было.

Какой находили выход? Использовали полковые церкви. Походные, с небогатой утварью, они попеременно (полки же менялись) развертывались в королевском замке и считались гарнизонной церковью. В Пиллау, где гарнизон составлял батальон вначале Пермского, а затем Троицкого и Сибирского пехотных полков, православной церкви также не было. В этой обстановке губернатор Корф обратился к императрице с просьбой «отправить в Кенигсберг, Пиллау и Мемель по одной церкви с надлежащей церковной утварью». В апреле 1759 г. российскому Синоду было дано высочайшее указание «в Кенигсберге, Пиллау и Мемеле подготовить удобные дома или тамошние публичные кирхи», а 20 июля 1760 г. (!) архимандрит Ефрем сообщает о своем прибытии в Кенигсберг и просит дать указания на выделение под церкви соответствующих зданий. Корф предложил в столице Пруссии шесть помещений, среди них: Московский зал в замке, над лютеранской церковью; Королевский дом, располагавшийся на улице, «идущей в сторону к Гумбинам» (бывшая Кенигштрассе, ныне улица Фрунзе); лютеранско-католическую церковь, именуемую польской, на улице Штайндаммской... Церковнослужителями была выбрана церковь, более известная ныне как Штайндаммская кирха. Это одна из наиболее старых кенигсбергских церквей, известная еще с 1256 г. С 1526 г. церковью пользовались польские и литовские прихожане. Об этом сообщает и Корф: «...за лутчее и приличнее избрали церковь самуе ту, которая построена в Кенигсберге первой именуясь Николаевской...»

4 сентября 1760 г. торжественно, при большом стечении местного населения состоялось освящение церкви. Многие свидетельствовало о том, что население Кенигсберга с интересом относилось к обычаям и традициям русских: любой русский праздник привлекал толпы народа. И после освящения церкви, когда последовала божественная литургия, «весьма изрядная пропо-

ведь»... «во все то время, которое продолжалось с десяти часов пополуночи и до первого часу пополудни, народ все оное смотрел с крайним удивлением, великолепие в церковных украшениях и сооружениях с церковными пениями наипаче их удивляло»²⁴².

...В Европе шла война. А до Пруссии доходили лишь слабые ее отзвуки и отголоски. Россия же принимала в войне непосредственное участие и ощущала все ее тяготы. Экономика и финансы оскудевали. Российская общественность все громче стала проявлять признаки недовольства тем, что новая провинция фактически никаких обязанностей по оказанию помощи армии не несет. И тогда в конце 1760 г. на смену Корфу русское правительство направляет В. Суворова, который вступил в должность губернатора 5 января 1761 г.²⁴³.

Отец будущего генералиссимуса был влиятельным в военных кругах человеком, состоял членом военной коллегии. А когда для улучшения снабжения продовольствием действующей армии потребовался энергичный человек, генерал-провиантмейстером был назначен В. Суворов. Это произошло 20 апреля 1760 г. Полевое провиантское управление находилось в Кенигсберге²⁴⁴. В городе в те годы бывало много российских военных и гражданских чиновников. Так что в появлении еще одного чиновника не было ничего необычного. Первым почувствовало его присутствие местное население. При непосредственном участии В. Суворова начали создаваться постоянные транспорты для подвоза провианта, формировался парк подвод, обслуживание которого возлагалось на население. Все это проводилось в новом порядке, шло за счет выплат в казну.

Благоприятный резонанс среди населения вызвала деятельность нового губернатора по восстановлению защитных сооружений в районе Лабиау. Сильный шторм в январе 1761 г. разрушил береговые дамбы, снес мосты. В результате семьдесят деревень оказались затопленными. На место стихийного бедствия был направлен в качестве организатора восстановительных работ капитан Пермского полка Александр Обрезков. Губернатор лично контролировал, как идет ликвидация последствий шторма, требовал еженедельных отчетов от Обрезкова: где сделано, как, сколько подвод работало. Сохранилось его письмо капитану: «Три рапорта Ваших получил. Поручика Карелина оставьте себе в помощь. Правильно обнадеживаете амтманов о сокращении расходов на починку. Служите казне. В Гумбинненскую камору дано указание, чтобы амтманы желающим вступить в работу препятствия не чинили».

Интересен отчет Обрезкова о выполненных работах (неотложные из них были завершены к ноябрю 1761 г., другие продолжались и в 1762 г., пока новый губернатор Панин весной их не прекратил). В нем по месяцам, дням указано, сколько было людей с подводами и без, сколько перевезено земли, сколько выплачено в день за работу. Указаны воскресные дни, непого-

да и лютеранские праздники — дни, когда работы не производились. Приведен расход материалов и их стоимость. Даже на бумагу и чернила — четыре талера. И результат: затраты составили 6 295 талеров 56 грошей, экономия от запланированного — около 35 процентов. И как финал — благодарность Суворова: «...не оставляет вам за такое ваше к соблюдению интересов попечение и старание объявить вам похвалу и моего удовольствия рекомендацию»²⁴⁵. Но, может быть, наиболее значимым событием в деятельности В. И. Суворова на посту губернатора стала кампания по сдаче в аренду амтов.

Существовал в Пруссии порядок, по которому земли с находившимися на них деревнями сдавались на определенный срок в аренду. По его истечении аренда возобновлялась на основе перезаключения договора. Но за долгие годы все это сделалось пустой формальностью. Арендаторы-амтманы по сути владели наделами постоянно.

Суворов обратился в Сенат с просьбой разрешить ему организовать заключение новых договоров на конкурсной основе. С целью получения больших доходов с амтов он предложил отдавать землю в аренду (у кого истек прежний срок пользования) любому жителю, кто больше заплатит. Тем самым гарантировался дополнительный доход. Например, за амт Фридрихсберг (Псковское Озерского района) ежегодно по контракту платили 2 037 талеров 24 гроша 4 пфеннига. По торгу амт достался мещанину из Тапиау с наценкой 400 талеров в год.

Действия Суворова вызвали неоднозначную оценку. Сенат их одобрил. Старые амтманы оказались не конкурентноспособными. Появились жалобы. Положение было двойственным. Во-первых, в стороне оставались истинные хозяйственники, амты переходили в аренду зачастую случайным людям, не имевшим познаний, опыта в сельском хозяйстве. Во-вторых, повышался доход в казну. Губернатор видел, что доходы могут быть еще большими и, несмотря на недовольство амтманов, планировал продолжить задуманное на следующий год. Но не успел...²⁴⁶

В. И. Суворов, как и другие губернаторы, был близок ко двору, находился в курсе всех дел противоборствующих политических группировок. Как воспитанник Петра I, он являлся сторонником его дочери, Елизаветы Петровны, но, почувствовав, что время ее правления идет к концу, перешел в лагерь великой княгини Екатерины Алексеевны, будущей императрицы. За что и пострадал: сразу же по воцарении Петра III был снят с должности губернатора и вызван в Петербург. Ему грозила ссылка под видом назначения тобольским губернатором, но Суворов в Сибирь не поехал и принял даже участие в свержении Петра III.

Ровно год продолжалось губернаторство Суворова в Пруссии. Немного он успел сделать, но вникал во все дотошно, основательно, сократил количество расточительных балов, маскарадов. Прекратились обеды в замке для многочисленных чинов-

ников. Губернатор «во время правления своего слишком был усерден к пользе государственной и не столь к пруссакам был благосклонен, как его предместник, но предпринимал иногда дела, не совсем для них приятные»²⁴⁷. Положение в провинции изменилось. Ее налоговые тяготы и повинности были увеличены; начался сбор рекрутских денег, эксплуатация местных лесных богатств.

В России происходит смена власти. Почти одновременно с кульминационным моментом в войне Пруссии и России — взятием генералом Румянцевым крепости Кольберг, что являлось предвестником скорого поражения Фридриха II и последующего окончания войны, — умирает императрица Елизавета и на престол восходит Петр III.

Сторонник Фридриха II, Петр III в тот же день направляет к нему своего посланника Андрея Гудовича, незадолго до этого получившего образование в Кенигсберге, Галле и Лейпциге²⁴⁸, с извещением о своем воцарении и намерении установить вечную дружбу с Пруссией. Российские источники сообщают, что эти намерения Петр III осуществил уже в первом трактате от 24 апреля 1762 г., которым Фридриху II безоговорочно отдавались все территории, занятые русскими²⁴⁹. Однако А. Мыльников, автор исследования о самозванцах, выступивших под именем Петра III, сообщает, что такие оговорки все-таки были²⁵⁰. В частности, конкретная оговорка, в соответствии с которой в случае обострения международной обстановки вывод русских войск с территории Пруссии приостанавливается. Создается впечатление, что пруссофильские настроения русского царя не были безграничными. Это впечатление усиливается, когда начинаешь глубже вникать в суть вопроса.

Конечно, для российского общественного мнения того времени (да и сегодня тоже) действия Петра III выглядели странными, граничащими с предательством. Ведь после взятия Кольберга русскими войсками война уже угрожала жизненно важным центрам Прусского королевства, и Фридрих II готов был отказаться от своей восточной провинции. Инструктируя своего посла Гольца о ведении мирных переговоров с Россией, он указывал: «Они (русские) предложат отвести свои войска за Вислу, возвратить нам Померанию, но захотят удержать Пруссию или навсегда, или до заключения общего мира. На последнее вы соглашайтесь; но если они захотят оставить за собой Пруссию навсегда, то пусть они вознаградят меня с другой стороны...»²⁵¹.

Действия русского царя были для короля спасением. И совершенно невероятным представляется решение Петра III о переходе русской армии на сторону Фридриха II, хотя и без участия в боевых операциях.

Какой же все-таки резон был в действиях царя?

Пруссия в то время усиленно и безуспешно зондировала вопрос о заключении сепаратного мира с Австрией. Франция начала проявлять мирные настроения в отношении Англии.

Твердость союзников явно дала трещину, и для России возникла серьезная опасность оказаться в международной изоляции. И еще одно обстоятельство, которое стоит учесть. Петр III получил от короля гарантии оказать всемерную, вплоть до военной, помощь в возвращении его родной земли Шлезвига из-под датской оккупации, поддержать избрание курляндским герцогом вместо Э. Бирона принца Георга Людвига Голштинского, дяди императора, а на польский престол — дружественного России короля.

Значит, была все-таки логика в действиях Петра III. Кроме того, он так и не ратифицировал мирный договор, подписанный 8 июня 1762 г. (видимо, только специалисты знают, что это сделала Екатерина II в 1764 г., практически не внося в него изменений). Ссылки на то, что Петру III не хватило на ратификацию времени, неубедительны. Скорее всего, он тянул с ратификацией договора сознательно, ведь 14 мая он подписал указ Адмиралтейской коллегии, в котором воспользовался упомянутой выше оговоркой о приостановке вывода русских войск из Пруссии. В указе говорилось, что по причине «продолжающихся в Европе беспокойств не может армия наша из нынешних ее мест скоро возвращена быть, но паче же принуждена неотложно пополнять отсюда заведенные для нее магазины» (в том числе в Пиллау и Кенигсберге). В соответствии с этим повелевалось подготовить к выходу в море кронштадтскую эскадру («но до указу нашего не отправлять»), а ревельскую эскадру под командованием контр-адмирала Г. А. Спиридова, наоборот, как можно скорее послать «крейсировать от Рижского залива до Штеттинского, прикрывая транспортные суда»²⁵².

Австрийский посланник Ф. Мерски передает интересные слова Петра III о том, что «он (Петр) сделал уже очень много на пользу короля прусского; теперь ему, государю русскому, нужно подумать о себе и позаботиться о том, как ему подвинуть собственные дела и намерения. Теперь он не может выпустить из рук королевство Пруссию, разве только если король поможет ему деньгами»²⁵³.

Все эти подробности не были известны населению Пруссии. Местные жители, зная о симпатиях Петра III к Фридриху II, учитывая послабления, оказываемые русским царем в налоговой политике в Пруссии, другие знаки внимания, окончательно уверовали в скорое возвращение провинции под руку короля. Тем более что был установлен срок — спустя два месяца после подписания трактата от 24 апреля 1762 г. Пруссия должна перейти под юрисдикцию Фридриха II. Определялась и дата смены власти — 24 июня. Эта дата стала известна всем, но официальное сообщение о мирном договоре должно было появиться в печати только после его ратификации.

Губернатор Пруссии Панин считал, и вполне обоснованно, что начало всех мероприятий по смене власти должно строиться на законной основе, а не явочным порядком. «А понеже всякое

исполнение по сему трактату начало свое имеют от объявления и публикаций заключенного мира...» Однако на этот запрос главнокомандующий русской армией Салтыков ничего положительного сообщить не мог. «Копию о мире имею только для известии», разрешения на публикацию не было²⁵⁴.

Между тем представители короля, не дожидаясь официальных указаний, предъявляли свои требования. Особую активность проявлял президент гумбинненской каморы Домхард, решением Фридриха II временно возглавивший экономическую деятельность обеих камор. 23 июня он направил представление российскому губернатору, в котором, в отсутствии пока в Пруссии прежнего губернатора Левальдта, брал на себя всю полноту власти. Требования в представлении были жесткими, некорректными. Домхард писал, что торжественного мира до сего дня не было, не будет и завтра, хотя русские и ждут известия из Петербурга. Поэтому «предварительно спрашиваем, как сдачу города чинить сообразованно?» Остальные пункты выглядели в приказной форме: «2. Чтоб завтра поутру Фридрихсбургская крепость прусскому коменданту полковнику фон Гейдеку была отдана со всеми принадлежащими потребностями (охрану планировалось осуществлять гражданскими лицами). 3. Чтоб со всех государственных мест как в городе, так и у ворот солдат сменить, а вместо них от магистрата завтра поутру поставить... 4. Чтоб учрежденных по сие время в Мемеле, Пилаве комендантов равномерно сменили, тамошние крепости с принадлежностями потребными прусским офицерам отдать»²⁵⁵.

Надо отдать должное русской администрации. Она предвидела подобный ход событий. Требования Домхарда — это «верхушка айсберга». Если бы только они исчерпывали весь процесс передачи!

Все было значительно сложнее. Еще 20 мая 1762 г. Панин, получив известие о мире и возложенных на него обязанностях по «передаче королевства пруссакам», обратился к самому императору с просьбой ответить на некоторые «пункты». Он спрашивал, что делать с нетранспортабельными ранеными и больными, артиллерией, боеприпасами, вооружением, запасами амуниции, продовольствия, российскими деньгами на монетном дворе, церквями. Куда направлять российских чиновников, архивные дела и т. п.? На все эти и другие вопросы в трактате императора ответов не было. Они были получены от Петра III только 26 июня. Надо сказать, вполне конкретные ответы, предоставлявшие достаточную свободу действий губернатору. Среди них самый важный под п. 13: «О заключении между нами и его величеством королем прусским вечного мира, всевысочайше повелеваем в сем королевстве публиковать вам обнародованием мирного трактата и через то жителей того королевства всякого чина... от учиненной... нам поданической присяги свободными объявить»²⁵⁶.

До окончания правления Петра III оставалось всего два дня.

Если бы губернатор Воейков, сменивший Панина, убывшего в действующую армию, знал об этом, он не поспешил бы с публикацией прокламации от 27 июня, освобождавшей население от присяги на верность России²⁵⁷.

24 июня кенигсбергская газета появилась с прусским гербом, началась передача власти, а 28 июня 1762 г. в России совершился переворот, к власти пришла Екатерина II, и эти события получили особый отзвук в Пруссии.

Курьер, гвардейский офицер Коромышев, с известием о восшествии на престол Екатерины II был отправлен в действующую армию 28 июня. Путь его лежал через Кенигсберг, куда курьер прибыл предположительно 2—3 июля. Коромышев на словах передал губернатору Ф. М. Воейкову сведения о событиях в Петербурге. Официальное известие о них от главнокомандующего Салтыкова поступило в Кенигсберг 5 июля. На следующий день прибыл указ императрицы, адресованный непосредственно Воейкову²⁵⁸.

В рапорте Салтыкову от 6 июля²⁵⁹ Воейков уведомил командующего о своих действиях до получения официального указа «к принятию сего города паки в наше правительство зделать диспозицию» и к подготовке присяги на верность новой императрице. Вот мероприятия, которые он осуществил под свою ответственность.

1. «В крепость Фридрихсбургскую, в которой уже прусский комендант был, а гарнизон там в весьма малом числе людей частично из прусских инвалидов, частично из мещан состоял, наших солдат как от батальонов, так и от артиллерийской команды под образом работ производимых к испорожению наших там магазинов и цейхаузов вводить туда приказал».

2. Принял меры по увеличению численности русских солдат, несших караульную службу, следивших за порядком в общественных местах. Последнее для новых властей мотивировалось тем, что «нынешняя ярмонка а наипаче производимое здесь с прусской стороны о замирении торжество, которое началось с происшедшей среды и весь город по две ночи был иллюминирован, требует дабы между нашим солдатством и их мещанством, в случае иногда производимых драк, можно было все оное сокращать тем наилутче дисциплину соблюсти».

3. Начальнику артиллерии полковнику Бурцеву приказал подготовить артиллерию, боеприпасы к открытию огня, «а солдатству как на гауптвахте так и пикетах стоящему, ружья иметь заряженные, содержав все то в секрете».

4. Приказал определить места сбора батальонов по тревоге. Продолжалась эта деятельность уже явочным порядком с 5 июля.

Она опиралась на указания Салтыкова о порядке действий, включавшем в себя и публикацию манифеста Екатерины II, и благодарственный молебен, и присягу российских людей на верность. Но «главнейшее старание ваше приложить имеете не

только покой и тишину в королевстве прусском сохранить, но и все то в действо потребить, что к повиновению его жителей... служить может, а особливо имеете нимало немедля во всем королевстве правление одного обще с доходами российскими чинами и прежние посты российскими воинскими людьми занять...»

Предполагалось, что «покой и тишина» могут быть достигнуты только тогда, когда «все иногда приехавшие уже в королевство прусское управители генерално от их должностей тот час вами отрешены быть имеют, и хотя до данного указа или отменя ордера в своих домах остаются, однако ж ваше превосходительство неоставьте как о их поступках, так и чтобы чего либо из собранных доходов у себя не удержали, недреманно наблюдайте...»²⁶⁰.

Вызывала опасение обстановка в Кенигсберге. Приходилось прерывать праздничные мероприятия местных жителей. Поэтому коменданту города Рейнсдорпу было дано особое указание, в котором предписывалось не только объявить манифест и привести к присяге российских подданных, но и установить необходимые караулы, изъять оружие у местных жителей, предупредить военнослужащих, чтоб «неприятностей жителям не чинили».

Воейков и Салтыков были убеждены, что новая императрица скорректирует политику Петра III в отношении судьбы провинции. Это подтверждалось ее первым манифестом, в котором были такие слова: «Слава российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение»²⁶¹. Ни Салтыков, ни Воейков не могли знать тогда, что одновременно генерал Чернышев, командовавший корпусом, выделенным Фридриху II, получил особый рескрипт, которым предписывалось объявить прусскому королю, что «мы заключенный мир с его величеством продолжать будем свято и нерушимо»²⁶².

Столь противоречивые первые политические шаги новой императрицы России вряд ли можно объяснить, как это делают некоторые историки, благодарностью Екатерины II прусскому королю за его участие в устройстве судьбы некогда никому не известной и незнатной принцессы Фике. Скорее всего, они объяснялись необходимостью вывода из подчинения Фридриха II русского корпуса Чернышева. Это подтверждается последующими событиями. 11 июля 1762 г. на Вислу был отправлен специальный курьер с повелением «все королевство Прусское от занятия освободить». Но тот же курьер привез Салтыкову другое, собственноручное письмо Екатерины. Это письмо в одной из своих работ приводит биограф Екатерины II В. А. Бильбасов. «Господин генерал-фельдмаршал! Вы увидите из присланной при сем депеши, что я для света декларировала. Однако ж будьте уверены, что и я и все верные сыны отечества весьма довольны вашим поступком, что вы велели занимать королевство

Прусское. Авось Бог даст переделывать по-своему несносный сей мир. Не спешите, да будьте осторожны: есть ли же король Прусский графа Чернышева не отпустить, чтобы наш пладарм верно в руках досталось. Истинно все вам говорят спасибо. Екатерина»²⁶³.

Представляет большой интерес переписка Салтыкова с Воейковым, из которой ясно, что противоречивые установки российской императрицы по поводу судьбы Пруссии все-таки сильно запутали положение в провинции, где по существу сложилась обстановка двоевластия.

Наконец последний российский губернатор Пруссии получил ордер Салтыкова от 25 июля 1762 г., которым предписывалось сообщить об окончательном решении по передаче провинции, отныне в дела внутренние не вмешиваться, разрешить занимать прусским гарнизонам крепости. И самое главное, Воейков извещался о том, что Екатерина II поручила своему послу в Пруссии Репнину решить вопрос о назначении Фридрихом II «особливых комиссаров» для вывода русских войск, вывоза провианта, фуража.

Наступила самая ответственная пора — возвращение русской армии в Россию. Основная тяжесть в организации этого дела легла на генерал-поручика Федора Михайловича Воейкова. Салтыков дал ему указание не ждать ответа Репнина, а сообщить кенигсбергскому правительству о поручении русскому послу, постараться уточнить маршруты движения войск через Тильзит, Гумбиннен, цены и количество провианта и фуража, которое прусские власти могут поставить для наших войск. «Вы же присовокупите и обнадеежить можете, что скорым выполнением сего требования скорится возвращение войск... в Россию»²⁶⁴.

Из кенигсбергской канцелярии был получен ответ, что помощь в провианте и фураже русским войскам будет оказана, но для этого нужны данные: о количестве военнослужащих, лошадей, длительности маршрутов, сроках вывода армии. Естественно, что русское командование не могло представить сведений, составляющих у всех народов военную тайну, поэтому было решено максимально использовать свои запасы, только в исключительных случаях обращаться за помощью.

В начале августа в Пруссии произошла полная смена власти. Точкой отсчета здесь служит 6 августа, когда в Кенигсберг въехал бывший губернатор края, вновь определенный на эту должность, старый фельдмаршал Ганс Левальдт²⁶⁵. Именно с ним и пришлось решать вопросы вывода войск.

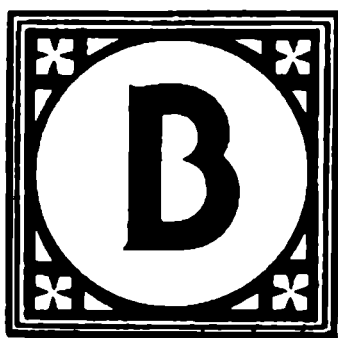
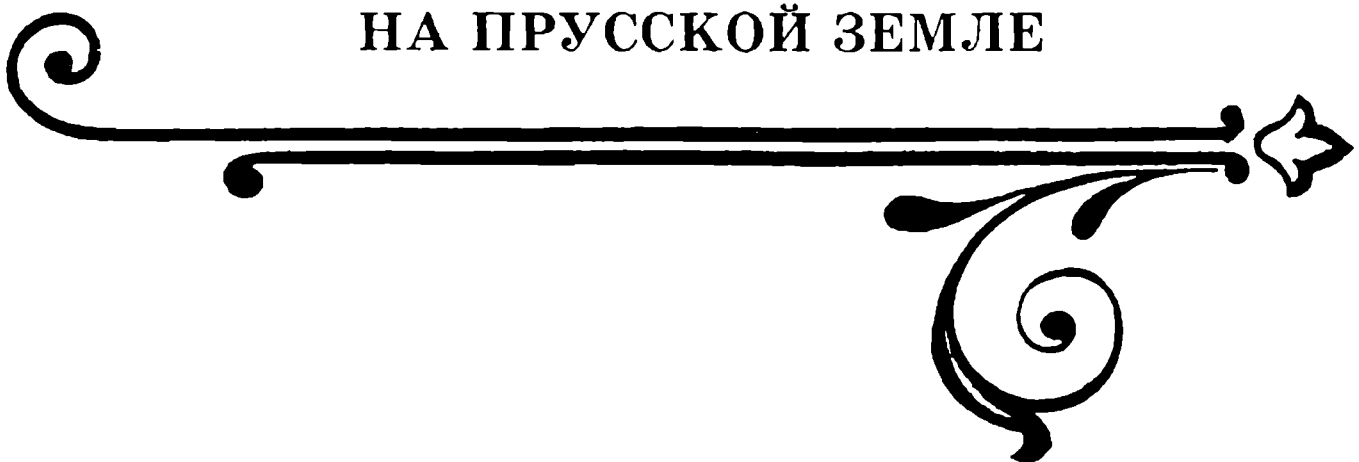
Очень трудным и не таким скорым оказался процесс возвращения русской армии в Россию. Хотя общая численность войск, дислоцируемых в самой провинции, была невелика (около четырех тысяч человек без корпуса Чернышева), но вывод их тормозился многочисленными препонами, связанными с вывозом казенного имущества, вооружения, раненых (2 154 человека),

нехваткой подвод, арендуемых у населения, спорами с прусскими властями по разным финансовым и материальным вопросам. И к концу 1762 г. он не завершился. 11 апреля 1763 г. Екатерина II направила послание Воейкову следующего содержания: «Федор Михайлович. Отсутствие от команды фельдмаршала графа Салтыкова, в необходимости привела вас оставить при команде...»²⁶⁶. Это один из последних документов, который фиксирует крайние сроки (известные) пребывания русских войск в Пруссии. Не вызывает сомнения, что они находились здесь еще какое-то время.

Так закончилась Семилетняя война. Казалось бы, очень далекая от нас, но сколь поучительная и сегодня.

VI ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ПРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

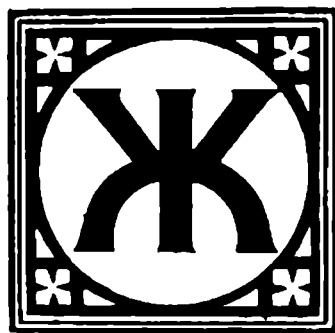
истории мировой культуры восемнадцатый век, по меткому выражению Герцена, был

«дивным, мощным, деятельным». Современники назвали его эпохой Просвещения. Это было время глубокого кризиса феодально-религиозного сознания и подъема идеологии молодой европейской буржуазии, дерзкого свободомыслия. Просветительство подготовило почву для Великой французской революции 1789 г., позднее названной Гегелем «ослепительным восходом солнца». Деятели новой прогрессивной идеологии — писатели, ученые, мыслители — вели наступление по всем направлениям, против всего отжившего, обветшавшего, будь то философские, научные или религиозные взгляды. Все подвергалось беспощадной критике: общество, понимание природы, политика — все должно было предстать перед судом разума.

Классической страной движения Просвещения была Франция. Однако оно быстро получило небывалый размах и широту и захватило всю Европу. В Германии среди выдающихся мыслителей, продолживших идеи французского Просвещения на немецкой почве, был великий кенигсбержец И. Кант, совершивший поистине «коперниковский переворот» в философии.

Кантовское наследие значимо и сегодня, ибо большинство современных философских течений так или иначе связаны с его воззрениями. Идеи Канта подверглись трансформации, но продолжают жить. Знакомство с учением знаменитого кенигсбержца — хорошее начало для изучения философии вообще. Он приучает мыслить самостоятельно. Не просто созерцать, но именно мыслить, а значит, творить.

изнь и деятельность Канта неразрывно связаны с Кенигсбергом. Он никогда не покидал

пределов Восточной Пруссии. Она была для него матерью-родиной в полном смысле слова, которой он не изменял и которую прославил, не добиваясь личной славы.

Биография Канта небогата сведениями о его жизни. Переписка, заметки на полях книг, просто клочках бумаги, изданные произведения — все это дает представление о Канте в основном как о философе и естествоиспытателе. Но, видимо, в этом и заключается его подлинная биография. В формировании Канта как человека и гражданина играли роль разные обстоятельства и люди. Но с годами установилась глубинная и неразрывная связь между его образом жизни, поступками, отношением к людям и его философской системой, в правильности которой он был твердо убежден. «Если существует наука, действительно нужная человеку, — говорил он, — то это та, которой я учу, — а именно подобающим образом занять указанное человеком место в мире, — из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком»²⁶⁷.

Все внешние факты взрослой биографии Канта подчеркивали его внутреннюю неповторимую индивидуальность, бескомпромиссное сознание своей ответственности перед обществом и тем самым перед самим собой.

Многие нравственные и мировоззренческие основы кантовского внутреннего Я восходят к его детскому воспитанию. Родился он 22 апреля 1724 г., в год официального объединения трех старых прусских городов — Альтштадта, Лёбенихта и Кнайпхофа в единый город Кенигсберг. Его мать Анна Регина, урожденная Ройтер, записала в молитвеннике: «В год 1724, день 22 апреля, субботу, утром в 5 часов на этот свет появился мой сын Эмануэль (по-латыни Иммануил), и 23 апреля он принял святое крещение».

Отец новорожденного Иоганн Георг Кант был шорником. По семейным преданиям его предки жили в Шотландии, где в XVII в. фамилия Кант являлась нередкой. Сам И. Кант в письме шведскому епископу Линдблему утверждал, что его дед был «одним из тех, кто в конце прошлого — начале нынешнего века, не знаю по какой причине, во множестве эмигрировали из Шотландии; часть их осела в Швеции, другая часть в Пруссии, преимущественно за Мемелем». В настоящее время предание, хранившееся в семье Кантов, относительно их предков шотландского происхождения по отцовской линии исследователи считают

ошибочным. Во всяком случае, это не подтверждается никакими документами. Зато доподлинно известно, что его прадед Рихард Кант — выходец из Приекуле. Это в нынешней Латвии. Сын его (дед Канта) переехал в Мемель, стал шорником (умер в Тильзите). Отец Канта, продолжавший заниматься ремеслом шорника, перебрался на постоянное местожительство в Кенигсберг, где приобрел жилье в переулке Заттлергассе, недалеко от Зеленого моста.

В семье Иоганна Георга и Анны Регины было 11 детей, из коих в живых осталось пятеро. Иммануил был четвертым ребенком и, видимо, одним из любимых матерью, хотя внешне она относилась одинаково равно ко всем детям и старалась привить им самые добрые качества. Но она чувствовала особую одаренность своего «Манельхена» (ласкательное от Эмануэль). Часто гуляя с ним, обращая внимание мальчика на различные предметы и явления природы, полезные травы, рассказывая ему о небесах, матушка поражалась его острому уму и способности к познанию.

«Я никогда не забуду свою мать (Анна Регина умерла в 40 лет, заразившись тифом у постели больной подруги), — говорил Кант впоследствии, — она взрастила во мне первый росточек доброго, она открыла мое сердце природе, она пробудила мою любознательность и расширила мой кругозор, ее поучения имели постоянное благотворное воздействие на мою жизнь...»²⁶⁸

Родители Канта были пиетистами. Воспитание в особой религиозной атмосфере, в обстановке строгого благочестия, возможно, стало исходным пунктом будущих исследований Канта в области проблем морали и нравственности и его убежденности в том, что нравственность — это долженствование, обращенное к Человеку, а не естественно заложенное в нем стремление или чувство. Она вменяет ему добродетель в обязанность, каким бы человек ни был на самом деле, «по природе».

Мы привыкли рассматривать пиетизм (от лат. *pietus* — благочестие) как мистическое течение в протестантизме (особенно в лютеранстве), придающее основное значение не внешней церковной обрядности, а индивидуальным эмоциональным внутренним переживаниям верующего, молитве, очищающей от греховности.

О пиетизме, царившем в родительском доме, Кант однажды высказался так: «О пиетизме говорят кто что хочет. Довольно! Люди, которые серьезно исповедуют пиетизм, отличаются самым почтенным образом. Они имеют то величайшее, что человек вообще может иметь, то спокойствие, тот легкий нрав, тот внутренний покой, который не потревожат никакие страсти. Ни нужда, ни преследования не приведут их в дурное настроение, никакие ссоры-споры не могут ввергнуть их в состояние ярости и вражды...»²⁶⁹

Способности Канта к наукам были рано замечены не только в семье, но и среди окружающих. В частности, на его одарен-

ность обратил внимание доктор теологии Франц Альберт Шульц. Он уговорил родителей, которые первоначально прочили мальчика в пасторы, готовить их Иммануиля к поступлению в университет. В 1733 г. девятилетний мальчик, занимавшийся в Госпитальной школе, перешел учиться в гимназию «Коллегиум Фридрицианум» в Закхайме.

Коллегия имела строго религиозный характер, и в народе пренебрежительно называлась «Приют пиетистов». Большую часть учебного времени здесь отдавали изучению катехизиса и богослужениям. Из всех предметов Канта привлекал по-настоящему только латинский язык. Осенью 1740 г. Кант покидает стены гимназии и в тот же год записывается в Кенигсбергский университет.

На какой факультет? Ответа на этот вопрос до сих пор нет. Ректор Ган рядом с именами вновь записанных студентов, к сожалению, не указал после фамилии Канта выбранного им направления учебы. Сам Кант, как отмечал его биограф Боровски, как-то в 1792 г. обмолвился, что он «занимался изучением богословия». Однако это его замечание скорее относится к кантовскому универсализму в области познания различных дисциплин, включая богословие, нежели связано с конкретным факультетом в Альбертине. «...Нужно искать, нужно получить представление обо всех науках без исключения, и о богословии в том числе, даже если не собираешься зарабатывать этим на хлеб», — говорил Кант своим друзьям по университету Гайльсбергу и Влемеру²⁷⁰. Во всяком случае, в академических списках богословского факультета за 1740 г. и последующие годы фамилии Канта не значится. Нет ее и в списках медицинского факультета (списки юридического факультета за время учебы Канта утеряны. Да и маловероятно, что он поступал на этот факультет).

Главный интерес для Канта в университете представляли математика, естествознание и философия. Здесь он познакомился с механистической натурфилософией Ньютона и с учением Вольфа. Самое большое влияние на формирование Канта как ученого и исследователя оказал логик и метафизик профессор Мартин Кнутцен. Между преподавателем и учеником установились тесные связи. Доверие Кнутцена к своему питомцу было столь велико, что он разрешил ему без каких-либо ограничений пользоваться своей личной библиотекой.

Как студент будущий знаменитый философ жил трудно, бедно, отец был не в состоянии помочь ему материально, так как сам постоянно испытывал денежные затруднения и умер в 1746 г., по словам Канта, «от полного обессиления...» Студенческие пирушки и увеселения не очень увлекали молодого человека, да и были ему не по карману. Единственным его развлечением являлся бильярд, в котором он достиг впечатляющего мастерства. Чтобы как-то преодолеть свою угнетающую бедность, Кант давал частные уроки. Материальную поддержку оказывали ему старый знакомый директор гимназии Франц

Альберт Шульц, состоятельные студенты: Лаудиен из Тильзита, студент-юрист Калленберг, студент-медик Труммер и ряд других.

Из университета Кант вынес превосходное знание латинских классиков и латинского языка, на котором по обычаю того времени были впоследствии написаны его диссертации. На четвертом году обучения не без влияния Кнутцена Кант начал писать самостоятельное сочинение по физике, назвав его: «Мысли об истинной оценке живых сил». В целом это была не совсем удачная работа. И все же она интересна не только как эпизод. Некоторые рассуждения молодого ученого о связи трехмерности пространства с законом всемирного тяготения вошли в космологию. От всей книги Канта веет молодым задором и самоуверенностью. Недаром он предварил книгу эпиграфом из Сенеки: «Идти не тем путем, по которому идут все, а тем, по которому должно идти». Но, чтобы окончательно утвердиться в своем пути, потребовалось время, борьба с собой, бегство от себя. Кант проявил завидную волю и справился с душевными конфликтами.

В 1746 г., окончив курс обучения в Альбертине, Кант становится домашним учителем. Первым местом его в сем качестве была маленькая литовская деревушка Юдчен (1747—1751 гг.), где он обучал трех отроков пастора Андерша. Затем его пригласил к себе землевладелец майор Бернгард Фридрих фон Гюльзен (Арнсдорф). Наконец, в 1753 г. третьим местом учительства Канта стал дом графа Кейзерлинг-Раутенбурга. Это была аристократическая семья, где Кант познал утонченный образ жизни и светские манеры. Графиня Кейзерлинг Каролина Шарлотта Амалия написала его первый портрет.

Работа в качестве домашнего педагога не была напрасной для Канта, хотя он не чувствовал к ней большого призвания. «...Он считал великим искусством суметь целесообразно занять детей, опуститься до их понятий, но он заявлял также, что ему это искусство недоступно» (Б. Яхманн) *. В 1754 г. Кант вернулся в Кенигсберг, чтобы посвятить себя полностью научной деятельности.

Начался новый чрезвычайно важный период его жизни. 27 сентября 1755 г., защитив диссертацию под названием «Основные принципы метафизического сознания», он стал приват-доцентом в Кенигсбергском университете. В апреле 1756 г. начались его лекции в Альбертине, которые он читал ежедневно до 20 часов в неделю. Поражает диапазон дисциплин, с которыми Кант имел дело на академических занятиях: математика, природоведение, антропология, физическая география, логика, метафизика, философия нравственности, естественная теология, педагогика и даже фортификация и пиротехника.

Кант не получал стабильного содержания, его лекции опла-

* Цит. по: Vorlander K. Immanuel Kants Leben. Hamburg, 1974. S. 37.

чивались самими студентами. Так было принято. Попытки приват-доцента получить место сначала внештатного (1756 г.), а потом штатного профессора логики и метафизики (1758 г.) не увенчались успехом из-за отсутствия вакансий. Чтобы иметь достаточно средств к жизни, Кант вынужден был в ожидании профессуры прирабатывать в кенигсбергской дворцовой библиотеке в должности помощника библиотекаря. В 1765 г. он стал штатным младшим библиотекарем. Но это добавило совсем немного к его бюджету — в год 62 талера. Наконец в 1770 г., когда И. Канту исполнилось 46 лет, он получил желанную должность профессора логики и метафизики. Были ли до этого лестные предложения Канту? Были. Слава молодого ученого росла. К концу Семилетней войны она достигла Берлина. В 1769 г. его приглашали в Эрланген, немного позднее в Йену. После того как Кант занял место штатного профессора в Альбертине, его настойчиво звали в Галле, где он мог бы занять место умершего в 1777 г. знаменитого вольфианца Г. Ф. Майера, причем министр просвещения фон Цедлиц прельщал философа очень высоким окладом в 800 талеров (в то время Кант получал в Альбертине только 236 талеров в год, лишь позднее — 600). Кант отклонил и это предложение.

Чем это было вызвано? Ведь совершенно ясно, что переезд его в знаменитый более крупный университет, по существу в сердце Германии, где бурно клокотала научная мысль, открывал перед Кантом более широкие перспективы, чем Альбертина и Кенигсберг с его провинциальным однообразием.

Видимо, все дело в физической организации Канта. С детства он отличался слабым здоровьем. С годами к этому добавился недуг душевный, который Кант называл ипохондрией. При всем этом философ прожил долгую жизнь, почти ничем серьезным не болел. По свидетельству Гердера «в лучшую пору своей жизни он обладал веселой живостью юноши... Его открытый лоб мыслителя был резиденцией неуничтожимой веселости и радости, с его губ текли исполненные мыслей речи, шутка, острота всегда были у него на языке...»²⁷¹. В тщедушном теле философа таилась несокрушимая воля, он сам лепил себя, свое тело и душу и знал, что ему надо, чтобы быть в форме.

В письме, написанном им в апреле 1778 г. в связи с отклонением предложения Цедлица о переезде в Галле, Кант так объясняет причины своего отказа: «...Выгода и внимание, которые обещает большая сцена, как вы знаете, имеют мало притягательной для меня силы. Спокойная, соответствующая моим потребностям ситуация, составляющими элементами которой являются сменяющие друг друга работы, размышления, общение, в которой мой возбужденный, но беззаботный дух и мое капризное, но не больное тело могли бы действовать, не напрягаясь, есть все, чего я желаю и что хочу сохранить. Всяческие изменения пугают меня, даже если они обещают улучшение моего положения, и я думаю, что должен уступить инстинкту

моей натуры, если я хочу еще долго не порвать нить, которую пауки ткнут мне тонкой и нежной».

Несколько месяцев спустя он адресует аналогичные слова Мендельсону: «Состояние моего здоровья, которое я могу сохранить лишь определенным однообразием моей жизни и духовных занятий, не позволило мне последовать добрым предложениям министра...»²⁷²

Не вызывает сомнений, что именно эта причина заставила Канта выработать для себя исключительную пунктуальность в своих поступках и образе жизни, точный распорядок, который не допускал никаких отклонений. Он верил, что силой духа и сугубо индивидуальной гигиенической системой можно преодолевать недуги. Всю жизнь он придерживался правил: мыть ноги в ледяной воде («дабы не ослабли кровеносные сосуды, удаленные от сердца»), меньше спать, больше двигаться, в любую погоду гулять, дышать носом, умеренно питаться в обед и т. д. Каждый день, ровно в 5 часов утра, его слуга, старый солдат, будил хозяина восклицанием «Пора!», и начиналось творческое бодрствование, строго по расписанию: подготовка к лекциям, лекции, письменное фиксирование мыслей, обед, гости, чтение книг, прогулка, снова чтение и ровно в 22.00 в постель, чтобы 7 часов посвятить сну. Такой распорядок мог показаться тираническим, но именно он помогал Канту виртуозно и много работать, весело отдыхать и развлекаться, проводить отпущенное для отдыха время за чашкой кофе или бокалом доброго вина, играть в билиард или в карты, сочетать глубокомысленную ученость со светским лоском.

Кант был низкого роста (157 см), тщедушного телосложения, сильно сутулился, но выглядел элегантно и привлекательно. Таким его делало не только умение со вкусом одеваться по моде, но главным образом внутренняя свобода, непринужденная манера общения с людьми, живой блеск умных голубых глаз. Женщины не играли в жизни Канта большого значения, он остался холостяком. У философов это не было редкостью. Не знали супружеских уз Платон, Декарт, Гоббс, Локк, Лейбниц, Юм. Впрочем, вполне возможно, что безбрачие Канта было вынужденным. Он как-то в шутку заметил: «Когда мне могла понадобиться женщина, я не был в состоянии ее прокормить, а когда я был в состоянии ее прокормить, она уже не могла мне понадобиться». В каждой шутке, как известно, есть свой смысл.

О Канте как философе написаны сотни книг. Авторы их неоднозначны в оценках того или иного положения его учения. Но все сходятся в одном: Кант — это великое имя в истории мировой культуры. Он имел мужество жить собственным умом, к чему призывал и других, а потому стал новатором в области науки, родоначальником немецкой классической философии. Ум Канта не знал покоя. Он бился до конца в поисках истины, проникал в самые неизведанные уголки Вселенной, веря в несокрушимую познавательную способность разума.

В. Ф. Асмус, известный исследователь философии Канта, различает в ней два периода: «докритический», начиная с 1746 г., от даты написания первой философской его работы — «Мысли о правильной оценке живых сил» (1747 г.), до конца 60-х годов, и «критический» (последующий), когда Кант во всех своих сочинениях основывает исследования на «критике» или критическом анализе познавательных способностей человека и границ, до которых простирается знание. Докритический период характерен для философа напряженной и плодотворной работой в области философии природы, в особенности космологии. Канта интересует буквально все: происхождение и развитие солнечной системы, история земли и перспективы ее развития, космическое значение приливного течения, происхождение целесообразного строения организмов и т. д. В разработке космогонической системы Кант опирался на результаты научных открытий Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона и других, но в большинстве случаев шел дальше их в своих гипотезах и научных прозрениях.

Конечно, сегодня ряд положений кантовской «Всеобщей естественной истории и теории неба» представляется устаревшим и даже наивным, но главная его философская идея — историзм, движение, развитие — остается незыблемой. «Кантовская теория возникновения всех теперешних небесных тел из вращающихся туманных масс была величайшим завоеванием со времен Коперника, — писал Ф. Энгельс. — Впервые было поколеблено представление, будто природа не имеет никакой истории во времени. До тех пор считалось, что небесные тела с самого начала движутся по одним и тем же орбитам и пребывают в одних и тех же состояниях... В этом представлении, вполне соответствовавшем метафизическому способу мышления, Кант пробил первую брешь»²⁷³.

Наряду с вопросами космогонии Кант как философ уже в ранний период занимался специально проблемами теории познания и логики. Шли годы. Кант, защитив четвертую профессорскую диссертацию «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира», надолго отдался преподавательской деятельности. Друзья были обеспокоены молчанием философа. «Почему Вы молчите, — спрашивал Канта вступивший с ним в переписку писатель Лафатер, — почему пишут те, кто на это не способен, а не Вы, отлично владеющий пером...»

Интеллектуальную Германию охватило в те годы движение, названное громко «Буря и натиск». Оно было неоднородным. В нем смешались бунтарство и консерватизм, симпатии к народу с крайним индивидуализмом. «Буря» бушевала исключительно в литературных берегах. Готхольд Эфраим Лессинг сотрудничал в журнале «Письма о новейшей немецкой литературе», поднимал из забвения Шекспира, поставив его выше Расина и Корнеля. Питомец Канта И. Г. Гердер успешно занялся философией

истории, открыл для образованного мира народное творчество и в то же время выпустил книгу «Древнейший документ человеческого рода», получившую неодобрительный отзыв Канта, где Священное писание рассматривалось как боговдохновенное произведение. К религиозному крылу движения примкнули И. Г. Гаман, Лафатер, молодой философ Ф. Якоби. Антиподом их был другой вождь «бурных гениев» Иоганн Вольфганг Гете, богохульствующий и слагающий бунтарские стихи, написавший знаменитое стихотворение «Прометей», ставшее своеобразным манифестом левых в движении «Буря и натиск».

Но самое примечательное в том, что при всей эклектичности и неоднородности движения его участников объединял резко возросший интерес к человеку, к его духовному миру, глубинным тайникам внутренней жизни индивида. Личность, ее освобождение и права — вот главное, что буквально взбудоражило и захватило всю интеллектуальную Германию. Кант, не уделяя особого внимания литературным схваткам, готовил в это время свою «Критику чистого разума», которая стала своеобразной философской революцией. В мае 1781 г. книга увидела свет. Позади осталось десять лет тяжелейшего духовного труда.

В кантовской «Критике» три раздела основной части: трансцендентальная эстетика, аналитика, диалектика (второй и третий разделы составляют трансцендентальную логику). Исходные идеи «Критики»: всякое знание начинается с опыта, но не ограничивается им, потому что часть наших знаний является результатом самой познавательной способности человека, носит априорный (доопытный) характер. Эмпирическое знание единично, а потому случайно, априорное — всеобщее и необходимое. Априорное знание Кант не считал врожденным. Под ним он понимал лишь формы познания, сложившиеся исторически и накопленные наукой. Для индивидума они представляют фактически тот же опыт, но только косвенно усвоенный разумом. Конкретное же содержание знания целиком черпается из непосредственного опыта.

Кант ввел два термина: трансцендентальная философия как изучающая переход в систему знаний, конструирование с помощью познавательной способности человека условий опыта, и трансцендентная «вещь в себе» («вещь сама по себе»), которая остается за пределами возможного опыта, по ту сторону познания. На этом основании мы всегда относились к Канту как к агностику, то есть к философу, допускавшему познание мира только до определенной границы, за которой начинается Бог. Вряд ли Кант думал о себе так. Он слишком верил в прогресс науки, в способность человеческого разума. «Наблюдение и анализ явлений, — писал он в «Критике чистого разума», — проникают внутрь природы, и неизвестно, как далеко мы со временем продвинемся в этом». Но ведь это совершенно правильно. Границы знаний непрерывно расширяются. Но как бы мы далеко ни проникали в тайны природы, как бы ни увеличивались наши

знания о вещах; — все равно будут оставаться области еще не познанные, неведомые нам. Помните: «Звездам нет числа, а бездне дна». В этом реальный смысл учения Канта «О вещах в себе».

«Величие Канта в том, — писал В. Ф. Асмус, — что в трансцендентальной логике он вопреки всем традициям своей эпохи и даже в известной степени тенденциям своей собственной системы поставил задачу изучения источников и развития знаний, хотя и ограничил ее исследованием только априорного знания, коренящегося в самом рассудке и разуме»²⁷⁴.

Диалектические прозрения Канта, кульминацией которых явились его антиномии (исключающие друг друга равнодоказуемые суждения), исторически проложили дорогу диалектической логике Гегеля.

Сенсации книга Канта не вызвала. Продавалась она плохо. Некоторые читатели жаловались на ее непонятность. Даже Гердер говорил: «Критика» Канта для меня — жесткий ломоть, она, по-видимому, останется непрочитанной... Не знаю, зачем вся эта тяжелая паутина»²⁷⁵. Появились первые отрицательные рецензии, обвиняющие Канта в беркленианстве. Создавалось впечатление, что содержание произведения оказалось далеко не всем доступным. Тогда Кант решил позаботиться о том, чтобы его произведение было изложено короче и яснее, но отнюдь не популярнее. В 1783 г. вышли из печати его «Пролегомены», означающие «Предварительные замечания», рассчитанные, как выразился автор, «не для учеников, а для будущих учителей». Затем в 1787 г. появилось на свет второе издание «Критики чистого разума». Философ дополнил книгу разделом «Опровержение идеализма», некоторые части сократил. И лед тронулся. Мысли Канта нашли путь к разуму и сердцу читателя. Словно стряхнули с себя оцепенение философы, проповедники, издатели, журналисты. Тот же Моисей Мендельсон, который, на первых порах перелистав несколько страниц «Критики», отложил книгу в сторону, на этот раз писал Канту: «Ваша «Критика чистого разума» стала для меня критерием здоровья». Рассыпался в похвалах Канту известный фидолог из Йены профессор Щютц, пригласивший Канта к сотрудничеству во «Всеобщей литературной газете». Добросовестным комментарием к теории познания Канта стала рецензия придворного проповедника Иоганна Шульца, превратившаяся затем в книгу «Разъясняющее изложение «Критики чистого разума».

Обрадованный Кант почувствовал новый прилив сил. В 1784 г. он отметил шестидесятилетие. Одна за другой появляются его книги, статьи, рецензии. Продолжая поиски истины, Кант подвергает свои взгляды многократной проверке, что-то уточняет, что-то заменяет как недостаточно обоснованное. Его разум продолжает строить башни, начиная с фундаментов. Одновременно, не желая того, он ввязывается в различные полемики, вызывая на себя огонь противников и незаслуженные обвинения.

Наконец, поняв, что научный спор интересен только тогда, когда может сказать что-то новое, Кант перестал отвечать своим оппонентам, сосредоточив свое внимание на разработке проблем этики.

Первое систематическое изложение этики Кант предпринял в книге «Основы метафизики нравов» (1785 г.). Через три года он издал «Критику практического разума». Содержание этих двух работ где-то повторяется, где-то дополняет друг друга. Однако в них еще не содержалось завершенного учения о нравственности. Кант сделал это позднее. В указанных работах заложены лишь моральные ориентиры поведения человека. Кант ввел такое понятие как автономия нравственности. Пусть индивид, ставящий перед собой добрые цели, даже не достигнет их в силу разных злых причин, но его добрая воля (не просто как желание, а как применение действий) имеет в самой себе полную ценность. Кант сформулировал нравственный закон в себе, назвав его категорическим императивом (повелением). В окончательной формулировке он звучит следующим образом: поступай так, чтобы правило твоей воли могло всегда стать принципом всеобщего законодательства. Категорический императив определяет поступки человека в качестве естественного поведения в любой обстановке без заранее определенной им цели. Этим категорический императив отличается по Канту от гипотетического императива, который обусловлен целью и предписывается как некоторое средство.

Кант не исследует происхождение морали в целом как формы сознания, которая возникла вместе с обществом и вместе с ним трансформировалась. Он настойчиво подчеркивает, что нравственные понятия априорно заложены в разум человека. Кантовский категорический императив, конечно же, абстрактен, как библейская заповедь — не укради. Кант это понимает, но он хочет добиться точности определения. Он не закрывает глаза на противоречия жизни и хорошо знает, как часто высокой нравственности противостоит пушка в руках безнравственного человека. Но это другой вопрос. Главное, чего требовал Кант от человека, — это быть прежде всего человеком и думать о других людях, о человечестве. «Человек... есть цель сама по себе, то есть никогда никем (даже Богом) не может быть использован только как средство». Не становитесь прихлебателями и льстецами, рабами любого, у которого в руках власть и деньги. Думайте сами, мысленно ставьте себя на место другого, живите всегда в согласии с самим собой, со своими убеждениями и механизмом совести, наконец, в соответствии с велением долга, опять же понимаемым как внутренняя моральная категория. Эту позицию Канта очень ценил Л. Н. Толстой, любивший его философию нравственности.

В конце 80-х гг. философские воззрения Канта становятся все более отточенными. Он продолжал читать лекции по физической географии, астрономии, механике, принимал посильное

участие в практической реализации научных открытий. Но главным его достижением явилось создание системы философии. Общие контуры ее у него сложились давно. Но по-настоящему она «...возникла у Канта лишь после того, как он обнаружил между природой и свободой своеобразный «третий мир» — мир красоты»²⁷⁶. Первая и третья часть философской системы, теоретическая и практическая, изложены Кантом в «Критике чистого разума» и «Критике практического разума». Центральную часть системы Кант думал посвятить телеологии — учению о целесообразности. Но потом мысль его остановилась на проблемах эстетики. В 1790 г. появилась его работа «Критика способности суждения». Этим термином обозначалась одна из интуитивных познавательных способностей. Если рассудок устанавливает правила, то способность суждения обнаруживает ум, смекалку, позволяющие действовать с учетом всех обстоятельств, применять общее к частному.

Одна из основных идей «Критики способности суждения» — это необходимость единого подхода к живой природе и художественному творчеству на основе принципа целесообразности. Кант подметил: «При виде произведения изящного искусства надо сознавать, что это искусство, а не природа, но тем не менее целесообразность в форме этого произведения должна казаться столь свободной от всякой принудительности произвольных правил, как если бы оно было продуктом одной только природы»²⁷⁷. Проще говоря, даже рукотворная красота должна быть естественной, вызывающей удовольствие и радость. Однако в эстетике Канта, в ее общефилософском освещении искусству отведено небольшое, хотя и достаточно важное место. Но опять же Кант, как и во всей своей философии, сводит воедино истину, добро и красоту, чтобы возвысить человека. Недаром Гете говорил, что, когда прочтешь страницу Канта, испытываешь ощущение, будто вошел в светлую комнату.

В последнее десятилетие жизни Кант серьезно занимался вопросами права и государства. Этот интерес подогрели Французская революция и войны Бонапарта. Кант пристально следил за развитием событий, читал газеты не только по вечерам в часы отдыха, а сразу как только они приходили. Любопытны впечатления Иоганна Ф. Абегга о встрече с Кантом, описанные им в «Путевых заметках (1798 г.)».

Кант, как известно, не обедал один, время обеда было для него временем отдыха, разрядки, непринужденного общения с образованными людьми. Кроме друзей, которых он постоянно приглашал на обед, Кант всегда старался завязать знакомство с гостями города, если считал их достаточно интересными для себя. Среди таких гостей оказался и автор «Путевых заметок». В них он пишет: «...12 июня. Сегодня в 7 часов утра пришел слуга господина профессора Канта и пригласил меня на обед... Около часа дня я пришел к нему и встретил там кроме обер-инспектора Браля господина Яхманна, прекрасного и умелого

человека. Кант каждый день приглашает приятных ему людей, чтобы их обществом приправить свой обед. Стол накрыт очень хорошо; Кант позволяет себе полакомиться. Было предложено красное и белое вино. Но лучшим из того, что было за этим обедом, был сам Кант. Он охотно говорит на самые разные темы, он говорит с большим участием обо всем, что касается людей... «О, этот, — сказал Кант (речь зашла о профессоре Шмальце), — он просто архироялист, и в этом смысле опасен. Те, кто принимает его идеи о французской революции, считаются якобинцами, так как якобинство в сущности, как и другие «любимые идеи», по крайней мере в первые годы было своего рода коньком многих людей. Не следует никому мешать скакать на своем коньке по улицам, если при этом не требуется, чтобы все ушли с дороги или скакали следом, даже если они этого не желают....»

«Еще ничего не известно об экспедиции Бонапарта? — спросил Кант. — Куда он направляется!» Яхманн ответил: «Я лично желаю, чтобы он разбил лорда Винсента, объединил английский и голландский флот и высадился в Англии». Кант: «Я полагаю, что он высадится у Карфагена, по суше пойдет в Португалию, а оттуда двинется дальше. Кто-то сказал, что строятся планы захвата Бразилии. — И добавил: — В морской битве проиграют французы. Ну какой опыт может быть у матросов с Адриатического моря? И если дело дойдет до взятия на abordаж, солдаты будут не на своих местах. Однако все пойдет хорошо. Директория состоит из думающих людей, с этим нельзя не согласиться. Не стоит ждать, что право возьмет верх над силой. Так должно бы быть, но так не есть». А я сказал: «Если французы вдруг стали сильны, то они будут с большим уважением относиться к праву...» Далее речь пошла о янтарных украшениях, которые были сделаны для королевы и в которых она появилась на балу в зале московитов...»²⁷⁸

На события, связанные с завоевательными походами Наполеона, Кант откликнулся знаменитым трактатом «К вечному миру» (1795 г.). Уже само название звучало для немецкого уха двусмысленно. Но именно эта двусмысленность позволила Канту показать человечеству только два возможных взаимоисключающих пути в будущее — либо прекращение войн путем международного договора, либо вечный мир «на гигантском кладбище человечества» после истребительной войны. Чтобы обеспечить мировой порядок, гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским, опирающимся на правовой порядок, гласность и разделение властей. Вторым условием прочности договора о вечном мире Кант считал возникновение международного права, добровольный союз государств. Это не всемирное государство, а «федерализм свободных государств», где реализуется устройство, подобное гражданскому обществу, и каждому гражданину гарантируется его право. То есть Кант фактически выступает за сохранение нацио-

нального суверенитета (с отказом от части своих прав) в рамках союза народов, а «всемирное гражданство» представляет как право каждого человека на гостеприимство в другой стране, возможность посетить любой уголок земли без страха дискриминации и враждебных действий против себя.

Идея достижения прочного мира на земле была не новой. Но Кант обосновал неизбежность наступления такого мира не в результате воли монарха или монархов, а как следствие исторической необходимости и совершенствования международных отношений. Надо объединить политику с моралью. Как? Не приспособливать мораль к интересам политики, а подчинить политику морали. А это возможно только на основе права, строгого исполнения законов, перед которыми все равны.

Сочинение Канта вызвало живой интерес в мире. Оно выдержало при его жизни несколько изданий. Заинтересовался Кантом и Наполеон, попросивший Шарля де Виллера, автора изложения «Критики чистого разума», на четырех страничках изложить ему суть кантовской философии. Когда тот добросовестно выполнил поручение, то будущий император, прочитав контекст, изволил заметить: «Священники ценнее, чем Калиостро, Кант и все немецкие мечтатели». Видимо, у всех диктаторов своя особая философия.

Одной из последних значительных книг И. Канта была «Метафизика нравов» (1797 г.) — своеобразный панегирик нравственности. Мыслитель становится более терпимым в своих требованиях к человеку, рассматривает частное и публичное право, подчеркивает, что частная собственность как основа гражданского общества не изначальна, а является лишь результатом истории.

Большой интерес представляют суждения философа о соблюдении прав человека в государстве, весьма злободневные для нашей страны. Кант — просвещенный республиканец, хотя особого значения форме правления он не придавал. Главное в борьбе с деспотией, считал философ, строгое разделение властей. Эта мысль была им высказана еще в трактате «К вечному миру». В каждом государстве существует три власти: верховная, издающая законы, исполнительная, осуществляющая управление на основе существующих законов, и судебная, контролирующая соблюдение законов. Деспотизм появляется там, где не обеспечена достаточная независимость одной власти от двух других. Главное, подчеркивает Кант, чтобы страной правили не люди, а законы, и каждая из трех ветвей власти не выходила бы за рамки своих полномочий.

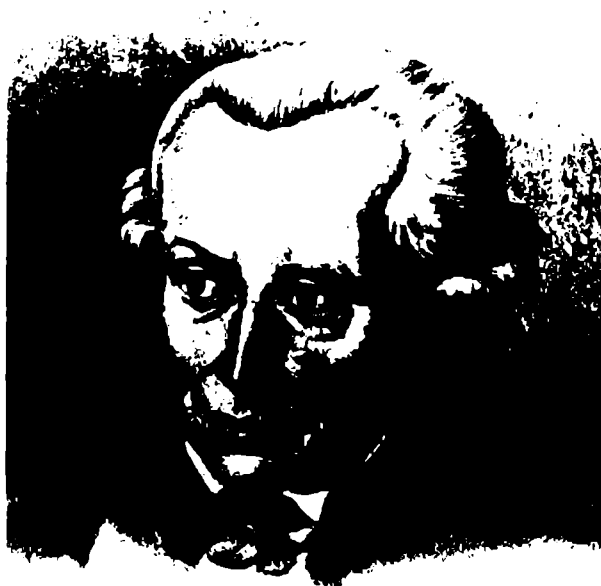
Последние два десятилетия XVIII в. были вершиной прижизненной известности Канта и влияния его философии. Книги «кенигсбергского старца» начинают читать, обсуждать, комментировать не только в Германии, но и в других странах. В июне 1789 г., путешествуя по Европе, в Кенигсберге побывал Н. Карамзин. Понятно, что ему захотелось встретиться с прославлен-

Дом И. Канта. Гравюра 1844 г.

Иммануил Кант

Иммануил Кант

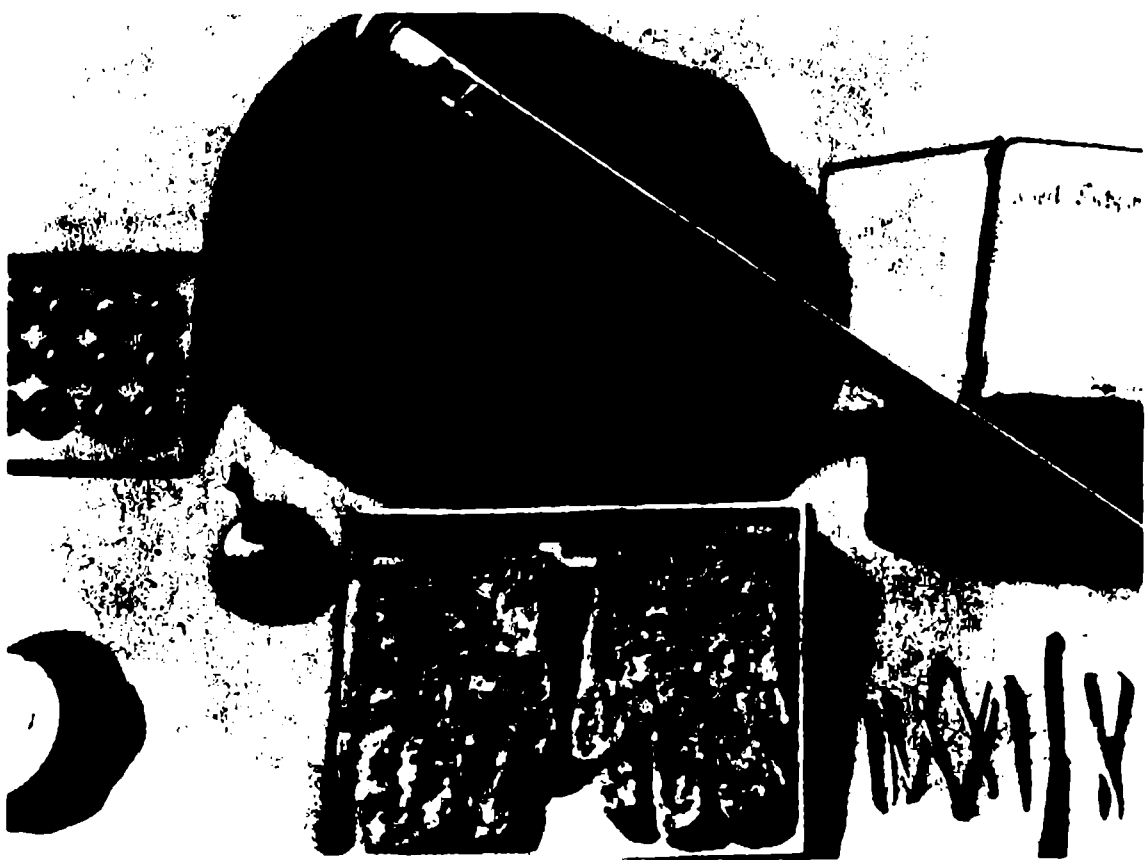

Герб И. Канта

Вид с юго-востока на Королевский замок в Кенигсберге. На переднем плане — дом И. Канта. Рисунок конца XVIII в.

Личные вещи И. Канта, хранившиеся в экспозиции музея городской истории в Кенигсберге. Фото 30-х гг. XX в.

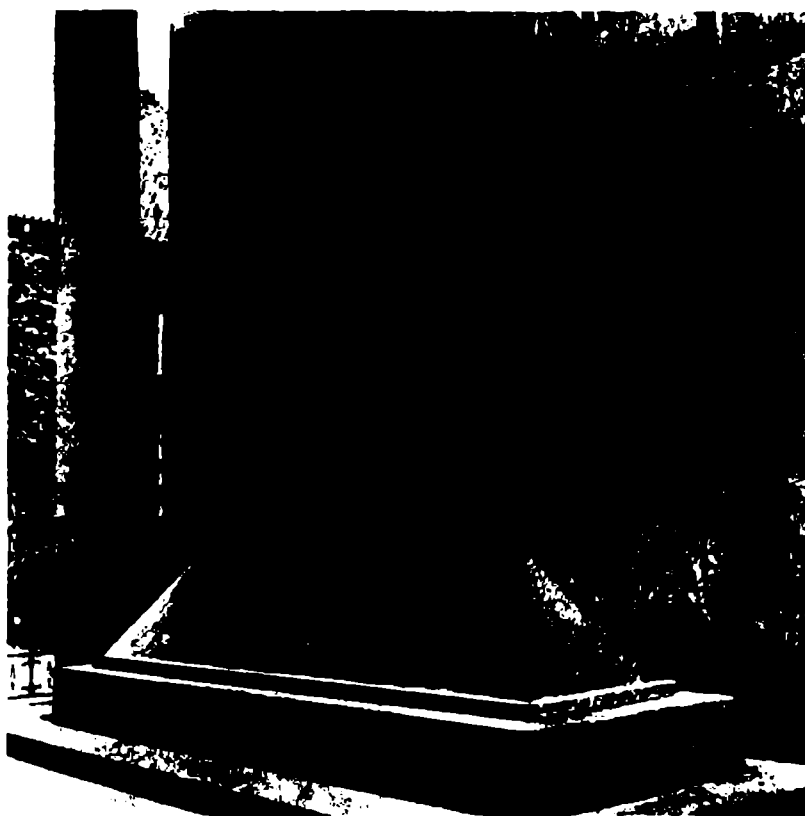

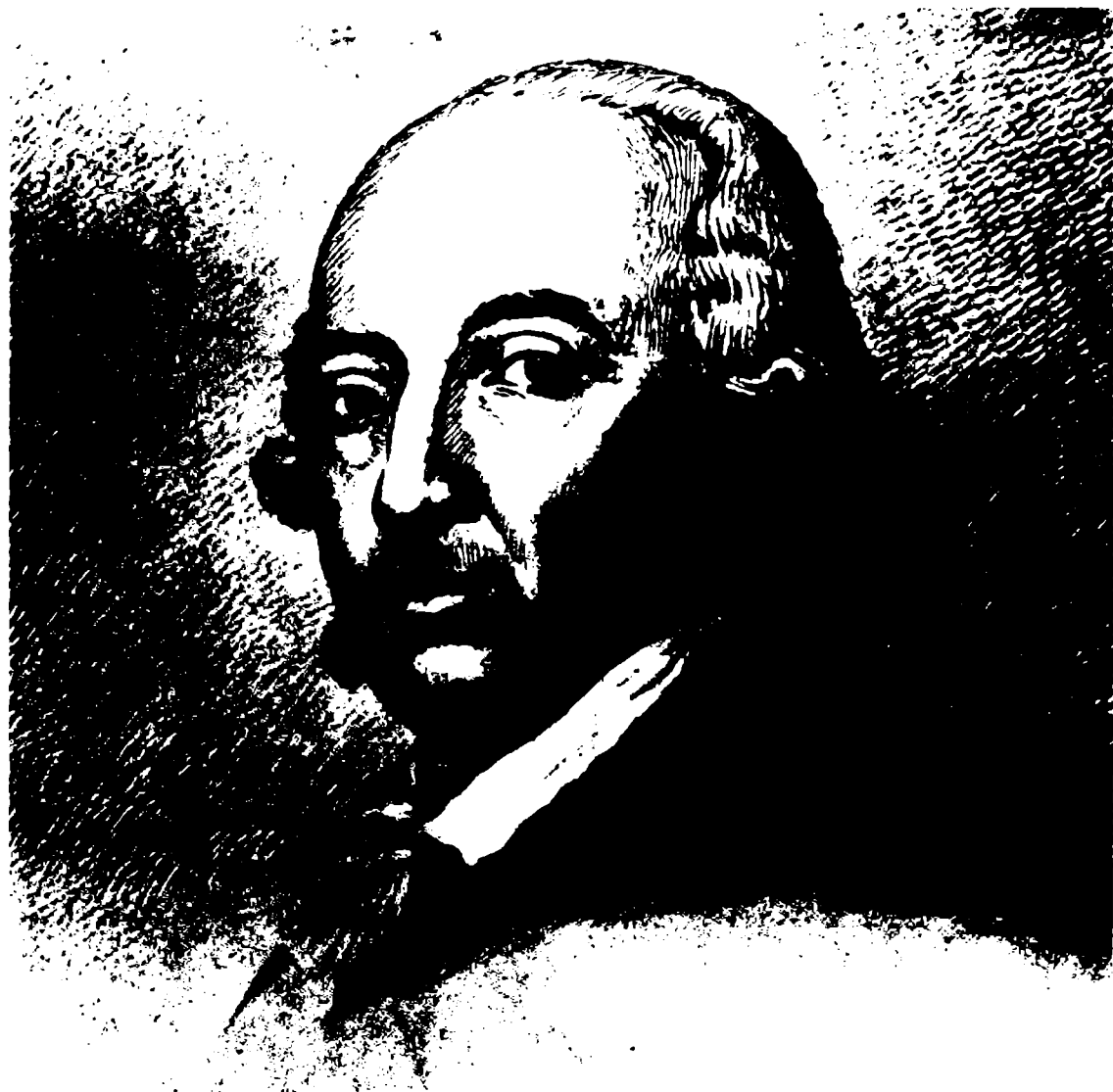
И. Кант по дороге в университет. Рисунок Г. Вольфа

Памятник И. Канту на фоне Альтштадтской кирхи. Гравюра
А. Клосса по рисунку Г. Шёнлебена, 1881 г.

Саркофаг И. Канта у Кафедрального собора.
Фото 20-х гг. XX в.

[illegible]

Иоганн Готфрид Гердер

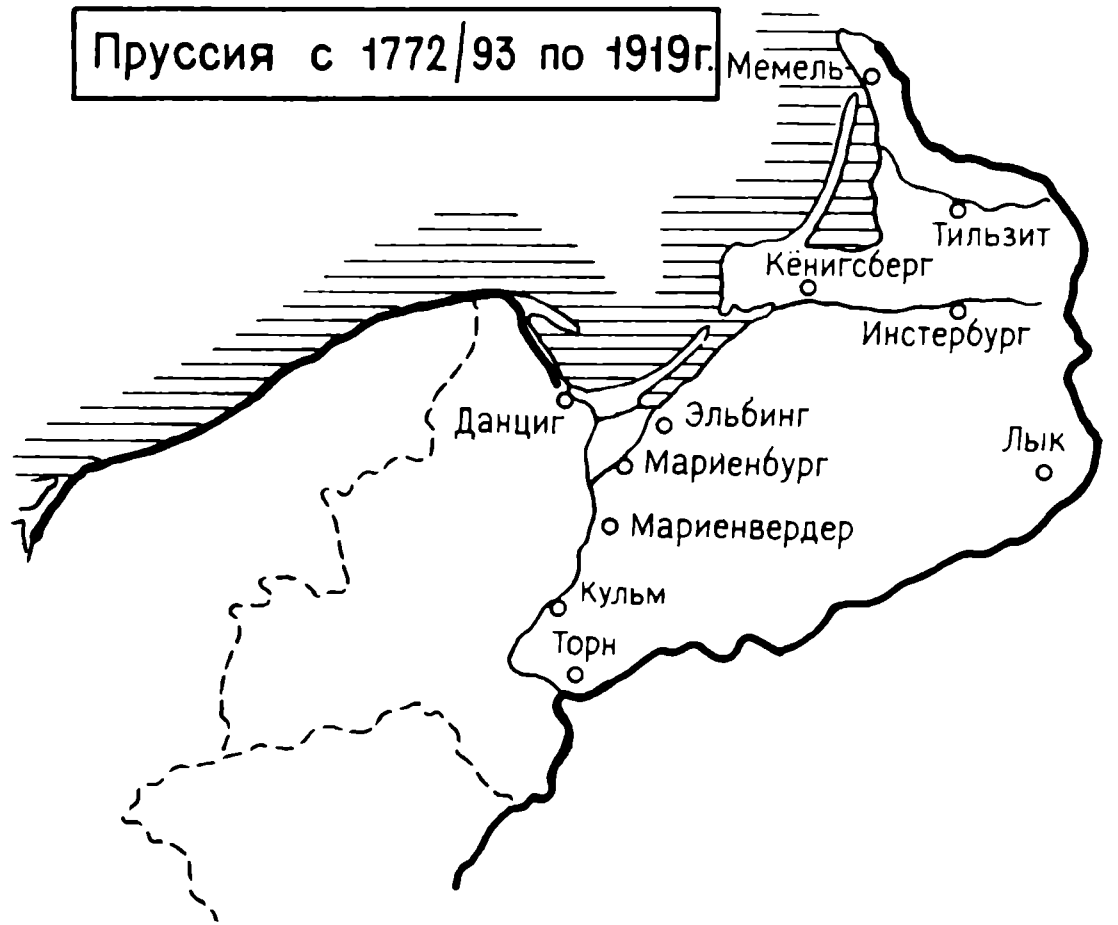

Иоганн Георг Гаман

Эрнст Теодор Амадей Гофман. Гравюра XIX в.

Пруссия с 1772/93 по 1919г.

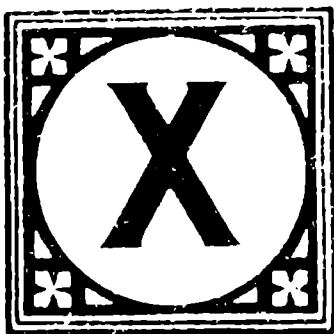

ным философом. Вот как он описал свои впечатления: «...Меня встретил маленький худенький старичок (Канту было 65 лет), отменно белый и нежный... Говорили мы о разных вещах: о путешествиях, о Китае, об открытии новых земель. Надо было удивляться его историческим и географическим знаниям, которые, казалось, могли бы одни загромоздить магазин человеческой памяти; но это у него, как немцы говорят, дело постоянное...»²⁷⁹

Кант избирается членом трех академий наук (Берлинской, Петербургской, а с апреля 1798 г. и Сиенской (Италия)). Но слава не может внести в него чувства успокоения, хотя внешне жизнь его течет по-прежнему в ровном русле. Лишь однажды после опубликования им в 1793 г. сочинения «Религия в пределах только разума» Кант вызвал возмущение богословов своими мыслями, расходящимися с протестантским правоверием, и получил письменный выговор от прусского короля Фридриха Вильгельма II, после чего дал письменное обещание воздерживаться от высказываний по вопросам религии.

В 1797 г. король умер, и Кант посчитал себя свободным от обещания, но силы его шли на убыль. В 1798 г. вышла в свет его последняя работа «Антропология». Он вынужден был оставить преподавание в университете, а в ноябре 1801 г. расстаться с Альбертиной окончательно. Теперь Кант почти не выходил на улицу, перестал принимать посетителей, раньше ложился спать. Умер он 12 февраля 1804 года, в 11 часов.

ЗНАМЕНИТЫЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Характерной особенностью исторического развития немецкой нации в эпоху Просвещения

была все та же средневековая раздробленность империи. По сравнению с Англией и Францией Германия выглядела отсталой страной. С большим трудом здесь был преодолен кризис, вызванный Тридцатилетней войной (1618—1648 гг.). Только на рубеже XVII—XVIII вв. в карликовых немецких государствах начался медленный экономический и культурный подъем.

Разобщенность Германии имела одно позитивное последствие — возникновение многочисленных культурных центров, ставших в XVIII в. главными очагами распространения идей Про-

свещения. Причем города, игравшие ранее важную роль в культуре Возрождения — Аугсбург, Нюрнберг, Франкфурт и другие, лишились прежнего значения. Зато начинают бурно развиваться Берлин и Вена, а также Дрезден, Лейпциг и Галле в Саксонии, Гамбург на севере и Мюнхен на юге империи. На карте немецких культурных центров своеобразное место в эту эпоху занимал и Кенигсберг.

Для Восточной Пруссии Тридцатилетняя война оказалась не столь разрушительной, как для имперской Германии, а реформы бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма, проведенные во второй половине XVII в., создали условия для ее хозяйственного и культурного прогресса, который, несмотря на опустошительную эпидемию чумы 1709—1710 гг., не прекращался на протяжении всего столетия.

Укреплению королевства способствовала переселенческая политика прусских монархов. Восточная Пруссия, как уже было сказано, стала родиной десятков тысяч беженцев по религиозным мотивам. Французские гугеноты, голландские меннониты, зальцбургские и швейцарские лютеране принесли с собой не только опыт и знания искусных ремесленников и торговцев, но и элементы своей культуры. Заметное влияние на формирование менталитета пруссаков оказывало соседство с Литвой и Польшей. Однако оторванность Восточной Пруссии от метрополии, ее положение государства вне государства заставляли интернациональное по составу население объединяться в одно целое, способствовали выработке специфического национального самосознания, своей особенной социальной психологии. Пропаганда идей восточнопрусского патриотизма занимала одно из центральных мест в духовной жизни образованного общества. Характерно в этой связи публичное признание философа Гамана: «У меня нет ни малейшего желания быть немцем; я есть, говорю об этом не хвалясь, ни больше ни меньше как сын Восточной Пруссии»²⁸⁰.

В конце XVII в. в Германии распространилось довольно влиятельное идейное течение внутри протестантской церкви — пиетизм, отвергавшее обрядность и ученое богословие. Одним из оплотов его была Восточная Пруссия. Немецкий пиетизм прошел разные этапы развития — от неприятия церковной ортодоксии и от братского союза всех верующих на основе общей «естественной морали» до вырождения в мистико-аскетическое сектантство с идеями смирения и отказа от мирских «соблазнов». В конце концов при короле Фридрихе Вильгельме I пиетизм стал проявлять значительную активность в борьбе с идеями Просвещения²⁸¹.

Одним из первых идеологов пиетизма в Германии был пастор из Галле Ф. Я. Шпенер. По его инициативе произошли качественные изменения в системе народного образования в духе нового религиозного направления. Появились учебно-воспитательные заведения нового типа для сирот и бедных («коллегии бла-

гочестия» и «библейские школы»). В конце XVII в. пиетисты практически взяли в свои руки все школьное дело, особенно в деревнях и маленьких городах.

Под влиянием пиетизма началась перестройка народного образования в Восточной Пруссии. Инициатором перемен был один из первых кенигсбергских пиетистов камердинер двора Теодор Гер. В Галле он познакомился со Шпенером и по его предложению основал в 1699 г. в Кенигсберге первую школу для бедных. С 1701 г. она стала называться «королевской», а позднее, в честь первого прусского короля Фридриха I, — «Коллегиум Фридрицианум». В этой известной восточнопрусской школе, как уже отмечалось, учился Кант. Директором коллегии был тогда профессор теологии Франц Альберт Шульц, один из ведущих пиетистов в Пруссии, объединивший своих единомышленников. При поддержке короля Шульц много сделал для обучения детей из бедных семей и стремился ввести всеобщее обязательное начальное образование. К середине XVIII в. только в Кенигсберге открылось 18 школ для бедняков, среди них литовская и польская. По распоряжению Фридриха Вильгельма I в 1736 г. был создан специальный школьный фонд «Монс пиетатис» в размере 50 тысяч талеров. Проценты от него шли на оплату учителей.

Перемены в системе образования затронули и Кенигсбергский университет. Руководствуясь указом короля, Шульц намеревался сделать его подобным университету в Галле, где ведущим был пиетический метод обучения. Важная роль в распространении идей пиетизма отводилась теологическому факультету, на котором были открыты даже особые семинары для литовских и польских студентов. Но уже к середине века в университете начинает формироваться антипиетическая оппозиция в виде «Немецкого общества», основанного кенигсбергским профессором К. Флоттвелом, что нарушило планы Шульца²⁸².

Кенигсбергский университет был центром духовной жизни Восточной Пруссии. В XVIII в. из Альбертины впервые вышли выдающиеся представители немецкой и мировой науки и культуры. Почти все они в той или иной мере испытали влияние идей и личности Канта, будучи его однокашниками или учениками, или оппонентами в философских спорах, или находились в кругу близких ему людей. Однако кенигсбергские просветители — писатели, публицисты, философы, меценаты — представляли не просто духовное окружение великого мыслителя. Они стали заметным и оригинальным явлением всей германской духовной культуры.

Конечно, немецкое Просвещение XVIII в. заметно уступало французскому в сфере обществоведения и политических идей, не могло сравниться с английским просветительством в области экономической теории. Но немецкие просветители внесли существенный вклад в развитие философии и искусства (эстетики, поэзии, музыки).

Подобно пиетизму в христианстве, господствовавшему в Пруссии в начале XVIII в., в раннем немецком Просвещении ведущие позиции занимала рационалистическая философия Лейбница-Вольфа. Заслугой последнего было, в частности, создание первой в Германии целостной системы философских знаний и первой философской школы. Это обеспечило популярность вольфианства и его долговременное влияние на общественную жизнь, вплоть до появления философии Канта.

Одним из самых знаменитых пропагандистов идей вольфианства был Иоганн Кристоф Готшед (1700—1766 гг.), с именем которого связывают целый период (вторая четверть XVIII в.) в истории немецкой литературы. Он родился в предместье Кенигсберга — Юдиттене, в семье пастора. С детства проявлял любознательность и склонность к самоанализу, познанию Бога. Закономерно, что, поступив в университет, юноша усердно принялся изучать философию и теологию. Под влиянием профессора поэзии И. В. Питша увлекся литературой, стал противником господствовавшего в ней направления барокко и обратился к французскому классицизму. В двадцать три года Готшед — магистр и убежденный последователь Вольфа. Жизненные планы его определились. Его ждала ученая карьера в Альбертине. Но через год долговязому профессору Готшеду пришлось бежать из Кенигсберга из-за угрозы попасть в армию Фридриха Вильгельма. Он оказался в Саксонии, в Лейпциге, ведущем литературном центре. Местный университет с удовольствием предоставил ему профессорскую должность, а затем избрал его ректором.

Готшед был одним из наиболее ярких представителей раннего немецкого Просвещения, оказавшим заметное влияние на немецкую культуру. Книга Готшеда «Первоосновы всей философии» считалась самым популярным пособием по рационализму Лейбница-Вольфа. Лейпцигский профессор был не только философом, но и теоретиком и пропагандистом классицизма в поэзии (впрочем, противники считали его посредственным поэтом). В конце 20-х годов Готшед приходит к мысли о необходимости глубокой реформы литературы и языка (на основе литературного языка Верхней Саксонии) с целью создания в Германии высокой литературы общенационального воспитательного значения. Со своими последователями он выпускает прусский словарь.

Готшед стал реформатором немецкого театра, восстановив его связь с литературой, был хорошо известен и как переводчик, издатель популярного журнала и основатель литературных обществ. Готшед стал первым из немецких писателей, кто обратил внимание на достоинства современных ему русских поэтов: в его журнале «Новости изящных искусств» в 1751 г. появилась статья о сатирах Кантемира, а в 1753 г. Готшед опубликовал свою статью — рецензию на французский перевод трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». При всех просветительских заслу-

гах Готшеда его упорная приверженность отжившему свой век классицизму, а также убежденность в том, что государи и «высокие особы» не могут быть персонажами комедий, привели к тому, что к середине века литературно-поэтические принципы Готшеда потеряли былую силу²⁸³.

Немало почитателей творчества Готшеда в пору его расцвета было в Восточной Пруссии. Но в середине и во второй половине века в духовной жизни Кенигсберга ведущие позиции помимо Канта заняли его соотечественники: Гаман, Гердер, Гиппель.

Философия Иоганна Георга Гамана (1730—1788 гг.) являлась первой серьезной реакцией на догматизированный рационализм. Гаман вместе с немецким мыслителем Ф. Г. Якоби стал основоположником так называемой философии «чувства и веры», согласно которой рассудок не способен дать объективное знание о реальной жизни, только вера, чувство или «духовное чутье» могут раскрыть реальность и чувственного, и материального и даже «сверхчувственного» мира²⁸⁴. На фоне в целом благопристойного просвещенного общества Кенигсберга фигура Гамана заметно выделялась своей неординарностью и даже экстравагантностью, граничащей с сумасшествием.

Гаман родился в Кенигсберге в семье хирурга. С 16 лет стал изучать в университете философию, право, богословие и филологию, приобрел выдающиеся познания. Он отличался прекрасными врожденными интеллектуальными способностями и непоседливым характером. После окончания университета Гаман много скитался — работал домашним учителем в Риге, затем торговым агентом в Лондоне, где вел распутную жизнь и почти разорил себя и своего рижского хозяина, побывал в разных европейских странах. В 1759 г. он возвратился в Кенигсберг, сблизился с Кантом. Здесь Гаман какое-то время служил, потом вышел в отставку и жил случайными заработками, а также на средства почитателей, в основном бургомистра Гиппеля.

Еще будучи в Лондоне и разорившись, Гаман впал в меланхолию. Из нее он вышел, увлекшись чтением и изучением Библии. С тех пор предметом его постоянных размышлений стали проблемы веры, соотношения духа и природы, божественной сути Священного писания, пределов человеческого разума и т. п. Гаман становится литератором, сочиняет множество мелких полемических статей и очерков, подписываясь экстравагантными псевдонимами: «Северный дикарь», «Эксмандарин Мьен-мангоам», «Рыцарь розового креста», «Северный маг» и т. д. С легкой руки Гете в памяти почитателей таланта Гаман навсегда остался как «Маг Севера». Необычная форма изложения мыслей, граничащая с эпатажем, выступление против господствовавшего рационализма привлекли внимание читателей и сделали Гамана известным во всей Германии.

Наиболее полно идеи философа отражены в его основных сочинениях: автобиографии «Мысли о ходе моей жизни» (про-

блемы богословия), «Достопримечательных мыслях Сократа», «Крестовых походах филолога» и в многочисленных письмах (в том числе к Гердеру и Канту). Критикуя просветителей-рационалистов, а также учение Канта о возможностях человеческого разума, Гаман противопоставил им творческую силу иррациональной интуиции. Он считал, что творчество — это бессознательный процесс, над которым витает фантазия, а гениальность художника — это «божий дар», не подвластный нормам и правилам. Ярким проявлением интуитивного творчества, по мысли Гамана, выступает поэзия — «первобытный язык человеческого рода». Именно в языке есть истинное выражение разума. Размышления Гамана о единстве противоположностей как всеобщем мировом законе способствовали появлению диалектики Фихте, Шеллинга и Гегеля, т. е. в целом — немецкой классической философии. На закате жизни по приглашению своей покровительницы, княгини Голицыной, Гаман отправился в Мюнстер, где и скончался в июне 1788 г.²⁸⁵

К тому времени у Гамана было уже много последователей. И среди них выделялся его друг Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803 гг.) — философ и литературный критик, писатель, теоретик литературного течения «Буря и натиск», ученик раннего Канта, учитель и друг Гете²⁸⁶.

Гердер родился в маленьком восточнопрусском городке Морунген в 1744 г. (ныне это Моронг, находящийся между Эльблонгом и Ольштыном), в бедной семье лютеранского священника и сельского учителя. У него было мало шансов получить хорошее образование. Но во время Семилетней войны в Морунгене квартировал русский полк. Полковой врач обратил внимание на талантливую юношу и помог ему попасть в Кенигсберг, где Гердер устроился надзирателем в школе и одновременно поступил в университет на богословский факультет, заинтересовался философией и литературой, слушал лекции Канта, который первый назвал его «бушующим гением». В Кенигсберге Гердер сблизился с Гаманом и стал пылким поклонником его философии.

В 1764 г. после окончания университета Гердер был приглашен на работу в Ригу. В Домском соборе он служил пастором и учителем до 1769 г. Здесь познакомился с жизнью и историей прибалтийских народов (позднее в сборнике «Голоса народов в песнях» он опубликовал латышские и эстонские народные песни). В Риге Гердер сблизился с кружком Кристиана Беренса, члены которого бурно обсуждали проекты реформ в духе идей Просвещения. Гердер верил тогда в силу тайных организаций и масонских лож, сам стал масоном и даже секретарем одной из лож. В кружке Беренса он впервые познакомился со славянской литературой, с Россией и ее историей. Его увлекла личность Петра I, который навсегда остался для Гердера примером настоящего монарха-«просветителя». Поверив в «просветительные» планы Екатерины II, он мечтал написать и посвятить ей

книгу «Об истинной культуре народа, и в особенности России». Религиозные сомнения заставили Гердера оставить Ригу и отправиться в заграничное путешествие²⁸⁷.

Впечатления и мысли рижского периода впоследствии найдут свое отражение в «Идеях о философии истории человечества»: «каждый народ имеет в себе масштаб своего совершенства, несравнимый с другими»; «развитие общества — единый прогрессивный исторический процесс, включающий в себя своеобразие национальных культур и исторических эпох как качественно самостоятельных ступеней мировой истории». В конце века философия истории Гердера заметно повлияла на взгляды русского революционного мыслителя А. Н. Радищева.

За границей Гердер изучал в Нанте (Франция) французский язык и литературу, стремясь лучше понять идеи просветителей. В Париже встречался с Дени Дидро. Через Брюссель, Антверпен, Амстердам приехал в Гамбург, где в 1770 г. познакомился с Лессингом. Зимой 1770—1771 гг. в Страсбурге произошла знаменательная встреча Гердера и Гете, положившая начало литературному направлению «Буря и натиск». «Штюрмеры» выступали с резким протестом против религиозных и сословных ограничений личности, считали, что человек имеет право на свободу и на изменение жизни общества, развивали народные традиции в литературе. Гердер собирал и переводил на немецкий язык народные песни всех стран и всех эпох как «голоса народов», горячо отстаивал идею историзма в развитии общества, согласно которой развитие свободы совершается с неотвратимой силой прогресса, несмотря на препятствия и временные отступления.

Находясь вдалеке от родины, Гердер не порывал связи с Кенигсбергом, вел постоянную переписку с Гаманом и Кантом, печатал отдельные сочинения в кенигсбергских журналах.

Заметной фигурой в культурной жизни Кенигсберга второй половины XVIII в. был Теодор Готлиб Гиппель (1741—1796 гг.) — бургомистр города, популярный писатель и публицист, словом, яркая личность. Получилось так, что в истории немецкой литературы он оказался загадочной фигурой, российскому же читателю Гиппель почти не известен²⁸⁸.

Гиппель происходил из бедной семьи протестантского священника — ректора школы из г. Гердауэн (Железнодорожный). Еще в детстве выделялся среди сверстников своим остроумием и интеллектом. Рано усвоил классическую античную литературу и сам стал писать. Будучи физически слабым мальчиком, он сторонился буйных детских компаний, стремился к одиночеству и самоанализу. Эти особенности характера сохраняются в нем на всю жизнь. В 16 лет Гиппель поступил в Кенигсбергский университет и учился в нем в то время, когда в городе были российские власти. Среди преподавателей Гиппеля был и Кант, но юноша больше увлекался пиетизмом (активно посещал лекции Ф. А. Шульца) и философией Лейбница-Вольфа. Готовясь на

богословском факультете к сану священника, молодой пиетист воспитал в себе железную волю и способность к аскетизму, что было не очень сложно для него из-за постоянной нужды.

В 1761 г. произошло событие, которое Гиппель назвал «одной из приятнейших эпох» своей жизни, походившей более «на экстаз, нежели на земную реальность». По приглашению друга, российского офицера Генриха фон Кайзера, отправлявшегося в Россию с ценной коллекцией янтаря, Гиппель провел некоторое время в Петербурге. Тогда он был страстно увлечен всем русским, однако отказался от выгодного предложения остаться служить в России, так как быстро убедился в том, что прусский характер и лютеранское воспитание делают его инородным телом в этой непостижимой стране. Позже Гиппель станет поклонником «просветительницы» Екатерины II. По возвращении в Кенигсберг в 1762 г. молодой человек принимает важные решения: отказывается от карьеры священника, поступает на юридический факультет университета и становится членом масонской ложи.

Масонское движение в Европе в XVIII в. переживало пору расцвета и было одним из проявлений противоречивого характера европейского Просвещения, в котором находилось место не только рационалистической философии и «естественному праву», но и философии «чувства и веры» Гамана, поискам мистического общения с Богом, стремлению проникнуть в сверхчувственный мир сущности. Первые тайные общества (ложи) «вольных каменщиков» появились в Англии в начале XVIII в. Масоны хотели создать всемирную организацию с целью объединения человечества в религиозный братский союз, но к концу века в масонском движении в связи с притоком в него дворянской знати усилились религиозно-мистические тенденции, вступившие в противоречие с прежними просветительскими целями. Из Англии масонские ложи попали на материк. В 1737 г. была основана ложа в Гамбурге, затем возникли ложи в Пруссии, Саксонии и в других немецких государствах.

В Кенигсберге была открыта ложа «Трех якорей». В середине века ее распустили. Новая страница в истории масонства в Восточной Пруссии связана с пребыванием русских войск во время Семилетней войны. В Кенигсберге в 1758 г. была образована шотландская Андреас-ложа. В 1760 г. при содействии русских офицеров ее реорганизовали в дочернюю ложу берлинской «Великой королевской материнской ложи трех земных сфер» под названием ложа «Трех корон». Основателем и первым мастером ложи был референт придворного суда Кристоф Генрих фон Шредерс. Членами ложи «Трех корон» были известные в городе купцы, высшие чиновники, профессора, студенты; советник Шефнер, Линднер, Функ, Якоби, Затургус; издатели Гартунг, Гарткнох, Кантер; представители местной аристократии: Финк фон Финкенштейн, фон Кальнайн, фон Денхоф, фон Кейзерлинг, фон Шретер, фон Ауэрсвальд. Некоторые из них позднее оказали влияние на развитие масонства в прибалтий-

ских городах России. Так, Гердер сыграл значительную роль в масонстве Риги. Были среди масонов ложи «Трех корон» и русские офицеры — подполковник А. В. Суворов, навещавший своего отца губернатора, Григорий Орлов, будущий екатерининский фаворит, находившийся на излечении в Кенигсберге после ранения. В 1763 г. особая миссия ложи «Трех корон» организовала в Данциге дочернюю ложу «Трех звезд».

Масонство соответствовало мировоззренческим идеалам Гиппеля. Его представление о дружбе поднялось на более высокий уровень в общении с братьями-единомышленниками. Вместе с тем ложа расширила круг влиятельных знакомых, которые помогли ему устроиться на службу. После окончания университета Гиппель получил место в городском суде, где вскоре приобрел славу блестящего адвоката. Тогда же он начал литературную деятельность с сентиментальной лирики и комедии «Пунктуальный человек».

Начиная с 1765 г. самым близким другом Гиппеля становится секретарь палаты военных и государственных имуществ, а затем военный советник Иоганн Георг Шефнер (1736—1820 гг.). Он тоже увлекался литературой, но скорее не от избытка таланта, а от чрезмерного тщеславия, стремления попасть в историю любым путем. После Семилетней войны, в которой Шефнер был ранен, он издал несколько поэтических сборников стихов, в том числе фривольных («Эротические стихи», «Естественности чувственной любви»), патриотических («Стихи военной кампании»). Самым значительным достижением в творчестве Шефнера стало исследование в области педагогики в духе Песталотци. Ценность представляет его переписка с ведущими деятелями культуры своего времени²⁸⁹.

Трудно сказать, что связывало двух друзей. Гиппель был склонен к меланхолии, к экзальтированной чувствительности и вместе с тем мог проявить непоколебимую твердость и хладнокровие, всегда находился в поисках истины. Он восхищался женской невинностью, но мог увлечься женщиной легкого поведения, жил аскетично, но собрал отличную коллекцию предметов искусства, которую любил показывать знакомым*. Шефнер же был эгоистичен, стремился из всего извлечь личную выгоду, не отличался искренностью. Среди друзей Гиппеля были также братья-масоны, особенно И. Г. Линднер, историк Л. Бачко, поэт И. Ф. Лаузон, банкир Руфманн, издатель И. Я. Кантер, архиепископ Боровской, философ и писатель Гердер. Со временем особая дружба, основанная на интеллектуальной близости, связала Гиппеля с Гаманом и Кантом.

В 70-х годах Гиппель пережил трагическую любовь к протистутке, которая покончила жизнь самоубийством. До конца своей жизни он так и не обзавелся семьей, отдавая родительские

* В коллекции Гиппеля были произведения Рубенса, Кранаха и других выдающихся художников; спустя 40 лет после смерти его коллекция стала основой городского музея.

чувства племяннику. На 70-е годы приходится и начало литературной славы Гиппеля. Он издает публицистическую книгу «О браке», которая своим остроумием и непривычной формой вызвала огромный интерес, подогретый авторской тайной — Гиппель скрывал свое имя под псевдонимом. Затем один за другим выходят четыре тома большого романа под названием «Жизненные пути по восходящей линии». Книга произвела сенсацию, поскольку впервые такое большое повествование представляло прибалтийские (кенигсбергские и курляндские) обычаи и традиции в блестящей юмористической форме. Внимание читателей привлекли также мотивы смерти и богоискательства. Гиппель стал основателем поэзии смерти в современном немецком романе.

В 1780 г. Гиппель был назначен на должность бургомистра Кенигсберга. Он оказался образцовым администратором и в конце жизни получил в порядке исключения почетное звание «президента города» (до этого им наделялся только бургомистр Берлина).

Продолжалась и его литературная деятельность. Под влиянием Французской революции Гиппель пишет несколько нагнетанных публицистических статей в защиту равноправия женщин в гражданской жизни (это было откровением в немецкой публицистике), а также второй большой роман-пародию «Зигзаги в жизни рыцаря от «А» до «Я», в котором в ироническом стиле высмеял пороки немецкого масонства. К 90-м годам Гиппель сильно разочаровался в масонстве, переродившемся в мистикорелигиозное течение, хотя по-прежнему посещал ложу «Трех корон» и даже рад был увидеть среди ее членов юного поэта Захариаса Вернера, ставшего в начале XIX в. известным драматургом-романтиком. Умер Гиппель в 1796 г. Часть своих средств он завещал для создания стипендиального фонда в помощь своим родственникам и кенигсбергским детям из бедных семей.

К концу XVIII в. зажглась одна из самых ярких звезд на литературном небосводе Восточной Пруссии, осветив своим фантастическим светом мировую литературу. В 1776 г. в Кенигсберге на Французской улице в семье адвоката родился Эрнст Теодор Амадей Гофман, ставший замечательным писателем-романтиком, композитором и художником. И хотя его творчество приходится уже на XIX столетие (умер в Берлине в 1822 г.), первые двадцать лет своей жизни он провел в родном городе. Здесь он учился в городской Россгартенской реформатской школе, одновременно осваивая живопись у художника Зеемана и музыку у известного органиста Христиана Подбельски. Затем был студентом Альбертины, где слушал лекции Канта. Став юристом, Гофман работал следователем, а после женитьбы в 1798 г. покинул родину (последний раз Гофман побывал в Кенигсберге в 1804 г.). Кенигсбергские впечатления молодости наложили отпечаток на многие произведения писателя. В повести «Золотой горшок» мы узнаем библиотеку Валленродта, находив-

июся в Кафедральном соборе, в которой занимался Гофман. В другом сочинении встречаем описание поселка Росситтен (Рыбачий) на Куршской косе.

Особое место в литературной жизни Восточной Пруссии занимал Кристионас Донелайтис — основоположник литовской национальной художественной литературы. Он родился в 1714 г. в деревне Ласдинель близ Гумбиннена (Гусев) в крестьянской вольной семье. Учился в Кенигсберге сначала, видимо, в начальной литовской школе, затем, возможно, в старинной кнайпхофской гимназии и наконец в Альбертине на теологическом факультете. В 1740 г. Донелайтис стал кантором, преподавал музыку для детей в Шталлупенене (Нестеров), а с 1743 г. и вплоть до смерти в 1780 г. служил пастором в деревне Тольминкемис (ныне Чистые Пруды). Здесь он написал свои басни и знаменитую поэму «Времена года», вошедшую в золотой фонд литовской литературы. При жизни произведения Донелайтиса да и сам поэт не были известны читателям, и поэтому нет оснований говорить о его значении в истории восточнопрусской культуры XVIII в. Впервые сочинения Донелайтиса опубликовал в оригинале и в переводе на немецкий язык в начале XIX в. Людвиг Реза (1776—1840 гг.). Это был видный литовский просветитель, ученик Канта, доктор философии и богословия Кенигсбергского университета, собравший и напечатавший литовские народные песни, выступавший против германизации литовцев. Реза стал известен в конце XVIII в., когда опубликовал на немецком языке сборник своих стихов. В 1800 г. вальтеркеменский пастор Иоганн Кордан прислал ему рукопись произведений Донелайтиса. Поэму Донелайтиса Реза напечатал в Кенигсберге в 1818 г. Она была переведена на многие языки и стала достоянием не только литовской, восточнопрусской, но и мировой культуры²⁹⁰.

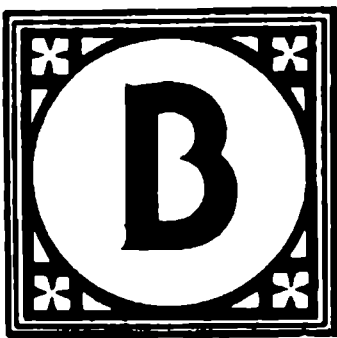
Думая о мыслителях и писателях эпохи Просвещения, чьи имена связаны с Восточной Пруссией, невольно отмечаешь, как их было много и какими крупными дарованиями они отмечены. Готшеда, Гердера, Гофмана, строго говоря, нельзя считать деятелями восточнопрусской культуры. Их творчество расцветало вдали от родины, порой за пределами Прусского государства. Покидая Кенигсберг, они стремились попасть туда, где собирались наиболее влиятельные культурные силы Германии: в Берлин, Лейпциг, Галле, Веймар и другие города. Здесь они быстро становились деятелями общегерманского или даже общеевропейского масштаба. С другой стороны, в произведениях каждого из них, даже в педантичном классицизме стихов-гекзаметров Готшеда, образованный кенигсбержец мог легко обнаружить восточнопрусские мотивы, только ему понятные черты духовного мира своих земляков.

Почему же, вырастив необычно много выдающихся личностей, в том числе мыслителей такого масштаба, как Кант, равно которому в XVIII в. не было ни в одном европейском городе, Восточная Пруссия не стала притягательной стороной для ду-

ховных сил Германии и в сущности оставалась заметной, важной, но все же культурной провинцией Германии. Сравнение Кенигсберга Канта с Веймаром Гете, встречающееся в некоторых исследованиях немецких ученых, — все-таки патристическое преувеличение²⁹¹. Ведь не случайно современники считали Канта человеком как бы не от мира сего, потому что он отклонял все приглашения самых знаменитых университетских городов, предпочитая жить и работать на «задворках» империи. Видимо, все дело в том, что оторванность Кенигсберга от метрополии и древних национальных культурных очагов, перенос прусской столицы в Берлин, в определенном смысле колониальный характер осваиваемой территории юго-восточной Прибалтики, наконец, казарменные государственные порядки берлинских монархов (особенно при Фридрихе Вильгельме I), распространившиеся и на Восточную Пруссию и осуждавшиеся просвещенными людьми своего времени, — сильно затрудняли приток сюда крупных деятелей культуры из других германских государств.

В свою очередь эти обстоятельства способствовали формированию здесь немецкой культуры оригинального типа с большой долей интернациональных качеств. В результате Кенигсберг эпохи Канта стал-таки подобен Веймару, но не для немцев Германии, а для соседних балтийских народов: пруссов, литовцев, курляндцев, лифляндцев, поляков. Именно в XVIII в. прибалты стали чаще, чем раньше, приезжать учиться в кенигсбергские гимназии, в «Коллегиум Фридрицианум», Альбертину (ранее предпочитая университет в Росток). В Кенигсберге они приобщались к богатой немецкой культуре, издавали свои национальные сочинения, переводили их на немецкий язык и вводили их в русло европейской культуры.

ПЕЧАТЬ И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО

ажную роль в духовной жизни Восточной Пруссии играло издательское дело и кенигс-

бергская периодическая печать. Уже в XVIII в. печать становится влиятельной силой в политике и культуре. В течение почти столетия монопольное право издания официальной кенигсбергской газеты на немецком языке принадлежало семейству книгоиздателей Ройснеров. Основатель династии Иоганн Ройснер в 1660 г. получил от курфюрста «газетную привилегию» и наладил

выпуск газеты «Европейский Меркурий», которая издавалась до середины XVIII в. и в этом столетии была известна как «Прусская молва». Газета печатала официальные правительственные сообщения и новости со всего света. Имея много корреспондентов, отличалась оперативностью, но вместе с тем грешила неточностями, ошибками и даже «газетными утками», за что подвергалась критике со стороны профессоров Альбертины²⁹².

«Прусская молва» не была единственной газетой в Кенигсберге. Непродолжительное время (в 1718—1720 гг.) издатель И. Д. Ценкер выпускал первую газету на польском языке «Почта Крулевецка», он же был и издателем «Новой латинской газеты», первой газеты на латинском языке. Последнюю редактировал наиболее талантливый журналист Кенигсберга того времени, известный латинист, профессор риторики и истории университета Иоганн С. Штримезиус. В 1726 г. Штримезиус задумал издание собственной политической газеты, но для этого ему пришлось просить короля нарушить издательскую монополию Ройснера. Из этого ничего не получилось. Более того, указом 1727 г. вновь было подтверждено исключительное право Ройснера на издание немецкоязычной газеты. Но поскольку Ройснер оказался финансовым должником Альбертины, университету удалось добиться права цензуры ройснеровской прессы.

Тогда же был нанесен удар по доходам Ройснера — государство монополизировало рекламную деятельность, и в результате вся реклама из «Прусской молвы» и других изданий перешла в новую газету «Еженедельная кенигсбергская реклама» (выходила с 1727 по 1850 гг.).

Газетная монополия Ройснера все-таки не была абсолютной. В 1730 г. в Кенигсберге появилась еще одна газета на немецком языке анонимного издателя «Замечательная духовная обитель». Это была наивная попытка осуществить одну из идей французских просветителей — с помощью печати внедрить в общество гуманизм и нравственность.

В 1740 г. в дни празднования 300-летия книгопечатания в Германии Ройснер принимал поздравления от государственных министров, ученых университета, ему как признанному лидеру издательского дела в Восточной Пруссии посвятил стихи Готшед. А через шесть лет Ройснер умер, пережив судебный процесс по делу о дискредитации в своей газете российской императрицы Елизаветы, да и предприятие его в это время попало в трудное финансовое положение. Издательские права и ройснеровская привилегия 1727 г. по желанию вдовы были переданы помощнику бургомистра и профессору университета Лестоку. В 1751 г. привилегия на издательство немецких газет в Кенигсберге перешла к Иоганну Генриху Гартунгу. К тому времени он был уже известный издатель, книготорговец (приобрел типографию еще в 1731 г.) и крупный бизнесмен. Его газета называлась «Королевская прусская привилегированная государственная газета времен войны и мира».

В отличие от газет издание журналов не было монополизировано, и поэтому в Кенигсберге выпускалось их довольно много. В то время в журналах печаталась также и информация газетного типа. Заметное место среди кенигсбергских журналов занимала научная периодика. Долгое время профессора Альбертины печатались за пределами Восточной Пруссии, а в начале XVIII в. появился первый собственный научный журнал на латинском языке «Избранные сочинения по истории и литературе» («Селекта хисторика»). Его редактором был прусский историк, библиотекарь королевской замковой библиотеки, магистр Михаэль Лилиенталь. В журнале появились первые статьи по прусской истории и был опубликован курс лекций Лилиенталья о прусских древностях.

В 1723 г. профессор Штримезиус издает на немецком языке журнал «Историко-географические и генеалогические заметки», в котором преобладали очерки по генеалогии прусской аристократии. В том же году Лилиенталь издал еще один исторический журнал «Блестящая Пруссия», который до 1740 г. был наиболее популярным среди кенигсбергских ученых. Именно в нем историки Д. Г. Арнольд, Г. З. Байер и другие публиковали свои исследования. После этого один за другим стали выходить журналы Штримезиуса: в 1727 г. — первый журнал естественнонаучного направления под названием «Янус метеороскопус» (метеорологические наблюдения, сообщения о небесных телах и атмосферных явлениях, сатира на астрологию и суеверие); в 1733 г. — назидательно-развлекательный журнал «Еженедельник по вопросам нравственности и морали»; с 1735 г. — журнал «Полезная для понимания нового в политическом и научном мире информация» (новости науки и всякая всячина, начиная от искусственных удобрений и кончая бразильской торговлей).

Вступление на престол «просвещенного монарха» Фридриха II Великого в 1740 г. ознаменовалось появлением в кенигсбергской прессе сразу трех журналов с приложениями, ориентированными на воспитание добродетели и высокой нравственности. Это были редактировавшиеся Фридрихом С. Бокком «Отшельник» и «Немецкий Эзоп» (в нем планировалось опубликовать 324 поучительных басни и сказки), а также журнал «Театр человеческих деяний» с приложением «Честный старец», или просто «Честный». Просуществовали они недолго, так как стали надоедать публике своими постоянными проповедями добропорядочности. В то же время журнал-газета «Еженедельные кенигсбергские сообщения в вопросах и ответах», или «Интеллектуальный листок», в котором еще по распоряжению Фридриха I профессора Альбертины должны были печатать свои научные материалы, переживал пору расцвета. И это не удивительно, потому что сотрудниками его были тогда Гаман и Кант.

И. Г. Гаман внес немалый вклад в развитие восточнопрусской журналистики. Еще двенадцатилетним студентом в 1749 г. он начал издавать в Кенигсберге журнал «Дафна». В от-

личие от других еженедельников нравственной тематики, он печатал статьи о Вольтере, пикантный маленький роман, рассуждения о кенигсбергских франтах, танцах, купающихся девушках и т. п., что импонировало молодежному вкусу и моде.

Во второй половине XVIII в., когда в издательском деле господствовал Гартунг, появился новый издатель и книготорговец-просветитель, меценат, сыгравший важную роль в духовной жизни Кенигсберга, — Иоганн Якоб Кантер. В 1760 г. он получил от российского губернатора Корфа привилегию на книготорговлю, а через три года разрешение короля на издание научной газеты. Она вышла в 1764 г. под названием «Кенигсбергские научные и политические новости» и вскоре стала одной из самых известных не только в Кенигсберге, но и в Германии. Первым редактором кантеровской газеты был Гаман, в число ведущих сотрудников входили Кант, Гиппель, Шефнер, молодой Гердер. Газета имела тесные связи с деятелями науки и культуры в Германии, Польше, в Прибалтике и в России.

Один из помощников Кантера, издатель и книготорговец И. Ф. Гарткнох Старший, обосновался в Риге, где в 1765 г. открыл магазин и издательство. Вскоре он стал одним из главных поставщиков западноевропейской литературы (в основном научной) в Россию. Гарткнох был связан не только с крупнейшими немецкими книгоиздателями (знаменитым К. Ф. Николаи в Берлине, Кантером в Кенигсберге, И. Г. И. Брейткопфом, Ф. Э. Рейхом в Лейпциге и другими), но и с русскими коллегами, в частности, с просветителем Николаем Новиковым. Особую роль Гарткнох сыграл как издатель работ русских ученых (труды Вольного экономического общества, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, П. П. Рычкова, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлёцера и других), а также научных публикаций на немецком языке, касающихся России (в частности, через Гарткноха Кантер опубликовал в Кенигсберге сборник трудов о России известного немецкого географа А. Ф. Бюшинга, работавшего в 60-х годах в Петербурге). Именно своему ученику Гарткноху Кант доверил издание «Критики чистого разума» (1781 г.)²⁹³.

В Кенигсберге Кантер открыл в здании бывшей Лебенихтской ратуши книжный магазин. Он стал одним из культурных центров города. Здесь собирались духовные столпы кенигсбергского общества посмотреть новые книги, пообщаться, обсудить макет очередного номера кантеровской газеты. В числе постоянных посетителей магазина были Гаман, Гиппель, Шефнер, Гердер, историк Бачко, Кант (одно время Кант снимал у Кантера квартиру). Кантер же был душой этого общества. Подобных мест в городе было немного. Выделялся еще салон во дворце графа Германа фон Кейзерлинга, известного прусского аристократа, бывшего и на саксонской, и на русской дипломатической службе. Его жена, графиня Каролина Амалия, увлекалась философией, литературой, музыкой и сумела собрать вокруг себя интеллектуальную и культурную элиту. Здесь любил бывать

Кант на лучших в городе музыкальных вечерах, в которых участвовали также солисты, проезжавшие через Кенигсберг.

В конце 70-х годов книжный магазин и газета Кантера переживали финансовый кризис, тогда как большое издательское предприятие и газета Гартунга продолжали развиваться. В 1781 г. магазин и газета Кантера вместе с привилегией перешли во владение фирмы «Вагнер и Денгель», а в конце 80-х гг. — советника Вульфа.

В последней четверти XVIII в. в духовной жизни и журналистике Кенигсберга заметную роль стал играть Людвиг фон Бачко, человек сложной судьбы, выдающейся воли и трудолюбия. От рождения у него была парализована нога, а в молодости Бачко ослеп, но это не помешало ему стать известным прусским историком, журналистом и писателем, профессором артиллерийской академии. Как писатель он дебютировал в газете Кантера и вскоре стал ее активным сотрудником. В начале 80-х гг. Бачко начал издавать журнал «Прусское время», в котором публиковались художественные произведения преимущественно молодых авторов. Среди сотрудников журнала были сподвижники Гамана: секретарь государственной палаты в Мариенбурге Бокк, профессор поэзии в Альбертине Кройцфельд, а также молодой писатель И. Браль и композитор И. Ф. Рейхардт (придворный капельмейстер Фридриха Великого, представитель так называемой берлинской школы, автор музыки и песен на слова Гете).

В конце XVIII в. заметным событием в журналистике стало появление журналов общественных организаций Восточной Пруссии — Свободного общества Кенигсберга и Королевского немецкого общества, которые после своего объединения в конце 80-х гг. начали выпускать «Прусский ежемесячный журнал», а в 1790—1798 гг. — «Прусский архив». В них чувствовалось влияние авторов «Бури и натиска». В частности, в «Прусском архиве» начинал свой творческий путь немецкий писатель Фридрих Людвиг Захариас Вернер публикацией прусских сказаний и легенд. Заметной фигурой в журнале считался и Бачко. Со временем «Прусский архив» вырос в солидный журнал по истории Восточной Пруссии.

Таким образом, в XVIII в. были созданы типографии, издательства и разнообразная периодическая печать, на основе которых благотворно развивалось творчество выдающихся представителей духовной культуры Восточной Пруссии.

В истории немецкого просветительства обычно выделяют его ранний период, до середины XVIII в., зрелость 60—70-х гг. и высший подъем в последней трети столетия. Крупные просветители были энциклопедистами, их творчество могло развиваться в равной мере в рамках искусства, литературы и различных наук. Великий поэт и мудрец Гете, например, увлекался ботаникой, зоологией, анатомией, оптикой, геологией.

Просветители из Восточной Пруссии были поистине звездами первой величины. Выпускник Кенигсбергского университета Готшед заложил основы развития новой немецкой литературы. Его соотечественник Гаман разработал принципы новой философии «чувства и веры», которая пополнила немецкое Просвещение свежими идеями, взорвавшими застывшие схемы рационализма. Эта философия подготовила почву для нового художественного стиля литературы Гердера, Гете, Шиллера, дала мощный импульс диалектике Гегеля. В Восточной Пруссии созрел гений Канта. Его философия, блестящие открытия в области космологии, этики, эстетики, психологии составили целую эпоху в истории человеческого самопознания и изучения природы. Ученик Канта и Гамана Гердер становился родоначальником нового литературного движения «Буря и натиск», под влиянием которого складывается могучий талант Гете. Поистине одной из самых примечательных особенностей творчества выдающихся восточнопруссских просветителей было новаторство.

В последние десятилетия XVIII в. деятельность Гердера, Канта и Гете стала вершиной немецкого Просвещения, итогом всего предшествующего развития общественной мысли. Она вывела культуру Германии далеко за узконациональные рамки. Двое из трех великих немцев были пруссаками. Был ли случайностью этот восточнопруссский культурный феномен? Вряд ли. Истоки этого духовного взлета XVIII в. следует, видимо, искать все в том же своеобразии истории этого необычного уголка Германии и особенностях национального состава Восточной Пруссии. Эта специфика края будет давать знать о себе и в будущем.

VII

ВОЙНЫ С НАПОЛЕОНОМ.

ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР

бращаясь к истории наполеоновских войн, большинство исследователей основное внимание

уделяет их кульминации — периоду 1812—1815 гг. Остальные события имеют как бы частный характер, используются в качестве иллюстративного материала к освещению главного или просто опускаются.

Тильзитский мир 1807 г. счастливо избежал подобной участи, хотя, казалось, был рядовым дипломатическим соглашением. Он выдвинулся на авансцену истории благодаря тому, что явил собой один из примеров серьезного внешнеполитического компромисса. От этого мира не выиграла ни одна из сторон: ни Франция, для которой мир оказался недолговечным, ни Россия, заключившая мир, вызвавший критику внешней политики царя со стороны дворянства и верхушки знати; ни Пруссия, оказавшаяся фактически в подчинении Франции и потерявшая половину территории. Но именно в силу этого Тильзитский мир долгое время давал богатую пищу политикам и идеологам для самых разноплановых толкований в зависимости от времени и поставленных целей.

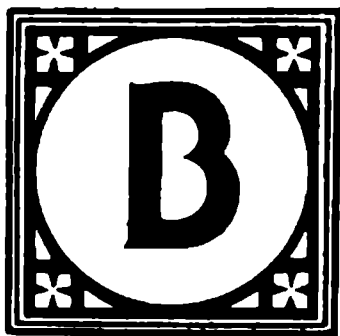
На рубеже XIX—XX вв., когда складывался русско-французский союз, потребовалось его идеологическое обоснование, поиск прецедента, и взоры как французских, так и русских историков обратились к Тильзиту как к одному из первых примеров взаимного сближения. Появился ряд фундаментальных трудов по рассматриваемой проблеме²⁹⁴. Плодотворно работали и немецкие историки, но они больше внимания уделяли военным предпосылкам Тильзита²⁹⁵, дав одну из наиболее полных картин сражений с Францией в 1806—1807 гг. Немецкие историки в ряде случаев критически оценивали роль русской армии в войнах

с Наполеоном, излишне полагаясь на такие доказательства, как письма прусского государственного деятеля Гарденберга о «капитуляции» Александра I и его «предательстве» Пруссии²⁹⁶.

В целом же историки уделяли мало внимания Тильзиту. Среди публикаций на эту тему следует отметить аргументированный труд «Внешняя политика России в XIX — начале XX вв.» (т. III)²⁹⁷ и диссертацию В. Г. Сироткина²⁹⁸.

В наше время появилась возможность, опираясь на новую обстановку, складывающуюся в Европе, еще раз напомнить о дипломатическом акте, совершенном почти двести лет назад в маленьком восточнопрусском городке.

НА ПУТИ К ТИЛЬЗИТУ

начале 1802 г. произошло событие, определившее на долгие годы генеральное направле-

ние российской политики в Европе. Это была встреча прусской королевской четы Фридриха Вильгельма III и Луизы с русским императором Александром I.

Александр воспитывался в духе предрасположенности к Пруссии под влиянием своего отца Павла I. Он стремился побывать в Пруссии, связывая с этим многие свои надежды. Наконец его желание исполнилось. 29 мая он прибыл в Мемель. Семь дней длились смотры, приемы, балы. Здесь было положено начало дружбе двух царственных особ. Королева Луиза очаровала Александра, оставив в его душе глубокий след.

На этом фоне произошло событие, имевшее существенные последствия для России. Практически, еще не оформив каких-либо договорных обязательств, Россия стала союзницей Пруссии. Оценки подобного сближения в российском светском обществе оказались противоречивыми, но чаще отрицательными. В частности, ближайший соратник царя князь А. Чарторыйский в 1806 г. высказал достаточно откровенное отношение к нему в письме Александру I: «Я смотрю на это свидание, как на одно из самых несчастных происшествий для России, как по своим непосредственным последствиям, так и по тем, которые оно имело и будет иметь...»²⁹⁹. Подобной позиции придерживались и более поздние деятели³⁰⁰.

Казалось, союзу была уготована недолгая жизнь. В 1805 г., когда Фридрих Вильгельм III не решился присоединиться к

антинаполеоновской коалиции, русские войска даже начали сосредоточиваться у границ Пруссии. Однако очередная встреча императора и короля в Потсдаме в октябре 1805 г., знаменитое посещение ими гробницы Фридриха II и взаимная клятва в вечной дружбе над останками «старого Фрица» отмени в сторону прежние сомнения Александра I в поведении союзника.

Между тем события развивались лавинообразно. Спустя месяц после клятвы состоялось Аустерлицкое сражение, менее чем через год Пруссия вступает в войну с Францией и терпит сокрушительное поражение. 16 ноября 1806 г. Россия объявляет войну Франции. Русская армия перешла границу и двинулась к Висле навстречу французским войскам. В ее составе было два корпуса генерала Беннигсена из 60 тысяч человек³⁰¹ (по другим данным — до 70 тысяч³⁰²) с 276 орудиями и генерала Буксгевдена — 40 (50) тысяч человек и 216 орудий. Общее командование армией вначале возлагалось на фельдмаршала Каменского. С юга эту группировку (в районе Бреста) должен был прикрыть корпус генерала Эссена. Кроме того, прусский король подчинил русскому командованию четырнадцатитысячный корпус генерала Лестока — остаток своей совсем недавно еще грозной армии³⁰³.

Не менее сильную армию численностью свыше 150 тысяч человек³⁰⁴ привел к Висле и Наполеон.

С самого начала военная ситуация складывалась для России неблагоприятно. Преждевременное вступление в войну Пруссии побудило к подобному же шагу и Россию, которая не успела надлежащим образом подготовиться к ведению боевых действий. Этому помешали как объективные, так и субъективные факторы, например, одновременное участие в двух войнах (с Персией и Турцией), неудачный выбор главнокомандующего армией в Пруссии (на эту должность был назначен фельдмаршал Каменский, которого вскоре пришлось заменить генералом Беннигсеном, также не оправдавшим всех надежд) и другие причины.

После двухмесячных маневренных действий на территории нынешней Польши (часть ее принадлежала в то время Пруссии) противники 8 февраля 1807 г. встретились под Прейсиш-Эйлау. Нет необходимости подробно останавливаться на описании хода сражения, ему посвящена доступная литература, в частности, интересные воспоминания Д. Давыдова³⁰⁵. Однако следует сказать, что до Бородинского сражения оно было наиболее кровопролитным в истории войн нового времени. Оставим в стороне сообщение Д. Давыдова о тридцатисемитысячных потерях русской армии — память инструмент ненадежный, если воспоминания не подкреплены документами. Большинство исследователей сходятся во мнении, что потери русских составили 26 тысяч человек³⁰⁶, французов — около 30 тысяч³⁰⁷.

Сражение не принесло успеха ни одной из сторон, но обессилило его участников. Поэтому в ночь с 8 на 9 февраля Бенниг-

сен отдал приказ армии отойти к Мюльхаузену (Гвардейское Багратионовского района) и дальше к Кенигсбергу. Есть сведения, что Наполеон тоже собирался дать приказ об отходе³⁰⁸, но так как это раньше сделал его противник, он остался на поле сражения. В 1809 г. Наполеон признавался военному представителю России во Франции Чернышеву: «Если я назвался победителем при Эйлау, то потому только, что вам угодно было отступить»³⁰⁹.

Говоря об итогах сражения, следует выделить одну из его особенностей. Впервые в истории русские и прусские войска действовали как союзники. Был момент, когда для русской армии сложилась критическая обстановка и положение исправил корпус Лестока. Наполеон, введя в сражение резерв под командованием маршала Даву, сильно потеснил левый фланг русских. Своевременным маневром артиллерии генералу Кутайсову и полковнику Ермолову удалось восстановить равновесие. Примерно в 16 часов к месту сражения подошел корпус Лестока. Его мощная контратака закрепила успех. Французов спасла от поражения быстро наступившая темнота. Стоит отметить, что в сражении под Прейсиш-Эйлау приняли участие как известные русские военачальники (Кутайсов, Ермолов, Остерман-Толстой, братья Тучковы, Багратион), так и прусские (Шарнхорст, Врангель).

Несмотря на оставление поля боя, стратегический успех русско-прусских войск был несомненен. Наполеон не смог продолжить свое движение к Кенигсбергу, а затем и вовсе отошел к Висле. Наступил перерыв в боевых действиях, который каждая из армий стремилась использовать для повышения своей боеспособности. Основной базой для подготовки русской армии к будущим боям стал Кенигсберг.

Итак, ровно через полвека после Семилетней войны русская армия вновь оказалась в Восточной Пруссии. Местное население было настроено дружелюбно к союзникам. «Пруссакки снабжали нас чем могли: продовольствием, обувью, одеждой, врачами, портными, плотниками и слесарями. Часть жителей составила общество вспоможения нашим раненым»³¹⁰.

Весной 1807 г. начался второй этап войны. Существенно пополнив свои силы, обе армии продолжали избранную ими еще в самом начале войны стратегию. Наполеон стремился к генеральному сражению, пытаясь одновременно выйти на коммуникации русской армии, отрезать ей путь отступления в Россию или занять базы снабжения. Беннигсен с успехом противодействовал замыслам противника. Так продолжалось до 14 июня 1807 г. В результате ошибки своего главнокомандующего русская армия, перейдя в районе Фридланда на левый берег р. Алле, оказалась на открытой местности, совершенно не приспособленной для сражения. Наполеон, быстро оценив ситуацию, сосредоточил свыше 80 тысяч человек против 46 тысяч русских и на исходе дня повел решительное наступление³¹¹.

Основной удар французские войска нанесли по левому флангу русских, который удерживал генерал Багратион. Прикрывшись аръергардом, он начал возвращать свои дивизии на правый берег Алле. Сражение приняло ожесточенный характер. В нем особо отличился Павловский гренадерский (впоследствии лейб-гвардии) полк и его командир генерал Мазовский. Н. Мазовский погиб и был захоронен местными жителями на кладбище святого Лоренца, близ старой кирхи. Памятник, установленный к 60-летию его гибели, сохранился в Правдинске до настоящего времени.

В свое время академик Е. Тарле сделал вывод о том, что «русская армия погибла у Фридланда в волнах Алле» и сравнивал это поражение (с военной точки зрения) с катастрофой под Аустерлицем³¹². Тарле — несомненный авторитет в исторической науке, но в данном случае вряд ли он прав. «Волны Алле» были не настолько страшны, чтобы поглотить армию. Река в районе Фридланда изобилует многими отмелями и бродами, по которым часть артиллерии могла легко переправиться даже в ходе сражения. Беннигсен привел к Фридланду 60-тысячную армию³¹³. Однако в сражении участвовало только 45 тысяч. Основные потери пришлось на долю группировки Багратиона. Правый же фланг русской армии под командованием генерала Горчакова в значительной мере уцелел и сберег практически все пушки. Потери русской армии превысили 10 тысяч человек (по другим данным — до 20 тысяч). Противник потерял около 8,5 тысяч³¹⁴.

Русская армия потерпела поражение. Но настолько ли оно было катастрофичным, как утверждает большинство исследователей? Похоже, что историками принято на веру сослаться Наполеона для парижских газет: «...вся русская армия обращена в дикое бегство, 80 пушек, 30 000 человек взято в плен или убито, 25 генералов убито, ранено или взято в плен, русская гвардия уничтожена...»³¹⁵. Видимо, и Тарле оказался в заблуждении, утверждая, что «почти вся русская артиллерия попала в руки Наполеона»³¹⁶.

На самом деле вопрос о судьбе русской артиллерии во Фридландском сражении в исторической литературе глубоко не исследовался. С мнением академика Тарле и Наполеона мы уже знакомы. Главнокомандующий же русской армией Беннигсен указывал, что потери артиллерии под Фридландом составили пять пушек на поле боя и четыре не удалось переправить вброд через Алле³¹⁷. А Михайловский-Данилевский со ссылкой на дела Артиллерийского департамента называет цифру потерь — десять орудий, указывая, что «двадцать девять орудий... генерал Ламберт собрал... и увез их левым берегом в Алленбург, где соединился с армией»³¹⁸. Артиллерист, полковник (впоследствии генерал от инфантерии) Ермолов свидетельствует, что «артиллерию спас отысканный поблизости брод, которую иначе надобно было оставить. Итак, вся потеря подбитыми, оставлен-

ными на месте и потонувшими от беспорядка на броду состоит в тринадцати орудиях»³¹⁹.

Об общем количестве русской артиллерии, принимавшей участие в сражении, сведений пока не обнаружено. Структура дивизий тогда еще не была узаконенной. Но чаще всего каждая из них имела по две тяжелых батареи и иногда получала на усиление до конно-артиллерийской роты, то есть всего в дивизии могло быть до 36 орудий. На левый берег Алле переправилось шесть русских дивизий. Несложные подсчеты показывают, что общая численность артиллерии скорее всего достигала 200 пушек. Потеря десятка орудий (а большинство свидетельств говорит о цифре, близкой к этой) была практически не заметна.

Подобная картина складывается и в отношении потерь личного состава. Да, Наполеон одержал победу, проявив при этом талант полководца. Русская армия сражение проиграла. Но маневр, совершенный Наполеоном, затем битва настолько обессилили французскую армию, что в течение суток она не могла тронуться с места для преследования противника. Кроме того, Наполеон, видимо, понимал иллюзорность представлений о катастрофе русских. Панического их бегства не было, а выбор маршрута отступления свидетельствовал о том, что командующий русской армией (при всех его ошибках) не был таким бесталанным военачальником, как его нередко представляют историки и писатели. Даже Наполеон считал наиболее вероятным маршрут отхода противника вверх по Прегелю, ближе к русской границе и навстречу подходившим резервам из России. Беннигсен принял иное, единственно верное решение, хотя знал, что пополнение армии свежими силами, 17-й и 18-й пехотными дивизиями (почти 20 тысяч солдат и офицеров), могло восполнить потери и уравновесить силы сторон.

Таким образом, отступление русской армии, несмотря на критические замечания³²⁰, следует считать организованным, недаром его прикрывал крупнейший военный специалист по кризисным вопросам Багратион. Об этом же свидетельствует и переправа за десять часов всех войск через единственный мост на р. Неман, что недалеко от Тильзита³²¹. А эта задача исключительно сложная даже для современных условий.

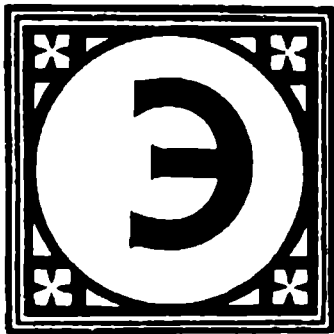
При оценке Фридландского сражения, как правило, в стороне остается роль крепости Кенигсберг, прикрываемой объединенным прусско-русским отрядом под общим руководством генерала Лестока. Эта группировка оттянула на себя значительные силы врага (корпуса маршала Сульта и Мюрата) и могла долго обороняться, несмотря на значительно устаревшие укрепления. В ее составе было более 70 эскадронов кавалерии³²². В городе находились значительные запасы продовольствия. Все это вызывало беспокойство Наполеона.

Первая попытка французов с ходу взять город не удалась. Бой за вторую столицу Пруссии начался в тот же день, что и Фридландское сражение. Превосходящие силы французов ата-

ковали по двум направлениям: через Нассе-Гартен (вдоль нынешней улицы Суворова) к Бранденбургским воротам и через Авайден (поселок Южный) к Фридландским. Штурм не удался. Оборонительные сооружения Кенигсберга выдержали, гарнизон, хорошо оснащенный артиллерией, проявил мужество. Предстояла упорная оборона. Недаром Сульт писал впоследствии в донесении об укреплениях Кенигсберга: «...имеется много орудий, вследствие чего вал хорошо защищен, ров весь наполнен водою и прикрытый путь запалисадирован (палисад — специальное заграждение в виде частокола). В следующую ночь я брошу несколько гранат в город, чтобы потрясти его гарнизон и город, но у меня мало боевых припасов, едва достанет на четырехчасовой бой... Опасение заходить слишком далеко и, быть может, потерять много людей без уверенности в успехе заставляет меня ограничиться наблюдением» ³²³.

Развязка наступила неожиданно. После полудня 15 июня Лесток получил указание от Беннигсена выступить на соединение с ним (Беннигсен в тот момент сосредоточивал силы). Лесток незамедлительно выполнил команду, и только утром 16 июня французы вошли в город. Учитывая, что к Кенигсбергу французы подошли в первой половине 14 июня, крепость смогла задержать противника таким образом на двое суток. Что это дало? Имея в запасе двое суток, свежие, не участвовавшие в сражении войска маршала Сульта могли в районе Мелаукен — Гросс-Скайсгиррен (Залесье — Большаково) выйти во фланг отходящей русской армии. Этого не случилось.

...Решающую роль в окончании войны сыграли политические мотивы. Известие о поражении под Фридландом не застало Александра I в Тильзите: накануне он отправился к русской границе для осмотра прибывающих резервов. Фридрих Вильгельм III со своей свитой убыл в Мемель. 15 июня в Тильзите ближайшее окружение царя в экстренном порядке обсудило возможность дальнейших действий и склонилось к мысли о перемирии с французами. На следующий день, еще не владея обстановкой, с этим в принципе согласился Александр I. Предварительно он отправил к Беннигсену доверенное лицо — главного интенданта армии В. Попова. Общий тон его первого донесения царю был спокойным: русская армия организовано отступает, явных признаков намерений французов вторгнуться в пределы России не наблюдается ³²⁴. Однако опытный царедворец Беннигсен чутко уловил колебания царя — и прекратил попытки сопротивления. Русской армии оставалось только одно — уйти за Неман. Что и было сделано.

тот мир стал для России полной неожиданностью. В стране поднималась патриотиче-

ская волна. Создавалось народное ополчение. Шла передислокация резервов на театр войны. Французский император стал злейшим врагом всех общественных слоев государства. И вдруг — мир. Между тем в российском руководстве идея перемирия и даже союза с Наполеоном существовала параллельно с идеей продолжения войны. Силы «войны и мира» уравнивались.

Наиболее активным сторонником мира был великий князь, брат царя Константин Павлович. Его поддерживал А. Куракин — влиятельный царский сановник, внук фельдмаршала С. Ф. Апраксина, сражавшегося в этих местах полвека назад в период Семилетней войны, крупные государственные деятели Чарторыйский, Новосильцев. Не менее прочными казались позиции и «военной партии»: министр иностранных дел Будберг; ряд русских генералов, среди которых были уже известные Барклай-де-Толли, Остерман-Толстой. Незадолго до Фридланского сражения произошло объяснение Александра I с Константином. Царь приказал брату покинуть Тильзит, отправиться к армии и не вмешиваться не в свои дела. Мира не предвиделось.

Чтобы понять ситуацию, надо не забывать о российском единовластии. Тысячи слухов, ожиданий, надежд, предположений, будораживших высшую знать и простой люд России, ничего не стоили по сравнению с верховной волей монарха. Честолюбивый, умеющий нравиться, придающий большое значение позе, тридцатилетний Александр I очень хотел сохранить свое лицо. Это было нелегко. Заключив союз с Фридрихом Вильгельмом III против Наполеона, он взвалил на себя большую ответственность за судьбу Пруссии. А его слово, данное в присутствии обожаемой им Луизы прусскому королю (стоять до конца, пока французы не будут отброшены за Рейн), оказалось несостоятельным. Достичь военных успехов не удалось.

Как быть? Выход подсказала сама жизнь. Наполеон настойчиво искал пути раскола союза России с Пруссией. И цену предлагал немалую: отдать России Восточную Пруссию вместе с низовьями Немана и Вислы³²⁵. Подобное предложение было созвучно идеям ближнего окружения царя, например, бывшего министра иностранных дел Чарторыйского, сестры Екатерины³²⁶. Выходило, что проигравший войну мог получить больше (учитывая еще и обещание Наполеона помочь в разрешении конфликта с Турцией), чем в случае ее выигрыша. И вот тут-то

Александрю предоставилась прекрасная возможность показать благородство. Он решительно отверг французские предложения, и только под его давлением Наполеон согласился сохранить Пруссию как государство. Тем самым царь разрушил планы Наполеона, о которых он сказал прусскому полномочному представителю графу фон Гольц: «Не заступись император России, и мой брат Жером стал бы королем Пруссии, а нынешняя династия была бы изгнана» ³²⁷.

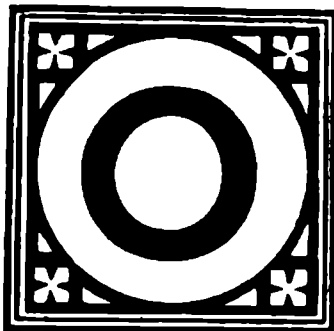
Чем был Тильзитский мир — успехом или неудачей русской политики? Споры об этом не утихают по сей день. В дореволюционной России исследователи, особенно конца прошлого — начала нынешнего веков, отмечая достаточно объективно ошибки и просчеты Александра I, в большинстве своем сходились в одном: Тильзитский мир следует занести в актив русского царя ³²⁸. У французов, естественно, успех отдавался Наполеону. Обида за недостаточную стойкость Александра I просматривалась у немцев.

Очень интересную развернутую оценку Тильзитского мира привел В. Сироткин, определяя характер франко-русского союза со ссылкой на самого русского царя и его ближайших сподвижников: «Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению невозможно». Поэтому «Тильзитский мир по существу своему есть мир невозможный не потому, чтоб Россия не могла выдержать торговых его последствий, но потому, что она не может никогда представить Франции достаточно ручательства в точном его сохранении. Следовательно, удаляя войну, должно, однако ж, непрестанно к ней готовиться» ³²⁹.

До недавнего времени ученые современной России, отмечая плюсы и минусы политики Александра на тильзитских переговорах, считали, что это все-таки неудача. Думается, подход к оценке этого события следует искать опять-таки в личности Александра.

Во время тильзитской встречи Наполеон и русский царь продемонстрировали подобно хорошим актерам высокую степень взаимной, притворной любезности, пытаясь переиграть друг друга. И в этом необычном поединке Александр оказался все-таки более ловким. Наполеон понял это гораздо позже на острове святой Елены. Он говорил: «Царь умен, изящен, образован; легко может очаровать, но этого надо опасаться; он неискренен; это настоящий византиец...» ³³⁰.

Однако этот «византиец» не всегда показывал такие качества, как дальновидность, умение правильно оценить расстановку политических сил на мировой арене, надежность своих союзников, которые не раз в критические моменты оставляли его или даже переходили на сторону противника

коло двух недель продолжались переговоры в Тильзите (7 июля был заключен мир

между Россией и Францией, 9 июля — между Пруссией и Францией). Их последствия оказались тяжелыми для России и Пруссии. Участие России в континентальной блокаде Англии вызвало спад российской внешней торговли (на 43 процента до войны двенадцатого года) ³³¹. Пруссия потеряла более половины своей территории.

Русский военный историк М. Богданович так описывает состояние Пруссии: «Страна обеднела совершенно; многие землевладельцы, оставив свои наследственные владения, скитались по миру. Общее уныние подавило дух народа; многие, потеряв надежду на какую-либо перемену к лучшему, освоились с позором и предлагали скрепить цепи, на коих держала их мощная рука завоевателей, союзом с Францией» ³³². Ограничивалась численность армии. Разрешалось иметь под ружьем только 42 тысячи человек. Да Пруссия и не имела средств на большую численность. Контрибуция, которую она должна была выплатить Франции, составила 140 миллионов франков (государство смогло выплатить эту сумму населению — в качестве долгов по займу — только в конце XIX в.). Пруссия вынуждена была содержать французские войска на своей территории, так как со времен итальянских походов Наполеон твердо придерживался правила: все расходы по содержанию армии победителей перекладывались на побежденных.

Наполеон сохранил Пруссию, но бремя оккупации было очень тяжелым. Те из жителей Пруссии, кто еще помнил русское правление в Семилетнюю войну, мог воочию убедиться, насколько изменились условия для побежденных всего полвека назад.

По приказу прусской королевской палаты поставки в счет реквизиций, а также конфискованное французским командованием частное имущество прусских граждан оплачивались из казны местных городов. Сохранились сотни квитанций, подтверждающих добросовестное выполнение прусскими ремесленниками и купцами поставок в счет реквизиций. Так, в делах Инстербургского магистрата есть документы на выдачу различных грузов генералам Гродце, Крусти, Гретци, Франку, Жилле, Гранде, маршалу Нею. Все они подписаны бургомистром города Гезекусом.

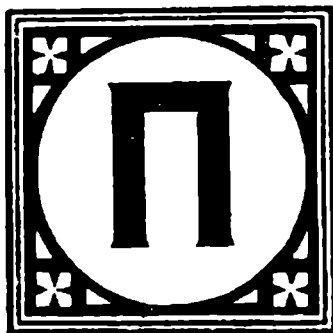
Например, аптекарь Керн, он же купец из Инстербурга, по счету № 127 от 11 августа 1807 г. поставил во французскую

армию: вино (белое, портер, рейнское, мускатное), ром, шампанское, табак, сахар, кофе, чай, лимоны, мускатные орехи, миндаль, шоколад, изюм, корицу, сливы, приправу, сыр, селедку — на сумму 724 талера 14 грошей. Он же в этот день сдал во французский лазарет медикаментов: камфору, спирт, порошок алоэ, семена кориандра в порошке, оксид магния, микстуру и т.д. (перечень на трех листах) — на 125 талеров 58 грошей. Наконец, Керн представил магистрату расписку от французского интенданта о том, что от него получено в счет реквизиции «две лошади и два быка» ³³³.

Купец Карл Дуглас поставил для нужд французских солдат: 5 кусков тонкого сукна, 1 кусок черного шелка, 6 кусков зеленого сукна, 2 куса светло-зеленого сукна, $33\frac{1}{2}$ куса белого полотна, два белых льняных платка, 6 кусков белого ситца, 11 больших шелковых платков и т. п. — на сумму 2341 талер 25 грошей ³³⁴.

Ущерб, нанесенный Восточной Пруссии французской оккупацией, только в 1807 г. составил 40 миллионов талеров ³³⁵.

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

осле окончания войны 1806—1807 гг. центр политической, военной жизни Пруссии пере-

местился в ее восточную часть. Вначале в Мемель, а затем в Кенигсберг, с которым связан период наивысшего подъема реформаторской деятельности прусского государственного руководства, направленной на организацию борьбы с Наполеоном.

Общественные силы, требовавшие преобразований, возглавил Генрих Штайн. Он предложил королю освободить крестьян от крепостной зависимости, упразднить вотчинные суды, заменив их независимым делопроизводством, привлечь нацию в лице бюргерства к участию в государственной жизни, предоставить городам самоуправление, ограничить права дворянства и реорганизовать высшие органы власти.

Одновременно с общегосударственными реформами развернулись военные, душой которых стал участник Прейсиш-Эйлауского сражения Герхард Шарнхорст, ставший уже после окончания боевых действий генералом. Он был назначен председателем «Военной реорганизационной комиссии». На стороне

Шарнхорста оказались видные впоследствии военачальники подполковник Гнейзенау, майоры Бойен, Грольман, Клаузевиц.

После Тильзита прусская армия насчитывала всего несколько тысяч человек. Необходимо было создать новую армию, обеспечить войска всем необходимым при ограниченных возможностях страны, ввести новые уставы, соответствующие современным требованиям военного искусства, вдохнуть в народ и армию доверие к собственным силам.

Были отчислены со службы запятнавшие себя офицеры, преданы суду командиры крепостей, сдавшихся французам без боя. Военная служба стала обязательной для всех подданных Пруссии. 3 августа 1808 г. был утвержден устав, которым отменялись телесные наказания в армии (кроме наказаний за бесчестные проступки). Указом короля от 6 августа предусматривалось производство в офицеры лиц только с соответствующим образованием — в мирное время и за храбрость и подвиги в бою — в военное. Срок службы сокращался с двадцати до четырех лет.

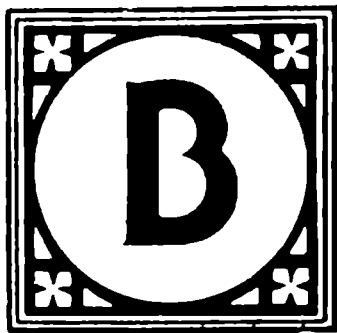
К последнему вынуждало ограничение численности армии, которую могла иметь Пруссия. Шарнхорст принял верное решение — иметь в государстве как можно больше обученных военному делу людей, а для этого требовалась более частая их смена в армии.

Подобные преобразования не остались незамеченными Наполеоном. По его требованию Фридрих Вильгельм III освобождает от службы в должности первого министра Штайна, затем смещает с высших постов и Шарнхорста. Штайн был вынужден отправиться сначала в Прагу, а затем в Петербург на службу к Александру. Это произвело в Пруссии большое впечатление. «Все увидели, что дело, отстаиваемое русскими, стало также немецким. Оно было признано и воплощено в Штайне»³³⁶.

После того как Пруссия 24 февраля 1812 г. заключила союз с Францией против России, Штайн принялся за создание комитета по немецким делам в России, а вскоре приступил к организации сил сопротивления французам³³⁷.

Центр европейской борьбы за освобождение переместился в Россию. Это понимал не только Штайн. Еще в мае 1811 г. Х. А. Левин доносил из Берлина, что в Германии «все взоры обращаются к России» и что многие прусские офицеры «выразили желание поступить на службу в нашу армию в случае войны с Францией»³³⁸. Затем осенью этого же года Гнейзенау и Клаузевиц пытались реализовать идею создания немецкого легиона в Англии, с последующей переброской его в Северную Германию. По ряду причин осуществить эту идею не удалось, и тогда усилия руководителей германского освободительного движения окончательно были сориентированы на Россию.

Одним из первых результатов их деятельности стал проект создания немецкого легиона для борьбы с французами, который Штайн 6 июля 1812 г. представил на утверждение Александру I.

1812 г. Восточная Пруссия стала местом сосредоточения мощной группировки француз-

ских войск для похода в Россию. Один из очевидцев и участников тех событий полицай-президент Шмидт позднее вспоминал: «Печально было видеть, как бесчисленное множество людей подчинялось упрямству одного и безропотно тянулось в Россию, чтобы принести себя в жертву на ее ледяных просторах. Безумным казалось его (Наполеона) тщеславие, с которым он посылал эту воинственно крепкую молодежь, это так прекрасно организованное войско на погибель. Сколь верным казалось мне в этот момент высказывание нашего Фридриха Великого: «Земля — сумасшедший дом Вселенной!»³³⁹

Незадолго до начала похода Наполеон прибыл в Кенигсберг. Здесь он провел первые смотры войск, которым предстоял поход в Россию. Символично, что смотры войск Наполеон проводил на коне по кличке «Москва»³⁴⁰. В составе французских войск были и прусские части.

В соответствии с союзным договором Пруссия для войны с Россией мобилизовала 21 тысячу человек, свела их в одну — 27-ю пехотную дивизию, предназначенную первоначально для обороны Пруссии. Королевским указом от 6 июня 1812 г. 27-я дивизия вошла в состав корпуса маршала Макдональда и сосредоточилась в Кенигсберге³⁴¹. Название «27-я» не прижилось, прусские войска впоследствии стали называться «прусским корпусом».

Вряд ли можно согласиться с немецкими историками, употребляющими термин «прусский вспомогательный корпус»³⁴². Не ясно, кому он обязан был помогать. Объединенному корпусу Макдональда, в котором французов было значительно меньше пруссаков (12 и 21 тысяча)? И, конечно, не центральной группировке Наполеона. Тогда бы армия Наполеона сплошь состояла из вспомогательных корпусов поляков, вестфальцев и т. д. Но это, как говорится, издержки лексики.

16 июня авангард прусского корпуса (начальник корпуса генерал от инфантерии Граверт, командир авангарда — генерал-лейтенант Йорк) перешел неподалеку от Тауроогена (Таураге, Литва) российскую границу.

Начался поход, который не принес славы ни французам, ни тем более пруссакам. По более поздним оценкам историков, Рижское направление, на котором должны были наступать прусские войска, с военной точки зрения могло сыграть исключительно важную роль в судьбе войны двенадцатого года³⁴³. Три-

Генерал П. И. Багратион

Генерал М. Б. Барклай-
де-Толли

Встреча императоров России и Франции и короля Пруссии
в Тильзите. Гравюра XIX в.

Дом, в котором останавливалась королева Луиза. Рисунок XIX в.

Прусский генерал Шарнхорст,
участник войн с Наполеоном

Прусский генерал Гнейзенау,
участник войн с Наполеоном

Прусский генерал Клаузевиц,
участник войн с Наполеоном

Прусский генерал Ёрк, участ-
ник войн с Наполеоном

Памятник Барклаю-де-Толли в п. Нагорное Черняховского района

дцатитысячной группе Макдональда противостояло всего 13 тысяч русских войск, прикрывавших Ригу. Но Макдональд действовал нерешительно. Объясняется это, видимо, тем, что заключенный под давлением обстоятельств договор между Фридрихом Вильгельмом III и Наполеоном был крайне непопулярен среди пруссаков. «Мы, прусские солдаты, следовали не звонким призывам Наполеона, — писал лейтенант лейб-гвардии Филипп фон Руссов в своем дневнике, — мы в большой степени следовали воле нашего короля, находившегося в стесненных обстоятельствах»³³⁴. Не удивительно, что русским войскам легко удалось защитить Ригу. При ином повороте событий французы могли бы высвободить большие силы и бросить их против корпуса генерала Витгенштейна, прикрывавшего Петербург. Смог бы тогда Кутузов отойти к югу от Москвы, оставив без прикрытия северную столицу? Конечно, вопрос гипотетический, но на определенные размышления наводит.

До начала зимы корпус Макдональда простоял фактически в бездействии у стен Риги, 19 декабря был вынужден отступить к прусским границам. Основные события развернулись на подступах к Тильзиту. Русское командование, пытаясь преградить пути отступления корпусу Макдональда, выделило для этого два легких отряда под командованием генерал-адъютанта Кутузова (родственника главнокомандующего), действовавшего вдоль Немана от Юрбурга (Юрбаркас, Литва) на Тильзит, и генерала Дибича, развивавшего активность на Таурогенском направлении.

Макдональд построил свои войска таким образом, что корпус Йорка (сменившего Граверта на посту командующего) двигался замыкающим в одно-двухдневном переходе за французами. Не зная таких подробностей, генерал Дибич с отрядом в 1,5 тысячи человек встал на пути генерала Йорка и принял решение вступить в переговоры с противником. В принципе, прусский генерал был готов к такому повороту дел. Еще под Ригой он имел контакты с русским командованием. Однако решиться на разрыв с французами без разрешения короля Йорк не мог. Переговоры продолжались несколько дней, пока 29 декабря Йорк не сказал Клаузевицу, находившемуся тогда на русской службе: «Я ваш. Скажите генералу Дибичу, что мы с ним завтра утром увидимся у Пошерунской мельницы и что я теперь твердо решил оставить французов»³⁴⁵.

30 декабря знаменитая Таурогенская конвенция была заключена. По ее условиям прусский корпус на два месяца (до принятия решения на государственном уровне) становился нейтральным. Само по себе это событие не имело решающего значения для боевых действий наступавшей русской армии, так как ее перевес над противником в тот период был неоспорим. Более значительным оказался политический результат конвенции. В последующем ее оценят как сигнал всей Европе к выступлению против Наполеона.

Бои еще продолжались. Оставшаяся у Макдональда 7-я дивизия генерала Гранжана отходила от Тильзита к Кенигсбергу. Гранжан пытался закрепиться в Лабиау, но был выбит оттуда полками генерала Шепелева. Вышедшая из Кенигсберга в Тапиау дивизия генерала Геделе также не смогла там удержаться. Ее обошел переправившийся на левый берег Прегеля отряд генерала Кутузова. Французским войскам грозило окружение, и Макдональд принимает решение отступить к Висле. 6 января в Кенигсберг вошли русские войска. К исходу января 1813 г. Пруссия была освобождена от наполеоновских войск.

Окрыленные долгожданной свободой, пруссаки горели желанием принять участие в окончательной борьбе с Наполеоном. Началось создание народного ополчения. В Кенигсберг прибыл представитель Александра I Г. Штайн, назначенный затем президентом административного совета союзных держав для Северной Германии³⁴⁶. После знаменитого выступления Йорка на заседании ландтага 5 февраля было принято решение пополнить резервистами его корпус, создать ландвер (резерв первой очереди) численностью 20 тысяч человек, сформировать конный отряд в 500 всадников за счет провинции и т. д.³⁴⁷

Во многом заразительным примером для местного населения послужили петербургские и новгородские ополченцы, которые действовали в составе русских войск в боях за Лабиау, при освобождении Кенигсберга и Пиллау. Даже в элементах одежды, головных уборах прусских ландверовцев и русских дружинников было много схожего. Недаром начальник петербургского ополчения сенатор Бибилов, обращаясь к своему народному войску, говорил: «...взгляните окрест себя: храбрые, но холодные пруссаки, удивляясь и воспламеняясь примером вашим, спешат собираться и следовать по стопам спасителей Отечества их»³⁴⁸.

Патриотический подъем охватил все слои населения. Те, кто фактически не мог нести службу, жертвовали ценности на экипировку и вооружение ополченцев. В прусской армии появляются свои «кавалеристы-девицы»... Нейтральный наблюдатель испанский посланник при царском дворе писал домой: «Невозможно не загореться, когда видишь тот жар, с которым народ отвоевывает свежий воздух для своего национального духа... Сестра короля отдала все свои украшения с тем, чтобы деньги, вырученные за них, были употреблены на военные цели... Ее примеру последовали все женщины...»³⁴⁹

О росте национально-освободительного движения среди пруссаков свидетельствует формирование русско-немецкого легиона. Факт вооружения и снабжения легиона всем необходимым для ведения боевых действий служит еще одним подтверждением активного участия России в развертывании подобного движения.

Проект создания немецкого легиона был предложен Штайном Александру I за несколько дней до вторжения Наполеона в Россию³⁵⁰. В официальной переписке корпус, сформированный

рованный из немцев-эмигрантов и военнопленных, получил название «русско-немецкий» или «российско-германский» легион. Местом формирования легиона первоначально был избран Ревель (Таллин), в феврале он проследовал через Тильзит и в марте 1813 г. сосредоточился в Кенигсберге³⁵¹. По данным на 13 апреля, в его составе числилось 3 003 пехотинца, 929 конников и 312 артиллеристов — всего 4 244 офицера и солдата при 2 245 лошадях³⁵². Легион продолжал доукомплектовываться в процессе похода. Следует отметить, что легион не пользовался вниманием руководства Пруссии. Скорее, наоборот. Поэтому активных участия в боях не принимал. Но факт создания такого формирования заслуживает внимания.

Новый толчок патриотическому движению в Пруссии дал переход русских войск через ее восточные границы. В Кенигсберге начал выходить журнал, призывающий немцев вооружаться и присоединяться к русской армии. Корпус Йорка вскоре окончательно перешел на сторону русских войск и получил от русского командования около 500 тысяч рублей ассигнациями и 15 тысяч ружей³⁵³.

16 февраля 1813 г. в Калише был подписан русско-пруссский союзный договор, обусловивший восстановление территории, доходов населения в пределах, соответствовавших положению Пруссии до войны 1806 г. Впереди были освободительная война Германии 1813 г., совместное боевое содружество русских и немцев в целях достижения общей победы.

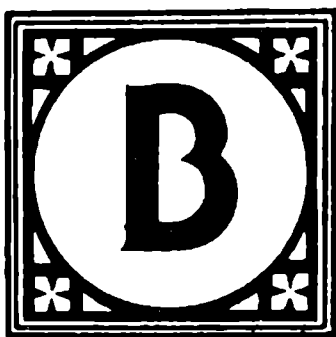

VIII

ВОСТОЧНЫЙ ПОСТ НЕМЕЦКОЙ МОНАРХИИ

XIX-начало XX вв.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ

Венский конгресс, прозванный «танцующим» за пристрастие его участников к пышным балам, подвел черту под бурной эпохой конца XVIII — начала XIX вв. Волны Великой французской революции, достигнув в 1793 г. наибольшей высоты, разбились о плотину бонапартизма, а сам великий корсиканец, безжалостно сотрясавший Европу, военным победам которого как чуду дивился мир, усмиренный коллективными усилиями народов, отправился на о. Святой Елены доживать свой век. 8 июня 1815 г. конгресс подписал Генеральный акт о создании Германского союза, в который вошли 34 государства, в том числе Пруссия со своей восточной провинцией и четыре вольных города (Бремен, Гамбург, Любек, Франкфурт-на-Майне).

Конгресс не пожелал восстанавливать Священную Римскую империю германской нации, которая прекратила свое существование в 1806 г., когда Франц II, глава гамбургского дома, после сокрушительного поражения от Наполеона сложил с себя полномочия кайзера, оставив за собой под именем Франца I титул австрийского императора. В то же время конгресс не ставил цель объединить в Германском союзе немецкие государства в единое целое. Он сохранил их раздробленность и полную самостоятельность во внешних сношениях. Цели союза были не национальные, а чисто военные — создать общий противовес Франции на ее восточной и северной границах. Союзный сейм под председательством австрийского императора мог в особых случаях созывать пленумы. Восточная Пруссия, давшая свое имя Бранденбургскому государству и открывшая ее маркграфу и курфюрсту путь к королевской короне, была окончательно низведена до положения провинции.

Монархия Гогенцоллернов энергично взялась за наведение порядка в своих основательно расстроженных владениях. Прежде всего нуждалась в упорядочении и обновлении административная система. 30 апреля 1815 г. постановлением центрального правительства на территории Восточной Пруссии было создано два административных округа: Кенигсбергский и Гумбинненский. Организацию провинциальных органов власти определил закон 1823 г. на основе сочетания земельного (назначаемого) и коммунального (выборного) принципов их формирования. Восточной Пруссии не удалось сохранить автономию. По инициативе обер-президента Западной Пруссии фон Шёна в 1824 г. обе провинции были объединены. В этом же году собрался первый провинциальный ландтаг. Заседания его проходили поочередно — в Кенигсберге и Данциге. В ландтаге были представлены три сословия: 15 человек от крупных землевладельцев, 13 — от бюргеров и 7 — от крестьян³⁵⁴. С тех пор почти в течение пятидесяти лет, до образования империи, административная система объединенной провинции — Западная и Восточная Пруссия — практически не менялась.

Новый этап реформирования административного устройства Восточной Пруссии связан с политикой померанского юнкера Отто фон Бисмарка, которого в 1862 г. король Вильгельм I назначил главой правительства. Бисмарк объединил Германию. Процесс этот занял почти девять лет. Начавшись с датской (1864 г.) и австро-прусской (1866 г.) войн и присоединения к Пруссии мелких государств — Нассау, Ганновера, курфюршества Гессен и других, он завершился войной против Франции (1870—1871 гг.), противившейся объединению Германии. В результате Бисмарк заставил подчиниться Пруссии и другие немецкие государства. Во время осады Парижа 18 января 1871 г. в Версальском дворце состоялась торжественная церемония провозглашения Германской империи. В нее вошли 22 немецкие монархии и 3 вольных города — Любек, Бремен, Гамбург (позже в состав Германской империи были включены Эльзас и Лотарингия, захваченные у Франции).

Конституция, принятая в апреле 1871 г., провозгласила федеративное устройство империи на основе унифицированной системы политического и административного управления на всей территории. Вскоре вышел указ о провинциальной администрации. Управленческая ее структура выглядела так: уезд во главе с председателем, которого назначал король или канцлер и который решал вопросы уездной жизни совместно с выборными старшинами; округ, объединявший уезды во главе с назначаемым ландратом и окружным советом, избираемым по трехклассной прусской системе.

Депутаты окружных и городских муниципальных советов составляли провинциальный совет на шесть лет. Он рассматривал вносимые проекты, избирал постоянный провинциальный комитет и ланддиректора. Сельские общины сохраняли свое са-

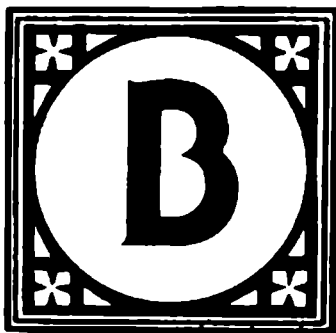
моуправление. В 1877 г. появился закон, устанавливавший единую имперскую систему судов: низший, или участковый, суд, занимавшийся мелкими правонарушениями; земский, или окружной, суд и, наконец, имперский суд.

В 1878 г. произошло разделение Восточной и Западной Пруссии, и Восточная Пруссия вновь стала самостоятельной провинцией. Ее границы на западе проходили по линии Хайлигенбайль, Прейсиш-Голланд, Морунген, Остероде; на юге — Найденбург, Ортельсбург, Иоханнисбург, Лик; на востоке — Олецко, Гольдап, Шталлупенен, Пилькаллен и на севере крайней точкой являлся город Мемель. Общая площадь провинции составляла в 80—90-е гг. 36 тысяч 987 квадратных километров. Число жителей превышало 1 миллион 727 тысяч человек. Восточная Пруссия, как и прежде, делилась на два округа — Кенигсберг и Гумбиннен и 36 уездов.

Во главе правительственных учреждений в провинции стоял обер-президент, в уездах — ландрат, в общинах — бургомистр. При обер-президенте состоял провинциальный совет, куда помимо обер-президента или его заместителя входили один из высших местных администраторов, назначаемых министром внутренних дел, и пять членов, избираемых на шесть лет провинциальным ландтагом. В округах под председательством правительственного президента действовала окружная управа из двух пожизненных членов от правительства и четырех членов, которых выбирало бюро провинциального ландтага из числа местных жителей.

Постоянным местопребыванием обер-президента был Кенигсберг. Здесь же находились подчиненные ему управления: податей и сборов, консистории, училищная и медицинская коллегии, горное, почтовое и окружное управление Кенигсбергского округа. Наряду с администрацией для обсуждения законов, касавшихся местных интересов, и для распределения повинностей в центре округа каждые два года собиралось провинциальное собрание представителей сословий. Такая система административного управления при жестком правительственном контроле и бюрократическом аппарате допускала определенные либеральные институты в лице представительных учреждений.

Кенигсбергский округ объединял 20 уездов: собственно г. Кенигсберг, Мемельский, Фишхаузенский, Кенигсбергский, Лабиауский, Велауский, Гердауэнский, Растенбургский, Фридландский, Прейсиш-Эйлауский, Хайлигенбайльский, Браунсбургский, Хайльсбургский, Рёссельский, Алленштайнский, Ортельсбургский, Найденбургский, Остеродский, Морунгенский, Прейсиш-Голландский. Гумбинненский округ имел 16 уездов: Хайденбургский, Нидерунгский, Тильзитский, Рагнитский, Пилькалленский, Шталлупененский, Гумбинненский, Инстербургский, Даркеменский, Ангербургский, Гольдапский, Олецковский, Ликский, Лётценский, Зенсбургский и Иоханнисбургский.

Восточная Пруссия на протяжении первой половины XIX в. сохраняла свой традицион-

но аграрный характер. В середине столетия ее промышленное население составляло всего 11 процентов, в то время как в Вестфалии — 26, в Саксонии — 28, в Бранденбурге — 37. В последней трети XIX в. наметилась тенденция к уменьшению земледельческого населения. В 1882 г. оно составляло 64,4 процента, а в 1895 г. — 59,1 процента³⁵⁵. Коммерческая деятельность процветала главным образом в имениях. В 1824—1825 гг. в Верхней Силезии и Саксонии пруссаки закупили 12 тысяч породистых овец для восстановления тонкорунного овцеводства, разрушенного в военное время. К 1864 г. количество овец удалось довести до 1 991 950 голов³⁵⁶. В целом объемы животноводческого производства до середины века росли медленно, что объяснялось узостью рынка сбыта. Со строительством в 1853 г. железной дороги Берлин — Кенигсберг возможности реализации продукции значительно расширились за счет освоения рынков берлинского региона и индустриальных районов Саксонии. Через семь лет берлинская дорога была продолжена в сторону русской границы. Все это оказало стимулирующее воздействие на развитие восточнопрусского животноводства. Одновременно происходило улучшение качества поголовья крупного рогатого скота. Прусские животноводы продолжали традицию тевтонских колонизаторов, закупая в Голландии телят и бычков пестробелой мясомолочной породы. В октябре 1882 г. было основано Восточнопрусское общество по разведению племенного голландского скота. В 1911 г. появился Инстербургский союз племенного животноводства. Методичная, настойчивая работа восточнопрусских селекционеров принесла свои плоды. Качество племенного скота улучшилось, количество его росло: в 1883 г. оно насчитывало 1 042 головы, в 1913 г. — 39 397, в 1939 г. — 30 461 голову. Племенные коровы из Восточной Пруссии на разного рода конкурсах и выставках одерживали победы или входили в группы лучших. Одно время чемпионкой мира и Германии была признана корова по кличке «Кваппе», дававшая в год 14 708 килограммов молока с жирностью 3,92 процента³⁵⁷.

В провинции было два центра коневодства: на северо-востоке в районах Эбенроде, Тильзита, Рагнита, где выращивали скаковых лошадей, и в районах Рёсселя, Мариенбурга, Эльбинга, Браунсберга, Хайльсберга, специализировавшихся на разведении рабочих лошадей. Широкой известностью пользовались скакуны из имения Тракенен. В 1906 г. в Восточной Пруссии на-

считывалось 467 595 лошадей, 1 161 392 головы крупного рогатого скота и 496 893 овцы³⁵⁸.

Трудолюбивый народ Восточной Пруссии на протяжении XIX в. и позднее в возрастающих размерах проводил мелиоративные работы, строил каналы для регулирования уровня рек, настойчиво отвоевывал у природы землю под посевы ржи, пшеницы, овса, ячменя, картофеля, свеклы и т. д. Зерновые культуры занимали более половины сельскохозяйственных площадей. При этом, несмотря на скудость многих почв, помещикам и крестьянам удавалось повышать урожайность основных культур, хотя она отставала от среднегерманской. Для иллюстрации приведем следующие данные³⁵⁹:

Средняя урожайность за годы (в центнерах с 1 га)	Ржи	Пшеницы	Ячменя	Овса	Картофеля	Лугового сена
1878—1887	8,4	9,7	8,7	8,0	54,0	16,1
1904—1913	15,9	17,4	17,0	16,6	131,8	39,6
1931	11,8	16,6	17,3	15,9	139,1	40,0
1936	15,7	17,9	18,6	16,5	148,8	46,7
По Германии в 1936 г.	16,4	21,2	20,8	20,2	165,9	49,3

Успехам аграрного производства способствовала наука. Полезными были рекомендации ученых Кенигсбергского университета и девяти сельскохозяйственных институтов, занимавшихся экспериментальным изучением плодородия почв и разработкой методик их удобрения.

Интенсивно и плодотворно вели исследования в аграрной области профессора Альбертины Иоханнес Ганзен и Эйльхорд Мичерлих. С конца XIX и в начале XX вв. помощь землевладельцам оказывали кредитные учреждения «Ландшафт», «Ладоль» и другие.

Восточная Пруссия полностью удовлетворяла свои потребности в хлебе и даже имела излишек в пределах 445 тысяч тонн (1910 г.). В Померании он составлял 580 тысяч тонн, в Познани — 532 тысячи тонн³⁶⁰. Следовательно, Восточная Пруссия не являлась самой хлебной провинцией Германии, но была одной из тех, что поставляли сельскохозяйственную продукцию в индустриальные районы империи.

Долгое время в Восточной Пруссии преимущественно развивались те отрасли промышленности, которые были связаны с переработкой сельскохозяйственного сырья. Издавна здесь славилось пивоварение. В 1824 г. в Кенигсберге насчитывалось 85 пивоварен, и количество их ежегодно росло. В 1839 г. Иоганн Филипп Шиффердеккер начал варить пиво по новым рецептам (пиво нижнего брожения). Дело быстро расширялось. Появились пивоварни в деревнях. Шиффердеккер производил до 20 тысяч

тонн пива в год. В конце 60-х гг. он продал свои предприятия младшему брату Эдуарду и покинул Восточную Пруссию. Новый хозяин действовал не менее усердно, увеличив ежегодное производство пива до 51 тысячи тонн. Появились его новые марки. Славилось пиво «Остмарк». Главным районом пивоварения стало имение «Понарт», часть территории которого была куплена Шиффердеккерами у супружеской четы Риманов. Здесь был построен пивзавод со знаменитыми подвальными помещениями, расположенными так, что они охлаждались от находившихся рядом складов натурального льда. 15 ноября 1899 г. завод отмечал свое пятидесятилетие. Выпуск пива достиг к тому времени 90 тысяч тонн. В первой трети XX в. завод стал ведущим пивоваренным предприятием во всей северо-восточной Германии. 90 процентов его продукции составляло великолепное по вкусу специальное мартовское пиво крепостью 13 градусов. Деревня Понарт разрослась и превратилась в конце XIX в. в город с десятитысячным населением.

Разрушение феодализма в провинции шло медленнее, чем в других районах Германии, и встречало постоянное противодействие со стороны юнкерства. Это проявилось и в ходе выполнения постановления прусского правительства от 20 июля 1817 г. о регулировании крестьянских хозяйств. Оно завершилось лишь к 1875 г., позже, чем в других землях.

Затянулся выкуп крестьянами повинностей, начатый правительственным постановлением 7 мая 1821 г. Некоторые немецкие историки (например, Э. Штерникер) считают, что он растянулся до 1932 г. Конечно, в деревне происходили социальные изменения, особенно после указа 1850 г. «О регулировании отношений между помещиками и крестьянами». Все больше возникало самостоятельных крестьянских хуторских хозяйств. И все же характерной особенностью Восточной Пруссии оставалось преобладание крупных земельных владений помещиков и сельской буржуазии. В 1855 г. юнкерство составляло лишь четыре процента населения провинции, но владело 47 процентами всей земли³⁶¹. Тенденция к укрупнению землевладений наблюдалась до конца XIX в.³⁶²

В отличие от западных и центральных областей Пруссии, где происходил промышленный переворот, в индустриальном облике Восточной Пруссии долгое время не наблюдалось значительных изменений. Провинция хранила патриархальную старину. Города до конца XIX в. имели свои обширные земельные владения с деревнями, лесами, пастбищами. Кенигсберг в конце века владел тридцатью тысячами гектаров земли, сдавая их в аренду. И все же цивилизация, захватывавшая Европу, постепенно втягивала в свой водоворот и Восточную Пруссию. В 1830 г. в Кенигсберге появился первый водопровод, через три года по р. Прегель двинулся первый пароход. Еще через два десятилетия в городах зажглись газовые уличные фонари, а в 1895 г. трамваи заменили конки. Жизнь городского населения

становилась подвижнее, создавались новые экономические условия для роста производства.

Большое значение для провинции имело строительство в 1860 г., как уже было отмечено, железнодорожной ветки в сторону русской границы до Эйткунена. Несколькоми годами раньше фирма «Сименс и Гальске» оборудовала линию телеграфной связи от Санкт-Петербурга до Вильно и далее до Гумбиннена. Между Россией и Восточной Пруссией появилась быстрая и устойчивая связь. С этого времени Восточная Пруссия, в первую очередь Кенигсберг, стали играть большую роль в транзите русских товаров в качестве перевалочной базы. Это обстоятельство не в последнюю очередь обуславливало экономическое процветание провинции. Почти три четверти оборота кенигсбергского порта составляли русские товары или сырье: лен, пенька, зерно, древесина, целлюлоза и т. д. Через Кенигсберг в Россию поступала пятая часть сельди, экспортируемой из Англии и Скандинавии.

С 1873 по 1913 г. общий тоннаж товаров, ввозимых в кенигсбергский порт, вырос за счет России с 479 тысяч тонн до одного миллиона 745 тысяч 600 тонн³⁶³. Этому благоприятствовало понижение Германией тарифа на перевозку русских товаров до транзитных портов Кенигсберга, Мемеля, Пиллау. Землевладельцам ряда областей России оказалось выгоднее возить зерно в Кенигсберг, а не в Либаву. Если в 80-е гг. конкуренция между двумя портами шла с переменным успехом, то в начале XX в. российский порт явно уступал кенигсбергскому в объемах торговых операций. В 1906—1910 гг. Кенигсберг переработал на три миллиона пудов больше хлебных грузов, чем Либава³⁶⁴. Кроме того, здесь любой поступивший из России товар находил себе покупателя. «Особенность эта, не имевшая места в русских балтийских портах, объясняется главным образом подвижностью и умелостью кенигсбергского купечества, умевшего найти применение для всего товара», — утверждал русский консул в Кенигсберге З. М. Поляновский.

В 1906 г. был углублен канал Кенигсберг — Пиллау, что позволило заходить в порт большим морским торговым судам. Интенсивно использовался водный путь по Неману, Гильге, Зеккенбургскому каналу, большому Фридрихскому каналу, Дейме, Прегелю, через кенигсбергский морской канал в Балтийское море. По этому пути в начале XX в. перевозилось свыше миллиона тонн грузов, включая лесосплав³⁶⁵. В 1863—1873 гг. р. Минию с Куршским заливом соединил канал, а в середине 70-х гг. была проложена железная дорога Мемель—Тильзит, что сразу же сделало привлекательным для торговли мемельский порт.

В провинции не было ни железных руд, ни угольных месторождений, поэтому необходимое для промышленного производства железо поступало из Силезии, Рейнской области и Вестфалии. Уголь доставлялся из Англии или Шотландии, кокс — из Вестфалии, кругляк (сосна, ель, дуб, ясень) шел частью из са-

мой провинции, частью из России. Тем не менее XIX в. стал для Восточной Пруссии веком развития машиностроения как отрасли. У истоков ее стоял англичанин Чарльз Хугес, покинувший родину ради применения своих блестящих предпринимательских способностей в Восточной Пруссии. Здесь он женился на дочери судовладельца, руководителя крупной торговой фирмы Густава Шнелля и совместно с ним и другими партнерами (Лаумбмайером и Дултцом) основал в 1828 г. союз литейного производства — предприятие, сыгравшее огромную роль в производстве паросилоустановок и в промышленном развитии провинции.

Непосредственно строительством паровых судов и локомотивов союз-завод стал заниматься с приходом к его руководству в 1848 г. Готфрида Остердорфа, другого зятя Густава Шнелля. Первый цельнометаллический пароход с машиной в сорок лошадиных сил, построенный на заводе, был спущен со стапеля в 1855 г. и направлен для эксплуатации в Тильзит. 1 октября того же года предприятие выпустило первый локомотив для королевской восточной дороги, нареченный именем «Гилгс». Вес локомотива составлял 500 центнеров. С 1855 г. до 1890 г. было произведено 574 машины. 7 марта 1899 г. тысячный локомотив, украшенный лавровым венком и огромной еловой гирляндой, в которую была вплетена цифра 1000, покинул ворота завода. Союз расширял производство, выпускал земснаряды, паровые котлы, налаживал производство металлоконструкций, морских контейнеров, подъемных мостов. Кстати, все разводные и подъемные мосты Кенигсберга были сконструированы и изготовлены на заводе. В 1875 г. на нем уже работало 624 рабочих и 90 учеников.

Дальнейшее развитие и строительство предприятия происходило на новом месте в поселке Континен. Завод-союз вступил в плодотворное сотрудничество с владельцем судовой верфи, расположенной на южном берегу Прегеля, у форта Фридрихсбург, Густавом Фехтером. Началось совместное строительство металлических плоскодонных буксирных и пассажирских пароходов. Верфь в Континене постоянно расширялась, оснащалась новыми слитами, цехами, приобрела плавучий док. Верфь Густава Фехтера теряла свое значение и наконец была куплена заводом-союзом, который постепенно стал самым крупным промышленным предприятием в Кенигсберге.

В 1865 г. в городе был построен вагонзавод. В документах указывалось, что предприятие предназначается для производства всякого рода транспортных средств, товарных и пассажирских вагонов для нормальной и узкой колеи, а также изготовления всех связанных с этим подобных деталей. В 1893—1895 гг. вступил в эксплуатацию новый крупный мясокомбинат.

Процесс индустриализации охватывал и города провинции. В Лабиау появились рыбозавод и небольшая судовой верфь для обслуживания рыболовецкого флота, несколько лесопильных заводов. В Хайнрихсвальде были построены маслоделательные

заводы, мельницы, лесопильни. В Тапиау получила развитие деревообработка.

Вторым после Кенигсберга по индустриальному значению шел Инстербург, затем Тильзит, третьим был Эльбинг. В промышленности преобладали мелкие предприятия. Исключение составляла целлюлозно-бумажная отрасль. Из семи предприятий, входивших в нее, четыре были довольно крупными: два комбината в Кенигсберге, по одному в Тильзите и Рагните. Посмотрим на таблицу (данные 1913 г.) ³⁶⁶, в которой отражены главные отрасли промышленности, количество предприятий и число работающих на них.

Отрасли промышленности	Кол-во предприятий	Кол-во рабочих	Среднее число рабочих на 1 предприятии
Металлообрабатывающая	171	1777	10,4
Машиностроительная	336	7422	22,1
Горная и металлургическая	20	1684	84,2
Керамическая	486	11458	23,7
Химическая	78	1447	18,6
Пищевая	1149	11521	5,1
Деревообрабатывающая	908	13228	14,6
Целлюлозно-бумажная	40	4161	104,0
Полиграфическая	104	2116	21,3
Текстильная	841	5134	6,1
Строительная	136	3906	28,7
Всего:	4269	63854	14,9

До 60-х годов прошлого столетия скудной оставалась добыча янтаря. Богатейшие его ресурсы фактически не использовались. Ситуация изменилась, когда некто Мориц Беккер взял в аренду разработку янтарных карьеров, установив паровые землечерпалки на Куршском заливе в районе Шварцорт и на взморье после покупки поместья Пальмникен, где основал первое и единственное в мире янтарное предприятие ³⁶⁷.

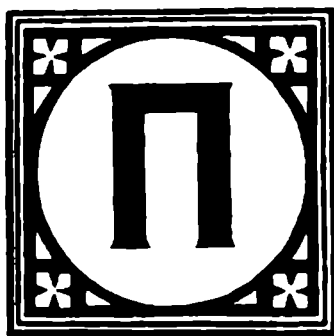
Новый импульс во второй половине XIX в. получила индустрия отдыха. В 1816 г. в поселке Кранц открылся первый морской курорт. Широко известен он стал после того, как была проложена железнодорожная ветка Кенигсберг—Кранц. Железная дорога строилась акционерным обществом «Зеленая дорога Кенигсберг—Кранц». Всего же в Восточной Пруссии тогда действовало 19 железнодорожных акционерных компаний. Строительство дороги шло трудно, тормозилось военным ведомством, так как дорога проходила по оборонной зоне. 31 декабря 1885 г. пошел

первый поезд, и уже в первый год из Кенигсберга в Кранц и обратно было перевезено 280 тысяч пассажиров.

Оценивая место Восточной Пруссии в общегерманской экономической системе, следует избегать крайних утверждений. Нельзя, например, согласиться с теми авторами, которые подчеркивают хозяйственную отсталость провинции, заставлявшую якобы центральное правительство поддерживать ее постоянными субсидиями. Специалист по экономической географии Германии В. Фольц писал в своей работе «Восточногерманский колониальный заповедник»: «...мы должны окончательно порвать с известными устаревшими мнениями, будто бы сельскохозяйственный восток... снабжал остальную часть Германии». И далее: «Восточные земли на всем протяжении являются предметом заботы Германии». В то же время преувеличением являются характеристики Восточной Пруссии как житницы Германии³⁶⁸. Как уже было сказано, провинция, будучи преимущественно аграрной, удовлетворяла свои потребности в продуктах питания и вывозила часть сельскохозяйственной продукции в другие районы Германии. Но рекордных урожаев зерна в 70—80 центнеров с гектара, о которых иногда сообщает наша современная пресса в порядке экскурса в историю Восточной Пруссии, здесь никогда не получали. Как индустриальный район провинция имела преимущественно мелкие и средние предприятия пищевой, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности, работавшие на внутренний рынок.

Следует отметить большую роль военных в хозяйственной жизни восточнопрусского общества. Они были такой силой, с которой приходилось считаться всем сословиям. В Кенигсберге в XIX в. без разрешения военного ведомства не велось гражданское строительство. Зато полным ходом шло обновление и сооружение новых фортификационных укреплений. В 50—60-е гг. были построены казармы «Кронпринц», а на окраинах города пятнадцатикилометровая оборонительная линия с шестью воротами (Закхаймскими, Королевскими, Россгартенскими, Аусфальскими, Бранденбургскими и Фридландскими).

Франко-прусская война породила дальнобойную артиллерию у противника и подтолкнула пруссаков к сооружению дополнительных укреплений, удаленных от города. К концу XIX в. в пяти-семи километрах вокруг Кенигсберга соорудили кольцо из двенадцати фортов, трех полуфортов и ряда вспомогательных укреплений, связанных окружной дорогой длиной в пятьдесят километров. Некоторые источники сообщают о том, что в строительстве оборонительных рубежей принимали участие французы, плененные в ходе франко-прусской войны. Крупное военное строительство потребовало значительного наращивания строительных мощностей провинции, что благотворно сказалось на ее экономическом развитии.

о средневековой университетской традиции математика и астрономия преподавались в

Кенигсбергском университете на философском факультете. Ряд естественных наук — ботаника, зоология, анатомия и другие — относились к медицинскому факультету. В течение долгого времени Кенигсбергский университет в области математики, естествознания, медицины оставался научной провинцией. Европейская математика середины XVI столетия завершила постижение плодов античной математической мысли и стояла на пороге самостоятельных открытий. Важнейшей ее практической задачей было развитие искусства вычислений, в котором нуждались мореплаватели, архитекторы, торговцы, военные. По-видимому, эти же цели преследовало преподавание математики и в Кенигсбергском университете. В курсе астрономии строение Вселенной излагалось тогда в соответствии с геоцентрической системой мира Клавдия Птолемея, хотя к тому времени Николай Коперник (1473—1543 гг.) уже опубликовал свой знаменитый трактат «Об обращениях небесных сфер» (1543 г.) и экземпляр этой книги получил герцог Альбрехт Бранденбургский.

Коперниково гелиоцентрическое учение, как противоречащее букве Священного писания, было отвергнуто в протестантском Кенигсбергском университете. Тем примечательней, что здесь все же нашлась смелая личность — математик и астроном Маттиас Мениус (1544—1601 гг.), который выступил в 1595 г. в поддержку гелиоцентрической системы и пытался подтвердить ее собственными наблюдениями.

На протяжении XVII столетия — времени бурного развития математики и естествознания в Европе — Кенигсбергский университет не заявил о себе ни одним ярким именем и ни одним серьезным открытием в естественных науках. Золотой век естествознания для Кенигсберга был еще далеко впереди.

Не лучше обстояли дела и с медициной. Научная работа профессоров медицинского факультета исчерпывалась толкованием сочинений ученых древности, а врачебная практика ограничивалась консультациями для больных и лечением студентов. Правда, время от времени в жизни медицинского факультета случались и не совсем рядовые события. Так, в 1635 г. гданьский хирург Даниель Швабе (1592—1635 гг.) выполнил удачную операцию по извлечению проглоченного кухонного ножа из желудка пациента. Добытый нож поднесли в подарок

польскому королю Владиславу IV, живо интересовавшемуся этой историей. Успех получил широкую огласку. Это был всего лишь третий подобный случай в истории хирургии.

Спустя пять лет, в 1640 г., на медицинском факультете состоялась первая докторская защита. Она сопровождалась пышным церемониалом и торжественным богослужением.

И еще одно событие на медицинском факультете привлекло всеобщее внимание: в 1661 г. некто Петер Мёллер вознамерился продемонстрировать в университете действие изобретенного им средства «от всех болезней». При большом стечении студентов и преподавателей Меллер сложил очаг посреди аудитории и развел в нем огонь, чем вызвал резкий протест ведущего диспут профессора. Началась суматоха, дело дошло до рукоприкладства, и «изобретателю» так и не удалось продемонстрировать чудодейственную силу своего снадобия.

Но если о подобных событиях университетской истории XVII в. мы вспомнили скорее как о курьезах, то, говоря о том времени, нельзя обойти имя поэта, чье творчество стало гордостью Кенигсберга. Это профессор поэзии Симон Дах (1605—1659 гг.), глава кенигсбергского кружка поэтов. Стихи его, близкие по языку и духу к песенному народному творчеству, нередко становились народными песнями и доньше популярны в Германии. Некоторые произведения Даха изданы и в русских переводах. Героине песни на слова поэта — «Анке из Тарау» на его родине в г. Мемеле (ныне Клайпеда) был даже установлен памятник.

В XVIII столетии Кенигсбергский университет не только не укрепил своего положения среди высших школ Европы, но даже в какой-то мере потерял в престиже и популярности. В немалой степени тому способствовали некоторые чисто прусские черты, которые были свойственны Альбертине. В заведении культивировался дух «вождизма», дух почитания твердой власти. Еще в XVI в. возник верноподданнический обычай наделяния ректорским званием особ правящего дома, часто не имевших никакого отношения к университету.

Время от времени возобновлялись правительственные указы, предписывающие прусским подданным учиться исключительно в своем университете. Выезд на учебу за границу грозил беглецу конфискацией имущества.

Принадлежность к академическому сословию в иные времена не служила кенигсбергским студентам защитой от воинской повинности. А при короле Фридрихе Вильгельме I (1688—1740 гг.), страдавшем манией комплектовать воинские части солдатами высокого роста, студентов ростом выше 5 футов 9 дюймов, попадавших на улицах в часы университетских занятий, просто ловили и насильственно зачисляли в армию. Лишь в 1733 г. появился декрет, положивший конец этой практике.

От профессоров университета нередко требовалось совмещение преподавательских и административно-полицейских функций. Так, профессору востоковедения вменялся в обязанность надзор над богослужениями в кенигсбергской синагоге. Знаменитый философ Иоганн Готлиб Фихте (1762—1814 гг.) вынужден был совмещать руководство кафедрой с обязанностями цензора-пропагандиста и обрабатывать поступавшие в печать материалы в духе требований власти.

Но наиболее оригинальным уложением, уникальным в истории европейской высшей школы, было предписание подвергать телесным наказаниям провинившихся преподавателей. Этот эффективный способ радения о благе науки, установленный еще герцогом Альбрехтом, был подтвержден указом короля Фридриха Вильгельма I, который являлся также и ректором, спустя почти двести лет после основания университета.

На университетских делах сказывалась и постоянная материальная нужда. Недостаток средств, убогое оснащение кафедр, нехватка научной литературы, низкие оклады профессоров — неотъемлемые черты университетского бытия вплоть до первых десятилетий XIX в. «Посвятивший себя Кенигсбергскому университету дает обет бедности» — эти слова профессора Христиана Крауса (1753—1807 гг.), коллеги И. Канта, стали университетской пословицей.

В начале XIX в. Кенигсбергский университет все еще слыл одним из самых отсталых академических заведений Германии. Проработавший здесь многие годы Карл Эрнст (в России — Карл Максимович) Бэр (1792—1876 гг.), в будущем петербургский академик, знаменитый естествоиспытатель и путешественник, основатель эмбриологии, писал: «Кенигсбергский университет вплоть до смерти Канта совершенно не пользовался заботой правительства. Кенигсбергские жители утверждали, что на Восточную Пруссию в Берлине смотрели как на своего рода Сибирь. Количество кафедр в университете было ничтожное, университетская библиотека очень бедна. Действующий университетский устав не изменялся в течение столетия и носил средневековый характер. Так, например, декан факультета должен был следить за тем, чтобы в диссертациях не было никаких новшеств; доктор медицины при возведении его в степень должен был давать клятву, что он не будет применять никаких магических или недостаточно проверенных лекарственных средств; кабинетов и музеев для преподавания естественных наук, которые возникли недавно, там совсем не было, так же как не было астрономической обсерватории, даже анатомический театр там отсутствовал»³⁶⁹.

Насколько трудным было положение университета в эти годы, свидетельствуют такие цифры. В 1806 г., например, здесь обучалось всего 332 студента, в том числе 101 теолог, 220 юристов, 8 медиков, а на философском факультете, где изучались математика и естественные науки, было только три студента.

Спустя несколько десятилетий ситуация в университете изменилась коренным образом и прежде всего благодаря стремительному развитию наук на тех факультетах (философском и медицинском), которые в начале столетия пребывали в столь бедственном положении. Известный математик Феликс Клейн (1849—1925 гг.), говоря об этом времени, очень лестно отзывается о кенигсбергской физико-математической школе и отмечает «тот замечательный факт, что чрезвычайно большое число знаменитых математиков, которые происходили из Кенигсберга или вообще из восточнопрусского населения, обладали особым талантом в физико-математических науках»³⁷⁰. Автор книги о математике Д. Гильберте (о нем речь пойдет ниже) К. Рид утверждает, что Кенигсбергский университет, «хотя и удаленный от основного центра событий в Берлине, по своим научным традициям являлся одним из самых выдающихся в Германии»³⁷¹.

Что же стало причиной столь стремительного выдвижения Кенигсбергского университета в число наиболее авторитетных вузов Германии?

Таких причин было, по крайней мере, три, и важнейшую среди них следует искать в исторической обстановке тех лет, которую определяли наполеоновские войны. Оккупация Пруссии французами лишила страну государственной и политической самостоятельности, но одновременно, вопреки нерешительности прусского королевского правительства, подняла передовые силы общества на освободительную борьбу против чужеземцев. Одним из следствий патриотического подъема стала консолидация духовных сил страны, общее оживление интеллектуальной жизни. Не последнюю роль сыграли и передовые идеи Французской буржуазной революции, привнесенные армией оккупантов. В Германии начинается процесс государственных преобразований, устраняются остатки феодального строя, вводится гражданское равенство. В атмосфере духовного раскрепощения оживляются искусство и наука. Именно в эти годы (1810 г.) открывается благодаря усилиям Вильгельма Гумбольдта (1767—1835 гг.) Берлинский университет. Волна обновления докатывается и до Кенигсбергского университета. Таким образом, его научный взлет был прежде всего следствием общегосударственного процесса обновления.

Была и другая причина, более скромная по значимости и исторически не столь обусловленная. Она явилась результатом случайного стечения обстоятельств. Потеряв свою армию, а с нею столицу и фактически королевство после сокрушительного поражения в битвах с Наполеоном под Йеной и Ауэрштедтом 14 октября 1806 г., прусский король Фридрих Вильгельм III спешно покинул Берлин и нашел прибежище на самом краю своей монархии — в Мемеле и Кенигсберге. Победа французов под Фридландом 14 июня 1807 г. вынудила короля оставаться за Неманом, откуда он смог вернуться в Кенигсберг (въезд в

Берлин ему был заказан) только в январе 1808 г. — спустя полгода после подписания Тильзитского мира. Последовавшее затем почти двухлетнее вынужденное пребывание в Кенигсберге заставило монарха пристальнее присмотреться к нуждам этого города и особенно к бедственному положению здешнего университета. Король, не без влияния Вильгельма Гумбольдта, вознамерился оживить научную и учебную деятельность этого заведения. Результаты королевского благоволения скоро начали ощущаться в провинциальном Кенигсберге.

Нельзя не сказать и о третьей из упомянутых причин: широкую известность университету принесла слава кенигсбергского мудреца Иммануила Канта. И хотя философа уже не было в живых, родина первой научной космогонии и «Критики чистого разума» обрела широкую известность не только в Германии, но и за ее пределами.

Таким образом, несмотря на потрясения военных лет, университет в Кенигсберге постепенно начинает набирать солидный научный вес, особенно в физико-математических науках и в медицине. Блестящие достижения университета в области точных наук позволяют говорить о кенигсбергской физико-математической школе XIX в. У ее истоков стояла монументальная фигура астронома, геодезиста и математика Фридриха Вильгельма Бесселя (1784—1846 гг.)³⁷². Бессель первым ввел в университете строгие математические стандарты в научных исследованиях и в обучении, по-новому, в форме живой беседы со слушателями, проводил учебные занятия. Основным итогом его тридцатилетней научной деятельности в университете стала глубокая реформа теории и практики астрономических наблюдений и их обработки.

Из обсерватории Бесселя наука получила точнейшие звездные каталоги, новые уточненные значения основных параметров, характеризующих устройство нашей Солнечной системы, решение извечной задачи о расстояниях до звезд, точные элементы фигуры Земли и ряд других перворазрядных научных результатов, а также гениальных, опередивших свое время догадок.

В годы жизни Бесселя обсерваторский холм Буттерберг слыл местом паломничества астрономов. Здесь бывали немецкие астрономы Г. Х. Шумахер (1780—1850 гг.) и И. Ф. Энке (1791—1865 гг.), проводил наблюдения знаменитый естествоиспытатель и путешественник А. Гумбольдт (1769—1858 гг.), стажировались американский астроном Б. А. Гулд (1824—1896 гг.) и будущий директор Варшавской обсерватории Я. Барановский (1800—1879 гг.).

Тесные связи имел Бессель с астрономами России. В его обсерватории работали П. Славинский (1795—1881 гг.) — астроном из Вильно, К. Х. Кнорре (1801—1883 гг.) — директор Николаевской обсерватории на юге России, А. Н. Драшусов (1816—1890 гг.) и Б. Я. Швейцер (1816—1873 гг.) — директора Московской обсерватории. Узы многолетней дружбы и тесного на-

учного сотрудничества связывали Бесселя с его младшим коллегой — выдающимся российским астрономом, основателем и первым директором знаменитой Пулковской обсерватории Василием Яковлевичем Струве (1793—1864 гг.). Струве, называвший Бесселя «первым астрономом нашего времени», не раз посещал своего друга и наставника в Кенигсберге, советовался с ним, обсуждал планы совместных работ. В 1834 г. он привез Бесселю проект будущей Пулковской обсерватории, чтобы услышать о проекте мнение столь авторитетного астронома. Много лет ученые вели оживленную переписку, в которой обсуждали разнообразные научные вопросы. По ходатайству Струве Петербургская Академия наук в 1846 г. издала звездный каталог, наблюдения для которого были выполнены Бесселем в Кенигсберге. Академия засвидетельствовала свое признание научных заслуг Бесселя еще в 1814 г., когда тридцатилетний ученый был избран ее почетным иностранным членом. С тех пор Бессель регулярно присылал сюда свои труды.

Главная работа Бесселя в области геодезии — вычисление точнейших параметров фигуры Земли, которые свыше 100 лет применялись геодезистами и картографами многих стран, включая Россию, а затем и СССР. Начало этому предприятию положило соглашение между правительствами России и Пруссии о соединении в единую систему российской и европейской геодезических сетей. Соединительные работы со стороны России выполнил геодезист Карл Иванович Теннер (1783—1859 гг.), со стороны Пруссии — Бессель. От села Трунц (ныне Милеево в Польше) в Восточной Пруссии до г. Мемель (ныне г. Клайпеда) по Куршской косе и берегу Куршского залива был проложен ряд треугольников, соединивший в единое целое тригонометрические сети от Средиземного моря до Финляндии.

Для вычисления параметров фигуры Земли нужно знать линейную протяженность дуги между двумя пунктами земной поверхности, географические координаты которых точно известны. У Бесселя это была дуга Трунц — Мемель протяженностью около 196 километров. Непосредственно на местности измерить такую дугу невозможно из-за естественных препятствий, поэтому ее длину получают с помощью вычислений на основе измерения базиса — относительно короткой линии на очень ровной местности. Бессель измерил базис длиной 1823 метра между пунктами Тренк (ныне не существует) и Медникен (ныне Дружное в районе поселка Чкаловск под Калининградом).

Итоги всей работы — градусного измерения — были опубликованы в 1841 г. Элементы фигуры Земли, получившей название эллипсоида Бесселя, были выведены ученым не только на основе собственного градусного измерения, но и с использованием результатов девяти других подобных работ, выполненных в разное время в разных частях света. Только в 1946 г. геодезисты СССР перешли от эллипсоида Бесселя к новой модели фигуры Земли — эллипсоиду Красовского-Изотова.

Бесселево учение принесло обильные плоды в форме новых методов и новых стандартов строгости в точной астрономии Старого и Нового Света, ибо работать после него по-старому было уже невозможно. И наилучших результатов на этом пути добилась Пулковская обсерватория в России, в основу работ которой были продуманно заложены Бесселевы принципы.

Кенигсбергская физико-математическая школа начала складываться в университете не без участия Бесселя, но, в первую очередь, благодаря деятельности его младших коллег и друзей — математика Карла Якоби (1804—1851 гг.) и физика Франца Неймана (1798—1895 гг.).

Якоби и Нейман были направлены королевским распоряжением из Берлина в Кенигсберг в 1826 г. Несмотря на молодость (Якоби было всего 22 года, а Нейману — 28), оба уже имели некоторый научный багаж и оба защитили в Берлине докторские степени: Якоби — по алгебраическим дробям, Нейман — по кристаллографии. Столичные доктора ехали в провинциальный Кенигсберг безо всякого энтузиазма. Нейман, прошедший через тяготы войны с французами и рано познавший жестокие невзгоды и лишения, считал направление его в Кенигсберг наименее худшим событием своей жизни и самое большее через год намеревался вернуться в Берлин. Но получилось так, что Кенигсберг стал тем местом, где оба создали свои лучшие работы, заняли ведущее положение в науке, обзавелись семьями и где вместо года Нейман прожил 69 лет, не дотянув трех лет до столетнего юбилея, а Якоби покинул Кенигсберг через 17 лет, так как того требовало его здоровье.

В Кенигсберге Якоби завершил разработку своей теории эллиптических функций, выполнил исследования по аналитической механике, вариационному исчислению, ввел в математику функциональные определители — якобианы.

Якоби был дружен с Бесселем и не раз с благодарностью говорил о том влиянии, которое оказывал на него старший коллега.

Нейман продолжал в Кенигсберге исследования по кристаллографии, а затем под влиянием работ Фурье увлекся физикой кристаллов и получил чисто математически, в духе Фурье, важные результаты о тепловых и оптических свойствах кристаллических тел.

Сороковые годы XIX в. — «золотая пора» электричества. К этому времени были выполнены важнейшие исследования по природе этого явления Омом, Фарадеем, Эрстедом, Ампером, Генри, Ленцем, Джоулем. В это время электродинамикой занялся Нейман, используя в исследованиях математические методы. И именно благодаря работам Неймана экспериментальные открытия Эрстеда, Ампера и Фарадея получили количественное описание и обрели права в физике в их современном виде. Нейман проявил в этих работах себя как типичный представитель зарождавшейся математической физики, для которо-

го любая физическая задача представлялась в результате ее моделирования задачей математической.

Именно эта черта физика Неймана сблизила его с математиком Якоби, и результатом этого содружества стал знаменитый физико-математический семинар Неймана — Якоби, открытый в 1834 г. (сначала на квартире у Неймана) и переживший своих создателей. В семинаре впервые в истории европейских университетов была введена принятая доныне триединая система занятий: лекция (изложение теории), семинар (всестороннее обсуждение теории и решение задач), лаборатория (физический эксперимент). Позже, после отъезда Якоби, Нейман преобразовал семинар в первый в Германии институт теоретической физики. Нейман вел активную преподавательскую работу в течение пятидесяти лет. Из школы Неймана — Якоби вышли 54 профессора математики, физики, химии, астрономии. 14 из них стали членами научных академий³⁷³. Здесь получили образование первые русские профессора физики М. Ф. Спасский (1809—1859 гг.) (позже — декан физико-математического факультета Московского университета), Н. Д. Соколов (1812—1873 гг.), А. Н. Тихомандрицкий (1800—1888 гг.).

Наследником Якоби после его отъезда из Кенигсберга стал его талантливый ученик Фридрих Юлиус Ришело (1808—1875 гг.). Он продолжал исследования учителя в области эллиптических и абелевых функций. Именно Ришело открыл для математики гений К. Вейерштрасса (1815—1897 гг.) в работах никому неизвестного учителя гимназии.

Еще одним учеником Якоби был Людвиг Отто Гессе (1811—1874 гг.), автор превосходных учебников. Гессе применил с успехом теорию определителей к аналитической геометрии, и его именем назван функциональный определитель.

Из семинара Неймана — Якоби вышел знаменитый физик, уроженец Кенигсберга Густав Роберт Кирхгоф (1824—1887 гг.). Его учителями в университете были также Бессель и Ришело. В первой своей работе, выполненной здесь в 1845 г., он сформулировал закон распределения электрического тока в разветвленной системе линейных проводников. Защитив докторскую степень в Кенигсберге, Кирхгоф в 1848 г. переехал в Берлин, а позже работал в Бреслауском и Гейдельбергском университетах, затем (с 1881 г.) был ректором Берлинского университета.

В конце 50-х годов Кирхгоф вместе с Р. В. Бунзеном (1811—1899 гг.) разработали метод спектрального анализа, получивший широчайшее применение в астрономии (с него началась астрофизика), физике, химии.

В Гейдельберге же Кирхгоф сотрудничал с выдающимся естествоиспытателем Германом Людвигом Фердинандом Гельмгольцем (1821—1894 гг.), приехавшим сюда в 1858 г. из Бонна. До этого в течение шести лет с 1849 по 1855 гг. Гельмгольц был профессором физиологии и патологической анатомии в Кенигсберге. Здесь он заложил учение о сокращении мышцы под дей-

ствием раздражителя, занимался электродинамикой, оптикой. В 1851 г. Гельмгольц изобрел широко распространенное доныне глазное зеркало-офтальмоскоп — важнейший инструмент офтальмологов. За это изобретение Гельмгольц (1851 г.) получил в Кенигсберге ординарскую профессию. Учениками Гельмгольца в разное время были русские слушатели: И. М. Сеченов, В. Михельсон, А. Г. Столетов, П. Н. Лебедев и другие.

Во второй половине XIX столетия в университет приходит новое поколение физиков и математиков.

В 1882 г. была наконец решена задача, которой математики посвятили 25 веков: речь идет о квадратуре круга, то есть о возможности построения с помощью лишь циркуля и линейки квадрата, равновеликого данному кругу. Профессор университета во Фрейбурге Фердинанд Линдеман (1852—1939 гг.) доказал трансцендентность числа π , а тем самым невозможность квадратуры круга и стал героем дня в математике. На следующий год он был приглашен на профессорскую должность в Кенигсберг, где проработал десять лет.

В 1884 г. по ходатайству Линдемана в Кенигсберг из Геттингена приехал двадцатипятилетний Адольф Гурвиц (1859—1919 гг.), талантливый и широко эрудированный математик. Линдеман и Гурвиц, а также профессор Генрих Вебер (1842—1913 гг.), преемник Якоби и Ришело, сыграли важную роль в становлении величайшего математика XX столетия — Давида Гильберта (1862—1943 гг.).

Гильберт родился в Кенигсберге, учился здесь сначала в гимназии, а с 1880 г. — в университете, где лекции Вебера по теории чисел и теории функций определили его выбор: он стал математиком.

В университете Гильберт близко сошелся со студентом Германом Минковским (1864—1909 гг.), семья которого переехала за несколько лет до этого из России в Кенигсберг. Восемнадцатилетний студент Минковский неожиданно обрел европейскую известность — он получил Большую премию Парижской академии (1883 г.) за конкурсную работу о представлении числа в виде суммы пяти квадратов. Любопытно, что отец Гильберта, потомственный адвокат, не рекомендовал сыну входить в близкие отношения со столь «знаменитым человеком», каким стал сын старьевщика Минковский. Тем не менее Гильберт и Минковский сохранили сердечную дружбу на всю жизнь.

Их старшим коллегой и наставником в университете стал Гурвиц, с которым у них была продолжительная традиция совместных прогулок по тропе к старой яблоне с беседами о проблемах математики. Эти прогулки дали Гильберту и Минковскому, быть может, больше, чем лекции в университете.

Проучившись восемь семестров, Гильберт обратился к Линдеману с просьбой взять на себя научное руководство его докторской диссертацией. Линдеман предложил ему задачу по теории инвариантности алгебраических форм. В 1885 г. в актовом

зале университета состоялась успешная защита, и молодой доктор был приведен к присяге деканом в соответствии с установленным ритуалом: «Торжественно спрашиваю Вас, обещаете ли Вы, давая эту присягу, и подтверждаете ли со всей убежденностью, что будете мужественно защищать истинную науку, будете ее развивать и украшать не ради выгоды или мишурного блеска славы, а для того, чтобы свет Божьей правды ярко светил и распространялся?»³⁷⁴. Доктор давал утвердительные ответы.

В последующие годы Гильберт работал в Кенигсберге, с недолгими перерывами для научных поездок в Лейпциг, Геттинген, Париж. В 1895 г. он был приглашен в Геттинген, а его профессорское место в Кенигсберге занял Минковский. Но через год и он уехал в Цюрих. Стараниями Гильберта спустя шесть лет Минковский был также приглашен в Геттинген.

Минковский создал геометрические методы теории чисел, заложил основы выпуклого анализа. Когда Эйнштейн открыл специальную теорию относительности, Минковский занялся ею и написал ряд работ, в которых ввел четырехмерное пространство. Именно в связи с этим понятием ныне чаще всего упоминается его имя.

Трудно перечислить все вопросы математики, которыми занимался Гильберт. В 1900 г. на международном математическом конгрессе в Париже он сформулировал свои знаменитые 23 проблемы, ставшие программой развития математики XX в. Доныне решена лишь часть из проблем Гильберта. С переездом Гильберта в Геттинген кенигсбергская физико-математическая школа начала клониться к закату.

Скажем еще об одном кенигсбержце — физике-теоретике Арнольде Иоганнесе Вильгельме Зоммерфельде (1868—1951 гг.), ученике Гурвица и Гильберта в университете. Работы Зоммерфельда относятся к теории атома, релятивистской механике, тензорному анализу. После окончания Кенигсбергского университета и непродолжительной работы в нем Зоммерфельд в 1892 г. уезжает в Геттинген. Он был избран почетным членом Академии Наук СССР.

Столь же плодотворно, как науки физико-математического цикла, развивалась в XIX в. и кенигсбергская медицина. Ее успехи кажутся еще более впечатляющими, если учесть условия, в которых она пребывала в начале столетия, когда число студентов-медиков составляло около трех процентов всех учащихся. В 1812 г., например, сюда записались только два студента. Но уже в то нелегкое время факультет исподволь начинал набирать научный вес и укреплять свое положение. Еще в 1809 г. открылась в городском районе Лёбенихт университетская клиника на восемнадцать мест, в 1816 г. был куплен дом под хирургическую клинику на шесть мест, где лечили и глазные болезни. До этого университет имел единственного хирурга, в обязанности которого входило вскрытие трупов для следственных целей, а также лечение неимущих студентов.

По приглашению профессора физиологии Карла Фридриха Бурдаха (1776—1847 гг.) в 1817 г. в Кенигсберг из Дерпта (ныне Тарту) приехал его талантливый ученик по Дерптскому университету Карл Бэр. В Кенигсберге, где Бэр прожил семнадцать лет, он открыл в 1827 г. эмбриональное яйцо, за что впоследствии его называли «отцом современной эмбриологии». В 1819 г. Бэр стал профессором зоологии, а в 1826 г. возглавил анатомический институт. При его активном участии в 1830 г. недалеко от холма Буттерберг, где располагалась обсерватория, было построено новое здание анатомического института. До этого кафедра анатомии размещалась на квартире Бурдаха. После возвращения в Россию Бэр много путешествовал с научными целями от Каспийского моря до Новой Земли в Ледовитом океане. Он умер в Дерпте в 1876 г., где ему был сооружен памятник.

Преемником Бэра на кафедре зоологии и анатомии стал одаренный зоолог и эмбриолог Мартин Генрих Ратке (1793—1860 гг.), работавший до этого в течение пяти лет в Дерпте.

В 1844 г. медицинский факультет получил еще одно подразделение — в его состав была включена акушерско-гинекологическая клиника.

Особенно широкое развитие получила университетская медицина в области теории и практики во второй половине XIX в. Здесь работали Эрнст Лейден (1833—1910 гг.) — один из основателей лабораторных методов диагностики и экспериментальной патологии; Фридрих Даниель Реклингхаузен (1833—1910 гг.) — основатель кафедры патологической анатомии; патолог Пауль Баумгартен (1843—1928 гг.), одновременно и независимо от Роберта Коха открывший туберкулезную палочку; бактериолог Рихард Пфайфер (1858—1945 гг.), выявивший менингитную палочку, и другие ученые.

Хирургическая клиника, созданная в 1864 г. Альбрехтом Вагнером (1826—1870 гг.), многие годы служила образцом заведения подобного типа. В память о выдающемся медике в 1888 г. в Кенигсберге была названа улица, ведущая к хирургической клинике. Название сохранилось доньше, но оно посвящено великому однофамильцу хирурга Вагнера — композитору Рихарду Вагнеру (1813—1883 гг.), жившему в Кенигсберге в 1836—1837 гг. Хирург Вагнер оставил достойных учеников, поддерживавших высокий уровень хирургической науки и практики.

В год 350-летия университета — 1894-й — медицинский факультет стал самым большим в университете: на его 13 кафедрах обучались 225 студентов. Новые кафедры открывались и в последующие годы. Последняя из них — кафедра физиологической химии — была открыта в 1943 г.

В XIX в. медицинский факультет считался передовым не только в научном отношении. Преподаватели и студенты достойно выполняли свой долг во время эпидемии холеры 1831 г. — одной из самых жестоких в истории Европы. Они разъясняли населению необходимость карантинных ограничений, оказывали

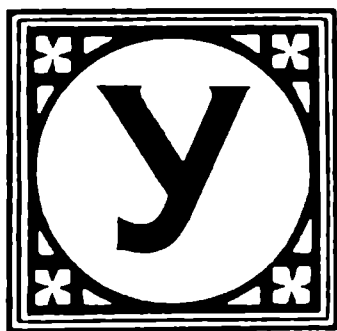
помощь больным, приняли самое деятельное участие в усмирении кенигсбергского «холерного бунта».

Характерна позиция медицинского факультета по отношению к проблеме женского образования. В 1871 г. в университет поступило прошение о приеме на медицинский факультет от российской подданной Александры Петровой из Петербурга — первое в истории университета заявление подобного содержания от женщины. Факультет был готов принять русскую девушку в число студентов, но прусские власти отклонили ее просьбу. В немецких университетах женщинам разрешили учиться только в 1898 г. В этот год в Кенигсбергский университет записалось 14 студенток, правда, на положении вольнослушательниц; в 1913 г. их было 119, в 1931 г. — 761.

К медицинскому факультету относилось и еще одно подразделение — ботанический сад. Он был заложен стараниями профессора Карла Готфрида Хагена (1749—1829 гг.) в 1811 г. Хаген — примечательная фигура в истории университета. К. Бэр называл его «целым факультетом», так как Хаген преподавал пять дисциплин: зоологию, ботанику, минералогию, физику, химию. На свои личные средства Хаген в 1778 г. открыл в Кенигсберге первую в истории немецких университетов фармацевтическую лабораторию. Сад (ныне эколого-биологический центр учащихся) был заложен вблизи холма Буттерберг на основе старого парка. Первым директором ботанического сада стал известный ботаник Август Фридрих Швейггер (1783—1821 гг.), позже убитый проводниками в экспедиции на Сицилии. В память об ученом его друзья установили в саду каменную стелу, частично сохранившуюся доньше. Уникальной растительной коллекции университетского ботанического сада, собранной за многие годы из разных уголков земного шара, был нанесен непоправимый ущерб во время военных действий в 1944—1945 гг. и в первые послевоенные годы, когда сад фактически не имел хозяина.

Характерной чертой Кенигсбергского университета даже в лучшие его времена был постоянный отток наиболее выдающихся его ученых, стремившихся проявить свои способности в более крупных научных центрах Германии. В расцвете сил или даже в начале своего пути в науке Кенигсберг покинули Бэр, Якоби, Кирхгоф, Гельмгольц, Линдеман, Гурвиц, Гильберт, Минковский, Зоммерфельд, другие ученые. Исключение составляют Кант, Нейман, Ришело и Бессель, связавшие с этим городом свою жизнь.

В XIX столетии коренным образом изменился внешний облик университета. В 1862 г. Альбертина получила новое великолепное здание на Парадной площади, были построены здания ряда медицинских клиник и институтов. В год 350-летия университета (1894) состоялась закладка спортивного комплекса «Палестра Альбертина» — первого подобного сооружения в истории немецких университетов.

ниверситет как бы венчал все здание образования в Восточной Пруссии, а его фунда-

мент в XIX в. составляли трех-четырёхклассные народные школы. Старейшими из средних школ были Кнайпхофская и Альтштадтская гимназии. Вместе с коллегией Фридриха и гимназией Вильгельма они составляли основу созданной в Кенигсберге Гумбольдтом системы гуманитарного образования. В 1914 г. к ним прибавилась государственная Хуфен-гимназия, быстро завоевавшая популярность. В гимназию принимали наиболее одаренных и старательных учащихся, окончивших народные школы. Среди учебных заведений, кроме университета, в городе с течением времени утвердились восточнопрусская административная академия, высшая торговая школа, строительный техникум и ряд других.

Профессиональное обучение осуществлялось в ремесленных и реальных училищах (первое из них появилось в 1811 г. после преобразования пасторской школы в Лёбенихте), лицеях, на различных курсах. Юноши получали технические, сельскохозяйственные и торговые профессии, девушки овладевали швейным мастерством, приобщались к музыке и пению, получали навыки воспитательниц детских садов, домашних работниц и экономок.

Прекрасные возможности для приобретения специальности предоставляла государственная художественная и ремесленная школа. Она имела семь отделений и мастерских: строительного искусства, скульптуры, печатного дела и художественного ремесла, по обработке благородных металлов, по внутренней отделке помещений, живописи (в том числе по стеклу и фарфору, по ткацкому делу и дамской одежде). В первой четверти XX в. местные власти издали важный закон об обязательном профессиональном обучении выпускников народных школ, а сами школы были преобразованы в восьмилетки со специальными классами для занятий рисованием, музыкой, домоводством. На базе лицеев выросли женские школы.

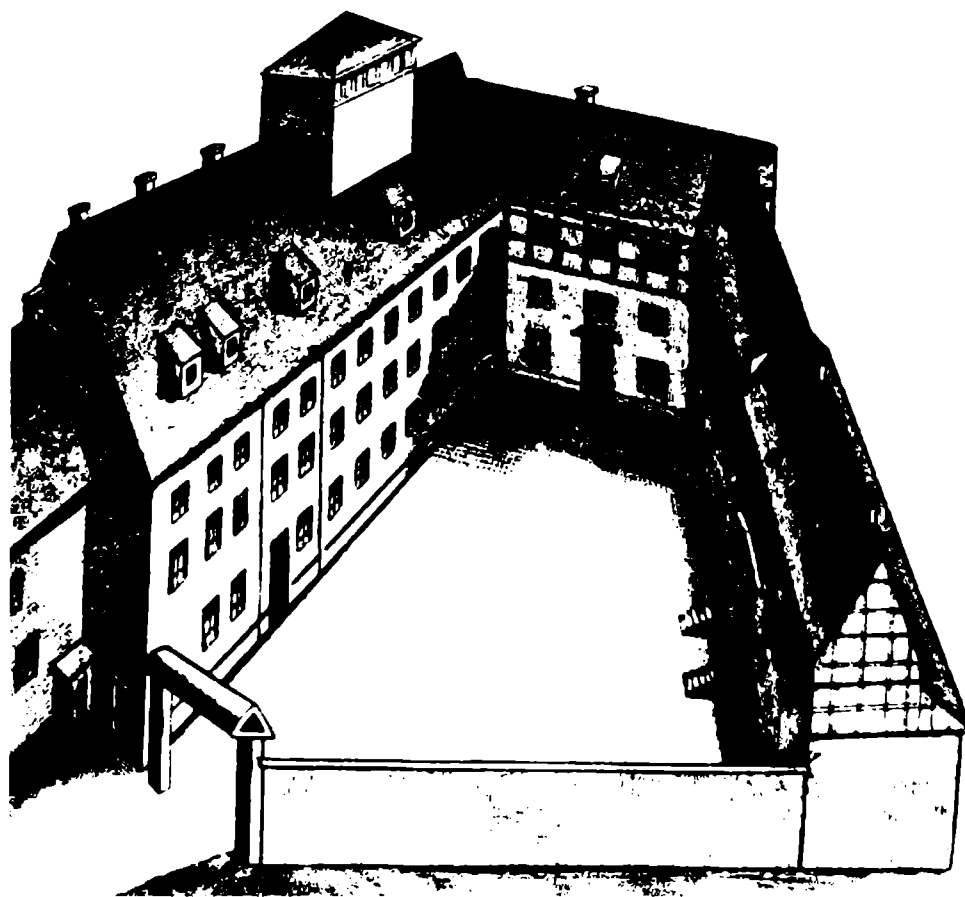
Богатые культурные интересы демонстрировал Кенигсберг, где много пели, играли, занимались музыкой. В городе существовал музыкальный союз, который успешно решал вопросы сохранения и развития немецкого музыкального наследия. Особенно почитались три великих «Б»: Бах, Бетховен, Брамс. Чаще всего звучал Бах в Кафедральном соборе, где в 1888 г. был установлен пятидесятишестирегистровый орган, один из самых

Генрих Теодор фон Шён

Королевский замок в Кенигсберге со стороны площади
Кирхенплатц. Гравюра 1844 г.

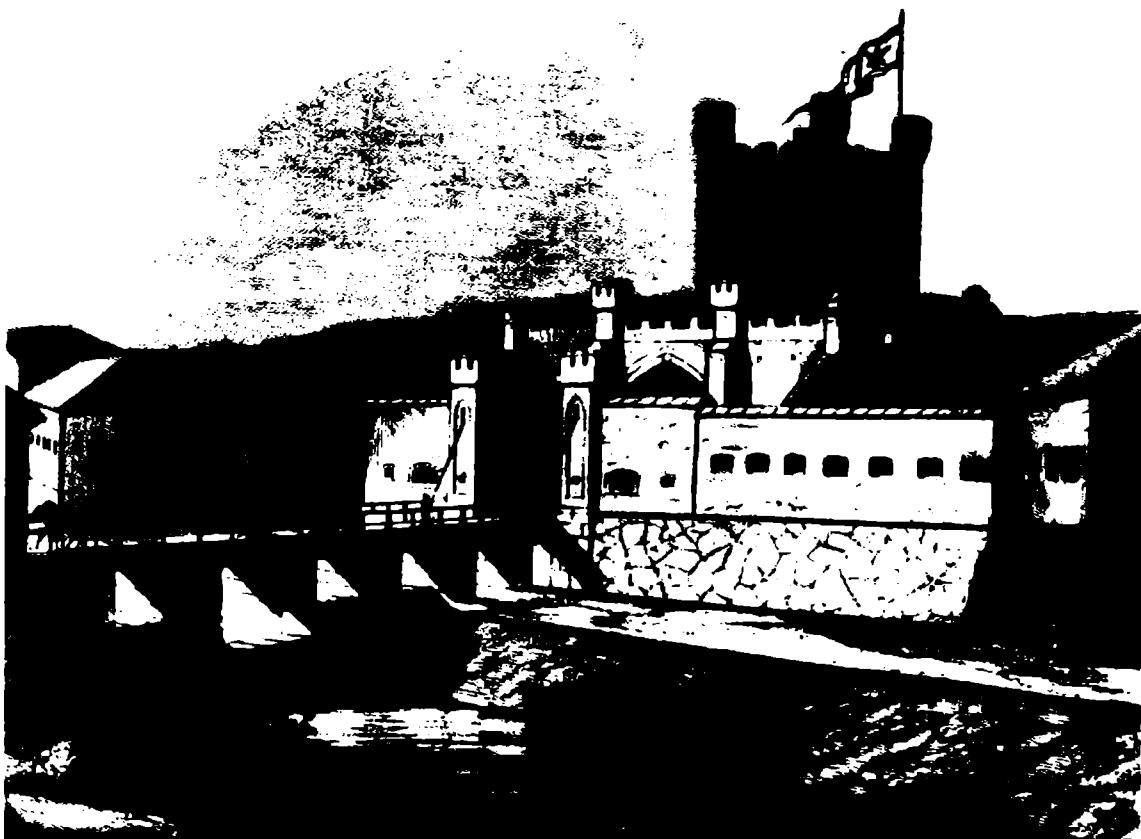

Коллегиум Фридрицианум. Рисунок XIX в.

Внутренняя часть Королевских ворот в линии укреплений
Кенигсберга. Гравюра 1850 г.

Внешняя часть Королевских ворот. 1852 г.

Новое здание университета Кенигсберга. Гравюра по фото
Риделя. 1862 г.

Памятник королю Фридриху Вильгельму III на площади
Параденплатц, открытый 3 августа 1851 г.

Король Фридрих Вильгельм IV. Отто фон Бисмарк. С фото XIX в.

Студенческая вечеринка в подвальчике «У Рейхерта» на берегу р. Прегель в Кенигсберге. Литография Г. Вичаса. 70-е годы XIX в.

Набережная Кранца (ныне г. Зеленоградск). Гравюра А. Клосса по рисунку В. Буша. 1875 г.

Раскопки могилы И. Канта в Стоа Кантиана. Гравюра по рисунку Й. Хейдекка, 1888 г.

больших и красивых в Пруссии. Изготовил его кенигсбергский мастер Терлецки. В репертуаре, предлагавшемся слушателям, не было недостатка в произведениях Штрауса, Вагнера, Малера.

Центрами музыкальной культуры выступали оперный театр у Парадеплаца и драматический театр (в 1915 г. открылся новый). Были у города свои оперетта, объединение камерной музыки. Существовал городской театр, который вместе с драматическим образовали театр восточнопрусской земли. В первом ставились в основном оперы, во втором — драматические пьесы. При полных залах шли выступления местного симфонического оркестра. Нередко музыканты показывали свое искусство на открытых площадках при большом стечении народа. Оркестр городского театра любил выступать на территории зоопарка, особенно летом, под кронами деревьев, перед отдыхающей публикой. В 1884—1891 гг. оперный театр и симфонический оркестр возглавлял Ф. Вейнгартнер — один из создателей школы дирижерского искусства в Европе. Благодаря ему кенигсбержцы знакомились с музыкальными шедеврами русских композиторов Чайковского и Бородина. Под руководством Вейнгартнера труппа оперного театра и оркестр гастролитовали в других городах Германии и в России и создавали славу восточнопрусским музыкантам.

Не обходили своим вниманием Восточную Пруссию деятели культуры с мировыми именами. В разные годы в Кенигсберге жил и работал Рихард Вагнер, венчавшийся здесь в Трагхаймской церкви с актрисой Минной Планер, гастролитовали Ф. Лист, А. Рубинштейн.

Восточная Пруссия и Кенигсберг были родиной многих известных деятелей искусства, и не только немецких. Здесь появились на свет композиторы А. К. Йенсен в 1837 г. и Г. Гетц в 1840 г., поэтесса Агнес Мигель в 1879 г. В 1901 г. Агнес напечатала первое свое стихотворение, положившее начало ее яркому литературному дарованию. Кенигсбержцы нежно называли поэтессу «наш любимый соловей». В год празднования 200-летия со дня рождения И. Канта ученый совет Кенигсбергского университета Альбертина присвоил Агнес Мигель почетное звание профессора за достижения в литературном творчестве.

9 июня 1867 г. в Кенигсберге родилась Кэте Кольвиц, получившая образование в местной Академии художеств, открытой в 1845 г. После замужества в 1891 г. она уехала из Восточной Пруссии в Берлин. Несколькими годами раньше Кольвиц Академию художеств закончил известный впоследствии живописец и график европейского уровня Ловис Коринт, уроженец Тапиау. Важный этап творчества связан с Кенигсбергом у художника К. Штеффека, профессора Берлинской академии художеств, мастера анималистской живописи. Он возглавлял местную академию и прожил в городе до самой смерти. Родным городом являлся Кенигсберг и для композитора, автора кантат, оркестровых и фортепианных произведений Генриха Дорна.

В Восточной Пруссии жил и работал литовский драматург, философ и общественный деятель Видунас, окончивший Инстербургскую учительскую семинарию. С 1912 г. он обосновался в Тильзите, где выпускал периодические литовские издания «Салтинис», «Яунимас», «Науйове», занимался литературным трудом, создал трагедии «Тени предков» и «Вечный огонь».

В качестве своеобразных миссионеров лучших образцов немецкой культуры и искусства рассматривал себя союз Гетэ, созданный наряду с подобными обществами в Штутгарте и Бремене и имевший до трех тысяч членов. Он приглашал в Кенигсберг известных немецких писателей и поэтов, проводил литературные вечера и чтения, пропагандировал интересные книжные новинки. Союз создал «Восточнопрусский поэтический фонд», который материально помогал многим местным поэтам в трудные времена.

В Восточной Пруссии было немало мастеров кисти, группировавшихся вокруг Академии художеств, преобразованной в 1932 г. в Государственную мастерскую изобразительных искусств. В творчестве художников доминировали восточнопрусские мотивы.

Значительную роль в культурной жизни края играли музеи. Создавались они по-разному, но в каждом случае начальным пунктом их истории была местная инициатива. В 1832 г. в Кенигсберге энтузиасты основали Художественный фереин, который энергично взялся за организацию выставок картин и сбор экспонатов для музея, размещавшегося в бывшем доме обер-бургомистра. В 1837 г. прусский король передал еще слабому музею ряд полотен преимущественно итальянских мастеров из запасников Берлинской картинной галереи, после чего началось активное пополнение его коллекции. В 1881 г. музей уже располагал таким количеством экспонатов, что занял пять больших помещений в северном крыле второго этажа королевского замка.

Интерес общественности города к истории древних пруссов привел к созданию в Кенигсберге общества «Пруссия». Его деятельность положила начало собиранию археологических находок доисторического периода. Самая первая их опись относится к 1847—1853 гг. С 1869 г. хранитель коллекции Георг Буяк начал показывать ее публике.

Основывались и другие общества: в 1872—1873 гг. — «Общество по изучению истории провинции Пруссии» в Кенигсберге, в 1880 г. — «Общество по изучению средневековой истории» в Инстербурге. Каждое общество, накапливая свои материалы, обязательно их экспонировало. Так рождались новые музеи. В 1880 г. появился в Кенигсберге художественно-ремесленный музей, через двадцать девять лет открылся интересный музей древнего зодчества в долине, прилегавшей к зоопарку. Его экспонатами стали прусские крестьянские дома, перевезенные сюда из разных мест провинции. Кстати, сам зоопарк, тоже детище мест-

ной инициативы, был создан в 1896 г. настойчивыми усилиями первого его директора Германа Клаасса, зубного техника, при горячей поддержке профессора Альбертины Максимилиана Брауна. Коллекция зоопарка включала почти все основные виды млекопитающих, птиц и пресмыкающихся и постоянно пополнялась.

Музейное дело жило и развивалось благодаря традиции опекунства, действовавшей в Восточной Пруссии с 60-х гг. прошлого столетия.

Одним из первых опекунов был кенигсбергский издатель и библиотекарь Рудольф Райке. Его сменил в 1897 г. архивариус и приват-доцент университета по истории искусства Герман Эренберг. С 1902 по 1934 гг. в роли опекуна выступал историк, директор архива, председатель общества по изучению истории Западной и Восточной Пруссии Эрих Йоахим. В задачи опекунов входило: поиск покровителей, сбор денежных взносов, посредничество между дарителями и музеями, пропагандистская и просветительская деятельность.

В Восточной Пруссии было немало разного рода государственных и частных коллекций, разбросанных по многочисленным хранилищам. В них встречались подлинные шедевры старинного искусства, ценнейшие исторические реликвии. Их хранение нередко не отвечало необходимым условиям. Кенигсбержцы неоднократно высказывали пожелание слить все коллекции города в одну. Но только в 1925 г. музей «Пруссия», известный своими древностями, был объединен с экспонатами прикладного искусства, с фондами картинной галереи, составленными из приобретений и даров. Все это вошло в открывшийся в замке Восточнопрусский государственный музей. Из коллекции оружия и униформы в зале москвитов возник «Зал восточнопрусской славы». В 1927 г. в здании кнайпхофской ратуши открылся музей истории города, часть его экспозиции была посвящена И. Канту. Нельзя также не упомянуть о небольшом университетском музее янтаря, который постоянно пополнялся ценными находками.

Желание увековечить память великих людей Восточной Пруссии вдохновляло местных архитекторов и скульпторов. Особую дань уважения деятели культуры воздавали И. Канту. 18 октября 1864 г. на Кантберге, рядом с домом великого философа, был установлен памятник скульптора Кристиана Рауха. В 1885 г. памятник переместили на Парадеплац, слева от нового здания университета. В 1881 г. была облагорожена могила Канта. Над ней появилась небольшая надгробная капелла, стены которой украсила копия картины Рафаэля «Школа в Афинах» кисти кенигсбергского художника Хайде. 27 апреля 1924 г. капеллу заменили открытой колоннадой по проекту Ф. Ларса.

XIX в. не внес принципиальных изменений в формирование архитектурного облика восточнопрусских городов. Их застройка велась чаще всего по упрощенным проектам. Лишь отдель-

ные здания отличались богатым декором в стиле рококо. Вокруг Кенигсберга в качестве оборонительных рубежей соорудили вал и ров с крепостными бастионами, которые стали своеобразной границей, за пределами которой строить запрещалось. Город на долгое время словно запрессовали, дома лепили друг к другу, оставляя для транспорта и пешеходов лишь узкое пространство. Семь крепостных ворот на выходе из города определяли направление главных улиц. Только в конце XIX — начале XX вв. открылась перспектива строительства. Были сняты ограничения на расширение города. За счет включения в его состав новых территорий и общин с конца XIX в. за неполные сорок лет площадь Кенигсберга возросла в девять раз, а число жителей увеличилось со 189 483 человек (данные переписи на 1.12.1900 г.) до 372 164 человек (по данным переписи 17.05.1939 г.).

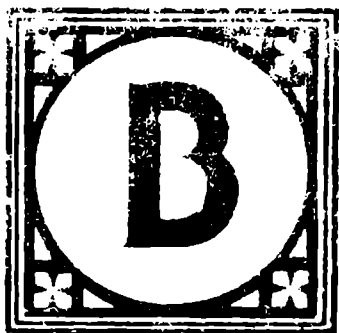
В 1898 г. было основано «Кенигсбергское общество недвижимого имущества и строительства». Возглавляли его архитекторы и советники по строительству Фридрих Хайтманн и Иозеф Кречманн. По их проектам в городе были построены десятки роскошных вилл с башенками и фронтонами, загородных домов, похожих на замки, окруженных зеленью и прудами. В Кенигсберге возникли новые районы (Амалиенау, Ратсхоф и др.). По всему периметру старых городских укреплений создали мощный пояс зеленых насаждений. Общая их площадь, включая пруды и дачные участки, составила 7 872 000 квадратных метров.

Красивый архитектурный облик Кенигсбергу придали здание биржи, построенное в 1870—1875 гг. по проекту архитектора Генриха Миллера, с двумя каменными львами; мемориальная кирха в честь королевы Луизы, сооруженная по проекту Хайтманна и Краха в 1901 г. После подписания Тильзитского мира в 1807 г. почти в течение двух лет королева Луиза жила в Кенигсберге с мужем Фридрихом Вильгельмом III, и горожане создали для себя легенду о ее добродетелях. Она действительно поддерживала всякого рода благотворительную деятельность и патриотические начинания. С ее одобрения в городе было создано «Общество для семинара открытых добродетелей». Благодарные жители после неожиданной смерти Луизы в 1810 г. (прах ее покоится в Домской кирхе в Берлине) стали называть в честь нее замки, мосты, церкви, улицы, парки и соорудили ей в Кенигсберге по проекту Кристиана Рауха памятник-ротонду с надписью: «Покровительнице пруссов, незабвенной королеве — от сограждан. 1874 г.». Не удивительно, что в начале XX в. в городе появился театр имени Луизы на месте нынешнего драмтеатра (архитектор Вальтер Куккук). Напротив него был поставлен памятник Ф. Шиллеру (скульптор С. Кауэр). В первой четверти XIX в. один за другим выросли здания полицей-президиума, земельного и окружного суда, почты. Они тоже украсили город.

Менялся облик и других городов Восточной Пруссии. Но

главную их прелесть составляли старые кварталы с непременными евангелическими кирхами, центральными брусчатыми площадями, с разводящими узких улиц и улочек с одно-двухэтажными домами, помнившими события далекой истории.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

отличие от других территорий королевства, а затем и империи, барометр общественно-

политической жизни Восточной Пруссии постоянно показывал более низкий и стабильный уровень. После бурных всплесков общественного и национального сознания в годы наполеоновских войн, после активного участия в движении «Тугендбунда» (основан в 1808 г.) провинция долгие годы не знала каких-либо аналогичных общественно-политических проявлений. Общая расстановка политических сил в приглушенном виде повторяла ситуацию в других землях прусского королевства, деятельность партий, организаций и союзов не принимала широкого размаха. Горожане, бюргерские круги проявляли сдержанный либерализм и связывали с новым королем Фридрихом Вильгельмом IV надежды на введение конституции.

Время от времени местные либералы выдвигали конкретные инициативы. 7 сентября 1840 г. они направили королю памятную записку относительно целесообразности введения конституции. Примерно в это же время в Кенигсберге стала распространяться брошюра «Откуда и куда», изданная в 32 экземплярах. Авторство ее упорно приписывалось обер-президенту провинции Западная и Восточная Пруссия фон Шёну.

Вообще оппозиционные настроения не оказывали сколько-нибудь серьезного влияния на политику местных и центральных властей. В провинции в течение столетий действовала система привилегий и монополий на издательскую деятельность, вследствие чего многие газеты, едва возникнув, тут же закрывались. Лишь самая первая в Кенигсберге крупная газета «Хартунгше цайтунг», основанная еще в 1640 г. печатником Зегебаде (под другим названием), продолжала жить, занимая умеренно-либеральные позиции, изредка бравируя смелостью и печатая передовые статьи, проникнутые идеями свободы и единства. Постоянную осторожность проявляла издававшаяся с 1875 г. и имевшая многих читателей «Кенигсбергская всеобщая

газета». Позднее она стала органом восточнопрусских национал-либералов. Однако печать не оставалась в стороне от политической жизни.

В феврале 1841 г. либеральные настроения и надежды кенигсбержцев получили отражение в памфлете Иоганна Якоби, одного из лидеров левого крыла буржуазно-либеральной оппозиции. Памфлет назывался «Четыре вопроса с ответами на них жителей Восточной Пруссии». Он вызвал большой общественный резонанс. В нем говорилось о преимуществах народного представительства и содержались требования справедливого права. Несмотря на запрет, памфлет быстро распространялся. Его текст напечатали «Хартунгше цайтунг» в Кенигсберге, «Рейнская газета» в Кельне и другие либеральные издания. Против И. Якоби было возбуждено дело по обвинению в государственной измене, хотя и не увенчавшееся успехом. В 1847 г. во время заседания первого соединенного ландтага в Берлине представители Восточной Пруссии отказали правительству в кредитах и потребовали от Фридриха Вильгельма IV выполнения конституционных обещаний. В ответ король распустил ландтаг.

Подобные проявления либеральной оппозиционности не были присущи общественно-политической жизни в Восточной Пруссии. Землевладельцы, юнкеры придерживались консервативных взглядов, являясь опорой монархии. Правительственные чиновники холопствовали перед дворянами. Все высшие должности в провинции предоставлялись отпрыскам земельной аристократии. Все свободы — печати, собраний, слова, конституционное представительство — были привилегией аристократического класса, влияние которого в конечном счете оказалось преобладающим во время революции 1848—1849 гг. в Германии. Когда горожане и крестьяне проявили излишнюю активность в революционном движении, то 8 апреля 1848 г. выходившая в Кенигсберге «Королевская прусская государственная газета времен войны и мира» забила тревогу: «Сейчас самое время, чтобы армия прибыла на Мазуры не для защиты границы, а для защиты личности и собственности от наших крестьян»³⁷⁵. Крестьяне же всего-навсего требовали от помещиков письменного отказа от барщины. Их политические притязания были ничтожными. Фактически они выразились в повышенном интересе к выборам в национальное собрание Пруссии и оживленному обсуждению вместе с горожанами кандидатур выборщиков.

В отличие от Рейнских провинций, Берлина, Саксонии Восточная Пруссия не стала ареной массовых революционных выступлений, поэтому местным отделениям консервативных обществ «Защита собственности» и «Охрана интересов землевладельцев» удалось сохранить контроль над общественными настроениями и не допустить их радикализации. Не последнюю роль в этом сыграла издаваемая в Кенигсберге с 1849 г. газета «Конституционная монархия». После закрытия радикальной

ежедневной прессы она стала ведущей в обработке умов, сменив свое название на «Восточнопрусскую газету». В этих условиях лишь отдельные представители общественности вышли на общегерманский политический небосклон. Среди них был профессор Эдуард фон Симсон, избранный во Франкфуртское национальное собрание и включенный в состав делегации к королю Фридриху Вильгельму IV с предложением принять германскую имперскую корону. Следует отметить, что в подходе к главному вопросу революции — о создании единого немецкого государства — восточнопрусская общественность склонялась в пользу германизации Пруссии, а не опруссачивания Германии, т. е. в пользу того процесса, который сулил большие демократические результаты.

Судьба первого всегерманского парламента, заседавшего во Франкфурте-на-Майне и вызванного к жизни революцией, известна. Он не решил ни одного важного вопроса, направленного на объединение Германии, в июне 1849 г. парламент разогнали. Выработанный им проект конституции отклонили главные государства — Пруссия, Бавария, Саксония и Ганновер. Фридрих Вильгельм отказался принять от делегации императорскую корону, мотивируя это тем, что он может ее принять лишь из рук своих венценосных коллег, таких же, как он, помазанников божиих. В письме к одному из друзей король выразился более откровенно, в том духе, что ему хотели преподнести венец, «сделанный из дерьма и навоза». Таким образом, все либеральные надежды на объединение Германии под единой главой рухнули.

У восточнопрусских умеренных политиков и общественности вызвали негодование и протест некоторые действия Отто фон Бисмарка после назначения его министром-президентом Пруссии. В первом выступлении перед ландтагом он произнес знаменитые слова: «Пруссия носит слишком тяжелое вооружение для своего маленького тела, но это вооружение должно чему-то служить. Не на либерализм Пруссии взирает Германия, а на ее мощь... Не речами, не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени — это было ошибкой 1848 и 1849 гг., — а железом и кровью»³⁷⁶. В этих словах заключалась целая программа действий, которую Бисмарк проводил упорно и последовательно, не слушая депутатов.

Восточнопрусские либералы и демократы заняли антибисмарковскую позицию в вопросе о взимании налогов. Наибольшую решительность проявлял И. Якоби. Он призвал население провинции отказываться от уплаты налогов до тех пор, пока Бисмарк не прекратит неконституционные действия. Однако призыв не получил широкой поддержки. Как исключение, акция, организованная против политики Бисмарка, относится к осени 1870 г., когда встал вопрос об аннексии французских территорий — Эльзаса и Восточной Лотарингии. 14 сентября в Кенигсберге состоялось народное собрание, участники которого выступили с заявлением. В нем говорилось: «Собравшиеся

здесь члены Народной партии высказывают свое убеждение в том, что ни объявление войны Наполеоном, ни военные подвиги германского войска не дают победителю право решать политические судьбы жителей Эльзаса и Лотарингии... Мы протестуем против любой насильственной аннексии французских земель»³⁷⁷. Заявление подписали И. Якоби, Г. Вейс, Ф. Меринг, П. Зингер и многие другие. Ветеран демократического движения Восточной Пруссии и его лидер И. Якоби страстно доказывал, что «...всякий захват чужих земель против воли населения есть нарушение права на самоопределение народов... Будем протестовать!»³⁷⁸. За эту акцию Якоби и еще одного организатора собрания купца Макса Хербига власти арестовали и посадили на месяц в крепость Боен, недалеко от Лётцена в Мазурии.

В целом же население Восточной Пруссии с удовлетворением отнеслось к поражению Франции и объединению немецких земель, тем более что имперские власти возвратили провинции ее прежний самостоятельный статус.

Спокойной была ситуация в отношениях между различными национальностями, проживающими в Восточной Пруссии. Преемник фон Шёна Карл фон Хорн умело и своевременно устранял почву для их обострения. В 1875 г. в Восточной Пруссии существовало 352 немецко-литовских и 388 немецко-мазурских школ. Более чем в 30 приходах проводилось религиозное обучение перед конфирмацией на литовском языке. После восстания 1863 г., когда в Литве, входившей в состав Российской империи, была запрещена своя письменность, в Восточной Пруссии выпускалась литовская религиозная и политическая литература, откуда она нелегально доставлялась соседнему народу. В 1885 г. в Восточной Пруссии выходило десять изданий на литовском языке: два в Кенигсберге, по три в Тильзите и Клайпеде, два в Прекуле³⁷⁹.

Проявлявшиеся время от времени попытки развертывания крупных национальных движений в провинции не получали продолжения. Польское и литовское население в своей основной массе слабо реагировало на восстания 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг., хотя революционная патриотическая пресса из Варшавы доходила до Кенигсберга, переводилась на немецкий язык и распространялась через рестораны и клубы. Лишь отдельные выходцы из Вармии и Мазур стали активными участниками событий 1830 г.: несколько горожан из Томашкова, небольшого городка под Ольштыном, К. Циммерманн из-под Липок, Д. Толькемит из Вармии. Переписка Иоахима Лелевеля свидетельствует о том, что в Пише и в его окрестностях действовала тайная группа, которая поддерживала контакты с литовскими партизанами и намеревалась поднять восстание в Восточной Пруссии.

В 1863—1864 гг. из Восточной Пруссии восставшим полякам и литовцам поступало оружие через торговую фирму «Братья

Хотомские, Коронович и компания», тесно связанную с руководителями восстания. Поставкой оружия занимались также торговая фирма «Фишер, Хенце, Малов и компания», фабриканты Ф. В. Йохансон и Л. Йозефсон, купцы Й. Н. Гошицкий и Ф. Пенский и другие. С ними сотрудничали польские и литовские студенты Альбертины, и среди них Войцех Кентшиньский, впоследствии окончивший Кенигсбергский университет и ставший известным польским историком. Оружие поступало в Польшу и Литву через Роцоги и Пишу, Тильзит, Ширвиндт и особенно через Виструч. В Виструче действовала революционная группа Владислава Рухловского, распространявшая листовки с информацией о ходе восстания. Имелись и другие каналы связи Восточной Пруссии с повстанцами.

Однако территория провинции не стала ареной вооруженных выступлений польского и литовского населения, выражавшего преимущественно негромкое сочувствие восставшим. Влияние польских революционных обществ и организаций на восточнопруссских поляков было невелико. В Кенигсберге они опирались в основном на студентов Альбертины, ремесленников. Наиболее активно были настроены студенты Ф. Цейнова и А. Шишилович, купец Х. Андрушкевич, Ю. Клацко, позднее известный польский писатель и историк. Их патриотическая деятельность ограничивалась в основном просветительством и изданием печатной продукции, в частности «Ольштынской газеты», которая начала выходить с середины 80-х годов под редакцией Яна Лишевского. В 1896 г. возникла Мазурская народная партия с целью пробудить национальное самосознание мазурских поляков, но вскоре она распалась.

Во многом схожая ситуация сложилась среди литовского населения Восточной Пруссии. Когда в Литве начался процесс возрождения, прусские литовцы не присоединились к нему. Стоило молодым литовским интеллигентам во главе с И. Басанавичюсом в своих печатных изданиях выступить с призывом к немедленному объединению территорий Восточной Пруссии, населенной литовцами, с Польшей и Литвой, читатели проявили недовольство и заставили редакцию исключить подобные публикации. Не случайно на общелитовском Виленском съезде 4—5 декабря 1905 г. представители Восточной Пруссии участвовали лишь в качестве гостей. В резолюции съезда с требованием литовской автономии говорилось: «...хотя в Пруссии территория со стороны Клайпеды, Тильзита, Инстербурга также литовская, однако о включении ее в автономную Литву в настоящее время не может быть и речи»³⁸⁰.

В конце XIX — начале XX вв. активизировалось литовское движение под лозунгом создания независимой Литвы от Мазурских озер на юге до границ с Латвией на севере. В августе 1914 г. во время наступления русских войск в Восточной Пруссии руководители движения представили правительству России так называемую «Янтарную декларацию» с изложением своих

целей. Но дальше деклараций дело не пошло. Обер-президент Восточной Пруссии фон Шликманн в 1882 г. сообщал в Берлин: «В образцовом масштабе верные королю и придерживающиеся хороших прусских взглядов евангелические литовцы не создают никаких национальных проблем»³⁸¹.

В чем причина такого лояльного отношения литовского и польского населения Восточной Пруссии к властям? Во-первых, это результат продуманной и маневренной национальной политики провинциальной администрации. Другая причина носила религиозный характер: прусские литовцы и отчасти прусские поляки исповедывали протестантизм в отличие от католиков Большой Литвы. Наконец, нельзя не учитывать многолетней целенаправленной германизации польского и литовского населения Восточной Пруссии. Она проявлялась в монополии немецкого языка в судопроизводстве и управлении, в переименовании городов на немецкий лад, в деятельности созданной в 1886 г. Колонизационной комиссии по насаждению немецкого землевладения. Важным элементом германизации являлись разного рода немецкие общества, как, например, «Общество для поддержки немцев в восточных провинциях». Поляки называли это общество «Гаката» по заглавным буквам учредителей Ганземана, Кенемана и Тидемана. Оно усердно занималось поддержкой антипольской политики администрации.

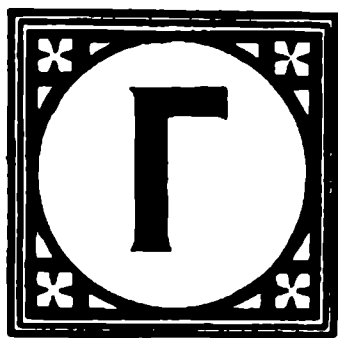
В начале XX в. возрастающее влияние на общественно-политическую ситуацию в Восточной Пруссии оказывала деятельность социал-демократов. Самая большая их группа действовала в Кенигсберге под руководством Макса Новагородского. В других городах провинции существовали группы поменьше. У них имелась постоянная связь с берлинскими лидерами партий. Неоднократно в Восточную Пруссию приезжал К. Либкнехт. Он выступал в качестве адвоката на судебных процессах в Гумбиннене и в помещичьем имении Тракенен в 1901 г., сочетая адвокатскую деятельность с партийной агитацией и организаторской работой.

Через территорию Восточной Пруссии с помощью местных социал-демократов осуществлялась транспортировка в Россию большевистской литературы. Она шла по маршруту Берлин — Кенигсберг — Тильзит (частично Эйдткунен и Ширвиндт) и далее через Литву. Осенью 1903 г. прусской полиции удалось обнаружить основные пункты маршрута и в ноябре арестовать тех, кто занимался переправкой литературы. Всего было арестовано семь социал-демократов (М. Новагородский и Отто Браун из Кенигсберга, связные между Берлином и Кенигсбергом Эренфорт и Петцель, Адольф Клейн и Герман Трептау, которые обслуживали перевалочный пункт и склад в Мемеле; Фердинанд Мертинс из Тильзита). Кроме них власти арестовали двух контрабандистов Кегста и Кугеля. Всем арестованным было предъявлено обвинение в тайном сговоре против русского царя и в государственной измене.

12—25 июля 1904 г. в Кенигсберге в здании прусского королевского суда состоялся судебный процесс. Он сразу же приобрел громкое политическое звучание. Правящие круги рассматривали его как показательный, намеревались использовать для фронтального наступления на СДПГ. Руководство социал-демократов, сознавая всю значимость процесса, направило на него группу высококвалифицированных адвокатов с участием К. Либкнехта. Тот настолько удачно построил защиту, что обвинения обер-прокурора Шютце рассыпались как карточный домик. По оценке Хуго Гаазе, одного из лидеров партии и члена адвокатской группы на процессе, «Либкнехт, сделал Кенигсбергский процесс»³⁸².

В итоге два социал-демократа Браун и Клейн и два контрабандиста были полностью оправданы. Остальных приговорили к небольшим срокам заключения от двух недель до двух месяцев за организацию тайного общества. Обвинение в государственной измене было снято. «Кенигсбергский процесс закончился так, как мы могли этого только желать», — с удовлетворением писал 24 июля ветеран СДПГ А. Бебель³⁸³. Таким образом, германская реакция и российское самодержавие потерпели серьезную неудачу. Транспортировка русской революционной литературы через Восточную Пруссию не прекратилась. В 1905 г. через ее территорию шел основной путь революционеров и больше партии оружия.

ВОСТОЧНОПРУССКИЙ АСПЕКТ В РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

еографическое положение Восточной Пруссии делало ее не раз перекрестком бурных

политических страстей, разыгрывавшихся в соседних странах и связанных с разного рода социальными конфликтами, которые, разрастаясь, начинали угрожать интересам господствующих классов России и Пруссии. В таких случаях монархи обоих государств понимали друг друга с полуслова и в качестве повелителей народов принимали энергичные меры к искоренению крамолы. Как покушение на свою власть они встретили польское восстание (1830—1831 гг.), в котором участвовали и литовцы. Российские и германские правящие круги быстро нашли

общий язык в стремлении разгромить повстанцев, хотя согласование конкретных действий между ними не обошлось без определенных непринципиальных коллизий и расхождений. По представлению русского посла в Берлине Алопеуса прусское правительство издало рескрипт, запретивший въезд в Польшу через территорию Пруссии любых лиц, независимо от подданства, без визы русского посольства. Всех путешественников из Германии в Россию Алопеус направлял в Кенигсберг ³⁸⁴.

Через провинцию в Польшу прибыл царский фельдмаршал Дибич, чтобы принять командование российскими войсками, а после его смерти тот же путь использовал другой фельдмаршал Паскевич, преемник Дибича. Русские карательные отряды свободно передвигались по территории Восточной Пруссии, преследуя отступавших повстанцев. Обер-президент провинции Т. фон Шён неоднократно передавал российскому командованию важную информацию о мятежниках.

Когда восстание было разгромлено, значительная часть повстанцев, спасаясь от преследований царизма, перешла в Восточную Пруссию и была интернирована. Но на этом дело не закончилось. Вскоре среди поляков в Гумбинненском лагере местными властями был раскрыт заговор и по представлению российской дипломатии прусское правительство усилило охрану бунтовщиков. Правда, при этом оно отказалось перевести их в глубь Восточной Пруссии, сославшись на опасность распространения холеры ³⁸⁵.

Летом 1831 г. один из последних отрядов польско-литовских повстанцев, не в силах противостоять регулярным войскам, перешел из Литвы в Мемель и там был интернирован. Царское правительство обратилось в Берлин с просьбой выдать его России, но король, опасаясь нежелательного развития общественного мнения, не решился пойти навстречу. Оружие интернированных было изъято и возвращено России. Таким образом в 1830—1831 гг. Восточная Пруссия в силу своей близости к основным очагам польского восстания оказалась в центре внимания царской дипломатии и ее демаршей.

Другая страница в истории взаимоотношений России и Восточной Пруссии связана с Крымской войной. Прусское правительство не дало себя втянуть в англо-франко-турецко-сардинскую коалицию, выступавшую против России, и стойко придерживалось нейтралитета, хотя испытывало на сей счет сильное давление Лондона и Парижа. Западная дипломатия постоянно прельщала Пруссию обещанием передать ей после успешного завершения военных действий прибалтийские территории Российской империи. Порой давление приобретало грубый характер. Лондонский еженедельник «Иллюстрейтед Лондон Ньюс», например, открыто возмущался нежеланием Пруссии примкнуть к антирусской коалиции, предлагая «немедленно ее проучить», и видел в прусском короле «агента и друга царя» ³⁸⁶. Давление, несомненно, подтачивало прусский нейтралитет. Об этом писа-

ли русские историки С. С. Татищев и А. С. Трачевский. И все же Пруссия сумела избежать вступления в войну, что было крайне важно для России хотя бы потому, что в условиях морской блокады российских портов на Балтике англо-французским флотом Восточная Пруссия оказалась единственным окном, открытым для русской торговли с Западом.

Нейтралитет был выгоден и королевству. Как писала лондонская газета «Морнинг Пост», «ей (Пруссии) ...нейтралитет обеспечивает торговлю, о которой она не могла и мечтать»³⁸⁷.

В конце 1862 г. в Польше вспыхнуло новое восстание. Англия, Франция, Австрия сочли для себя более выгодным занять позицию защитников восставших. Их неоднократные ноты-протесты, направленные Александру II, должны были показать общественности, в первую очередь католически-клерикальным кругам своих стран, что они строго соблюдают принципы права и справедливости. Фактически же дело шло о возрождении «крымской» коалиции с целью использовать момент для ослабления России. В этой обстановке царь обратился к прусскому королю с предложением заключить военный союз.

До союза дело не дошло, но после интенсивных дипломатических переговоров стороны пришли к взаимовыгодному соглашению. 8 февраля 1863 г. в Петербурге А. М. Горчаков и генерал фон Альвенслебен подписали конвенцию, позволявшую русским карательным войскам преследовать повстанцев на территории Пруссии, включая ее восточную провинцию, где власти беспрепятственно выдавали интернированных поляков и литовцев России. Бисмарк не без основания рассчитывал, поддерживая царя в польских делах, добиться его содействия планам объединения Германии под эгидой монархии Гогенцоллернов. Конвенция вызвала бурю негодования в Англии и Франции, но в конце концов шум утих, а Бисмарк предстал перед царской Россией как ее единственный друг.

С середины 60-х годов на первый план в российско-прусских отношениях, как и ожидалось, выдвинулась проблема объединения Германии. Монархии Гогенцоллернов было важно заручиться дипломатической поддержкой могущественной империи. Россия, в свою очередь, надеялась с помощью Пруссии добиться отмены унижительных статей Парижского трактата 1856 г. В результате, когда Пруссия начала войну против Дании, а затем против Австрии, царское правительство соблюдало благожелательный для Берлина нейтралитет, а в период франко-прусской войны сдерживало от возможного антипрусского выступления Австро-Венгрию. Именно так оценивали дипломатию Петербурга англичане. Член британского кабинета Дж. Кимберли писал в начале ноября 1870 г.: «Моя теория ситуации такова: Россия сдерживает Австрию, за что Пруссия должна поддерживать намерение России отказаться от Парижского договора»³⁸⁸. Русско-прусский альянс оказался успешным для обеих стран. Пруссия разгромила Францию, устранила в ее

лице последнее препятствие на пути создания Германской империи под своим главенством. Россия же сразу после франко-прусской войны добилась отмены тех статей Парижского трактата, которые запрещали ей иметь военный флот и боевые укрепления на Черном море.

Восточнопрусский аспект российско-германских отношений после указанных событий теряет свое значение. Основными их вехами в последние десятилетия XIX в. были так называемый союз трех императоров 1873 г., Берлинский конгресс 1878 г., Тройственный союз 1882 г. (Германия, Австро-Венгрия, Италия), усиление антирусской направленности германской дипломатии после отставки Бисмарка в 1890 г., что обусловило сближение России с Францией.

К концу XIX в. Россия и Германия оказались во враждебных военно-политических лагерях. Реальной становится перспектива грядущей войны между союзами Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, России и Франции — с другой. Для Германии это означало возможность одновременной борьбы на двух пространственно разделенных фронтах. Тогдашний начальник германского армейского штаба Х. фон Мольтке Старший предвидел вероятность такого развития событий еще в 1871 г. Поэтому он, а после его отставки А. фон Вальдерзее и А. фон Шлиффен начали планомерную подготовку к войне на два фронта. Шлиффен, ставший в 1891 г. начальником германского генерального штаба, полагал, что затяжная война для рейха губительна из-за неминуемых экономических осложнений, поэтому выдвинул план ведения молниеносной войны («блицкриг») сначала против Франции при сдерживании России, затем против России. При этом предусматривалось, что пока будет решаться задача разгрома Франции, Восточной Пруссией можно будет временно пожертвовать — отвести войска при условии сильного наступления российских армий за Вислу с опорой на ряд расположенных там мощных крепостей. Однако новому начальнику генерального штаба графу Мольтке Младшему пришлось отказаться от такого плана, потому что определенные политические круги требовали жесткой защиты восточной провинции, хотя кайзер Вильгельм II отмечал в начале 1898 г.: «...В Восточной Пруссии я должен держать на границе один прусский армейский корпус против трех русских армий и девяти кавалерийских дивизий, от которых никакая китайская стена меня не отделяет...»³⁸⁹. Чтобы усилить здесь немецкие позиции, в спешном порядке был сформирован еще один армейский корпус. Военное противостояние России и Германии в этом районе ужесточилось, а с началом первой мировой войны Восточная Пруссия стала ареной военных действий.

IX ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО ПРИХОДА К ВЛАСТИ ФАШИСТОВ

АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО.
СРАЖЕНИЯ НА ПОЛЯХ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

июня 1914 г. в боснийском городе Сараево восемнадцатилетний гимназист Гаврило

Принцип выстрелами из револьвера убил австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену Софи фон Гогенберг.

Мало кто из простых людей знал, где находится Сараево, и уж, конечно, никто из них не подозревал, что хитроумная дипломатия европейских держав способна превратить фактически локальный конфликт в мировой пожар. Между тем германские Гогенцоллерны и их союзники австрийские Габсбурги уже давно поигрывали мускулами, ожидая только удобного момента, чтобы ринуться в глобальную схватку за передел мира в свою пользу. Война планировалась, ее подталкивали, но власть имущие и крупный капитал великих держав делали вид, что жаждают мира. В обширной личной переписке два кузена Вилли и Ники (так называли друг друга кайзер Вильгельм II и русский царь Николай II) старательно подбирали слова, чтобы подтвердить родственные чувства и взаимное уважение и доказать свою непричастность к слухам о возможной войне. Выстрел в Сараево мгновенно обнажил лицемерие и фальшь политиков. Уверения в мирных намерениях сменились ультиматумами. Вслед за ними последовали сожаления и сказки об обороне. Молох войны начал свою мясорубку, уничтожив за 1 290 дней и ночей десятки миллионов человеческих жизней.

Пройдет всего несколько недель, и Россия узнает о трагических событиях, развернувшихся на территории Восточной Пруссии, о гибели 2-й армии генерала Самсонова, о том, что оставленные без снарядов и патронов русские солдаты десятками тысяч будут умирать на полях сражений. А начиналось так...

...17 августа 1914 г., спасая от разгрома своего союзника — Францию, войска 1-й русской армии перешли границу Восточной Пруссии и двинулись вдоль железной дороги по направлению к Гумбиннену. Первая проба сил произошла на следующий день у Шталлупенена. К концу дня немцы отступили. После боя 1-я армия продолжала движение на рубеж р. Ангерапп. Ее командующий генерал Ренненкампф, правильно оценивая сосредоточение войск противника, стремился развернуть пехотные дивизии так, чтобы охватить левый фланг 8-й германской армии. Коннице генерала хана Нахичеванского в составе четырех кавалерийских дивизий предстояло действовать в направлении на Инстербург через Каушен (п. Кашино Неманского района), углубляя задуманный охват.

Аналогичные действия планировал и командующий 8-й армией генерал Притвиц, рассчитывая окружить основные силы русских на подходе к р. Ангерапп. Предстояло встречное сражение, поэтому Ренненкампф принял решение дать войскам армии 20 августа суточный отдых, так называемую «дневку». Армия находилась несколько дней в непрерывном движении, причем с боями. Ей требовался отдых. Но накануне конница хана Нахичеванского ввязалась в тяжелый бой со 2-й ландверской бригадой, прибывшей из Кенигсберга на р. Инстер в районе Каушена. Значительную роль в его успехе сыграл барон П. Врангель — будущий главком белой армии на юге России в 1920 г. Стремительной атакой своего эскадрона он захватил два немецких орудия, больше всего досаждавших русским. За этот бой Врангель был награжден орденом святого Георгия 4-й степени. Кстати, по окончании боев в Восточной Пруссии он стал полковником, командиром полка³⁹⁰.

Однако успех кавалеристов обернулся бедой. Он сорвал отдых войскам. Более того, одержав победу, хан Нахичеванский отвел свою конницу в тыл и на следующий день, когда немцы повели наступление, несмотря на приказ командующего, участия в сражении не принял, мотивировав свое бездействие рядом неуважительных причин. Правый фланг русской армии оказался открытым, чем воспользовался противник, нанеся сильный удар. Парадоксально, но факт: Ренненкампф не привлек хана Нахичеванского к суду за преступную неисполнительность, хотя тот проявлял ее не впервые. В данном случае она привела к тяжелым потерям 28-й пехотной дивизии. На поле боя остались лежать целые «цепи рот со своими офицерами и с батальонными командирами: они как бы застыли в тех позах, в которых застала их смерть»³⁹¹. У Бракупенена (Кубановка) в братской могиле было погребено 10 офицеров и 300 нижних чинов 112-го Уральского полка 28-й дивизии. Возможно, над этой могилой и был установлен памятник русским воинам, сохранившийся до сих пор.

Немцы пытались развить успех на другом фланге, но 25-я и 27-я пехотные дивизии 3-го армейского корпуса во главе с

генералом Н. Епанчиным (дедом известного в Калининградской области мецената Э. Фальц-Фейна) сумели выдержать удар и отбросить противника. Особенно удачно действовала русская артиллерия.

Успех 3-го корпуса русской армии был настолько ошеломляющим, что немецкий генерал Притвиц поторопился отвести назад 8-ю армию и даже склонялся к мысли оставить Восточную Пруссию и отойти за Вислу, то есть последовать первоначальному плану Шлиффена. Но события пошли по другому пути. К тому же Ренненкампф не организовал преследование разбитого 20 августа противника. Германское правительство заменило Притвица на посту командующего 8-й армией. Вместо него был назначен генерал Гинденбург. Начальником штаба стал генерал Людендорф. С западного фронта в Восточную Пруссию были переброшены два корпуса и кавалерийская дивизия. Пламя войны неудержимо разгоралось.

О событиях тех лет рассказывают документы.

«Обращение генерал-адъютанта фон Ренненкампфа ко всем жителям Восточной Пруссии.

Вчера (4—17 августа) Российская императорская армия перешла границу Пруссии и, преодолевая сопротивление немецкой армии, продолжает продвижение вперед.

Желание императора всех россиян — не принести вреда мирным жителям.

В соответствии с данными мне полномочиями заявляю следующее:

1. Каждый из жителей, кто окажет сопротивление Российской императорской армии, будет беспощадно наказан независимо от его пола и возраста.

2. Населенные пункты, в которых будут иметь место случаи нападения на служащих Российской императорской армии или неповиновения предписаниям, будут сожжены.

3. В случае, если жители Восточной Пруссии не дадут повода обвинить себя во враждебных действиях, то даже малейшая служба и помощь, оказанные Российской императорской армии, будут щедро вознаграждены и оплачены; населенные пункты не понесут ущерба, сохранятся все права собственности.

Фон Ренненкампф, генерал-адъютант его императорского величества, генерал от кавалерии».

Из военных сводок немецкого командования.
От 18 августа 1914 г.

«1. Вчерашнее сражение южнее Шталлупенена было успешным, взято в плен более двух тысяч человек, превосходство неприятеля в силе очень велико, вынужденно отступают наши войска к Гумбиннену.

4. Конный завод в Тракенене рано утром окончательно эвакуирован...»

От 19 августа 1914 г.

«2. Ввиду оккупации неприятелем Маргграбова и Голдапа ландраты данных мест покинули их. Контакт с ними еще не состоялся...

8. После 12-дневных переговоров дирекция железных дорог выразила готовность транспортировать скот, беженцев из районов Пилькаллена и Шталлупенена, но случилось это слишком поздно...»

От 20 августа 1914 г.

«7. Тракененские кони, рабочие и служащие вчера во второй половине дня миновали Инстербург».

От 22 августа 1914 г.

«Вчера до 11 часов город Гумбиннен должны были оставить наши войска. Большинство населения покинуло город. Из 12 сельских районов округа к вечеру 21 августа не были заняты врагом лишь Ангербург, часть района Нидерунга и Инстербурга...»

Из письма правительственного президента Грануша в Гумбиннене министру внутренних дел и министру финансов от 21 августа 1914 г.:

«Ваше превосходительство!

Покорнейше сообщаю, что, после того как большая часть вверенного мне правительственного округа была занята неприятелем, я с членами правительства и окружного комитета переехал в Кенигсберг. Неприятель полностью захватил районы Шталлупенена, Пилькаллена, Голдапа, Олетцко, Рагнита, большую часть Гумбинненского района. Часть Даркеменского, а в настоящий момент, вероятно, и район Тильзита...»³⁹².

...Здесь следует сказать о том, о чем нередко отечественные историки, к сожалению, умалчивают или говорят глухо, чтобы не поколебать официально признанную версию о поражении русских армий на восточнопрусских полях вследствие измены Ренненкампа. Почему-то не принимается в расчет, что в результате Гумбинненского сражения 1-я армия фактически израсходовала запасы патронов и артиллерийских снарядов. Подвоз их был крайне затруднен из-за невозможности использования для этого прусских железных дорог ввиду их узкой колеи. Кроме того, боеприпасов просто не хватало. Сказалась в целом неподготовленность России к войне, о чем накануне ее фон Ягов, статс-секретарь по иностранным делам кайзеровской Германии, писал германскому послу в Лондоне, указывая на сараевский инцидент как на подходящий повод, чтобы им воспользоваться: «Россия в настоящий момент к войне не готова, а Франция и Англия также не захотят сейчас войны»³⁹³.

Насчет Франции и Англии он заблуждался, а в отношении России был прав. Царь вступил в войну, даже не имея достаточного вооружения. Именно это, а не только срыв стратегического плана, предусматривавшего соединение в ходе наступления 1-й и 2-й русских армий, повлекло за собой катастрофиче-

ский разгром войск генерала Самсонова и их гибель в мазурских болотах, что позволило немецкому верховному командованию высвободить и перебросить значительную часть своих боевых сил из района Алленштайна (Ольштын) в Гумбинненский округ для борьбы с армией Ренненкампа.

В мемуарной литературе, у того же Людендорфа, встречаются утверждения о насилиях и жестокостях русских войск по отношению к мирному населению³⁹⁴. Подобные факты были. Иногда в ответ на действия ландштурмистов, иногда и без объяснения причин. Но все же и Людендорф вынужден был в конечном счете признать, что в «августе и сентябре многие русские части вели себя при вторжении в Восточную Пруссию образцово. Винные погреба и склады охранялись. Ренненкампа поддерживал в Инстербурге строгую дисциплину»³⁹⁵, «сурово наказывал уличенных в мародерстве, например, однажды он приказал расстрелять без суда и следствия семерых мародерствующих солдат...»³⁹⁶ Гостиницы, рестораны, магазины были открыты. Спокойная обстановка наблюдалась и в других городах. Об этом свидетельствовали и русские офицеры³⁹⁷.

...К середине августа войска Ренненкампа вышли на рубеж р. Дейма, кавалерийские дивизии заняли Фридланд, Мюльхаузен. Штаб армии расположился в Инстербурге. 24 августа 1914 г. Ренненкампа назначил губернатором Инстербурга доктора Бирфельда, до этого бывшего советником местного магистрата. За его подписью в «Восточно-немецкой народной газете» появилось объявление от 31 августа 1914 г.:

«Главкомандующий армией великий князь Николай приказал принимать рубль как платежное средство по курсу 1 р. = 2,5 марки. За отказ принимать рубли налагается штраф в 3000 марок...

Магазины должны работать с 8 часов утра до 6 часов вечера... Товары в магазинах, закрытых в указанное время, подлежат конфискации, на владельцев накладывается штраф в 3000 руб., их подвергают аресту... Запрещается поднимать цены на товары по сравнению с периодом до прихода русской армии. Штраф 3000 марок...»³⁹⁸

Но война есть война со своими беспощадными законами. Уже 27 августа был расклеен на улицах и опубликован в газете (17 сентября) суровый приказ русской комендатуры в Инстербурге:

«...Вчера вечером из дома Дренгвица на улице Банхофштрассе прогремел выстрел, вследствие этого военный комендант заявил следующее:

1. Прогремит выстрел из какого-либо дома, будет сожжен дом; прогремит еще один выстрел, будут сожжены все дома на улице; прогремит третий выстрел, будет сожжен весь город.

2. Все лица, появившиеся на улице после 8 часов вечера, независимо от пола и возраста, будут арестовываться русскими патрулями.

3. Строжайше запрещается приближаться к военным здани-

ям и складам; рекомендуется держаться по возможности дальше от прочих сооружений, перед которыми выставлены военные посты»³⁹⁹.

24 августа началось сосредоточение 8-й германской армии против армии Ренненкампа. Немецкие войска планировали нанести главный удар против левого фланга русских, выйти к среднему течению Немана и окружить 1-ю армию. Замысел немцев был своевременно разгадан, и Ренненкампф принял решение отвести армию назад. Пруссаки ликовали. Перед нами сообщение «Востоchnо-немецкой народной газеты» от 17 сентября 1914 г.: «Русские в Восточной Пруссии полностью разбиты. Отступление перешло в бегство. Армия Гинденбурга, преследуя неприятеля, уже перешла границу. Взято 10 тысяч пленных, 80 орудий, много военного снаряжения. Военные трофеи увеличиваются»⁴⁰⁰.

Бегства, конечно, не было. Был отход, что признал даже Людендорф: «Русские сумели организовать отступление...»⁴⁰¹.

С профессиональной, военной, точки зрения можно соглашаться или нет с теми или иными выводами, но, исходя из сегодняшнего понимания ситуации, надо признать: германское командование сумело в нужный момент на решающем направлении добиться значительного перевеса сил. Ренненкампф впоследствии обвинят в измене и предательстве. Конец его будет трагичен. Не успев после революции выехать за границу, он поселится в Таганроге, в маленьком деревянном домике на окраине города под именем мещанина из Витебска Ф. И. Смоковникова. В марте 1918 г. ЧК выследит бывшего генерала и пустит его, как тогда принято было говорить, «в расход» как главного виновника гибели армии Самсонова, умышленно не оказавшего ей помощи в битве под Танненбергом (Грюнвальдом) и предавшего свою армию на полях Восточной Пруссии. Каких-либо прямых доказательств измены Ренненкампфа до сих пор не обнаружено. В русской армии он имел репутацию решительного, отважного и весьма жестокого командира. Однако многие сходились на том, что его нравственный облик был не из лучших. Отрицательные качества Ренненкампфа как командующего заметили немецкие историки. Так, Фриц Гаузе характеризует его следующим образом: «Ренненкампф обладал удивительной для военачальника неспособностью правильно оценивать и подбирать себе соратников, неспособностью очистить свой штаб от нечестных элементов, поражает его равнодушие к поведению офицеров. Он мог быть хорошим солдатом, но он не был достойным командиром...»⁴⁰². Именно этими качествами, видимо, объясняется приведенный выше факт, когда Ренненкампф оставил без последствий по существу преступное поведение генерала хана Нахичеванского, демонстративно отказавшегося участвовать в сражении.

И все же нельзя полностью отрицать военные способности Ренненкампфа как командующего. Например, военные истори-

ки до сих пор не оценили должным образом его диагональный быстрый маневр 20-м армейским корпусом от р. Деймы через свои отступавшие боевые порядки на левый фланг армии к Даркемену, по сути сорвавший план выхода немцев к Среднему Неману. За несколько дней до конца операции Гинденбург, которому этот неожиданный маневр русских спутал все карты, вынужден был отказаться от своего плана. Операция пошла по затухающей линии, тем более что «разгромленная» 2-я армия русских к тому времени уже сумела привести себя в порядок и стала угрожать правому флангу немцев.

Каковы были потери войск русских и немецких? Германская сторона свои потери не раскрывает. В отношении же русских армий ничего до сих пор не ясно. Последние данные приведены в известной работе военного историка А. Строкова, который сообщает, что «общие потери в Восточной Пруссии исчислялись в 245 тысяч человек, в том числе 135 тысяч пленных»⁴⁰³.

Пленных было действительно много. Из современной литературы мы знаем о наиболее крупном в Восточной Пруссии лагере для военнопленных в Арисе (ныне территория Польши), в ряде населенных пунктов области сохранились памятники, поставленные местными жителями русским воинам, не только погибшим в бою, но и умершим от ран после боевых действий. Появляются сведения (до конца не исследованные) о пребывании русских военнопленных в Восточной Пруссии до 1920 г. Но откуда взялась цифра 135 тысяч? Видимо, до сих пор современные историки принимают на веру воспоминания генерала Людендорфа, писавшего в своих мемуарах: «Под Танненбергом (в районе действий 2-й армии) захвачено 90 000 пленных, теперь же мы насчитали 45 000»⁴⁰⁴. Получилась цифра 135 тысяч.

Она, эта цифра, и кочует по разным изданиям. Точных данных до сих пор нет. Н. Головин, например, приводит свидетельства немецких источников о 30 тысячах русских пленных, но, видимо, и эта цифра преувеличена⁴⁰⁵.

Восточно-Прусская операция завершилась для русских неудачно. Но и немцы не смогли развить успех, они остановились на русской границе. Их выигрыш армейской операции не мог идти ни в какое сравнение с провалом стратегических замыслов на французском фронте. Ошибки, допущенные германским генеральным штабом до Марнского сражения и во время его (отправка двух корпусов с правого ударного фланга немцев помогла французским и английским войскам остановить успешно наступавшие войска противника и отбросить их в ходе сражения на р. Эн), образно выражаясь, превратили сражение в Пруссии в крупнейшее стратегическое поражение.

...К концу 1914 г. окончательно была похоронена идея Шлиффена. Германское командование постепенно перешло к проведению операций хотя и крупномасштабных, но все же частного характера. Сил для действий на два фронта не хватало. Выручало инженерное оборудование театра военных действий, по-

зволявшее осуществлять массовые переброски войск в короткие сроки с одного фланга на другой. Однако подобный характер ведения боевых действий позволял разве лишь защитить собственную территорию.

Складывалась любопытная ситуация. Германская армия вытесняла русских со своей земли и тут же как бы натыкалась на стену в виде русских резервов, восстанавливавших статус-кво.

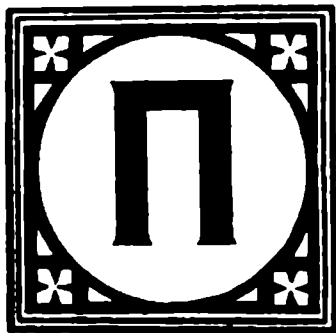
Осенью 1914 г. 10-я русская армия генерала Сиверса, вступив в Восточную Пруссию, дошла до линии Голдап — Гумбиннен — Ласденен. Здесь фронт относительно стабилизировался, и бои местного значения без особого успеха для обеих сторон шли до конца января — начала февраля 1915 г.

Нам практически ничего не известно сегодня о боях в районе Ласденена (Краснознаменска) осенью—зимой 1914—1915 гг. Даже военным историкам мало что говорит название Ласдененская операция. В отечественной литературе о ней писали, пожалуй, только однажды⁴⁰⁶. Между тем и русские, и немцы планировали здесь начало нового крупномасштабного наступления с решительными целями для обеих сторон. В тяжелых условиях шло сосредоточение сил. Зима характеризовалась внезапными переходами от оттепелей к сильным морозам со снежными вьюгами. Река Шешупе замерзла, большие сугробы затрудняли передвижение людей и конницы.

Непосредственно на территории нынешней области действовала Вержболовская группа войск 10-й армии под командованием уже известного нам генерала Епанчина. Фронт был явно растянут, правый фланг группы упирался в обширные ласдененские леса. В этих условиях в декабре 1914 г. начались бои за Ласденен.

До нашего времени сохранился небольшой мостик через р. Инстер на шоссе Краснознаменск — Добровольск. Здесь совершил свой подвиг ротмистр В. Бушнев, командир эскадрона 3-го уланского Смоленского полка. Объект прикрывался немецкими пулеметами, казалось, к нему невозможно пробиться. Бушнев лично повел в атаку спешившихся кавалеристов. Мост был взят, но ротмистр погиб⁴⁰⁷. В предыдущих боях он успел заслужить три ордена — факт сам по себе любопытный, ибо в ходе неудачных боев награды даются не часто.

Обнаружив подготовку русских войск к наступлению в направлении Ласденен — Инстербург, германское командование сумело подготовить мощное контрнаступление. Дальнейшие события разворачивались не в пользу русских, испытывавших недостаток снарядов и патронов. На исходе февраля 1915 г. генерал Епанчин начал отвод группы от Ласденена к Ширвиндту, оставив Шталлупенен. 8-я германская армия генерала фон Бюлова вышла на границу с Россией. Это были последние сражения первой мировой войны на территории Восточной Пруссии.

ервая мировая война
нанесла Восточной
Пруссии огромный
урон. Это не удивитель-

но, так как провинция была единственной немецкой территорией, на которой происходили боевые действия. Общий ущерб составил 1,5 миллиарда марок. Разрушениям разной степени подверглись 39 городов и 1900 сельских пунктов⁴⁰⁸. Особенно пострадали ее восточные районы. Здесь были полностью разрушены Эйдткунен, Даркемен, Ширвиндт, сильно пострадали Шталлупенен, Пилькаллен, многие деревни, хутора. В Ширвиндте, имевшем до войны 1350 жителей, остались десятки, из 118 домов уцелели только 4, из 195 хозяйственных построек — 19⁴⁰⁹. Рухнула кирха, построенная по проекту архитектора Штюлера, автора нового здания университета в Кенигсберге.

Местные власти сразу же приступили к ликвидации последствий войны. Провинции помогли города из глубинных районов Германии рабочей силой, строительными материалами и продовольствием. Например, Ширвиндту оказывал помощь Бремен. Разрушения были ликвидированы в основном в 1916 г. И хотя Восточная Пруссия продолжала еще оставаться прифронтовой провинцией, мирная жизнь в ней постепенно налаживалась.

...Версальский договор оказался для провинции столь же тяжелым, как и для всей Германии. Победители решили уменьшить ее территорию. Мемельский район и сам г. Мемель были переданы под управление Лиги Наций и с 1920 по 1923 гг. оккупированы французскими войсками. Но в конце января 1923 г. в Мемеле вспыхнуло восстание с требованием воссоединения с Литвой. Литовское правительство официально поддержало восставших.

16 февраля конференция послов в Лиге Наций, поставленная в трудную ситуацию, приняла положительное решение, на основании которого 8 мая 1924 г. в Париже была подписана конвенция, устанавливавшая широкую автономию области в составе Литвы. Кроме того, от Восточной Пруссии отделили область Зольдау. Среди населения районов Мариенвердер и Алленштайн предусматривалось проведение плебисцитов по вопросу их государственной принадлежности. Однако эти южные районы Восточной Пруссии так и не отошли к Польше.

Плебисцит был проведен 11 июля 1920 г. межсоюзнической комиссией. Вопрос стоял так: «Желаете ли вы принять решение в пользу Польши или Восточной Пруссии?» Голосование проводилось по двум округам: Ольштынскому и Квидзинскому.

В Ольштынском округе в плебисците участвовало около 88 процентов от списочного состава избирателей. Более 363 тысяч человек проголосовали за Восточную Пруссию, около 8 тысяч — за Польшу. В Квидзинском округе к урнам явилось 83 процента избирателей. Их голоса распределились так: за Восточную Пруссию — 96 923, за Польшу — 8 818. В целом 84,3 процента населения двух округов проголосовали за вхождение в Восточную Пруссию⁴¹⁰. 12 августа 1920 г. посольская конвенция вынесла решение о присоединении плебисцитных районов к немецкому рейху. Они составили восточнопруссский административный округ Мариенвердер.

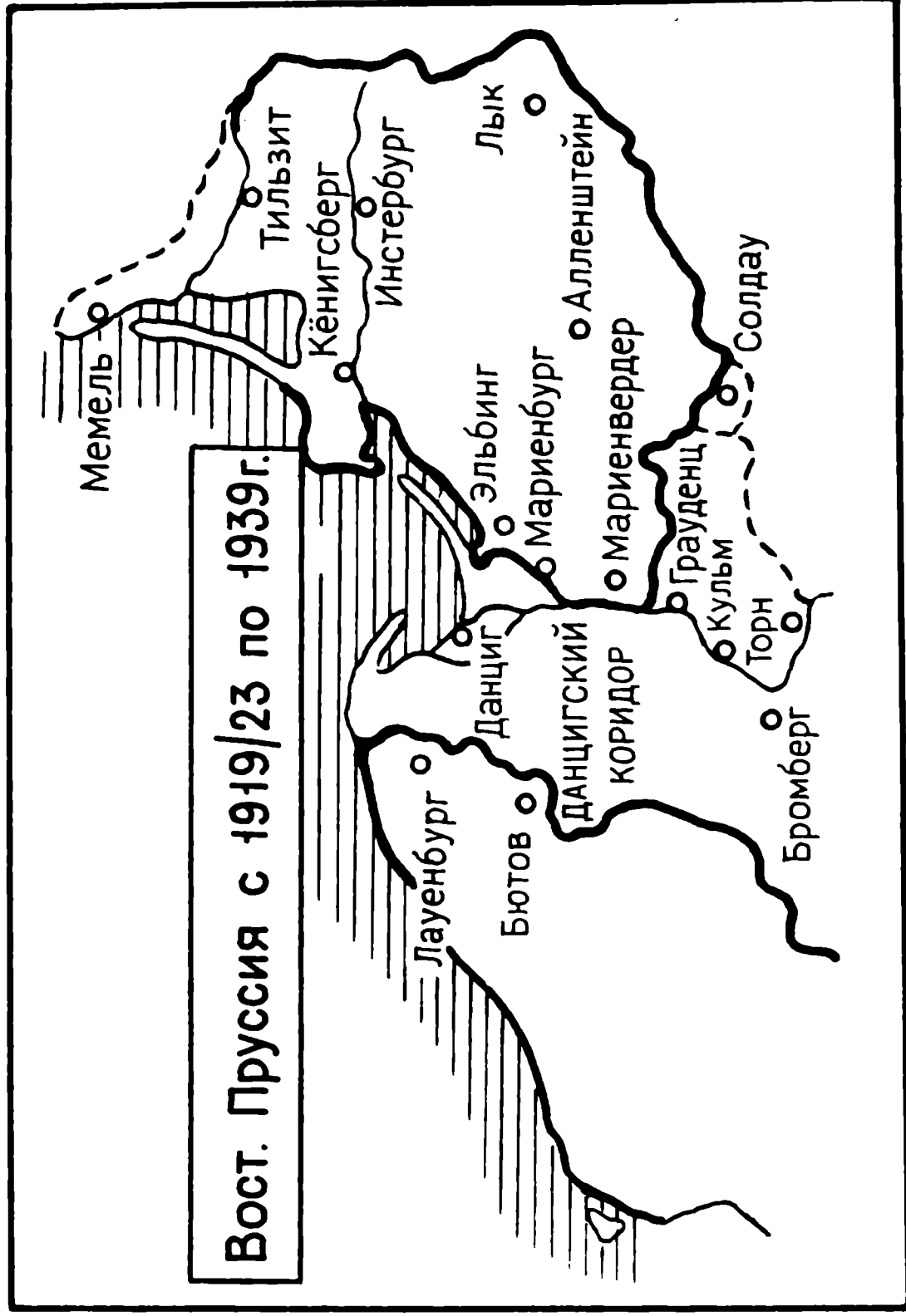
В целом Восточная Пруссия потеряла около 315 000 гектаров площади и 166 тысяч своих прежних граждан. Протяженность ее границ с соседними государствами выросла с 637,2 километра до 854 километров. Провинция оказалась отрезанной от остальной части Германии. Новое «островное» ее положение привело к изоляции от земель, с которыми она имела тесные экономические связи.

Потрясения первой мировой войны, обострение общественно-политических и национальных противоречий в Германии, Польше и Литве, разрыв экономических связей с государствами-соседами нарушили историческую традицию открытости Восточной Пруссии, что послужило питательной почвой для недовольства значительной части населения края.

Сильно подогрел общественно-политическую ситуацию в Восточной Пруссии «пасхальный манифест» кайзера Вильгельма II в апреле 1917 г. о его намерении осуществить демократизацию избирательной системы в рейхе. Манифест расколол восточнопрусское общество на различные политические группировки. Реакционные и консервативные противники манифеста образовали Новую отечественную партию во главе с директором земельного банка Каппом и гросс-адмиралом А. фон Тирпицем. От имени новой партии обер-бургомистры Кенигсберга, Тильзита и Алленштайна, представители высшего чиновничества, крупных дворян и промышленников подписали воззвание к населению с призывом бойкотировать манифест. Всего подписавшихся оказалось 21 человек, и по ним можно было судить о социальном составе партии.

Манифест вызвал недовольство и левых радикалов, настаивавших в свою очередь на немедленных революционных преобразованиях. В городах Восточной Пруссии стали распространяться листовки союзов «Спартак» с антивоенными и революционными призывами. Весной — летом вспыхнули волнения крестьян, в ряде мест сопровождавшиеся погромами продовольственных магазинов. Во второй половине ноября 1917 г. прошли митинги и собрания рабочих железной дороги и вагоноремонтных мастерских Кенигсберга. Через месяц в городе состоялась многотысячная демонстрация в ответ на убийство двух социал-демократов из группы «Спартак». Политическая напряженность

Вост. Пруссия с 1919/23 по 1939г.

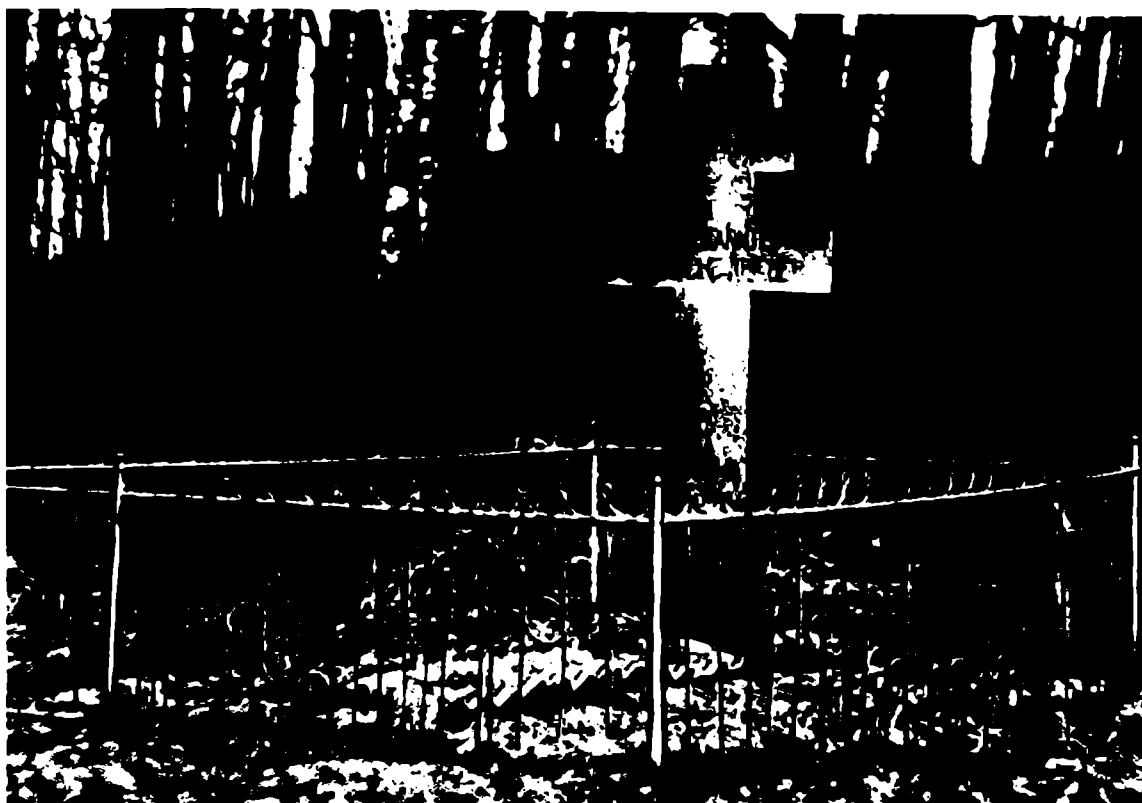
Командующий 1-й русской ар-
мией генерал П. К. Реннен-
кампф

Командующий 2-й русской ар-
мией генерал А. В. Самсонов

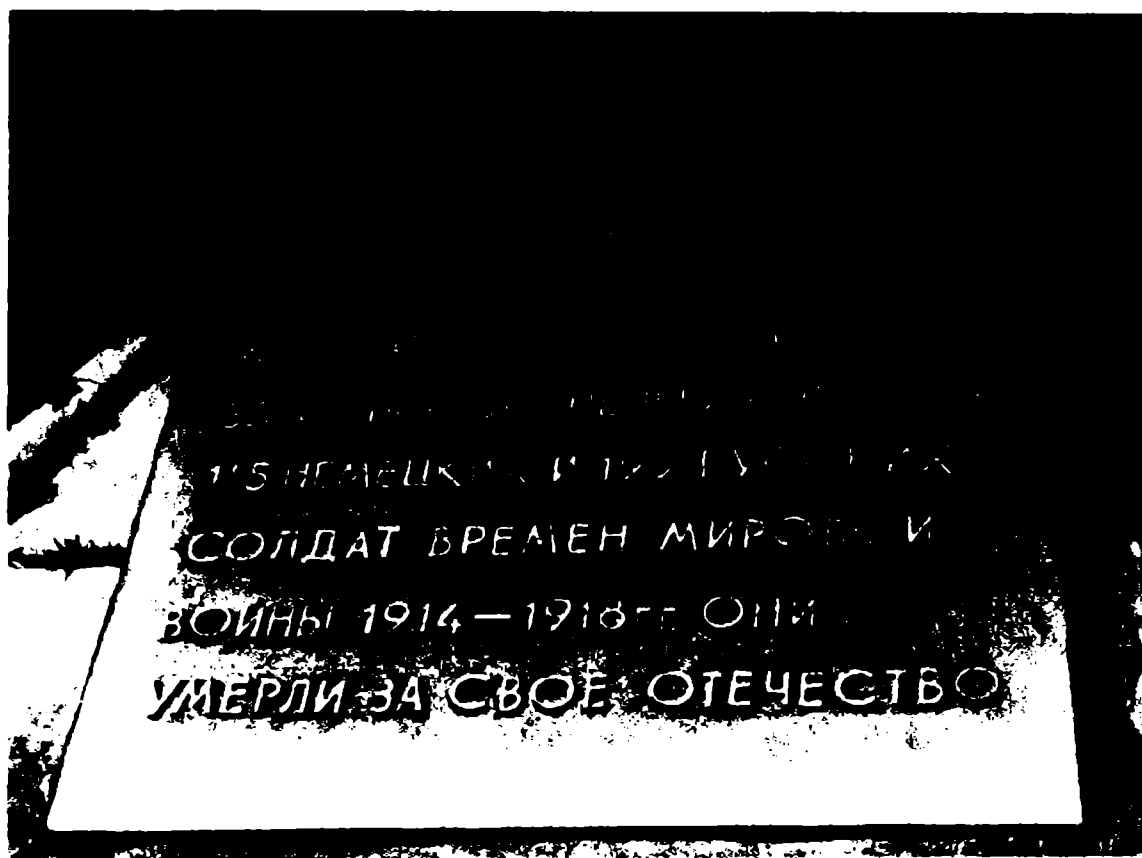
Русская артиллерия перед выездом на позиции. На лафете
(сидит) ротмистр, впоследствии генерал П. Н. Врангель

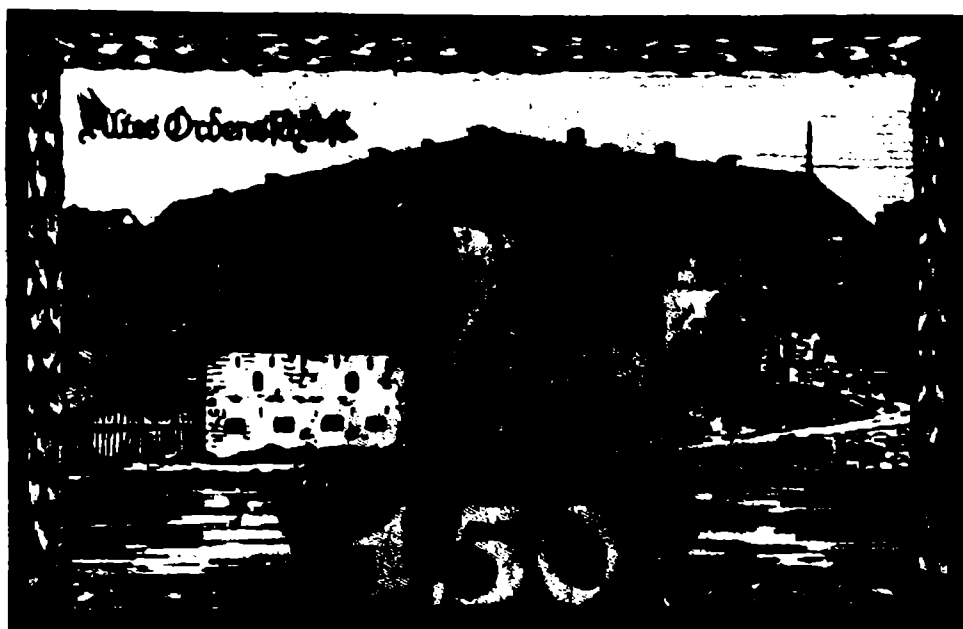
Памятник героям первой мировой войны, поставленный в 20-х годах в г. Ласденен (ныне г. Краснознаменск)

Современное надгробие на могиле героев первой мировой войны в пос. Кубановка (бывшая Бракупёнен)

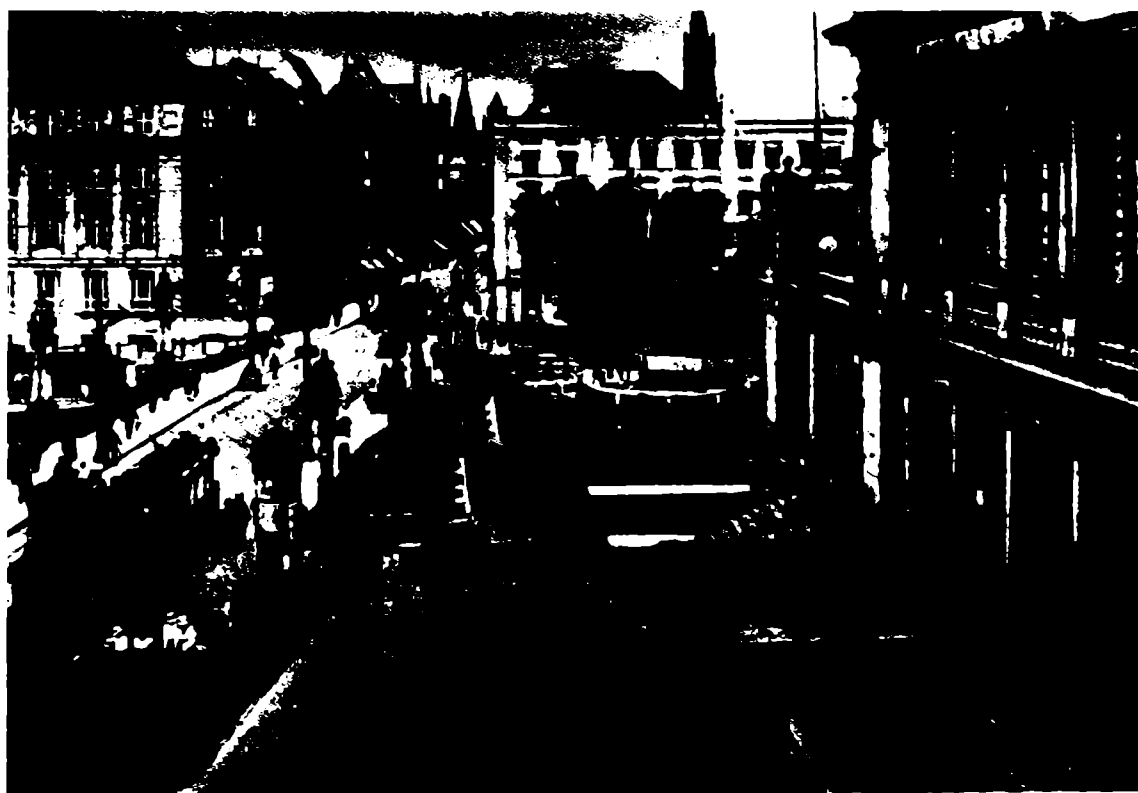

Здание биржи в Кенигсберге. Вид с северо-запада. Фото 30-х годов XX в.

Замок Инстербург на восточнопрусской боне.
Особая местная банкнота 20-х годов XX в.

Западный фасад биржи в Кенигсберге. Фото начала XX в.

Художник Ловис Коринт

Кэте Кольвиц. Автопортрет

неуклонно нарастала, что отражало общую тенденцию развития событий в рейхе.

Самое крупное выступление трудящихся Кенигсберга произошло в январе 1918 г., когда состоялась всеобщая политическая забастовка. Имперское правительство ввело в город войска, блокировавшие крупные промышленные предприятия. Обострилась ситуация на селе. Реакционные силы пытались сохранить свой контроль над крестьянством. Через газету «Союз сельских хозяйств Восточной Пруссии» юнкеры обрабатывали мелких хозяев в поддержку монархии Гогенцоллернов. 7 ноября крупные землевладельцы провинции обратились с воззванием к правительству пойти на уступки крестьянам (раздать им часть угодий), чтобы сохранить дворянские привилегии. Юнкерство страшило растущая озлобленность крестьян и их радикализм. Характерным в этом отношении было «Письмо двадцати солдат» (бывших крестьян Восточной Пруссии), в котором звучал ультиматум: «Мы поддерживаем теперешнее правительство. Но если мы не получим земли под картофель, мы тоже станем большевиками»⁴¹¹. Видимо, прусские солдаты неплохо были осведомлены о событиях в России, о программе большевиков.

Главные революционные события в Восточной Пруссии, как и по всей Германии, развернулись в ноябре 1918 г. В их водоворот втягивались все новые и новые слои населения. Поднялся флот. Один из руководителей революционных моряков Макс Рейхниц выдвинул лозунг — «разорвать цепи по русскому образцу»⁴¹². Повсеместно начались выборы в Советы рабочих и солдатских депутатов. 10 ноября в Кенигсберге состоялось последнее заседание магистрата, на котором обер-бургомистр З. Кёрте, лидер правой партии «Защита отечества», вынужден был передать власть восточнопрусскому провинциальному Совету рабочих и солдатских депутатов.

В составе Совета не было единства взглядов на задачи и методы революции. Местные руководители группы «Спартак» ориентировались на опыт российских большевиков, намеревались использовать их методы борьбы и стремились установить связь с Россией. По их инициативе в конце ноября 1918 г. были созданы отряды военно-морской народной обороны, насчитывавшие около 1000 человек, с целью защиты и углубления революции. Это крыло поддерживало постоянные контакты с берлинскими лидерами союза «Спартак». 29 декабря его представители приняли участие в общегерманской конференции союза.

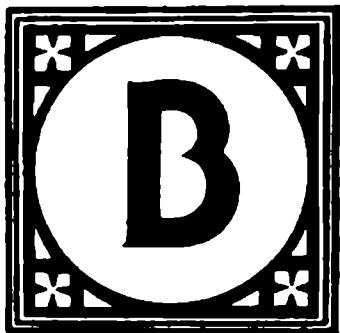
Другая часть Советов выступала за сотрудничество со старой администрацией, в частности, с обер-президентом провинции фон Батоцки. В результате высшие военные и гражданские чины оставались на своих местах, хотя их деятельность находилась под контролем новой власти. Смена полицей-президента произошла лишь в июле 1919 г. На эту должность пришел социал-демократ И. Любринг.

19 января 1919 г. в провинции прошли выборы в Националь-

ное собрание Германии, а 26 января — в прусское провинциальное собрание. 2 марта состоялись выборы городских депутатов. Местные организации союза «Спартак» призывали население бойкотировать выборы, но потерпели неудачу. На городских выборах независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ) завоевала 29 мест; социалистическая партия Германии (СПГ) — 21; немецкая народная партия — 20; демократы — 17; германские националисты — 8, и 3 места оказалось у центристов⁴¹³. Политическая инициатива перешла к правым социалистам, взявшим курс на ограничение революции буржуазными рамками. Имперским и государственным комиссаром был назначен Август Виннинг, враждебно настроенный к революционным лозунгам союза «Спартак». Попытка восстания, предпринятая революционными организациями, потерпела неудачу. 4—5 марта восставшие были выбиты войсками Виннинга из казарм Литовского вала.

После этого поражения в Кенигсберге и в других городах Восточной Пруссии начались репрессии. Были ликвидированы отряды народной обороны. Медленно революция отступала. Страсти постепенно улеглись, войдя в русло обычных экономических требований.

МЕСТО ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Восточная Пруссия, отделенная Версальским договором от Германии, попала в сложное

положение. Будучи по величине на третьем месте среди прусских провинций и на седьмом по численности населения (1925 г. — 2 256 349 жителей), она столкнулась с большими экономическими трудностями.

Оборвалось транзитное русское транспортное и товарное сообщение — важнейший источник доходов. До первой мировой войны Кенигсберг обслуживал громадные российские районы. Через столицу Восточной Пруссии шли русские товары из двадцати двух губерний: Ковенской, Виленской, Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской, а также из Подольской, Киевской, Харьковской, Полтавской, Курской, Воронежской, Орловской, частично из Рязанской, Тульской, Костромской, Владимирской, Саратовской и других. Зерно и семена поступали в

Кенигсберг железнодорожным путем через пограничные станции Вержболово и Граево. Часть зерна в Кенигсберге перегружалась на пароходы и морем направлялась в другие страны или в глубь Германии, часть использовалась в провинции. Вся эта четко налаженная система перевозок оказалась разрушенной. Общий тоннаж товаров, проходивших через кенигсбергский порт и составлявший в 1913 г. 1 745 600 тонн в год, резко упал. Зерновой экспорт Восточной Пруссии сократился с 452 тысяч тонн в 1912 г. до 216 тысяч тонн в 1923 г.⁴¹⁴. Фрахтовые цены приносили миллионные убытки. Рост транспортных расходов неминуемо повлек за собой удорожание сырья и товаров. Стоимость угля в Кенигсберге была вдвое выше, чем в соседнем Данциге. Поступление древесины для лесопильной промышленности фактически прекратилось.

По Версальскому договору на германский рейх накладывались огромные репарационные платежи (хотя так и не определенные точно). Поэтому ни империя, ни Пруссия не в состоянии были в первые послевоенные годы оказать провинции ощутимую финансовую помощь. Это загоняло экономику в тупик. Кроме того, внутри и вокруг отрезанных от империи земель возникла довольно напряженная политическая ситуация, связанная с серьезными территориальными притязаниями со стороны Польши.

В ответ на угрозу политическая и военная элита Восточной и Западной Пруссии во второй половине 1919 г. выдвинула проект самостоятельного восточного государства, чтобы военными средствами ответить на амбиции соседней страны. Инициатор этого проекта восточнопруссский президент фон Батоцки после того, как отдельные польские отряды кое-где проникли в провинцию, вынужден был ухватиться за идею конфедерации с Польшей⁴¹⁵. Все это облекалось в форму тонких политических и дипломатических обоснований, не дающих повода державам-победительницам привлечь к ответственности имперское правительство за своевольные действия в нарушение Версальских соглашений.

Реализация указанных планов натолкнулась на резкие возражения высшего военного командования, так как не отвечала целям внешней политики рейха, согласно которым Восточная Пруссия при любых обстоятельствах должна была оставаться немецкой территорией. Восточнопруссские политики попросту впали в маниловщину, ибо разрешение спора с Польшей (и Литвой) с помощью военной силы в условиях Веймарской республики было невозможным ввиду предусмотренного Версальем разоружения Германии.

Для нейтрализации польских территориальных притязаний и решения других восточнопруссских проблем «было принято решение о создании центральной службы для обработки всех восточных вопросов под руководством прусского государственного министерства...» Эта служба 20 апреля 1920 г. получила наи-

менование «Восточнопрусская служба при имперском и государственном министерстве»⁴¹⁶.

28 апреля 1920 г. правительство назначило «осведомленного о делах Восточной Пруссии чиновника в качестве представителя обер-президента Восточной Пруссии при имперском и государственном министерстве для соблюдения особых восточно-пруссских интересов». С учетом этих интересов рейх и Пруссия дипломатическим путем улаживали отношения с Польшей и сглаживали противоречия с самой провинцией. Восточная Пруссия стала получать финансовую помощь, которая суммировалась и координировалась в программе «Восточная Пруссия».

Оторванность провинции от рейха и Пруссии не мешала ее общественным и военным кругам реагировать на бурные политические события в центре, хотя иногда они не очень ясно представляли себе в деталях, что там происходит, какие процессы и какие фигуры за ними скрываются. Когда Вольфганг Капп в союзе с генералом фон Литвиц подняли в марте 1920 г. путч в Берлине с целью захвата власти, обер-президент Восточной Пруссии (с 1 июля 1919 г.) социал-демократ Август Виннинг, лично не одобряя заговорщиков, вынужден был занять под влиянием местных военных (прежде всего командующего 1-м армейским корпусом в Кенигсберге генерала фон Эсторфа) и из-за отсутствия точной информации двусмысленную позицию: ни поддержки, ни протеста. Такая позиция оказалась наиболее взвешенной, позволившей после провала путча сохранить Виннингу доверие к себе значительных слоев населения провинции. Тем не менее в целях полной стабилизации общественного мнения Виннинга заменили Арнольдом Хассе. Были смещены со своих мест военное командование провинции, большинство провинциальных советников, ландраты в Кенигсберге, Хайлигенбайле, Морунгене, Велау и ряд других чиновников. С 1 апреля 1920 г. обер-президентом Восточной и Западной Пруссии стал инстербургский адвокат Эрнст Зир.

В 1922 г. в Раппало между Германией и СССР были восстановлены дипломатические отношения. У Восточной Пруссии вновь на востоке появился важный хозяйственный партнер. В том же году Советская Россия впервые приняла участие в учрежденной в Кенигсберге Германской восточной ярмарке, представив экспозиции русских экспортных товаров. В большом здании Дома техники предприниматели Кенигсберга и других городов демонстрировали в действии машины, агрегаты, оборудование, планируемые для продажи на Восток.

Деятельность ярмарки подтолкнула пруссаков к созданию «Экономического института России и восточных государств», ставшего важным центром информации, необходимой для развития торговли.

Политические события не заслоняли от руководства и населения провинции главного — необходимости экономического возрождения края после разорительного военного лихолетия.

Спад промышленного и сельскохозяйственного производства сопровождался снижением предпринимательской активности. В очень трудном положении находились вагонзавод «Штайнфурт», литейное предприятие «Унион-Гисерай», верфь «Шихау», кенигсбергский мельзавод. Количество рабочих, занятых в промышленности и ремесле, уменьшилось. Кризис переживало большинство крупных предприятий за исключением целлюлозно-бумажной промышленности. Параллельно шло падение сельского хозяйства. Началась миграция населения в западные провинции Пруссии и рейха, что ослабило общие позиции немцев на востоке.

Таким образом, в Восточной Пруссии требовалось не только остановить упадок хозяйственной жизни, но и активно проводить традиционную политику ее заселения, в частности, создавать новые крестьянские владения путем продажи или передачи в аренду всем желающим государственных земель (доменов), пустошей и болотистых местностей, находившихся в частной собственности, но длительное время не подвергавшихся окультуриванию, скупки имений, пришедших в упадок. Для практического руководства решением этих вопросов 11 августа 1919 г. был издан имперский закон и создана специальная комиссия. Ее деятельность не впечатляла, но все-таки принесла некоторую пользу. Только в округе Кенигсберг с 1923 г. по 1931 г. появилось 4 276 новых крестьянских хозяйств, получивших в аренду или купивших 37 428 гектаров земли.

Экономические соображения при разработке политики заселения заключались в том, чтобы придать устойчивость и динамизм сельскому хозяйству. После потерь Германией Познани, части Западной Пруссии, Эльзас — Лотарингии в условиях общего аграрного кризиса на Восточную Пруссию возлагались большие надежды как на важнейший район по поставке продовольствия. Кроме того, учитывалось, что сельское хозяйство составляло основную отрасль экономики провинции. На селе жила большая часть ее населения (57 процентов). Но при этом оставалось немало неосвоенных или плохо используемых земель. Плотность населения была одной из самых низких в республике (на 1 квадратный километр 63 человека в Восточной Пруссии и 136 — в остальной Пруссии. Данные 1925 г.)⁴¹⁷. С целью активного закрепления поселенцев на земле и привлечения новых с 1 августа 1923 г. им предоставлялись беспроцентные ссуды (на приобретение или на обустройство) сроком на десять лет с продлением до двадцати лет. Среди поселенцев преобладали рабочие лесного хозяйства, сельские ремесленники и сельскохозяйственные рабочие, а также беженцы из отторгнутых восточных районов Германии.

Тяжелую ситуацию в аграрном секторе примерно до середины двадцатых годов никак не удавалось стабилизировать. Основная масса сельхозпроизводителей остро нуждалась в кредитах, даваемых под большие проценты. Несколько лет наблюда-

лись крайне неблагоприятные для земледельцев погодные условия. В 1924 г. урожай зерновых почти погиб, удалось собрать немногим более затраченных семян. Это обстоятельство побудило прусское министерство финансов установить некоторые налоговые льготы для аграрного сектора, но эта мера оказалась недействительной. В 1925 г. наводнение снова погубило значительную часть урожая. Например, в районе Лабиау (Полесск) паводок уничтожил четвертую часть посевов ячменя, от 60 до 70 процентов посадок картофеля. К тому же вспыхнула эпидемия ящура, что привело к вынужденному забою большого количества скота, снижению его продуктивности. Не принес улучшений и следующий 1926 г., также ставший неурожайным.

В этих условиях имперское правительство решило выделить Восточной Пруссии в качестве кредитов 3,28 миллиона рейхсмарок. В округе Кенигсберг эти деньги использовались на закупку сельхозмашин, семян, на организацию курсов повышения квалификации. Часть кредита пошла на оказание помощи рыбакам, промышлявшим в Куршском заливе, на закупку рыболовных снастей. Но все это служило лишь временной поддержкой. Требовалась более серьезная помощь.

К тому времени нажим стран Антанты на рейх был ослаблен. В 1924 г. под видом регулирования репарационных платежей (план Дауэса) немецкий капитал получил значительное финансовое облегчение*. Это позволило увеличить объемы инвестиций в экономику. 7 февраля 1928 г. имперское правительство приняло решение — направить на оздоровление аграрного сектора Восточной Пруссии 75 миллионов рейхсмарок⁴¹⁸. Кроме того, правительство разработало специальную программу кредитования мелких крестьянских хозяйств.

С целью подведения правовой базы под эти меры был обнародован «Закон об экономической помощи Восточной Пруссии». Он предусматривал ежегодную дотацию в течение трех лет (1929, 1930, 1931 гг.) сельскому хозяйству провинции на транспортные перевозки в размере десяти миллионов рейхсмарок, на развитие коммунальных служб на селе — семь миллионов рейхсмарок, кредиты на погашение долгов в сумме пятидесяти миллионов рейхсмарок. Для мелких и средних хозяйств выделялись кредиты в сумме пятнадцати миллионов рейхсмарок (на приобретение сельхозвладений). Закон предусматривал также выделение восьми миллионов рейхсмарок на предотвращение банкротств сельхозпроизводителей⁴¹⁹. Всего за время существования правительства социал-демократа Г. Мюллера восточнопруссские землевладельцы получили 350 миллионов рейхсмарок помощи⁴²⁰.

Большая часть денежных субсидий выдавалась безвозмездно: «на аннулирование процентов по займам», «на финанси-

* В 1932 г. Лозаннская конференция аннулировала все германские долги.

вание зерновых хозяйств» и т. д. Из каждых ста миллионов марок «восточной помощи» в 1931 г. только 0,08 процента получили крестьянские хозяйства с наделом земли до пяти гектаров. 3,84 процента общей суммы достались собственникам земли от пяти до двадцати гектаров. Львиную долю помощи (96,08 процента) получили хозяйства, имевшие от двадцати и выше гектаров земли.

Из 1727 крупных поместий Германии, с земельной площадью свыше 1000 гектаров, 1164 приходилось на долю Восточной Пруссии. Именно преобладание крупных капиталистических сельскохозяйственных производителей позволяло пруссакам использовать на земле передовую технику и технологию и научную организацию труда. Крупные хозяйства давали основную товарную продукцию. Правительство, выделяя централизованную финансовую помощь, не могло этого не учитывать.

Денежные вливания облегчили положение аграриев. Им удалось сохранить средний довоенный уровень урожайности основных сельскохозяйственных культур, а по отдельным их видам (ячменю, картофелю) превзойти его. Окрепла животноводческая база. Тем не менее ожидаемого крутого подъема в сельском хозяйстве не наступало, а неурожай 1931 г. снова поставил сельхозпроизводителей на грань краха и неплатежеспособности. Понадобилась серия дополнительных мер по линии правительства (отсрочка платежей, льготы в сфере отчислений, понижение процентных ставок по кредитам, прямые дотации и т. п.), чтобы избежать худшего.

Постепенно кризис преодолевался. Наметился рост урожайности сельскохозяйственных культур. И хотя урожайность была ниже, чем по стране, однако на душу населения в 1936 г. приходилось: ржи — 263 килограмма, пшеницы — 69 килограммов, овса — 123 килограмма, ячменя — 57 килограммов, картофеля — 1075 килограммов. Показатели по тем временам внушительные.

Более успешно шли дела в промышленности. В январе 1927 г. имперское правительство приняло специальную программу содействия мелким и средним предприятиям Восточной Пруссии. Им были предоставлены кредиты на общую сумму 1 миллион 25 тысяч рейхсмарок. Дополнительно 800 тысяч рейхсмарок выделил Прусский государственный банк. Получили специальную кредитную поддержку деревообрабатывающая и мукомольная промышленности⁴²¹. Однако не обошлось без крупных неприятностей. Из-за нехватки заказов обанкротилось старейшее предприятие — завод-союз, ставший обладателем лишь части верфи «Шихау» в Эльблонге. Только через пять лет заново перестроенный в завод по производству вооружений, он снова встал на ноги. Больше повезло вагонзаводу «Штайнфурт», которому была передана часть заказа другого подобного завода, расположенного в Кельне, на производство 148 железнодорожных вагонов, что спасло его от банкротства.

Вынашивались планы (правда, не очень удачные) создания в провинции новых предприятий и даже отраслей с целью ликвидации безработицы и противодействия миграции населения. Была попытка разместить в Восточной Пруссии крупную фабрику искусственного шелка по договоренности с голландским концерном, но из-за финансовых трудностей проект этот не увенчался успехом. Зато расширили производство мебели, они начали выпускать спички. Возросла выработка целлюлозы — основной продукции целлюлозно-бумажных комбинатов.

В прямой зависимости от целлюлозно-бумажной промышленности находилась сульфитно-спиртовая отрасль. Она работала на отходах целлюлозной промышленности, являлась органичной частью последней и принадлежала одним и тем же владельцам. Всего при целлюлозно-бумажных комбинатах имелось четыре сульфитно-спиртовых завода. Выпуск продукции этих предприятий определялся масштабами работы целлюлозно-бумажных комбинатов. Основная часть сырья для них поступала из России, но Восточная Пруссия имела свою лесную промышленность. Согласно немецким источникам, запасы леса только на территории нынешней Калининградской области составляли 54 миллиона кубометров. Ежегодная же вырубка была разумной — чуть больше одного миллиона кубометров. Лесное хозяйство провинции находилось на высоком уровне, чем обеспечивалось сохранение лесов в культурном состоянии. Показательно, что случаи лесных пожаров в Восточной Пруссии совершенно отсутствовали.

В пищевой промышленности провинции по-прежнему видное место занимало пивоваренное производство. На ее территории находились 11 пивоваренных заводов. Кроме этих предприятий действовали спиртоводочный завод в Кенигсберге, маргариновый завод (мощностью 20 тонн маргарина в сутки) в Велау, дрожжевой завод в Тильзите. Существовали также четыре предприятия по переработке мяса.

Промышленная и торговая палата Восточной Пруссии старалась защитить приоритет местных производителей, страдавших от конкуренции с «пришлыми» фирмами, при размещении выгодных государственных заказов. Это не всегда удавалось, но благоприятно отражалось на солидарности предпринимателей и управленцев перед их общими проблемами.

Меры по оказанию помощи промышленности Восточной Пруссии укрепили ее позиции. Рост производства наблюдался в основных индустриальных центрах провинции: Кенигсберге, Инстербурге, Тильзите. В 1929 г. в Восточной Пруссии действовало 42 891 предприятие. Ведущими отраслями оставались деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная, металлообрабатывающая, пищевая промышленность, машиностроение.

С потерей Данцига и Мемеля обрел новое дыхание кенигсбергский морской порт. Государство взяло на себя решение вопросов его модернизации и расширения. Здесь были построе-

ны крупнейшие в Европе зерносклады, появились новые краны, холодильники. Пополнился портфлот. В систему портового хозяйства вошли железнодорожная станция, новые подъездные пути.

Некоторые положительные сдвиги в хозяйственной сфере не могли коренным образом повлиять на оздоровление деловой жизни провинции. Серьезные неурядицы и трудности в экономике продолжались. Росла безработица. Запреты, установленные Версальским договором, к тому же раздуваемые прессой как единственная причина бедственного положения немцев, настойчивое повторение в бесчисленных статьях и речах тезисов «о коварстве победителей», «о ноже в спину» усиливали настроения униженности и оскорбленности. В этих условиях хотя и медленно, но росли ряды сторонников идеи силового «оздоровления», возрождения национальной гордости, восстановления прежней немецкой славы и... прежних границ. Все более привлекательными становились листовки и плакаты НСРПГ (национал-социалистическая рабочая партия Германии), направленные против правительства Брюнинга. Робкая борьба, которая велась с фашистской пропагандой и агитацией, лишь поощряла сторонников нацизма. В 1932 г. решением рейхспрезидента Пруссии были сняты все ограничительные меры на деятельность нацистской партии, а уставшие от постоянной борьбы с нуждой трудящиеся, мелкая колеблющаяся буржуазия, растерявшаяся интеллигенция ждали какого-то чуда, безымянного мессию, который выведет их на широкую и светлую дорогу. В результате появился Гитлер.

Конечно, за этим схематичным объяснением кроются более глубокие причины возникновения фашизма в Германии. Коротко можно сказать, что фашизм — это крупное социальное явление, которое было порождено экономическим катаклизмом, охватившим страну после Версальского договора и революции, когда большинство ее населения оказалось на грани выживания. На этом фоне появились жесткие силы, поставившие целью захватить власть с помощью безудержной демагогии, обещаний народу быстрого материального процветания и восстановления национального достоинства.

Х

ФАШИЗМ И ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ

ПОЯВЛЕНИЕ ЗЛОВЕЩЕЙ ФИГУРЫ КОХА И НАСАЖДЕНИЕ НАЦИЗМА

ационал - социалистическое движение в самом начале его развития не получило в Во-

сточной Пруссии значительного резонанса и распространения. Показательно, что в руководстве НСРПГ не было ни одного выходца из этой провинции Германии. Кроме того, духовное лидерство здесь долго удерживали церковные круги, в которых были признанные авторитеты. Следует выделить деятельность генерального суперинтенданта с 1917 г. доктора Пауля Генриха и приехавшего в Кенигсберг в 1923 г. силезца Ганса Иоахима Иванды. В 1932 г. Иванд стал инспектором проповеднического семинара, в рамках которого выступал с резким осуждением идеологии национал-социалистов, за что в 1937 г. был выслан из провинции.

В то же время мировой экономический кризис, не обошедший стороной и Восточную Пруссию, предвещал неминуемые изменения в политической жизни провинции. С 1929 по 1933 гг. только в Кенигсберге обанкротились 513 предприятий и фирм, число безработных достигло 102 тысяч человек. Кризис производства дополнялся финансовым кризисом. Долг города вырос с 25 до 87 миллионов марок.

К началу 1933 г. Кенигсберг фактически стоял на грани финансового краха ⁴²². В этих сложных условиях влияние НСРПГ стало быстро усиливаться, а ее пропаганда находила отзывчивую аудиторию и обеспечивала постоянный приток новых сторонников партии. Нацисты выработали последовательные и простые догматы, понятные и близкие всем. Версальский договор, поражение Германии в войне, которую она же сама развязала, перепугали и повергли в уныние не только крупную буржуазию и юнкеров, но и мелких предпринимателей, торговцев,

чиновников, зажиточных крестьян. А тут еще появились Советы, «Союз Спартака», «бунтующая чернь». Не удивительно, что идея быстрого возрождения немецкой нации, провозглашенная Гитлером и его партией, казалась живительным бальзамом. Навязчивые лозунги о необходимости «жизненного пространства» для немцев в Европе и за ее пределами, о верховенстве германского народа над другими, якобы физически и морально вырождающимися, о защите чистоты самой немецкой нации от примесей чужой крови (особенно еврейской), о высоком общественно-биологическом значении войны как фактора отбора и воспитания — все это не казалось бредовыми идеями.

Наиболее благоприятную почву национал-социалисты находили в маленьких городках юга провинции, устойчивая жизнь которых оказалась разрушенной экономическим кризисом, и немало людей в них были выбиты из привычной колеи.

В сентябре 1928 г. в Восточную Пруссию из Мюнхена прибыл Эрих Кох и развил бурную деятельность по созданию местной организации нацистской партии. С 1930 г. в Кенигсберге началось издание нацистского печатного органа «Прусская газета». В июле 1933 г. Э. Кох стал гауляйтером Восточной Пруссии, а вскоре добился отставки обер-президента Вильгельма Кучера и занял его место.

В общественно-политической жизни начались серьезные перемены. Уже через год после прихода к власти нацистов многие значительные восточнопруссские газеты были запрещены, в том числе старейшая «Гартунговская газета», в последнем номере которой была опубликована статья Томаса Манна. К концу 1933 г. из семи кенигсбергских газет остались три. Все службы, учреждения, вузы и школы, печать, радио приспособлялись к нацистским взглядам. В невиданных масштабах было выплеснуто на сознание обывателя мощное идеологическое горючее — национал-шовинизм и партийное доктринерство. В школы поступило строгое распоряжение, запрещавшее оценивать знания «учеников-арийцев» ниже, чем «неарийцев».

Обучение и воспитание подрастающего поколения резко политизировалось. В Хуфенской гимназии, например, в 1934—1935 учебном году школьникам давались для сочинений сугубо «патриотические» темы: «Какие возможности предлагаются мне как ученику для участия в строительстве под руководством фюрера», «Разговор между СА — солдатом и кандидатом в СА», «Воспитание в Гитлерюгенде» и т. д.⁴²³. Когда фашистская Германия уже вступила в полосу неприкрытых агрессий, восьмиклассники восточнопруссских школ тренировали свои литературные и интеллектуальные способности, размышляя над вопросом: «Чем солдаты капитана фон Эркерта превзошли готтентотов (по книге Ганса Гримма «Народ без пространства»)».

В русле нацистских «духовных» реформ было определено место Кенигсбергскому университету, призванному в новых условиях поставлять фюреру квалифицированные научные и пропа-

гандистские кадры. С этой целью режим выделил Альбертине значительные средства на расширение и укрепление научной и учебной базы. В последнем, 1944/1945 учебном году в университете было уже шесть факультетов: теологический, юридический и общественно-политических наук, медицинский, философский, факультет естественных наук и сельскохозяйственный факультет. Факультеты, за исключением теологического, объединяли несколько институтов — подразделений, аналогичных кафедрам, но более крупных, нередко занимавших отдельные большие здания. В то же время был резко сокращен прием студентов не немецкого происхождения. Часть профессуры безоговорочно поддержала нацистскую идеологию и политику. Толкование истории и даже естественных наук все больше приспосабливалось к откровениям, изложенным в книге «Майн Кампф» *.

В ноябре 1933 г. по всей Германии прошла так называемая «Неделя книги». Печать, радио взмах пропагандировали произведение фюрера «Моя борьба», утверждая, что это «священная книга национал-социализма и новой Германии и у каждого немца она должна быть. Эта книга не для прочтения, а для проработки и переживания. Книжная торговля обязана позаботиться о том, чтобы после проведения недели книги «Мою борьбу» можно было найти в каждой немецкой семье» ⁴²⁴.

Объявив только одну книгу «священной», гитлеровский режим приказал сжечь все остальные, если они пробуждают «нездоровые настроения среди немцев». В германских землях, на центральных площадях городов, запыхали черные костры, истреблявшие в огне вершины человеческого духа. Под ликование толп сжигались не только сочинения Маркса, Энгельса, Каутского, но и Генриха Манна, Эриха Марии Ремарка, Эрнста Глэзера и Эриха Кестнера, Теодора Вольфа и Георга Бернгарда, Зигмунда Фрейда, Эмиля Людвига и Вернера Хегеманна и других.

Национал-шовинизм являл собой быстро усиливавшийся противовес либеральным настроениям и всякой оппозиции официальной власти в стране, неизбежно приобретая имперскую, колониалистскую окраску с ярко выраженными чертами ксенофобии и антисемитизма. Но прежде чем навязать свою идеологию низам, национал-социалисты должны были с помощью бюрократического, военного и полицейского аппарата насильственно устранить все противостоящие ему внутренние силы. 14 июля 1933 г. был принят закон, запрещающий деятельность партий и союзов. В нем говорилось: «1. Национал-социалистическая рабочая партия Германии существует как единственная политическая партия Германии. 2. Кто сделает попытку сохранить организационное единство какой-либо другой политической партии или организовать новую политическую партию, будет наказан за-

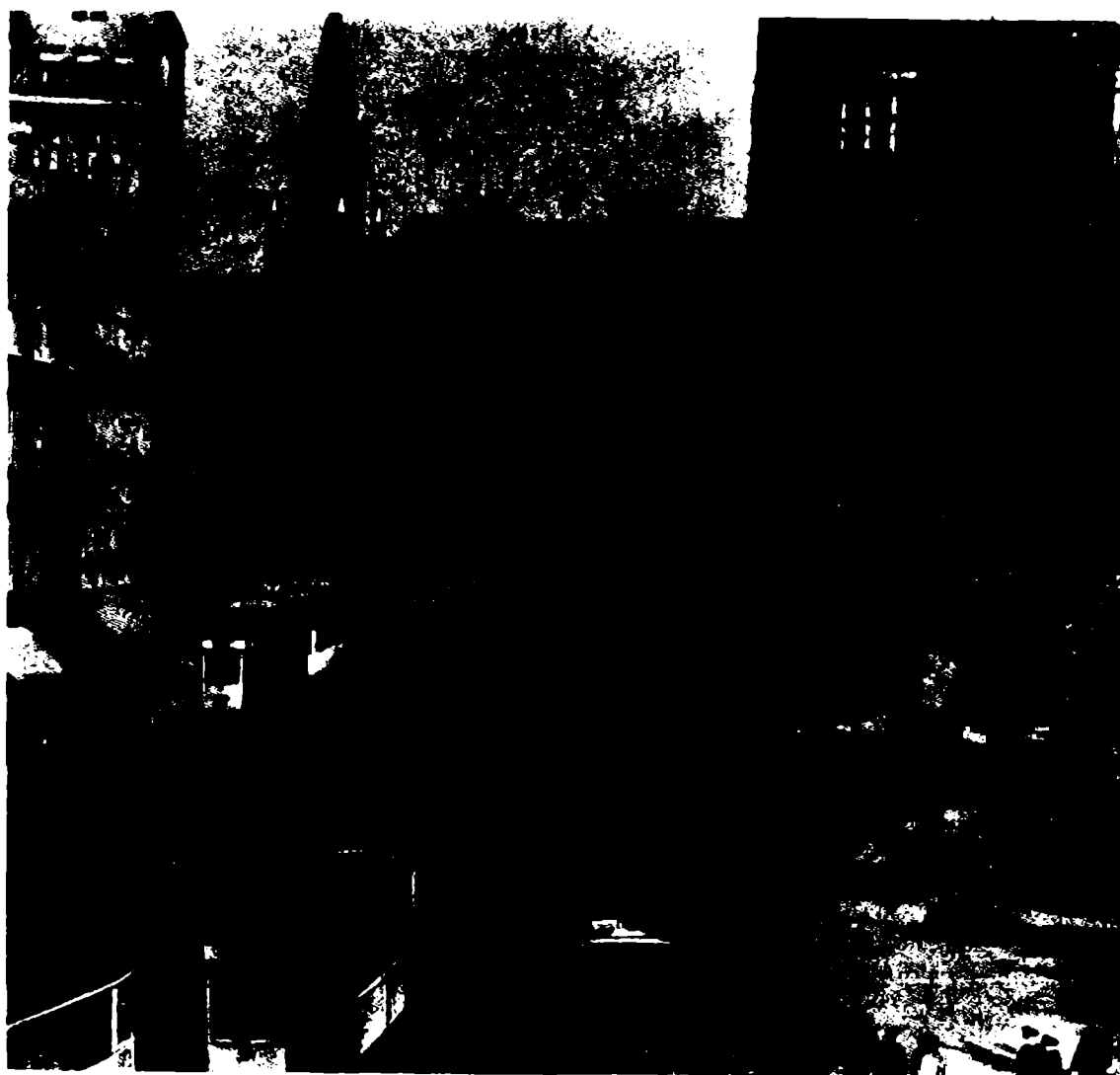
* Когда в ходе Восточно-Прусской операции войска Красной Армии почти полностью окружили Кенигсберг, немецкие власти 28 октября 1944 г. отдали приказ об эвакуации университета в Грейфельд.

Старые склады на набережной Хундегатт в Кенигсберге. Вид с юго-востока. Фото 30-х годов XX в.

Площадь Норд-Банхов-Платц (ныне площадь Победы) в Кенигсберге. С открытки 30-х годов XX в.

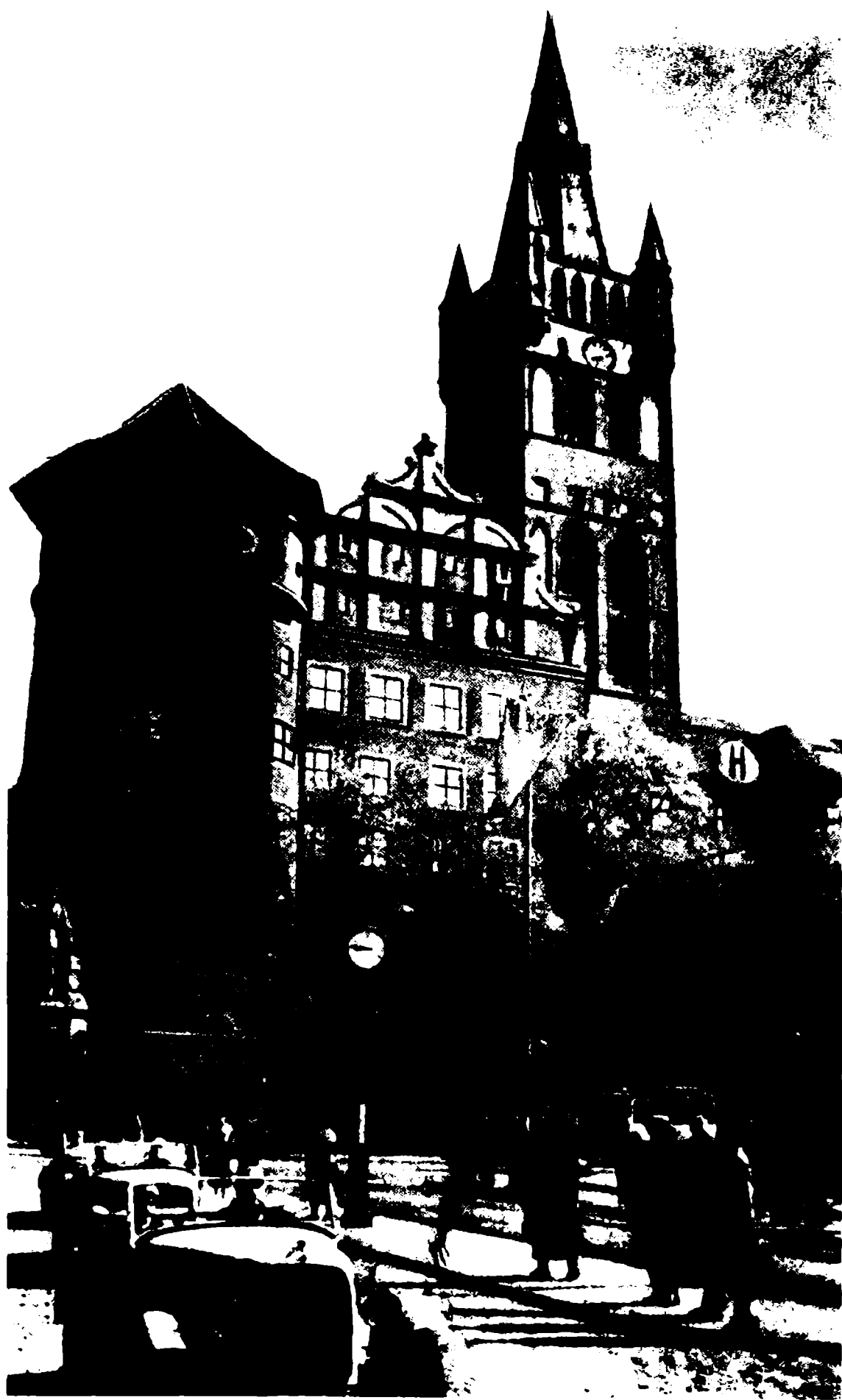
Площадь Кайзер-Вильгельм-Платц в Кенигсберге. Фото 30-х годов XX в.

Вход в зоопарк Кенигсберга. С открытки 30-х годов XX в.

Высшее торговое училище. Ныне Калининградский технический колледж

Королевский замок в Кенигсберге. Вид с юга. Фото 30-х годов.

ключением в каторжную тюрьму на срок до трех лет или в тюрьму на срок от шести месяцев до трех лет, если деяние согласно иным предписаниям не подлежит более суровому наказанию»⁴²⁵.

Последовали массовые аресты инакомыслящих. Восточно-пруссский «Стальной шлем» был преобразован в СА (штурмовые отряды НСРПГ). Нагнетание страха сопровождалось широкой демагогией и заигрыванием с народными массами.

Кристиан Тилицки, анализируя обстановку в Восточной Пруссии того периода, пишет:

«...Степень политического преследования до запрещения партий — в июне 1933 г. вырисовывается из оперативных сводок правительственного президента в Кенигсберге и Алленштайне. В правительственном округе Кенигсберг в первой половине марта было арестовано 230 функционеров СДПГ и КПГ, во всех районах проводились домашние обыски у деятелей рабочего движения. До 31.03. еще 162 человека попало в заключение. А в апреле было арестовано лишь 107 человек, но обыски шли повально. 30.04. очередь дошла и до штаб-квартиры КПГ. К 15.05. удалось ликвидировать местные организации коммунистического союза «Рот фронт» во всей Восточной Пруссии и даже начать против них процесс по обвинению в государственной измене. Все новые арестанты занимали места в тюрьмах; были обнаружены крупный склад оружия на улице Герлахштрассе, а также 2500 коммунистических листовок в книжном магазине у Северного вокзала. Большинство арестованных находилось в тюрьме Кенигсбергской полиции или с лета 1933 г. в пересылочном лагере «Форт Квендау», где они дожидались транспортировки в концлагерь «Хаммерштайн» под Шлохау или в другие государственные концентрационные лагеря... В июне КПГ уже едва ли представляла собой опасность. Национал-социалисты сосредоточились на преследовании СДПГ, «Серьезных исследований библии», католических объединений и различных «реакционных» группировок, таких как, например, «Бисмарковский союз мазур». Политические противники в государственном аппарате или органах самоуправления пали жертвами закона о восстановлении профессиональной бюрократии от 7.04.1933 г. и политических процессов...

К концу 1933 г. 25 из 38 депутатов восточнопрусского ландтага были отозваны и их места заняли члены НСРПГ. Вторая (1934 г.) и третья (1937—1938 гг.) чистки привели к тому, что многие посты в округе и районах заняли предложенные Кохом лица. Освобождение от должностей осуществлялось под предлогом излишнего «дружелюбия по отношению к католикам, крестьянам, евреям» либо враждебности по отношению к НСРПГ со стороны освобожденных.

Посты бургомистров в пятнадцати восточнопрусских городах в 1935 г. были заняты исключительно членами НСРПГ, из них лишь девять вступили в партию до 1931 г.»⁴²⁶.

Политической организацией немецкой молодежи стала «Гитлерюгенд», в которой все юноши и девушки должны были воспитываться физически, духовно, нравственно в духе национал-социализма под руководством вождя — рейхсфюрера НСРПГ по делам молодежи, непосредственно подчиненного фюреру и рейхсканцлеру.

15 сентября 1935 г. гитлеровцы выпустили откровенно шовинистический, антисемитский закон «О защите немецкой крови и немецкой чести». В нем была сформулирована политика в отношении евреев. Сначала она ограничивалась мерами притеснения и принуждения. Закон гласил: «§ 1. Заключение браков между евреями и подданными государства, в жилах которых течет немецкая или родственная кровь, запрещено. Заключенные вопреки этому браки считаются недействительными, даже если они в обход этого закона были заключены за границей... § 2. Внебрачные отношения между евреями и подданными государства, в жилах которых течет немецкая или родственная кровь, запрещены. § 3. Евреям не позволяется использовать в домашнем хозяйстве труд подданных женского пола с немецкой или родственной кровью в жилах моложе 45 лет. § 4. Евреям запрещается поднимать имперский и национальный флаг и демонстрировать имперские цвета. Им разрешается, напротив, демонстрировать еврейские цвета. § 5. 1. Нарушившие предписание § 1 будут наказаны заключением в каторжную тюрьму. 2. Человек, нарушивший предписание § 2, будет наказан заключением в тюрьму или каторжную тюрьму. 3. Нарушившие предписания § 3 и § 4 будут наказаны тюремным заключением сроком до 1 года и денежным штрафом либо одним только штрафом»⁴²⁷.

Через два-три года нацистские власти перешли к политике физического уничтожения евреев. Шеф гестапо Мюллер 9 ноября 1938 г. разослал во все полицейские участки и руководящие органы государственной полиции в рейхе секретную телеграмму, в которой ставил в известность, что «в ближайшее время по всей Германии пройдут акции, направленные против евреев, в особенности против еврейских синагог. Им не надо препятствовать...» Мюллер имел в виду погромы, прокатившиеся по Германии 12—13 ноября, в результате которых тысячи евреев распрощались с жизнью или были брошены в концентрационные лагеря ожидать смерти. Сколько их погибло в Восточной Пруссии, сказать трудно. Во всяком случае в 1933 г. в Кенигсберге их было 3500 человек, а после 1942 г. в городе угасла всякая еврейская жизнь. Уничтожение евреев в Восточной Пруссии, конечно, не идет ни в какое сравнение с Бабым Яром и другими массовыми репрессивными акциями Коха, но и оно свидетельствовало, что верный пес Гитлера хорошо понимал свои задачи в политике фашизма.

Не избежала преследований и церковь. Антирелигиозная позиция нацистского государства, исключение из проповедниче-

ского канона Ветхого завета, резкое ограничение церковной жизни привели к сопротивлению действиям нацистов со стороны церковных кругов. Однако Кох сумел быстро подавить строптивых, в результате часть крупных церковных деятелей покинула Восточную Пруссию. В августе 1933 г. синод выбрал Эриха Коха своим президентом. С этого времени можно констатировать полный переход власти в провинции в руки национал-социалистов.

Некоторые немецкие историки настаивают на том, что в Германии, в том числе и в Восточной Пруссии, по мере укрепления власти нацистов усиливались принципиальные разногласия между евангелической церковью и государством, основанные на мировоззренческих противоречиях. Действительно, церковь настойчивее других общественных сил отстаивала свое право и обязанность исполнять пасторскую миссию, «которую доверил ей Христос». Когда конфессиональным молодежным союзам, даже образованным для единичных мероприятий, была запрещена любая деятельность, не носящая чисто церковно-религиозного характера (публичные выступления, ношение формы союза, значков, указывавших на принадлежность к организации, публичная продажа своих печатных изданий, ношение флагов, вымпелов, союзные демонстрации, любые занятия спортом и т. д.), то церковь энергично протестовала против этого, но получила вежливое, но твердое разъяснение полицейских чинов, что «внутри церкви верующие и священники господина в своем доме, вне церкви лишь государство имеет право распоряжаться»⁴²⁸.

Но никаких «волнений среди католического населения», о возможности которых предупреждал, например, епископ Эрмландский Максимилиан в письме руководителю организации «Гитлерюгенд» в области Остланд господину Пешке (20 марта 1934 г.), не произошло. Не было их и тогда, когда в 1937 г. в общинах провинции развернулась кампания за сборы (пожертвований), которую Кох грубо пресек, приказав арестовать 153 священника⁴²⁹. Отсюда можно сделать вывод, что в своих разногласиях с государством церковь не имела достаточно активного оппозиционного потенциала среди широких масс верующих. Эти разногласия носили по сути дела вершущечный характер и не оказывали серьезного влияния на политику нацистов.

Как хитрый политик и популист Кох настойчиво расширял влияние НСРПГ среди населения. В 1934 г. он создал собственное предприятие «Эрих Кох Штифтунг» — экономический концерн, который быстро поглотил многочисленные текстильные и деревообрабатывающие предприятия в Восточной Пруссии, а также сахарные и табачные фабрики в Белостоке и Цихенау, что экономически усилило политическую власть гауляйтера. Кох получил благословение Гитлера на развитие ремесел и индустриализацию Восточной Пруссии при поддержке государства, чтобы в течение четырех лет оздоровить ее экономику и оста-

новить миграцию рабочей силы на Запад. Были введены инвестиционное планирование, контроль за использованием сырья, контроль внешней торговли, регулирование заработной платы и ценообразование, осуществлены другие меры. Рост военных заказов, гражданские строительные программы обеспечили снижение уровня безработицы со 102 тысяч в 1933 г. до 18200 к 1936 г. ⁴³⁰.

В 1939 г. после захвата Польши гитлеровской Германией ее руководство произвело новое районирование Восточной Пруссии. Часть оккупированной польской территории, а также Клайпедская (Мемельская) область Литвы были включены в состав провинции. В то же время некоторые районы Восточной Пруссии (г. Эльбинг, Мариенвердер, Мариенбург и др.) вошли в заново созданный округ Западная Пруссия.

По данным на 1940 г., провинция Восточная Пруссия делилась на четыре правительственных округа: Кенигсберг, Гумбиннен, Алленштайн, Цихенау. Округа состояли из пяти городских и 36 сельских районов. Во главе провинции стояли гауляйтер и обер-президент. Городские районы возглавлялись обер-бургомистрами, сельские — ландратами. Делами городских и сельских местных общин занимались бургомистры. Рядом с местными руководителями и бургомистрами находились специальные уполномоченные, контролируемые министерством внутренних дел.

Восточной Пруссии отводилась ключевая позиция в рамках планируемого нового территориального порядка в Восточной Европе. Кох замыслил сделать ее центром экономического пространства от Балтийского до Черного морей за счет ампутации и присоединения к ней территорий Советского Союза. Однако этим планам не суждено было сбыться. Фактически нацистская власть отвела Восточной Пруссии губительную роль авангарда своей агрессии на востоке. На то, как это было, лучше всего посмотреть беспристрастными глазами документов и материалов.

ГИТЛЕР НАЧИНАЕТ ВОЙНУ ПРОТИВ СССР

Берлин

Из памятной записки Гитлера, составленной 2 сентября 1936 г. в Оберзальцберге: «...У нас перенаселение, и мы не можем прокормиться на своей земле.

...Окончательное решение заключается в расширении жизненного пространства, т. е. сырьевой и продовольственной базы нашего народа. Это задача политического руководства...

...Поэтому я ставлю следующие задачи:

1. Немецкая армия за 4 года должна стать боеспособной.
2. Немецкая экономика за 4 года должна быть подготовлена к войне».

Вена

Из записки, составленной статс-секретарем В. Каплером и ди-

ректором генерального департамента МИД Германии Р. Вогелем 12 марта 1939 г. «О речи рейхсканцлера Германии А. Гитлера на совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии»:

«...Насущная проблема для немецкого народа — обеспечить себя источниками сырья, необходимого для его благосостояния. Кроме того, для того чтобы немецкий народ мог пользоваться этим благосостоянием, должны быть полностью истреблены его враги: евреи, демократии и «международные державы».

...Положение в Праге становится нетерпимым. Кроме того, Прага нужна нам как средство доступа к сырью. В соответствии с этим отданы приказы... Через несколько дней, не позднее 14 марта, Чехословакия будет оккупирована войсками.

...Затем следует Польша. Нам не придется ожидать тут сильного сопротивления. Господство Германии над Польшей необходимо для того, чтобы снабжать Германию сельскохозяйственными продуктами и углем Польши.

...Что касается Венгрии и Румынии, то они безусловно относятся к жизненно необходимому пространству Германии. Падение Польши сделает их сговорчивей, тогда мы будем полностью контролировать их обширные сельскохозяйственные ресурсы и нефтяные источники. То же самое можно сказать о Югославии.

...Это план, который будет осуществлен до 1940 г. И тогда Германия будет непобедима. В 1940 г. и 1941 г. Германия раз и навсегда сведет счеты со своим извечным врагом — Францией. Эта страна будет стерта с карты Европы.

...Англия — старая и хилая страна, ослабленная демократией. Когда Франция будет побеждена, Германия с легкостью установит господство над Англией и получит тогда в свое распоряжение богатства и владения Англии во всем мире.

...Мы сведем счеты с еврейскими королями доллара в Соединенных Штатах. Мы уничтожим эту демократию, и еврейская кровь смешается с долларами...»

Берлин

Из директивы № 21 (план «Барбаросса», 18 декабря 1940 г.): «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...

...Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны...

...Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых

клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации...»

Москва

Из донесения начальника Управления пограничных войск НКВД СССР: «...17 марта 1940 г. на участке 86 пограничного отряда, в районе Стренковизна, нарушили границу 32 германских самолета (бомбардировщики-разведчики), пролетели до г. Августова, сделав круг, пошли обратно.

Пограничный отряд, расположенный в районе деревни Щерба, открыл ружейно-пулеметный огонь по германским самолетам.

Один из этих самолетов сбит; упал на нашей территории в 50 метрах от границы; летчик тяжело ранен, второй летчик убит. Раненому летчику оказана медицинская помощь...»

Кенигсберг

До самого рокового дня, 22 июня 1941 г., притупляя бдительность и сея иллюзии у населения относительно своих истинных намерений, Гитлер и его окружение делали вид, что Германия не имеет никаких планов нападения на СССР.

С 11 по 14 марта 1940 г. в Кенигсберге проходила 28-я Германская Восточная ярмарка. Она была лишней раз использована в целях лживой пропаганды мирных устремлений фюрера и его приспешников.

Приветствие фюрера Германской Восточной ярмарке

28-й Германской Восточной ярмарке, Кенигсберг (Пр.). Я желаю Германской Восточной ярмарке, призванной содействовать расширению товарообмена Германской империи с регионами Востока, и в этом году больших успехов.

Адольф Гитлер.

Приветствие рейхсмаршала Геринга 28-й Германской Восточной ярмарке

После потрясших мир событий последнего времени Германская Восточная ярмарка проводится в этом году в новых условиях. Она со своей традиционной задачей развития торговли со странами Восточной и Северной Европы и расширения германского экспорта имеет сегодня еще большее значение и перспективы, чем когда-либо прежде. Экономические преобразования на части территории Восточной Европы и развертывание плодотворного товарообмена с Советским Союзом предлагают Ке-

нигсбергской Восточной ярмарке многообещающие новые условия и возможности для работы.

Я желаю Германской Восточной ярмарке полнейшего хозяйственного успеха и выражаю уверенность в том, что она и впредь будет решать поставленные перед ней важные задачи.

Геринг, рейхсмаршал Великой
Германской империи.

Напутственное слово гауляйтера Эриха Коха

То, что Германская Восточная ярмарка проводится и в этом военном году и ни в коей мере не утратила своего объема и значения, следует расценивать как подтверждение исключительно четкого функционирования хозяйственного организма Германии.

...Перед Германской Восточной ярмаркой теперь более чем когда-либо прежде стоит задача освоения всего восточного пространства от Северного моря до Тихого и Индийского океанов. Этой цели служила она все годы своего существования. Благодаря участию северных государств, СССР, с которым фюрер заключил договоры, заставившие прислушаться весь мир, страны Ближнего и Дальнего Востока, Балкан и Италии, было создано закрытое европейско-азиатское континентальное экономическое пространство, которое сейчас и в ближайшие годы будет способствовать расцвету Германской ярмарки, который был предопределен. На этом основании я выражаю свою искреннюю радость от того, что Германская Восточная ярмарка смогла быть проведена и в это военное время. Я желаю вам и вашим участникам больших успехов.

Хайль Гитлер!

Эрих Кох.

Из отчета президента Верховного окружного суда от 23 июня 1941 г.

...Стало абсолютно ясным то, что война с Россией неизбежна, если только не случится чудо. Вся Восточная Пруссия превратилась в один большой военный лагерь.

Неделю назад в Мемеле была произведена посадка на суда войск, направляемых в Финляндию. 18 июня 1941 г. началась добровольная эвакуация из Мемеля женщин и детей. Большинство из них покинуло город. Жена президента окружного суда Румпе и его четверо детей остались.

19 и 20 июня я посетил Сувалки, лежащие в тридцати километрах севернее Сейны (8—9 км до русской границы). В том, что один из ударов будет нанесен отсюда, не было никаких сомнений. Войска всех родов, самолеты, боеприпасы были сконцентрированы у границы в невероятных количествах.

...Вчера утром после получения сообщения я поехал в Остроленку, куда прибыл в 10.15. Вопреки всем ожиданиям русские не обстреливали Остроленку... Здесь царил покой, нарушаемое лишь залпами немецких орудий с правого берега

Нарева в направлении Ломца... Мы проехали до места, где проходила граница. Наши войска продвинулись всего на 100 метров и лежали в окопах напротив позиций русских. Нас заверили, что в настоящее время отсутствует опасность того, что русские перейдут в наступление, но и в этом случае возможна будет эвакуация, так как через Нарев построена еще одна переправа.

Господин Генеральный прокурор приказал еще 19 июня 1941 г. лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений (17 человек), перевести в исправительную тюрьму Плоцка. Осужденные на срок за совершение незначительных преступлений были по его распоряжению освобождены. Оставшиеся заключенные (71 человек, в том числе 28 человек арестованных гестапо) в случае опасности должны быть отпущены охраной на свободу. Гестапо поставлено об этом в известность.

На обратном пути я посетил Иоханнисбург и Геленбург, расположенные соответственно в 6 и 3 км от русской границы. В обоих населенных пунктах царило полное спокойствие. Вчера в 4—5 часов утра там была воздушная тревога, однако бомбы не сбрасывались. В северо-восточной части провинции подверглись русской бомбардировке Эбенроде, Эйдткау, Тильзит. Сегодня в 5 часов утра вражеские бомбардировщики появились над Кенигсбергом. Они сбросили бомбы на Амалиенау. В 9.15 была еще одна краткая воздушная тревога.

Из отчета президента Верховного окружного суда от 5 июля 1941 г.

...Когда пришло известие о начале военных действий против России, повсюду выражалось удовлетворение по этому поводу, а также тем, что теперь будут сведены счеты с большевизмом, в искренность которого здесь, в приграничной области, несмотря на взаимные дружеские заверения, не верили и неопределенную позицию которого воспринимали как угрожающее давление. Столкновение с Россией, то есть с большевизмом, воспринимается народом как неизбежная необходимость. Ни на мгновение не возникло сомнения в том, что при помощи наших вооруженных сил Восточной Пруссии не грозит опасность. Ни разу не возникала мысль, что события, с которых началась 1-я мировая война, могут повториться.

То, что в первые дни войны воздушные налеты большевиков повлекли случаи смертей, ранений, повреждения зданий, болезненно воспринимается в этом небольшом округе, но в масштабах страны не имеет равным счетом никакого значения. Военные объекты и объекты оборонной промышленности вообще не попали под удары русских бомбардировщиков. Город Кенигсберг в течение немногих дней пережил немалое количество воздушных налетов в ночное и особенно в дневное время, но бомбы сбрасывались лишь в трех случаях, да и то почти исключительно на жилые кварталы. В наибольшей степени пострадали улицы вблизи зоопарка. Первый налет состоялся на рассвете

и был совершенно неожиданным, так как самолеты пришли со стороны моря с большой высоты и их заметили слишком поздно. Лишь таким образом можно объяснить первые тяжелые потери. При первом налете (23.06.1941) погибло 16 человек, несколько человек было ранено, 8 домов было сильно повреждено, еще 23 получили легкие разрушения. Второй налет (в ночь с 23.06. на 24.06.1941) повлек за собой лишь незначительные повреждения зданий, так как часть бомб упала на незастроенные территории...

В общей сложности сброшено свыше 100 бомб, при этом следует заметить, что большая часть не разорвалась. Повреждения в зданиях были спешно устранены...

В Мемеле при воздушных налетах погибло 23 гражданских лица, 15 заключенных и несколько солдат, в Гумбиннене 15 человек, в Эбенроде один ребенок, в Тильзите 3 человека...

В результате выдающихся успехов нашей противовоздушной обороны и ощутимого продвижения наших войск налеты авиации уже несколько дней как прекратились. Население при налетах продемонстрировало спокойствие и осмотрительное поведение.

Из обращения гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха к населению провинции

...В своих выступлениях в рейхстаге фюрер неоднократно заявлял, что эта война должна стать последней войной на многие годы и что события этой войны должны привести к тому, чтобы в будущем Германия не подвергалась опасности нападения евреев, плутократов, большевиков и чтобы они не помешали ей в ее мирном развитии. Он подчеркивал, что наши солдаты потому добровольно и с готовностью принимают на себя все жертвы и лишения, что они борются за лучшее будущее для наших детей, за свободную и великую Германию. И если мы ведем эту навязанную нам войну за будущее и счастье наших детей и если наши солдаты ежедневно и ежечасно ставят на карту свою жизнь и здоровье для достижения этих целей, то святая обязанность тех, кто отвечает за положение дел в тылу, заботиться о том, чтобы ни один из детей этих солдат, ни один из детей нашего народа не страдал от недостатка заботы и не погиб от некачественного медицинского обслуживания. В противном случае ребенок будет лишен возможности использовать плоды победы, ради которой его отец не жалел ни жизни, ни здоровья. Было бы предательством по отношению к нашим солдатам, которые находятся на фронте, и прежде всего перед теми, кто погиб за величие Германии и за будущее наших детей, если мы не сделаем всего необходимого для того, чтобы сохранить жизнь каждого рожденного ребенка.

Рожденные во время войны дети — это доказательство жизненной стойкости и веры в победу нашего народа. Умершие же во время войны от недостатка заботы дети — это веч-

ный укор тем, кто оставался в тылу и не смог их уберечь, и их позор.

Я как гауляйтер и обер-президент этой области со всей строгостью буду поступать с теми, кто пренебрегает своими обязанностями по отношению к нашим детям и тем самым обуславливает потери в силе нации.

От чувства ответственности и воли к победе зависит такая деятельность по улучшению жизненного баланса, которая смогла бы сравнять те потери, которые вызвала война среди нашего населения. Мы в Восточной Пруссии несмотря на то, что война потребовала от нашей провинции особенно большое количество жертв, можем возместить потери, снизив уровень детской смертности...

...Я уверен, что как крайсляйтеры, так и ландраты и обер-бургомистры воспримут как дело чести сделать все возможное для того, чтобы уже в будущем году достигнуть значительных успехов в этой области...

Руководство этой акцией партии и государства в провинции Восточная Пруссия я возлагаю на руководителя ведомства общественного вспомоществования ландрата партайгеноссе Эриха Поста...

Я знаю, что, ставя такую задачу, я еще более увеличиваю нагрузку на и так уже напряженные силы Родины. Но я уверен, что каждый житель провинции с готовностью возьмется за эту работу, помня о лишениях и тяготах, выпадающих на долю наших солдат на фронте.

Я прошу все население Восточной Пруссии своими силами и горячими сердцами поддержать все мероприятия, чтобы по истечении наступающего года мы могли доложить фюреру о больших успехах в этой области нашей работы.

Эрих Кох, гауляйтер
и обер-президент.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ НА ПРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

ачиная войну с Советским Союзом, нацисты исключали всякую мысль о возможности поражения и уж никак не помышляли о полном крахе своей империи и оккупации территории Германии войсками противника, а посему со свойственной им самоуверенностью и бесце-

ремонностью рассматривали Восточную Пруссию как территорию, недостижимую для Красной Армии после ее тяжких поражений в 1941 г. и отступления далеко на восток.

Здесь размещались, чувствуя себя в полной безопасности, штаб-квартира фюрера «Вольфшанце» в лесу под Растенбургом, ставка верховного главнокомандующего в Мауэрвальде, ставка верховного командования ВВС («Люфтваффе») под Брайтемхайде, министерство иностранных дел в Егерхее под Ангербургом. Не удивительно, что Восточная Пруссия была выбрана в качестве вполне подходящего места и для оперативного размещения военнопленных, появившихся в большом количестве в первый год войны, в период особо серьезных успехов германских армий.

По данным бюро информации и розыска польского Красного Креста, на территории Восточной Пруссии (1-й военный округ вермахта) было создано около двух десятков концлагерей. Вот некоторые из них.

Шталаг-1-А — Штаблак (Фурманово, Багратионовский район) — крупнейший лагерь военнопленных. Построен в 1939 г. на месте бывшего немецкого полигона. До середины 1940 г. в нем содержались только польские военнопленные. Затем сюда были доставлены французы и бельгийцы. Русские военнопленные появились в июле 1941 г. Количество их росло, и наконец они составили национальное большинство. Средняя численность лагеря, начиная с 1941 г., составляла свыше 60 тысяч человек. Русские пленные жили в специально отведенной зоне, куда не разрешался доступ медицинскому персоналу.

О количестве умерших в шталаге-1-А можно говорить лишь приблизительно: до четырехсот польских, итальянских и французских пленнх, около пятисот бельгийцев и несколько десятков тысяч русских. Наши соотечественники, вызывавшие особую ненависть фашистов, оставленные без медицинской помощи, гибли массами от истощения, воспаления легких и туберкулеза, от дизентерии, тифа, заражения крови, сердечной недостаточности, несчастных случаев на работе и насильственных действий лагерных палачей.

После войны лагерные постройки еще были целы. В деревянных бараках по правую и левую стороны теснились двухъярусные нары, всюду валялись остатки соломы, видимо, из матрацев. В конце каждого барака находилось помещение с примитивными трубчатыми сооружениями — умывальниками. Территория лагеря с асфальтированными дорогами и ржавыми обрывками колючей проволоки вокруг словно еще хранила присутствие здесь тысяч несчастных невольников. Сегодня от лагеря не осталось и следа. На кладбище, где хоронили узников, поставлен памятник. Поляки, французы, бельгийцы погребены в отдельных могилах. Советские военнопленные нашли последнее прибежище в общих могилах — рвах.

Шталаг-1-Б — Хоенштайн — находился в Кроликове, близ

Ольштынека. Лагерь считался многонациональным (международным), а с ноября 1941 г. стал лагерем и для советских военнопленных, массовое прибытие которых началось в начале 1942 г. Работали военнопленные в южной части Восточной Пруссии. В лагере была высокая смертность. Умерших хоронили на кладбище за деревней Судва в трех километрах от Ольштынека, где погребено пятьдесят четыре тысячи военнопленных. Место захоронения отмечено памятником.

Офлаг-68 — Зудауэн. Осенью 1942 г. он же шталаг-1-Е, а в 1943, 1944 гг. шталаг-1-Ф (Сувалки). Функционировал с лета 1941 г. по 1944 г. около деревни Кшиве. Пленные жили под открытым небом или в землянках. Выполняли все виды работ. В лагере свирепствовала высокая смертность, погибших хоронили в общих ямах. Умерло около пятидесяти четырех тысяч человек. На кладбище установлен памятный знак.

Офлаг-56 — Граево. Затем шталаг-1-Е в Простках-Богуше. Располагался в районе деревни Богуше с 1941 г. до ноября 1942 г. В лагере находились советские и итальянские военнопленные, жили под открытым небом или в землянках, работали на вырубке леса. В лагере погибло двенадцать тысяч военнопленных. Похоронены в Богуше.

Офлаг-63 — Прекульс (Прекуле). Район Клайпеды. С первых дней войны до 15 августа 1941 г. в лагерь прибыло около трех тысяч советских военнопленных. Затем (предположительно) они были отправлены в шталаг-1-Ц.

Шталаг-331 (лагерь-63) — Фишборн (Туросль). Заложен летом 1941 г. около деревни Еже. Пленные умирали от голода, экзекуций и прямого уничтожения. Хоронили их в деревне Винцента. Четыреста военнопленных закопали на территории отделения лагеря Лысе. Всего в лагере погибло двенадцать тысяч человек. В настоящее время на обоих кладбищах установлены памятные знаки.

Офлаг-53 (затем шталаг-1-Ц) — Хайдекруг (Шилуте). Один из старых лагерей для военнопленных. Основан на территории Литвы в 1939 г. В ноябре 1941 г. был переименован в шталаг-1-Ц, а в июле 1942 г. — в 1-Д и с 3.10.43 г. — в лагерь 391.

Офлаг-52 — Эбенроде (Шталлупенен, ныне Нестеров), образован в 1941 г. Как и в других лагерях, в нем гитлеровцы проводили строгий отбор военнопленных для систематической экзекуции над ними. Большую смертность вызывали эпидемии. В июне 1942 г. был преобразован в шталаг-1-Д и назывался так до его ликвидации. Погибло в лагере пять—семь тысяч советских военнопленных.

Офлаг-60 — Ширвиндт (Кутузово, Краснознаменский район). Располагался в двадцати километрах от Пилькаллена (ныне Добровольск). Образован в июле 1941 г. К лету 1942 г. в нем уже содержалось 3324 военнопленных. Лагерь ликвидирован 30 июня 1942 г. В нем погибло около четырех тысяч военнопленных.

Офлаг-53 — Погеген (ныне Пагегяй). Существовал с 4 ав-

густа 1941 г. по 1 августа 1942 г. Голод, холод, эпидемии вызывали высокую смертность. Погибло около десяти тысяч человек.

Десятки тысяч советских военнопленных, погибших в фашистских лагерях, считаются без вести пропавшими. Кто они, откуда, какого возраста и звания, из какой воинской части, где, наконец, похоронены — все эти вопросы могут так и остаться без ответа. Именных списков военнопленных не сохранилось. Однако в архивах до сих пор лежат без движения десятки тысяч карточек учета военнопленных. В них с чисто немецкой скрупулезностью занесены сведения о каждом лагернике: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, вероисповедание, национальность, воинское звание, войсковая часть, гражданская профессия, место и дата пленения, состояние здоровья на момент пленения, данные о росте, цвете волос, об особых приметах. На каждой карточке — личный номер, отпечаток указательного пальца правой руки, адрес родственников, перемещения по лагерям, фотография. И на каждой зловещий синий прямоугольный штамп: *verstorben* (умер).

...Молодое энергичное русское лицо из лагеря 1-Ф. На фотографии Круглов Андрей Мартынович, 1920 г. рождения. До войны жил в г. Горьком по ул. К. Маркса, 26. Лагерный номер 2869. Штамп: умер 4 мая 1943 г. Отчего умер? Убит при попытке к бегству, скончался от побоев, от голода? Карточка молчит. И где он похоронен? Понесут ли когда-нибудь цветы на его могилу его родные и знакомые — никто не знает. Вот почему необходимо вести кропотливый поиск сведений о каждой жертве фашистских лагерей, используя все документы, которые не сгорели в пожаре войны. Это является нравственным долгом ныне живущих перед теми, кто так же, как и мы, имел право на жизнь и счастье, но у кого было отнято и то и другое.

На территории нынешней Калининградской области существовало несколько лагерей военнопленных: шталаг-1-А — Штабляк — Фурманово, Багратионовский район; офлаг-52 — Эбенроде (Нестеров); офлаг-60 — Ширвиндт (Кутузово, Краснознаменский район), а также два лагеря в Хайлигенбайле и Кведнау.

Были смешанные лагеря (для военнопленных и гражданских лиц): в Метгетене, на заводе «Остланд Верке» (в поселке имени А. Космодемьянского); Шихау — ББЦ-6 (завод «Янтарь»), на территории рыбного порта.

Кроме того, Восточная Пруссия располагала обширной сетью так называемых трудовых лагерей, находившихся в распоряжении управления по использованию рабочей силы округа Кенигсберг: Гросс-Фридрихсдорф-II (Гастеллово, Славский район); Хайльсберг (в двух километрах юго-западнее Немана); Тифенталь (поселок Высокое, Багратионовский район); Пальмникен (Янтарное, Зеленоградский район). В Кенигсберге был создан специальный лагерь для пленных военных летчиков.

Промышленность и сельское хозяйство Германии военного времени, в том числе ее восточной провинции, обеспечивались трудовыми ресурсами в значительной мере за счет иностранных рабочих (включая военнопленных). Впервые практику угона трудового населения других стран на работы в Германию немцы ввели в первую мировую войну, когда из Бельгии и Северной Франции вывозили в грузовых вагонах десятки тысяч рабочих, ремесленников, студентов, даже конторских служащих. Гитлеровцы ничего нового здесь не изобрели.

В понятие «иностранные рабочие» выделялась особая категория восточных рабочих («остарбайтер»), определение которой было дано в «Предписании об использовании восточных рабочих» от 30 июня 1942 г., подписанном в Берлине рейхсмаршалом Герингом, заместителем уполномоченного рейхсуправления доктором Штуккартом, рейхсминистром и начальником рейхсканцелярии доктором Ламмерсом: «Восточные рабочие есть рабочие не немецкого происхождения, набранные в рейхскомиссариате Украины, в генеральном комиссариате Белоруссии и в областях, расположенных восточнее этих областей и граничащих с бывшими свободными странами Латвии и Эстонии, а также в протекторате Богемия и Моравия, которые были доставлены в немецкий рейх после оккупации этих территорий немецкими вооруженными силами и которые используются на работах здесь»⁴³¹.

В распоряжении генерального уполномоченного по использованию рабочей силы неизвестного Заукеля от 7 мая 1942 г. указывалось: «Вербовка иностранной рабочей силы принципиально осуществляется на основе добровольности. Но там, где в оккупированных странах призыва к добровольной вербовке недостаточно, должна быть предпринята принудительная мобилизация на трудовую повинность»⁴³². Видимо, излишне доказывать, что термин «добровольность» использовался в качестве пропагандистского прикрытия. На самом деле осуществлялось широкое насильственное перемещение советских людей в Германию в качестве рабов для использования на наиболее трудных работах.

Даже в 1944 г., когда, казалось бы, исход войны был ясен, немцы продолжали поставлять «остарбайтер» в Германию.

Восточные рабочие составляли среди иностранцев в трудовых лагерях округа Восточная Пруссия 24 процента. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с таблицей (данные на 30.09.1944 г.)⁴³³.

Участь иностранных рабочих была не столь ужасной, как военнопленных. Они имели крышу над головой, сносно питались, им выделялась одежда согласно инструкции «в количествах, необходимых для сохранения работоспособности». Однако, как и военнопленные, жили они в постоянно охраняемых лагерях, за малейшие проступки карались «по законам военного времени Германской империи». Восточные рабочие содержались особен-

Биржа труда с относящимися к ней районами	Иностранная рабочая сила, всего	В т. ч. восточные рабочие	Из них	
			мужчин	женщин
Алленштайн Найденбург Остероде	20283	7734	4003	3731
Голдап Ангербург Тройбург	13407	3515	1681	1834
Гумбиннен Эбенроде Шлоссберг	11653	1335	622	713
Инстербург Ангерапп Гердауэн	15986	3065	1231	1834
Кенигсберг Замланд Хайлигенбайль Лабнау Велау	68917	11588	5492	6096
Лик Иоханнисбург Лётцен	20569	8768	4469	4299
Мемель Хайдекруг	13862	1487	630	857
Ортельсбург Рёссель Зенсбург	17750	5247	2800	2447
Прейсиш-Голланд Морунген	8702	1150	464	686
Растенбург Бартенштайн Прейсиш-Эйлау	16236	3945	1768	2177
Тильзит-Рагнит Эльхнндерунг	19697	1663	751	912
Хайльсберг Браунсберг	10167	3409	1304	2105
Всего:	237229	52906	25215	27691

но строго. Их помещали в бараки отдельно от представителей других национальностей. На предприятиях, где работали русские, действовало то же правило. Здесь надзирали за ними специальные караульные команды, следившие за строгим выполнением инструкции Гиммлера об особом обращении с «остарбайтер» и четким соблюдением правила: «ни часу праздного времени».

В качестве вознаграждения за хорошее поведение иностранным рабочим разрешался выход за пределы лагеря небольшими группами, но опять же под надзором немецких служащих. Им запрещалось при этом вступать в какие-либо контакты с местным населением, посещать общественные мероприятия.

Женщины — восточные рабочие чаще всего использовались в качестве батрачек в хозяйствах бауэров или домашней прислуги в частных домах. Им было не легче, чем мужчинам. В некоторых случаях положение их усугублялось или облегчалось в зависимости от злого или доброго нрава хозяина и хозяйки. Те, кто работали на фермах, с утра и допоздна убирали навоз, вывозили его на тачках в компостные кучи, ухаживали за коровами.

Мужчины пахали, бороновали, вели другую крестьянскую работу, заготавливали лес, вывозили волоком спиленные деревья.

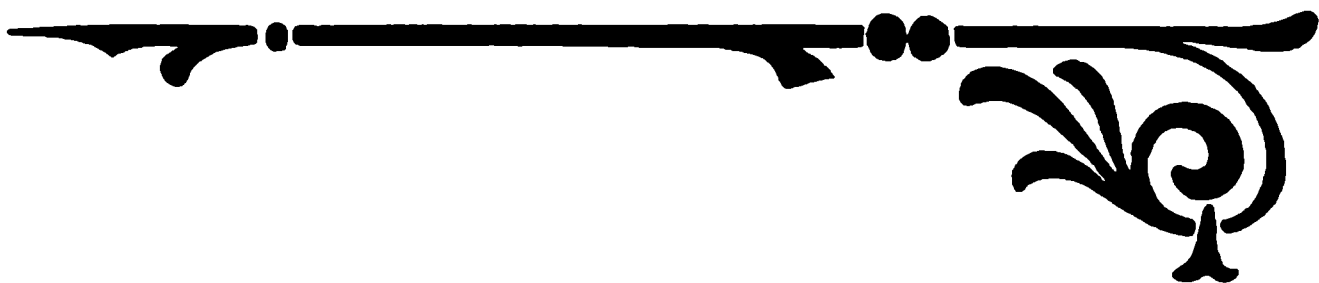
Охраны и надсмотрщиков не было. Выполняли их функции работники из немцев. По свидетельствам бывших «остарбайтеров», они, как правило, не свирепствовали. Работали вместе со всеми, даже вступали в разговоры: интересовались, кто они, русские, откуда, как жили до войны. В них явно нарастало беспокойство за свое будущее, понимали, что война проиграна.

Когда фронт приблизился к границам Восточной Пруссии, среди иностранных рабочих появились признаки открытого недовольства. Вести о ходе военных действий на востоке просачивались в их среду. Во избежание нежелательных эксцессов последовала команда из гауляйтерства переселить всех иностранных рабочих из частных квартир в лагеря. Но осуществить это уже оказалось невозможным из-за недостатка времени, отпущенного гитлеровцам историей.

ХІ

КРАХ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

ВОЙНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ТУДА, ОТКУДА ПРИШЛА

олее трех лет с начала войны боевые действия на территории Восточной Пруссии фактиче-

ски не велись, что способствовало благодушному настроению жителей провинции. Доклады в Берлин восточнопрусских руководителей в 1941—1942 гг. были полны уверенности в конечной победе немецкого оружия. Даже разгром фашистов под Москвой в 1941 г. не настораживал военных стратегов. Но уже в июне 1942 г. характер донесений в центр стал резко меняться. Генеральный прокурор Восточной Пруссии в своих отчетах хотя и продолжал восхищаться «блестящими победами нашей армии под Керчью и Харьковом» и выражать уверенность, что «население готово претерпеть... ощутимые ограничения в повседневной жизни», уже не мог скрыть тревоги по поводу снижения рациона питания прусских граждан, возникновения среди них «фурункулеза и цинги», «тайного и незаконного убоя скота»⁴³⁴.

Обстановка в прусских городах и селах явно менялась к худшему и приобретала признаки беспокойного ожидания и растерянности.

Управление кенигсбергской полиции издает приказ о повышенной боеготовности полиции и отряда противовоздушной обороны⁴³⁵. Во всех районах вводится непрерывное патрулирование, затемнение улиц и домов, отменяются отпуска полицейским и лицам из отрядов противовоздушной обороны. По распоряжению командования ПВО гауляйтерства строятся щели и бомбоубежища. Устанавливаются суровые меры наказания за грабежи и иные преступления: от заключения в каторжную тюрьму до расстрела и виселицы. Ужесточается режим содержания военнопленных в концентрационных и трудовых лагерях и в еврейских гетто. За малейшую провинность следует смерт-

ная казнь. В гетто Велау полиция при обыске обнаружила запасы свежей рыбы (щуки и линя). И только потому, что рыба не была включена в официально утвержденный рацион питания евреев, полиция повесила десятерых из них. Приведение приговора в исполнение происходило в присутствии пяти тысяч проживавших в гетто. Во время казни начались беспорядки, и полиция убила 27 евреев, а на следующий день для устрашения расстреляла еще 50 евреев.

...С 1944 г. с лихорадочной поспешностью началось строительство так называемого «Восточного вала» («Вала Эриха Коха»), для чего в приграничные районы провинции была перемещена большая часть мужского населения и иностранных рабочих. Одновременно велось совершенствование старых оборонительных рубежей. Была создана долговременная оборонительная система, состоявшая из зон, полос и укрепленных районов, отдельных укрепленных позиций и значительного числа полевых рубежей. Между оборонительными полосами и позициями находились отсечные позиции. Населенные пункты и отдельные хутора превращались в опорные пункты, подготовленные к круговой обороне. Первые и вторые траншеи, как правило, прикрывались проволочными препятствиями (рогатками, немецкими проволочными заграждениями, спиралями «Бруно» или комбинациями их) и минными полями.

Вся система укреплений противника была глубоко эшелонирована, располагалась вдоль всей границы Восточной Пруссии до побережья Балтийского моря и представляла серьезную преграду на пути советских войск.

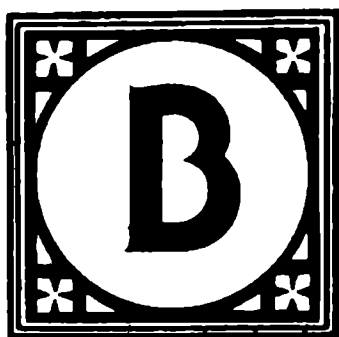
Однако первый удар по Восточной Пруссии нанесла не Красная Армия, а английская авиация в ночь на 27 и 30 августа 1944 г. По официальной оценке на Кенигсберг англичане сбросили около 40 тысяч различных бомб. Весь центр старого города практически был уничтожен, около 150 тысяч его жителей осталось без крова.

На исходе лета 1944 г. войска Красной Армии вышли на подступы к границе Восточной Пруссии. В итоге летнего наступления они уничтожили менее чем за месяц группу армий «Центр». После этого война вернулась к тому рубежу, с которого началась. Бравый оптимизм, с которым фашистская пропаганда на весь мир трубила об уничтожении русских армий, сменился пессимизмом и унынием. На улицах Кенигсберга не вывешивали победных флагов, оркестры не играли гимнов, не было кричащих толп. В госпитальных палатах лежали раненые солдаты, проклиная в душе войну и фюрера.

20 июля 1944 г. на восточнопрусской земле произошло событие, которое могло привести к устранению фашистского режима и, возможно, повлиять на исход второй мировой войны. В волчьем логове («Вольфшанце») под Растенбургом подполковник граф Штауффенберг организовал покушение на Гитлера. Бомба, подложенная под стол, за которым фюрер проводил со-

вещание генералов, взорвалась, но Гитлер не пострадал. В результате по всей стране прокатилась волна казней. Но война шла своим чередом. Немецкий генеральный штаб, понимая неизбежность близкого поражения, продолжал упорно разрабатывать планы перелома в ходе войны, посылая на фронт все новые тысячи немецких солдат, а ведомство Геббельса вещало о неминуемой победе рейха.

ОСЕНЬ 1944 И ВЕСНА 1945 ГОДОВ. ТАК ПАЛ КЕНИГСБЕРГ

асилевский А. М. в своей книге воспоминаний «Дело всей жизни» писал, что «на

протяжении 1941—1945 гг. Восточная Пруссия имела важное экономическое и политическое значение для немецкого командования... Она должна была прочно прикрыть подступы к центральным районам Германии» ⁴³⁶.

Крупнейшая восточнопрусская группировка гитлеровцев, насчитывавшая «до 580 тысяч солдат и офицеров ...820 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 515 самолетов шестого воздушного флота» ⁴³⁷, таила угрозу флангового удара по советским армиям при их наступлении на основном Варшавско-Берлинском направлении.

Учитывая указанное, войска 3-го и 2-го Белорусского фронтов должны были согласованными ударами отсечь восточнопрусскую группировку врага от его основных сил, прижать ее к морю, затем с помощью армий 1-го Прибалтийского фронта и Балтийского флота окружить противника и уничтожить его по частям.

О том, как был осуществлен этот замысел, написано много, и нет необходимости повторять то, что уже известно читателям. Но о некоторых событиях восточнопрусской операции, завершившейся взятием Кенигсберга и Пиллау, следует все-таки напомнить, так как они получили уже в послевоенное время в немецкой литературе искаженное освещение.

18 октября 1944 г. войска 3-го Белорусского фронта с боями вступили на территорию Восточной Пруссии ⁴³⁸. Это было в ходе Гумбинненской операции, ставшей по существу разведывательной, по преодолению пограничной сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны противника. Эту же цель пресле-

довал и прорыв частей 1-го Прибалтийского фронта в Мемельскую область.

Несмотря на сложные условия для наступления, операция развивалась успешно. 11-й гвардейской армии (командующий К. Н. Галицкий) удалось прорвать приграничный оборонительный рубеж и обеспечить ввод в сражение 2-го гвардейского Тацинского корпуса. Танкисты, поддержанные пехотой, 21 октября захватили плацдарм на левом берегу реки Ангерапп в районе Неммерсдорфа и прорвались с юга на окраины Гумбиннена.

Противник, обеспокоенный столь глубоким прорывом в глубь своей обороны, предпринял отчаянные усилия для восстановления первоначального положения. В свою очередь, сил для развития успеха у 3-го Белорусского фронта не оказалось. Пришлось перейти к обороне, оставив Неммерсдорфский плацдарм. Для нового решительного наступления требовалась более тщательная подготовка.

Неммерсдорф оказался первым населенным пунктом и исключительно важным плацдармом, который в ходе боев был взят Красной Армией, а затем ею оставлен. Расположенные на высоком берегу реки Ангерапп поселок, железобетонный мост способствовали дальнейшему развитию наступления.

Захват Неммерсдорфа был столь неожиданным для немецкого командования, что оно не успело эвакуировать местное население, и оно пострадало в ходе боев. Данное обстоятельство использовалось затем геббельсовской пропагандой для обвинения русских солдат в геноциде по отношению к мирным жителям, «резне» и т. п. Хотя неммерсдорфская фальсификация давно опровергнута⁴³⁹, однако она вновь и вновь вытаскивается на свет божий⁴⁴⁰. Недавно в Германии вышли книги Герты Шенинг и Ганса Георга Тауторота «Трагедия Восточной Пруссии 1944—1945 гг.» и Эрнста Фредманна «Они пришли из-за моря». В обеих книгах эмоционально описываются ужасы Неммерсдорфа. Здесь и «раздетые догола и изнасилованные женщины, распятые на дверях своих сараев, дети с проломленными черепами и восьмидесятичетырехлетняя слепая женщина с расколотой лопатой головой...», и согнанные в сарай, зверски избитые и изнасилованные женщины, а затем заколотые штыками и т. д. Все это со ссылками на свидетелей. И, наконец, благостная фраза: «население со слезами радости» встречало вернувшихся солдат вермахта.

В связи с этим есть необходимость обратиться к архивным документам и более подробно рассказать о ходе боев за этот населенный пункт. Кстати, если сослаться на немецких свидетелей, то после войны оставшееся в Неммерсдорфе местное население на расспросы советских журналистов ничего конкретного не могло рассказать «о распятых на сараях», изнасилованных женщинах и детях.

Неммерсдорфская операция являлась дерзкой и относительно краткосрочной. Ее участники вели боевые действия столь на-

пряженные и непрерывные, что не оставалось времени даже на отдых.

16 октября 1944 г. командир 25-й гвардейской танковой Ельнинской Краснознаменной ордена Суворова бригады полковник Булыгин получил боевую задачу: действуя в первом эшелоне в левой колонне 2-го гвардейского танкового Тацинского корпуса с выходом стрелковых частей на рубеж Станайке, Эйдткунен, Малый Виштынец, войти в прорыв и действовать в двух направлениях. Первое — Каттенау, Бракупенен и далее на Гумбиннен, чтобы овладеть восточной частью города и занять оборону фронтом на юг и юго-восток; второе — прорваться в район Вальтеркемена, овладеть переправой через р. Роминте, дальше наступать по маршруту: Майгунишкен, Будвейтшен, захватить мост через р. Ангерапп и взять Неммерсдорф.

Захват важного стратегического пункта на западном берегу р. Ангерапп конкретно возлагался на 2-й танковый батальон (ТБ) во взаимодействии с механизированным батальоном автоматчиков (МБА).

Преодолевая упорное сопротивление противника, 21 октября танкисты и МБА в 8 часов утра овладели поселком Будвейтшен, сильно укрепленным оборонным узлом, имевшим перед собой две линии траншей полного профиля, противотанковый ров, доты, дзоты, проволочные заграждения. Через полтора часа после этого танковый батальон и автоматчики с боем прорвались в Неммерсдорф и заняли его.

В письменном отчете о боевых действиях танкистов с 11.10 по 25.10.1944 г. командир бригады гвардии полковник Булыгин доносил по этому поводу: «2-й ТБ во взаимодействии с МБА с боем в 9 час. 3 мин. овладели Неммерсдорфом и переправой через р. Ангерапп, уничтожив при этом до 60 солдат и офицеров противника, разгромив отходящий обоз с боеприпасами... Очистив Неммерсдорф от пехоты противника и мирного населения, части заняли круговую оборону в готовности к отражению возможных контратак противника»⁴⁴¹.

Фраза из донесения об «очистке Неммерсдорфа» от мирного населения смутила некоторых современных немецких историков. В частности, доктор Фиш усмотрел в ней подтверждение возможных репрессий советских солдат в отношении мирного населения поселка и для установления истины предлагал провести раскопки на месте боев. На самом деле фраза из донесения командира бригады — это обычный распространенный во время войны термин. Он означает лишь действия, связанные с обеспечением безопасности гражданского населения, попавшего в зону особенно ожесточенных боев с применением всех видов оружия. В таких случаях население предупреждалось об угрозе их жизни и получало приказ немедленно покинуть опасную зону.

А Неммерсдорф двое суток, в течение которых советским танкистам и пехоте удалось здесь продержаться, действительно

представлял собой огненную купель. Земля сотрясалась от разрывов снарядов и бомб, обрушившихся на оборону советских подразделений. Авиация противника по 10—35 самолетов волна за волной накатывалась на боевые порядки батальонов, сея смерть и разрушения. В течение ночи с 21 на 22 октября противник пять раз атаковывал защитников Неммерсдорфа, но атаки были отбиты. Утром в 8 часов 22 октября после короткой передышки танки и пехота немцев снова двинулись в наступление и вновь были отброшены оборонявшимися. В 10 часов 30 минут 20 вражеских танков при поддержке артиллерии повторили атаку. На этот раз часть немецкой пехоты просочилась в поселок. В 12 часов 40 минут последовала третья мощная атака противника. По истечении дня 2-й танковый батальон и механизированный батальон автоматчиков получил приказ оставить Неммерсдорф, переправиться на восточный берег г. Ангерапп и занять оборону на участке: высота с отметкой 68,5 м и поселок Гуттельн, ожидая новых приказаний. Отступили под натиском противника и другие танковые подразделения бригады.

В политдонесении начальника политотдела 25-й танковой бригады А. Слепова от 25 октября 1944 г. в политотдел 2-го танкового корпуса указывалось, что во время наступательных боев, включая битву за Неммерсдорф, «фактов аморальных явлений и чрезвычайных происшествий среди офицеров и солдат не отмечено»⁴⁴².

Полковник в отставке А. Н. Гец, танкист, непосредственный участник боев близ Неммерсдорфа, ныне живущий в Калининграде, вспоминает: «Мы вели войну против вооруженных фашистов, а не против мирных людей. Конечно, горе и смерть проникали и в мирные жилища, но это была общая трагедия войны и вина тех, кто ее развязал».

Ландрат района Замланд Клаус фон дер Гребен, оценивая ситуацию ранней осени 1944 г., дает правильное объяснение: «Ни события прошедших месяцев, ни это новое изменение ситуации на фронтах не дали достаточного повода для разработки серьезных планов спасения населения и ценного имущества на крайний случай. По крайней мере, с такими планами не были ознакомлены ландраты и другие районные административные службы, я полагаю, впрочем, что они и не существовали... Рейхскомиссар Кох ранней осенью 1944 г. отклонил какую бы то ни было эвакуацию из восточной части провинции, хотя наступление русских уже 16 октября 1944 г. потребовало первых жертв среди жителей провинции...»⁴⁴³

Трудно отрешиться от мысли, что действия Коха были преднамеренными. Вполне возможно, что задержка с эвакуацией немецких граждан рассчитывалась на то, чтобы неминуемую массовую гибель людей в ходе боев использовать для тотального запугивания гражданского населения «кровожадными» советскими солдатами, влить в немцев силу отчаяния и заставить

Прусский пейзаж. Лето 1944 г.

Южный фасад университета в Кенигсберге после бомбежки в августе 1944 г.

Кенигсберг в огне. Рисунок Франца Мартена. 1944 г.

Район Лёбенихт в Кенигсберге после бомбежки. Август 1944 г.

Немецкое население копает противотанковый ров в южной части
Пруссии. Фото 1944 г.

Граница Восточной Пруссии. 1944 г.

Беженцы из Кенигсберга.
Февраль 1945 г.

Дорожный указатель. Март 1945 г.

Беженцы из Кенигсберга.
Февраль 1945 г.

Противотанковые укрепления в Кенигсберге

Форт на Литовском валу в Кенигсберге

Кенигсберг. Апрель 1945 г.

В центре Кенигсберга шли жестокие бои

Ров с водой форта «Дер Дона»

На берегах Вислинского залива. Техника противника после капитуляции

Королевские ворота

Капитуляция

сражаться «до последней капли крови» за фюрера против «большевистско-еврейских недочеловеков».

...Известно, что позиционное противостояние в приграничном районе Восточной Пруссии после первого этапа боев длилось два с половиной месяца. Командование 3-го Белорусского фронта готовило решительную операцию, противник совершенствовал оборону. Новое наступление Красной Армии было неизбежно. Это понимали все, в том числе и немецкое командование, ставившее перед собой, гражданскими и политическими властями Восточной Пруссии вопросы, так и не получавшие или получавшие преступные ответы: «Куда девать столь многочисленное гражданское население, когда в адском пламени войны с ее современными техническими средствами начнутся сражения за города и села Восточной Пруссии? Тысячи этих несчастных людей падут тогда жертвами вражеских бомбежек и артиллерийских обстрелов. А если придется оборонять Кенигсберг с его населением, насчитывающим сотни тысяч? Тогда вся эта человеческая масса станет невероятной помехой для сражающихся войск, и очевидно, что при такой обузе боеспособность солдат в тяжелых боях будет скована... В ответ на наши повторные и очень серьезные предупреждения, что скоро начнутся боевые действия и все дороги окажутся забиты солдатами и беженцами, что вызовет невообразимый хаос, последовало стереотипное возражение: «Восточную Пруссию будем удерживать, и об эвакуации не может быть и речи»⁴⁴⁴. Так писал Отто Ляш*.

Наступление войск 3-го Белорусского фронта началось 13 января, а 2-го Белорусского — 14 января 1945 г. Они занимали к тому времени исходные позиции по линии Сударги — Пилькален — Гольдап — Августов. 2-й Белорусский фронт держал плацдарм по рекам Бобр (Бебжа) и Нарев до Сероцка на Буге включительно. Общая численность участвовавших в операции войск составляла к началу наступления на Восточную Пруссию около 1 миллиона 600 тысяч человек, имевших на вооружении 21500 орудий и минометов, около 3800 танков и самоходок, свыше трех тысяч самолетов. Наши войска превосходили противника в живой силе в 2,7 раза, в артиллерии — в 2,6, в танках — в 4,7, в самолетах — в 2,9 раза. Попытки немецкого командования удержать оборону успеха не имели.

Впоследствии многие немецкие генералы, тот же Отто фон Ляш, в качестве одной из главных причин поражения немецких войск в завершающих операциях войны выдвигали именно перевес в силах Красной Армии⁴⁴⁵.

До конца января 1945 г. в Восточной Пруссии шли упорные бои. Противнику был нанесен серьезный урон. «Войска 2-го Белорусского фронта, выйдя к заливу Фришес-Хафф, отделенно-

* Отто фон Ляш — комендант крепости Кенигсберг с 28 января по 9 апреля 1945 г.

му косою от Данцигской бухты, войска 3-го Белорусского фронта, прорвавшись к морю севернее и южнее Кенигсберга, отрезали восточнопрусскую группировку от остальных немецко-фашистских войск и расчленили уцелевшие от разгрома войска группы армий «Север» на три части»⁴⁴⁶. Четыре дивизии противника были прижаты к морю на Земландском полуострове, пять дивизий с крепостными частями блокированы в Кенигсберге и до двадцати дивизий окружены южнее и юго-западнее Кенигсберга⁴⁴⁷. Одновременно 1-й Прибалтийский фронт, обеспечивающий с севера действия 3-го Прибалтийского фронта, 28 января овладел Мемелем (Клайпеда). Таким образом, изоляция восточнопрусской группировки от основных германских сил облегчила Красной Армии наступление на Берлинском направлении.

10 февраля 1945 г. начался второй этап боевых действий советских войск в Восточной Пруссии — ликвидация изолированных группировок гитлеровцев силами 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов, 3-й воздушной армии и Балтийского флота. Наиболее крупная, так называемая хайльсбергская группировка войск противника, потребовала значительного времени — более полутора месяцев — на ее ликвидацию. Заключительные бои в конце марта шли в районе Хайлигенбайля (Мамоново) — Бальги. К этому времени относится гибель у г. Мельзак командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии И. Д. Черняховского, которого сменил маршал Советского Союза А. М. Василевский.

После ликвидации хайльсбергской группировки настал черед Кенигсберга.

Интересны немецкие свидетельства, характеризующие обстановку в Кенигсберге в тот период и настроения среди военнослужащих и гражданских лиц.

Вильгельм Матуль: «28 января генерал Отто Ляш как последний комендант крепости взял на себя ответственность за судьбу Кенигсберга. В это время город был полон людей: большая часть его жителей, еще не покинувших город, беженцы, которым нередко лишь в последний момент удавалось добраться до главного города провинции, не слишком боеспособные военные, раненые — по оценкам что-то около 300 тысяч человек — находились тогда в Кенигсберге.

В то время как русские направили свои главные силы на уничтожение 4-й немецкой армии в Хайлигенбайльском котле (что было осуществлено к концу марта), Кенигсберг получил небольшую передышку. Она использовалась для систематического и импровизированного усиления обороны. Плодами этого периода были восстановление сообщения между Бранденбургом и Мауленом с Хайлигенбайлем и прорыв 19 февраля через Коббельбудское лесничество к Гальтгарбену. При этом удалось вновь отвоевать Метгетен, Гросс-Блуменау и Повайен, что освободило железнодорожный путь Кенигсберг — Пиллау и водный

путь к Пиллау же через морской канал. Но высочайшая возвышенность Замланда так и не была отбита. После этого десяткам тысяч людей удалось перебраться из Кенигсберга в Пайзе, в Замланд и портовый город Пиллау. Но многие боялись ненастной погоды и невзгод бегства, слышали о гибели нескольких кораблей с беженцами на борту и предпочли, обманутые мнимым спокойствием, остаться в Кенигсберге»⁴⁴⁸.

Словно эхо прошедшей войны доносят до нас письма ефрейтора Ширнахера к жене Ильзе (Фельтен под Берлином, ул. Кохштрассе, 44). Письма не были отправлены, так как почта в это время уже не действовала. Ефрейтор Ширнахер сдался в плен. Письма были напечатаны в листовках-обращениях немецких антифашистов к солдатам в восточнопрусском котле. Ныне они находятся в Калининградском историко-художественном музее.

Восточная Пруссия, 7.03.45.

«Моя дорогая!

Вы, несомненно, уже заждались вестей от меня. Но положение столь запутанно, что почта отсюда не отправляется... Я снова на передовой.

Дорогая! Скажу я тебе, я первый раз попал в компанию столь отчаявшихся людей... О товарищеских отношениях нет и речи. Ты спокойно можешь издохнуть — о тебе никто не побеспокоится, не позаботится...

Мы не получаем почту. Это для солдата самое страшное...

У нас скоро не останется никакой надежды. Мне кажется даже, что нас хотят просто истребить. Когда Иван нападает, фольксштурмисты, как зайцы, спасаются бегством. Если в ближайшее время не появится новое оружие, мы погибли. Высокие господа должны как можно скорее положить этому конец. Ведь если положение станет совсем уж безвыходным, они просто уедут. А народ останется в дураках.

Уже 13 1/2 месяца я не был в отпуске. Это ужасно, так долго не видеть своих близких. Когда же закончится эта безумная война?

С наилучшими пожеланиями...»

Восточная Пруссия, 11.03.45.

«Моя дорогая!

...У нас здесь все тот же кошмар. Теперь это продлится уже недолго, снабжение становится все скуднее. В том грязном болоте, где я нахожусь, оно уже совсем безобразное!

Никто из нас уже не надеется на улучшение.

Когда же закончится эта война? Ты бы не узнала меня, если бы сейчас увидела. Я не брился 14 дней...

Папа еще дома или они уже и его призвали на службу?

Ваш...»

Несмотря на неизбежность поражения, немецкие войска, действовавшие в Восточной Пруссии, получили приказ из Берлина оборонять провинцию до конца. Во всех городах и населенных пунктах, на красных стенах зданий и заборах появились крикливые агитки, выписанные метровыми белыми буквами: «Wir kapitulieren nie!» («Мы не капитулируем!»). Уже земля горела под ногами, и небо извергало смерть, и люди в ужасе забивались в щели убежищ и подвалы, ища спасения, а радио продолжало истерично убеждать: «Мы не капитулируем!».

21 февраля 1945 г. Ставка Верховного Главнокомандования решила передать все войска, действовавшие в Восточной Пруссии, 3-му Белорусскому фронту, чтобы сосредоточить руководство разгромом противника в единых руках. 1-й Прибалтийский фронт упразднялся. Вместо него создавалась Земландская группировка под командованием генерала армии И. Х. Баграмяна.

До конца февраля шли упорные бои. Соппротивление немцев возрастало. Им даже удалось на короткое время восстановить сообщение между Кенигсбергом и Пиллау. Но это был последний успех противника.

Для штурма Кенигсберга советское командование сосредоточило четыре армии: 11-ю гвардейскую, 39, 43 и 50-ю общевойсковые. В гарнизон Кенигсберга входили 5 пехотных дивизий (61, 69, 367, 548 и 561-я), ряд отдельных полков, крепостные части, охранные подразделения, отряды фольксштурмовцев — около 130 тысяч солдат, почти четыре тысячи орудий и минометов, более ста танков и штурмовых орудий. В своих воспоминаниях О. Ляш писал, что 150-тысячная советская группировка имела против себя всего 35 тысяч немецких войск! Последнюю цифру Ляш приводит, уже вернувшись из советского плена. А на допросе, сразу же после капитуляции, он признал: «Мы потеряли под Кенигсбергом всю стотысячную армию. Раненых было до 30 тысяч, убитых тоже было много»⁴⁴⁹.

Как видим, перевес в живой силе был не очень значительный. Чего не скажешь о технике: был абсолютный перевес советских войск в авиации, подавляющий — в танках, значительный — в артиллерии. Все это позволило успешно провести штурм крепости.

Надо отметить и ту особенность, что советское командование отказалось от такого способа ликвидации окруженной группировки, как постепенное и последовательное сжатие кольца окружения. Из четырех армий, привлеченных для штурма Кенигсберга, 39-я армия обеспечивала фланг штурмующей группировки со стороны Земландского полуострова, 50-я армия оказывала давление на восточную часть кольца, а 11-я гвардейская и 43-я наносили встречные удары, отрезая город от залива с выходом в центр обороны, тем самым лишая ее устойчивости.

Оборона Кенигсберга состояла из внешнего оборонительного обвода, преодоленного нашими войсками еще в январе, и трех оборонительных рубежей. Начертание этих рубежей легко оп-

ределяется и спустя десятки лет после штурма. Первый рубеж, оборудованный в шести—восемь километрах от центра города, базировался на полутора десятках старых фортов, в каждом из которых размещался гарнизон. Между фортами и перед ними были отрыты сплошные траншеи, противотанковый ров, установлены инженерные заграждения. Второй рубеж проходил по окраине города, включая в себя укрепленные каменные здания, баррикады, железобетонные огневые точки. Третий рубеж опоясывал центральную часть Кенигсберга, располагаясь на оборонительной системе бастионов, башен и других сооружений прошлого века.

Штурм начался 6 апреля. Единая оборонительная система Кенигсберга достаточно надежно функционировала лишь первый день. Наступающие войска Красной Армии смогли в этот день практически только подойти и завязать бои за сам город, его пригороды. Попытки обороняющихся провести перегруппировки, ввести в бой резервы и использовать их должного успеха не имели.

Второй день стал по сути решающим. Противник терял управление своими силами. Позади советских войск остался фронтовой пояс, бои развернулись в самом городе. Наконец 8 апреля 11-я гвардейская армия, соединившись с передовыми частями 43-й армии, замкнула кольцо окружения — положение крепости стало безнадежным. Соппротивление продолжалось еще сутки, и наконец к исходу 9 апреля Кенигсберг капитулировал.

В сводке вермахта от 12 апреля было опубликовано сообщение из Берлина: «Генерал от инфантерии Ляш за трусливую сдачу врагу военным трибуналом приговорен к смертной казни через повешение. Ответственность возлагается и на его семью»⁴⁵⁰. Типичная реакция Гитлера на неудачи своих генералов.

Оставалась третья, последняя группировка войск противника. Противник, запертый на Земландском полуострове, обреченно ждал своей участи. Наступление войск 3-го Белорусского фронта началось 13 апреля в направлении на Фишхаузен (Приморск). Оборона противника была прорвана в первый же день. 17 апреля войска заняли Фишхаузен и начали бои за овладение Пиллауским полуостровом. Фронт противника составлял всего два-три километра, возможности для маневра наступавших отсутствовали. Все оборонительные сооружения приходилось брать с боем.

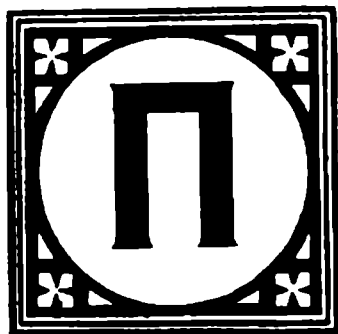
Только 25 апреля крепость Пиллау пала. И хотя Восточно-Прусская операция фактически была завершена, немецкие войска разгромлены, бои на косе Фрише-Нерунг продолжались до 9 мая. Война в Восточной Пруссии закончилась одновременно с капитуляцией фашистской Германии.

XII

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ КЕНИГСБЕРГА И ПРИЛЕГАВШИХ К НЕМУ РАЙОНОВ

ВОЕННЫЕ КОМЕНДАТУРЫ И УПРАВЛЕНИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

о мере продвижения советских войск на запад на территории Восточной Пруссии созда-

вались временные военные органы управления. К апрелю 1945 г. было сформировано 36 фронтовых комендатур⁴⁵¹. Ими руководили военные советы и политуправления 3-го Белорусского фронта и Земландской группировки войск.

Подготовка комендатур осуществлялась заранее, по мере овладения вражеской территорией. Так, в полосе продвижения 11-й гвардейской армии, по данным на 14 февраля 1945 г., создались девять комендатур: семь армейских и две (в городах Велау и Тапиау) фронтового подчинения⁴⁵². При выходе из тыловой границы часть армейских комендатур ликвидировалась, остальные переходили во фронтовое подчинение.

На комендантов возлагались сложные и ответственные функции по наведению порядка в освобожденных от фашистов районах, обеспечению безопасности тылов действующих армий и руководству процессом нормализации жизни местного населения. Кадры для комендатур отбирались из политически подготовленных, морально стойких боевых командиров и политработников. Они проходили предварительное обучение и инструктаж, поэтому не ощущали неуверенности в своих действиях, хотя обстоятельства нередко ставили перед ними неожиданные вопросы, требующие личной инициативы и сообразительности. Районы дислокации комендатур намечались также заранее с использованием боевых карт и данных аэрофотосъемки.

7 апреля 1945 г. была сформирована военная комендатура города и крепости Кенигсберг. Ее возглавил Герой Советского Союза, инспектор кавалерии 3-го Белорусского фронта генерал-майор Михаил Васильевич Смирнов. Об этом событии первый

комендант рассказывал: «В конце марта я был вызван в Военный совет 3-го Белорусского фронта. Командующий войсками маршал Советского Союза А. М. Василевский и член Военного совета Д. Е. Макаров объявили о назначении меня комендантом города и крепости Кенигсберг... Я приступил к формированию военных комендатур. Накануне штурма оно было закончено... Утром 6 апреля я выехал на наблюдательный пункт командующего 50-й армией генерал-лейтенанта Ф. П. Озерова. Слышался мощный, все заполняющий сплошной гул... Прибыл к генералу Озерову в тот момент, когда артиллерия заканчивала огневой налет по переднему краю и готовилась перенести огонь в глубину. Пехота и танки сосредоточились к атаке. Передал ему решение Военного совета фронта — он назначался начальником гарнизона города и крепости Кенигсберг. Мы быстро договорились обо всем, что требовалось решить, и, в частности, о порядке сосредоточения и ввода комендатур в город, о выделении для их охраны солдат дивизий и т. д.»⁴⁵³.

Управление фронтовой комендатуры Кенигсберга вошло в город, когда в центральной его части еще шли ожесточенные бои, поэтому офицерам и солдатам приходилось находиться в состоянии боевой готовности. Но как только накал сражения спал и поступило сообщение о капитуляции Отто Ляша и его штаба, комендатура приступила к решению стоявших перед нею задач. Управление состояло из штаба, отделов: строевой и караульной службы, по регистрации и работе с населением, административно-хозяйственного, хозяйственного и обслуживающего аппарата. Ему подчинялись восемь районных военных комендатур.

Во все фронтовые военные комендатуры назначались заместители комендантов по политической части, в обязанности которых входила воспитательная работа с кадрами. Помощники военных комендантов по хозяйственным вопросам опирались в исполнении своих функций на хозяйственный аппарат. Число входивших в него офицеров-специалистов зависело от ранга той или иной комендатуры, объема и характера ее деятельности. Например, хозяйственный аппарат комендатуры Кенигсберга состоял из старшего офицера-экономиста и девяти офицеров-специалистов по промышленному оборудованию, товарам и хозяйственному имуществу, сельскому хозяйству. В аппарате помощников военного коменданта по хозяйству Инстербурга, Алленштайна и ряда других подобных городов было по десять офицеров.

Порядок назначения и подчиненности военных комендатур, их основные права, обязанности определялись специальными инструкциями, издаваемыми военными советами фронтов⁴⁵⁴. При этом учитывалось, согласно международным договоренностям, что Восточная Пруссия исключалась из состава бывшего рейха, поэтому здесь в отличие от Германии не создавалось органов местного самоуправления. Вся полнота власти сосредото-

чивалась в руках военных комендатур. При управлении военной комендатуры Кенигсберга постоянно дежурили батальон охраны и караульная рота. Районным комендатурам были приданы отделения из пятнадцати человек. В больших городах комендатуры имели не менее стрелкового взвода.

В сфере действия каждой из комендатур устанавливался особый режим. С 18.00 до 8.00 запрещалось всякое движение гражданского населения. Была ли в этом нужда? Безусловно. Восточная Пруссия капитулировала, но мира еще не наступило. Военный корреспондент Е. Григорьев в армейской газете в апреле 1945 г. писал: «Безмолвны развалины Кенигсберга, но это безмолвие обманчиво. Ветер раздувает пламя пожарищ, и среди развалин то и дело слышатся разрывы мин, оставленных врагом. В глухом переулке, от окна третьего этажа, раздается выстрел... там остался гитлеровский снайпер»⁴⁵⁵.

Тысячи немецких солдат и офицеров долго скрывались в развалинах городов, в лесах, в разоренных фольварках. После капитуляции Кенигсберга с 10 до 15 апреля 1945 г. военными комендатурами и подразделениями армии в городе было взято в плен еще три тысячи вооруженных фашистов, укрывавшихся в подвалах⁴⁵⁶. Но и после этого то и дело обнаруживались небольшие вооруженные группы солдат, одиночки, переодевшиеся в гражданское платье, которые пускали в ход автоматы или пистолеты при попытке их задержания.

Нельзя было сбрасывать со счетов и деятельность организации «Вервольф», которая должна была заниматься саботажем и диверсиями в занятых Красной Армией районах. С учетом этого комендатуры добивались полной сдачи населением оружия, боеприпасов, радиопередатчиков и множительных аппаратов, периодически организовывали контрольные проверки среди жителей, прочесывание лесов, кустарников.

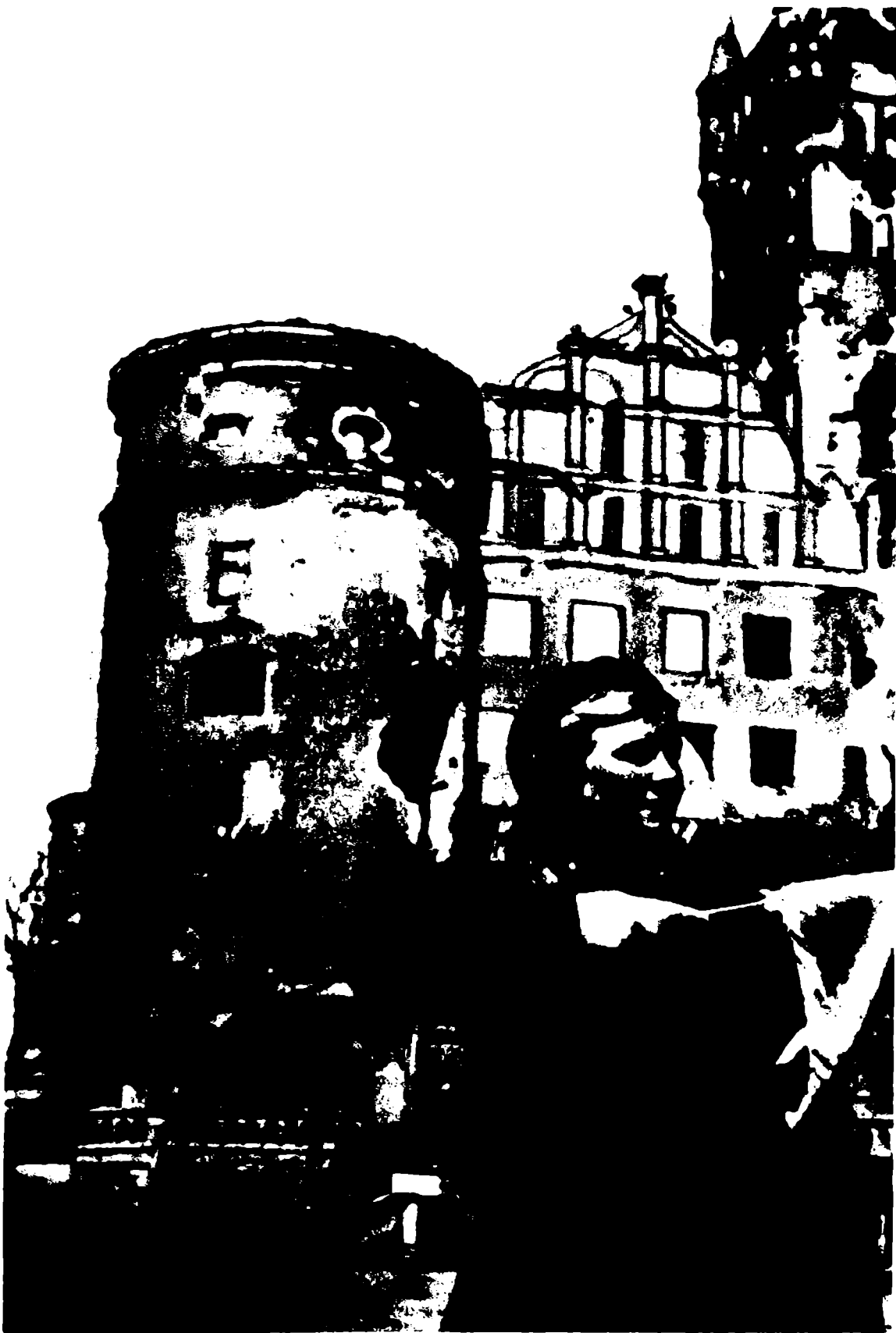
За последние годы в Германии издано немало разного рода воспоминаний участников и свидетелей событий, связанных с падением Восточной Пруссии. Все они с завидным единодушием, хотя нередко и с важными оговорками, пишут о жестоком обращении русских солдат с немецким гражданским населением. Иногда факты так преувеличиваются, что дело доходит до абсурда. Гость из Дюссельдорфа, побывавший в Калининграде в сентябре 1993 г., вполне серьезно интересовался, действительно ли после взятия Кенигсберга существовал полк, сформированный из монголов, который имел задачу уничтожать немецкое население. Гость утверждал, что он располагает данными, будто трупы убитых свозились и топились в Прегеле, в результате русло реки настолько забилося, что его засыпали и проложили новое. Чудовищно, но и такие надуманные сведения тоже являются информацией, которой нельзя пренебрегать хотя бы для того, чтобы ее опровергнуть. Не было организованных убийств, не было умышленного умерщвления голодом гражданского населения! А что было?

Памятник жертвам первой мировой войны среди городских развалин

От Москвы до Кенигсберга. Так шли к победе. Апрель 1945 г.

Путь свободен! Май 1945 г.

На месте гибели советского солдата. Весна 1945 г.

Была кровавая и беспощадная война и ее жестокие неминуемые последствия. Преступное поведение многих служб НСРПГ, в частности, рейхскомиссара Восточной Пруссии Эриха Коха, которые до последнего часа под страхом смертной казни пресекали как государственную измену всякую мысль об эвакуации населения из восточной провинции, привело к беспорядочному бегству жителей на запад. В результате они не однажды попадали в полосу боевых действий быстро наступавших советских войск и гибли от огня артиллерии и танков.

Были случаи грабежей, поджогов зданий, бессмысленных убийств и изнасилований немецких женщин. Но они являлись проявлениями самовольных злоупотреблений военнослужащих, слепого и яростного чувства личной мести, от которого не так-то легко было избавиться тем солдатам, которые в результате развязанной Гитлером войны на уничтожение славянских народов потеряли все, что дорого и свято каждому человеку: дом, родных, друзей, невест.

Уолтер Керр, американский журналист в СССР во время войны, принимавший непосредственное участие в освещении фронтовых событий, писал: «В одном из районных центров, километров 150 от Москвы, и в относящихся к нему деревнях до оккупации было примерно шесть тысяч деревенских домов. После ухода немцев оказалось, что 2286 крестьянских жилищ уничтожено полностью, 1827 пострадали настолько, что для жилья они уже не годились. Оккупанты убили около тысячи мужчин, женщин, детей, но, как сказал мне глава этого маленького административного района, на самом деле погибших было гораздо больше. Вымещая злобу и месть над мирным населением, бежавший враг не только убивал, но и жег все, что оказывалось ему под силу. Причем жгли немцы не только жилье, но и людей — заживо.

...И еще больше проникаешься пониманием того, что пришлось вынести русским людям, глядя на мрачные виселицы; я своими глазами видел шестерых повешенных, пятерых мужчин и одну женщину (Татьяну Песковецкую, здешнего врача, 25 лет)...»⁴⁵⁷.

Керр сообщал не об отдельных эпизодах фашистских зверств. Их было множество.

О количестве разрушенных оккупантами городов и сел на территории нашей страны широко известно. Цифры не раз публиковались в различных изданиях, в периодической печати. Стоит только подчеркнуть, что разрушения эти зачастую носили варварский характер, не продиктованный военной необходимостью. Особые подразделения гитлеровских саперных частей при отступлении войск взрывали дом за домом, цех за цехом, машину за машиной, оставляя после себя груды развалин, разрушенные здания. Бесчисленные вагоны шли в Германию, увозя из страны культурные ценности, скот, зерно и другие плоды грабежей, которыми занимались офицеры самого высокого ранга.

Поэтому из того, что пишут сегодня немцы о поведении русских солдат в Восточной Пруссии, нам представляется наиболее близким к истине свидетельство очевидца событий Михаэля Вика: «Когда мы показывали русским на зверски убитых, они пожимали плечами и взволнованно говорили о матерях, отцах, сестрах и братьях, которые также были убиты, и рассказывали о своей разрушенной родине и всех тех ужасах, что происходили там... Я очень сожалею, что из-за невероятных зверств, а точнее, мести русских, многие немцы не считают необходимым помнить о своей собственной вине или испытывать чувство раскаяния за принесенные другим несправедливости...»⁴⁵⁸.

А как же объяснить появление листовки под заголовком «Убей немца!», распространенной во время войны за подписью писателя И. Эренбурга, на которую ныне ссылаются некоторые зарубежные авторы как на доказательство пропаганды геноцида против немецкого населения? Во многом — это геббельсовская фальшивка. Илья Эренбург действительно писал убийственные для фашистов репортажи и статьи, в том числе и под вышеуказанным заголовком, но в своей книге «Летопись мужества» он разъяснял, что никогда не смешивал фашистов и немецкий народ.

Кроме того, зачем ссылаться на И. Эренбурга, если 23 февраля 1942 г., когда до германской территории было еще очень далеко, а бомбы и снаряды разрывали на части не немецких бюргеров и крестьян, а мирных советских граждан, правительство СССР публично высказалось против отождествления клики Гитлера с немецким народом и государством, выразив свою официальную позицию в краткой форме: «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское остается»⁴⁵⁹. Командование войск Красной Армии, участвовавших в боях за Восточную Пруссию, придерживалось этой заповеди. А в обязанности военных комендатур в первую очередь вменялось: «...строго следить за сохранением в районе дисциплины, порядка, пресекать самочинные действия военнослужащих, пьянство, мародерство, незаконные поборы и изъятие имущества у местного населения; задерживать и передавать следственным органам военнослужащих, нарушивших дисциплину...»⁴⁶⁰.

При оценке работы военных комендатур с немецким населением важно учитывать, что до капитуляции Германии и созыва Берлинской (Потсдамской) конференции, определившей юридический статус части восточнопрусской территории как отошедшей Советскому Союзу, на ней был установлен оккупационный режим (Приложение 1). В правовом положении немцы рассматривались как граждане враждебного государства. Дороги, идущие в места их расселения, перекрывались охраняемыми шлагбаумами. В городах и районах вводилось патрулирование, всякое общение военнослужащих и советских граждан с немец-

ким населением пресекалось⁴⁶¹. Появлявшиеся на улице в неуточное время лица немецкой национальности в возрасте от 16 до 50 лет немедленно задерживались и направлялись на сборный пересыльный пункт, где спецорганы разбирались с каждым задержанным персонально и давали заключение, кого и куда направить⁴⁶².

10 мая 1945 г. Военным советом 3-го Белорусского фронта при комендатуре Кенигсберга было создано Временное управление по гражданским делам⁴⁶³. Перед ним ставились следующие задачи:

провести полный учет и регистрацию населения, определить его профессиональный состав и выдать на руки каждому немецкому гражданину временный документ (справку), удостоверяющий личность;

расселить немецкое население по районам, исходя из наличия и состояния жилого фонда, установить за ним систематический контроль, не разрешая покидать установленное место жительства;

представлять коменданту города и крепости необходимые приказы, объявления и другие документы с целью установления в городе твердого режима, поддержания спокойствия граждан и решения прочих вопросов, касающихся администрации;

обеспечить пуск предприятий местной промышленности, массовое привлечение населения к огородничеству в целях самообеспечения овощами;

организовать медицинскую помощь немецкому населению⁴⁶⁴.

Возглавлял Временное управление заместитель военного коменданта города и крепости по гражданским делам. В его подчинении находились отделы:

а) административный, состоящий из трех офицеров и восьми вольнонаемных;

б) паспортный (в составе пяти офицеров и восьми вольнонаемных);

в) местной промышленности (в составе пяти офицеров и десяти вольнонаемных);

г) коммунально-бытовой (в составе пяти офицеров и десяти вольнонаемных);

д) торговли (в составе двух офицеров и пяти вольнонаемных);

е) продовольственный (состоящий из шести офицеров и десяти вольнонаемных);

ж) здравоохранения (в составе двух офицеров и пяти вольнонаемных)⁴⁶⁵.

Название каждого отдела определяло направление и содержание его деятельности.

Время шло, менялась обстановка. Летом 1945 г. после ликвидации фронтовых управлений на территории Кенигсберга и прилегающих к нему районов на основании директивы НКО СССР от 9 июля 1945 г. был сформирован Особый военный ок-

руг во главе с командующим генерал-полковником К. Н. Галицким ⁴⁶⁶, который своим приказом освободил комендатуру Кенигсберга от административно-хозяйственного управления жизнью и деятельностью города. Комендатура стала выполнять чисто гарнизонные функции, предусмотренные уставом. Ликвидировалось и Временное управление по гражданским делам при комендатуре Кенигсберга. Взамен создавались Временное гражданское управление при Военном совете округа и его органы при восьми комендатурах районов г. Кенигсберга ⁴⁶⁷.

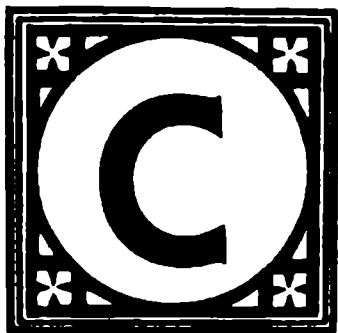
Новое управление было самостоятельным, подчинявшимся только Военному совету Особого округа. На него возлагались более широкие обязанности, связанные с началом восстановления экономики. В его функции входило: планирование и контроль финансовой деятельности предприятий и учреждений, организация ремонта и устройство дорог и мостов в городе, открытие учебных заведений и руководство ими, создание системы дошкольного воспитания, обложение подоходным налогом хозяйственных организаций и местных предпринимателей, распределение рабочей силы по заявкам руководителей хозяйств, совершение гражданских актов, регистрация браков, рождения и смерти, учет военнообязанных советских граждан ⁴⁶⁸.

Новое управление состояло из 15 отделов: административного, паспортного, промышленного, коммунально-бытового, торгового, финансово-планового, кадров, дорожного, здравоохранения, организационно-планового, пожарной инспекции, местной промышленности и народного образования, а также политотдела ⁴⁶⁹. В штате управления насчитывалось 134 сотрудника ⁴⁷⁰. Начальником Временного гражданского управления был назначен второй член Военного совета округа генерал-майор В. Г. Гузий.

При военных комендатурах районов города учреждались временные гражданские отделы. В их структуру входили отделения: паспортное, промышленности, коммунально-бытового хозяйства, торговое, сельского хозяйства и здравоохранения. Комендатура сельских районов имела заместителя коменданта по гражданским делам.

Сохранялся военный характер гражданского управления: централизация власти в лице одного органа — Военного совета, опора на силу приказа, сосредоточение гражданской власти на местах в руках военных.

Начиная с сентября 1945 г. каждая комендатура с военной точностью ежедневно представляла в отдел по руководству военными комендатурами округа отчет о проделанной в соответствии с планом работе.

разу же после взятия Кенигсберга началась сложная и трудная работа по оживлению его

хозяйственной жизни. Руководили ею, сообразуясь с обстановкой, офицеры военных комендатур и временных управлений по гражданским делам.

В первую очередь необходимо было принять меры безопасности: многие промышленные объекты, склады, здания, перекрестки улиц, главные шоссе, железнодорожный узел, мосты оказались заминированными. За два месяца после окончания боев саперы собрали и обезвредили свыше 500 тысяч снарядов, 60 тысяч гранат, 100 тонн пороха, 550 фугасок и много другого смертоносного оружия⁴⁷¹. К 30 мая 1945 г. территория города в основном была очищена от взрывчатых веществ.

Затем с помощью военных подразделений и немецкого населения последовали расчистка и уборка улиц от завалов, засыпка окопов, воронок, траншей, захоронение трупов⁴⁷². Для предупреждения несчастных случаев военные коменданты городов и населенных пунктов округа организовали обследование каждого сгоревшего здания с высокими стенами. После выявления опасных руин они были взорваны⁴⁷³.

Не терпели отлагательства и другие вопросы: размещение оставшихся без крова немецких граждан, обеспечение жильем советских офицеров, специалистов, рабочих. О колоссальных трудностях в решении этой проблемы свидетельствовал акт обследования, проведенного в начале 1946 г.: «До войны Кенигсберг имел шесть миллионов квадратных метров жилой площади. По состоянию на 15 мая 1946 г. город имеет 650 тысяч квадратных метров. Однако 50 процентов ее требует капитального ремонта»⁴⁷⁴. До войны Кенигсберг располагал технически сложным и обширным коммунальным хозяйством. Три водонасосные станции общей производительностью 35 тысяч кубических метров воды в сутки снабжали город водой. Сеть водопровода составляла 380 километров. В городе действовало девять перекачивающих канализационных станций. Общая протяженность канализационной сети равнялась 540 километрам⁴⁷⁵. В ходе боев и городской водопровод и канализационная система вышли из строя. Пострадали водонасосные и перекачивающие станции, многие коммунально-бытовые объекты.

Чтобы сконцентрировать усилия военных строителей на ремонте жилья и коммунального хозяйства, приказом командующего Особым военным округом от 10 июля 1945 г. в округе бы-

ло создано управление военностроительных работ в составе 38 офицеров-специалистов⁴⁷⁶. Оно согласовывало свои действия с комендатурой города.

Кроме жилья и коммунального хозяйства в срочном восстановлении нуждались объекты, обеспечивающие жизнедеятельность города. В начале мая 1945 г. началось восстановление элеватора и мельницы в кенигсбергском порту. Специалисты и воины приступили к ремонту и оборудованию электростанции. К 1 июня 1945 г. удалось наладить водоснабжение станции «Прегель» и «Верке».

Приказом военного коменданта города устанавливались сроки пуска ряда других важных объектов. К 1 июля предполагалось дать в жилые дома электричество, осветить улицы, пустить в уличные колонки воду, исправить канализацию. Однако дело оказалось сложнее, чем вначале представлялось, особенно с водоснабжением и ремонтом сточной системы. Вопросы городского хозяйства детально занимались Военный совет, лично командующий Особым военным округом.

Постановлением Военного совета от 22 октября 1945 г. был создан отдел городского водоснабжения и канализации, укомплектованный специалистами. С этого момента работа пошла успешнее. Уже в ноябре штаб округа, окружной Дом офицеров, некоторые другие учреждения получили воду и были подключены к городской канализационной сети⁴⁷⁷.

Принимались меры к развитию торговли, производству товаров массового потребления. В Кенигсберге на базе сохранившегося оборудования был оперативно организован выпуск швейных и трикотажных изделий, мебели, продукции кожевенного и щеточного производства.

Событием для всех участников восстановления городского хозяйства явился пуск первых трех пассажирских автобусов. Движение их осуществлялось по графику: с 8.00 до 9.55, с 15.00 до 16.20 и с 19.00 до 22.00⁴⁷⁸. С 15 сентября 1945 г. началось регулярное автобусное движение на линии Кенигсберг — Гумбиннен.

В связи с прибытием на территорию округа все большего числа семей офицеров перед командованием встал вопрос о школьном обучении детей. Многие старые немецкие школы были разрушены. Лишь часть из них могла использоваться по назначению. Тем не менее в ноябре 1945 г. на территории округа удалось открыть семь общеобразовательных школ. Выделялась, как наиболее благоустроенная и укомплектованная учителями, средняя школа № 1, которой было отдано наиболее сохранившееся в Кенигсберге здание бывшей городской немецкой средней школы для юношей на Лендорфштрассе. Осенью в городе появился первый кинотеатр имени Советской Армии⁴⁷⁹.

В ходе войны пришла в полный упадок промышленность Восточной Пруссии. Часть крупных объектов индустрии отступавшие немецкие войска разрушили сами, остальные сильно по-

страдали во время боев. Согласно учету и паспортизации предприятий, проведенными военными комендатурами в апреле — мае 1945 г., 40 процентов заводов и фабрик оказались уничтоженными до основания⁴⁸⁰. Безлюдным и унылым, с покореженными кранами, сгоревшими зданиями выглядел морской порт — торговые ворота Кенигсберга.

Чтобы восстановить довоенные промышленные мощности, требовались большие инвестиции и труд значительного числа специалистов и рабочих. Война подорвала экономику СССР, страна понесла колоссальные потери в населении. Поэтому потенциальные возможности района Кенигсберга, перспектива использования его производственных, природных и энергетических ресурсов привлекли внимание многих наркоматов страны.

В мае 1945 г. в разрушенный город прибыл представитель комиссариата целлюлозно-бумажной промышленности полковник Абабков, чтобы оценить объемы восстановления предприятий, могущих пополнить производственную базу отрасли, потерявшую за годы войны половину мощностей⁴⁸¹. Для ревизии причального хозяйства и подготовки торгового порта к перевозкам грузов сюда был командирован уполномоченный наркомморфлота подполковник Киселев⁴⁸². В июле 1945 г. Кенигсберг посетили ответственные работники наркомата судостроительной промышленности профессор, капитан 1 ранга В. Ф. Попов и инженер капитан 2 ранга С. Г. Быков на предмет разработки плана ремонта и пуска судостроительного завода (бывшего «Шихау») ⁴⁸³. Постепенно военные комендатуры начали передавать наркоматам и ведомствам находившиеся под их охраной и подлежащие восстановлению промышленные объекты⁴⁸⁴. В первую очередь это коснулось целлюлозно-бумажных предприятий.

Являясь аграрно-индустриальным районом Германии, Восточная Пруссия имела развитую бумажную промышленность: два комбината в Кенигсберге, по одному в Тильзите и Рагните, две бумажные фабрики в Велау. Они производили 270 тысяч тонн целлюлозы и 3,9 тысячи тонн бумаги. Предприятия сильно пострадали, особенно Тильзитский ЦБК и Велауская бумажная фабрика № 2. Большую часть оборудования Рагнитского ЦБК немцы эвакуировали, а с оставшегося сняли и вывезли важнейшие детали⁴⁸⁵.

Для руководства восстановлением разрушенных предприятий приказом наркома целлюлозной и бумажной промышленности от 19 мая 1945 г. в Москве было создано специальное управление⁴⁸⁶. Конечно, сама по себе новая управленческая структура еще не решила проблемы. Дело тормозилось отсутствием квалифицированной рабочей силы. По решению Гаагской конференции государствам запрещалось в массовом порядке переселять на оккупированную территорию своих граждан. Советский Союз получил такое право только в соответствии с документами Потсдамской конференции. Поэтому до начала организованной переселенческой кампании приходилось максимально

использовать наличную рабочую силу. Источником ее являлись демобилизованные воины, репатриированные советские люди, местное население и военнопленные⁴⁸⁷ (Приложения 2, 3).

Важное значение в ликвидации кадрового дефицита имело постановление Государственного Комитета Обороны № 8923-с «Об обеспечении рабочей силой предприятий Наркомбумпрома в городах Тильзит, Кенигсберг, Рагнит, Велау, Мемель». На его основе был объявлен набор специалистов из числа военнослужащих Советской Армии. В конце июня — начале июля 1945 г. семь воинских подразделений (2860 человек) прибыли на территорию Особого военного округа⁴⁸⁸. Это были монтажники, каменщики, плотники, штукатуры, маляры и другие мастера своего дела.

Последовательность и сроки ввода предприятий целлюлозно-бумажной промышленности в эксплуатацию во многом зависели от степени их разрушения и наличия оборудования. Сохранившаяся бумажная фабрика № 1 в Велау и ЦБК-1 в Кенигсберге к концу года выдали первые 139 тонн бумаги и 696 тонн целлюлозы. В марте 1946 г. вступила в строй первая очередь ЦБК-2 в Кенигсберге⁴⁸⁹.

Остро сказывалась нехватка стройматериалов, но управление военностроительных работ сумело оперативно организовать пуск завода металлоконструкций (бывший «Мюнцер»), который положил начало созданию строительной базы⁴⁹⁰.

Анализ обстановки, условий и потенциальных возможностей экономики округа вызвал необходимость быстрее восстановления предприятий рыбодобывающей и обрабатывающей промышленности. Близкий выход к рыбным богатствам Балтики и Атлантики открывал перспективы создания крупного рыбацкого района на западе страны.

В июне 1945 г. в Кенигсберге сформировался Балтийский государственный рыбный трест (Балтгосрыбтрест) во главе с полковником Пишухой. Управленческий аппарат треста подбирался из специалистов-офицеров армии и флота⁴⁹¹. Военные комендатуры передали тресту кенигсбергскую судостроительную верфь, три рыбозавода (в Лабиау, Пайзе, Нойкурене), два консервных завода (в Пиллау и Кенигсберге), два холодильника (в Лабиау и Пиллау), три лесозавода (в Фишхаузене, Тильзите и Кенигсберге)⁴⁹². Все эти предприятия не имели значительных разрушений и восстанавливались довольно быстро при участии военных строительных батальонов.

Среди первенцев машиностроения, поднятых из руин руками воинов, был вагоностроительный завод. До войны фирма «Штайнфурт», владевшая им, выпускала двухосные вагоны. В военное время завод перешел в основном на производство зенитных платформ и артиллерийских передков. Здесь работало до семи тысяч человек⁴⁹³.

После падения Кенигсберга завод представлял мрачное зрелище. Стены многих цехов и перекрытия обрушились. В доклад-

ной записке о деятельности завода в 1946 г. говорилось, что оборудование находилось в крайне запущенном состоянии и требовало сплошного восстановления и ремонта. Почти все оно было разукомплектовано. Кроме того, как было установлено бывшим владельцем завода, оборудование эксплуатировалось исключительно на износ ⁴⁹⁴.

Восстановление предприятия началось в марте 1946 г. В нем участвовали подразделения Балтийского военно-морского флота. В качестве консультантов использовались немецкие специалисты. Моряки трудились сноровисто, и буквально через месяц кузнечный, литейный, механический, сборочный, заготовительный цехи приобрели облик помещений, готовых к встрече будущих своих хозяев. Одновременно балтийцы ремонтировали жилье, магазин, фабрику-кухню. Суммарная стоимость того, что они сделали, составила десять миллионов рублей ⁴⁹⁵ (в ценах того времени). Завод уже к концу апреля 1946 г. выдал первые пять двадцатитонных двухосных саморазгружающихся вагонов-думпкаров.

Возрождение промышленности было немыслимо без налаженной работы железнодорожного транспорта. В Восточной Пруссии существовала широкая сеть железных дорог. В годы войны в силу необходимости немцы продолжали ее совершенствовать. На территории, отошедшей к Советскому Союзу, железнодорожное хозяйство включало в себя более двух тысяч километров железнодорожных путей, 122 станции, 18 паровозных депо, 40 водонасосных станций ⁴⁹⁶. Отступая, фашисты практически вывели все это из строя, подорвали путепроводы, станционные пути, стрелки, станционные здания, мосты, технические сооружения по экипировке и ремонту подвижного состава, разрушили связь ⁴⁹⁷.

Восстановление железнодорожных путей и узлов началось еще в ходе боевых действий: этого требовал фронт. Узкоколейные железные дороги Восточной Пруссии составляли большую трудность в эксплуатации для нашей армии. Рассчитанные на них вагоны и паровозы оказались угнанными на запад или взорванными. Под оставшиеся колени приходилось подводить новые пары колес или перешивать железнодорожное полотно, что требовало дополнительных сил, средств и времени. Руководило восстановлением железных дорог и прокладкой новых первоначально Управление инженерных войск 3-го Белорусского фронта, а затем Особого военного округа ⁴⁹⁸.

В октябре 1945 г. начались ремонтные и строительные работы на инстербургском железнодорожном узле, в первую очередь на путях Гумбиннен — Даркемен, Инстербург — Гумбиннен, Гумбиннен — Шталлупенен. Велись они силами четвертой штурмовой инженерно-саперной бригады ⁴⁹⁹. В целом в восстановлении железных дорог в округе участвовало 12 589 человек железнодорожных войск и спецформирований ⁵⁰⁰.

о войны сельскохозяйственные угодья Восточной Пруссии в границах будущей Кали-

нинградской области составляли 1161,5 тысячи гектаров, из них 580 тысяч гектаров — пахотные земли, 170,3 тысячи гектаров — сенокосы, 52,5 тысячи гектаров — усадебные земли, 238 тысяч гектаров — леса и кустарники, 120,2 тысячи гектаров — прочие земли⁵⁰¹. Технически оснащенная мелиоративная система позволяла осушать 898 гектаров земли, в том числе 524 тысячи гектаров путем закрытого дренажа⁵⁰². Ее дополняли заградительные морские и речные дамбы, рассчитанные на орошение еще 250 тысяч гектаров земли. В результате боевых действий все это вышло из строя. Лишь около половины сельскохозяйственных угодий было пригодно для использования.

Начало процессу освоения земель положил приказ командующего 3-м Белорусским фронтом от 24 марта 1945 г. о создании подсобных хозяйств в объединениях и соединениях войск. Его появление могло показаться неожиданным: ведь к тому времени еще не был взят Кенигсберг, бои на подступах к городу приобретали все более ожесточенный характер, и вдруг — о подсобных хозяйствах! На самом деле ничего неожиданного не было. Продовольственное снабжение фронта по разным причинам, прежде всего из-за транспортных трудностей, становилось напряженным. Возникла необходимость дополнить централизованный подвоз продуктов и фуража самообеспечением войск. На первых порах подсобные хозяйства представляли оперативно созданные животноводческие фермы, укомплектованные бесхозным скотом. Широкий размах с использованием пашни и сенокосов они получили лишь после падения Восточной Пруссии.

Одно из крупных подсобных хозяйств было создано в 11-й гвардейской армии, которой командовал генерал-полковник К. Н. Галицкий. Оно считалось отдельной частью и подчинялось начальнику интендантской службы. Посевная площадь хозяйства составляла 7000 гектаров. В подсобном хозяйстве трудилось 1610 человек, в основном это были немцы. Хозяйство имело 1205 лошадей и двадцать тракторов, пять автомашин ГАЗ-АА⁵⁰³.

Подсобные хозяйства одно за другим возникали во всех подчиненных 3-му Белорусскому фронту армиях, корпусах и дивизиях.

Перед весенним севом солдатам пришлось очищать поля от проволоки, бревен, деревьев, трупов животных, засыпать окопы,

воронки, траншеи. Важно было проверить, не остались ли где мины, снаряды, чтобы обезвредить их ⁵⁰⁴.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 6 мая 1945 г. № 8435 при 3-м Белорусском фронте создается сельскохозяйственное управление, а директивой командующего фронтом в объединениях — сельскохозяйственные отделы, в комендатурах Кенигсберга и районах округа — сельскохозяйственные группы ⁵⁰⁵.

23 июля 1945 г. командующий округом утвердил план производства 200 тысяч тонн зерна и 175 тысяч тонн картофеля. С этой целью намечалось засеять 165 тысяч гектаров площадей. Одиннадцати стрелковым, танковым и артиллерийским дивизиям округа для развертывания подсобных хозяйств отводилось по десять тысяч гектаров земли. В районах Велау, Тапиау, Инстербурга, Вальдау, Кенигсберга создавалось пять военных совхозов. Каждому из них нарезалось по пять тысяч гектаров земли. При военных комендатурах Тильзита, Даркемена, Гумбиннена, Инстербурга и ряда других городов размещались подсобные хозяйства военторга на площади пяти тысяч гектаров.

Осенью 1945 г. войска провели вспашку зяби и озимый сев. Там, где не хватало трофейных сеялок и лошадей, сеяли вручную, как встарь, из лукошек, для чего выделялись умельцы из числа солдат — потомственных крестьян.

Шли поиски наиболее рациональных форм организации подсобных хозяйств. Каждое из них условно называлось военным совхозом. В каждом из них трудилось по 2500 постоянных рабочих, использовался труд военнопленных. В горячее время хозяйству приходилось нанимать до 4000 сезонных работников из местных жителей. Такому совхозу полагался административный и обслуживающий аппарат из 200 человек.

Все 18 подсобных хозяйств (совхозов) получили технику: тракторов — 725 штук, комбайнов — 362 штуки, автомашин ЗИС-5 — 362 штуки, но больше всего лошадей — 9400. В разные периоды года в совхозах работало до 7750 вольнонаемных советских граждан, около 16 000 постоянных рабочих из местного немецкого населения, почти 24 000 военнопленных и 60 000 сезонных немецких рабочих, всего — 113 750 человек.

Для обслуживания военных совхозов при сельхозуправлении округа были созданы сельскохозяйственный склад, ремонтная база, контрольно-семенная лаборатория, опытное поле, карантинная инспекция и инкубаторская птицеводческая станция. Планирование и оперативное руководство деятельностью военных совхозов в каждой дивизии осуществляло агропроизводственное отделение из пяти человек ⁵⁰⁶.

Заключительным организационным этапом в хозяйственной деятельности округа явилось два важных постановления Военного совета: от 23 ноября 1945 г. «О восстановлении мелиоративной системы в районе залива Куриш-Гафф» (его выполнение позволило к 1 февраля 1946 г. в основном закончить ремонт

и сдачу в эксплуатацию насосных станций, а к апрелю 1946 г. ввести в строй шлюз на реке Немонин-Штром) ⁵⁰⁷ и от 29 января 1946 г. «Об организации 30 военных совхозов типа подсобных хозяйств на территории Особого военного округа». На этот раз совхозы создавались на базе военных комендатур типа подсобных хозяйств... ⁵⁰⁸

Во главе новых хозяйств ставились офицеры, имевшие опыт работы в сельском хозяйстве. Персонал агрономов, шоферов, механиков разрешалось комплектовать за счет местного немецкого населения и репатриированных из Германии советских граждан. Общий штат руководящего офицерского состава совхозов составлял 450 человек ⁵⁰⁹. За хозяйствами было закреплено 258 215 гектаров угодий со всеми находящимися на них постройками ⁵¹⁰. Технику к весеннему севу готовили специалисты армии. Активное участие в подготовке к полевым работам принял личный состав частей 1-й гвардейской мотострелковой Московско-Минской дивизии ⁵¹¹.

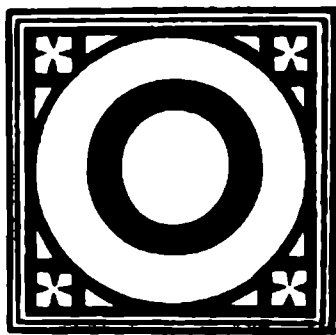
Подсобные хозяйства, преобразованные в военные совхозы, получили соответствующую нумерацию.

ХІІІ

ТРАГЕДИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ И СЛОЖНОСТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

ВИНОВАТ ФАШИЗМ

тто Ляш в книге «Так пал Кенигсберг» пишет: «...Так как необходимые для эвакуа-

ции корабли не смогли подготовить, а отток населения из Кенигсберга в Пиллау продолжался, в Пайзе, на берегу кенигсбергского морского канала, был сооружен промежуточный лагерь. В недостаточно подготовленном и плохо организованном лагере вскоре разразился голод и начались эпидемии...»⁵¹².

Это было в феврале 1945 г., когда еще, казалось, не поздно было избежать надвигающейся катастрофы и ограничить масштабы страданий гражданского населения. В некоторых местах, по свидетельству Ляша, «отчаявшиеся женщины пытались отнять у солдат оружие и вывесить из окон белые флаги, чтобы положить конец кошмару»⁵¹³, заставить командование пойти на капитуляцию. Однако комендант города и крепости был настроен на продолжение сопротивления. Молодых солдат, проявлявших колебания, вешали без пощады у Северного вокзала. На грудь каждому несчастному помещали табличку: «Я должен был умереть, так как я трус»⁵¹⁴.

Неудивительно, что город, охваченный огнем, погибал, десятки тысяч людей лишились крова и пропитания.

Некая Г. К. из Кенигсберга (Шарлоттенбург), просившая не называть своего имени, свидетельница событий 1945 г., вспоминает: «Первые недели в Кенигсберге (после падения города — *ред.*) нашим основным занятием было выпрашивание и выменивание пищи. Мы бродили по развалинам города, выскивая предметы для обмена, и нередко наталкивались на уже совсем черные трупы немецких солдат. В одном месте мы обнаружили мертвую лошадь, от которой немцы отрезали куски мяса...»⁵¹⁵. О фактах употребления для еды павших лошадей упоминают и некоторые другие свидетели.

Было зарегистрировано 12 страшных случаев людоедства, о чем компетентные органы сообщили в докладной записке (№ 515) тогдашнему министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову⁵¹⁶.

Люди погибали от дизентерии, туберкулеза, тифа.

Можно негодовать по поводу того, что среди немецкого населения была большая смертность. Винить в этом надо прежде всего фашизм. Трагическое положение немцев, помимо запрета на своевременную эвакуацию, усугубил приказ Гитлера от 19 марта 1945 г. «О разрушении объектов на территории Германии», согласно которому «все военные, транспортные, промышленные объекты, а также объекты связи и жизнеобеспечения, равно как и реальные ценности в имперских территориях, которые каким-либо образом сразу или по прошествии некоторого времени смогут оказаться полезными противнику..., подлежат уничтожению»⁵¹⁷. Руководителей рейха не смущало то, что немецкие граждане лишались при этом средств существования. Свое отношение к данной проблеме Гитлер сформулировал в распоряжении, отданном министру Шпееру, смысл которого сводится к тому, что нет нужды принимать во внимание то, в чем народ нуждается для примитивного продолжения жизни. Наоборот, лучше все это самым уничтожить, так как немецкий народ доказал свою слабость. После поражения остаются только неполноценные.

Между прочим нацистская верхушка, бросая свой народ на произвол судьбы, стремилась всеми мерами спасти собственную «драгоценную» жизнь. Партийные деятели скрывались в большей части в Баварии, виднейшие из них — в Ландгуте и Берхтесгадене. В последнем, согласно немецким источникам, в случае, если все кончится провалом, намеревался укрыться и Гитлер со своими приближенными⁵¹⁸.

Настроение гитлеровской верхушки передавалось низам. Отступавшие из Восточной Пруссии немецкие солдаты совершенно не задумывались над участью оставшегося здесь гражданского населения. Кристиан Тилицки в «Буднях Восточной Пруссии в 1940—1945 годах» приводит поразительный документ — отчет прусского генерального прокурора от 18 января 1945 г.:

«...В приграничных районах осталось много скота, который военнослужащие рассматривали как бесхозный. В зависимости от обстоятельств они забивали попадавшихся им животных или уводили с собой. Примеру военнослужащих следовали интендантская служба, а также многочисленные строители оборонительных сооружений... Охотники за добычей не ограничивались присвоением сельскохозяйственных продуктов, они быстро перешли к разграблению жилищ эвакуированных граждан. Известны случаи, когда солдаты вели себя, как настоящие вандалы. Они совершенно бессмысленно ломали мебель, вспарывали перины, подушки, одеяла, кромсали кожаные кресла, уничтожали произведения искусства, наводили в квартирах полнейший беспорядок».

рядок... Награбленное отправлялось по почте родным и близким либо вывозилось на грузовиках...

Свои действия солдаты оправдывали тем, «что вещи либо достанутся русским, либо будут уничтожены, либо их заберут другие солдаты...»

Позиция рейхскомиссара и гауляйтера по данному поводу выражалась предельно четко: «Из тысячи писем восточнопрусских жителей ему стало известно, что военнослужащие в невероятных масштабах подвергают жилища беженцев разграблению без того, чтобы они привлекались за это к ответственности... По его приказу не эвакуированный и оставшийся без присмотра скот следовало по возможности забивать и использовать в общественных столовых или для снабжения войсковых соединений... Рассматривать присвоение этого скота как грабеж не имеет смысла, так как животные могут погибнуть из-за отсутствия необходимого ухода. Он считает гуманным и естественным, если женщина, квартира которой разграблена, возьмет необходимые ей предметы первой необходимости в соседской квартире...»⁵¹⁹.

Возмущение действиями своих солдат выражали даже нацисты. Характерным в этом отношении является письмо одной из активисток партии, направленное на имя Геббельса перед вступлением Красной Армии в г. Гутштадт близ Алленштайна (Ольштын): «Мы переживаем здесь, в маленьком городе Гутштадте, нечто ужасное. Хаос, хуже которого нельзя себе представить. Проходившие здесь наши солдаты грабили население, сбрасывали с себя мундиры. Улицы заполнены предметами обмундирования.

Военные билеты, кобуры и шлемы — все, что может напомнить о солдате, валяется кругом.

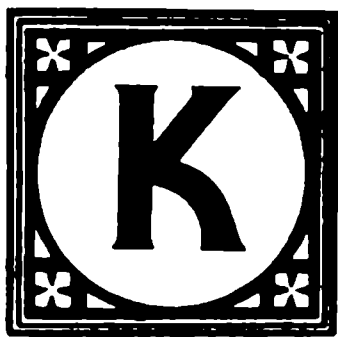
Тут же брошенные в спешке продукты, награбленные у населения в таком большом количестве, что их нельзя было захватить с собой.

Солдаты отбирали у жителей гражданское платье, переодевались в него и бежали. За ними последовали местные руководители: бургомистр и представители национал-социалистических органов. Все они сбежали и бросили население на произвол судьбы.

Хочу добавить, что я старый член партии, Гауляйтер Эрих Кох меня хорошо знает. Ваш верный товарищ по партии Хилли Барованская. Ранее я жила в Кенигсберге. Пострадала во время бомбежки 30 августа 1944 года»⁵²⁰.

При отступлении гитлеровцы уничтожили практически все складские запасы продовольствия, какой-либо подвоз в Кенигсберг продуктов питания прекратился.

Уже в феврале 1945 г. в городе перестали отпускать жителям хлеб (150 граммов на человека) и другие продукты питания по карточкам.

огда замолкли пушки, на территории Кенигсберга и прилегающих к нему районов остава-

лось 139 тысяч немецких граждан. Голод, длительное пребывание в убежищах и подвалах довели многих до истощения и болезней. Трудоспособность сохранили 48 тысяч человек в возрасте от 18 до 50 лет, причем женщин среди них было в три раза больше, чем мужчин.

Военными властями все оставшееся немецкое население было переписано и учтено. Каждый получил справку, удостоверяющую личность, место жительства и прохождение учета. Оказалось, что почти половина населения сосредоточилась в Кенигсберге. По данным на 26 апреля 1945 г., здесь проживало более 63 тысяч человек, на 12 ноября — 60 тысяч⁵²¹, на 24 мая 1946 г. — 43 617 человек⁵²² (Приложение 5).

Видимо, эти цифры, несмотря на их официальность, считать точными нельзя. Надо учитывать, что в город (особенно в первое время после войны) прибывало немало сельского населения, избегавшего регистрации. Беженцы из провинции занимали сохранившиеся среди развалин пустовавшие помещения, сами себе добывали пищу, где только могли, старались быть незамеченными. Правда, их иллюзорные надежды на то, что в городе «будет легче», быстро рушились, и тогда они вновь возвращались в деревню или бежали в Литву. К ним присоединялись коренные горожане. Так что поток беженцев из Кенигсберга, без сомнения, превосходил по масштабам возвращавшихся в него.

...К осени 1945 г. первоначально установленный для немецких граждан жесткий режим был ослаблен. Они получили право свободного передвижения и общения с советскими людьми, включая военнослужащих, допускались к работе в учреждениях и воинских частях. Устранялась охрана в местах их проживания. Из немецких активистов стала назначаться местная администрация. На селе ее функции выполнял староста⁵²³. В Кенигсберге, где районы были поделены на 51 участок, помимо участковых старост и секретарей, выделялись старшие по домам. Староста имел оклад 200 рублей, секретарь — 150⁵²⁴.

Немцы получили более широкую возможность трудоустройства и денежного заработка. Сначала они использовались на очистке территории городов и поселков от завалов и мусора, погребении трупов, ликвидации траншей, окопов и рвов, сборе оборудования⁵²⁵. С течением времени труд их стал находить

применение в самых разнообразных сферах жизни. С помощью немецких специалистов и рабочих поднимались из руин целлюлозно-бумажные комбинаты в Кенигсберге, Тильзите, Рагните, вагоностроительный завод ⁵²⁶.

Военный совет округа 15 февраля 1946 г. принял постановление, в котором местному населению предоставлялось право свободного устройства на работу в промышленности и сельском хозяйстве. При этом указывалось, что благополучие немецких рабочих и их семей будет зависеть от количества и качества их труда ⁵²⁷. Это утверждение не было только пропагандистской фразой, сами немецкие рабочие нередко подтверждали собственным опытом заключенный в ней принцип.

На лесопильном заводе в Фишхаузене рядом с русскими трудились Вальтер Ланге и 27 его земляков. По свидетельству Ланге, их никто не обижал, зарабатывали они неплохо. Так, Эрна Венгерт за семь дней получила за свой труд 267 рублей ⁵²⁸. По тем временам это были большие деньги.

Хуго Линк, пастор, руководитель евангелической церкви Кенигсберга, находившийся в 1945—1947 гг. в городе (мы будем цитировать его не раз как объективного очевидца), в своих воспоминаниях справедливо утверждает, что «для людей некоторых профессий возможность получить работу, а значит, и средства существования, предоставлялась с самого начала. В первую очередь это были врачи и другие медработники, инженеры, ремесленники, их работа сносно оплачивалась... Многие женщины работали в портновских мастерских. У сапожников было много заказов... В прачечных трудилось немало женщин. Многие шли домработницами в русские семьи...» ⁵²⁹

Немецкие специалисты (инженеры, врачи, учителя и т. д.) получали больше, чем простые рабочие. Но и их заработок исчислялся из расценок того времени.

Перед нами выписка из приказа начальника тыла 3-го Белорусского фронта от 29 мая 1945 г. № 101 «О поденной оплате труда местного немецкого населения, привлекаемого для выполнения различного рода работ»:

«...Оклад в день (в рублях): белошвейка — 9, водовоз — 9, водопроводчик — 11, грузчик — 9, дворник — 9, истопник — 7, каменщик — 13, конюх — 9, кочегар — 9, кровельщик — 10, кузнец — 10, кучер — 9, маляр — 9, поломойка — 6, посудомойка — 6, прачка — 9, парикмахер — 10, паркетчик — 11, сапожник — 10 (из расчета десятичасового дня)» ⁵³⁰.

Следовательно, в среднем немецкий разнорабочий получал в месяц от 156 до 230 рублей. Это соответствовало уровню зарплаты, получаемой за такой же труд советскими людьми.

Хуго Линк прав, когда пишет, что «...сложно было выжить тем, кто не владел особым ремеслом... Многие женщины вязали варежки или свитера... Другие торговали на рынке, продавали или обменивали более-менее ценные предметы из домашнего хозяйства, предлагали посетителям рынка за рубль-два суп,

пирожки и т. п. Некоторые занимались более крупной торговлей в киосках со всякой всячиной...»⁵³²

В апреле—мае 1946 г. в районах округа на производстве было занято 25 490 немецких граждан, в Кенигсберге — 18 954 человека⁵³². Среди них 3248 специалистов⁵³³. Оставшиеся в городе 18 профессоров и 12 работников культуры⁵³⁴ использовались главным образом в системе просветительства и медицины.

По сравнению с довоенным периодом число трудящихся немецкой национальности сократилось почти в восемь раз⁵³⁵, но и для этого количества не так-то просто было создать необходимые условия для жизни. На первом месте стояла проблема питания. Снабжение продуктами опиралось на первых порах только на местные ресурсы⁵³⁶. В мае 1945 г., через месяц после взятия города, военные комендатуры организовали выявление и сбор продовольствия в разрушенных домах, складах, подвалах. Этим занимались с привлечением немцев специальные бригады⁵³⁷. Находилось немного, поэтому военный комендант Кенигсберга неоднократно обращался к руководству 3-го Белорусского фронта с просьбами о выделении из фронтовых запасов продуктов для немецких граждан⁵³⁸. Просьбы в основном удовлетворялись. Были введены продовольственные карточки. Немцы — рабочие промышленных предприятий получали по ним в сутки 400 граммов хлеба, 600 граммов картофеля, 30 граммов соли (норма № 3). Пайек по норме № 3 стоил 3 рубля 34 копейки⁵³⁹. Деньги за продукты высчитывались из заработной платы.

С развитием торговой сети немцы смогли покупать продукты в магазинах по своему выбору. Но такая возможность открылась позднее. 1945 г. был самым голодным годом не только для немцев, но и для русских рабочих. Об этом свидетельствует письмо от 29 сентября в Секретариат ЦК ВКП(б) члена Военного совета Особого военного округа генерал-майора Куликова. В нем сообщалось о том, что в течение двух месяцев рабочие не получают жиров и овощей, довольствуясь овсяной крупой. Нет манной крупы для детей. Рынки в городе не организованы из-за отсутствия базы для них⁵⁴⁰. Положение с питанием немецких граждан еще хуже⁵⁴¹.

В итоговом докладе о работе Временного управления по гражданским делам по состоянию на 12 ноября 1945 г. отмечалось, что работающим немецким гражданам отпускается только хлеб, да и то недостаточно. Крайне необходимо выдавать им хотя бы минимум жиров и овощей⁵⁴².

Трагичным было положение городского нетрудоспособного немецкого населения, за исключением части инвалидов и детей, содержащихся в специально открытых для них домах. Население длительное время никакого продовольствия по линии организованного снабжения не получало и могло только купить хлеба по 200 граммов за наличные деньги. Среди неработавших немцев усиливалась уголовная преступность, чаще связанная с кражей продуктов питания.

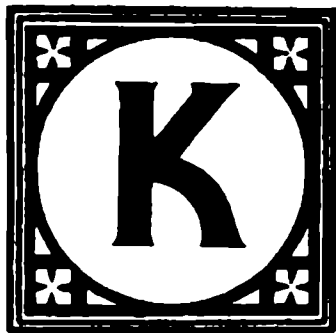
Отдельные категории местного населения обеспечивались нормированными продуктами бесплатно.

Медицинские работники городских учреждений получали бесплатно ежедневно по четыреста граммов хлеба, по двести граммов хлеба выдавалось бесплатно в домах, где содержались престарелые граждане и беспризорные дети.

В лучшем положении находились сельские жители. Немцы, работавшие в подсобных хозяйствах, получали в сутки (декабрь 1945 г.) по 600 граммов хлеба, 800 граммов картофеля, 75 граммов мяса, 100 граммов крупы⁵⁴³. Не испытывали недостатка в полноценном питании работницы животноводческих ферм, молокоперерабатывающих пунктов. Хуже приходилось нетрудоспособным немецким крестьянам. Им отпускался паек: взрослым 200 граммов хлеба, 400 граммов картофеля, 30 граммов соли⁵⁴⁴.

Органы временных управлений принимали меры для дополнительных продовольственных ресурсов. Расширялись посевы картофеля, других сельскохозяйственных культур. При управлении военного коменданта города была организована база рыбного промысла, объединявшая мелкие рыболовные бригады районных военных комендатур. Весь их улов шел на питание местного населения⁵⁴⁵. На основе постановления Военного совета Особого военного округа от 6 февраля 1946 г. каждой немецкой семье выделялась площадь 0,15 гектара для индивидуального огорода, выдавались семена для посева. Но если советским гражданам для посева выделялись семена картофеля, редиса, свеклы, капусты, огурцов, лука, чеснока, моркови, то немецкому населению — только свеклы, кольраби и брюквы⁵⁴⁶.

В марте 1946 г. началось переселение немцев из городов и населенных пунктов городского типа в совхозы. Цель казалась внешне доброй — на селе жилось легче. В Кенигсбергском сельском районе было переселено 1764 человека. В Земландском районе перемещению в 16-й и 17-й военные совхозы подлежало 1292 человека⁵⁴⁷. Но добро, как это нередко бывает, обернулось злом. Кампания проходила в сжатые сроки и сопровождалась серьезными конфликтами, так как согласия людей на переезд никто не спрашивал. Первая же проверка, осуществленная политотделом Временного гражданского управления, выявила, что переселению в некоторых районах не предшествовала даже разъяснительная работа. Все делалось в недопустимой спешке, часто в совхозах не успевали подготовить жилье для переселенцев. Были случаи, когда его вообще не готовили⁵⁴⁸. А если учесть, что немецким семьям запрещалось брать из своих старых квартир какое-либо имущество⁵⁴⁹, то нетрудно представить, в какое тяжелое положение они попадали. Психологическое воздействие прошедшей войны все еще давало о себе знать в настроениях и поступках победителей.

омандование Советской Армии было крайне озабочено тем, как оказать населению ме-

дицинскую помощь. Это чувствовали и сами немцы. Михаэль Вик, выпустивший в Гейдельберге в 1988 г. книгу «Свидетельство падения Кенигсберга», признает, что «...русские хотели разрешить многообразные проблемы, и в первую очередь проблему эпидемий тифа и дизентерии, так как эти болезни начали угрожать и им самим. Так была оборудована инфекционная больница...»⁵⁵⁰ В районе комендатуры № 2 в бывшем гарнизонном лазарете на Йоркштрассе открылся госпиталь, в котором находилось 180 раненых и больных из числа немецких граждан⁵⁵¹. Повсеместно разворачивались медицинские пункты.

Условия оказания медицинской помощи в первые месяцы после войны были крайне тяжелыми. Персонал врачей и медсестер трудился без электричества, часто в холодных помещениях. Не хватало лекарств, перевязочных материалов. Больных и раненых ввиду их огромного наплыва не долечивали и после оказания минимальной помощи выписывали через три-четыре дня, чтобы освободить место для тех, кто ждал своей очереди.

Учитывая катастрофическую ситуацию, управление по руководству военными комендатурами 3-го Белорусского фронта издало распоряжение от 10 мая 1945 г., предписывавшее военным комендантам открыть в каждом районе хотя бы по больнице, исходя из количества немецкого населения: до пяти тысяч человек — больница на 50 коек; от пяти до десяти тысяч человек — на 100 коек; от десяти до двадцати тысяч человек — на 200 коек. Обслуживающий персонал формировался из местных граждан⁵⁵². Санитарное управление фронта утвердило с учетом возможностей продовольственного снабжения суточный рацион питания в больницах, обслуживающих немцев. Кроме 400 граммов хлеба больным выдавались рыба, консервы, овощи, сахар, крупа⁵⁵³ (Приложение 4).

Все местное население, проходя через сборно-пересыльные пункты, подвергалось санитарной обработке. Территория и водоемы тщательно обследовались. Необходимость в этом была.

Летом 1945 г. сложилась острая санитарно-эпидемиологическая обстановка. В одном из приказов командующего 11-й гвардейской армией от 11 июля 1945 г. указывалось, что во всех районах среди гражданского немецкого населения свирепствует эпидемия брюшного тифа⁵⁵⁴. Основные очаги инфекции были зарегистрированы в Кенигсберге, в Лабиауском и Пилькаллен-

ском районах⁵⁵⁵. Военный комендант Лабиауского района 19 июля 1945 г. письменно доносил, что «в районе выявлено очень большое количество заболеваний местного населения брюшным тифом, а также гонореей и сифилисом»⁵⁵⁶. Обнаруживались случаи заболевания туляремией, дифтерией, скарлатиной. Но больше всего было дистрофиков, в основном среди детей. Росла смертность. По данным областного архива, в больницах Кенигсберга умерло в 1945 г. в июне — 554, в июле — 713, в августе — 805, в сентябре — 881, в октябре — 768 немецких граждан, т. е. за пять месяцев — 3791 человек⁵⁵⁷. Немало немцев погибало помимо больниц, в отдельные месяцы — до двух тысяч человек⁵⁵⁸.

В этих условиях было решено организовать массовые медицинские осмотры немецких граждан. Врачи, медсестры обходили дом за домом, квартиру за квартирой, выявляя больных. Там, где складывалась угрожающая обстановка, устанавливались карантинные зоны и карантинный режим⁵⁵⁹. В результате удалось пресечь распространение тифа. Однако в ноябре 1945 г. вновь, как указывалось в одном из документов, «в районах Особого военного округа среди немецкого населения резко возросли инфекционные заболевания, как-то: брюшной тиф, паратиф и сыпной тиф»⁵⁶⁰. Как одну из причин санитарная служба округа считала скученность немцев в специально выделенных для их проживания домах. В некоторых случаях на каждого человека приходилось всего по два квадратных метра жилой площади⁵⁶¹. Спали, как правило, на полу, мыла не было, водопровод не работал.росло количество больных чесоткой. Больницы не в состоянии были принять всех больных, люди умирали дома.

Чтобы как-то разрядить тяжелую обстановку, военное командование округа приказало комендантам «выявить и положить всех немецких больных в лечебницы, построить для немецкого населения в каждом районе бани из расчета одну на 200—300 человек»⁵⁶² с дезинфекционными камерами, провести исследования на педикулез. В населенных пунктах сооружались дополнительно туалеты и мусоросборники⁵⁶³.

Приказом начальника Временного гражданского управления от 5 апреля 1946 г. была расширена лечебная сеть. В самых многолюдных районах, таких, как Земландский, Кенигсбергский сельский, Кройцбургский, Инстербургский, Рагнитский, увеличивалось количество больничных коек. Вводился амбулаторный прием местного населения. Контроль за работой больниц возлагался на военных комендантов и районных главных врачей⁵⁶⁴.

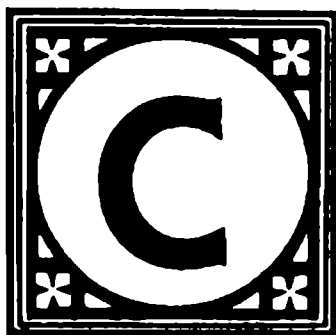
В Кенигсберге действовали четыре больницы на 1250 коек, в том числе две инфекционные, функционировали семь городских амбулаторий. Оказанием медицинской помощи немецкому населению занимались 98 врачей и 354 медсестры.

Эпидемия инфекционных заболеваний в Кенигсберге и прилегающих к нему районах пошла на убыль. Однако вспышка тифа в мае 1946 г. вновь унесла немало жизней.

Пастор Хуго Линк свидетельствует, что «...кенигсбергские врачи регулярно собирались, чтобы обменяться опытом и обсудить, какие меры можно еще предпринять для сохранения здоровья наших земляков. На одном из таких собраний осенью 1945 г. прозвучало, что число немцев в Кенигсберге составляет еще 96 тысяч человек. К тому времени уже были довольно надежные источники такой информации, так как санитарную службу удалось хорошо организовать. В каждой комендатуре имелась своя амбулатория, в которой достаточное количество медсестер занималось санитарным контролем в районе. В каждой комендатуре велись списки населения. Поэтому высчитать указанное выше число представлялось возможным. В лагере Ротенштайн один из городских чиновников, работавший в системе обеспечения населения продуктами, сказал мне, что в последние дни перед падением крепости в Кенигсберге насчитывалось 126 тысяч немцев. За полгода, таким образом, умерло 30 тысяч. Наряду с голодом причинами смертей являлись тиф и дизентерийные кишечные заболевания... Смертность, в частности, возросла в январе, феврале и марте 1946 года»⁵⁶⁵.

И все-таки жизнь постепенно налаживалась, дыхание войны замирало. И отношение к немцам менялось к лучшему, медицинское обслуживание их совершенствовалось. Больницы приобретали оборудование, пополнялись медикаментами, в них повышался уровень обслуживания. Все это спасло жизни многим тысячам немецких граждан.

ПОЛИТИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

образованием Особого военного округа 9 июля 1945 г. политика изоляции местного на-

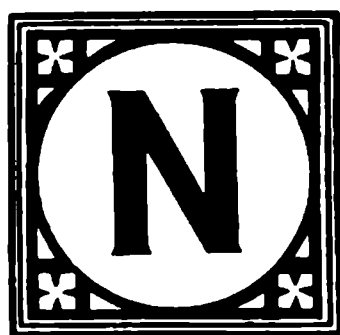
селения была превращена постепенно в политику идеологических контактов с ним. В феврале 1946 г. в Кенигсберге открылись центральный городской немецкий клуб и его районные отделения. При клубе собралась группа местных артистов, дававшая представления, была организована школа по подготовке агитаторов из числа немцев. Началось радиовещание на немецком языке, стала издаваться газета «Новое время», которая распространялась не только в Кенигсберге, но и в районах округа, доходила почти до каждого населенного пункта⁵⁶⁶.

Немецкие клубы, по мысли их устроителей из 7-го отдела политуправления округа, должны были стать политическими и культурными центрами по работе среди немецкого населения. Конечно, таковыми они не стали: немцам было не до развлечений. Но все-таки здесь они встречались и обсуждали свои проблемы: молодежь, женщины, интеллигенция слушали лекторов. Устраивались концерты, музыкальные вечера.

Клубы не являлись единственным местом культурного общения немцев. Хуго Линк вспоминает: «...Эверту (органист в церкви пастора Линка) выпало особое задание. Из персонала больницы Йорка: врачей, медсестер, санитаров, санитарок и технических работников — был образован хор. Создан он был стараниями господина Минута. Эверту же предстояло взять на себя музыкальное руководство хором... Хор быстро продвинулся в своих успехах. Он начал выступать с концертами... И в доме моего прихода состоялся не один такой концерт, эти вечера пользовались успехом у слушателей»⁵⁶⁷. (По всей видимости, хор выступал только перед немецкими слушателями.)

Районные отделения центрального клуба себя не проявили: не хватало помещений для них. Велся разговор о строительстве или капитальном ремонте отдельных зданий под культурные учреждения, но сил и средств на это в то время не оказалось.

ДЕТСКИЕ ДОМА

з 139 614 зарегистрированных в округе немецких граждан на 1 сентября 1945 г. 44511 составляли дети и подростки до 17 лет⁵⁶⁸. Война особенно жестоко исковеркала детские судьбы. Оставалось множество сирот, не имевших ни своего дома, ни средств к существованию. Заботу о беспризорных детях взяли на себя военные комендатуры. В Кенигсберге был открыт для них приют⁵⁶⁹. В августе 1945 г. военная комендатура Лабиауского района в имении Стонфельд (в пяти километрах западнее Лабиау) оборудовала детский дом, поселив в нем 50 сирот. Многие дети находились в состоянии дистрофии и нуждались в лечении и усиленном питании. Но где его было взять тогда — это усиленное питание? Официально сироты получали ежедневно только по 400 граммов хлеба, крупу, капусту. Однако при детском доме создали небольшое подсоб-

ное хозяйство, что давало возможность пополнять рацион детей молоком и зеленью ⁵⁷⁰.

Для быстрого решения проблемы устройства беспризорных в начале 1946 г. во всех районах округа открыли 16 временных детских домов. Они размещались в наскоро приспособленных помещениях, ничего другого в то время не было. Удалось поселить в них почти 1500 мальчиков и девочек. Руководство и обслуживающий персонал детдомов состояли из местных жителей ⁵⁷¹.

1 апреля 1946 г. приказом начальника Временного гражданского управления при Военном совете Особого военного округа в шести районах округа (Земландском, Кройцбургском, Тапианском, Лабиауском, Инстербургском, Гумбинненском) в течение апреля—мая развернулись штатные детские дома для детей-сирот. В Кенигсберге открылось три таких дома. Таким образом, на территории округа, а затем Кенигсбергской области усилиями военного командования было создано 19 детских домов, вместивших 2468 воспитанников ⁵⁷². Позднее количество детских домов выросло до 25, а число воспитанников до 3,5 тысячи ⁵⁷³. Временные приюты беспризорных детей прекратили свое существование. Штатные детские дома имели неплохое оборудование, необходимую мебель, новые постельные принадлежности. Распорядок дня в них подчинялся требованиям здорового быта, питание с каждым днем улучшалось, хотя и было еще далеким от полноценного. Тяжести послевоенного времени продолжали давить на хрупкие детские плечи.

Для того чтобы не казаться пристрастным в описании условий, в которых жили немецкие дети, предоставим слово Кристе Пфайлер-Ивон, воспитаннице детского дома № 5, находившегося в районе Кведнау г. Кенигсберга:

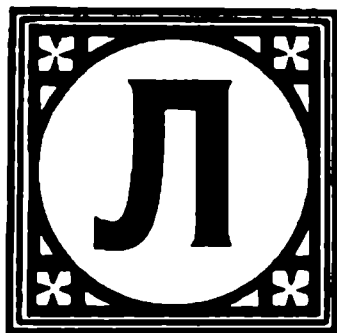
«...Жизнь в детском доме протекала в какой-то мере регламентированно. Было что есть, но не столько, чтобы насытиться. В сравнении с беспризорными нам было хорошо. У нас была крыша над головой и постель, пусть даже нам, как правило, приходилось делить ее на двоих. Руководил домом русский директор. Немецкий персонал постепенно, но неуклонно заменялся русским... Старшие дети должны были помогать на кухне, в саду, а также убирать, стирать, штопать...

Осенью 1946 года начались занятия в школе. Ученики и ученицы, начиная с 4-го класса, учились в Иоганн-Амброзиус-школе на улице Луизеналле. Люси Фальк, наша учительница, так рассказывает в «Востоchnопрусской газете»: «Дети, которых каждый день приводили на занятия из сиротского дома, были странными. Они отличались ото всех. Они были ухожены, но лица их словно окаменели. Каждое утро одна и та же картина: впереди идет девушка, за ней длинной вереницей сироты попарно. Ни один ребенок не выходил из строя. В своих темных пальтишках они напоминали траурную процессию. В сиротском доме о них относительно хорошо заботились. За их души боролись,

но напрасно, они окаменели. Дети слишком много пережили, увидели, потеряли»⁵⁷⁴.

Детские дома для немецких детей-сирот существовали до конца 1948 г., то есть до полного выезда воспитанников вместе со взрослым населением в Германию.

НЕМЕЦКИЕ ШКОЛЫ

летом 1946 г. приказом областного гражданского управления по гражданским делам предлагалось: «Начальникам городских и районных управлений к 10 октября открыть в наиболее крупных поселках и городах, где проживает немецкое население, начальные и семилетние школы для обучения детей школьного возраста. Обучение проводить по программе нерусских советских школ на родном языке»⁵⁷⁵.

Были организованы курсы по подготовке кадров для немецких школ. Но открытие самих школ затянулось по различным причинам. Открылись они только летом 1947 г. Для самых маленьких изготовили букварь.

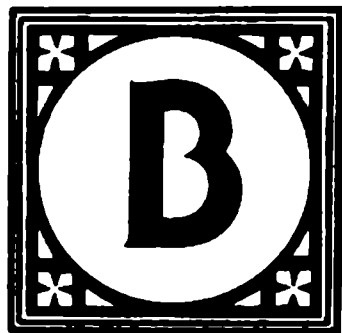
В 1946/1947 учебном году немецкие школы появились во всех районах. Директорами и завучами в них назначались русские, но отдельные школы возглавляли немцы. Например, недалеко от Закхаймских ворот, в одном из домов на Ганза-ринг, открылась школа-семилетка (фактически в ней было всего 5 классов), где директором был Курш. У немецких детей существовало немало препятствий, мешавших им ежедневно ходить в школу: недостаток одежды, забота о пропитании, охрана квартиры, необходимость поиска дров.

Представляет определенный интерес отчет о работе нерусских школ заведующего Калининградским городским отделом народного образования В. Никанорова: «...В 1946/1947 учебном году в Калининграде были организованы школы для немецких детей... Учебный год начался с опозданием на 1—2 месяца в связи с затянувшимся ремонтом зданий, недостатком парт, учительских столов. Тетрадами и письменными принадлежностями школы были обеспечены полностью... Преподавание в них велось только по основным предметам: родной язык, математика, естествознание, русский язык. Истории, географии, литературного чтения не преподавалось ввиду отсутствия учи-

телей и учебников... Надо отметить плохое преподавание русского языка. Учащиеся механически запоминали отдельные фразы по картинкам или повторяли их за учителем. Руководящий состав многих немецких школ неудовлетворительно владеет немецким языком. Отсюда трудные контакты с учителями-немцами»⁵⁷⁶.

Нормальный процесс обучения немецких детей в школах новой Калининградской области, можно считать, начался в 1948 г., когда в целом наладилась послевоенная жизнь и немецкие школы стали неотъемлемым элементом системы народного образования. Но к этому времени уже шел активный выезд немцев в Германию.

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ

спомним еще раз Потсдамскую конференцию. В постановлении «Упорядоченное пере-

мещение германского населения» говорилось: «Контрольный Совет в Германии должен в первую очередь изучить эту проблему, особенно обратив внимание на вопрос справедливого распределения этих немцев по всем зонам оккупации. Они дадут инструкции своим представителям в Контрольном Совете доложить своим правительствам так скоро, как это возможно, о количестве, в каком указанное население уже прибыло в Германию... и дать предложения о времени и скорости, с какой дальнейшее перемещение населения могло бы производиться, принимая во внимание соответствующую ситуацию в Германии»⁵⁷⁷ (Приложения 4, 5). Было принято два постановления Совета Министров СССР на этот счет: соответственно от 11 октября 1947 г. и от 15 февраля 1948 г. под одним названием «О переселении немцев из Калининградской области РСФСР в Советскую зону оккупации Германии». Существовала специальная инструкция по переселению немцев, в которой подробно излагался план перемещения. В первую очередь намечалось переместить немцев, проживающих в г. Балтийске и в районах побережья Балтийского моря. Из других районов предлагалось вывезти прежде всего нетрудоспособных, не занятых общественно-полезным трудом, а также немецких детей, находящихся в детских домах, и престарелых, содержащихся в домах инвалидов⁵⁷⁸.

Немцев, подлежащих переселению, предупреждали об этом не позднее чем за сутки до дня погрузки в эшелоны⁵⁷⁹. Сроки жесткие. Но практически немецкое население было внутренне подготовлено к неизбежному изгнанию с родины и не испытывало затруднений со сборами, тем более что каждая семья имела право взять с собой имущества всего до 300 килограммов⁵⁸⁰. Для переселенцев устанавливался пятнадцатидневный продовольственный паек на время переезда.

Мы не касаемся в данном случае эмоциональной стороны вопроса. Безусловно, большинством изгнанников разрыв со своей землей, на которой жили они и их предки, воспринимался как трагедия, тем более что среди немецкого населения были и такие, которые уже приспособились к новым условиям жизни в советской области, имели работу, неплохой заработок и совсем не хотели уезжать. Но это уже другая тема.

Отправка немцев в Германию происходила в несколько этапов и осуществлялась партиями. Сначала формировался эшелон. Обычно он состоял из 55 вагонов, из них 50 — предназначались для переселенцев, 1 вагон занимал начальник эшелона и команда сопровождавших, в одном был санитарный пункт, в трех — находилось имущество отъезжавших. В каждом вагоне размещалось 40 человек. Эшелон сопровождали врач и две медсестры⁵⁸¹.

В апреле—июне 1947 г. согласно «Книге выдачи справок немцам на выезд в Советскую зону оккупации Германии» реально выехало 3 390 человек⁵⁸². В первую очередь разрешение на выезд получали участники антифашистского движения и лица, имевшие родственников в Германии.

С 22 октября по 30 ноября 1947 г. было отправлено 14 эшелонов, в которых находилось 30 283 человека. В архиве УВД Калининградской области сохранились полные списки немцев по эшелонам, составленные в алфавитном порядке. Они служили основанием для составления приемо-передаточных актов в конечных пунктах следования эшелонов. Акты эти сохранились. По ним можно точно определить, куда и какой эшелон прибыл, когда, какие происшествия произошли в пути, сколько немецких граждан прибыло в пункт назначения.

С 16 марта по 15 апреля 1948 г. в Германию было отправлено 12 эшелонов (25 194 человека).

С 21 августа по 21 октября 1948 г. выехало еще 41 807 человек, для которых был сформирован 21 эшелон. Дополнительно 8 ноября из Калининграда отбыл специальный поезд со 138 немецкими гражданами.

В российской «Независимой газете» от 14 мая 1993 г. была опубликована статья Юрия Буйды о депортации немцев из Калининградской области и Мемельского края. Статья переведена на немецкий язык и напечатана в «Восточнопрусской газете» 21 августа 1993 г. Приводим выдержку из нее:

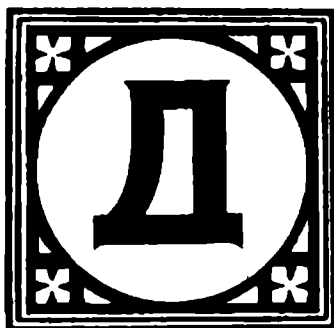
«...Последний поезд с немцами покинул Калининград 21 ок-

тября 1948 года. 18 ноября генерал-майор Демин В. И. посылает в Москву донесение № 3/00767, в котором сообщает о результатах депортации... В Германию отправлено 48 эшелонов со 102 125 переселенцами, в том числе 1 076 — немцы из той части Восточной Пруссии, что вошла в состав Литвы... В пути умерли 48 переселенцев: в 1947 году — 33 человека, в том числе 26 — от истощения, 5 — от старости, 1 — от инфаркта; в 1948 году — 5 — от старости, 3 — от туберкулеза, 7 детей — от воспаления легких и кишечных заболеваний. Жалоб на поведение милиции не было, о чем свидетельствуют 284 благодарственных письма от немцев».

Генерал не забыл упомянуть и о продовольственном снабжении переселенцев, которым «за их счет были проданы продукты питания на 3 082 000 рублей, в основном хлеб, сахар, рыба, мясо и кондитерские товары». Кроме того, облисполком выделил нуждающимся средства на покупку продуктов: 64 122 руб. на 17 647 человек...»⁵⁸³

Факты, указанные автором статьи, не противоречат документам. И генеральское сообщение о количестве депортируемых немцев из Калининградской области тоже соответствует истине. Цифра, названная В. И. Деминим, значительно расходится с той, которая дается в немецкой литературе: 25—40 тысяч человек. Следует только добавить, что после массовой депортации немецких граждан в 1947 и 1948 гг. часть из них еще оставалась в области. Это были главным образом высококвалифицированные специалисты, которых отправили в Германию в ноябре 1949 г. — 1402 человека⁵⁸⁴, из коих 655 — выходцы из Литвы. В мае 1951 г. последние 193 немецких гражданина покинули территорию области⁵⁸⁵.

На этом следовало бы закрыть тему, которая до сих пор не дает покоя ни юристам, ни историкам и, видимо, еще долго не изгладится из памяти тех, кто пережил трагедию изгнания со своей родины. Можно, конечно, говорить о перегибах со стороны победителей во второй мировой войне, доказывать, что переселение немцев из бывшей Восточной Пруссии противоречило международному праву. Не будем вдаваться в дискуссию. Стоит только напомнить, что историческая практика редко бывает идентичной праву, сплошь и рядом она изобилует компромиссами между классической правовой терминологией и реалиями меняющегося мира, полного несправедливостей для одних и справедливостей для других. Надо иметь в виду, что за всеми международными договорами и соглашениями времен войны и послевоенного устройства мира стоит один мощный фактор — сама война и ее результат. Война принесла народам огромные страдания и разрушения. И даже если бы все договоры и соглашения той поры соответствовали международному праву, то и тогда мы не обнаружили бы в них условий, которые бы стоили пролитой крови.

лительное время мы ничего не знали о том, как сложилась судьба перемещенных

лиц. Было известно, что часть из них осела в зоне советской оккупации, другая — на западных территориях Германии, занятых оккупационными силами США, Англии и Франции. Потом поступили сообщения, что немцы из Восточной Пруссии стали создавать землячества. Советская печать однозначно, в духе разгоравшейся в ту пору холодной войны называла землячества организациями реваншистов. В настоящее время стало возможным иначе посмотреть на многие события и поступки людей, в том числе и на деятельность восточнопруссских землячеств.

О том, чем они занимаются, нам поведал Гарри Полай, приславший письмо, а также другие материалы по этому вопросу из Дуйсбурга.

Из 2,4 миллиона жителей Восточной Пруссии более полу-миллиона не пережили войну и изгнание. И на новом месте жительства изгнанники еще долгое время ощущали последствия войны и неустроенность. Может быть, поэтому у них появилась острая потребность в объединении. Поначалу оккупационные власти различными запретами пытались помешать организации перемещенных лиц, но нашлись инициативные и настойчивые мужчины и женщины из их среды, которые подготовили условия для сплочения пруссаков. Ведущим руководителем еще не оформленного объединения в августе 1948 г. был избран доктор Оттомар Шрайбер. В октябре 1948 г. представители 40 восточнопруссских районов (крайсов), собравшись в Гамбурге, основали землячество «Восточная Пруссия». Руководитель его доктор Шрайбер получил титул спикера.

Организация складывалась постепенно и не без трудностей. Довольно часто по разным причинам менялись спикеры. Ими вслед за Шрайбером были доктор Альфред Гилле, уроженец Инстербурга, адвокат Райнхольд Рес, рожденный в Клинтенене (район Гердауэн), барон Йоахим фон Браун, юрист по профессии, также выходец из Гердауэна, юрист Ганс Георг Бокк, родом из Растенбурга, доктор Оттофрид Генниг, депутат бундестага от ХДС, Гарри Полай (и. о. спикера). Наконец, в октябре 1992 г. земельное представительство избрало спикером Вильгельма фон Готберга, родившегося в Вопене (район Бартенштайн).

Первые десять лет своего существования землячество и его филиалы на местах занимались главным образом решением социальных проблем, разбирали заявления и жалобы бывших жителей Восточной Пруссии, оказывали им содействие в получении документов, подтверждавших немецкое гражданство, а также право на получение компенсации от государства за понесенный материальный ущерб, помогали в розыске родственников и т. д. По мере решения этих вопросов возникали новые; менялись направления деятельности, методы работы.

8 марта 1950 г. был официально зарегистрирован устав землячества «Восточная Пруссия». К этому времени трагедия войны еще не стала историей, и среди немцев-изгнанников преобладали острые ностальгические настроения. В указанный устав пруссаки внесли не только общую формулировку о праве на свою утраченную родину, но и конкретизировали его в виде пункта: «Землячество стремится к воссоединению Восточной Пруссии со всей Германией на основе мира и свободы»⁵⁸⁶.

5 августа 1950 г. как бы в дополнение к данному пункту восточнопруссские немцы записали в свою хартию, принятую в Штутгарте: «1. Мы, изгнанные с родины, отказываемся от мести. Это решение серьезно для нас и свято, ибо мы помним о безысходных страданиях, которые особенно последнее десятилетие принесло людям»⁵⁸⁷.

С течением времени в устав вносились некоторые изменения и коррективы. 50 лет, прошедшие после войны, перемены в мире в отношениях между государствами, естественно, повлияли и на политические позиции бывших жителей Восточной Пруссии. Хотя часть из них по-прежнему живет старыми ностальгическими представлениями и чувствами, тем не менее взгляды большинства пруссаков отличаются здоровым реализмом и не противоречат нынешнему курсу Германии в части соблюдения всех международных договоров и соглашений, закрепивших итоги второй мировой войны и нерушимость послевоенных границ.

К основным целям землячества относятся установление контактов между бывшими жителями Восточной Пруссии и их представительствами и организациями на всей нынешней территории Германии и за ее пределами, забота о ценностях восточнопруссской культуры и истории, сохранение своих традиций, обычаев, единения, участие в решении политических, культурных и социальных вопросов нашего времени. Организует и направляет эту работу земельное представительство и президиум землячества, а также входящие в него на правах членов районные землячества и региональные группы. Их усилиями созданы «Восточный дом» в Баде Пирмонт в качестве просветительного заведения и места проведения конференций и семинаров, «Восточнопруссский музей» в Люнебурге. В 1981 г. землячество получило в свое распоряжение замок рыцарей немецкого ордена в Эллингене (Бавария), где разместился культурный центр «Восточная Пруссия» в качестве архива для документальных ма-

териалов. Центр располагает библиотекой, постоянными выставочными экспозициями. Существуют подобные же учреждения районных обществ, например, дом-музей «Кенигсберг» в Дуйсбурге или музей Замланда в Пиннеберге.

Есть общество «Братская помощь жителям Восточной Пруссии». Оно является социальной организацией, поддерживает материально нуждающихся пруссаков, оставшихся в южной части старой провинции (ныне польская территория), а также в Мемельском крае (Литва). Функционирует молодежное землячество «Восточная Пруссия», которое ставит себе цель знакомить молодых людей в Федеративной Республике, в Калининградской области, в Литве, Польше с историческим и культурным наследием Восточной Пруссии. Различные корпорации, товарищества и спортивные общества в своей деятельности сохраняют и продолжают традиции старых кенигсбергских союзов.

Землячество представлено в различных учреждениях и организациях или работает в тесном взаимодействии с ними. К ним относятся культурные объединения в «Учреждении Восточная Пруссия», а также «Востоchnopрусское культурное наследие». После 1989 г. стали устанавливаться контакты с немецкими обществами, организованными в южной части бывшей Восточной Пруссии по согласованию с польской администрацией; возникли новые земельные группы на территории прекратившей существование Германской Демократической Республики, где деятельность землячеств до этого была запрещена.

Еще до распада СССР открылись границы Калининградской области, и сюда устремился целый поток ностальгически настроенных туристов, которые впервые после войны получили возможность посетить родину. Сознание того, что оба крупнейших народа Европы вынесли во время войны столько страданий, а с другой стороны, память о том, что столетиями они жили в добрососедстве и мире, способствовали взаимному культурному обмену. Путь к взаимопониманию, дружеским связям был проложен. Под влиянием совместно проведенных памятных мероприятий: Тильзитский мир в Тильзите (Советске), празднование юбилея со дня основания города Гумбиннена (Гусева) или Лабиау (Полесска) — усилился, в особенности у молодежи, интерес к немецкой истории края, ставшего ныне их родиной.

Во время крупной, собравшей 100 тысяч человек встречи выходцев из Восточной Пруссии в Германии, состоявшейся в Дюссельдорфе 19 мая 1991 г., тогдашний исполняющий обязанности спикера землячества Гарри Полай сделал следующее заявление, вызвавшее поддержку присутствующих: «В Кенигсбергском регионе лед взаимной неприязни периода холодной войны уже давно сломан. Администрации населенных пунктов поддерживают контакты с районными обществами землячества этого региона... Наше общество Кенигсберга находится в живом культурном обмене с нынешней творческой интеллигенцией города. Немцы и русские обречены не только на вражду. Мы, вы-

ходцы из Восточной Пруссии, готовы помочь в восстановлении разорванных нитей».

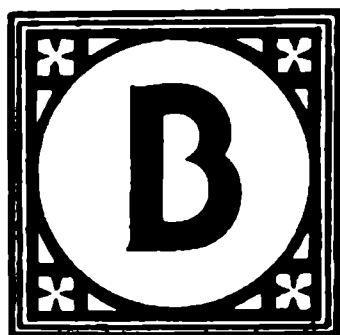
Придерживаясь этого курса, землячество продолжает движение по своему пути. Договор о сотрудничестве с историко-художественным музеем Калининграда создал основу для регулярного обмена экспонатами, отражающими историю и современность, для выставок в Федеративной Республике и в области. Мемориальная доска И. Канта на территории бывшего Кенигсбергского замка, статуя И. Канта перед зданием университета, мемориальная доска Агнес Мигель, знаменитой немецкой поэтессы, сочинительницы баллад, на ее последнем жилище, что на бывшей улице Хорнштрассе недалеко от зоопарка, совместные культурно-исторические симпозиумы, выступления русских ученых и творческой интеллигенции на мероприятиях, проводимых землячеством в Федеративной Республике, — все это шаги на добром пути к взаимопониманию.

Еженедельная газета «Востоchnопрусский листок», издаваемая землячеством тиражом в 40 тысяч экземпляров, имеет более 100 тысяч читателей в Германии и за океаном, она освещает этот путь в своих публикациях.

Широкое поле немецко-русского соседства землячество «Восточная Пруссия» и дальше будет упорно возделывать. Вильгельм фон Готберг, нынешний спикер землячества, разъяснял тысячам выходцев из Восточной Пруссии на собрании 12 июня 1994 г. в Дюссельдорфе: «В течение столетий отношения между немцами и народами Российской империи были преимущественно дружественными и конструктивными. Урок истории для немцев и русских гласит: через осмысление прошлого к политическим суждениям и решениям».

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛИКВИДАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

1945 г. перестала существовать Восточная Пруссия. На одной трети ее территории

была образована в составе РСФСР Калининградская область.

Обратимся к истории вопроса.

О послевоенном устройстве Германии и международных отношениях СССР, Англии и США говорилось на высоком уровне уже осенью 1941 г. 27 ноября 1941 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль в беседе с советским полпредом впервые выдвинул идею о расчленении Германии как одном из необходимых элементов послевоенного устройства Европы. «Главная вина лежит на Пруссии», — сказал тогда Черчилль. А 7 декабря при новой встрече с полпредом уточнил свою мысль: «Основная задача состоит в том, чтобы раз и навсегда ликвидировать германскую опасность. Для этого необходимо полное разоружение Германии, по крайней мере на целое поколение, и раздробление Германии на части, прежде всего отделение Пруссии от остальных частей Германии»⁵⁸⁸.

С тех пор вопрос о разделении Германии стал одним из важных и постоянных пунктов в переговорах между союзниками — главными участниками антигитлеровской коалиции. В Англии и США идея расчленения Германии широко пропагандировалась в печати. Особую известность в связи с этим получили книги и статьи опытного руководящего сотрудника английского министерства иностранных дел Ванситтарта.

В январе 1942 г. по распоряжению Рузвельта в США была создана «Консультативная комиссия по послевоенным проблемам», основной задачей которой являлась разработка планов послевоенного устройства Германии. Эта комиссия вскоре предложила на рассмотрение правительства США планы, кото-

рые предусматривали раздел Германии на три, пять или семь совершенно обособленных частей.

Что касается Советского Союза, то еще 16 декабря 1941 г. во время переговоров в Москве с А. Иденом Сталин предложил приложить к договору о совместных действиях секретный протокол, в котором предлагалось разделить Германию на ряд самостоятельных государств, отделить Восточную Пруссию и часть ее с Кенигсбергом передать СССР сроком на двадцать лет в качестве гарантии возмещения понесенных СССР убытков от войны с Германией.

Интерес к вопросу о том, как поступить с Германией после ее поражения, возрастал по мере военных побед над ней. Это побудило государственных деятелей трех держав к высказываниям о будущей судьбе Германии⁵⁸⁹.

За разделение Германии выступил и министр иностранных дел Англии А. Иден, который изложил по этому вопросу подробный план. «Мы хотели бы, — говорил он, — разделения Германии на отдельные государства, в частности, мы хотели бы отделения Пруссии от остальных частей Германии»⁵⁹¹.

Московская конференция подготовила условия для первой встречи глав правительств трех держав, которая и состоялась в Тегеране с 28 ноября по 1 декабря 1943 г.

На заседании 1 декабря 1943 г. президент Рузвельт предложил обсудить вопрос о возможности расчленения Германии. Приведем сокращенную стенограмму обсуждения этого вопроса.

«Черчилль. Я хотел бы подчеркнуть, что корень зла Германии — Пруссия.

Рузвельт. По моему мнению, Пруссия должна быть возможно ослаблена и уменьшена в своих размерах. Пруссия должна составлять первую самостоятельную часть Германии.

Черчилль. У меня две мысли: первая — это изоляция Пруссии от остальной Германии; вторая — это отделение южных провинций Германии... до Саксонии включительно. Я держал бы Пруссию в жестких условиях. Я считаю, что южные провинции легко оторвать от Пруссии... Люди, живущие в дунайском бассейне, не являются причиной войны. Во всяком случае, с пруссаками я поступил бы гораздо более сурово, чем с остальными немцами. Южные немцы не начнут новой войны.

Сталин. Мне не нравится план новых объединений государств. Если будет решено разделить Германию, то не надо создавать новых объединений... Черчилль увидит тогда, что в германской армии сражаются не одни пруссаки, но и немцы из остальных провинций Германии... Что касается немцев из отдельных провинций Германии, то они дерутся с одинаковым ожесточением.

Рузвельт. Я согласен с маршалом Сталиным, в частности, в том, что между немцами, происходящими из различных германских провинций, не существует разницы. 50 лет тому назад эта разница существовала, но сейчас все немецкие солда-

ты одинаковы. Правда, это не относится к прусскому офицерству.

Сталин. Нет никаких мер, которые смогли бы исключить возможность объединения Германии... Для меня ясно, что не нужно создавать новые объединения... Можно передать этот вопрос в Лондонскую комиссию, в которой имеются представители трех наших государств.

Черчилль. ...Я хотел бы зачитать следующее свое предложение по польскому вопросу. При этом я не прошу соглашаться с ним в том виде, как оно мною составлено, так как я сам еще не принял окончательного решения. Мое предложение гласит: «В принципе было принято, что очаг Польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах».

Сталин. Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически — это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем.

Черчилль. Это очень интересное предложение, которое я обязательно изучу»⁵⁹².

Черчилль привел пример о трех спичках, одна из которых представляет Германию, другая — Польшу, третья — Советский Союз. Все эти три спички, по мнению Черчилля, должны быть передвинуты на запад, чтобы разрешить одну из главных задач, стоящих перед союзниками, — обеспечение западных границ Советского Союза.

Итак, в Тегеране вновь прозвучала мысль о передаче Кенигсберга Советскому Союзу. И высказана она была И. Сталиным. 4 февраля 1944 г. в ответном послании У. Черчиллю по вопросу о границах Польши И. Сталин вновь повторил свою мысль: «Что касается Вашего заявления полякам, что Польша могла бы значительно раздвинуть свои границы на западе и севере, то, как Вы знаете, мы с этим согласны с одной поправкой. Об этой поправке я говорил Вам и президенту в Тегеране. Мы претендуем на то, чтобы северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая Кенигсберг, как незамерзающий порт, отошла к Советскому Союзу. Это единственный кусочек германской территории, на который мы претендуем...»⁵⁹³.

Современное международное право допускает изъятие определенной части территории государства-агрессора в качестве санкции в результате применения к агрессору мер ответственности, включающих в себя отторжение части территории, которая использовалась в качестве плацдарма для нападения, а

также для того, чтобы в будущем не допустить возрождения агрессии. Такая территория становится неотъемлемой частью территории того государства, которому решено ее передать в соответствии с планом послевоенного регулирования⁵⁹⁴.

Это и было взято за основу последующих переговоров на высшем уровне по вопросам послевоенного устройства границ в Европе.

А вот обоснование советской стороной исторических притязаний на данную территорию было высказано неверно, ибо пруссы никогда не были славянскими племенами. Но эта точка зрения одно время господствовала в советской историографии, ибо в одной из работ К. Маркса пруссы действительно, видимо, из-за ошибки редактора были названы славянскими племенами.

Мысль Сталина стала еще одной идеей о последующей судьбе Восточной Пруссии. Англия и США в принципе согласились удовлетворить советское предложение. В послании И. В. Сталину, полученном в Москве 27 февраля 1944 г., Черчилль указал, что передачу СССР Кенигсберга и прилегающей к нему территории английское правительство считает «справедливой претензией со стороны России... Земля этой части Восточной Пруссии обогрета русской кровью, щедро пролитой за общее дело... Поэтому русские имеют историческую хорошо обоснованную претензию на эту немецкую территорию»⁵⁹⁵.

Впервые Черчилль четко говорит о необходимости «осуществить переселение немецкого населения...»

Следует подчеркнуть, что с самого начала переговоров между союзными державами относительно послевоенного устройства границ в Европе вопрос о судьбе Восточной Пруссии постоянно рассматривался как часть так называемого польского вопроса. У. Черчилль 1 февраля 1944 г. в послании И. Сталину, информируя его о своей встрече с представителями польского правительства в Лондоне, передавал суть своего разговора: «Я сказал, что мы и вступили в войну из-за Польши, мы пошли на это не из-за какой-либо определенной границы, но ради существования сильной, свободной и независимой Польши, что поддерживает маршал Сталин...»⁵⁹⁶.

А вот телеграмма премьер-министра польского эмигрантского правительства С. Миколайчика представителю польского эмигрантского правительства в Польше о польско-советских переговорах в Москве (1944 г., октябрь 27, Лондон): «Переговоры в Москве принесли определенные плюсы. Главный из них — это отношение держав к нашим западным границам. Россия решительно поддерживает границу по Одре с Ополе, Щецином, Гданьском и Восточной Пруссией, за исключением Крулевца... За такую же западную и северную границу высказался и Черчилль, выразив готовность публично заявить об этом в случае урегулирования советско-польских отношений. Англо-советская декларация гарантировала бы передачу соответствующих территорий Польше и выселение с них немцев...»⁵⁹⁷.

Позиция США также была ясна. В одном из писем президента США Ф. Рузвельта премьер-министру эмигрантского правительства С. Миколайчику по вопросу о границах Польши (1944 г., ноябрь 17, Вашингтон) говорится: «...Что касается будущих границ Польши, то если польское, советское и английское правительства достигнут по этому вопросу соглашения одновременно с предложенной Польше компенсацией за счет Германии, то наше правительство возражать не будет...

Если бы в связи с новыми границами Польского государства польское правительство и польский народ желали бы провести переселение национальных меньшинств из Польши или в Польшу, то правительство Соединенных Штатов ничего не имело бы против и в меру практических возможностей оказывало бы содействие такому переселению...»⁵⁹⁸.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. главы СССР, США и Англии практически решили вопросы, связанные с будущими границами Польши и судьбой Восточной Пруссии. К согласию И. Сталина с У. Черчиллем по этому вопросу присоединился и Ф. Рузвельт. В советском протоколе пятого пленарного заседания Ялтинской конференции было записано: «...Делегация США согласна также с предоставлением Польше компенсации за счет Германии, а именно Восточной Пруссии к югу от Кенигсберга и Верхней Силезии вплоть до Одера. Однако Рузвельту кажется, что перенесение польской границы на Западную Нейсе мало оправдано...»⁵⁹⁹.

Сомнения Рузвельта были учтены, и конференция в Коммюнике ограничилась общим положением о том, что «...Польша должна получить существенное приращение территории на севере и западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение польского правительства национального единства...»⁶⁰⁰.

О Кенигсберге и прилегающем к нему районе на Ялтинской конференции говорилось вскользь. Более подробно к проблеме Кенигсберга главы государств вернулись на Берлинской конференции, проходившей уже после окончания боевых действий в Европе, в Потсдаме с 17 июля по 2 августа 1945 г. Свои предложения относительно Кенигсбергской области советская делегация передала делегациям США и Англии для рассмотрения 22 июля. А уже 23 июля этот вопрос стоял в повестке дня шестого и седьмого заседаний. Позиции глав правительств США и Англии не изменились, и они подтвердили свое согласие о передаче СССР Кенигсберга и прилегающего района.

В сообщении о Берлинской конференции трех держав провозглашалось: «Конференция рассмотрела предложение Советского правительства о том, чтобы впредь до окончательного решения территориальных вопросов при мирном урегулировании прилегающая к Балтийскому морю часть западной границы СССР проходила от пункта на восточном берегу Данцигской бухты к востоку — севернее Браунсберга — Гольдапа к стыку

границ Литвы, Польской Республики и Восточной Пруссии. Конференция согласилась в принципе с предложением Советского правительства о передаче Советскому Союзу г. Кенигсберга и прилегающего к нему района, как описано выше. Однако точная граница подлежит исследованию экспертов. Президент США и премьер-министр Великобритании заявили, что они поддержат это предложение конференции при предстоящем мирном урегулировании»⁶⁰¹.

Итак, Потсдамская конференция признала необходимым исключить Восточную Пруссию из состава Германии и передать ее территорию Польше и СССР. Правда, «исследований экспертов» за этим не последовало в силу изменений в международных отношениях, но это не меняет сути дела. Никаких сроков (50 лет и т. д., как утверждают некоторые историки), на которые якобы Кенигсберг и прилегающий к нему район передавался СССР, союзные державы не устанавливали. Решение было окончательным и бессрочным.

Имели ли право главы трех союзных держав принять такое решение? Да. Во-первых, они выступали как страны-победительницы, которые диктуют свою волю побежденной стране, в данном случае агрессору — Германии. Следовательно, всякие оценки и выводы относительно послевоенной судьбы Восточной Пруссии и ее населения будут выглядеть искаженными, если их рассматривать не на фоне итогов второй мировой войны и не через осознание вины Германии как агрессора. Во-вторых, вопрос о послевоенных границах в Европе не был вопросом одного дня. Он обсуждался уже с осени 1941 года и на самых разных уровнях, то есть это было глубоко продуманное решение. При этом учитывался и опыт истории на международном уровне, касающийся, в частности, отнюдь не добровольного перемещения отдельных групп населения с одной территории на другую (например, на Балканском полуострове в 1912, 1913 гг.). Этот опыт после первой мировой войны был признан политиками вполне разумным, как способ обеспечения безопасности народов. Известно, что в 1923 г. после греко-турецкой войны в Лозанне был подписан международный договор, признавший необходимым с целью ликвидации «национальной черезполосицы», создававшей напряженность между двумя государствами, переместить более миллиона греков из Турции в Грецию, а турок (почти 350 тысяч) из Греции в Турцию. В-третьих, Германия как государство было сохранено, ее лишили лишь части бывшей империи, причем той, которую считали оплотом агрессии и, боясь в последующем возрождения нацизма и милитаризма, решили эту часть территории как государственное образование ликвидировать и передать под управление другим державам. В-четвертых, Советский Союз понес самые тяжелые потери в войне и имел право таким образом частично компенсировать тот ущерб, который был ему нанесен в результате боевых действий и оккупации его территорий фашистами.

Следует также подчеркнуть, что главы трех правительств — СССР, США и Великобритании — на своих конференциях выступали как юридическое лицо и имели право решать вопрос послевоенного регулирования положения в Европе. В последующем их решения были подтверждены в двухсторонних договорах между СССР, Польшей, Чехословакией, ГДР и ФРГ.

В 1975 году на Совещании в Хельсинки, собравшем руководителей 33 европейских государств, а также США и Канады, были подведены окончательные итоги второй мировой войны.

Сердцевину Заключительного акта, подписанного всеми участниками Совещания 1 августа 1975 г., составляет «Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях». Среди десяти принципов был провозглашен принцип нерушимости границ. В разделе «Нерушимость границ» говорилось: «Государства-участники рассматривают как нерушимые границы друг друга, так и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться и сейчас и в будущем от новых посягательств на эти границы»⁶⁰².

Договор об окончательном урегулировании германских проблем был подписан 12 сентября 1990 г. в Москве министрами иностранных дел ФРГ, ГДР, Франции, Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Правительства ФРГ и ГДР торжественно подтвердили, что с их земли будет исходить только мир, а также отказались от производства, владения и распространения оружия массового уничтожения. Объединенная Германия окончательно признала нерушимость всех послевоенных границ.

Вот так был решен вопрос о Восточной Пруссии...

После распада СССР некоторые юристы, историки и политики Германии, Польши и Литвы, выражая, впрочем, свою личную точку зрения и настроения отдельных националистически настроенных групп, все чаще ставят под сомнение правомочность международно-правовых актов, касающихся судьбы Кенигсберга и прилегающего к нему района. Фактически делаются попытки ревизовать итоги второй мировой войны. Думается, что это не очень полезное занятие для развития добрососедства, партнерства и сотрудничества между Россией и указанными странами.

